

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 514. Май

• ФИЛОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 514. May

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Андрейчук К.Р.** Между Ницше и Достоевским: пьесы «Пария», «Преступление и преступление» и роман «Чандала» А. Стриндберга 5
- Баль В.Ю.** Сюжет «возвращения в рай из ада» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем 16
- Замятина А.О.** Структура и функции «коммерческих» колоративов в интернет-каталогах косметических продуктов 25
- Иванкова К.С.** Экспериментальное исследование гендерно обусловленных различий в восприятии русских эмоциональных глаголов 33
- Каминский П.П.** «От человека к человечеству»: философская рефлексия природы человека в публицистике Сергея Залыгина 46
- Марков А.В.** Аверинцев и Гоголь: исследование истоков антиномизма русского модерна 56
- Назаренко И.И.** Трансформация дантовских образов и сюжета в романе Н. Оцуна «Беатриче в аду» 65

ИСТОРИЯ

- Казакова-Апкаримова Е.Ю.** «Голос самой жизни»: уральские делегаты на всероссийских общественных съездах начала XX столетия (социокультурный аспект) 72
- Кирюшин К.Ю., Бородаев В.Б., Толпеко И.В.** Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 (одна из версий историко-культурной реконструкции) 80
- Китова Л.Ю., Ганенок В.Ю.** Истоки и этапы формирования научной археологической школы в Томске 88
- Лизогуб А.С.** Память о войнах и национальное строительство Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в. 95
- Медведь А.Н.** Законодательные нормы Соборного Уложения 1649 г. в сфере регулирования мельничного дела в Московском государстве 104
- Миролюк С.А.** Деятельность лидера Первой Португальской республики Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г. в еженедельных отчетах Форин-офиса Великобритании 111
- Савельева А.С.** Элементный состав бронз из курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I: завершение исследований металла из погребений сарагашенского этапа тагарской культуры (по материалам раскопок А.И. Мартынова 1969 г. в Ачинско-Мариинской лесостепи) 121
- Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А.** Расследование дел о покушениях на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Тверской, Ярославской и Тобольской губерний) 129

ПЕДАГОГИКА

- Акопянц А.М., Елкин В.В.** Лингводидактические особенности применения технологий искусственного интеллекта в обучении и усвоении иностранного языка 138
- Иванова А.С., Савченко У.А., Фещенко А.В., Чечихина А.Н.** Потенциал искусственного интеллекта в контексте педагогики совместной деятельности 151
- Власова Ю.А.** Клубная система в высшей школе: образовательные возможности, организация, перспективы 159
- Козлова О.В., Герцен С.М.** Время говорения студентов и преподавателя вуза на иностранном языке: сбалансированное отношение при личностно-ориентированном подходе 166

CONTENTS

PHILOLOGY

- Andreichuk K.R.** Between Nietzsche and Dostoevsky: The plays *Paria* and *Brott och brott*, and the novel *Tschandala* by August Strindberg 5
- Bal V.Yu.** The plot of "return to heaven from hell" in Vladimir Sharov's novel *Return to Egypt*: A dialogue with Gogol 16
- Zamyatina A.O.** Structure and functions of "commercial" color terms in online catalogs of cosmetic products 25
- Ivanova K.S.** An experimental study of gender-related differences in the perception of Russian emotional verbs 33
- Kaminskiy P.P.** "From Human to Humanity": Philosophical reflection of human nature in the essays of Sergey Zalygin 46
- Markov A.V.** Averintsev and Gogol: Exploring the origins of Modern-Style Russian Literature antinomies 56
- Nazarenko I.I.** Transformation of Dante's images and plot in Nikolai Otsup's novel *Beatrice in Hell* 65

HISTORY

- Kazakova-Apkarimova E.Yu.** "The voice of life itself": Ural delegates at the all-Russian public congresses of the early 20th century (a sociocultural aspect) 72
- Kiryushin K.Yu., Borodaev V.B., Tolpeko I.V.** Neolithic burial of a child at the Ust-Aleyka-5 burial ground (one of the versions of the historical and cultural reconstruction) 80
- Kitova L.Yu., Ganenok V.Yu.** Origins and stages of the formation of a scientific archaeological school in Tomsk 88
- Lizogub A.S.** The memory of wars and national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the 20th century 95
- Medved A.N.** Legislative norms of the Sobornoye Ulozhenie 1649 in the sphere of regulation of the mill business in the Moscow State 104
- Mironiuk S.A.** Activities of Sidónio Pais, the leader of the First Portuguese Republic in December 1917 – May 1918 in the weekly reports of the British Foreign Office 111
- Savelieva A.S.** Elemental composition of bronzes from kurgans 3, 4 and 5 of the Serebryakovo I burial ground: Completion of the study of metal from burials of the Saragashen stage of the Tagar culture (based on materials from the 1969 excavations by A.I. Martynov in the Achinsk-Mariinsk forest-steppe) 121
- Spichak A.V., Vanyushina O.V., Krivosheeva Yu.A.** Investigation of cases of attempted murder of a spouse in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Tver, Yaroslavl and Tobolsk provinces) 129

PEDAGOGICS

- Akopyants A.M., Elkin V.V.** Linguodidactic peculiarities of using artificial intelligence technologies in teaching and learning a foreign language 138
- Ivanova A.S., Savchenko U.A., Feshchenko A.V., Chechikhina A.N.** The potential of artificial intelligence in the context of collaborative pedagogy 151
- Vlasova Yu.A.** Club system in higher education: Educational opportunities, organization, prospects 159
- Kozlova O.V., Gertsen S.M.** Student and teacher talking time in a foreign language in a university: Balanced correlation in the learner-centered approach 166

Пеньков Б.В., Агафонова Л.И. Эмпирическое исследование влияния инструментов ИИ на преподавание и изучение английского языка	173
Сергеева Н.Н., Копылова Е.В. Междисциплинарная интеграция как средство формирования иноязычных лексических навыков у студентов неязыкового вуза (направление подготовки «Ландшафтная архитектура»)	182

ПРАВО

Агабекян А.Л., Исаков В.С., Ольховик Н.В. Взаимодействие субъектов исполнительной пробации (часть 1)	195
Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Место в системе права и опыт структурного анализа нормативной основы правотворческих отношений	205
Грушин Ф.В. Перспективы развития предмета уголовно-исполнительного права	212
Демидов Н.В. Прогрессивная модель фабрично-заводского законодательства Сергея Васильевича Зубатова	219
Исаева А.А. Тенденции конституционного развития в XXI в.: российский и зарубежный опыт	224
Смушкин А.Б. Датацентризм как основа цифровой трансформации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений	234

Penkov B.V., Agafonova L.I. Empirical study of the impact of AI tools on the teaching and learning of the English Language	173
Sergeeva N.N., Kopylova E.V. Interdisciplinary integration as a means of developing foreign language lexical skills in students of a non-linguistic university (training program "Landscape Architecture")	182

LAW

Agabekyan A.L., Isakov V.S., Olkhovik N.V. Interaction of subjects of executive probation (part 1)	195
Bulgakov V.V., Bulgakova D.V. The normative basis of law-making relations: Place in the legal system and experience of structural analysis	205
Grushin F.V. Prospects for the development of the subject of penal enforcement law	212
Demidov N.V. Progressive model of factory legislation by Sergei Vasilyevich Zubatov	219
Isaeva A.A. Constitutional development trends in the 21st century: Russian and foreign experience	224
Smushkin A.B. Datacentrism as the basis for the digital transformation of crime detection, investigation and prevention	234

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.113.6, 821.161.1, 821.112.2
doi: 10.17223/15617793/514/1

Между Ницше и Достоевским: пьесы «Пария», «Преступление и преступление» и роман «Чандала» А. Стриндберга

Ксения Руслановна Андрейчук¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, enantiosemia@yandex.ru

Аннотация. Анализируются произведения А. Стриндберга (пьесы «Пария», «Преступление и преступление» и роман «Чандала») с точки зрения рецепции в них творчества Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше. Привлекаются письма Стриндберга, в том числе не переведенные и, таким образом, не введенные в отечественный дискурс. Подчеркивается влияние на пьесы Стриндберга теоретических высказываний Ницше о драме и впервые указывается на роль поэтики романов Достоевского в формировании теории драмы и художественного языка Стриндберга. Выделяются основные темы творчества Стриндберга, в которых он наследует Ф.М. Достоевскому и Ф. Ницше. Выстраивается эволюция восприятия Стриндбергом идей двух упомянутых авторов и их синтеза.

Ключевые слова: А. Стриндберг, Ф. М. Достоевский, Ф. Ницше, «Пария», «Преступление и преступление», «Чандала», рецепция

Для цитирования: Андрейчук К.Р. Между Ницше и Достоевским: пьесы «Пария», «Преступление и преступление» и роман «Чандала» А. Стриндберга // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/514/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/1

Between Nietzsche and Dostoevsky: The plays *Paria* and *Brott och brott*, and the novel *Tschandala* by August Strindberg

Kseniia R. Andreichuk¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, enantiosemia@yandex.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze the simultaneous influence of Fyodor Dostoevsky and Friedrich Nietzsche on the works of August Strindberg (the plays *Paria* and *Brott och brott*, and the novel *Tschandala*). The issue being addressed stems from the fact that the works of both Dostoevsky and Nietzsche gained popularity in Sweden and attracted Strindberg's attention simultaneously – in the 1880s. In Strindberg's works from this and the following decade, references to the ideas of Nietzsche (on religion, Aryans and pariahs, the personality of the criminal) and Dostoevsky (on thought-crime, the possibility of spiritual rebirth) and his characters – Rodion Raskolnikov (on "the extraordinary" and "the ordinary") and Ivan Karamazov (on religion) – are not always distinguishable at first glance. For the first time, the play *Paria* is analyzed from the perspective of Dostoevsky's influence; the novel *Tschandala* and the play *Brott och brott* are examined more comprehensively, drawing on Strindberg's correspondence and his critical statements. For the first time, the influence of not only Dostoevsky's themes and ideas but also his poetics on Strindberg is indicated. The dramatic work of the Swedish classic was influenced, on the one hand, by Nietzsche's theoretical statements about the event as the basis of drama (a topic analyzed in foreign research), and on the other hand, by the poetics of Dostoevsky's novels with their idea-driven characters and conflicts developed through dialogue (a previously unexplored topic). The article also examines the history of Strindberg's acquaintance with the works of Dostoevsky and Nietzsche within the context of their reception in Scandinavia. Strindberg's views on Nietzsche are compared with the positions of Ola Hansson and Georg Brandes (popularizers of the German philosopher in Scandinavia), while his views on Dostoevsky are compared with the Russian writer's reception by authors of so-called "criminal literature" (members of the "Young Sweden" group) and by the same Georg Brandes, who introduced Scandinavians to Russian literature through his lectures and essays. Through an analysis of the literary texts of the three authors, as well as the letters of Strindberg and Nietzsche, the author of the article traces the evolution of Strindberg's reception of the Russian writer and the German philosopher: from an exclusively positive, almost imitative attitude towards Nietzsche and an interested, yet not wholly enthusiastic view of Dostoevsky (which included criticism of the artistic features of his texts and a rejection of his spiritual quests) towards a partial adoption of features of Dostoevsky's poetics and character development, and a revision of his views on works of Nietzsche (who, nevertheless, remained Strindberg's idol). This study complements and complicates the existing research picture of Strindberg's separate receptions of Dostoevsky and Nietzsche, emphasizing

the importance of the synthesis of these influences in the creation of Strindberg's unique artistic language. It contributes to the study of cultural reception mechanisms, demonstrating how new artistic trends emerge as a synthesis of ideas originating from different cultures.

Keywords: A. Strindberg, F. M. Dostoevsky, F. Nietzsche, "Paria", "Brott och brott", "Tschandala", reception

For citation: Andreichuk, K.R. (2025) Between Nietzsche and Dostoevsky: The plays *Paria* and *Brott och brott*, and the novel *Tschandala* by August Strindberg. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/1

Введение

Восьмидесятые годы XIX в. в Швеции стали периодом активного интереса как к Достоевскому, так и к Ницше. О них обоих читал в это время лекции известнейший датский критик Георг Брандес, буквально открыв для Швеции Достоевского и – вместе со шведским писателем Улой Ханссоном – Ницше [1. S. 421–425] (при этом для Фридриха Ницше Брандес открыл Стриндберга [2. S. 185–186]).

Известность Ницше в Скандинавии предшествовала популярности на родине. Если Г. Брандес в своих лекциях и эссе подходил к Ницше с точки зрения пусть и крайне благожелательного, но критика, то позицию Улы Ханссона можно было бы охарактеризовать как восторженное поклонение [3. S. 31–40]. Восприятие Ницше обоими авторами, а также фон рецепции – дискуссия о реализме между Г. Брандесом и Г. Бангом – подробно описаны в книге М. Штерна [3. S. 31–132].

О переводах, критической и литературной рецепции Достоевского в 1880-е гг. мы подробно пишем в цикле статей «Ранняя рецепция творчества Ф.М. Достоевского в Швеции (1880-е годы)» [4, 5]. Отметим лишь, что эти годы отмечены беспрецедентным количеством изданий русской литературы, в частности Ф.М. Достоевского, большим количеством хвалебных отзывов (в основном от группы реалистической направленности «Молодая Швеция»), театральными постановками. Достоевский оказался интересен Швеции, с одной стороны, как представитель России (шведов чрезвычайно интересовали политические и общественные изменения в России того времени, в частности нигилизм), а с другой – как психолог преступления. В Швеции этих лет можно отметить «встречное течение» – популярность так называемой криминальной литературы, вдохновленной идеями Ч. Ломброзо об изначальной предрасположенности отдельных людей к преступлению, а также литературным опытом изображения преступления и его причин у Э. По и Э. Золя. Образы и идеи, очевидно почерпнутые в «Преступлении и наказании», переведенном на шведский в 1883–1884 гг., появлялись в рассказах и романах Г. аф Гейерстама, В. Бенедиктссона и У. Ханссона. Помимо «Преступления и наказания», к 1889 г. были переведены на шведский и изданы полностью романы «Бедные люди», «Подросток», «Игрок», «Записки из Мертвого дома», в сокращении – «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорбленные», а также некоторые повести и рассказы.

То, что период знакомства А. Стриндберга как с романами Ф.М. Достоевского, так и с произведениями Ф. Ницше пришелся на оно и то же десятилетие, определило присутствие в произведениях крупнейшего

шведского писателя Августа Стриндберга, расцвет творчества которого начался как раз с 1880-х гг., дискуссии с идеями двух авторов – и, бесспорно, влияния обоих, не всегда различного, тем более что Ницше и сам читал Достоевского как раз в 1887–1888 гг. [6. С. 210–232]. Целью данной статьи является попытка проанализировать переплетение идей и тем Достоевского и Ницше в произведениях Стриндберга «Пария», «Преступление и преступление» и «Чандала», а также рассмотреть влияние поэтики Достоевского и взглядов на теорию драмы Ницше на творчество шведского писателя.

Теме «Достоевский и Ницше» посвящено большое количество исследований – от классического сочинения Л. Шестова «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» [7] до многочисленных современных работ, как отечественных [8–11], так и зарубежных [12–15], впрочем, тему вряд ли можно считать исчерпанной.

С Ф. Ницше Стриндберг в 1888–1889 гг. вел переписку на французском и отчасти латыни (двух писателей порекомендовал друг другу как близких по духу критик Г. Брандес в своих письмах [16]). Кроме того, Стриндберг не раз [17. S. 210; 18. S. 44; 19. S. 4] упоминал Ницше в своих сочинениях, а в письмах советовал своим знакомым читать его труды (например, в письме К. Висселлю от 13 октября 1888 г. [20. S. 139], но не только). Вероятно, отчасти поэтому тема «Стриндберг и Ницше» также не осталась незамеченной исследователями.

В России выборка из семи писем, в основном коротких записок, которыми обменялись Стриндберг и Ницше, была опубликована в переводе и с комментарием И.А. Эбаноидзе [16]. Не переведенным на русский осталось одно из писем Стриндберга, от 27 декабря 1888 г., в котором Стриндберг благодарит Ницше за присланную книгу «Генеалогия морали», называет ее «грандиозной» и просит Ницше обратить внимание на созвучную этой книге новеллу самого Стриндберга «Муки совести» 1884 г. [20. S. 210].

За рубежом еще в 1921 г. вышло в свет немецкоязычное исследование К. Штрекера «Ницше и Стриндберг» [21], основой для которого также стали публикация и комментарий их переписки. Дискуссия на тему продолжалась весь XX в. [22–24]. Среди современных работ следует отметить книгу М. Штерна «Океан Ницше, открытое море Стриндберга» [3], первая часть которой посвящена рецепции Ницше в Скандинавии, а вторая – обсуждению возможности влияния Ницше на Стриндберга и компаративному анализу их творчества. Важный ракурс темы «Ницше и Стриндберг» – влияние немецкого философа на новую драму – открыт в статье Д. Корнхейбера [25] (это тем более интересно тем, что в отечественном литературоведении изучается вопрос влияния Стриндберга на новую

драму в России [26], а вопросу места драмы в романах Достоевского посвящено множество исследований, начиная от трудов Вяч. Иванова [27] и М. Бахтина [28]).

Нам представляется необходимым изучение влияния на Стриндберга Ницше и Достоевского в совокупности, анализ переплетения их идей в творчестве шведского писателя конца 1880–1890-х гг. В таком ракурсе проблема ставилась только советским исследователем русско-скандинавских литературных связей Д.М. Шарыпкиным [29, 30], выводы которого могут быть уточнены при анализе не рассматриваемых им работ Стриндберга (эссе «Мое отношение к Ницше», пьесы «Пария», полной переписки) и введении новой темы – влияния Ницше и Достоевского на теорию драмы Стриндберга. Кроме того, даже рассмотренные Шарыпкиным интересные нас произведения (роман «Чандала», пьеса «Преступление и преступление») в современном отечественном литературоведении не становятся объектом внимания, а в зарубежном становятся очень редко [31, 32]. Вопрос влияния Достоевского на Стриндберга, даже без связи с Ницше, остается малоизученным. За исключением работ Д.М. Шарыпкина, подробного анализа удавалось лишь отдельные связанные с творчеством Достоевского мотивы в работах Стриндберга [33].

В данной статье пьеса А. Стриндберга «Пария» впервые будет рассмотрена в свете влияния на нее Ф.М. Достоевского, а пьеса «Преступление и преступление» и роман «Чандала», на связь которых с творчеством Ницше и Достоевского указывалось ранее, будут проанализированы более детально и с привлечением не освещенных ранее критических и эпистолярных высказываний Стриндберга. Впервые будет выдвинута гипотеза о влиянии поэтики Достоевского на теорию драмы и художественный язык Стриндберга и сделана попытка доказательства этой гипотезы. Также мы попытаемся переосмыслить эволюцию творчества Стриндберга 1880–1890-х гг. в контексте этапов его почти одновременного увлечения двумя знаковыми для конца XIX в. авторами.

Знакомство Стриндберга с творчеством Достоевского и Ницше

Стриндберг начал знакомиться с творчеством Достоевского не позднее 1885 г., когда Биргер Мёрнер прислал ему свой перевод романа «Бедные люди», сделанный через датский (Стриндберг благодарит его в письме от 19 ноября 1885 г.) [34. S. 209]. К 1888 г. Стриндберг прочитал и «Преступление и наказание», о чем сообщал в письме к Э. Брандесу от 4 октября 1888 г. [20. S. 130–131]. Толстого и Достоевского Стриндберг упоминает в более поздней статье «Что такое Россия?» (*Vad är Ryssland?*, 1892): «Прочтите сочинения Толстого, романы Достоевского, если вы еще не читали их, и вы обнаружите там молодость нации, страну новую и девственно юную» (здесь и далее перевод мой. – К.А.) [35. S. 317]. Из этого можно заключить, что ценность Достоевского Стриндберг, как и его соотечественники и современники, видел только в репрезентации России, однако художественное творчество Стриндберга, как мы постараемся показать, демонстрирует и осмысление идей Достоевского.

Как уже говорилось, благодаря Г. Брандесу между Ницше и Стриндбергом завязалась переписка, из которой следует, что шведский писатель читал как минимум два произведения немецкого философа – «Ессе Номо» [36] и «Генеалогию морали» [20. S. 210].

Из упоминания концепции «*Übermensch*» в автобиографических книгах «*Inferno*» [17. S. 210] и «*Легенды*» [18. S. 44] очевидно, что Ницше к 1896–1897 гг. был знаком и с идеями книги «Так говорил Заратустра». В других своих произведениях Стриндберг упоминает также «волю к власти» [19. S. 4]. На то, что Стриндберг читал «Сумерки идолов», указывает и прямая цитация в романе «Чандала», о которой еще пойдет речь. Г. Брандес сообщает в письме Ницше от 6 октября 1888 г., что отправил Стриндбергу «Случай Вагнера» [37. S. 315]. В наследии Стриндберга есть и много других упоминаний Ницше и, безусловно, осмысление его идей, поэтому некоторым лукавством представляется его короткое эссе 1894 г. «Мое отношение к Ницше», в котором Стриндберг утверждает, что самую известную книгу Ницше – «Так говорил Заратустра» – он никогда читал, а в произведениях, написанных до знакомства с творчеством Ницше (в том числе драме «Отец» и романе «Жители Хемсё») независимо от Ницше выразил собственную позицию, которую позднее стали называть ницшеанской. Вместе с тем он замечает, что влияние Ницше можно проследить в его пьесе «Фрекен Юлия» и романе «Чандала», в которых «моя <Стриндберга> новая точка зрения нашла поддержку в книгах «Происхождении добра и зла» (1886), «К генеалогии морали» (1887), «Человеческое, слишком человеческое» и «Сумерки богов» (1889)» [38. S. 104]. Холодность этого эссе контрастирует с высказываниями Стриндберга в письмах. В год написания известнейших драм «Фрекен Юлии» и «Кредиторы» и романа «Исповедь безумца» и за год до создания рассматриваемых нами пьесы «Пария» и романа «Чандала» он сообщает Э. Брандесу: «В утробу моей духовной жизни изверглось семя Фридриха Ницше, так что теперь я чувствую себя таким наполненным, как будто в животе у меня подушка» [20. S. 112].

Ницше, Достоевский и стриндберговская драма

Уже делались попытки рассмотреть новаторские драмы А. Стриндберга (вместе с драмами Ю. О’Нила и Б. Шоу) в контексте их связи с переосмыслением театра Фридрихом Ницше, в основном в работах «Рождение трагедии из духа музыки» и «Случай Вагнера» [3, 25]. Между тем в указанных работах рассматриваются в основном «Фрекен Юлия» (с предисловием) и «Отец», в которых Стриндберг (и сам Ницше) [36] увидел сходство с ницшевскими идеями о театре ретроспективно: он получил от Г. Брандеса сочинение Ницше «Случай Вагнера» уже после их написания (читал ли Стриндберг «Рождение трагедии из духа музыки», установить не удалось).

В написанном Стриндбергом вскоре после прочтения «Случая Вагнера» манифесте «О современной драме и современном театре» очевидно влияние Ницше: «Драма на древнегреческом языке может быть означала событие, а не действие, или то, что мы называем сознательной интригой».

Жизнь проходит, собственно, отнюдь не столь закономерно, как построенная драма, и сознательным интриганам в столь крайне редких случаях удается выполнить свои планы в мелочах, что мы утратили веру в этих лукавых крючкотворцев, которые беспрестанно управляют человеческой судьбой, и театральным фокусником этой своей сознательной ложью только вызывает у нас улыбку, как всякий лжец» [39. Т. 1. С. 19–20]. Ср. с примечанием Ницше в «Казусе Вагнера», где он критикует Вагнера за то, что тот стремится к ярким сценам с активным действием, и уже исходя из них создает характеры: «Было истинным несчастьем для эстетики, что слово “драма” всегда переводили словом “действие”. Не один Вагнер заблуждается в этом; заблуждаются еще все; даже филологи, которым следовало бы знать это лучше. Античная драма имела в виду великие сцены пафоса – она исключала именно действие (переносила его до начала или за сцену). Слово “драма” дорического происхождения, и по дорическому словоупотреблению оно означает “событие”, “историю”, оба слова в гегертовском смысле. Древнейшая драма представляла местную легенду, “священную историю”, на которой покоилась основа культа...» [40. С. 541].

С позиций Ницше Стриндберг отзывается о романе Достоевского «Преступление и наказание». Стриндберг, вспоминая «Преступление и наказание» в письме Э. Брандесу от 4 октября 1888 г., начинает говорить о драме (впрочем, возможно, что Стриндберга также заинтересовала сценическая постановка «Преступления и наказания» в парижском «Одеоне» в сентябре 1888 г.): «Прочитал Раскольникова (первые шведские переводы «Преступления и наказания» носили название «Raskolnikow». – К.А.)! Хорошо, но не Диккенс! Сознательные интриги! Никаких характеров: все говорит одинаково. Ницше, как и я, не верит в действие в драме! Только события!» (далее Стриндберг опять объясняет древнегреческое значение слово «драма» и ставит в пример драмы свою пьесу «Кредиторы») [20. S. 130–131].

Любопытнейшим материалом для изучения влияния Ницше и Достоевского на стриндберговскую драму нам представляется пьеса «Пария», написанная в 1889 г., вскоре после знакомства Стриндберга с некоторыми работами немецкого и русского авторов. Тем более интересно, что эта пьеса написана на основе одноименного рассказа Улы Ханссона – заядлого ницшеанца. То есть пьеса Стриндберга – пример того, как Стриндберг применил теорию драмы Ницше к пропитанному идеями Ницше прозаическому материалу и модифицировал идейную составляющую этого материала, в том числе, как нам представляется, под некоторым воздействием Достоевского.

Для понимания дискуссионной составляющей этой драмы важен контекст представлений о преступлении и преступнике в Швеции 1880-х гг. На «криминальную литературу», упомянутую в начале статьи, влияют Э. По, натурализм Золя и, главное, представления Ч. Ломброзо о врожденной, отраженной во внешности, предрасположенности к преступлению у некоторых людей. Шведские авторы (В. Бенедиктссон, Г. аф Гей-

ерстам) в своих рассказах о нарушителях закона обязательно дают традиционное, основанное на Ломброзо, описание внешности преступника [5]. Стриндберг был приверженцем этих представлений: в его рассказе «Преступник» (En brottsling, 1888) юрист и врач выявляют истинного преступника на основании особенностей черепа (подробнее останавливаться на этом рассказе не имеет смысла, так как в этом детективном методе и состоит вся его суть).

Представления Ч. Ломброзо и критика Ницше М. Нордау стали камнем преткновения в спорах Стриндберга с Ницше и его последователем У. Ханссоном. Стриндберг в первом же письме Ницше говорит: «...несмотря на Ваш свободный ум, Вы обманываетесь касательно этого преступного субъекта. Взгляните на сотни фотографических снимков, иллюстрирующих тип ломброзовского преступника, и признайте, что мошенник – это существо низшего порядка, дегенерат, слабоумный, лишенный элементарных умственных способностей, которые позволили бы ему усвоить параграфы закона и понять, что они являются мощным препятствием на пути его воли к власти» [16].

Отличный от точки зрения Ницше и Ханссона взгляд Стриндберга на преступника проявился и в пьесе «Пария» 1889 г. В рассказе «Пария» Ханссон представляет преступника с типичной ломброзовской внешностью: «У него были редкие светлые волосы, лоб – почти неестественно высоким, а губы – ярко-красными» [41. S. 90], однако преступление (подделка векселя) было, по словам самого нарушителя, слова которого нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить, совершенно в сомнамбулическом состоянии, по велению загадочных сил души. Случай был раскрыт, и герой понес наказание, от несправедливости которого страдал долгие годы, и только недавно наконец смирился – стал считать, что он сам себе хозяин и судья, от боли несправедливости только развившийся как личность. Последнее утверждение, очевидно, навеяно представлениями Ницше о преступнике, как человеке, восставшем против общества, и тем самым в некоторых случаях даже проявившем мужество. Но всё же апология преступления у Ханссона смягчена тем, что подделка векселя была совершена в сомнамбулическом состоянии (здесь Ханссон следует за другим трендом тех лет – психологическими учениями В. Вундта и И. Бернхейма).

Текст рассказа Ханссона представляет собой почти полностью монолог героя, обращенный к рассказчику. Стриндберг в своей пьесе делает из несущественного для сюжета и идеи ханссоновского рассказчика полноценного персонажа. Между тем и этот новый персонаж, и персонаж-наследник ханссоновского главного героя не имеют, по сути, характеров – они даже названы обезличенно, господами X и Y. В отличие от героев, например, «Фрекен Юлии», герои стриндберговской пьесы «Пария» представляют, на наш взгляд, идеи, как и герои Достоевского, а их конфликт, как и у Достоевского, воплощается в диалоге.

Герои представляют собой разные типы преступников. Один из героев – господин Y – сходен с главным

героем у Ханссона. У него та же профессия (энтомолог), он тоже вернулся на родину, прожив в Америке пятнадцать лет. Вместо неприметного ханссоновского рассказчика у Стриндберга шведский археолог (господин Х). С самого начала, еще до первого диалога в пьесе, становится понятно, что господину Y есть что скрывать: он вздрагивает, когда в комнату входит господин Х. Они сразу начинают обсуждать, можно ли оправдать археолога, если он заберет себе найденное в земле золото. Сам археолог, господин Х, считает, что у него на это не хватило бы храбрости, но он мог бы защищать в суде человека, который украл бы из зависти и честолюбия, «как коллекционер, как человек науки или как честолюбец, стремящийся во что бы то ни стало сделать открытие» [39. Т. 2. С. 125], но не того, кто украл из нужды, чтобы прокормить себя. Далее господин Х объясняет, что считает свою неспособность к воровству слабостью, а не добродетелью. Таким образом, Стриндберг, с одной стороны, представляет несостоявшегося нищенского преступника, восставшего против общества, а с другой – ссылается на «идейное» преступление в духе Раскольникова (на которое герой все же не решается).

Другой тип преступника представляет господин Y. Господин Х, обсуждая двойственность наружности господина Y, говорит, что ему видится у господина Y, спереди кажущегося «добродушным честным малым» [39. Т. 2. С. 125], клеймо на спине – энтомолог Ханссона тоже сам говорит о себе как о «клейменном». Также, в полном соответствии с веяниями Ломброзо, господин Х любопытствует, к какой расе принадлежит его собеседник, у которого такой узкий череп на уровне ушей. Он вспоминает своего знакомого, милого и обходительного «блондина с выпуклыми глазами», в котором была такая же двойственность и который совершил подлог, говоря, что не стал с ним общаться после преступления, потому что тот не понес наказания: «Видишь ли, Христос требовал всепрощения, а я проповедую наказание, как необходимое условие для восстановления равновесия, или называй это как хочешь. И ты, как сидевший в тюрьме, должен понимать это лучше, чем другие» [39. Т. 2. С. 132]. Господин Y не рассказывал господину Х, что он сидел в тюрьме, господин Х понимает это сам, поскольку господин Y отказывался писать свое имя и избегал поездки в город Мальмё, хотя любил смотреть издали на его крыши.

Господин Y решает, что господин Х теперь презирает его, целует протянутую ему для рукопожатия в знак уважения руку и начинает говорить господину Х «Вы». Господин Х интересуется, как, отбыв наказание, можно продолжать чувствовать себя ущемленным в правах. Господин Y рассказывает историю подделки векселя, совершенной в сомнамбулическом состоянии – как было в рассказе Ханссона.

Если у Ханссона главный герой, энтомолог, и так не чувствует себя виноватым, то в пьесе Стриндберга соответствующего персонажа – господина Y – господин Х пытается убедить в том, что он не должен чувствовать себя виновным, потому что, во-первых, преступление было совершено в невменяемом состоянии,

а во-вторых – потому что за преступление было понесено наказание. После некоторых колебаний он рассказывает историю своего убийства, за которое он не чувствует себя виноватым, так как, по его мнению, убийство было нечаянным: он дал подзатыльник задремавшему старику-кучеру и не стал на себя доносить, так как у жертвы не было семьи, а жизнь и свобода самого господина Х «необходима для счастья родителей». Стриндберг сопоставляет два преступления, потому что по закону за подделку векселя полагалось то же наказание, что и за убийство без умысла – два года тюрьмы.

Господин Y чувствует неприязнь к убийце, не понесшему наказания, и господа спорят о том, было ли это убийство просто несчастием или же преступлением. Господин Y предлагает господину Х искупить свою вину, выплатив денежный штраф ему самому, нуждающемуся в деньгах для продолжения научных изысканий, проще говоря, шантажирует его. Господин Х выражает готовность донести на самого себя и замечает, что господин Y просто вор, укравший из нужды, а историю о сомнамбулическом состоянии он вычитал из книги Бернгейма, стоявшей в шкафу у господина Х. Окончательную моральную победу одерживает господин Х, когда говорит, что шантажировать его господин Y не сможет, так как сидел, судя по описаниям, не в шведской, а американской тюрьме, то есть сам не отбыв наказания за подделку векселя. Господин Y не может угрожать ему даже тем, что расскажет все его жене, потому что жена, еще будучи невестой господина Х, знала о произошедшем с кучером.

Итак, Стриндберг раскладывает ханссоновского персонажа на двух, представляя тем самым два типа преступников. Их спор становится спором идей, напоминающим разговоры Раскольникова с Порфирием Петровичем: герои стремятся уличить друг друга и для этого углубляются в идейные представления и прошлое собеседника. Казалось бы, моральную победу одерживает господин Х, совершивший нечаянное преступление и не понесший наказания (при этом признающий правомерность идейного преступления, но не готовый на него). Господин Y, по Стриндбергу, слаб не потому, что совершил преступление и, как оказывается к концу рассказа, не понес наказания (он сидел в тюрьме за что-то другое), а потому, что говорит и думает, как преступник. Вместе с тем в уста господина Х Стриндберг вкладывает уточнение: «Сильней ли ты, или слабей меня, этого я не знаю», то есть с точки зрения нищенской морали победитель так не определен. Господин Х и господин Y, не имеющие даже имен, – не столько характеры, сколько противопоставленные психологические абстракции, идеи, благодаря жонглированию которыми (автор не принимает ни одну из точек зрения) Стриндбергу в пьесе удается достичь полифонии, сходной с романами Достоевского.

В свете оценки влияния Достоевского на эту пьесу интересно, что если в рассказе Ханссона события вынесены за скобки повествования в соответствие с высказываниями Ницше о драме, то Стриндберг добавляет действия (в смысле так критикуемой им, в том

числе у Достоевского – см. уже цитировавшееся письмо [20. S. 130–131], «сознательной интриги»!) в происходящее непосредственно на сцене: появляется мотив шантажа и возможность совершения нового преступления – кражи археологических ценностей. По сравнению с рассказом Ханссона, пьеса Стриндберга минималистична (герои даже не выходят за пределы комнаты), конфликт предельно обострен. Впоследствии такую особенность конфликта, выраженную в диалоге, Стриндберг назовет «мозговым поединком».

Разумеется, пьеса Стриндберга «Пария», наряду с «Сильнейшей», испытала влияние не только Ницше и Достоевского, но и экспериментальной сцены парижского Свободного театра. Позднее пьесы «Пария» и «Сильнейшая» стали основой репертуара камерного Интимного театра А. Стриндберга и А. Фалька.

Но разделяет ли Стриндберг убеждения Раскольникова, считая господина X «право имеющим», а господина Y – «тварью дрожащей»? Как Стриндберг относится к «достоевской» мысли о необходимости наказания, вложенной в уста побежденного, глупого господина Y? Когда господин Y высказывает эту мысль, симпатии читателя явно на его стороне, но попытками шантажа и требованием украсть археологическое золото, чтобы заплатить ему выкуп, он дискредитирует себя. Несколько более определенно решает этот вопрос Стриндберг в романе «Чандала».

«Право имеющие» и «твари дрожащие» в романе А. Стриндберга «Чандала»

Перед написанием романа «Чандала» (Tschandala, 1888) Стриндберг читал «Преступление и наказание», видя у Достоевского образец «криминально-психологического романа» [20. S. 130–131]. Проблематика этого романа сходна с проблематикой пьесы «Пария»: само слово «Чандала» и означает «пария». Стриндберг заимствовал это слово у Ницше, а Ницше взял его из индийской кастовой системы, где оно означает низшую касту «неприкасаемых». Со слов Ницше в «Сумерках идолов» Стриндберг цитирует древнеиндийский сборник «Законы Ману», где говорится о чандалах и арийцах [42. С. 179–180; 43. С. 281].

Парией в романе представлен цыган Йенсен, управляющий в доме, в котором снимает жилье за городом преподаватель, магистр Андреас во время каникул. Дом принадлежит опустившей дворянке-пьянице, сделавшей Йенсена своим любовником и господином. Действие происходит в XVII в., и магистр предстает опередившим свое время: он является «тайным последователем картезианской философии» [42. С. 23], скептически относится к королевской власти. Человек хорошо образованный, он развит и физически: крепок, умеет драться со студентами. Его «арийским» чертам противопоставлена внешность парии, «прирожденного преступника», изображенного в соответствии с идеями Ломброзо, – цыгана: «бледное как полотно, лицо <у Ницше “бледный преступник”» [44. С. 38] – преступник, который, возвысившись над обществом путем совершения преступления, опустился снова, начав испытывать угрызения совести. – К.А.> с неправильными,

негармоничными чертами, изборозженное ранними глубокими морщинами – следами пороков и страстей. Резко обрисовывались большие, выпуклые глазные яблоки, и беспокойный взгляд, казалось, стремился проникнуть сквозь опущенные веки» [44. С. 32]. Поведение Йенсена описано как подобоострастное и вместе с тем обманчивое: «Управляющий по отношению к магистру выказывал чисто собачью преданность, как к человеку, от которого можно получать подачки, над которым можно безнаказанно смеяться и которого он в то же время считал в высокой степени бескорыстным и порядочным человеком. Цыган уверял, что любит магистра, и в самом деле относился к нему с почтением, как к существу высшего порядка, обладающему большими познаниями, рассыпающему их кругом целыми пригоршнями, дающему разумные советы, из которых можно извлечь материальную выгоду. Выросши среди бродяг, цыган преклонялся перед человеком, который, по-видимому, был неспособен лгать. Но к его поклонению примешивалась доля сострадания к магистру, как к человеку непрактичному и неспособному разгадать его хитрые планы. Верный своей воровской натуре, цыган не мог сдержаться, чтобы не обманывать своего бескорыстного благодетеля и друга» [42. С. 33].

Магистру Стриндберг приписывает представления своего времени о натуре преступника: «Он не питал злого чувства к этому жалкому человеку. Магистр знал, какое сильное влияние на характер оказывают те условия, в которых человек вырос и воспитался, а также расовые и национальные особенности. Ему было чрезвычайно интересно наблюдать психологию парии, занявшего некоторое положение в обществе, случайно из бедности попавшего в богатство и вступившего в связь с особой, принадлежавшей, как говорили, к старинному дворянскому роду» [42. С. 34]. Очевидно пренебрежительное отношение магистра к цыгану: ему любопытно заглянуть в тайники души «странного человека, стоящего на такой низкой ступени человеческого развития, которую магистру университета нечасто приходится наблюдать в непосредственной близости» [42. С. 51].

Уже в самом начале романа Стриндберг обозначает волновавшую его тему преступления в диалоге между магистром и цыганом: они обсуждают в подробностях, как совершить преступление и не быть пойманным [42. С. 57–61]. Позднее цыган использует знания, полученные от магистра, чтобы украсть и повесить вину на самого магистра.

В другом диалоге магистра (с равным ему по общественному положению и «человеческому развитию» адъюнктом) Стриндберг обсуждает раскольниковскую идею деления людей на «право имеющих» и «тварей дрожащих». Разговор идет от обсуждения монархии: «Если лучший получает в свои руки власть, это дает ему возможность окружить себя достойными людьми. И в этом случае монархия имеет большой смысл», – говорит адъюнкт. Магистр возражает, что монархия имеет смысл, только когда власть захватывает узурпатор: «Такой человек преодолевает множество трудностей и опасностей, и это уже свидетельствует о его высших дарованиях» [42. С. 96–97]. Такая точка зрения имеет явное родство с раскольниковским восхищением Наполеоном.

Конфликт между цыганом и магистром постепенно становится открытым: цыган совершает мелкие кражи, досаждают магистру, заставляя оправдываться за то, чего тот не совершал, просит деньги в долг, пытается запугать. Это приводит к тому, что магистр обдумывает, «как лучше всего уничтожить это вредное животное, чувствовавшее необъяснимое влечение ко злу» [42. С. 126]. Как и Раскольников, он готовит убийство из идейных соображений: он не только «спасет себя от неминуемой гибели», уготованной ему цыганом, но и уничтожит человека, «который, как вредное животное, не только не служил ко благу людей, но был причиной гибели многих» [42. С. 162].

Однако сразу заметно некоторое несоответствие противостояния магистра и цыгана ницшеанской идее благородной борьбы эллина с варваром: магистр думает о том, что цыгана надо уничтожить так, «чтобы не нести никакой ответственности и избежать возможных неприятностей» [42. С. 126]. При этом он сам осознает, что варвар всегда побеждает эллина, «ибо грубее» [42. С. 127]. победить цыгана можно, только если «усвоить себе его грубость, не стесняться в средствах, стараться проникнуть в его тайны, подслушивать у дверей, вызывать его близких на откровенность» [42. С. 127].

Сначала магистр отвергает этот путь: «не в его характере выбирать этот путь, поступать так – значит оскорбить чувство собственного достоинства и потерять всякое уважение к себе» [42. С. 127]. Но постепенно методы «парии» захватывают и благородного магистра, он решает «поставить крест на целых столетиях человеческой культуры, нарушить мир своей души, забыть о собственной чести и достоинстве, пожертвовать уважением к самому себе» [42. С. 163]. Магистру приходит в голову раскольниковская мысль о том, что «его страх убить другого – такая же слабость души, как страх смерти у цыгана» [42. С. 163], и он решает преодолеть этот страх – как перед убийством, так и перед низостью. В духе Раскольникова магистр, отвергая тем самым христианские ценности, рассуждает о том, что причина страха перед убийством – «в идеях о ценности человеческой жизни, о прощении врагам независимо от того, победители они или побежденные, в тех старых наивных предрассудках, которыми всегда пользовались злые люди, чтобы уничтожить великодушного победителя, в мыслях о величии сострадания <...> во всех этих хороших словах о личном достоинстве, об уважении к самому себе и о том, что месть принадлежит одному лишь Богу».

Если сначала только цыган пытается использовать магию – «низкое» средство – чтобы навредить магистру, то в конце к помощи магии, пусть и современной – оптической иллюзии – прибегает и магистр. Он запугивает до смерти цыгана сконструированными с помощью разрисованного фонаря чудовищами, предвзвешенно настроив его разговором на мистический лад (цыгана загрызают собаки, так как принимают его за чужую собаку из-за того, что он, напуганный иллюзиями, стоит на четвереньках и воет).

Таким образом, слова «пария погиб, и победил ариец» [44. С. 179] звучат немного иронично: ариец по-

бедил средствами парии, побоявшись умереть («не погибать же ему из-за того, что он одарен более чуткой душой» [44. С. 162]. При этом он сам понимает, что в подлинной борьбе эллина с варваром эллин должен погибнуть.

Д.М. Шарыпкин считает, что в «Чандале» ответ Стриндберга на вопрос о правомерности преступления ради уничтожения социального зла, воплощенного в одном человеке, таков: «он оправдывает подобное своеволие в высшем смысле, но и указывает на губительные последствия этого поступка для собственного “я” самовластного индивида» [29. С. 164]. На наш взгляд, эти губительные последствия связаны, по Стриндбергу, не с самим фактом убийства, а с использованными «низкими» средствами. В любом случае, раскрытие темы «Преступления и наказания» у Стриндберга диаметрально противоположно Достоевскому: герой не раскаивается (ведь раскаявшийся «бледный преступник» – по Ницше, достоин презрения), да и автор нигде не пишет об отсутствии у человека морального права решать, кому жить, а кому умирать. Вместе с тем сходство с романом Достоевского не только в тематике: «Чандала» – это, как и произведения Достоевского, роман идей.

Интересно, что Стриндберг не называет преступлением поступок магистра («он победил благодаря своему знанию и превосходству над низшей расой. Могло случиться, что и ариец пал бы в борьбе, если бы у него хватило смелости пойти на убийство» [42. С. 179]). Уже в «Чандале» Стриндберга интересует убийство не прямое – пока при помощи вспомогательных средств, а позднее, в конце 1890-х гг. – убийство чисто психологическое, совершенное лишь в мыслях.

«Психологическое убийство» и проблема раскаяния у А. Стриндберга

Тема преступления, волновавшая в шведов в 1880-е гг., продолжает интересоваться их в 1890–1900-е гг., однако трактовка ее меняется. Если в 1880-е гг. шведы обращали внимание прежде всего на причины преступления, создавая впечатление предопределенности преступления для человека с определенными факторами развития: с одной стороны, с недостойными условиями существования, а с другой – с преступной «натурой». С 1890-х же гг. писатели обращаются также к проблеме раскаяния (в 1880-е гг. преступники из шведских произведений никогда не раскаиваются, а с 1890-х гг. вопрос о способности преступника к раскаянию оказывается предметом дискуссии). Помимо Стриндберга, о котором пойдет речь далее, к проблеме раскаяния обращается Сельма Лагерлёф (о влиянии Достоевского на ее трактовку темы см.: [45–49]).

Нам представляется, что это связано в числе прочего с более глубоким прочтением «Преступления и наказания» и вхождением в шведский литературных обиход новых произведений Достоевского, прежде всего романа «Братья Карамазовы».

Во время создания романа «Чандала», о котором говорилось ранее, Стриндберг пишет статью «Духовное

убийство» (или «Психическое убийство», 1887), содержащую навеянную драмой Ибсена «Росмерсхольм» и особенно романами Достоевского размышления о психологических убийствах – вымышленных и реальных (из этой статьи проистекает стриндберговская идея исповеди и «защитительной речи», нашедшая воплощение в романе «Исповедь безумца» 1897 г.). У Достоевского тема задуманного убийства представлена, например, в «Братьях Карамазовых», где, как пишет Фрейд в статье «Достоевский и отцеубийство», не так уж важно, кто именно совершил убийство реальное: виновны все братья, так как все желали смерти отцу. «Братьев Карамазовых» Стриндберг в 1890-е гг. мог читать по-датски. Теме задуманного убийства посвящена его пьеса «Преступление и преступление» («Brott och brott», 1899), название которой иногда переводят как «Борьба и преступление» (например, в постановке Летнего театра Найсая 3 и 4 ноября 2022 г.) На наш взгляд, смысл названия все-таки в сопоставлении двух типов преступлений – реального и психологического, однако понятно, что имелось в виду под словом «борьба» в другом варианте перевода – борьба свободы воли преступника с силами, тянущими его к преступлению.

В этой пьесе Стриндберг, как и Достоевский в своих романах, проследивает психологические предпосылки убийств – правда, не совершенных человеком, но желаемых и в итоге произошедших по воле судьбы. Главные герои совершили «психологическое» убийство, то есть желали кому-то смерти, и она действительно произошла, хотя формально не по их вине. Художник Адольф совершил такое «психологическое» убийство в прошлом, а драматург Мориц совершает во время действия пьесы. «Психологическое» убийство сопоставлено с убийством реальным, но неумышленным, которое совершила подруга сначала Адольфа, а потом Морица Генриетта.

Адольф и Генриетта беседуют о своих страшных тайнах вполне в духе «Преступления и наказания» Достоевского: они, в отличие от магистра в «Чандале», думают о раскаянии. «Каким же образом ты нашел, наконец, покой?» – спрашивает Генриетта Адольфа. Тот отвечает ей, что «сознал свою вину, почувствовал раскаяние, решил себя исправить и наложил на себя покаяние» (покаяние состоит в том, что он избегает радостей жизни). Это звучит очень просто, и Стриндберг сам это видит, заставляя Генриетту вопрошать дальше: «Но как же испытать раскаяние, если совесть молчит, как, например, у меня?» [50. С. 210]. Адольф отвечает, что раскаяние является милостью, которую получает лишь тот, кто ищет.

Всё это очень напоминает Достоевского с тем исключением, что Адольф заявляет о своей нерелигиозности. Стриндберг как будто отвечает Достоевскому с его галерей раскаивающихся грешников, вкладывая в уста Адольфа слова: «Я себе представляю религию между прочим как наказание, потому что только тот становится религиозен, в ком совесть нечиста» [50. С. 210]. В другом месте он говорит о том, что не только религиозным, но и попросту хорошим человеком не может быть тот, кто не оступался: «Тот, кто никогда не

совершил преступления, не может быть добрым человеком. Потому что прощать может только тот, кто сам нуждается в прощении» [50. С. 197–198]. Он рассказывает о своем друге (возможно, о самом себе?), «который всем все прощал и принимал оскорбления и обиды с таким видом какого-то даже удовлетворения, что мы никак не могли себе это объяснить. Наконец, много времени спустя он открыл тайну двумя словами: “Я кающийся”» [50. С. 197–198].

Между тем главный герой, Мориц, пожелавший смерти своему ребенку от прежней подруги, чтобы уйти к новой, приходит именно в церковь в поисках новой жизни, в которой нет места греху. Раскаившись, он заявляет аббату: «Честь – это тень, золото – сухой лист, женщины – опьяняющий напиток. Позвольте же мне укрепиться за ваши священные стены и забыть этот ужасный сон, который продолжался два дня, но показался двумя вечностями» [50. С. 214]. В отличие от Раскольникова, обращение Морица к вере происходит очень быстро, даже, пожалуй, психологически неоправданно быстро.

Заключение

По мнению Д.М. Шарыпкина, Достоевский явился для Стриндберга антагонистом Ницше, причем со временем Стриндберг однозначно предпочел Достоевского [29. С. 158]. Однако, как мы попытались показать, Стриндберг осмыслил Ницше и Достоевского, одновременно восхищаясь обоими (судя по письмам – Ницше даже в большей степени) и парадоксальным образом объединяя их идеи в своем творчестве. Это объединение проявляется в его произведениях через сложное переплетение тем преступления, наказания, свободы воли и духовного обновления.

Анализ ранее не рассмотренных в ракурсе одновременного влияния Ницше и Достоевского произведений (пьесы «Пария») и работ, проанализированных в этом свете недостаточно подробно, без привлечения критических и эпистолярных высказываний Стриндберга (пьесы «Преступление и преступление» и роман «Чандала») позволяет увидеть, как Стриндберг осмысливает идеи обоих авторов, создавая уникальный синтез. Например, образ «право имеющего» из «Преступления и наказания» Достоевского переплетается с ницшеанским представлением о «сверхчеловеке». В романе «Чандала» магистр, воплощающий арийскую личность, не раскаивается в своем намерении убить цыгана-парию, что отсылает к ницшеанской критике христианской морали. В то же время, сам конфликт между магистром и цыганом разворачивается в духе диалогов у Достоевского, где столкновение идей становится основой повествования. Таким образом, Стриндберг не просто противопоставляет Ницше и Достоевского, но и создает новое художественное пространство, где их идеи взаимодействуют продуктивно.

Научная прибавка данного исследования состоит в том, что оно раскрывает механизмы этого взаимодействия, показывая, как Стриндберг адаптирует философские концепции, теоретические высказывания о литературе и поэтике Достоевского и Ницше для решения собственных художественных задач. Например, в пьесе «Пария» он исследует поднимаемые Ницше

темы и отталкивается от теории драмы Ницше, одновременно вводя элементы полифонического диалога, характерные для Достоевского. Герои этой пьесы, господа Х и Y, представляют собой не столько характеры, сколько абстрактные идеи, сталкивающиеся в диалоге. Этот подход демонстрирует, как влияние Достоевского и Ницше трансформируется в творчестве Стриндберга, создающего новую форму драматического конфликта.

В более поздних произведениях, таких как пьеса «Преступление и преступление», Стриндберг углубляет осмысление темы раскаяния, обращаясь к духовным поискам, характерным для Достоевского, но при этом всё ещё находясь и под влиянием Ницше. Так, главный герой пьесы, Мориц, быстро обращается к религии, но его решение психологически не мотивировано, что подчеркивает внутренний конфликт между ницшеанским отрицанием традиционных ценностей и стремлением к искуплению, свойственным героям Достоевского.

Исследование может быть продолжено за счет анализа автобиографических книг «Ад» («Inferno», 1897) и «Легенды» («Legender», 1897), где герой Стриндберга решает отвергнуть не только зло и ложь, но и религию, несущую несправедливость и жестокость. Эта позиция во многом созвучна взглядам Ивана Карамазова и Ницше. В пьесе-трилогии «На пути в Дамаск» («På vägen till Damaskus», 1898–1901) появляются образы, которые можно возвести как к работам Ницше (главный герой с замашками «сверхчеловека»), так и к

произведениям Достоевского (фигура искusstителя, сопоставимая с чертом из «Братьев Карамазовых»).

Таким образом, парадоксальное объединение идей Ницше и Достоевского в творчестве Стриндберга позволяет увидеть новые грани его произведений. Это исследование дополняет существующие работы, показывая, что влияние обоих мыслителей на Стриндберга нельзя свести к простому противопоставлению. Напротив, их идеи становятся источником творческого синтеза, который формирует уникальный художественный язык шведского писателя.

Результаты данного анализа способствуют более глубокому пониманию не только творчества Стриндберга, но и универсальных механизмов культурной рецепции, когда противоречивые философские концепции порождают новые смысловые конфигурации. По результатам исследования можно предложить дополнение к пониманию эволюции творчества Стриндберга: возможно, переход от натуралистического к символистскому и мистическому периоду его творчества был связан, в числе прочего, с растущим влиянием на него Достоевского и пересмыслением идей Ницше под влиянием творчества русского автора.

Поскольку Стриндберг стоял в авангарде литературы своей страны, его понимание философских идей и адаптация писательских стратегий русского и немецкого авторов отчасти определили и их восприятие всей шведской литературой.

Список источников

1. Fambrini A. Ola Hansson und Georg Brandes: Einige Bemerkungen über die Erste Rezeption Nietzsches // Nietzsche-Studien. 1997. № 26. S. 421–440.
2. Nietzsche F. Briefwechsel. Briefe an Friedrich Nietzsche: Januar 1887–Januar 1889 / Colli G., Montinari M. (eds.). Berlin : Walter de Gruyter, 1984.
3. Stern M.J. Nietzsche's Ocean, Strindberg's Open Sea. Berlin : Nordeuropa-Institut, 2008. 292 p.
4. Андрейчук К.Р. Ранняя рецепция творчества Ф.М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 12 (893). С. 115–121.
5. Андрейчук К.Р. Ранняя рецепция творчества Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья вторая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1 (895). С. 119–125.
6. Эбаноидзе И.А. Ницше читает Достоевского: хронология и материал рецепции // Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX – первой трети XX в. / ред.-сост. Е.А. Андрущенко, В.М. Введенская, М.В. Козьменко. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 210–232.
7. Шестов Л. Достоевский и Ницше : (философия трагедии). СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 245 с.
8. Эбаноидзе И.А. «Записки из подполья» в рецепции Ф. Ницше // «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 211–233.
9. Пигалев А.И. Достоевский и Ницше о преодолении нигилизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 285–293.
10. Анисимова О.Л. Ф.М. Достоевский и Ф. Ницше о музыке // Наука. Искусство. Культура. 2022. Т. 1, № 33. С. 187–192.
11. Кренжолек О.С. Теория человекобога у Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше // Вестник Вятского государственного университета. 2009. Т. 1, № 3. С. 94–99.
12. Woolfolk A. The Two Switchmen of Nihilism: Dostoevsky and Nietzsche // Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature. 1989. Vol. 22. P. 71–86.
13. Jackson R.L. Nietzsche and Dostoevsky: Counterpoint // The Comparatist. 1982. Vol. 6. P. 24–34.
14. Cunningham D.S. Dostoevsky and Nietzsche: The Hazards of Writing Oneself into (or out of) Belief // Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Religion, Philosophy / ed. by S. Evdokimova, V. Golstein. Academic Studies Press, 2016. P. 129–150.
15. Di Santo M. J. 'Dramas of Fallen Heroes': Conrad, Dostoevsky, and Nietzsche // Conradiana. 2010. Vol. 42, № 3. P. 45–68.
16. Эбаноидзе И.А. Переписка Фридриха Ницше с Готфридом Келлером, Георгом Брандесом и Августом Стриндбергом // Новый мир. 1998. № 4. URL: <https://www.nietzsche.ru/works/letters/keller-brandes-strindberg/perepiska/>
17. Strindberg A. Inferno / F.E. Fahlstedt övers. Stockholm : Iduns tryckeri aktiebolag, 1897.
18. Strindberg A. Legender / F.E. Fahlstedt övers. Stockholm : Central-tryckeriet, 1898.
19. Strindberg A. Religions renässans eller Religion mot teologi. Stockholm : Frams Förlag, 1910.
20. Strindberg A. August Strindbergs brev. 7. Februari 1888–december 1889. Utg. av Torsten Eklund. Stockholm : Albert Bonniers förlag, 1961.
21. Strecker K. Nietzsche und Strindberg. München : Georg Müller, 1921. 154 s.
22. Borland H.H. Nietzsche's Influence on Swedish Literature: With Special Reference to Strindberg, Ola Hansson, Heidenstam and Fröding. Göteborg : Elanders Boktr., 1956.
23. Beyer H. Nietzsche og Norden. 2 Bände. Bergen, 1957.
24. Brandl H. Persönlichkeitsidealismus und Willenskult: Aspekte d. Nietzsche-Rezeption in Schweden. Heidelberg : Winter, 1977.
25. Kornhaber D. The Philosopher, the Playwright, and the Actor: Friedrich Nietzsche and the Modern Drama's Concept of Performance // Theatre Journal. 2012. Vol. 64, № 1. P. 25–40.

26. Михайлова М.В., Макарова А.А. Леонид Андреев – Август Стриндберг: точки схождения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. Т. 215. С. 107–114.
27. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 401–444.
28. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
29. Шарышкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л. : Наука, 1975.
30. Шарышкин Д.М. Достоевский в восприятии шведских читателей // Достоевский. Материалы и исследования. Л. : Наука, 1976. С. 270–276.
31. Törnqvist E. The Strindbergian One-Act Play // *Scandinavian Studies*. 1996. Vol. 68, № 3. P. 356–369.
32. Liet H. van der. Two Pariahs: From Short Story to Short Play // Wechsel K. (ed.) *Strindberg and His Media* (Proceedings of the 14th International Strindberg Conference). Leipzig, Berlin : Kirchhof & Franke, 2003. P. 341–357.
33. Lisovskaya P. Children and «prodigal sons»: on images of children in Strindberg's writing // *Скандинавская филология*. 2016. № 1. P. 92–101.
34. Strindberg A. August Strindbergs brev. 5. 1885–juli 1886. Utg. av Torsten Eklund. Stockholm : Albert Bonniers förlag, 1956.
35. Strindberg A. Vad är Ryssland? // *Samlade skrifter av August Strindberg. Femtiofjärde delen. Efterslätter. Berättelser dikter. Artiklar av August Strindberg*. Stockholm : Albert Bonniers förlag, 1920. S. 316–322.
36. Ницше Ф., Стриндберг А. Переписка Фридриха Ницше с Августом Стриндбергом / Пер. И. Эбанойдзе // *Новый мир*. 1998. № 4. URL: <https://www.nietzsche.ru/works/letters/keller-brandes-strinberg/strindberg/>
37. Nietzsche F. *Gesammelte Briefe*. Berlin, Leipzig : Schuster & Loeffler, 1904.
38. Strindberg A. *Samlade Verk*. Nationalupplaga. 34. Vivisektioner II. Stockholm : Norstedts, 2010.
39. Стриндберг А. Полное собрание сочинений. Т. I, II. М. : Издание В.М. Саблина, 1908. 278 и 320 с.
40. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 829 с.
41. Hansson O. En paria // *Samlade skrifter*. Stockholm, 1921. S. 90–101.
42. Стриндберг А. Чандала / Пер. В. Козиненко. Москва ; Петроград : Государственное издательство, 1923.
43. Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М. : АСТ, 2019. 352 с.
44. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. Ю.М. Антоновского. СПб. : Жизнь для всех, 1913.
45. Сухих О.С. Мотивы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» // *Успехи современной науки*. 2016. Т. 4, № 7. С. 50–54.
46. Сухих О.С. Путь «От смерти к жизни» («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Отлучённый» С. Лагерлёф) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 4. С. 239–246.
47. Сухих О.С. Преступление и наказание в рассказе С. Лагерлёф «Изгой» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 2-2. С. 311–316.
48. Кобленкова Д.В. Творчество С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы («Император Португальский») // *Россия и Скандинавия: Литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв.* М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 313–322.
49. Андрейчук К.Р. Социализм и/или христианство: влияние взглядов Ф.М. Достоевского на роман С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2021. Т. 26, № 3. С. 490–500.
50. Стриндберг А. Преступление и преступление // *Жестокий театр: пьесы*. М. : Совпадение, 2005. С. 163–216.

References

1. Fambrini, A. (1997) Ola Hansson und Georg Brandes: Einige Bemerkungen über die Erste Rezeption Nietzsches. *Nietzsche-Studien*. 26. pp. 421–440.
2. Nietzsche, F. (1984) *Briefwechsel. Briefe an Friedrich Nietzsche: Januar 1887–Januar 1889*. Edited by G. Colli & M. Montinari. Berlin: Walter de Gruyter.
3. Stern, M.J. (2008) *Nietzsche's Ocean, Strindberg's Open Sea*. Berlin: Nordeuropa-Institut.
4. Andreychuk, K.R. (2024) Rannaya retseptsiya tvorchestva F.M. Dostoevskogo v Shvetsii (1880-e gody). Stat'ya pervaya [Early Reception of F.M. Dostoevsky's Work in Sweden (the 1880s). Article One]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 12 (893). pp. 115–121.
5. Andreychuk, K.R. (2025) Rannaya retseptsiya tvorchestva Dostoevskogo v Shvetsii (1880-e gody). Stat'ya вторая [Early Reception of Dostoevsky's Work in Sweden (the 1880s). Article Two]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 1 (895). pp. 119–125.
6. Ebanoidze, I.A. (2021) Nitshe chitaet Dostoevskogo: khronologiya i material retseptsii [Nietzsche Reads Dostoevsky: Chronology and Material of Reception]. In: Andrushchenko, E.A., Vvedenskaya, V.M. & Koz'menko, M.V. (eds) *F.M. Dostoevskiy v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX – pervoy trety XX v.* [F.M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th – First Third of the 20th Century]. Moscow: IWL RAS. pp. 210–232.
7. Shestov, L. (1903) *Dostoevskiy i Nitshe: (filosofiya tragedii)* [Dostoevsky and Nietzsche: (Philosophy of Tragedy)]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
8. Ebanoidze, I.A. (2021) "Zapiski iz podpol'ya" v retseptsii F. Nitshe ["Notes from the Underground" in the Reception of F. Nietzsche]. In: *"Zapiski iz podpol'ya" F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki* ["Notes from the Underground" by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America]. Moscow: IWL RAS. pp. 211–233.
9. Pigalev, A.I. (2021) Dostoevsky and Nietzsche on Overcoming Nihilism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 63. pp. 285–293. (In Russian).
10. Anisimova, O.L. (2022) F.M. Dostoevskiy i F. Nitshe o muzyke [F.M. Dostoevsky and F. Nietzsche on Music]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 1 (33). pp. 187–192.
11. Krenzholek, O.S. (2009) Teoriya chelovekoboga u F.M. Dostoevskogo i F. Nitshe [The Theory of the Human-God in F.M. Dostoevsky and F. Nietzsche]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (3). pp. 94–99.
12. Woolfolk, A. (1989) The Two Switchmen of Nihilism: Dostoevsky and Nietzsche. *Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. 22. pp. 71–86.
13. Jackson, R.L. (1982) Nietzsche and Dostoevsky: Counterpoint. *The Comparatist*. 6. pp. 24–34.
14. Cunningham, D.S. (2016) Dostoevsky and Nietzsche: The Hazards of Writing Oneself into (or out of) Belief. In: Evdokimova, S. & Golstein, V. (eds) *Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Religion, Philosophy*. Boston: Academic Studies Press. pp. 129–150.
15. Di Santo, M. J. (2010) 'Dramas of Fallen Horses': Conrad, Dostoevsky, and Nietzsche. *Conradiana*. 42 (3). pp. 45–68.
16. Ebanoidze, I.A. (1998) Perepiska Fridrikha Nitshe s Gotfridom Kellerom, Georgom Brandesom i Avgustom Strindbergom [Correspondence of Friedrich Nietzsche with Gottfried Keller, Georg Brandes and August Strindberg]. *Novyy mir*. 4. [Online] Available from: <https://www.nietzsche.ru/works/letters/keller-brandes-strinberg/perepiska/> (Accessed: 04.06.2024).
17. Strindberg, A. (1897) *Inferno*. Translated by F.E. Fahlstedt. Stockholm: Iduns tryckeri aktiebolag.
18. Strindberg, A. (1898) *Legender*. Translated by F.E. Fahlstedt. Stockholm: Central-tryckeriet.
19. Strindberg, A. (1910) *Religiös renässans eller Religion mot teologi*. Stockholm: Frams Förlag.

20. Strindberg, A. (1961) *August Strindbergs brev. 7. Februari 1888–december 1889*. Edited by Torsten Eklund. Stockholm: Albert Bonniers förlag.
21. Streckel, K. (1921) *Nietzsche und Strindberg*. München: Georg Müller.
22. Borland, H.H. (1956) *Nietzsche's Influence on Swedish Literature: With Special Reference to Strindberg, Ola Hansson, Heidenstam and Fröding*. Göteborg: Elanders Boktr.
23. Beyer, H. (1957) *Nietzsche og Norden*. 2 Volumes. Bergen: John Griegs Boktrykkeri.
24. Brandl, H. (1977) *Persönlichkeitsidealismus und Willenskult: Aspekte d. Nietzsche-Rezeption in Schweden*. Heidelberg: Winter.
25. Kornhaber, D. (2012) The Philosopher, the Playwright, and the Actor: Friedrich Nietzsche and the Modern Drama's Concept of Performance. *Theatre Journal*. 64 (1). pp. 25–40.
26. Mikhaylova, M.V. & Makarova, A.A. (2017) Leonid Andreev – Avgust Strindberg: tochki skhozheniya [Leonid Andreev – August Strindberg: Points of Convergence]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 215. pp. 107–114.
27. Ivanov, Vyach. (1987) Dostoevskiy i roman-tragediya [Dostoevsky and the Novel-Tragedy]. In: Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Volume 4. Brussels: Foyer Oriental Chrétien. pp. 401–444.
28. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
29. Sharypkin, D.M. (1975) *Russkaya literatura v skandinavskikh stranakh* [Russian Literature in the Scandinavian Countries]. Leningrad: Nauka.
30. Sharypkin, D.M. (1976) Dostoevskiy v vospriyatii shvedskikh chitateley [Dostoevsky in the Perception of Swedish Readers]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad: Nauka. pp. 270–276.
31. Törnqvist, E. (1996) The Strindbergian One-Act Play. *Scandinavian Studies*. 68 (3). pp. 356–369.
32. Liet, H. van der. (2003) Two Pariahs: From Short Story to Short Play. In: Wechsel, K. (ed.) *Strindberg and His Media (Proceedings of the 14th International Strindberg Conference)*. Leipzig, Berlin: Kirchhof & Franke. pp. 341–357.
33. Lisovskaya, P. (2016) Children and "prodigal sons": on images of children in Strindberg's writing. *Skandinavskaya filologiya*. 1. pp. 92–101.
34. Strindberg, A. (1956) *August Strindbergs brev. 5. 1885–juli 1886*. Edited by Torsten Eklund. Stockholm: Albert Bonniers förlag.
35. Strindberg, A. (1920) Vad är Ryssland? In: *Samlade skrifter av August Strindberg. Femtiofjärde delen. Efterslätter. Berättelser dikter. Artiklar av August Strindberg*. Stockholm: Albert Bonniers förlag. pp. 316–322.
36. Nietzsche, F. & Strindberg, A. (1998) *Perepiska Fridrikha Nitsche s Avgustom Strindbergom* [Correspondence of Friedrich Nietzsche with August Strindberg]. Translated by I. Ebanoidze. *Novyy mir*. 4. [Online] Available from: <https://www.nietzsche.ru/works/letters/keller-brandes-strindberg/strindberg/> (Accessed: 04.06.2024).
37. Nietzsche, F. (1904) *Gesammelte Briefe*. Berlin, Leipzig: Schuster & Loeffler.
38. Strindberg, A. (2010) *Samlade Verk. Nationalupplaga. 34. Vivisektioner II*. Stockholm: Norstedts.
39. Strindberg, A. (1908) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collected Works]. Volumes I, II. Moscow: Izdanie V.M. Sablina.
40. Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya v 2-kh t.* [Works in 2 Volumes]. Volume 2. Moscow: Mysl'.
41. Hansson, O. (1921) En paria. In: *Samlade skrifter*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag. pp. 90–101.
42. Strindberg, A. (1923) *Chandala*. Translated by V. Kozinenko. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
43. Nietzsche, F. (2019) *Antikhrisť. Ecce Homo. Sumerki idolov* [The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols]. Moscow: AST.
44. Nietzsche, F. (1913) *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Translated by Yu.M. Antonovskiy. Saint Petersburg: Zhizni dlya vsekh.
45. Sukhikh, O.S. (2016) Motivy romana F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v povesti S. Lagerlyof "Den'gi gospodina Arne" [Motifs of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in S. Lagerlöf's Story "Herr Arne's Hoard"]. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 4 (7). pp. 50–54.
46. Sukhikh, O.S. (2016) Put' "Ot smerti k zhizni" ("Prestuplenie i nakazanie" F.M. Dostoevskogo i "Otluchennyi" S. Lagerlyof) [The Path "From Death to Life" ("Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky and "The Outcast" by S. Lagerlöf)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4. pp. 239–246.
47. Sukhikh, O.S. (2014) Prestuplenie i nakazanie v rasskaze S. Lagerlyof "Izgoi" [Crime and Punishment in S. Lagerlöf's Story "The Outcasts"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2-2. pp. 311–316.
48. Koblenkova, D.V. (2017) Tvorchestvo S. Lagerlyof i traditsii russkoy klassicheskoy literatury ("Imperator Portugal'skiy") [The Work of S. Lagerlöf and the Traditions of Russian Classical Literature ("The Emperor of Portugalia")]. In: *Rossiya i Skandinaviya: Literaturnye vzaimodeystviya na rubezhe XIX–XX vv.* [Russia and Scandinavia: Literary Interactions at the Turn of the 20th Century]. Moscow: IWL RAS. pp. 313–322.
49. Andreychuk, K.R. (2021) Sotsializm i/ili khristianstvo: vliyaniye vzglyadov F.M. Dostoevskogo na roman S. Lagerlyof "Chudesna Antikhrista" [Socialism and/or Christianity: The Influence of F.M. Dostoevsky's Views on S. Lagerlöf's Novel "The Miracles of the Antichrist"]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 26 (3). pp. 490–500.
50. Strindberg, A. (2005) Prestuplenie i prestuplenie [Crime and Crime]. In: *Zhestokiy teatr: p'esy* [Cruel Theatre: Plays]. Moscow: Sovpadenie. pp. 163–216.

Информация об авторе:

Андрейчук К.Р. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник лаборатории «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте» и отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: enantiosemia@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.R. Andreychuk, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: enantiosemia@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025;
одобрена после рецензирования 06.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 18.01.2025;
approved after reviewing 06.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 3.09-821.161.1
doi: 10.17223/15617793/514/2

Сюжет «возвращения в рай из ада» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем

Вера Юрьевна Баль¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, balverbal@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» (2013) форм и функций рецепции гоголевского мифа о мессианском предназначении его творчества. Установлено использование гоголевской гносеологической и этико-эстетической ситуации, которая стала причиной творческой неудачи с поэмой «Мертвые души», в качестве основы для ключевого романного сюжета «возвращения в рай из ада». Определено, что семантика сюжета связана с ситуацией познания мистифицированным наследником писателя Гоголем Вторым злом в исторических событиях XX в.: революций, Гражданской войны, коллективизации и террора. Реконструируется динамика образа героя от познания зла к квазирелигиозным способам его оправдания. Делается вывод о мнимом и поверхностном наследовании потомком трагического финала религиозно-мессианских исканий предка.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, В. Шаров, «Возвращение в Египет», мессианский миф

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Баль В.Ю. Сюжет «возвращения в рай из ада» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 16–24. doi: 10.17223/15617793/514/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/2

The plot of "return to heaven from hell" in Vladimir Sharov's novel *Return to Egypt*: A dialogue with Gogol

Vera Yu. Bal¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, balverbal@gmail.com*

Abstract. The article investigates the forms and functions of the reception of Gogol's myth about the messianic purpose of his creative work in Vladimir Sharov's novel *Return to Egypt* (2013). The relevance of the chosen research perspective is determined, firstly, by the interest of modern literary studies in the problems of receptive aesthetics and poetics, and secondly, by the intensive study of the dialogue between contemporary literature and the 19th-century classics in general, and with Gogol's creative legacy in particular. The receptive approach forming the basis of this research is conceived with reliance on theoretical and methodological foundations focused on the problem of dialogue and understanding (the phenomenology of the individual reading act – R. Ingarden, W. Iser; the hermeneutics of the collective reading act, historically predetermined – H.-G. Gadamer, H.R. Jauss; the dialogic nature of the "subject of cognition's" consciousness, determining the attitude towards the Other as possessing ontological value – M.M. Bakhtin). Examining the issue of intertextual connections between the work of a classic and a contemporary author involves identifying and analyzing the nature of these relations in a structural-semiotic aspect. Historically, this subject-object relationship is realized in the text, which not only transmits and preserves but also generates new information, fulfilling the functions of "creative memory" (Yu.M. Lotman). The aim of the article is to reconstruct the scenario for the actualization of Gogol's myth about the messianic purpose of his work as being akin to national religious myths – messianic, eschatological, and soteriological. Sharov's characters are contemporaries and participants in the events of 20th-century national history. They are obsessed with the search for a theological justification for the events of the Revolution, the Civil War, collectivization, and the Terror. The philosophical and theological views of the characters, stemming from these religious myths, are tested and refuted by the plot construction of all the novels. The main hero of *Return to Egypt*, a mystified descendant of Gogol burdened with the hereditary responsibility to complete the poem *Dead Souls* using the material of 20th-century national history, joins this gallery of Sharov's characters. The key novelistic plot of the "return to paradise from hell", which originates in the epistemological and ethical-aesthetic context of Gogol's creative failure, reveals the dynamics of the hero's development. The hero's collision with each event of 20th-century national history becomes a situation of cognizing the evil that lies at the foundation of the social salvation project. The new Gogol, like his ancestor, undergoes the trial of knowing evil. For him, this becomes a test of the fidelity to the social salvation project, which is sacralized by drawing on religious myth. However, unlike his ancestor, the hero, being a bearer of quasi-religious faith, perceives evil not as a distortion of God's

design, but as its integral part. He interprets it as divinely pleasing. This second Gogol, who is a projection of a religious-mythological consciousness unwilling to part with the messianic idea of the Soviet project, is ultimately exposed as a descendant who did not inherit the tragic outcome of his ancestor's religious quests.

Keywords: N.V. Gogol, V. Sharov, "Return to Egypt", messianic myth

Financial support: The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Bal, V.Yu. (2025) The plot of "return to heaven from hell" in Vladimir Sharov's novel *Return to Egypt: A dialogue with Gogol*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 16–24. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/2

Я узнаю цену раю,
ад вкусив в раю.

Р. Казакова

Роман В. Шарова «Возвращение в Египет» (2013) представляет собой объект двустороннего исследовательского интереса. С одной стороны, он является частью всего романного творчества Шарова, в котором каждый «новый роман дополняет предыдущие» [1]. Писатель в романе «Возвращение в Египет», как и во всех предшествующих и последующем, осмысляет религиозные искания национальной истории, основу которых он видит в иудео-христианской традиции: «Я всю русскую историю понимаю через Библию. И пытаюсь это написать. Наша история представляется мне не Книгой Бытия, а книгой комментариев, толкований библейских текстов» [2]. Герои Шарова являются современниками и участниками событий национальной истории XX в. Они одержимы поиском теологического обоснования событий революции, Гражданской войны, коллективизации и террора. В исследовательской традиции существует устойчивая точка зрения, что В. Шаров видит в основе национальной истории следующие религиозные мифы: мессианский (Т.Н. Бреева [3, 4], Т.Е. Сорокина [5–8], А.И. Пантюхина [9, 10]), эсхатологический, вера в скорое второе пришествие Христа (И.В. Ащеулова [11–13], Т.Е. Сорокина [5–8], Т.В. Рыжикова [14], С. Emerson [15–17]) и сотериологический (М. Липовецкий [18]). Философско-теологические воззрения героев, восходящие к этим религиозным мифам, проверяются и опровергаются сюжетным построением всех романов.

С другой стороны, роман имеет уникальные особенности, обусловленные его гоголецентризмом. Этот аспект романа представляет также интерес по двум причинам. Первая связана с рассмотрением в романе гоголевского мессианского мифа как сопородного национальным религиозным мифам (О.А. Киосе [19], Ю.В. Меладшина [20]). Вторая – с изучением форм и функций рецепции мифа о Гоголе и его творчестве в современной русской литературе. Гоголевский миф является предметом активного осмысления в современной словесной культуре: А. Королев «Голова Гоголя» (1992), М. Елизаров «Pasternak» (2003), В. Сорокин «Метель» (2010), Н. Садур «Летчик» (2011), В. Отрошенко «Гоголиана» (2013). На этом рецептивном фоне обращение к роману В. Шарова является частью исследовательской реконструкции мифологизирующей рецепции творчества Гоголя, которая обладая динамиче-

ским и историческим характером, отражает закономерности определенного культурно-исторического периода. Методологическим основанием этой реконструкции является типологическое понимание мифа [21]. Миф рассматривается не как результат архаического восприятия и понимания мира, а как итог применения немифологическим сознанием форм и структур мифологического мышления. В исследовательском фокусе находится не текст с устойчивыми формальными признаками, который традиционно является объектом фольклористов, а семантическая система, созданная по принципам мифологического мышления.

В основе фабулы романа лежит мистифицированная жизнь Гоголя Второго, вписанная в события национальной истории XX в. Начало жизни потомка писателя определено не естественными биологическими процессами, а идейным замыслом гоголевского рода – «зачать» и «явить» миру нового пророка. Символичен хронологический контекст, когда начал собираться гоголевский род – начало XX в. Сплочение направлено на восстановление и духовной, и биологической связи с предком. Первое отражено в семантике имени героини, которая объединяет гоголевский род, – Вера Анатольевна Ухтомская (Вера (от старосл. – «служашая Богу», «верная») Анатольевна (от греч. «анатоликос» – восток, который связан с образом восходящего солнца, символизирующего начало и обновление) Ухтомская (от лит. «uktumas» – «призрак» или «дух»)). Второе – в её планах создания пары, которая должна остановить «разжижение» гоголевской крови. Оба вида преемственности высвечивают в потомках Гоголя позиции одновременно учеников-последователей (духовная связь) и детей (биологическая связь). Гоголевский род берет на себя ответственность быть посредником в передаче биодуховной наследственности – установить связь между прошлым и настоящим, и быть непосредственным участником преобразования наследственности, которая должна осуществить связь с будущим.

Шаров в своем романе моделирует ситуацию, когда вторая часть плана, связанная с рождением «чистопородного Гоголя», выходит из-под контроля под натиском истории. Основой биологической жизни нового Гоголя становится насилие, совершенное красногвардейцем над Марией «Гоголь» в годы Гражданской войны. Сознание героини выбирает замалчивание как психологическую защиту от травмы истории. Этот выбор становится символом её отрицания возможности зла в основе нового мира, который видится итогом исторических преобразований. На это же незнание она

обрекает своего сына. Тайну его зачатия ему рассказывают после её смерти в историческом контексте 1960-х гг., когда появилась возможность говорить о неразрешимых противоречиях событий Гражданской войны. Гоголь Второй узнает об обстоятельствах своего рождения в версии тети Таты, которая воспринимает обоих родителей как жертв истории, сделавшей насилие нормой жизни: *«красноармеец, что ей достался, был совсем мальчик. И она у него, и он у нее были первыми, оба ничего не умели <...> Жевал и будто маленький горевал, что вот, зарубил трех беляков, имеет боевые отличия, но если товарищи узнают, что он не смог употребить бабу, расчесать ей шерстку, они его засмеют. Ей тогда вдруг сделалось его жалко, и она, как умела, помогла. В сущности, эти семь дней дались ей даже легче, чем другим. Паришин был ей благодарен и за то, что не смеялась над ним, и за то, что помогла, вообще за кротость и незлобивость»* [22. С. 714–715].

События национальной истории с 1913 по 1940-е гг. отражены в архиве семейной переписки, собранной в двух «детских» папках. Они фиксируют отношения между поколением, которому было около двадцати лет накануне революций, и их детьми. К первым принадлежат потомки Гоголя, которых Вера Анатольевна Ухтомская начала объединять, чтобы выбрать среди них родителей нового пророка. В дальнейшем это будет мать нового Гоголя и его дяди, которые на протяжении всей своей жизни поддерживали с ним переписку, направленную на сохранение биоэтического наследия гоголевского рода: *«Они не просто лишний раз напоминают Маше, что в тебе течет та же кровь, что и в Николае Васильевиче, но и станут порукой, что среди родни ты человек не случайный. Жизнь показала, что некоторые были людьми не безнадежными, в письмах попадают довольно тонкие комментарии. Строго говоря, в этом и была суть всех посланий, причем адресоваться можно было на равных тебе, двенадцатилетнему мальчику, и Маше. Каждый знал: она первая и самым внимательным образом прочтет все, что послано ее сыну. А из наших ей писем аккуратно ножницами вырежет несколько строк, которые сочла личными, – их выбросит, остальное опять же передаст тебе»* [22. С. 714–715].

История семейных постановок гоголевского «Ревизора» в 1913–1916 гг., предшествовавших революциям, демонстрирует особенности восприятия мира родителями. В основе их сценического толкования комедии лежит принцип мифологизации и сакрализации. В неё «вчитывается» сюжет мифа исхода из Египта. Выбранный принцип интерпретации превращает гоголевский текст в пародию на библейский сюжет. Пародийный подтекст наблюдается и в описании постановок, в которых режиссер выступает как пророк, а труппа – как паства. Говорящие имена гоголевской комедии, которые «срослись» с именами романских персонажей, указывают на ложность подобной трактовки. Имена героев комедии, меняя семантику в процессе перекодировки в романе, становятся способом ревизии форм верности гоголевских потомков советскому проекту. Дядя Святослав (славящий святыню) – лекарь

Гибнер, «пламенный защитник новой власти» [22. С. 7], оправдывающий красный террор. Кирилл Косаровский – почтмейстер, выбрал путь осведомителя и доносчика: *«служить революции, как то нужно самой революции, потому что ее правота не вызывает у них сомнений»* [22. С. 7]. Дядя Ференц – Держиморда, историк, специалист по Гражданской войне, трактующий убийства великого князя Михаила Александровича как *«во всех смыслах благое дело»* [22. С. 7]. Дядя Петр – Осип (от Иосиф) стал заботливым опекуном квазипророка Гоголя Второго.

Блоцкий, один из семейных режиссеров, предлагает в своих постановках уже без потомков Гоголя иную версию понимания гоголевского «Ревизора». Его постановки не опираются на принцип буквальная сакрализации текста комедии. Рецепция Блоцкого основана на вычленении сюжета ревизии как проверки притязаний человека на Царство Божие. Одной из форм его преемственности с гоголевской комедией является использование зеркального реквизита в постановках. В первой постановке кривые зеркала воссоздают атмосферу катастрофы, причиной которой является ложный путь движения человека к Богу: *«его открытый рот, отражаясь в намеренно искривленных поверхностях зеркал, превращается в ямы и окопы, открытые могилы и воронки от фугасных снарядов; волосы – в какой-то страшный выгоревший на корню лес, а сам он – в изуродованное, разъятое на куски человеческое мясо»* [22. С. 162]. Во второй постановке сцена превращается в замкнутую зеркальную комнату (*«грязную, заплыванную и заблеванную сцену он сверху и по периметру огородил парадными, в дорогих рамах зеркалами»* [22. С. 163]), в центре которой зеркала лежат *«грудой»*, как символы *«первых камней коммунизма (или Небесного Иерусалима)»* [3. С. 164]. Зеркальная конструкция делает исполнителями режиссерского замысла не самих актеров, играющих красноармейцев в окровавленных лохмотьях, а их отражение, которое *«будто обезумев, металось от зеркала к зеркалу, отчего было непонятно, ни кто они, ни чего хотят»* [22. С. 164–165]. Переход в этой постановке от кривых зеркал к *«слепающим»* и *«режущим»* не только глаза актеров, но и зрителей *«из зала больно было смотреть»*, подчеркивает неприятие Блоцким исторических событий революций и Гражданской войны как основы для проекта социального спасения, заменяющего идею христианской сотериологии.

Род, сплотившийся вокруг рожденного «нечистопородного» Гоголя, одновременно тот же и другой. Мария, мать нового Гоголя, стремясь забыть свою историческую травму, становится пародией на свой христианский прототип. Её стремление к «совпадению» принимает трагикомические формы в её культе повседневной чистоты, с помощью которого она пытается вернуть чистоту в библейском смысле: *«Мать, как ты знаешь, человек аккуратный, не терпит малейшей нечистоты, беспорядка, что в комнатах, что между людьми <...> Спали мы на накрахмаленном белье, и на стол, даже если подавался пустой чай, стелилась накрахмаленная скатерть. В особняке в Большом Харитоньевском переулке у нас были две небольшие комнаты, и, готовая отмыть весь дом, мать страдала,*

что и на кухне, и в уборной, и в ванной все так же, как в любой другой коммуналке на полтора десятка комнат» [22. С. 167]. Поддержание за сыном статуса нового мессии является её инициативой: «Воля и напор в Колиной матери огромные. Сейчас она хочет убедить родню, надо признаться, ей это удастся, что, несмотря на известные обстоятельства, четырнадцатилетний Коля и есть настоящий Гоголь. Гоголь, которого все мы так долго ждали» [22. С. 78]. Дядя Петр (исполнитель роли Осипа (от. Иосиф)) становится главным респондентом героини. Он усиливает пародийный подтекст её вживания в роль Девы Марии. Он принадлежит поколению 20-летних свидетелей революции, которые предпринимают вторую попытку получить расположение героини после рождения сына: «У многих из Гоголей тогда вновь появилась надежда. Попытки увести ее у твоего отца предпринимались не раз. Кто он и как они сошлись, в сущности, никого не интересовало, все понимали, в какое время живем» [22. С. 117]. Дядя Петр в своих литературоведческих штудиях, подвергая религиозной символизации римские впечатления Гоголя, создает мистическую концепцию его тела: «Нет лучшей участи, чем умереть в Риме, целой верстой здесь человек ближе к божеству» [22. С. 29]. Одорические мотивы являются ключевыми для организации сюжета гоголевского боговоплощения. Нос Гоголя представлен как медиатор между земным и божественным мирами. Метонимическое сопоставление гоголевских ноздрей с «двумя пещерами или двумя гротами» [22. С. 97–98] становится основой для соотнесения Гоголя с Христом. В христианской символике пещера и грот символизируют таинство Боговоплощения и материнское лоно, подчеркивая земное человеческое начало Спасителя [22. С. 153]. Одновременно дядя Петр, как посредник, передает противоположную версию гоголевского тела, пересказывая идеи религиозных философов начала XX в. Они, демонизируя Гоголя в соответствии с мифопоэтическими законами своего времени, разрушили его мессианский миф, выявив тем самым обратную сторону самосакрализации: «Подчиняясь ей, отзывы о Николае Васильевиче – Розанова, Мережковского или барона Брамбеуса – дядя Петр выдвигал вперед, и мать, еще не отошедшая от пения, вдруг слышала, что Гоголь онанист, некрофил. Тут же она начала рыдать. Только после чая, который подавался всё так же в слезах, беседа постепенно успокаивалась. Людей, плохо относящихся к Гоголю, было немало, но Розанова и Мережковского мать выделяла, считала их дурные слова о Николае Васильевиче мерзким, подлым предательством» [22. С. 170].

Композиционное столкновение двух версий гоголевского тела, письмо, обожествляющее тело – начало первой «детской» папки, письмо демонизирующее – конец, обобщается в эссе о «Носе». Оно является паратекстовым элементом всей родовой переписки, выступая комментарием к идее гоголевского рода о саморождаемом и самоназначаемом пророке. В эссе гоголевская повесть «Нос» проинтерпретирована как *parodia sacra*. Нос представлен как телесная пародия на Христа (подобная интерпретация повести представлена работе М. Вайскопфа [23. С. 328–330]), который

был послан в мир от Дьявола в промежутке времени, «когда благая весть, что родился Христос, уже была дана людям и еще не была дана» [22. С. 34]. Гоголь на фоне этого толкования представлен одновременно как автор произведения, которое предостерегает о самозванстве, когда дьявольское может быть воспринято за божественное, но как самоназначивший себя пророком. Коммуникативный замысел эссе подчеркивается датой его публикации – 1917 г., и семантикой фамилии литературоведа, мысли которого составляют его содержание – Кассандров. Двойственность образа писателя становится одной из активно обсуждаемых тем в письмах «детских» папок: «В спорах о Гоголе, которого одни считали самозванцем, антихристом, чертом, другие новоявленным спасителем, все наши метания и сомнения – и то, что разобраться невозможно, невозможно сказать, кто прав, а кто нет, лучшее свидетельство, что в последние времена обманутся многие и многие» [22. С. 97–98]. В размышлениях потомков о противоречивом поведении Гоголя в роли пророка не происходит различения между святым и кощунственным, пародией и оригиналом: «В Гоголе был дар пересмешичества. Редкий по силе и вполне театральный. Он ждал восторгов легкости, изящества своей игры, умению менять маски, а встретил злобу. Мысль явиться Спасителем давно его привлекала. Он много думал, просеивал и отбирал слова, рисовал мизансцены. Строил все так, чтобы каждый уверовал, не усомнился даже он сам. Не забыл и главного, то есть финала, знал, что из этой роли уже не выйти. Неважно, хорошо играешь или плохо, похож на сына Божьего или нет, все равно что званые, что избранные не успокоятся, доведут дело до могилы. А дальше будут стоять и ждать, стоять и спорить, воскреснешь ты или нет» [22. С. 96] <...> «Раньше мы относились к себе серьезно, что бы ни было, знали – мы избраны Богом и земля наша Святая. То есть умели отделить божественное от тварного, никогда одно с другим не мешали. А тут Бог будто привел в пустыню и бросил. Теперь кто мы, куда шли, зачем, и спросить не у кого. Обыкновенный щелкопер зашел с тыла и уничтожил, разбил в пух и прах» [22. С. 97] <...> «Что Чичиков, что Хлестаков работали с изящной легкостью. Умели организовать пространство. Строили вокруг себя. Поставят народ, выравнивают, затем принимают парад. Критикам Гоголя это не понравилось. Когда земля ложится под первого встречного, с готовностью отдается любому мошеннику, она – блядь, а не святая» [22. С. 90].

В итоге дезориентация потомков Гоголя, которые одновременно сомневаются и верят в своего пророка, становится проекцией на сознание очевидцев и участников исторических событий революций и Гражданской войны. Невозможность отказа от идеи богоизбранности обуславливает потерю возможности адекватно различать богопротивное и богоугодное. Прежде всего это неразличение распространяется на добро и зло.

Мария «Гоголь», стремясь забыть пережитое насилие, искусственно возвращает себя в состояние безмятежного рая, когда не существовало осознания зла как

противоположности добра. Она лишает сына связи с прародителями человеческого рода, передавшего потомкам поврежденную грехом человеческую природу. Герой оказывается в ситуации обремененности виной без знания: *«Дело в том, что чуть не с пеленок я знал, что чем-то безмерно перед ней виноват, и эта вина не пройдет, будет длиться и длиться. Она останется даже тогда, когда меня не будет на свете. Поправить здесь ничего нельзя. С этой виной я сжился, будто потомки Адама с первородным грехом. Во мне не было любопытства, не помню ни одной попытки выяснить, что же такое я натворил?»* [22. С. 169]. Он вынужденно становится носителем наивной и искренней веры, свободной от негативного опыта, который требует осмысления божественных замыслов.

Помощь матери Гоголю Второму в завершении поэмы «Мертвые души» становится способом защиты его от познания зла. Символично, что первые творческие опыты нового Гоголя совпадают с периодом коллективизации. Продолжение поэмы делается средством обоснования колхозных реформ, соответствующего идеологическим требованиям времени. В этом творческом замысле ярко проявляется стремление матери сохранить веру в правоту исторических преобразований. Контроль матери над образованием сына, который выбирает аграрное направление в Петровской академии вместо филологического и педагогического, подчеркивает её желание замесить моральные знания о добре и зле утилитарными.

Сюжетное развитие героя, который сначала уверен в возможности продолжения поэмы на советском материале, а затем отказывается от этой идеи, строится на конфликте между этими двумя типами знаний: *«о второй и третьей частях “Мертвых душ” нечего и думать, пока досконально не разберусь в сельскохозяйственном производстве черноземной полосы России и на Украине»* [22. С. 106].

На первом этапе своего творческого пути потомок Гоголя проявляет невежество как в области практических аграрных знаний, так и в сфере этики. Оба типа необразованности определяют наивную читательскую рецепцию героем поэмы предка. Он «вычитывает» в сохранившихся фрагментах второго тома поэмы буквальное воплощение образа рая, земное для него очевидный знак небесного: *«Когда кажется – совсем клин: кто-то из дальней родни вдруг отпишет Хлобуеву хорошее наследство. Он живет как птица небесная: не сеет, не пахнет, но Господь его питает. И самого Хлобуева, и его детей – никого из этого святого семейства не оставляет Своим попечением»* [22. С. 106].

На втором этапе базовые знания героя в аграрной сфере становятся основой для создания рукотворного земного рая: *«Конечно, мама права, когда говорит, что без теоретических знаний, которые дает Петровская академия, без практики на земле, потом нескольких лет уже настоящей взрослой работы в качестве колхозного или совхозного агронома я не вправе судить о многопольном севообороте, о правильном соотношении пахотных земель и лугов, что станут кормить колхозное стадо, а оно, в свою очередь, вознаградит умного хозяина не только молоком, мясом, но и необходимым для поддержания плодородия почв навозом»* [22. С. 106].

На третьем, последнем этапе герой наблюдает и фиксирует не использование необходимых практических знаний для построения земного рая: *«Гриканов признает, что отправлять десятки тысяч горожан командовать сельским хозяйством, то есть делом, в котором они ни бельмеса не смыслили, было глупостью, но повторяет, что за этим стояла идея»* [22. С. 102]. Совпадение колхозной реальности с литературной реальностью первого тома поэмы, обозначенного как ад, становится познанием зла, положенного в основание предполагаемого социального рая: *«среди директоров и председателей, что правят бал по соседству, есть и Ноздревы, и Плюшкины, и Коробочки. <...> Однажды я спросил про “мертвые души”, он ответил, что есть и они, больше того, на них все и держится. Каждую осень он почти на полгода отпускал в Москву на стройки коммунизма две бригады плотников, каждая двадцать-двадцать пять душ. В деревню от них исправно шли живые деньги, благодаря этому в “Рассвете” никто не голодал, а артельщикам, пока они были на заработках, с его, Гриканова, согласия и под его ответственность столь же исправно рисовали в ведомостях трудоводни»* [22. С. 103].

Таким образом, хронологические рамки событий двух «детских» папок раскрывают мироощущение поколения 20-летних как свидетелей и участников революции и Гражданской войны и в процессе передачи памяти об этих исторических событиях следующему поколению – детей. Род Гоголя, отражающий молодое поколение, поддерживавшее революционные изменения в стране, оказывается в ситуации, когда истинная природа «каменной», положенных в их основу, остается замалчиваемой. Сюжет познания нового мира Гоголем Вторым, главным наследником деформированной травмой памяти, завершается обнаружением зла в земном рае колхозной жизни. Это знание становится приближением героя той истине, которая привела к творческой неудаче его предка. *«Ад Николаем Васильевичем уже написан, все теперь знают, что он есть, и этого Ада вполне достаточно, детали, антураж не имеют значения. Больше того, я не понимаю, во что лезу, и могу всех сильно подставить»* [22. С. 210]. Но потомок в отличие от предка не останавливается в своем творчестве.

Второй этап жизни героя после возвращения из лагеря сосредоточен на восстановлении утраченных связей с отцом. Возобновление этих отношений основывается не только на биологической связи, но и на общем травматическом опыте, который был пережит в условиях лагерного заключения. Отец тоже принадлежит поколению 20-летних, которое уже было рассмотрено выше на примере материи героя и его дядей. На момент восстановления семейных связей отец является одновременно субъектом истории, совершившим насилие, и жертвой насилия истории. Второе становится основанием для примирения родителей, которое пытается устроить Гоголь Второй. Изъян правоты отца и сына, познавших зло, проявляется в их убеждении, что зло может быть искуплено прощением жертвы насильника. Неполнота знания героя, которая сопровождает его попытку примирения родителей, становится знаком оставления зла в зоне ответственности

Бога, а не человека: *«Отец вообще убежден – если он придет в Москву, думаю, ты это от него услышишь, – что я не его, а только твой сын, что именно Бог распорядился, чтобы он, который был у тебя первым мужчиной и от которого ты родила единственного ребенка, был насильно изъят из твоей жизни. Ни в чем другом не было бы правоты, потому что даже людям, которых любил, он принес одно зло. Отец как будто гордится, что я Гоголь, а не Паршин, и его фамилия во мне не продлится <...> Мама, я думаю, каждый человек имеет право на покаяние перед Богом и право попросить прощения у человека, которого обидел. Так что, если ты не настроена категорически, мешать этой его поездке я не буду. Из лагеря отец вернулся другим. Прежняя сила, прежний напор ушли, теперь в нем много тишины, кротости, так что очень прошу: не отталкивай, прими его и выслушай. Твой Николай»* [22. С. 39].

Герой, познавший зло в лагерном заключении, также как мать выбирает способ перекодирования памяти об исторической травме. Он наделяет факты, её организующие, религиозными значениями. Синопис продолжения поэмы «Мертвые души» принадлежит двум периодам жизни героя – создан до ареста, а воссоздан по памяти после лагеря в 1955–1956 гг. Он сюжетно раскрывает механизмы перекодирования памяти об историческом опыте. Они приводят к тому, что различие между добром и злом, адом и раем для Гоголя Второго размывается: *«Но суть того, что было, восстаню без труда, тем более что выписки кое-какие сохранились. Я тогда считал, что не только выстроилась фабула, но и фактуры (в первую очередь путевых заметок) более чем достаточно <...> Все-таки прошло пятнадцать лет, за это время много чего в моей жизни случилось, как одно ляжет на другое, не знаю. <...> Конечно, к “Мертвым душам” я уже не вернусь, и все же, чтобы с самим собой разобраться, мне было бы важно одни двадцать лет склеить с другими пятнадцатью. «Синопис» попал как раз на разрыв, а сейчас я думаю, что что-то он мог бы и зарастить»* [22. С. 359]. Герой сакрализует лагерный опыт выживания, в результате чего происходит совмещение двух версий спасения – религиозного и социального. Территория зоны, на которой он выжил, видится ему одновременно и «поднятой целиной» [22. С. 193], и Землей Обетованной: *«На пиеницу мы легко выменивали калий, фосфаты и даже настоящий навоз. Теперь итог: с сорок второго года у нас на зоне не было голодных смертей, понимаешь, ни одной не было. Пайка в полтора раза больше довоенной, добавь к этому хороший приварок. Ведь мы не только пиеницу растили, но и корнеплоды завели. Сажали картошку, морковь, свеклу, на пяти гектарах капусту. Зная, что у Костицына хорошо с харчами, с других зон к нам стали переводить доходяг, сначала робко, с расшаркиваниями, а потом, когда увидели, что он не возмущается, официально сделали наш ОЛП инвалидным. И люди у нас жили, тянулись из последних сил, некоторых даже удалось поставить на ноги. В любом случае эски с других зон костыцынскую считали за Землю Обетованную»* [22. С. 194].

Этот новообретенный Рай контрастно оттеняет образ рая, который герой до своего ареста собирался представить в продолжении поэмы. Герой, композиционно сопоставляя описание своей работы по уходу за городскими клумбами и текстом синописа, устанавливает между ними равенство. Нереализованный замысел поэмы, который ему поручено было завершить, становится объектом его иронии. Синопис пародирует гоголевские планы о трехчастной структуре поэмы, опирающейся на дантевский опыт Божественной комедии. Это подтверждается количественной семантикой писем: первые пять писем названы Чистилище и кругами ада, от первого до седьмого, вторые – Земной рай. Описание работ на городских клумбах, с которых начинается каждая из частей синописа, становится формой оценки потомком идей предка о возможном духовном преображении Чичикова. Параллель с клумбой указывает на отношение героя к этой идее как поверхностной и декоративной. Сюжет метаморфоз Чичикова, в котором переплетаются религиозное (ревнитель старообрядческой церкви и её движение в XIX в.) и социальные (участник революционного движения), развивается по законам авантюрно-приключенческого жанра: *«Дальше постепенно раскручивается шпионский роман, действие которого я время от времени буду прерывать новеллами на манер повести о капитане Копейкине»* [22. С. 204]. Сюжетные механизмы массовой литературы служат средством опровержения гоголевской идеи о том, что Чичиков может изменить свою сущность в результате духовного преобразования. У Гоголя Второго Чичиков, присоединившись к старообрядческому движению, остается деловым человеком. Это обстоятельство способствует его успешному руководству старообрядческим движением. Его прошлые связи с контрабандистами и агентами царской охраны помогают ему избегать преследования со стороны государства.

В итоге синопис показывает самоиронию героя по отношению к прежним наивным представлениям о земном рае, которые были у него до познания зла в лагерном опыте. Познание зла приближает его к опыту предка, но отношение к нему – удаляет. Восстановление героем связи с биологическим отцом становится знаком удаления от гоголевских мессианских амбиций по исправлению зла мира. Герой, следуя за отцом, встает на путь оправдания зла. Вступив в секту Кормчего-Капралова, он посвящает свою жизнь «обслуживанию» адской воронки – кальдеры. Это место превращается в центр ритуальных практик, которые придают политзаключенным статус новомучеников. Основой проводимых обрядов является сакрализация физического насилия над жертвами политического террора. Их рассматривают как «козлов отпущения», жертв, которые искупают человеческие грехи. Лагерь представляется как богоугодная форма спасения: *«Небесный Иерусалим давно построен, однако до последнего времени стоял полупустым. Теперь же, когда столько невинно убиенных, других мучеников, город наполнился, сделался многолюден, жизнь в нём бьет ключом»* [22. С. 304].

Финал романа связан не с физической смертью героя, а символической. Встреча с Евтихиевым, чья био-

графия включает элементы пародии на Христа, подводит итоги не только второго этапа жизни потомка Гоголя, но и всей его жизни, посвященной выполнению мессианского предназначения: «общий срок, что он провел в тюрьмах и лагерях, двадцать восемь лет, добавь пять лет ссылки, итого аккурат тридцать три года» [22. С. 754]. Евтихий, пленник тюрем и лагерей, пародирует пророка, принявшего на себя страдания во имя людей. Происходит десакрализация образов революционеров, которые были наделены статусом пророков, так как произошло срастание идей христианства и революционного социализма: «Из вежливости я спросил про успехи. После привычной паузы Евтихий ответил, что отступает по всем фронтам. Для большинства, видят их или нет, и вправду разница невелика, а он прослыл бунтовщиком, революционером. В итоге из персональной комнаты его месяц назад перевели в другую, которую он делит с тремя доходагами. Двое совсем плохи, вот-вот отдадут Богу душу, а пока ходят под себя. Вонь такая, что теперь, когда ночи теплые, он спит здесь, во двореке. Устраивается за скамейкой прямо на траве. Получается, снова страдает за народ» [3. С. 690]. Значимо место, в котором происходит встреча, – дом престарелых, и время – 1968 г. Время и место символизирует устаревание и маргинализацию идеи, которая в начале века играла ключевую роль в исторических преобразованиях страны. В ходе беседы с ним герой стремится найти ответ на вопрос о природе самоназначаемых пророков и о тех, кто им верит, их замыслам по созданию нового мира. Своей игрой Евтихий пытается вернуть сорванную маску пророков нового мира: «Кроме этого, у старика настоящий дар перемешивания. Во всяком случае, стоило ему почувствовать, что я сомневаюсь, не понимаю, как и почему люди этому человеку поверили, обратились, оставив землю, дом, семью, пошли за ним, будто за Христом, Евтихий с пол оборота перевоплощался <...> Заметь, дядя, в его актерстве не было и грена глумления. Просто Евтихий видел, что без этого я не пойму, чем и как они брали, умели убедить. Почему сначала соратники по партии, потом депутаты, наконец рабочая и солдатская масса одного и другого, так сказать, целокупно, принимала их за Спасителя. Поднималась и шла за ними, как за Спасителем» [22. С. 756].

Физическая смерть Гоголя Второго является сюжетным началом романа. Её хронологическая датировка – 1991 г., и последовавший за ней семейный жест сдачи семейной переписки в Народный архив моделирует ситуацию расставания с историческим прошлым. В этом контексте описание смерти героя и ритуал его похорон тоже приобретает знаковый характер. Похороны героя подчеркивают пародийное начало его жизни: он не жил как обычный человек, а стремился стать пророком. Женский голос десакрализует пророческие амбиции героя, подчеркивая тяжесть его тела, которая усложнила его жизнь перед смертью и сами похороны: «Ближе к старости Коля так отяжелел, что она чуть не два часа втащиwała тело в дом, потом еще час не знала, как поднять его на кровать <...> гроб сразу отпал – не было подходящих досок, да и, найдись доски, вряд ли бы она сколотила что-нибудь

путное, и Колю в гробу до могилы никогда бы не дотащила. Оставалось хоронить, как давно принято в пустыне – то есть безо всякой домовины, в льняном саване <...> Придумала Соня и как быть с дорогой от дома до могилы. Получалось, что лучший вариант – матрас. Приделать к нему постромки из брезента, к ним по своему росту ляжки, впрячься и, будто на санях, волоком тащить тело» [22. С. 18]. Стремление следовать похоронному ритуалу при отсутствии условия для этого подчеркивает неготовность героя принять смерть земного человека. Похоронный ритуал также переворачивает семантику образа личного сада, который герой возделывал в пустыне. Происходит его обмирщение, так он используется в прагматических целях: «За садом Коля ухаживал, земля здесь была жирная, даже в сильную сушь рыхлая, мягкая, и Соня решила, что копать будет под старой яблоней, к веткам которой с незапамятных времен был привязан Колин гамак. Летом после обеда он устраивался тут отдохнуть, читал и отвечал на письма» [22. С. 19]. Образ могилы, «кривобокий холмик» с «кривым крестом» [22. С. 21], итожит жизненный путь героя, который старательно исполнял роль самоназначенного пророка.

Таким образом, гоголевский текст в романе становится формой авторской рефлексии о мессианской основе советского проекта. Сюжет Гоголя Второго зановорожденного для жизни по законам мессианского мифа, становится метафорой изначально обреченного на провал социального проекта спасения. Надуманное родство проблематизирует адекватность понимания гоголевскими наследниками причин незавершенности главного творческого замысла предка. Гоголевский гносеологический и этико-эстетический подтекст недописанной поэмы «Мертвые души» игнорируется потомками. Новый Гоголь проходит испытание познанием зла, которое становится способом проверки его верности проекту социального спасения, сакрализованного с опорой на религиозный миф. Две «детские» папки, символика названия которых очевидна и прозрачна, показывают героя в состоянии наивной веры. Оно, прежде всего, выражается в сакрализации гоголевских текстов. Колхозные реалии, не похожие на земной рай, выводят героя из состояния райского неведения о существовании зла. Лагерный опыт помещает героя повторно в ситуацию проверки его правоверности идеям земного рая. Сознательное и демонстрационное пародирование героем замысла гоголевской поэмы после столкновения со злом в лагере, является переходом в состояние квазирелигиозной веры. Квазирелигиозные убеждения героя становятся основой восприятия зла не как искажения Божьего замысла, а как его неотъемлемой части. Зло трактуется им как богоугодное. Он мыслит себя узнавшим цену подлинного рая, познав ад в рукотворном рае. Сюжет главного героя, в основе которого лежит нереализованный сюжет гоголевской поэмы «возвращения в рай из ада», становится инструментом для деконструкции советского мессианского мифа.

Шаров исследует возможность сочетания утопической абстракции с реальной жизнью. Это сочетание не является

проверкой идей Гоголя, а завершает ту проверку, которую сам Гоголь не смог полностью реализовать в своем творчестве, прозревая страшный итог. Шаров, «дописывая» по-

эму «Мертвые души», приходит к выводу, который религиозное сознание Гоголя не приняло: Земля Обетованная неизбежно оборачивается историческим Египтом.

Список источников

1. «Каждый мой роман дополняет предыдущие...» Беседа с М. Липовецким // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/li6.html> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Пульсон К. Комментарий к Бытию // Российская газета. № 21 2 (6484). URL: <https://rg.ru/2014/09/18/sharov.html> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Бреева Т.Н. Жанровая специфика историософского романа в русской литературе XX века // Вестник ТГГПУ. 2010. № 2 (20). С. 138–147.
4. Бреева Т.Н. Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 452 с.
5. Сорокина Т.Е. Историософские доминанты в романах В. Шарова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 3. С. 39–45.
6. Сорокина Т.Е. Современный русский роман как явление историософской идеи // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1. С. 66–68.
7. Сорокина Т.Е. Художественная историософия современного русского романа : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2011. 473 с.
8. Сорокина Т.Е. Эсхатологические мотивы художественной историософии Владимира Шарова // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С. 69–72.
9. Пантюхина А.И. Роман В. Шарова «След в след»: власть текста в истории // Филологический класс. 2016. № 1 (43). С. 88–95.
10. Пантюхина А.И. Художественные версии национальной истории в романах о современности (Ф. Горенштейн, В. Шаров, М. Шишкин) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 253 с.
11. Ащеулова И.В. Авторская историософия в эссеистике В. Шарова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 71–86.
12. Ащеулова И.В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 80–97.
13. Ащеулова И.В. Проза В. Шарова в контексте постмодернистского псевдоисторического дискурса // Дергачевские чтения–2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 42–49.
14. Рыжиков Т.В. Эсхатологический сюжет в русской прозе рубежа XX–XXI веков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 185 с.
15. Emerson C. The Russian Revolution as fantastic sunaesthetic event (Sigizmund Krzhizhanovskii and Vladimir Sharov) // Journal of European Studies. 2020. Vol. 50 (1). P. 36–45.
16. Emerson C. К вопросу о Шарове и Льве Толстом // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М. : Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 220–256.
17. Emerson C. Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends // Slavic and East European Journal. 2019. Vol. 63.4. P. 597–607.
18. Липовецкий М. Теология террора: исторический метасюжет в романах Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М. : Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 177–199.
19. Кюсе О.А. Формирование историософской концепции в творчестве Владимира Шарова : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2025. 172 с.
20. Меладина Ю.В. Гоголевский текст в романе В.А. Шарова «Возвращение в Египет». Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 228 с.
21. Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 220–226.
22. Шаров В. Возвращение в Египет. М. : АСТ, 2013. 759 с.
23. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. 686 с.

References

1. *Neprikosnovennyi zapas*. (2008) "Kazhdyy moy roman dopolnyaet predydushchie..." *Beseda s M. Lipovetskim* ["Each of My Novels Complements the Previous Ones..." A Conversation with M. Lipovetsky]. 3 (59). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/li6.html> (Accessed: 02.04.2025).
2. Pul'son, K. (2014) *Kommentariy k Bytiyu* [Commentary on Genesis]. *Rossiyskaya gazeta*. 21 2 (6484). [Online] Available from: <https://rg.ru/2014/09/18/sharov.html> (Accessed: 02.04.2025).
3. Breeva, T.N. (2010) Zhanrovaya spetsifika istoriosofskogo romana v russkoy literature XX veka [Genre Specificity of the Historiosophical Novel in 20th Century Russian Literature]. *Vestnik TGGPU*. 2 (20). pp. 138–147.
4. Breeva, T.N. (2011) *Kontseptualizatsiya natsional'nogo v russkom istoriosofskom romane situatsii rubezhnosti* [Conceptualization of the National in the Russian Historiosophical Novel of the Liminal Situation]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
5. Sorokina, T.E. (2013) *Istoriiosofskie dominanty v romanakh V. Sharova* [Historiosophical Dominants in the Novels of V. Sharov]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 3. pp. 39–45.
6. Sorokina, T.E. (2011) *Sovremennyy russkiy roman kak yavlenie istoriosofskoy idei* [The Modern Russian Novel as a Phenomenon of Historiosophical Idea]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 1. pp. 66–68.
7. Sorokina, T.E. (2011) *Khudozhestvennaya istoriosofiya sovremennogo russkogo romana* [Artistic Historiosophy of the Modern Russian Novel]. Philology Dr. Diss. Krasnodar.
8. Sorokina, T.E. (2009) *Eskhatologicheskie motivy khudozhestvennoy istoriosofii Vladimira Sharova* [Eschatological Motifs in the Artistic Historiosophy of Vladimir Sharov]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 4. pp. 69–72.
9. Pantyukhina, A.I. (2016) *Roman V. Sharova "Sled v sled": vlast' teksta v istorii* [V. Sharov's Novel "Step by Step": The Power of Text in History]. *Filologicheskii klass*. 1 (43). pp. 88–95.
10. Pantyukhina, A.I. (2020) *Khudozhestvennye versii natsional'noy istorii v romanakh o sovremennosti* (F. Gorenshcheyn, V. Sharov, M. Shishkin) [Artistic Versions of National History in Novels about the Present (F. Gorenshcheyn, V. Sharov, M. Shishkin)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
11. Ashcheulova, I.V. (2015) *Authorial Historiosophy in the Essays of V. Sharov*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (36). pp. 71–86. (In Russian).
12. Ashcheulova, I.V. (2013) *Istoricheskaya proza V. Sharova v kontekste russkoy istoricheskoy prozy vtoroy poloviny XX – nachala XXI v.* [The Historical Prose of V. Sharov in the Context of Russian Historical Prose of the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (21). pp. 80–97.

13. Ashcheulova, I.V. (2012) [The Prose of V. Sharov in the Context of Postmodernist Pseudo-Historical Discourse]. In: *Dergachevskie chteniya–2011. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings-2011. Russian Literature: National Development and Regional Features]. Proceedings of the 10th All-Russian Conference. Volume 2. Yekaterinburg: Ural University. pp. 42–49. (In Russian).
14. Ryzhikov, T.V. (2006) *Eskhatologicheskiy syuzhet v russkoy proze rubezha XX–XXI vekov* [The Eschatological Plot in Russian Prose at the Turn of the 21st Century]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
15. Emerson, C. (2020) The Russian Revolution as fantastic sunaesthetic event (Sigizmund Krzhizhanovskii and Vladimir Sharov). *Journal of European Studies*. 50 (1). pp. 36–45.
16. Emerson, C. (2020) K voprosu o Sharove i L'Ve Tolstom [On the Question of Sharov and Leo Tolstoy]. In: Lipovetskiy, M. & de La Fortel, A. (eds) *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii. Sbornik statey i materialov* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History. Collection of Articles and Materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 220–256.
17. Emerson, C. (2019) Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends. *Slavic and East European Journal*. 63 (4). pp. 597–607.
18. Lipovetskiy, M. (2020) Teologiya terrora: istoricheskiy metasyuzhet v romanakh Sharova [Theology of Terror: The Historical Metaplot in Sharov's Novels]. In: Lipovetskiy, M. & de La Fortel, A. (eds) *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii. Sbornik statey i materialov* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History. Collection of Articles and Materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 177–199.
19. Kiose, O.A. (2025) *Formirovaniye istoriosofskoy kontseptsii v tvorchestve Vladimira Sharova* [The Formation of the Historiosophical Concept in the Work of Vladimir Sharov]. Philology Cand. Diss. Perm.
20. Meladshina, Yu.V. (2019) *Gogolevskiy tekst v romane V.A. Sharova "Vozvrashcheniye v Egipt. Vybrannyye mesta iz perepiski Nikolaya Vasil'evicha Gogolya (Vtorogo)"* [The Gogolian Text in V.A. Sharov's Novel "Return to Egypt. Selected Passages from the Correspondence of Nikolai Vasilyevich Gogol (The Second)"]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
21. Lotman, Yu.M., Mints, Z.G. & Meletinskiy, E.M. (1980) Literatura i mify [Literature and Myths]. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Volume 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 220–226.
22. Sharov, V. (2013) *Vozvrashcheniye v Egipt* [Return to Egypt]. Moscow: AST.
23. Vayskopf, M. (2002) *Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst* [Gogol's Plot: Morphology. Ideology. Context]. Moscow: RSUH.

Информация об авторе:

Баль В.Ю. — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия, Томск). E-mail: balverbal@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.Yu. Bal, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balverbal@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025;
одобрена после рецензирования 26.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 12.04.2025;
approved after reviewing 26.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/514/3

Структура и функции «коммерческих» колоративов в интернет-каталогах косметических продуктов

Анастасия Олеговна Замятина¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, nastjazamik1999@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены процессы расширения лексико-семантического поля колоративов. Проанализированы единицы разных уровней языка, используемые для именования оттенков косметических продуктов (лексемы, словосочетания, предложения). Определены функции колоративов (номинативная, прагматическая, когнитивная, культурно-маркерная, императивная, эмоционально-экспрессивная, аксиологическая).

Ключевые слова: колоратив, коммерческие колоративы, устойчивые лексические комплексы, цвет, рекламный дискурс

Для цитирования: Замятина А.О. Структура и функции «коммерческих» колоративов в интернет-каталогах косметических продуктов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 25–32. doi: 10.17223/15617793/514/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/3

Structure and functions of "commercial" color terms in online catalogs of cosmetic products

Anastasiya O. Zamyatina¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nastjazamik1999@mail.ru

Abstract. The article investigates the processes of expanding the lexico-semantic field of color terms. Its aim is to analyze the structure of "commercial" color terms and identify their functions. The material consists of 627 color terms, collected via continuous sampling from the online cosmetics catalogs of the brands VIVIENNE SABÓ, Christian Dior, Influence Beauty, L'Oreal Paris, and Yves Rocher. The study employs the method of linguistic description—analyzing the use of color terms in online catalogs and identifying typical and specific features of "commercial" color terms—in combination with techniques such as interpretation, classification, and contextual analysis. The article analyzes units that reflect contemporary trends in cosmetology and describes the methods of forming "commercial" color terms: (1) words: conversion (*mirage, tulle, denim*, etc.), compound words (*pink-beige, white-beige*, etc.); (2) combinations and collocations: combinations of adjectives, where one is already a color term and the other specifies the shade's intensity (*poisonous matte matte, natural pink*, etc.); combinations of an adjective and a noun (*golden glow, rose quartz*, etc.); (3) sentences: two-member sentences (*I maximize, I research*, etc.), one-member sentences (*be yourself, always grace*, etc.), and incomplete sentences (*only in Paris*). It is established that the structure of "commercial" color terms in language represents a set of elements related to color designation, characterized by expressiveness, and evoking specific associations connected with emotional perception, cultural codes, and fashion trends. Units containing an existing color term have the potential to transcend the narrow scope of their initial application. Nevertheless, a significant portion of "commercial" color terms remain occasionalisms, failing to gain widespread use and remaining confined to specific catalogs. The primary function of "commercial" color terms is pragmatic: these creative, vivid color terms attract attention to the products they describe, exerting an emotional influence on the consumer. The cognitive function is realized when these color names serve to categorize shades by linking them to specific objects or phenomena, creating cognitive associations. The cultural-marker function becomes relevant when color terms reflect cultural, historical, or geographical features.

Keywords: color term, functions, structure, commercial color terms, stable lexical complex

For citation: Zamyatina, A.O. (2025) Structure and functions of "commercial" color terms in online catalogs of cosmetic products. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 25–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/3

Введение

Рекламный дискурс включает в себя языковые единицы, способные привлечь внимание целевой аудитории, сформировать в сознании потенциального потребителя положительный образ продукта. Одним из

средств создания визуального представления о продукте являются единицы с семантикой цвета.

В современном русском языке наблюдается выраженная тенденция к появлению новых колоративов. Под колоративами понимается совокупность слов, характеризующаяся отношением к цветовому спектру,

специфическим назначением лексем является номинация оттенков цвета. Новые колоративы можно назвать «коммерческими», поскольку их сфера функционирования не выходит за пределы профессиональных областей, таких как дизайн, реклама и мода. «Коммерческие» колоративы – номинации цвета, созданные для усиления «рекламного эффекта», который определяется как «сильное впечатление, произведенное кем-либо или чем-либо» [1. С. 59].

Актуальность заявленной проблематики определяется появлением новых единиц, связанных с обозначением оттенков цвета, которые требуют описания, выявления особенностей их функционирования. Также исследование имеет важное значение в контексте включенности в функциональную парадигму современной лингвистики, в рамках которой разрабатываются вопросы теории речевого воздействия и изучаются механизмы влияния языковых средств на адресата.

Цель статьи – анализ структуры «коммерческих» колоративов, выявление их функций.

Предметом анализа являются структура и функции колоративов в интернет-каталогах косметики.

Материалом послужили 627 колоративов, извлеченных из интернет-каталогов косметики брендов

VIVIENNE SABO, Christian Dior, Influence Beauty, L'Oreal Paris и Yves Rocher.

Данный материал был выбран по нескольким причинам: во-первых, описание косметических продуктов включает разнообразные лексические средства и грамматические конструкции, которые могут быть использованы для анализа языка рекламы и маркетинга. Во-вторых, описание косметических продуктов содержит элементы, направленные на создание определенного эмоционального состояния у потенциальных покупателей. В-третьих, помимо традиционных колоративов, в интернет-каталогах используются наименования, образованные на основе метафорического или ассоциативного переноса [2].

В работе применяется метод лингвистического описания (анализируется употребление колоративов в интернет-каталогах, выделяются типичные и специфические особенности «коммерческих» колоративов) в совокупности приемов: интерпретации, классификации, контекстуального анализа. При сборе материала применяется прием сплошной выборки.

Колоративы образуют лексико-семантическое поле (ЛСП)¹, которое можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. ЛСП колоративов: 1 – ядро класса – стабильный набор лексем: белый, черный, красный (первые три единицы образуют ядерную триаду), желтый, зеленый, синий, серый; 2 – приядерная зона: коричневый, розовый, голубой, сиреневый, бежевый и другие; 3 – ближайшая периферия, включающая колоративы, характеризующиеся меньшей частотностью: салатный, оливковый, кофейный и другие; 4 – дальняя периферия представлена «коммерческими» колоративами и другими вновь образованными единицами, которые не выходят за пределы узких сфер функционирования²

Развитие ЛСП колоративов демонстрирует общие закономерности изменения языковой семантики. «В процессе эволюции языка используется и содержательно-смысловой потенциал, заложенный в самом словарном составе: изменение значений слов, переосмысление, наращение новой семантики, стилистические переоценки слов – всё это, наряду с рождением новых слов, значительно расширяет и обогащает словарь языка, усиливает его потенции» [4. С. 75]. В контексте наименований оттенков цвета к основным семантическим процессам относятся образование новых колоративных единиц, изменение значений лексем, обозначающих цвет, а также расширение семантической структуры ранее существовавших наименований. В результате происходит обогащение лексического запаса языка.

В рамках колоративов различаются первичные (значение цвета является основным) и вторичные номинации (лексическое значение цвета не является основным) оттенков. Первичные номинации цвета входят в ядро и «в среднем в 10–12 раз более частотны, чем члены периферии» [5. С. 46]. Вторичные номинации, как правило, образуются от наименований предметов, ставших эталоном для наименования цвета [6].

Изучение колоративов ведется на протяжении длительного периода в разных аспектах: Н.Б. Бахилина [7] исследует формирование класса колоративов в диахронии на материале русского языка, рассматривая их лексическую и семантическую природу, исследователь уделяет внимание использованию колоративов, что позволяет выявить их функции (прагматическую, описательную, символическую, эмоционально-оценочную

и культурно-идентифицирующую). В.Г. Кульпина [8] фокусирует свой анализ на структурных характеристиках колоративов и их взаимодействии с другими языковыми единицами, исследователь отмечает, что развитие цветовой лексики одновременно включает как процессы стабилизации цветообозначений, так и их изменение и расширение [9].

В XXI в. с развитием медиа и интернета расширение ЛСП колоративов связано с использованием номинаций цвета в маркетинге и рекламе, колоративы становятся важным элементом коммуникации. Подобные единицы условно можно назвать «рекламными словами» [2]. А.П. Василевич, С.С. Мищенко и С.Н. Кузнецов [10] отмечают, что расширение системы колоративов в рекламе связано с метафорическими и ассоциативными наименованиями, которые подчеркивают эмоциональную насыщенность и привлекают внимание к товару. Сун Чуньчунь и О.Н. Чарыкова утверждают, что в количественном отношении в рамках рекламного дискурса преобладают «сложные колоративы – цветоименования, выраженные словосочетаниями. Они составляют 80,7% от общего количества выявленных цветообозначений» [11. С. 32]. А.А. Величко анализирует колоративы на материале промо-текстов компании Mercedes-Benz и приходит к выводу, что «в поле текстов примарно-эмоционального типа колоризмы наделены значительным прагматическим и функциональным потенциалом» [12. С. 70].

Новизна исследования заключается в комплексном анализе структуры и функций «коммерческих» колоративов в интернет-каталогах косметических продуктов. В работе впервые выделены и описаны структурные типы названий оттенков, характерные для данной сферы, а также установлены когнитивные и прагматические функции колоративов в контексте их воздействия на целевую аудиторию.

1. Структура «коммерческих» колоративов

Вновь появляющиеся «коммерческие» колоративы представлены как лексемами, так и сочетаниями, словосочетаниями или предложениями, функционирующими в роли отдельного наименования.

1.1. Лексемы. В процессе образования «коммерческих» колоративов используется конверсия, когда слово переходит из одной части речи в другую в результате разных семантических процессов [13. С. 187]:

1) Развитие полисемии или омонимии, когда лексема получает категориальное частеречное значение атрибутивности и семантику прилагательного: (цвет) *мираж*, (цвет) *тюль*, (цвет) *деним*, (цвет) *пончо*, (цвет) *джунгли*, (цвет) *мед*, (цвет) *шафран*, (цвет) *кардамон*, (цвет) *корица*, (цвет) *жасмин*, (цвет) *суфле*. Внутри этого класса возможно выделение следующих групп колоративов, образованных от существительных, обозначающих:

- топонимы: *виктуар*, *Париж*, *Сидней*, *Трафальгар*. Для данного словообразовательного типа характерно большое разнообразие мотивирующих основ: географические и природные объекты, исторические события;
- лиц по роду деятельности: *актриса*, *фаворитка*;

- объекты природы: *лепесток*, *ландыш*, *кокос*, *жасмин*, *ирис*, *корица*, *личи*, *мак*;
- различные понятия: *классика*, *гармония*, *независимость*, *грация*, *желание*.

2) Развитие полисемии или омонимии, когда лексема с исходным значением признака (прилагательное) получает дополнительное значение. Внутри этого класса возможно выделение следующих групп колоративов, образованных от прилагательных, обозначающих:

- вкус (вкусовое восприятие): *медовый*, *молочный*. Данные примеры свидетельствуют о том, что ассоциации определенных цветов связаны с ощущениями, получаемыми через вкусовые рецепторы;
- вид ткани (осязательное восприятие): *льняной*. Подобные единицы свидетельствуют о связи цвета с физическими ощущениями от соприкосновения с материалом, отражая сочетание цвета с тактильными характеристиками;
- свойства: *универсальный*, *необычный*. Данные колоративы отражают функциональность косметического продукта, а также особенности восприятия оттенка потребителем;
- качества: *уверенный*, *могущественный*, *неуловимый*, *неповторимый*, *непоколебимый*, *непреклонный*. Характеристики оттенка переносятся на качества, присущие человеку.

Таким образом, процесс образования «коммерческих» колоративов демонстрирует связь между цветом и различными сферами жизни: выбирая оттенок косметического продукта, человек обращает внимание на качества, которые актуализирует название. Образное переосмысление позволяет брендам углубить восприятие оттенка, усиливая его эмоциональную и культурную значимость.

Отдельного рассмотрения требует основосложение – один из активных способов создания новых наименований оттенков. Этот процесс заключается в объединении двух или более основ для образования нового слова, которое описывает цвет или оттенок: *розово-бежевый*, *бело-бежевый*. Подобные лексемы могут состоять из колоратива и оттеночной основы (элементы *темно-*, *светло-*, *бледно-*), один из исходных компонентов имеет лексическое значение ‘менее насыщенный, менее густой по сравнению с основным цветом’ и ‘более насыщенный, более густой по сравнению с основным цветом’: *светло-бежевый*, *темно-бежевый* и другие.

Таким образом, через лексемы, во-первых, создаются конкретные эмоциональные образы, так, *непреклонный* символизирует силу, стойкость и внутренний стержень; *неуловимый* отсылает к образу тайны, эксклюзивности и недоступности; *неповторимый* подчеркивает уникальность и исключительность; *могущественный* наделяет продукт или потребителя атрибутами силы и авторитета и т.д.

Во-вторых, обеспечивается эмоциональный отклик у потребителей: *тюль*, *деним*, *пончо* вызывают ассоциации с тактильными ощущениями (мягкость, плотность, легкость); *мед*, *шафран*, *кардамон*, *корица* апеллируют к вкусовым ощущениям и чувству уюта; *жасмин*, *джунгли* символизируют запахи природы, свежесть, экзотику. Подобные колоративы ассоциируются с легкостью, мечтательностью, утонченностью,

вызывают у потребителей ощущение нежности, сладости, удовольствия.

1.2. Сочетания и словосочетания. Сочетания и словосочетания используются в рекламных текстах для создания ярких, насыщенных описаний оттенков, которые формируются на основе как традиционных ассоциаций, так и новых, в результате чего создаются уникальные, запоминающиеся образы:

1) Сочетание прилагательных, одно из которых называет оттенок, а другое конкретизирует степень его насыщенности: *средний бежевый, светлый бежевый, мягкий бежевый, теплый оливковый, теплый персиковый, полупрозрачный желтый, полупрозрачный зеленый, полупрозрачный розовый, полупрозрачный красный, полупрозрачный синий, полупрозрачный фиолетовый*. Первый компонент может относиться к следующим параметрам: степень насыщенности цвета (*светлый* указывает на меньшую насыщенность цвета, в то время как *средний* обозначает промежуточную степень интенсивности, полупрозрачный характеризует степень прозрачности цвета), температурные характеристики цвета (*теплый* – наличие красновато-желтых оттенков, ассоциируемых с теплом), тактильные и визуальные свойства (*мягкий* – приглушенность оттенка).

2) Сочетание прилагательного и существительного:

– оттенок, входящий в ядро³ и приядерную зону ЛСП + существительное: *красная улыбка*; либо находящийся за пределами этих зон (периферия ближняя или дальняя) + существительное: *розовое сияние, золотое сияние, розовый кварц, слоновая кость, натуральное сияние, жемчужное сияние, вельветовый финиш, коралловое сияние*. Подобные единицы строятся на основе подчинительной связи (согласование);

– ряд номинаций образуется сочетанием прилагательных: «оценочная характеристика + название цвета + насыщенность»: *натуральный холодный розовый светлый, натуральный холодный розовый темный*.

В подобных примерах колоратив может быть осложнен существительным: *натуральный розовый с золотым мерцанием, натуральный коричнево-розовый с золотистым сиянием, бежевый с сиянием, персиковый с сиянием, розовый с сиянием*.

Прилагательное, обозначающее оттенок, может быть в препозиции и постпозиции по отношению к основному цвету. Наиболее часто препозиция прилагательного объясняется субъективной эмоциональной оценкой, синтезом понятий, переносным значением, передаваемым прилагательным. В препозиции находятся единицы из следующих лексико-семантических групп: цвет (*светлый, темный*), насыщенность (*полупрозрачный*), позиция по отношению к другим предметам (*средний*), температура (*теплый, холодный*), соответствие природе (*натуральный*). Препозиция прилагательных выполняет несколько значимых функций: градация цветовых оттенков (*светлый, темный, полупрозрачный* позволяют структурировать цветовой спектр), формирование ассоциативных связей (*теплый, холодный, натуральный* вызывают ассоциации, расширяя семантический потенциал), систематизация и категоризация цветового спектра (препозиционные

конструкции позволяют структурировать цветовую палитру, упорядочивая ее в рамках лексической системы языка).

Отметим наличие компонентов иноязычного происхождения. В последние два десятилетия наблюдается ярко выраженная тенденция к интернационализации лексического фонда русского языка, в частности, тенденция к использованию словообразовательных морфем, возникших под влиянием американского варианта английского языка. Например, аффиксальная морфема *ультра-* указывает на крайнее проявление того, что названо мотивирующим словом. В анализируемом материале встречается номинация: *ультра розовый*; компонент *ультра* не является префиксом, а выступает как отдельная единица.

Постпозиция «коммерческих» колоративов связана с уточнением основного оттенка, влияющего на восприятие цвета: *персиковый с золотым глиттером; мультихромный глиттер с салатовыми, фиолетовыми, серебряными сияющими частицами*.

Предмету может присваиваться не один, а несколько атрибутивных признаков: имя существительное нередко сопровождается несколькими прилагательными. Количество прилагательных при одном существительном может достигать до двух единиц: *нежный мятный оттенок с лампинг эффектом*.

– структура некоторых «коммерческих» колоративов не содержит оттенок, в результате чего определить цвет без соотнесения с цветовым кругом невозможно: *естественный силуэт, тропический микс, абсолютная власть, настоящая леди* (рис. 2).

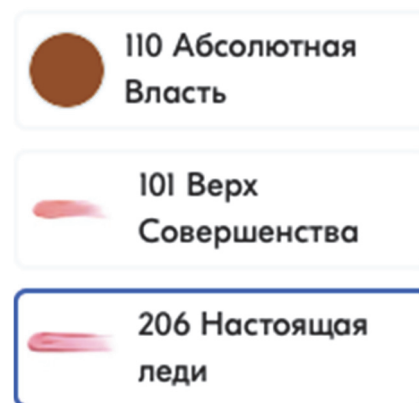

Рис. 2. Репрезентация колоративов – словосочетаний и сочетаний в каталогах косметики

3) Предложно-падежное сочетание (предлог + существительное в родительном падеже): *без тона*. Колоратив указывает на отсутствие цвета (цветового оттенка).

Таким образом, через сочетания и словосочетания выражается стремление покупателей вызвать шок и удивление у окружающих людей, подчеркиваются инновационные и нестандартные решения, на которые способен человек, использующий данный оттенок: *естественный силуэт*, колоратив указывает на гармонию, отсутствие излишеств или искусственного вмешательства; *тропический микс* – экзотика, яркость, разнообразие, что создает образ свежести, *абсолютная*

власть – контроль, сила, величие, колоратив вызывает ассоциации с превосходством, доминированием и уверенностью; *настоящая леди* – утонченность, женственность, грация, олицетворение классического идеала женственности, культуры и воспитания и т.д.

1.3. Предложения. Колоративы, оформленные в виде предикативной синтаксической конструкции, характеризуются следующей структурой:

1) Двусоставные предложения, в которых экспрессивность обеспечивается за счет использования в качестве подлежащего личного местоимения первого лица – я. Сказуемое в данном случае отсылает к положительному воздействию на потребителя или оказываемому на потребителя от гипотетического объекта. Рассмотрим типологию предикатов по семантике:

– ‘восхищение, удивление или восторг’: я *восхищаю*; я *очаровываю*; я *заряжаю*; я *сияю*; я *обезоруживаю*; я *вдохновляю*. Глаголы, функционирующие в данных примерах, имеют направленность действия на кого-либо, обозначают состояние человека по отношению к другому лицу;

– ‘эмоции, направленные на собственное состояние человека’: я *восторгаюсь*; я *наслаждаюсь*; я *капризничаю*; я *бунтую*; я *протестую*; я *парю* (рис. 3). В некоторых примерах постфикс выражает направленность действия на себя;

– ‘деятельность человека, направленная на объект’: я *исследую*. Проведем анализ предикатов интеллектуальной деятельности: Я → *исследую* → *что-то* (то, что подвергается исследованию, например, данные, явление); Я → *заявляю* → *что-то* (то, что является предметом заявления, например, факт, мнение) – ; Я → *выбираю* → *что-то* (то, что является предметом выбора, например, вариант, объект); Я → *представляю* → *что-то* (то, что представляется, например, образ, идея); Я → *создаю* → *что-то* (то, что создается, например, продукт, произведение); Я → *провозглашаю* → *что-то* (то, что провозглашается, например, факт, правило). Так, каждый глагол выражает определенное действие, выполняемое субъектом (я), переходящее на объект;

– ‘яркие, экспрессивные эмоции, направленные на объект’: я *гиперболизирую*; я *акцентирую*; я *усиливаю*; я *максимизирую*;

– ‘уверенность в своих силах’: я *этого достойна*. Использование данного колоратива для номинации оттенка помады подтверждает, что человек, использующий его, заслуживает лучшего. Положительные коннотации возникают при использовании краткой формы прилагательного в роли сказуемого *достойна*, выражающего одобрительную оценку. Функцией колоратива в данном случае является повышение статуса и самооценки человека.

2) Односоставное обобщенно-личное предложение: *Будь уникальной, Будь собой, Будь эффектной, Будь авангардной, Будь в глянце, Будь успешной* (рис. 4). Глаголы повелительного наклонения «обеспечивают прескрипцию определенного поведения человека-потребителя, ориентацию на выполнение действия-приобретения объекта рекламы» [15. С. 108]. Проанализированный материал свидетельствует о том, что директив-

ные речевые акты представляют рекомендации, которые направлены на формирование своего образа, моделируя такие качества, как успешность, уникальность.

Рис. 3. Репрезентация колоративов – двусоставных предложений в каталогах косметики

Рис. 4. Репрезентация колоративов – односоставных предложений в каталогах косметики

3) Односоставное номинативное предложение, построенное по схеме *всегда* + существительное или прилагательное. Первая часть колоратива *всегда* указывает на вневременность признака, вторая отсылает к объекту, который ассоциативно связан с субъектом, использующим данный оттенок.

Внутри этой группы возможно выделение колоративов, ассоциативно связанных с модой и стилем: *всегда Диор*; *всегда Грация*; *всегда Шик*; *всегда Париж*; с мечтой и идеализацией: *всегда Мечта*; с эмоциональным воздействием: *всегда шок*; а также выражающих стремление к исключительности: *всегда Звезда*. Отдельного рассмотрения требует единица *всегда Диор*, второй компонент которой отсылает к бренду, что обеспечивает привлечение внимания к оттенку, увеличивая спрос. Данная группа колоративов представляет интерес, во-первых, потому что определить оттенок, названный колоративом, без соотнесения с цветовой палитрой невозможно, во-вторых, потому что колоративы несут определенную эмоциональную и символическую нагрузку, которая может варьироваться в зависимости от контекста.

Подобные колоративы также способны обозначать вневременные характеристики и состояния кого-либо или чего-либо: *всегда Естественный*; *всегда Известный*; *всегда Яркий*. Первая часть колоратива указывает на постоянное состояние или качество. В контексте тема-рематического членения она является частью

темы, так как задает временные рамки, постоянные качества, которые воспринимаются как данное, вторая часть колоративов – прилагательные, предоставляющие новую информацию, характеризующую состояние или качество, являются ремой.

С точки зрения полноты и неполноты можно выделить:

– неполное предложение с частицей *только*, придающей элемент исключительности, и именем собственным, которое используется в значении культурного и символического объекта: *Только в Париже* (рис. 5). Единица указывает на то, что использование оттенка, описываемого колоративом, возможно только в Париже, что связывает цвет с роскошным образом жизни. Данный колоратив представляет интерес с точки зрения актуального членения предложения: колоратив является ремой – частью предложения, которая представляет собой новую информацию, добавленную к теме (которая отсутствует).

Рис. 5. Репрезентация колоративов – неполных предложений в каталогах косметики

Таким образом, через колоративы, представляющие предложения, осуществляется воздействие на эмоции потребителя, в результате чего происходит побуждение к действиям, формируются положительные ассоциации с брендом. *Будь уникальной, Будь собой* подчеркивают ценность индивидуальности, помогают сформировать у потребителя ощущение исключительности, вдохновляют на принятие себя и своих качеств. Фокус на эстетике и харизме: *Будь эффектной, Будь авангардной* акцентируют внимание на стремлении к привлекательности, современности, творческому подходу к жизни. Связь с современными трендами и успехом – *Будь в глянсе* отсылает к образу жизни, который ассоциируется с медиа, модой, успехом. *Всегда Грация* – грация и изящество ассоциативно связаны с харизмой и изысканностью, следовательно, колоратив связан с элегантностью и утонченностью потребителя, выбирающего продукт данного оттенка. *Всегда Звезда* связан со светским обществом, блеском и популярностью, олицетворяет желание быть в центре внимания. *Всегда Шик* ассоциируется с безупречным стилем, современными тенденциями и утонченным вкусом. *Всегда Мечта* выражает стремление к осуществлению желаний. *Всегда Париж* олицетворяет шарм и романтику, поскольку второй компонент колоратива ассоциируется с атмосферой Парижа, его культурой, искусством и романтикой. *Всегда Шок* – провокация и неожиданность. Утверждение права на лучшее: *я этого достойна* – послание, основанное на уверенности в себе, признании права на лучшие продукты, качества и услуги.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что для номинации цвета используются лексемы, образованные конверсией и основосложением; сочетания и

словосочетания; предложения, функционирующие в качестве единого словесного комплекса.

2. Функции «коммерческих» колоративов

Целью создания «коммерческих» колоративов является их способность привлекать внимание к продукту, формировать его уникальный образ и усиливать эмоциональную связь с целевой аудиторией. «Коммерческие» колоративы выполняют ряд функций (совокупность коммуникативных, когнитивных и прагматических ролей колоративов, определяемых спецификой их употребления в языке рекламы и маркетинга), направленных на реализацию маркетинговых и рекламных задач. Они отражают назначение колоративов как языковых единиц, обеспечивающих передачу информации, создание эмоционального воздействия и формирования ассоциативных связей между продуктом и потенциальным потребителем [3].

Главная функция «коммерческих» колоративов – номинативная. Она направлена на создание наименований оттенков, что обеспечивает базовое обозначение цветовых характеристик (лексемы: *светло-бежевый*, сочетания и словосочетания: *теплый оливковый, красная улыбка*). Кроме того, номинативная функция способствует репрезентации продукта, выполняет идентифицирующую и дифференцирующую роли. Номинативные единицы становятся семиотическими маркерами, которые интегрируют эстетические и эмоциональные смыслы, что позволяет обеспечить запоминаемость и повысить рекламную привлекательность продукта. *Балетная пачка, молочный шелк, нюдовое платье, гармония* сочетают в себе визуальную и сенсорную образность, формируя сложные ассоциативные цепочки, которые усиливают восприятие продукта и повышают его привлекательность для потребителя.

Прагматическая функция реализуется, когда креативные и экспрессивные наименования выполняют роль в формировании эмоционального воздействия на потенциального потребителя, актуализируя дополнительные ассоциативные смыслы. Эффект усиливается за счет применения глагольных конструкций и личных местоимений, которые активизируют субъективное восприятие и создают иллюзию диалога с адресатом: *я очаровываю, яркий протест* и т.д. Прилагательные с выраженной эмоционально-оценочной коннотацией (например, *дерзкая, соблазнительная*) интенсифицируют ассоциативные связи, повышая прагматический потенциал номинаций и их привлекательность для целевой аудитории.

Когнитивная функция реализуется в том случае, когда «коммерческие» колоративы служат для категоризации цвета. Названия оттенков связаны с конкретными предметами или явлениями, в результате чего формируются когнитивные ассоциации (*янтарный загар, клубничный шиммер, естественная бронза* и другие). Мотивирующей основой выступают природные объекты (плоды: *ягода – ягодный, малина – малиновый*; деревья: *оливка – оливковый*), еда (*шоколад – шоколадный*), металлы (*бронза – бронзовый, золото – розовое*).

золото), минералы (опал – *опал*, жемчуг – *жемчужный*).

Когнитивная функция также связана с культурно-маркерной, которая актуализируется в случаях, когда «коммерческие» колоративы отсылают к географическим объектам (*Графальгар, Терра Белла* и т.д.), в результате чего создаются образы, значимые для определенной аудитории.

Императивная функция заключается в стимуляции определенного поведения потребителя посредством цветowych ассоциаций, формирующих представление о динамике, активности и необходимости совершения действия (*я этого достойна, всегда грация, непоколебимый*). Цвета в данном случае выступают триггерами, ассоциирующимися с энергией, силой или, напротив, спокойствием и надежностью, что в свою очередь влияет на поведенческую реакцию адресата.

Эмоционально-экспрессивная функция создает эмоциональный фон: определенные оттенки вызывают ассоциации с уверенностью, роскошью, экстравагантностью или нежностью, что позволяет создать желаемый эмоциональный отклик (*роскошный золотой* – символ богатства и элитарности).

«Коммерческие» колоративы участвуют в процессе конструирования эталонов, предлагаемых потребителю в качестве ориентира. В этом случае они выполняют аксиологическую функцию. Цветовые номинации не только обозначают физические свойства продукта, но и задают систему ценностных координат, формируя представление об определенном уровне качества, эстетическом или социального статуса (*элегантность, элитарный, энергичный, будь эффектной, я этого достойна*).

Коммерческие колоративы обладают полифункциональностью, то есть одно цветовое наименование одновременно выполняет несколько коммуникативных функций. Так, лексемы выполняют номинативную, прагматическую, когнитивную, культурно-маркерную, императивную, эмоционально-экспрессивную и аксиологическую функции. Сочетания и словосочетания номинативную, прагматическую, когнитивную, культурно-маркерную, императивную и эмоцио-

нально-экспрессивную функции. Предложения номинативную, прагматическую, культурно-маркерную, императивную, эмоционально-экспрессивную и аксиологическую функции.

Таким образом, главная цель «коммерческих» колоративов заключается в создании яркого и запоминающегося образа, который не только привлекает внимание, но и формирует эмоциональную связь с целевой аудиторией, побуждает ассоциировать товар с личными ощущениями и предпочтениями.

Заключение

ЛСП колоративов представляет собой системную совокупность языковых единиц, объединенных общим семантическим компонентом, связанным с категорией цвета. Оно формируется на разных уровнях языка и охватывает не только базовые цветообозначения, но и производные лексемы, многозначные наименования, метафорические и терминологические образования, а также устойчивые сочетания и «коммерческие» колоративы.

«Коммерческие» колоративы – сегмент цветообозначений, обладающий сложной многослойной семантикой. «Коммерческие» колоративы образуются различными способами, включая развитие вторичных лексических значений, конверсия, основосложение, использование в качестве отдельного наименования сочетаний и словосочетаний, предложений. В результате этих процессов в современном русском языке ЛСП колоративов активно пополняется новыми единицами, которые отражают прагматические установки и эффекты речевого воздействия.

Семантическая структура «коммерческих» колоративов характеризуется многослойностью и вариативностью, обусловленной не только базовыми денотативными характеристиками цвета, но и его коннотативными и прагматическими аспектами. «Коммерческие» колоративы выполняют широкий спектр функций, включая номинативную, прагматическую, когнитивную, культурно-маркерную, императивную, эмоционально-экспрессивную, аксиологическую, что подтверждает их полифункциональный характер.

Примечания

¹ «Совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [3. С. 380–381].

² Лексемы иной частеречной принадлежности соотносятся с единицами с соответствующими корнями.

³ Ядро класса – отличающиеся особой типичностью, наиболее репрезентативные и частотные колоративы. Гипотетическое, стабильное в настоящее время ядро ограничено кругом наиболее частотных и стилистически нейтральных адъективных единиц, имеющих праславянское происхождение и даже восходящих к индоевропейскому периоду: красный, белый, черный, зеленый, синий, желтый, серый. За данными номинациями закреплена сема ‘воспроизводящий цвет предметов, изображающий что-л. в цветах, близких к натуральным’ [14. С. 64].

Список источников

1. Кохтев Н.Н. Десять эффектов рекламы // Русская речь. 1991. № 6. С. 59–64.
2. Воронова М.В., Ершова Н.И. Типы колоративов в рекламных текстах // Огарев-Online. 2015. № 6 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-kolorativov-v-reklamnyh-tekstah> (дата обращения: 12.05.2024).
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие. М. : Логос, 2001. 304 с.
5. Печеникова Л.В. Цветообозначения в рекламном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 264 с.
6. Кезина С.В. Эволюция семантики цветообразования в соответствии с законом расширения семантического объема слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2008. № 1. С. 14–21.
7. Бахилина Н.Б. История цветообозначения в русском языке. М. : Наука, 1975. 288 с.
8. Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М. : КомКнига, 2007. С. 126–184.

9. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: монография. М. : МАКС Пресс, 2019. 288 с.
10. Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Цвет и его название: развитие лексики цветообозначения в современной России. М. : Наука, 2005. 266 с.
11. Сун Чунчунь, Чарыкова О.Н. Система колоративов в рекламных каталогах декоративной косметики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 30–32.
12. Величко А.А. Прагматическая и функциональная специфика цветообозначений в рекламном дискурсе (на материале промоектов компании Mercedes-Benz) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10, ч. 2. С. 67–70.
13. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2011. 328 с.
14. Елынцева И.В. Структурно-семантические особенности адъективных лексико-семантических групп колоративов русского и белорусского языков // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 62–70.
15. Селеменова О.А. Средства создания рекламных эффектов в креолизированных текстах маркетинговой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2 : Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 105–117.

References

1. Kokhtev, N.N. (1991) Desyat' effektov reklamy [Ten Effects of Advertising]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 59–64.
2. Voronova, M.V. & Ershova, N.I. (2015) Tipy kolorativov v reklamnykh tekstakh [Types of Color Terms in Advertising Texts]. *Ogarev-Online*. 6 (47). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-kolorativov-v-reklamnyh-tekstah> (Accessed: 12.05.2024).
3. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
4. Valgina, N.S. (2001) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow: Logos.
5. Pechennikova, L.V. (2006) *Tsvetooboznacheniya v reklamnom diskurse* [Color Terms in Advertising Discourse]. Philology Cand. Diss. Saratov.
6. Kezina, S.V. (2008) Evolyutsiya semantiki tsvetoobrazovaniya v sootvetstvii s zakonom rasshireniya semanticheskogo ob'ema slova [Evolution of the Semantics of Color Term Formation in Accordance with the Law of Expansion of the Semantic Volume of a Word]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 1. pp. 14–21.
7. Bakhilina, N.B. (1975) *Istoriya tsvetooboznacheniya v russkom yazyke* [History of Color Terms in the Russian Language]. Moscow: Nauka.
8. Kul'pina, V.G. (2007) Sistema tsvetooboznacheniy russkogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [The System of Color Terms in the Russian Language in Historical Perspective]. In: Vasilevich, A.P. (ed.) *Naimenovaniya tsveta v gindo-evropeyskikh yazykakh. Sistemy i istoricheskiy analiz* [Color Names in Indo-European Languages. Systemic and Historical Analysis]. Moscow: KomKniga. pp. 126–184.
9. Kul'pina, V.G. (2019) *Lingvisticheskaya kolorologiya: ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer* [Linguistic Colorology: From History to Modernity of Color Concept Spheres]. Moscow: MAKS Press.
10. Vasilevich, A.P., Mishchenko, S.S. & Kuznetsova, S.N. (2005) *Tsvet i ego nazvanie: razvitie leksiki tsvetooboznacheniya v sovremennoy Rossii* [Color and Its Name: The Development of Color Term Vocabulary in Modern Russia]. Moscow: Nauka.
11. Sun, Chunchun & Charykova, O.N. (2016) Sistema kolorativov v reklamnykh katalogakh dekorativnoy kosmetiki [The System of Color Terms in Advertising Catalogues of Decorative Cosmetics]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 30–32.
12. Velichko, A.A. (2017) Pragmaticheskaya i funktsional'naya spetsifika tsvetooboznacheniy v reklamnom diskurse (na materiale promоектов kompanii Mercedes-Benz) [Pragmatic and Functional Specificity of Color Terms in Advertising Discourse (Based on Promotional Texts of the Mercedes-Benz Company)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (2). pp. 67–70.
13. Zemskaya, E.A. (2011) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Formation]. 3rd edition. Moscow: Flinta; Nauka.
14. Elyntseva, I.V. (2017) Strukturno-semanticheskie osobennosti ad'ektivnykh leksiko-semanticheskikh grupp kolorativov russkogo i belorusskogo yazykov [Structural and Semantic Features of Adjectival Lexical-Semantic Groups of Color Terms in Russian and Belarusian]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk*. 1. pp. 62–70.
15. Selemenova, O.A. (2019) Sredstva sozdaniya reklamnykh effektov v krelizovannykh tekstakh marketingovoy kommunikatsii [Means of Creating Advertising Effects in Creolized Texts of Marketing Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*. 18 (4). pp. 105–117.

Информация об авторе:

Замятина А.О. – аспирант, ассистент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nastjzamik1999@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.O. Zamyatina, postgraduate student, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastjzamik1999@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2024;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 29.10.2024;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 81'23
doi: 10.17223/15617793/514/4

Экспериментальное исследование гендерно обусловленных различий в восприятии русских эмоциональных глаголов

Ксения Сергеевна Иванкова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, senya.gl@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования когнитивной обработки эмоциональных слов мужчинами и женщинами. Проверялась гипотеза о гендерных различиях в восприятии русских глаголов с различным типом эмоциональной оценки и референтной соотнесенности. Выявлено, что на скорость обработки эмоциональных глаголов русского языка мужчинами и женщинами влияют пол испытуемого, тип эмоциональной оценки стимула, форма глагола. Также были получены данные о влиянии совокупности факторов в их интеракциях.

Ключевые слова: гендер, эмоциональность, эмоциональная оценка, экспериментальное исследование, когнитивная обработка слов

Для цитирования: Иванкова К.С. Экспериментальное исследование гендерно обусловленных различий в восприятии русских эмоциональных глаголов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 33–45. doi: 10.17223/15617793/514/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/4

An experimental study of gender-related differences in the perception of Russian emotional verbs

Ksenia S. Ivankova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, senya.gl@mail.ru

Abstract. In cognitive linguistics, gender studies of the verbal and nonverbal emotional stimuli processing are actively conducted. Most of these works are presented in English, while the perception and processing of emotional Russian words in this aspect remains poorly studied. The article presents the results of a study aimed at identifying the factors affecting the processing of Russian verbs with different types of emotional evaluation by men and women. The hypothesis is tested that the cognitive processing of Russian verbs by men and women can be influenced by both individual factors and their combination: (1) the type of emotional evaluation, (2) the type of referential correlation of the stimulus, (3) contextual influence. The study uses the method of behavioral psycholinguistic experiments with the PsychoPy software; an emotive decision task is performed. The research material used as linguistic stimulus material was 25 positive, 25 negative, and 25 neutral verbs from the dictionaries *Alphabet of Emotions: Dictionary-Thesaurus of Emotive Vocabulary* and *Large Explanatory Dictionary of Russian Verbs* by L.G. Babenko. As primes, which were used to create an external emotional context, 25 negative and 25 positive images from the Open Access Series of Imaging Studies were selected. The experiment involved 102 people (52 men, 50 women). As a result of statistical analysis, it was revealed that the speed of processing emotional verbs in the Russian language is influenced by both individual factors (subject's gender, type of emotional evaluation, type of referential correlation, verb form) and a set of factors in their interactions: (1) differences were found in the perception of the combination of negative semantics of prime with a word with a positive emotional assessment: women processed incongruent positive stimuli significantly longer ($P < 0.001$), compared with men for whom the type of prime had no significant effect on reaction time; (2) the interaction of the factors of the subject's gender and type of referential correlation of the stimulus was revealed in the processing of verbs in the present tense in the first person singular, but these effects were not found in the processing of other grammatical forms; (3) the influence of a combination of the factors of the subject's gender, referential correlation, and type of emotional assessment was also found (women processed emotional words with a positive type of valence and a male referent significantly longer, and men processed emotional words with a positive type of valence and a female referent, $P < 0.05$). It is assumed that the complex nature of gender is fully realized only when it interacts with other factors. It is planned to conduct new experiments with the introduction of additional factors and the use of new stimulus material.

Keywords: gender, emotionality, emotional evaluation, experimental research, cognitive word processing

For citation: Ivankova, K.S. (2025) An experimental study of gender-related differences in the perception of Russian emotional verbs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 33–45. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/4

Введение

Эмоциональность является одной из ключевых категорий, изучаемых в когнитивной науке в настоящее время. Активное изучение эмоциональной стороны человеческой жизни началось лишь несколько десятилетий назад, после признания учеными связи между интеллектом, мышлением и эмоциями (Л.С. Рубинштейном, Л.С. Выготским и др.). Эмоциональная и когнитивная сферы психической деятельности человека, с одной стороны, имеют свои функции и за их работу отвечают определенные механизмы человеческой психики, с другой – эти два компонента являются неразрывно связанными и влияющими друг на друга. Так, некоторая автономность каждого механизма наблюдается при условной «поломке» (расстройстве) естественных проявлений какой-либо из деятельностей. Например, при *алекситимии* человек теряет связь со своими эмоциями и имеет проблемы с их ощущением, пониманием и проявлением, в то время как логическое мышление может оставаться на высоком уровне. Влияние же одной сферы на другую отмечается при более быстром запоминании эмоционально окрашенной информации или при активизации эмоциональных состояний мыслительных процессов.

В психологии выделяют следующие функции эмоций: мотивационно-регулирующую, сигнальную, защитную и коммуникативную [1]. Если первые три связаны больше с внутренними процессами и помогают человеку находить мотивы к действию, реагировать в опасных для жизни ситуациях и понимать свои потребности, то последняя – коммуникативная позволяет актуализировать себя в обществе и выражать свое отношение к происходящей действительности, что может осуществляться как невербальным, паравербальным, так и вербальным способами. Язык выполняет также коммуникативную и экспрессивную функции, т.е. с помощью его ресурсов человек может выбирать языковые средства для достижения взаимопонимания (передачи информации) или выражать свое отношение к чему-либо (в зависимости от преследуемой цели).

Несмотря на универсальность человеческих эмоций, различные языки по-разному кодируют эмоциональные смыслы (а в некоторых языках вообще отсутствует понятие «эмоциональность» например, *языки Папуа-Новой Гвинеи, часть малазийских языков и др.* [2]), тем не менее в любом языке (на всех его уровнях) есть все необходимые языковые средства для выражения эмоций и эмоционального отношения. Стоит отметить, что в лингвистике разделяются понятия «эмоциональность» как категория, соотносимая с субъектом и его переживаниями, и «эмотивность» – способность самих языковых единиц репрезентировать эмоциональные смыслы. Тем не менее разные исследователи вкладывают различные смыслы в термины «эмотивность» и «эмотивный», включая разный набор вербальных единиц в группу эмотивных слов [3–5]. При обращении к лексическому фонду языка мы обнаружим лексемы, соотносимые с эмоциями, т.е. называющие

эмоциональные явления и состояния (например, *любовь, страх*), а также слова, которые выражают определенное отношение к чему или кому-либо (зачастую имеющие эмоционально-оценочные пометы или коннотации, например *ласк., одобр.* и пр.). Вместе с тем в психолингвистике к классу эмоциональных слов причисляют те, которые способны вызывать эмоцию у индивида (например, *тюрьма, паук* и пр.). Так, Анета Павленко выделяет две основные группы эмоциональных слов: слова-эмоции, описывающие или выражающие эмоции и эмоциональные состояния, и слова, вызывающие эмоции (англ., *emotion-laden words*) [6]. Таким образом, в категорию эмоциональных слов могут попадать слова, которые традиционно в лингвистике интерпретировались как нейтральные, например, *либерал* или *элита*, так как в определенном контексте они могут восприниматься как оскорбительные. Благодаря такому антропоцентрическому подходу мы видим, насколько тесна связь собственно языкового значения той или иной лексемы и личности, которая его интерпретирует (воспринимает и декодирует).

Таким образом, под эмоциональным словом (а также и невербальным эмоциональным стимулом) в психолингвистике считается то, что вызывает эмоциональный отклик у респондента (в виде физиологической реакции или субъективной оценки), который может варьироваться по показателям. Традиционно противопоставляются единицы, получившие высокий отклик (эмоциональные) и низкий (приблизженные к нейтральным). Отметим, что в нашей работе мы также считаем эмоциональным то слово, которое оценил как таковое респондент, а термины «эмоциональный» и «эмотивный» используем как синонимичные.

Психологи и лингвисты с помощью экспериментальных методов выявляют различия в обработке эмоциональных и неэмоциональных (т.е. не имеющих эмоционального воздействия на испытуемого) стимулов. Так, доказано, что обработка эмоциональных слов статистически значимо отличается от нейтральных по времени реакции: эмоциональные слова обрабатываются быстрее и точнее [7–9]. Вообще исследование обработки слов представлено большим количеством работ, благодаря которым получены широко известные основные эффекты: большую роль в обработке слов влияет частотность и длина слова [7, 9, 10], конгруэнтные слова, обрабатываются быстрее неконгруэнтных [11], значимо отличается обработка абстрактных и конкретных слов, в том числе эмоциональных и неэмоциональных [7, 10]. Подобные эффекты были описаны еще психоаналитиком К. Юнгом при проведении своих известных ассоциативных экспериментов [12].

В настоящее время изучается влияние различных факторов (психоэмоциональных, социальных, языковых и пр.) на когнитивную обработку эмоциональных слов. Выявлено, что на характер обработки эмоциональных единиц влияет степень эмоциональной интенсивности стимула и тип его эмоциональной оценки: прайм¹, имеющий одинаковую степень валентности со словом стимулом, способствует более быстрой последующей активации этого стимула (эффект прайминга),

как и единицы имеющие равнозначные показатели по степени эмоционального воздействия [13].

Доказано влияние типа стимула: чтение или прослушивание табуированных слов вызывает более высокие показатели проводимости кожи (РПРК), чем чтение или прослушивание нейтральных слов [14]. Также отмечается влияние факторов типа языка (родной/иностранной) [15, 16], настроения [8, 17] и пола испытуемого на обработку эмоциональных слов [8, 17–20].

Более подробно остановимся на освещении результатов исследований, посвященных гендеру и эмоциональности². В этой связи важно отметить, с одной стороны, естественность эмоциональных импульсов, а с другой – социальную обусловленность и некоторую «несвободу», которая связана с определенными установками и нормами, закрепленными в том или ином обществе. Так, в обществе давно сформировались стереотипы относительно «мужского» и «женского» поведения, касающегося чувственно-эмоциональной сферы жизни, например, всем известные выражения *«мальчики не плачут»*, *«будь ты уже мужчиной»* как раз говорят о существующих стереотипах, связанных с проявлением эмоций мужчинами, в то время как женщине отводится большая степень свободы в выражении своей эмоциональности [21] (см. также подобные исследования в работах российских и зарубежных исследователей [22, 23]).

Теоретические основы исследования

В когнитивных науках активно исследуются факторы, противопоставляющие мужчин и женщин в познавательной (когнитивной) и эмоциональной (аффективной) сферах психической деятельности. К настоящему моменту получены данные о гендерных различиях в скорости обработки вербальной информации [8, 18–20], в работе и морфологии структур мозга, связанных с эмоциональной сферой личности [24, 25], в частности, в активности миндалевидного тела [25], в значениях психофизиологических показателей при восприятии и когнитивной обработке эмоциональных стимулов [26–29], в характере оценок типа валентности стимула и степени воздействия на эмоциональное состояние [30, 31], в решении когнитивных задач в разном эмоциональном состоянии [8, 17] и пр.

В работах с измерением психофизиологических показателей при обработке эмоциональных стимулов отмечаются следующие различия между полами:

1) у женщин отмечаются более высокие показатели частоты биения сердца, проводимости кожи, степени реакции (испуга), а также оценок степени воздействия стимулов на их эмоциональное состояние, причем более ярко различия проявляются на материале с отрицательным типом валентности [29–31];

2) женщины имеют значимые отличия во времени реакции при когнитивной обработке эмоциональных единиц в разном эмоциональном состоянии, в отличие от мужчин, для которых данный фактор не имеет значения [8, 17];

3) женщины показывают большую чувствительность к эмоциональной просодии во время семантической обработки слов, чем мужчины [32];

4) женщины в целом справляются с вербальными задачами на время реакции значительно быстрее, в том числе выполняя работу с эмоциональными стимулами [8, 18–20], по сравнению с мужчинами;

5) при оценивании изображений по параметрам эмоциональная оценка и степень воздействия на эмоциональное состояние (от англ. arousal) у женщин наблюдается более высокая степень корреляции данных факторов между собой, по сравнению с мужчинами, что в большей степени проявляется на отрицательном стимульном материале [30].

Стоит отметить, что полученные гендерные различия в большей степени проявляются на высоко аффективном материале, имеющим в своем содержании компоненты насилия или агрессии, где, как мы считаем, условное семантическое расстояние между типами стимулов (нейтральный vs. эмоциональный) характеризуется большим диапазоном. Однако остается неясным, где проходит эта граница между многообразными группами стимулов, за которой гендерные различия нивелируются.

Также неясно, следует ли считать закономерным влияние отрицательной семантики стимула на когнитивную обработку мужчинами и женщинами, по причине того, что получены противоречивые данные о взаимодействии этих факторов в разных типах экспериментов. Так, например, в экспериментах на скорость реакции ряд ученых доказывают наличие интеракции данных факторов [18, 33], в то время как другие сообщают о схожей обработке эмоциональных отрицательных и положительных слов мужчинами и женщинами [19, 20].

В исследованиях восприятия эмоциональных визуальных стимулов по параметрам валентности³ стимула и степень его воздействия на эмоциональное состояние методом шкалирования одни исследователи отмечают статистически значимые гендерные различия при обработке изображений с отрицательной эмоциональной оценкой [30], в то время как другие указывают на то, что противопоставляющим фактором в оценке критериев типа эмоциональности и степени воздействия изображения мужчинами и женщинами является его тематика (различия были выявлены при восприятии группы изображений сексуального характера) [31].

Если попытаться систематизировать результаты отечественных исследований, измеряющих время реакции на эмоциональные слова с различным типом эмоциональной оценки мужчинами и женщинами, то можно увидеть, что фактор типа эмоциональности стимула работает лишь в связке с другими. Так, например, доказано влияние взаимодействия следующих факторов: одушевленности и пола испытуемого, связи пола испытуемого при обработке русских экспрессивных существительных с диминутивным суффиксом [20]; референтной соотносительности стимула и пола испытуемого при восприятии экспрессивных прилагательных [19]; пола испытуемого, референтной соотносительности, а также типа эмоциональной оценки стимула при восприятии экспрессивных глаголов мужчинами и женщинами [18].

Отметим, что в основном подобные психофизиологические исследования проводятся на материале английского и других иностранных языков, соответственно, в

качестве респондентов в зарубежных исследованиях выступают представители других культур и языков.

При этом количество отечественных гендерных исследований обработки русских эмоциональных слов с измерением времени реакции является незначительным. В связи с этим стоит предположить и возможное влияние культурного фактора на восприятие категории эмоциональности мужчинами и женщинами по причине того, что каждый язык специфичен в кодировании эмоциональной семантики. Так, в межкультурных исследованиях в данном аспекте отмечается, что для русского языка более характерным для выражения эмоций является употребление глагольных форм [14], например, английские выражения *I feel happy*, *I am sad* и соответствующие им русские аналоги *радуюсь*, *грущу*.

В настоящее время нет работ, в которых бы подтверждались значимые временные различия между обработкой эмоциональных слов разных частей речи (хотя попытки исследовать данный вопрос принимались еще К. Юнгом). Более того, в зарубежных психолингвистических исследованиях в качестве стимульного материала часто в одном эксперименте используются слова разных частей речи, выравненные по длине и показателям валентности и степени воздействия, как правило, это имена существительные и прилагательные [8, 6, 14]. Использование в экспериментах слов данных частей речи объясняется тем, что для английского языка характерно выражение эмоций с использованием модели «я есть какой-то» или «я чувствую что-то». Русский язык позволяет набрать большой языковой материал в группе глагольной лексики. Более того, русский глагол является уникальным материалом, поскольку, в отличие от английских глаголов, многие формы которого образуются исключительно аналитическим способом, без маркировки рода или лица субъекта действия почти во всех формах, например, *(I) enjoy vs. (we) enjoy, (he) enjoyed vs. (she) enjoyed*, русский язык маркирует действующее лицо или род субъекта действия, например, *наслаждаюсь vs. наслаждаемся, наслаждалась vs. наслаждались*. Следовательно, грамматическая форма русских глаголов позволяет также благодаря предикативности и субъектности проанализировать **влияние типа референтной соотнесенности стимула**⁴ (типа субъекта глагола) на когнитивную обработку.

Таким образом, с одной стороны, глагол русского языка позволяет исследовать, как мужчины и женщины воспринимают эмоциональные глаголы с референтом мужского и женского рода (внешняя референция), а с другой – определить характер различий в обработке эмоциональной глагольной лексики с действующим субъектом в первом лице (внутренняя референция). Отметим, что восприятие глаголов в данном аспекте является малоизученным к настоящему времени.

Также изучается вопрос о возможном воздействии таких частных факторов, как **контекстное влияние**: с одной стороны, само слово актуализирует то или иное значение и вызывает (либо не вызывает) эмоциональную реакцию, с другой стороны, в действительности на воспринимающего субъекта всегда влияет контекст

(внешний). В нашем исследовании такой внешний контекст создавался с помощью визуального прайма с определенным типом валентности. С одной стороны, мы полагали, что конгруэнтные стимулы (которым предшествовал прайм с таким же типом валентности) будут иметь преимущества в обработке неконгруэнтных стимулов (которым предшествовал прайм с противоположным типом валентности), так как данный эффект является известным и устойчивым. С другой стороны, мы предполагали получить интеракцию факторов конгруэнтности и пола испытуемого, по причине того, что в качестве невербального стимульного материала (праймов) мы использовали эмоциональные изображения, восприятие и оценка которых ранее отличалась между мужчинами и женщинами. Так, гендерные различия были получены методом психолингвистического анкетирования с применением семибалльного шкалирования, как в зарубежном [30], так и в нашем исследованиях.

Таким образом, целью данного исследования является выявление факторов, влияющих на обработку русских глаголов с различным типом эмоциональной оценки мужчинами и женщинами, для которых русский язык является родным.

Опираясь на анализ зарубежной и отечественной литературы по данной теме, мы выдвинули основную гипотезу о том, что на когнитивную обработку русских глаголов мужчинами и женщинами могут иметь влияние следующие факторы, а также их взаимодействие: 1) тип эмоциональной оценки (отрицательные, положительные, нейтральные слова); 2) тип референтной соотнесенности стимула (внешняя/внутренняя референция); 3) контекстное влияние, т.е. воздействие конгруэнтного или неконгруэнтного валентности эмоционального слова прайма (отрицательный/положительный).

Для проверки данной гипотезы были использованы метод поведенческого психолингвистического эксперимента с применением программного обеспечения PsychoPy (v.2024.2.1), а также метод психолингвистического анкетирования с применением приема шкалирования.

Респонденты. В исследовании приняли участие 102 человека (52 женщины, 50 мужчин). Количество выполненных экспериментальных сессий между респондентами отличалось, однако, на каждый эксперимент приходилось не менее 30 мужчин ($SD = 1,41$) и 30 женщин ($SD = 2,5$). Средний возраст испытуемых составлял 20,7 лет, $SD = 4,12$. В основном привлекались студенты филологического факультета ТГУ, также были задействованы волонтеры из других факультетов университета через социальную группу «ВКонтакте» «Гранит науки ТГУ». За участие в эксперименте не было предусмотрено финансовое вознаграждение, но в зависимости от количества прохождений (от 5 и более) экспериментов на базе лаборатории лингвистической антропологии, каждому респонденту полагался сертификат третьей, второй или первой степени за вклад в развитие когнитивных исследований в НИ ТГУ, который в дальнейшем мог быть использован как конкурентное преимущество для получения повышенной стипендии.

Претесты стимулов проводились также с привлечением студентов ТГУ, количество респондентов – 93 человека (34 мужчины, 58 женщин). В среднем на один стимул приходилось 32 мужские реакции и 51 женская.

Языковым стимульным материалом послужили глаголы из словарей «Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики» (для пополнения группы эмоциональных глаголов) и «Большой толковый словарь русских глаголов» (для пополнения группы слов с нейтральным типом эмоциональной оценки) Л.Г. Бабенко [34, 35]. На первом этапе был использован метод сплошной выборки для того, чтобы набрать как можно больше стимулов для их дальнейшего введения в систему претестов, но затем мы сократили список слов, исключив глаголы совершенного вида, производные слова, а также глаголы с пометами *разг.*, *разг. сниж.* и *высок.* (например, *лапать*, *костерить*). Было отобрано 280 эмоциональных глаголов, например, *привлекать*, *кокетничать*, *скандалить*, *раздражаться* и 140 нейтральных, например, *планировать*, *анализировать*.

Далее слова прошли систему претестов, где оценивались по двум параметрам по семибалльной шкале, согласно циркумplexной модели аффекта [36]:

1) тип эмоциональной оценки (1 – положительное, 4 – нейтральное, 7 – отрицательное);

2) степень воздействия стимула, *arousal* – в англоязычной литературе (1 – вызывающие комфорт, 4 – не имеющие воздействие на состояние, 7 – вызывающие возбуждение, напряжение).

Результаты анализа данных психолингвистических анкет позволили отобрать 75 глаголов, противопоставленных по типу эмоциональной оценки, $P < 0,01^{**}$ (25 отрицательных vs. 25 нейтральных vs. 25 положительных), а также по степени воздействия, $P < 0,01^{**}$ (25 – вызывающих чувство комфорта, 25 – не имеющих воздействия, 25 – вызывающие напряжение и дискомфорт). Стимулы были выравнены по слоговой и буквенной длине ($P > 0,05$), а также по показателям объективной частотности ($P = 1$), на основе данных Национального корпуса русского языка. При сравнении показателей трех групп мы использовали критерий Краскела–Уоллиса, так как характер распределения оценок респондентов не соответствовал критерию нормальности.

По причине того, что мы предполагали влияние различных факторов на скорость обработки эмоциональных глаголов, мы спланировали **четыре эксперимента**, различающихся между собой типом стимула: грамматической формой глагола, которой мы отдельно манипулировали для реализации поставленной цели.

В первом эксперименте были использованы глаголы в форме инфинитива, например, *радоваться*, *скандалить*, *планировать*, а во **втором** – в первом лице настоящего времени, например, *радуюсь*, *скандалю*, *планирую*. Форма инфинитива не содержит информации о субъекте действия (референт отсутствует), а само действие является обобщенным и неактуализированным во времени, по этой причине может восприниматься как отвлеченное и менее эмоциональное. Форма первого лица единственного числа настоящего времени в изъявительном наклонении прямо отсылает респондента к действующему субъекту (я делаю), а

также имеет связь с конкретным актуальным промежуток на временной линии – в данный момент (или вообще время от времени). Вероятно, такая актуализация действия ассоциативно может связываться респондентом с собой, как с действующим лицом, что может вызывать различия в характере обработки данных групп стимулов.

В третьем и четвертом экспериментах была использована форма прошедшего времени единственного числа изъявительного наклонения, например, *радовался* vs. *радовалась*, по причине того, что форма прошедшего времени маркирует гендерные различия. Отметим, что здесь также присутствует и грамматическая омонимия, т.е. третье лицо совпадает с первым для мужского и женского рода, таким образом, мужчины могут соотнести с собой действие, выражаемое глаголом в мужском роде, а женщины – в женском, что может также проявиться в восприятии данных групп стимулов мужчинами и женщинами.

В качестве праймов были использованы изображения, отобранные из открытой базы данных эмоциональных стандартизированных изображений [31]. Все изображения были цветными, имели высокое разрешение и стандартизированы по размеру (500 × 400 пикселей). По причине этических соображений из целевой выборки были исключены стимулы сексуального характера, а также изображения, содержащие информацию о грубом насилии и смерти. Были использованы изображения из всех тематических групп в равной степени (животные, предметы, природные сцены, люди). Примеры стимулов см. ниже (рис. 1, 2).

Рис. 1. Пример изображения с отрицательной эмоциональной оценкой

Рис. 2. Пример изображения с положительной эмоциональной оценкой

Изображения также прошли ранжирование по семибалльной шкале по двум параметрам – тип эмоциональной оценки и степень воздействия стимула на эмоциональное состояние респондента, которая была использована при ранжировании слов. Результаты анализа показали, что большая часть изображений, имеющих нейтральные показатели по типу эмоциональной оценки в американской базе данных, была оценена русскими респондентами как положительные (преимущественно изображения природных сцен). В эксперимент вошли изображения только с положительной и отрицательной эмоциональной оценкой для дальнейшего формирования двух вариантов внешнего контекста, соответственно. Было отобрано 50 изображений, противопоставленных:

1) по типу эмоциональной оценки, $P < 0,001^{***}$ (25 отрицательных vs. 25 положительных);

2) по степени воздействия, $P < 0,001^{**}$ (25 – вызывающих чувство комфорта, 25 – вызывающие напряжение и дискомфорт).

Стоит отметить, что результаты статистического анализа проведенных претестов позволили нам сделать вывод о гендерных различиях в восприятии данных эмоциональных глаголов и изображений по обоим параметрам: женщины использовали более широкий диапазон оценок, а также чаще выбирали крайние значения при оценке эмоциональных слов и изображений, по сравнению с мужчинами, которые в основном использовали значения, соответствующие нейтральной оценке. С более подробным описанием процедуры проведения претестов стимульного материала, а также обсуждением полученных результатов сравнительного статистического анализа оценок вербальных и невербальных единиц мужчинами и женщинами можно ознакомиться в нашей предыдущей работе [37].

Отобранные стимулы были введены в эксперимент, который был предварительно одобрен этическим комитетом ТГУ.

Дизайн

Для проверки поставленной гипотезы было спланировано четыре эксперимента, различающихся между собой дизайном. Зависимой переменной во всех экспериментах выступало время реакции (rt). **Первые два эксперимента** включали две независимые переменные: пол респондента с двумя уровнями (мужской vs. женский) и тип эмоциональной оценки стимула с тремя уровнями (отрицательный vs. нейтральный vs. положительный). Как было отмечено выше, эксперименты отличались между собой формой глагола. Во **втором** эксперименте глагол был использован в личной форме, т.е. указывал на субъекта действия («я делаю» – внутренняя референция).

Рис. 3. Последовательность и длительность предъявления стимулов на экране в первых трех экспериментах

Результаты исследования

Всего было получено 4 650 реакций в первом и втором экспериментах, 9 900 – в третьем, 15 360 – в четвертом эксперименте. Для улучшения соответствия полученных данных требованию нормальности распределения в данных всех экспериментов были удалены выбросы и нулевые значения с использованием критерия межквартильного размаха (IQR). Было удалено 304 выброса в первом и втором, 608 – в третьем и 1 247 выбросов – в четвертом экспериментах. Таким образом, в анализ были включены по 4 346 реакций в первом и втором, 9 292 – в третьем, 14 113 реакций в четвертом экспериментах соответственно.

Также для проверки валидности полученных результатов мы проверили процент полученных правильных ответов в каждом эксперименте (изначально

В **третий эксперимент** была добавлена отдельная переменная – тип референтной соотнесенности («он/она» делает – внешняя референция) стимула с двумя уровнями (мужской референт vs. женский референт), например, *радовался* vs. *радовалась*.

Четвертый (заключительный) эксперимент стал уточняющим и дополняющим третий и имел дополнительно еще одну переменную – конгруэнтность прайма и стимула с двумя уровнями (конгруэнтные vs. неконгруэнтные).

Процедура для первых трех экспериментов была идентичной и состояла из тренировки и собственно эксперимента. Прежде чем приступить к выполнению задания, каждый респондент заполнял мотивированное согласие на участие в эксперименте. Все эксперименты проводились в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ под руководством исследователя. Во избежание переутомления респонденту разрешалось пройти не более двух экспериментальных сессий подряд. Общее время прохождения четырех экспериментов составляло приблизительно 45 минут (по 5–6 мин на выполнение первого и второго эксперимента, 12–13 мин – третьего и 18–20 мин на четвертый).

Испытуемому необходимо было выполнить задачу на эмоциональное решение (emotive decision task в англоязычной литературе): отнести слово, которое он видит на экране, к группе отрицательных, положительных или нейтральных слов. Респондент нажимал на клавиши с изображением стрелок, которые расположены внизу клавиатуры с правой стороны: «влево» – если перед ним отрицательное слово, «вниз» – нейтральное, «вправо» – положительное. Сначала на экране появлялся межпробный интервал (iti) с длительностью 1 с, за ним шел фиксационный крест (cross) с длительностью 0,5 с и уже затем появлялся целевой стимул (word) с длительностью 5 с (рис. 3). В четвертом эксперименте стимулу предшествовал прайм (prime) с длительностью 250 м/с (рис. 4). Во всех экспериментах порядок стимулов был рандомизированным.

Рис. 4. Последовательность и длительность предъявления стимулов на экране в четвертом эксперименте

мы закодировали тип эмоциональной оценки каждого слова-стимула согласно тем значениям оценок, которые получили в претестах). Во всех четырех экспериментах женщины показали больший процент правильных ответов, вне зависимости от типа эмоциональной оценки стимулов (рис. 5).

На графике ниже видно, что самый большой процент правильных ответов у женщин приходится на группу глаголов в первом лице, в то время как мужчины лучше справлялись с оценкой глаголов в начальной форме, а также в форме третьего лица прошедшего времени.

Что касается распределения правильных ответов между группами, то и мужчины и женщины лучше справлялись с оценкой глаголов с отрицательным типом семантики, менее точно респонденты оценили группу слов с положительным значением, у слов с нейтральным типом эмоциональной оценки оказался

наименьший процент точности ответов. Это может быть связано с более яркой семантикой эмоциональных стимулов, а также с их количественным преобладанием в эксперименте (одна часть нейтральных vs. две эмоциональных).

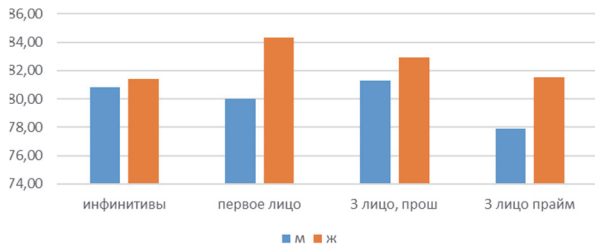

Рис. 5. График точности ответов мужчин и женщин в зависимости от предъявляемого стимула, %

Далее был проведен статистический анализ данных с применением открытого программного обеспечения R (v. 4.3.2) и интегрированной среды разработки RSTUDIO. Во всех четырех экспериментах был использован многофакторный дисперсионный анализ ANOVA, апостериорный анализ для выявления внутригрупповых и межгрупповых различий проводился с помощью Тьюки-теста (Tukey). Сначала опишем общие эффекты, полученные во всех экспериментах, а затем уникальные.

Факторы пола испытуемого и типа эмоциональной оценки

Дисперсионный анализ показал значимость факторов пола испытуемого, а также типа эмоциональной оценки стимула. Во всех экспериментах мы получили высокую значимость данных факторов $P < 0,001^{***}$. Женщины в целом обрабатывают вербальные стимулы (как эмоциональные, так и нейтральные) быстрее, чем мужчины, вне зависимости от формы глагола. Нейтральные слова в целом респондентами обрабатываются дольше, чем эмоциональные, при этом не было обнаружено значимой разницы между обработкой положительных и отрицательных слов, хотя можно наблюдать, что дольше обрабатываются отрицательные стимулы.

Двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA показал интеракцию между факторами пола респондента и типа эмоциональной оценки при обработке глаголов в форме первого лица настоящего времени ($P < 0,05^*$, $F = 53.864$), но не показал интеракции данных факторов во всех остальных экспериментах. **Характер обработки эмоциональных слов** был схожим у обоих полов, значимых отличий между обработкой положительных и отрицательных стимулов не было выявлено.

Апостериорный анализ показал, что при обработке глаголов в первом лице, значимая разница между эмоциональными и отрицательными стимулами достигается в первую очередь за счет женских реакций на отрицательные ($P < 0,05^*$) и положительные стимулы ($P < 0,001^{***}$), в то время как у мужчин нет статистически значимой разницы во времени реакции между

положительными, отрицательными и нейтральными стимулами (рис. 6).

При обработке глаголов в начальной форме и форме третьего лица мужчины, так же, как и женщины, значительно быстрее обрабатывали эмоциональные стимулы, по сравнению с нейтральными ($P < 0,001^{***}$), а также не имели различий в восприятии отрицательных и положительных стимулов.

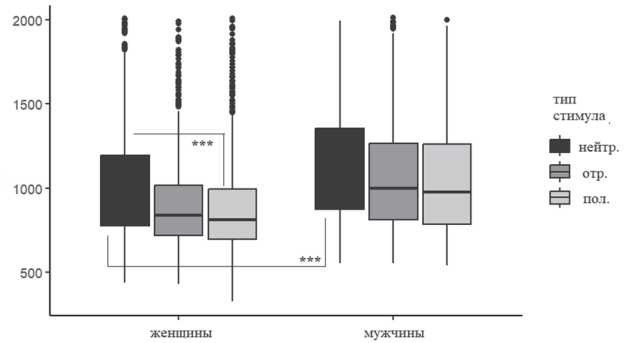

Рис. 6. График влияния взаимодействия факторов пола испытуемого и типа стимула на скорость обработки глаголов в форме первого лица настоящего времени женщинами и мужчинами

На графике (рис. 6) визуализированы результаты статистического анализа, отражающие форму распределения реакций женщин и мужчин на глаголы в форме первого лица настоящего времени в зависимости от их типа эмоциональной оценки. Каждый из представленных в работе графиков содержит медиану (серединное значение всех реакций), которая обозначена горизонтальной чертой в прямоугольнике, квантили (делят все реакции на равные четыре части и указывают на значения выше 25 и ниже 75 % от общего распределения), обозначенные верхней и нижней границей прямоугольника и выбросы (значения, которые оказались за чертой нижнего и верхнего квантиля).

Фактор референта, пола испытуемого и типа эмоциональной оценки

Фактор референтной соотнесенности стимула также не имел влияния на обработку слов, слова с женским и мужским референтом обрабатывались идентично, как в третьем, так и в четвертом экспериментах ($P > 0,05$).

Двухфакторный дисперсионный анализ также не показал интеракции факторов референтной соотнесенности стимула и пола испытуемого: мужчины и женщины схожим образом реагировали на слова вне зависимости от пола субъекта действия, выражаемого глаголом ($P > 0,05$). Также не было выявлено взаимодействия факторов типа эмоциональной оценки и типа референтной соотнесенности стимула ($P > 0,05$) (рис. 7).

Многофакторный дисперсионный анализ выявил влияние взаимодействия факторов пола испытуемого, типа эмоциональной оценки стимула, а также референтной соотнесенности стимула на скорость реакции мужчин и женщин, $P < 0,05^*$ (рис. 8, 9).

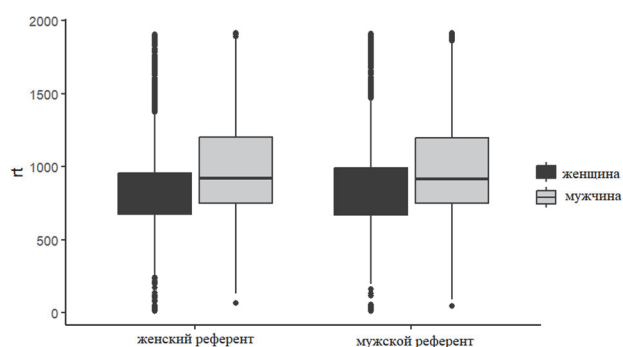

Рис. 7. График, демонстрирующий отсутствие взаимодействия факторов пола испытуемого и типа референта на скорость обработки глаголов в форме прошедшего времени женщинами и мужчинами

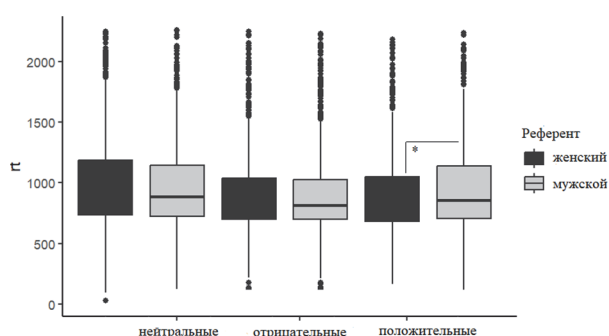

Рис. 8. График реакции женщин на стимулы с различным типом референта и типом эмоциональной оценки

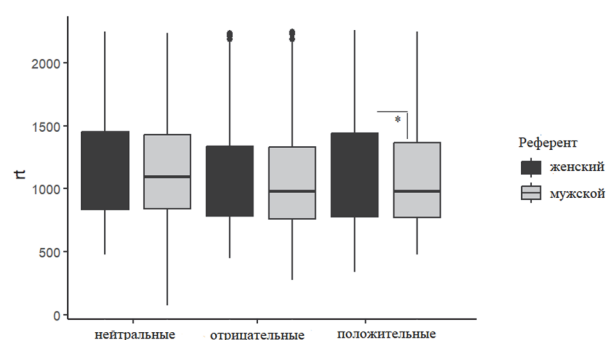

Рис. 9. График реакции мужчин на стимулы с различным типом референта и типом эмоциональной оценки

Апостериорный анализ показал, что при обработке слов с женским референтом женщины значительно быстрее обрабатывали эмоциональные стимулы (как положительные, так и отрицательные) по сравнению с нейтральными: $P < 0,001^{***}$ (*радовалась*, *раздражалась*). При обработке слов с мужским референтом значительно быстрее обрабатывались стимулы с отрицательной эмоциональной оценкой (*раздражался*) по сравнению со словами с положительной и нейтральной эмоциональной оценкой ($P < 0,05^*$) (рис. 8). Таким образом, женщины имели значимые отличия в обработке слов с мужским и женским референтом только в случае положительной валентности слова ($P < 0,05^*$). Мужчины значительно дольше обрабатывали стимулы с женским референтом с положительной эмоциональной оценкой, $P = 0,05$ (*радовалась*). По сравнению с другими группами эмоциональных слов, стимулы с мужским референтом обрабатывались схожим образом,

вне зависимости от типа эмоциональной оценки, значимых отличий выявлено не было (рис. 9).

Таким образом, мы видим гендерные различия в обработке вербальных положительных, отрицательных и нейтральных стимулов с различным типом референтной соотнесенности. Женщины нетипичным образом обрабатывают эмоциональные слова с положительной валентностью в случае с мужским референтом (*радовалась*), хотя в целом эмоциональные слова они обрабатывают быстрее, чем нейтральные, эта группа слов обрабатывается наравне с нейтральными словами. Мужчины значительно дольше реагируют только на эмоциональные слова с положительной валентностью с женским референтом (*радовалась*).

Контекстное влияние: конгруэнтность и тип стимула

Однофакторный дисперсионный анализ показал статистически значимые различия между обработкой стимулов, которым предшествовал прайм, конгруэнтный или неконгруэнтный типу эмоциональной оценки стимула ($P < 0,001^{***}$, $F = 17.534$). Конгруэнтные стимулы (совпадающие с семантикой предшествующего прайма) обрабатывались значительно быстрее, чем неконгруэнтные, вне зависимости от пола испытуемого. Двухфакторный анализ не показал интеракции между данными факторами ($P > 0,05$). Это говорит о том, что семантика прайма имела влияние на характер обработки эмоциональных единиц: когда семантика прайма и стимула совпадала, происходила фасилитация (ускорение реакции), а в случае несовпадения – ингибция (замедление реакции).

Двухфакторный дисперсионный анализ выявил взаимодействие факторов конгруэнтности и типа стимула ($P < 0,001^{***}$, $F = 11.896$). Такая разница в скорости обработки конгруэнтных и неконгруэнтных стимулов возникала при обработке положительных неконгруэнтных стимулов: когда отрицательное изображение предшествовало слову с положительной эмоциональной оценкой (*изображение таракана + радоваться*). В том случае, когда отрицательному слову предшествовало положительное изображение (*веселый пёс + раздражаться*), оно обрабатывалось также, как и конгруэнтное, т.е. положительная семантика прайма не имела влияния на скорость обработки слова с отрицательным типом эмоциональной оценки (рис. 10).

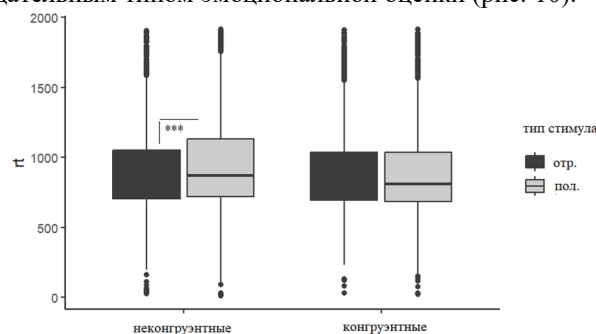

Рис. 10. График интеракции факторов конгруэнтности и типа валентности стимула

Апостериорный анализ показал, что такая разница между положительными конгруэнтными и неконгруэнтными стимулами обеспечивалась в большей степени за счет женских реакций, $P < 0,001^{***}$, в то время как мужчины не показали значимую разницу в скорости реакции на эти группы стимулов, $P = 0,17$.

Интеракции факторов конгруэнтности с фактором референтной соотнесенности стимула выявлено не было.

Скорость реакции респондентов в зависимости от формы глагола

Мы также предположили временные различия в восприятии эмоциональных глаголов в различных грамматических формах, поскольку, как уже было отмечено выше, каждая грамматическая форма выражает закрепленные лишь за ней смыслы. Кроме того, сам тип задания был идентичным во всех экспериментах и предполагал такую возможность. Таким образом, мы сравнили полученные данные временной обработки этих групп стимулов между собой.

Предварительно мы попарно сравнили буквенную длину в группах слов в начальной форме, форме первого лица настоящего времени и мужского и женского рода прошедшего времени с помощью критерия Манна–Уитни, так как характер распределения был негауссовским. Мы получили статистически значимую разницу (по параметру длина слова) между группами слов в начальной форме и форме первого лица ($W = 1169,5$, $P < 0,001^{***}$), между группами слов в настоящем и прошедшем времени ($W = 2005$, $P < 0,001^{***}$) и не получили значимых различий между группами слов в начальной форме и форме прошедшего времени (как в мужском, так и женском роде) ($P > 0,05$).

Далее мы с помощью статистического критерия Манна–Уитни выявили влияние формы глагола на скорость его обработки респондентами, осознавая то, что полученные различия могут быть связаны с разницей в длине слов сравниваемых групп. Были получены статистически значимые различия во времени реакции между группой слов в начальной форме и группой слов в форме первого лица ($W = 9531099$, $P < 0,001^{***}$). Инфинитивы обрабатывались быстрее, чем глаголы в первом лице (рис. 11), хотя, согласно параметру длина слова, мы должны были иметь обратный эффект, так как длина глагола в начальной форме больше, чем в первом лице настоящего времени, в связи с этим можно предполагать еще большую разницу во времени реакции в обработке этих групп, если бы длины этих слов совпадали.

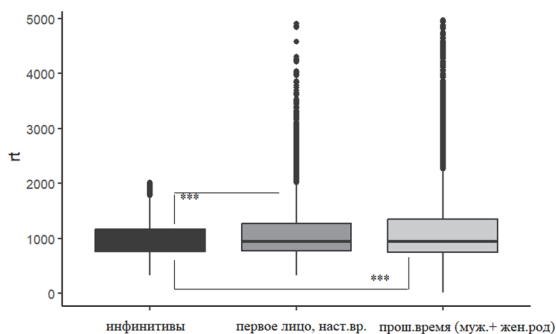

Рис. 11. Влияние фактора грамматической формы глагола на его скорость обработки (rt)

Также были получены статистические значимые различия во времени реакции между обработкой глаголов в начальной форме и форме прошедшего времени ($W = 20250995$, $P < 0,001^{***}$), вне зависимости от того сравнивались 2 группы между собой или группа инфинитивов попарно с группой слов женского и мужского рода. Обработка глаголов в форме настоящего и прошедшего времени не имела значимых отличий ($W = 23600425$, $P = 0,8343$), несмотря на то что длины этих слов значимо отличаются, в связи с этим также можно предположить, что глаголы в форме прошедшего времени обрабатывались бы значимо быстрее настоящего, если бы длины слов этих групп совпадали.

Обсуждение

Таким образом, в результате проведенной серии экспериментов были получены данные о влиянии отдельных факторов на обработку эмоциональных слов.

1. Эмоциональные слова в целом обрабатываются значимо быстрее нейтральных, значимой разницы в обработке слов с отрицательной и положительной эмоциональной оценкой не выявлено.

2. Женщины обрабатывают в целом все вербальные стимулы быстрее, по сравнению с мужчинами, вне зависимости от типа эмоциональной оценки слова.

3. Глаголы в начальной форме обрабатываются значимо быстрее, чем глаголы в форме первого лица настоящего времени и женского и мужского рода прошедшего времени.

Что касается первых двух выводов, то здесь мы получили ожидаемые результаты, которые согласуются с данными, полученными как отечественными, так и зарубежными исследователями.

В отношении третьего фактора мы ожидали получить обратный эффект из-за разницы длин слов в этих группах. Предполагаем, что менее длительная обработка инфинитива, по сравнению с глаголом в первом лице, может быть связана с тем, что респондент ассоциативно связывает действие, выражаемое глаголом в форме первого лица с собой, в то время как семантика инфинитива может восприниматься как менее значимая и отвлеченная по причине того, что субъект действия не выражен в этой форме. Форма инфинитива является хорошо узнаваемой благодаря своему однозначному суффиксу.

Возможно, это связано также с тем, что для студентов-филологов начальная форма является более привычной для работы вне контекста, именно по ней происходит поиск значения в словаре, с ней привычнее производить операцию категоризации и относить к какой-то группе, как предмет, который можно рассмотреть под разным углом. В интроспективных устных отчетах после экспериментальной сессии респонденты сообщали, что при обработке инфинитивов сделать выбор о типе эмоциональности слова было значительно легче, а при выполнении задания с глаголами в первой форме сложнее, потому что включался внутренний критик и оценивал данное действие с учётом встроённых в нем социальных норм. Например, один респондент сообщил, что в целом кокетничать – это хорошо,

но если он кокетничает, то он оценит это скорее отрицательно, как нехарактерное для мужчин поведение. В любом случае, если бы способ когнитивной обработки данных групп был схожим, вследствие разницы длин слов в этих группах, мы бы имели обратные результаты, так как инфинитивы значимо длиннее глаголов в первом лице настоящего времени. Указанные предположения не находят подтверждения в имеющейся литературе, поэтому требуют дальнейшей проверки.

Глаголы в прошедшем времени обрабатывались значимо дольше, чем инфинитивы. Так как по буквенной длине данные группы не имеют значимых различий, здесь мы также можем предположить, что мог влиять фактор референтной соотнесенности стимула: человек соотносил действие, выражаемое глаголом с мужчиной или женщиной. Например, один респондент сообщил, что глагол «скандалить» в прошедшей форме женского рода он оценил как более отрицательный, в то время как в мужском роде семантика данного слова воспринималась им как более нейтральная.

Что касается отсутствия значимых различий между оценками глаголов в форме настоящего и прошедшего времени, то, возможно, данный эффект был нивелирован тем, что форма прошедшего значимо длиннее, чем первого. Таким образом, если предположить, что длины этих слов бы совпадали, то глаголы в форме прошедшего времени (как в мужском, так и женском роде) обрабатывались бы значимо дольше, что можно связать с тем, что для человека большее значение имеет происходящее в актуальный момент времени, по сравнению с прошедшими событиями. Отметим, что полученные данные о влиянии формы глагола на его восприятие требуют дополнительного исследования с применением другого типа задания, стимульного материала, а также во взаимодействии данного фактора с другими.

Также мы выявили, что на когнитивную обработку эмоциональных глаголов имеет влияние совокупность следующих факторов:

- 1) факторов пола испытуемого и типа эмоциональной оценки;
- 2) фактора пола испытуемого, типа эмоциональной оценки, а также типа референтной соотнесенности стимула.

По первому пункту стоит отметить, что интеракция данных факторов была выявлена лишь при восприятии стимулов в форме первого лица настоящего времени, мы не получили подобной интеракции в трех других экспериментах, где была использована начальная форма глагола и форма прошедшего лица в мужском и женском роде. Женщины обрабатывали значимо быстрее эмоциональные слова (как положительные, так и отрицательные) по сравнению с нейтральными, в отличие от мужчин, время реакции которых не отличалось при обработке слов в данных группах. Скорость реакции мужчин на эмоциональные слова в первом лице настоящего времени была медленнее, чем при обработке эмоциональных слов в начальной форме и форме прошедшего времени. Также еще раз отметим, что именно эта группа глаголов (в форме настоящего времени первого лица) характеризовалась самым боль-

шим процентом точности выполнения (за счет женщин), но являлась самой длительной в обработке. Мы могли бы предположить, что форма первого лица настоящего времени имеет большее эмоциональное воздействие на респондента, чем форма инфинитива или прошедшего времени, а также отметить, что данный эффект происходит за счет женских реакций, если бы не данные о том, что форма инфинитива обрабатывалась женщинами быстрее (как и мужчинами), чем форма первого лица. Согласно ранее полученным выводам о том, что эмоциональные слова имеют более быструю обработку, по сравнению с нейтральными, мы должны были заключить, что форма инфинитива является более эмоциональной, так как она имеет статистические преимущества в обработке.

По второму пункту отметим, что женщины обрабатывали значимо дольше эмоциональные слова с положительным типом валентности, в том случае, когда референт был мужского пола. Мужчины обрабатывали значимо быстрее эмоциональные слова с положительным типом валентности, в том случае, когда референт был женского пола. В обоих случаях данные группы слов стояли особняком и имели явные отличия от остальных во временной обработке. Отметим, что, опираясь на результаты предшественников, мы предполагали интеракцию факторов пола и референтной соотнесенности, но в обратную сторону – мы ожидали получить гендерные различия в оценке слов с отрицательной валентностью.

Отдельно скажем о результатах, полученных в уточняющем четвертом эксперименте, в котором был добавлен дополнительный фактор конгруэнтности, который заключался в совпадении/несовпадении семантики эмоционального изображения, работающего как прайм, с типом валентности слова. В целом конгруэнтные стимулы обрабатывались быстрее неконгруэнтных. Стоит отметить, что женщины оказались более чувствительны к прайму с отрицательным типом семантики в сочетании с положительным словом, по сравнению с мужчинами, так как именно данная комбинация прайма и стимула была причиной торможения скорости при выполнении задания. В сочетании положительного прайма и отрицательного стимула подобного эффекта выявлено не было. Напомним, что полученные результаты согласуются с данными гендерных зарубежных исследований психофизиологических показателей при восприятии аффективных изображений и видео с отрицательной семантикой [27–29].

Заключение

Таким образом, нами были получены результаты, одна часть из которых согласуется с имеющимися в литературе данными, а две другие вступают в противоречие и (или) ставят новые вопросы для исследователей этой области.

Мы получили гораздо более тонкое сплетение уровней различных факторов, влияющих на восприятие эмоциональных стимулов мужчинами и женщинами, чем предполагали.

Гендерные различия в отношении обработки эмоциональных стимулов с разным типом валентности мы обнаружили после введения в эксперимент фактора референтной соотнесенности, а также прайма с определенным типом валентности, который создавал внешний эмоциональный контекст.

Можно предположить, что исследование обработки изолированных от контекста эмоциональных единиц в гендерном аспекте часто дает противоречивые результаты, потому что сложная природа гендера реализуется в

полной мере только при его взаимодействии с другими факторами.

Это подтверждается в том числе данными поведенческих и нейрофизиологических исследований, которые показывают гендерные различия при восприятии языковых стимулов, обусловленные дополнительными неязыковыми факторами, например, настроением респондента [8]. Это дает нам повод планировать новые эксперименты с введением дополнительных факторов и использованием нового стимульного материала.

Примечания

¹ **Праймирование** (от англ. prime – инструктировать заранее, давать предшествующую установку) в психолингвистике называется такой эффект, когда значение предшествующего стимула (неосознаваемого) влияет на восприятие последующего [11].

² Под **гендером** понимается социальный пол, культурно-специфический набор признаков, определяющих социальное поведение женщин и мужчин и взаимоотношения между ними. В данной работе термины **гендер** и **пол** используются как кореферентные, под термином «пол» подразумевается социальный пол. Термин «пол» употребляется в словосочетаниях «различия между полами», «фактор пола» для того, чтобы избежать ситуаций лексических повторов (базовое требование стилистики). Данное понятие традиционно используется как биологическая категория, в то время как «гендер» употребляется в значении «социальный пол». Нами предполагается их неразрывная связь, а также их взаимодействие. Нельзя сделать однозначных выводов относительно природы эмоциональных реакций мужчин и женщин, однако корректнее говорить о том, что причина гендерных различий носит биопсихосоциальный характер.

³ **Валентность** (от англ. valence) – одно из измерений эмоций в психолингвистике, предполагающее противопоставление положительных и отрицательных эмоций. Измеряется по шкале от очень негативного до очень позитивного значения.

⁴ Под **референтом** понимается субъект действия, на который указывает глагол. Указание в тексте статьи на референтную отнесенность служит способом фиксации на том, кто или что совершает действие.

Список источников

- Немов Р.С. Общая психология. Психология личности: учебник и практикум для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 940 с.
- Bilingual Minds : Emotional Experience, Expression, and Representation / ed. by Aneta Pavlenko. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2006. 352 p.
- Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990. 31 с.
- Ионова С.В. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия ВГПУ. 2019. № 1. С. 124–131.
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
- Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // Bilingualism: Language and Cognition. 2008. Vol. 11 (2). P. 147–164.
- Altarriba J., Bauer L. Effects of emotional and sensorimotor knowledge in semantic processing of concrete and abstract nouns // American journal of psychology. 2015. Vol. 6. P. 389–410.
- Naranowicz M., Jankowiak K., Behnke M. Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals // International Journal of Bilingualism. 2023. Vol. 27 (1). P. 39–606.
- Scott G.G., O'Donnell P.J., Leuthold H., Sereno S.C. Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials // Biological Psychology. 2009. Vol. 80 (1). P. 95–104.
- Yao B., Keitel A., Bruce G., O'Donnell P., Sereno S. Differential emotional processing in concrete and abstract words // Journal of Experimental Psychology. 2018. Vol. 44 (7). P. 1064–1074.
- Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 14. Психология. № 3, 4. С. 86–97.
- Collected works of C.G. Jung. Vol. 2: Experimental researchers. Princeton University Press, 1981. 648 p.
- Altarriba J. Cognitive Approaches to the Study of Emotion-Laden and Emotion Words in Monolingual and Bilingual Memory // Bilingual Minds : Emotional Experience, Expression, and Representation / ed. by Aneta Pavlenko. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2006. P. 232–256.
- Pavlenko A. Emotions and multilingualism. New York : Cambridge University Press, 2005. 304 p.
- Dewaele J.-M. Expressing Anger in Multiple Languages // Bilingual Minds : Emotional Experience, Expression, and Representation / ed. by Aneta Pavlenko. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2006. P. 118–151.
- Pavlenko A. Bilingual Selves // Bilingual Minds : Emotional Experience, Expression, and Representation / Ed. by Aneta Pavlenko. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2006. P. 1–33.
- Sereno S., Scott G., Yao B., Thaden E., O'Donnell P. Emotion word processing: Does mood make a difference? // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 6. P. 1–13. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01191
- Позовкина К.С. Влияние экспрессивного стимула с отрицательной коннотацией на скорость реакции: гендерный аспект // Сборник тезисов седьмой международной конференции по когнитивной науке : тез. докл. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / отв. ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 494–495.
- Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 74–81. doi: 10.17223/15617793/420/10
- Васильева А.В. Особенности когнитивной обработки экспрессивной субстантивной семантики: экспериментальное исследование // Язык и культура : сб. ст. XXVIII Междунар. науч. конф. (25–27 сент. 2017 г.). Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. С. 17–24.
- Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
- Seidler V.J. Unreasonable Men. London : Routledge, 1994. 272 p.
- Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М. : РОССПЭН, 2004. 252 с.
- Goldstein J., Seidman L., Horton N., Makris N., Kennedy D., Caviness V., Faraone S., Tsuang M. Normal sexual dimorphism of the adult human brain assessed by in vivo magnetic resonance imaging // Cerebral Cortex. 2001. Vol. 11 (6). P. 490–497.
- Schiffer B., Pawliczek C., Müller B.W., Gizewski E.R., Walter H. Why Don't Men Understand Women? Altered Neural Networks for Reading the Language of Male and Female Eyes // PLoS ONE. 2013. Vol. 8 (4). doi: 10.1371/journal.pone.0060278
- Fernández C., Pascual J.C., Soler J., Elices M., Portella M.J., Fernández-Abascal E. Physiological responses induced by emotion-eliciting films // Applied Psychophysiology and Biofeedback. 2012. Vol. 37 (2). P. 73–79. doi: 10.1007/s10484-012-9180-7

27. Bianchin M., Angrilli A. Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study // *Physiology & Behavior*. 2012. Vol. 105(4). P. 925–932.
28. Bradley M.M., Codispoti M., Sabatinelli D., Lang P.J. Emotion and motivation II: sex differences in picture processing // *Emotion*. 2001. Vol. 1 (3). P. 300–319.
29. Codispoti M., Surcinelli P., Baldaro B. Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences // *International Journal of Psychophysiology*. 2008. Vol. 69 (2). P. 90–95.
30. Marchewka A. The NENKI Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database // *Behavior Research Methods*. 2013. Vol. 46. P. 596–610.
31. Kurdi B., Lozano S., Banaji R. Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS) // *Behavior Research Methods*. 2017. Vol. 49. P. 457–470.
32. Schirmer A. Sex differentiates the role of emotional prosody during word processing // *Cognitive brain research*. 2002. Vol. 14 (2). P. 228–233.
33. Gohier B., Senior C., Brittain P.J., Lounes N., El-Hage W., Law V., Phillips M.L., Surguladze S.A. Gender Differences in the Sensitivity to Negative Stimuli: Cross-Modal Affective Priming Study // *Cambridge Core European Psychiatry*. 2013. Vol. 28, Is. 2. P. 74–80
34. Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. 2-е изд., стер. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный учёный, 2022. 432 с.
35. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М. : АСТ-Пресс книга, 2005. 864 с.
36. Russell J.A. A circumplex model of affect // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 39(6). P. 1161–1178.
37. Иванкова К.С. Гендерные различия в восприятии вербальных и невербальных аффективных стимулов // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 506. С. 25–32. doi: 10.17223/15617793/506/3

References

1. Nemov, R.S. (2024) *Obshchaya psikhologiya. Psikhologiya lichnosti* [General Psychology. Personality Psychology]. 6th edition. Moscow: Yurayt.
2. Pavlenko, A. (ed.) (2006) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters.
3. Babenko, L.G. (1990) *Russkaya emotivnaya leksika kak funktsional'naya sistema* [Russian Emotive Lexicon as a Functional System]. Abstract of Philology Dr. Diss. Sverdlovsk.
4. Ionova, S.V. (2019) *Lingvistika emotsiy – nauka budushchego* [Linguistics of Emotions – The Science of the Future]. *Izvestiya VGPU*. 1. pp. 124–131.
5. Shakhovskiy, V.I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy*. Moscow: Gnozis.
6. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11 (2). pp. 147–164.
7. Altarriba, J. & Bauer, L. (2015) Effects of emotional and sensorimotor knowledge in semantic processing of concrete and abstract nouns. *American Journal of Psychology*. 6. pp. 389–410.
8. Naranowicz, M., Jankowiak, K. & Behnke, M. (2023) Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 27 (1). pp. 39–606.
9. Scott, G.G., O'Donnell, P.J., Leuthold, H. & Sereno, S.C. (2009) Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials. *Biological Psychology*. 80 (1). pp. 95–104.
10. Yao, B., Keitel, A., Bruce, G., O'Donnell, P. & Sereno, S. (2018) Differential emotional processing in concrete and abstract words. *Journal of Experimental Psychology*. 44 (7). pp. 1064–1074.
11. Falikman, M.V. & Koyfman, A.Ya. (2005) *Vidy primingov v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya* [Types of Priming in Studies of Perception and Perceptual Attention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 3, 4. pp. 86–97.
12. Jung, C.G. (1981) *Collected works of C.G. Jung*. Vol. 2: Experimental researchers. Princeton: Princeton University Press.
13. Altarriba, J. (2006) Cognitive Approaches to the Study of Emotion-Laden and Emotion Words in Monolingual and Bilingual Memory. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters. pp. 232–256.
14. Pavlenko, A. (2005) *Emotions and multilingualism*. New York: Cambridge University Press.
15. Dewaele, J.-M. (2006) Expressing Anger in Multiple Languages. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters. pp. 118–151.
16. Pavlenko, A. (2006) Bilingual Selves. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters. pp. 1–33.
17. Sereno, S., Scott, G., Yao, B., Thaden, E. & O'Donnell, P. (2015) Emotion word processing: Does mood make a difference? *Frontiers in Psychology*. 6. pp. 1–13. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01191
18. Pozovkina, K.S. (2016) [The Influence of an Expressive Stimulus with Negative Connotation on Reaction Speed: A Gender Aspect]. In: Aleksandrov, Yu.I. & Anokhin, K.V. (eds) *Sbornik tezisev sed'moy mezhdunarodnoy konferentsii po kognitivnoy nauke: tez. dokl. Svetlogorsk, 20–24 iyunya 2016 g.* [Collection of Abstracts of the Seventh International Conference on Cognitive Science: Abstracts. Svetlogorsk, June 20–24, 2016]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 494–495. (In Russian).
19. Rezanova, Z.I., Vasil'eva, A.V., Pozovkina, K.S. & Khabibulina, A.S. (2017) Cognitive Processing of Russian Expressive Units: Gender Specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 74–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/420/10
20. Vasil'eva, A.V. (2018) [Features of Cognitive Processing of Expressive Substantive Semantics: An Experimental Study]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the XXVIII International Conference. 25–27 September 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–24. (In Russian).
21. Kon, I.S. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in a Changing World]. Moscow: Vremya.
22. Seidler, V.J. (1994) *Unreasonable Men*. London: Routledge.
23. Kirilina, A.V. (2004) *Gender Studies in Linguistics and Communication Theory*. Moscow: ROSSPEN.
24. Goldstein, J., Seidman, L., Horton, N., Makris, N., Kennedy, D., Caviness, V., Faraone, S. & Tsuang, M. (2001) Normal sexual dimorphism of the adult human brain assessed by in vivo magnetic resonance imaging. *Cerebral Cortex*. 11 (6). pp. 490–497.
25. Schiffer, B., Pawliczek, C., Müller, B.W., Gizewski, E.R. & Walter, H. (2013) Why Don't Men Understand Women? Altered Neural Networks for Reading the Language of Male and Female Eyes. *PLoS ONE*. 8 (4). doi: 10.1371/journal.pone.0060278
26. Fernández, C., Pascual, J.C., Soler, J., Elices, M.J., Portella, M.J. & Fernández-Abascal, E. (2012) Physiological responses induced by emotion-eliciting films. *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 37 (2). pp. 73–79. doi: 10.1007/s10484-012-9180-7
27. Bianchin, M. & Angrilli, A. (2012) Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study. *Physiology & Behavior*. 105 (4). pp. 925–932.
28. Bradley, M.M., Codispoti, M., Sabatinelli, D. & Lang, P.J. (2001) Emotion and motivation II: sex differences in picture processing. *Emotion*. 1 (3). pp. 300–319.
29. Codispoti, M., Surcinelli, P. & Baldaro, B. (2008) Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences. *International Journal of Psychophysiology*. 69 (2). pp. 90–95.

30. Marchewka, A. (2013) The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database. *Behavior Research Methods*. 46. pp. 596–610.
31. Kurdi, B., Lozano, S. & Banaji, R. (2017) Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS). *Behavior Research Methods*. 49. pp. 457–470.
32. Schirmer, A. (2002) Sex differentiates the role of emotional prosody during word processing. *Cognitive Brain Research*. 14 (2). pp. 228–233.
33. Gohier, B., Senior, C., Brittain, P.J., Lounes, N., El-Hage, W., Law, V., Phillips, M.L. & Surguladze, S.A. (2013) Gender Differences in the Sensitivity to Negative Stimuli: Cross-Modal Affective Priming Study. *Cambridge Core European Psychiatry*. 28 (2). pp. 74–80.
34. Babenko, L.G. (2022) *Alfavit emotsiy: slovar'-tezaurus emotivnoy leksiki* [Alphabet of Emotions: A Dictionary-Thesaurus of Emotive Vocabulary]. 2nd edition. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
35. Babenko, L.G. (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov* [Large Explanatory Dictionary of Russian Verbs]. Moscow: AST-Press kniga.
36. Russell, J.A. (1980) A circumplex model of affect. *Journal of Personality and Social Psychology*. 39 (6). pp. 1161–1178.
37. Ivankova, K.S. (2024) Gender Differences in the Perception of Verbal and Nonverbal Affective Stimuli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 25–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/3

Информация об авторе:

Иванкова К.С. – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: senya.gl@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.S. Ivankova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: senya.gl@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2025;
одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 21.02.2025;
approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 82–4
doi: 10.17223/15617793/514/5

«От человека к человечеству»: философская рефлексия природы человека в публицистике Сергея Залыгина

Петр Петрович Каминский¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kelagast@yandex.ru*

Аннотация. Реконструируется система мировоззренческих представлений С.П. Залыгина о человеке, выраженных в прямом слове его публицистики. Как показывает анализ, проблема человеческой природы входит в поле зрения писателя в публицистике по мере преодоления узко социального понимания человека с начала 1960-х гг., а система представлений развивается в направлении универсальной философской антропологии – целостной теоретической концепции человека, всесторонне описывающей его сущность и бытие в мире.

Ключевые слова: Сергей Залыгин, публицистика, мировоззрение, природа человека, философская антропология

Для цитирования: Каминский П.П. «От человека к человечеству»: философская рефлексия природы человека в публицистике Сергея Залыгина // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 46–55. doi: 10.17223/15617793/514/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/5

"From Human to Humanity": Philosophical reflection of human nature in the essays of Sergey Zalygin

Piotr P. Kaminskiy¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kelagast@yandex.ru*

Abstract. In the few scientific studies devoted to the works of Sergey Zalygin, the author's concept of a Human is presented indirectly, in the analysis of the poetics and problematics of the writer's prose. The principles of people representation and the images of Zalygin's characters are analyzed mainly in the context of the author's natural philosophy, in which the writer comprehends the relationship between a Human and Nature, the natural in a Human. This trend continues in recent studies of Zalygin's work in Russia and abroad. This makes it necessary to reconstruct the system of the writer's worldview representations about a Human, expressed in the direct word of his publicistic essays. As the analysis shows, the problem of human nature entered Zalygin's field of view in his publicistic writings as he moved beyond a narrowly social understanding of a Human, beginning in the early 1960s with the publication of his article "The Writer and Siberia" in *Novyy Mir* (1961, No. 10). His system of ideas about a Human developed in the direction of a universal philosophical anthropology—a holistic theoretical concept of a Human that comprehensively describes their essence and being in the world. The writer's philosophical anthropology is positivist, considering a Human as a natural being whose emergence and evolution are determined by natural laws. Genetically connected to nature, and possessing reason, a Human distinguishes oneself from the natural environment and creates their own, supra-organic world. However, in doing so, a Human loses the harmony of natural existence inherent in other living species. The fact that, in the process of evolution, a Human has become a powerful geological force, extending its impact on a global scale and threatening the balance of the universe as a whole, led Zalygin to formulate his program for the ethical correction of human existence. The writer's concept is characterized by a dualistic opposition within a Human of benign and malignant principles: on the one hand, a Human is virtuous and aspires to achieve the good; on the other, they diverge from this goal, exhibiting aggression and self-destruction. According to Zalygin, human destructiveness is an innate propensity, a natural component of our contradictory-yet-integral nature. Reflecting on a Human as a social animal endowed with reason, the writer asserts the primacy of intellect over feelings and emotions. In Zalygin's philosophical reflection, a Human, while capable of emotionally experiencing harmony in the world yet not embodying it oneself, is able through an effort of reason to partake in this harmonious being and extend its rational organization to social relations, thereby harmonizing them. This constitutes the writer's utopian project. Thus, Zalygin's philosophical anthropology not only revitalizes the noospheric ideas of Russian Cosmism but also develops them in its own way within the socio-historical, ecological, and literary context of Russia in the second half of the 20th century.

Keywords: Sergey Zalygin, essays, worldview, human nature, philosophical anthropology

For citation: Kaminskiy, P.P. (2025) "From Human to Humanity": Philosophical reflection of human nature in the essays of Sergey Zalygin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 46–55. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/5

Постановка проблемы

Возникновение мировоззренческой проблематики в философской культуре от И. Канта до М. Хайдеггера связано с «запросом времени на разработку теории ценностей и переосмысление статуса человека в мире», когда «мировоззрение трактуется как творческая способность ухватывать мир как целое, при этом осознавая его в становлении, а не как интеллигибельную данность» [1. С. 108]. Смысловым центром любой мировоззренческой системы, а значит и структурообразующим элементом художественного мышления писателя, выступает понятие человека.

В немногочисленных научных работах по творчеству С. Залыгина авторская концепция человека представлена опосредованно, в анализе поэтики и проблематики прозы писателя – начиная с первого монографического исследования раннего творчества С. Залыгина Е.А. Сафроновой [2], продолжая основополагающими для современного залыгиноведения трудами А.Ф. Лапченко и П.А. Гончарова [3, 4] и заканчивая работами молодых исследователей (С.В. Филипповой, А.В. Шаталовой [5, 6] и др.). Принципы изображения человека и образы героев С. Залыгина анализируются преимущественно в контексте авторской натурфилософии, в которой писатель осмысляет отношения человека и природы, природное в человеке (И. Рудзевич, Е.Н. Бондаренко и [7, 8] др.) Как полагает И.И. Плеханова, анализируя натурфилософскую концепцию истории в «Экологическом романе», С. Залыгин предложил новую типологию героев, соответствующую классификации характеров Э. Фромма, – «биофилы против некрофилов», и обнаруживающую себя в более ранних произведениях писателя – романах «Соленая Падь», «Комиссия» и «После бури»: «Это больше, чем этическое отделение добра от зла, поскольку представляет две природные установки человека – волю к сотворчеству или к господству. Герои разделяются по социальной миссии, цель биофила – спасение человека и мира, цель некрофила – самоутверждение» [9. С. 121]. В таком социально-экологическом ракурсе взгляды С. Залыгина на человека анализируются на материалах его публицистики (Е.В. Петушкова, П.П. Каминский [10, 11] и т.д.) Эта тенденция сохраняется и в последних исследованиях творчества С. Залыгина в России и за рубежом – например, в статье М. Perkiömäki [12], в которой в рамках «экокритического» подхода анализируется социально-экологическая проблематика «Экологического романа» и эволюция «географических взглядов» (*geographical understandings*) инженера-гидролога Голубева, протагониста и альтер эго писателя, – т.е. мировоззрение С. Залыгина, включающее в себя представления о природе человека.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции системы мировоззренческих представлений о человеке, выраженных в публицистике С. Залыгина 1960–1990-х гг. Выбор материала анализа обусловлен тем

обстоятельством, что публицистика писателя дает «ему возможность для выражения аксиологических представлений в “отделенном” от образности виде, осмысленных теоретически и выраженных в понятии, но сохраняющих при этом основное “зерно” эстетики, развернутое в творчестве» [13. С. 31].

Проблема человеческой природы входит в поле зрения С. Залыгина в публицистике по мере преодоления узко социального понимания человека с начала 1960-х гг., когда в «Новом мире» печатается статья «Писатель и Сибирь» (1961, № 10) [14. С. 121], а система представлений о человеке развивается в направлении универсальной философской антропологии¹. Осмысляя составляющие и противоречия человеческой природы, С. Залыгин обосновывает свою концепцию человека и его нравственно-эстетический идеал, что необходимо для целостного понимания мировоззрения и эстетики крупного писателя-реалиста.

Природное, социальное и индивидуальное в человеке

Философское осмысление природы человека в публицистике С. Залыгина служит рефлексии более сложного, по мнению писателя, предмета – человечества: «...мы до сих пор не можем себе представить, что такое человечество, хотя оно ведь настолько же реально, насколько реален и отдельно взятый человек» («От человека к человечеству» [15. С. 217]). Наиболее очевидный путь конкретизации этого абстрактного понятия – познание его первоэлемента – человека в его сущности и генезисе: «...нельзя хоть в какой-то степени понять и узнать человечество, не зная, что такое человек, не только в сегоднешнем, но и во всем том, что мы называем происхождением» («О нашем наследии» [15. С. 271]).

С точки зрения происхождения человек, в первую очередь, – «явление природы» («От науки – к литературе». 1961), «единица биологическая» («Интервью у самого себя». 1969). Единство природы и человека – физическое: «...человек и окружающая его природа суть одни и те же химические элементы, <...> он и она – это единый процесс существования нигде и ни в чем не повторяемый» («Разумный союз с природой» [16. С. 164]). Писатель апеллирует к акад. В.И. Вернадскому, который утверждал, «что человек – вовсе не надстройка над природой, а ее часть...»: антропосфера мыслится как одна из оболочек планеты, наряду с иными телами и сферами природы – органическая система, возникающая в ходе естественной эволюции («Разумный союз с природой» [16. С. 163]). Однако выделяясь из природы в процессе развития, человек отличается от иных живых видов. Такой дуализм заставляет С. Залыгина рассматривать бытие человека как сложную систему отношений – социальных и экологических: «...человечество всегда существовало как бы в двух сферах и в двух отношениях – в отношениях людей между собой, в семье, на работе, в обществе, в государстве, в отношениях международных, столь

трудных сегодня. И в отношениях с природой. Вот две сферы нашего существования. Они включают и технику, и науку, и социально-общественные проблемы» («Разумный союз с природой» [16. С. 152]).

Социальность человека восходит к природе. В числе органических форм социальной коллективности людей – семья и народ. «Чувство народности», по С. Залыгину, «...свойственно людям от природы так же, как чувство сыновнее или материнское» («Народность писателя» [15. С. 10]), в нем нам открывается наше «назначение на этой земле», заданное «самой природой» как программа. Будучи природным и социальным существом, каждый из нас чувствует себя «человеком определенной земли, определенного языка, определенной истории» («О нашем наследии» [15. С. 271]). В размышлениях над повестью Сергея Кругилина «Липяги» С. Залыгин следующим образом выстраивает иерархию сфер существования человека: «Речка Липяговка впадает в Теменку, Теменка – в Чернавку, Чернавка – в Непрядву, в ту самую, на берегу которой собралось русское войско перед Куликовской битвой. Непрядва впадает в Дон» («В русском селенье» [17. С. 187]). Речная система донского бассейна – символ онтологического пространства, в пределах которого разворачивается жизнь людей. Связанные как сосуды малые реки (символ индивидуального и родового) впадают в крупные реки (пространство этнического) и восходят к магистральному течению, пространству национальной истории.

Человек рассматривается как социально-индивидуальное существо: «Тысячелетиями человек развивался, жил и действовал в двух направлениях – личном и общественном. <...> Природы у человека две, а человек – один» («Литература создает жизнь» [17. С. 62]). «...Личность, какой бы она ни была, – это не только она сама, это еще и общественный и общечеловеческий процесс», – рассуждает писатель («Йозеф Дарваш и его герои» [15. С. 229]). Каждый человек, с этой точки зрения, несет в себе как индивидуально-неповторимое, так и социально-типическое. Будучи относительно автономным индивидом, который мыслит, чувствует и действует преимущественно самостоятельно, человек всегда относится к тому или иному «человеческому типу», его характер воплощает «психологию определенной группы» («Сложность простоты» [17. С. 207]). Человеческое сознание аккумулирует в себе не только его собственный опыт, но и коллективный опыт: «...жизнь каждого человека – это далеко не только сегодняшняя его жизнь, это весь его жизненный опыт, это все его прошлое. Его и всего человечества» («Литература создает жизнь» [17. С. 56]). Это совокупное знание, усваиваемое с момента рождения, становится фактом индивидуального сознания и дополняется личным опытом. Опираясь на знание, выработанное своим народом и всем человечеством, человек развивает и дополняет его. В итоге собственный опыт человека пополняет общий опыт, входит в него составной частью: «...человек приучается применять свои знания к самому себе, к своему творчеству, а в этом “собственном” виде возвращать их обществу» («Искусству много дела на земле» [17. С. 38]).

С. Залыгин вскрывает механизмы социальной коллективности людей, которым трудно существовать по-одиночке: «Человек иной раз и хотел бы быть одним и одиноким, да не получается, не может он и нескольких дней прожить сам по себе, только своими собственными силами, только тем, что он может сделать и придумать сам» («Литература создает жизнь» [17. С. 62]). Еще в 1961 г., осмысливая мотивы переезда людей в Сибирь для участия в великих стройках, писатель отрицает их объяснения и как узко эгоистических, и как альтруистических: «Мы часто упрощаем это стремление людей, рассматривая его в двух совершенно обособленных друг от друга вариантах: вариант первый – человеком двигают сугубо личные, эгоистические соображения, например, продвижение по службе; вариант второй – бескорыстное служение человека обществу, сопровождаемое отречением от собственной личности» («Писатель и Сибирь» [17. С. 288]). Писатель видит в этом устремлении людей «общественный эгоизм», принцип жизненной ориентации, в котором удивительным образом совпадают цели частного и коллективного существования: «...человек хочет добиться результата для общества, но сделать это хочет он, он сам» («Писатель и Сибирь» [17. С. 288]). Связано это с тем, что высшим индивидуальным благом для человека является общественное признание. Его достижению и служит общественно-полезная деятельность, а противоречие между личным благом и благом других людей снимается: «Дело в личной потребности каждого служить обществу, служить идее, достигнуть в этом служении определенного результата и тем самым выразить себя перед другими, а затем и быть понятым этими другими, признанным ими» («Писатель и Сибирь» [17. С. 288]). Социальная коллизия, выделенная писателем, иллюстрирует механизм взаимного (реципрокного) альтруизма (Р. Триверс): социальные отношения строятся по принципу взаимной выгоды, доля самопожертвования в устремлениях человека мотивируется ожиданием со стороны коллектива ответных репутационных издержек. По сути, такая трактовка поведенческих механизмов людей – социобиологическая, С. Залыгин вскрывает генетическую основу социальной интеграции индивидов.

Человек чувствующий, человек мыслящий

В антропологической рефлексии писателя интересуют также формы перцептивного отношения к реальности, которые даны человеку, – «слух, зрение, мышление и переживания» («Писатель и традиция» [18. С. 379]). Рецепторное восприятие, заключающееся в психофизиологической способности непосредственно воспринимать реальность через органы чувств, составляет первый уровень такого отношения. Ощущения, которые возникают путем преобразования сенсорными системами организма (зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием) сигналов, исходящих от внешнего мира, складываются в его целостный образ. Выполняя функцию ориентации в пространстве, сенсорика лежит в основе любых форм отношения к нему (познавательного, практического, эстетического),

обеспечивает базовую адаптацию человека как биологического существа к условиям среды. В отличие от физиологических чувств, «мышление и переживания» – высшие, собственно человеческие формы отношения к миру. Разделение сенсорных функций организма, с одной стороны, и разума и эмоций – с другой, соответствует дихотомии души и тела, где духовные начала выделяют человека из мира природы.

Сущность мышления (интеллекта, разума) определяется через функцию – познание и самосознание. Как полагает С. Залыгин, «...большая часть нашей мыслительной энергии направлена к познанию окружающего мира» («Интеллект и литература» [16. С. 265]). Мышление человека – абстрактное. Способность к образованию отвлеченных понятий делает возможным идеализированное, теоретическое объяснение законов мироустройства и, как следствие, его преобразование: «...живая природа сама по себе не создала ведь и ни в чем не воплотила ни правильных квадратов, ни равнобедренных треугольников, тем более теоремы Пифагора, однако же это не мешает нам не только мыслить указанной теоремой, но и создавать в натуре и квадраты, и треугольники, и еще множество других геометрически правильных фигур» («Ювенильное море» А. Платонова» [15. С. 194]). Познавая реальность, человек также нацелен на осмысление своего собственного бытия в его целостности, когда он, «ощущая себя частицей чего-либо, скажем природы, человечества, народа или общества, всегда ищет понимания этого целого» («О творчестве Николая Николаевича Златовратского» [15. С. 300]). Мысль охватывает и отношения с онтологией, и многообразные социальные отношения, в которые погружен человек: «...он и коллектив, коллектив и общество, общество и государство, государство и человечество – так без конца. Вместо “он” может быть поставлено “я” – вместо “я” – “они”, и, значит, дело еще и усложняется» («О творчестве Николая Николаевича Златовратского» [15. С. 300]).

Источник человеческого разума С. Залыгин видит в природе, в разумной организованности бытия: «Недаром философы говорили, что человек умен не сам по себе – умна окружающая его среда и что не столько мы отражаем действительность, сколько она отражается в нас» («Интеллект и литература» [16. С. 264]). В размышлениях над книгой акад. Д.С. Лихачева «Прошлое – будущему» (Л.: Наука, 1985) высказывается мысль о том, что разум заложен в «генетическом коде» человека. Природа при этом выступает не как пассивный объект познания: по убеждению писателя, человек только тогда открывает законы природы, когда сама природа приоткрывает для него свои тайны – «...позволяет человеку использовать заложенные в нем способности для гениальных открытий тех самых явлений, которые она дает ему и обнажить и понять» («Культура и личность» [15. С. 72]). Природа разума метафорически определяется как «тайная энергия», которая, будучи основой и мерой всякого движения, остается скрытой для человека: «...универсальная тайна наших способностей, их происхождения, их начальной энергии <...> очевидно, так и останется нерасшифрованной» («Культура и личность» [15. С. 72–

73]). Природа «столь сложно и лукаво зашифровывает в генетическом коде все то, что мы определяем как “способности” и “гениальность”, что человечество никогда, наверное, не будет пользоваться ими вполне сознательно» («Культура и личность» [15. С. 72]). Реализовать же сполна их удастся лишь некоторым избранным людям: «...используя эту “тайную” энергию, личность всей своей жизнью и деятельностью может иногда достигнуть вполне очевидных, конкретных и великих открытий» («Культура и личность» [15. С. 73]). Писатель говорит о наличии в природе человека не только интеллектуального, но и «нравственного кода», содержание которого составляет «умение быть человеком» («Культура и личность» [15. С. 73]). Предназначение мышления расширяется от познания мира до его созидания и укрепления, а понятие разума включает в себя не только рассудок, но и моральное сознание. Как полагает писатель, «выдающиеся люди оказывают непрерывное воздействие на наш духовный мир, влияют на повседневную и элементарную оценку того, что вокруг нас хорошо и что плохо...» («Культура и личность» [15. С. 73]). Таким образом разумная организованность бытия распространяется на человечество.

Представление о происхождении разумного начала в человеке уточняется в 1990-е гг. Как следует из статьи «Литература и природа», опубликованной в январском номере «Нового мира» за 1991 г., исток человеческого разума находится в Вечности, трансцендентном начале мира, опосредованном миром природы, а не в самой природе [19. С. 17]. Для обозначения же первопричины бытия категория «разум» используется в 1996 г.: «...налицо система природы, если же есть система природы – значит, есть и цель этой системы; если есть и система, и цель – значит, за этим стоит разум, и не только тот, который мы способны постичь, хотя бы и через понятие Бога, но и тот, который вне любого нашего разума. Быть может, над разумом природы стоит еще некий разум, а над тем – еще и еще разумы, и они бесконечны так же, как бесконечна не только Вселенная, но и Вселенные» [20. С. 154].

Наряду с интеллектом выделяется такое «человеческое» начало, как «переживания», «мир человеческих чувств» («Просторы и границы» [18. С. 320]). В беглой рефлексии в поле зрения писателя попадают, главным образом, высшие эмоции – нравственные и эстетические: «...только тогда мы прорываемся в истинные чувства человеческие, когда встречаем гармонию» («Перезвоны» [16. С. 255]). С точки зрения С. Залыгина, эмоциональное восприятие гармонии в мире осуществляется как интроверсия. Например, состояний природы, которые становятся фактом внутреннего мира человека: «...так действуют на человека северные беспредельные просторы – все время ощущаешь себя в них и, мало этого, – их в себе тоже» («Свое слово» [15. С. 125]). Переживание гармонии уравнивает человека с окружающим и согласует его с самим собой, воплощаясь в «поэзии» – искусстве. Происхождение нравственности прослеживается в чувстве – в бессознательном стремлении к гармонии: «Из эмоции возникает нравственность и этика...» («Разумный союз с природой» [16. С. 160]).

Самосознание и переживания обуславливают особое восприятие времени, осознание собственной конечности: «...время никогда не представляется нам только нынешней минутой, только настоящим, если бы это было так, мы не помнили бы о своем рождении и не знали бы о своей грядущей смерти. Мы не были бы людьми» («Культура и личность» [15. С. 74]). Конечность и однократность человеческой жизни способна компенсировать другая способность человеческого мышления – память. Как полагает С. Залыгин, «человек жив не только памятью сегодняшнего дня и своего человеческого срока, но памятью всех веков» («Перезвоны» [16. С. 252]), – наделен, помимо индивидуальной памяти, и коллективной памятью, доступной ему как интуитивно, через происхождение (родовая и национальная память), так и осознанно, через культуру. Размышляя над повестью Сергея Крутилина «Липяги», С. Залыгин не видит «...здесь различия – вот это он сам, летописец, а вот это – люди, о которых он повествует. Он и они – одно и то же. Их жизнь – его жизнь» («В русском селенье» [17. С. 187]). Навсегда ушедшие, они возвращаются в памяти: «Родятся, умирают, будто бы гаснут, снова возвращаются к жизни сами и возвращают других...» («В русском селенье» [17. С. 188]). В ощущении причастности к поколениям достигается ощущение непрерывности бытия.

Сущность и существование человека

С. Залыгин относит себя к традиции классической литературы, которая «верит в постоянство человеческой природы», в отличие от «модернистской», «новаторской» литературы, которая «полагает, что природа эта неустойчива» («Две орбиты» [17. С. 81]). Одновременно высказывается и противоположная, на первый взгляд, идея, согласно которой, природа человека постоянно изменяется. С точки зрения С. Залыгина, изменчивость человека – историческая. Его облик на современном этапе – лишь промежуточный результат длительного становления, развития: «...если мы представим себе человека только как человека сегодняшнего, современного, мы тотчас потеряем само это понятие “человек”» («Первые среди вторых» [18. С. 440]); «...мы не можем понять себя только сегодняшними потому прежде всего, что нас таких и вообще-то нет. Мы прошлые, мы настоящие и мы будущие» («Литература создает жизнь» [17. С. 56]).

Кажущееся противоречие снимается в понимании «природы человека», в которую включаются не только сущность человека, но и формы его существования. В то время как всеобщие начала постоянны, изменчивости подвержены формы их воплощения – «способы жизненного устройства на Земле» («Черты документальности» [17. С. 92]), когда «каждое новое поколение» «приходит с новыми идеалами и новыми средствами достижения этих идеалов, с новыми правилами и с новой практикой общежития» («Читая Гоголя» [18. С. 472]). Такая трактовка близка к марксистской, ведь именно «Маркс предложил понятие “человеческой природы вообще”, отличающееся от природы человека

как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [21. С. 341]. Сущность человека обнаруживается в исторических изменениях способов существования, а механизмы такого воплощения фиксирует понятие «закономерностей человеческого существования» («Искусству много дела на земле» [17. С. 38]).

Закономерности становления и исторического развития человечества осмысливаются в публицистике писателя с 1961 г. Как говорится в статье «Писатель и Сибирь», динамику процессов антропосоциогенеза определяют, во-первых, изменение мышления, эволюционирующего от мифологического типа к реалистическому; во-вторых, изменение форм и способов деятельности.

Мышление человека на раннем этапе – мифологическое. Оно основывается на отождествлении природного и человеческого. Обращаясь к бытию, человек приписывает ему свое видение: «...весь окружающий мир человек населял собственными представлениями и чувствами» («Писатель и Сибирь» [17. С. 276]). Символизм мировосприятия конституирует синкретический образ мира, понимаемого как проявление космических стихий. Писатель показывает это на примере древних космогонических представлений: «Древние представляли, будто весь мир создан то ли из огня, то ли из воздуха» («Писатель и Сибирь» [17. С. 276]). Так же человек видит и самого себя, связывая со стихийными началами мироздания все свои проявления, весь спектр которых сводится до полярных: «...в то же время только одним каким-то свойством они (древние. – П.К.) наделяли человека – делали его носителем зла или добра, красоты или мести и воплощали эти образы в мифы» («Писатель и Сибирь» [17. С. 276]). Постепенная выработка «достоверных представлений» приводит к разотождествлению в мышлении онтологического и антропологического. В ходе познания окружающего мира человечество познает себя, в результате чего формируется собственно человеческая идентичность: «...чем больше человек постигал все то, что он называет тайнами природы, тем он больше ощущал себя самого, причем – уже раздельно с природой» («Писатель и Сибирь» [17. С. 276]). Расширение представлений о реальности постепенно усложняет представления человека о самом себе, о своем месте в мире – способствует дальнейшему развитию человеческого вида: «Познание самого себя человек теперь связывает с познанием окружающей его среды, сложнее становится в его представлении она, сложнее и он сам» («Писатель и Сибирь» [17. С. 276]).

В основе развития форм деятельности лежит адаптация. Человечество, по С. Залыгину, – «могущественная, но отнюдь не независимая» сила. Непреодолимая зависимость от природы, которую испытывает человек как биологическое существо, требует от него постоянного приспособления к ее условиям. При этом адаптация человеческого вида – не пассивная, осуществляется путем целенаправленного приспособления среды обитания к своим нуждам и потребностям.

На архаическом этапе человечество придерживается «взаимоприемлемых отношений» с природой на

основе «приспособления к земле» – согласует свой образ жизни, способы деятельности, социальную организацию и мышление с естественными процессами: «К этому (природному. – П.К.) равновесию приспособился за тысячелетия <...> и человек, приспособил к нему и свою хозяйственную деятельность, свой быт, свою, если на то пошло, психологию» («Вода подвижная, вода неподвижная» [17. С. 341]). Существование человека выстраивается по принципу гомеостаза, воплощая устойчивое равновесие во взаимодействии со средой. В концепции С. Залыгина освоение в ходе адаптации к природе земледельческой технологии составляет исток зарождения цивилизации и основу ее развития. Цивилизация возникает в ходе согласования человеческого и природного, составляет закономерный итог естественной эволюции человеческого существа. Древнейшая аграрная технология – органическая, поскольку природа не подчиняется полностью воле человека. Человечество лишь использует уникальную способность почвы создавать живое, родить, в своих нуждах, а не определяет ее: «В самой технологии продуктов земледелия был, есть и неопределенно долго будет оставаться производственный процесс, независимый от технического гения человека и выполняемый единолично самой природой» («Писатель и Сибирь» [17. С. 287]). Неизменность технологии земледелия свидетельствует о невозможности полного выделения человека из природы, обособления от нее: «Мы все меньше зависим от солнечной энергии, прибегая к силе пара, электричества, атомного ядра. <...> Мы можем механизировать, скажем, процесс обработки почвы; вспахать, засеять, прополоть, скосить. Однако технологический процесс созреваания, создания продукта земли, увы, не в наших руках» («Вода подвижная, вода неподвижная» [17. С. 328]).

Постепенно, по мере развития технологий, степень и масштабы целенаправленного воздействия человеческого общества на окружающую среду увеличиваются – от создания культурных биогеоценозов в процессе земледелия до коренных преобразований ландшафта (начиная с древней ирригационной технологии). Увеличение числа людей и постоянный рост их потребностей, «не предусмотренный природой», обуславливает не только сплошное освоение, вовлечение в хозяйственный оборот все новых пространств², но и стремление к неограниченному господству над силами природы. Технический прогресс постепенно дает ему в этом «беспредельные возможности»³. На современном этапе это приводит к практике «эксперимента над землею», «варварского освоения»; человечество проявляет к природе потребительское отношение, как к «неиссякаемой кладовой» и «скатерти-самобранке». При этом деструктивное воздействие человека на равновесие природных систем является амбивалентным: «...мы – тоже часть природы, и, покоряя целое, мы неизбежно уродуем и ту ее часть, которая – мы сами» («Разумный союз с природой» [16. С. 154]). Новый масштаб угроз и последствий вмешательства человека в равновесие природных систем ставит человечество на грань существования, выделяет современный этап

из ряда предшествующих, диктуя особую необходимость самоопределения, выработки новых подходов к существованию. Обсуждение этих подходов – одна из задач, которую С. Залыгин ставит перед собой в публицистике.

Писатель говорит о двух способах развития человечества во времени: эволюционном и революционном. В первом случае, «процесс изменения человеческой природы» – «медлительный» («Читая Гоголя» [18. С. 472]), происходит в ходе постепенной адаптации к меняющимся условиям. Во втором случае, изменения носят скачкообразный характер. В переходные исторические моменты, которые наступают по мере накопления объективных противоречий, обнаруживая недостаточность прежних моделей мышления и деятельности, способы существования человека меняются коренным образом: «...есть такие периоды в истории, они изобилуют событиями, которые решительно меняют психику людей, их отношение к себе и ко всему окружающему миру, отношение к обществу, в котором они существуют, к своей роли в этом обществе» («Литература создает жизнь» [17. С. 59]). К таким моментам писатель относит и социальные катаклизмы, например, гражданские войны – «войны глубоко социального смысла и происхождения» («Литература создает жизнь» [17. С. 59]), и длительные процессы в масштабах цивилизации, связанные со сдвигами в технологии производства в разные эпохи существования людей – земледельческая революция, промышленная революция конца XVIII – начала XIX вв. и научно-техническая революция середины XX в.

Эволюционный и революционный тренды чередуются циклически. Если процесс эволюции разворачивается как совершенствование, укрепление парадигмы существования на данной стадии, предполагает изменение внутри сохранения, то в ходе революций рождается новое, небывалое прежде: общности людей переходят к более сложным формам развития, а обновление действительности создает условия для дальнейшего эволюционного процесса. На эволюционных этапах условия стабильны, структура отношений и существенные параметры человеческого бытия остаются неизменными, развитие имеет характер невозмущенного движения, поэтому прогнозируемо. На революционных этапах условия, напротив, неустойчивы, на смену равновесию приходят серьезные флуктуации, развитие подвержено сильным возмущениям, что затрудняет прогноз или делает его невозможным.

Природа человеческой деструктивности

В этом контексте в публицистике писателя складывается концептуальное понимание жестокости как одного из устойчивых человеческих состояний. В мировоззрении С. Залыгина добро и зло в равной степени присущи человеку и образуют в нем дихотомию, ведь на протяжении всей истории «из утверждения добра тоже возникает немало зла, всякого рода догматов и ужасающих насилий» («Интеллект и литература» [16. С. 262]).

Деструктивные состояния людей объясняются как социальными условиями, так и человеческой природой.

«...Мы знаем, что способность созидать сочетается в человеке со способностью разрушать» («Культура и личность» [15. С. 73]), – отмечает С. Залыгин, считая злокачественную деструктивность сугубо человеческой чертой, которая не свойственна никому больше в природе. Эту мысль для него иллюстрирует сюжетная коллизия повести Чингиза Айтматова «Белый пароход», главный герой которой «...весь еще природен, он – дитя природы и ее бесхитростное проявление. Его только-только коснулись человеческие повадки и привычки, для него неестественно и необъяснимо любое зло, и насилие, и обман; он не может постоять за себя и даже и не подозревает такой необходимости» («Литература и природа» [17. С. 259]).

Злокачественная склонность к агрессии проявляется в разном масштабе в разных социальных ситуациях под влиянием внешних факторов. Еще в 1966 г., размышляя над историческими поэмами Павла Васильева («Соляной бунт», «Песня о гибели казачьего войска», «Принц Фома»), писатель отмечает: «Люди у Васильева всякие – диковатые, жадные и алчные, жестокие и свирепые, благородные и увлеченные...» Эти полярные свойства и состояния по-разному проявляются в разных социальных ситуациях. С. Залыгин разделяет персонажей «мирного времени» и персонажей в условиях «классовой социальной борьбы» – кризисной, пограничной ситуации, «...когда они вступают в рубку, когда речь идет либо о жизни, либо о смерти – и третьего им не дано...» Социальные условия способствуют проявлению как деструктивных наклонностей отдельного человека и всего народа, так и их доброкачественных начал: «В гражданской войне, в столкновении социальных сил были самые разные оттенки, в том числе и просто бунт как таковой, и просто ухарство, желание попользоваться моментом, пограбить, повластвовать, показать себя» («Просторы и границы» [18. С. 321, 325]).

В контексте трагических событий XX в. писатель говорит, с одной стороны, о конформистской агрессии. Она возникает как адаптация в социальных ситуациях, утверждающих ненависть нормой; человек снимает с себя ответственность за поступки и в порядке самооправдания перекладывает ее на конъюнктуру, безвольной частью которой себя ощущает: «Они делают свое дело, они могут внушить себе, что если не они, так кто-то другой на их месте сделает то же самое, и только» («От человека – к человечеству» [15. С. 211]). С другой стороны, такие условия стимулируют патологические аффекты (садизм), которые воплощаются в первую очередь, в аппарате карательных органов.

В анализе повести венгерского писателя Ференца Шанты «Пятая печать» выводится иррациональный характер жестокости. Писатель не только не верит, «что жестокость мыслительна», но и называет дисфункцию разума как нравственного сознания в качестве условия ее возникновения: «...жестокость правила людьми во все времена, правит кое-где и сейчас, но каким образом и почему ей это удастся? Потому что она убивает в человеке мысль, а тогда уже правит им» («От человека –

к человечеству» [15. С. 211]). Иррациональность жестокости не исключает ее рационализации: «Гитлер обосновывал теоретически свое намерение истребить целые расы и народы, современные его приспешники, пропагандируя ядерную, химическую, биологическую, космическую войну, “теоретизируют” в той же манере, но посмотрите на них через экран телевизора – разве на их лицах выражена мысль?» («От человека – к человечеству» [15. С. 211]). Рассуждения здесь служат оправданию ненависти, составляющей априорную посылку, а не заключение логических операций: «...однажды они решили, что “так надо”, а вслед за тем мысль уже покинула их окончательно» («От человека – к человечеству» [15. С. 211]). Так жестокость абсолютизируется и становится программой действий и для ее идеологов, и для послушных исполнителей: «...что же говорить о рядовых палачах гитлеровских и нилашистских застенков? Очень-то нужны им были теории, логика и рассуждения, если приказ свыше уже действует, его требуется исполнить – больше ничего!» («От человека – к человечеству» [15. С. 211]).

Поскольку врожденные задатки деструктивного поведения активизируются социальным устройством, его исправление на принципах разума должно исключить негативные состояния людей, предоставляя возможности для проявления их лучших качеств. На различение зла в мире нацелено мышление: «Человечество всегда билось над тем, чтобы проложить нерушимую границу между добром и злом, определить, кто есть кто: кто в мире сем носитель добра, а кто – злодей» («Культура и личность» [15. С. 73]). Наконец, преодолению деструктивности служит приобщение к гармонии бытия. Эта мысль развивается в философской рефлексии таких категорий, характеризующих сущность человека, как форма и содержание.

По убеждению С. Залыгина, от других представителей живого мира его отличает несовершенство – незавершенность форм его бытия: «...в формах растения или животного нет ничего лишнего и в то же время полностью воплощено их содержание, их функции и назначение. <...> Другое дело мы, люди» («Народность писателя» [15. С. 11–12]). Если «...природа обладает столькими формами, сколько необходимо для ее содержания», то «...одно из ее производных – человек – все еще ищет и ищет формы, в которых выразился бы присущий ему смысл, и все никак не найдет» («И еще несколько слов о Чехове» [15. С. 443–444]). Но человек устремлен к этому, «поиск форм его существования всегда является самой злободневной задачей этого существования» («Разумный союз с природой» [16. С. 165]). Как правило, эта задача остается недостижимой, человек так и не находит формы, адекватной для воплощения своего содержания: «У нас от нашего содержания, от наших замыслов до единственно возможной, до оптимальной формы их реального воплощения – дистанция огромного размера, а часто и непреодолимая дистанция» («Народность писателя» [15. С. 12]). «Но дело даже не в том, чтобы всегда и всюду эту дистанцию преодолевать от начала до конца, это утопия; реальность же заключается в том, чтобы она, гармоничность, пусть иногда, но являлась нам, чтобы

пример всегда был перед нами, чтобы мы знали, что она возможна, потому что неизвестно, может ли быть то, чего не было никогда, и только то, что было когда-то, может повториться снова и снова» («Народность писателя» [15. С. 12]), – речь о безудержном стремлении к гармонии, которое составляет смысл человеческого существования.

Заключение

Как показывает анализ, С. Залыгин в публицистике претендует на создание целостной теоретической концепции человека, всесторонне описывающей его сущность и бытие в мире. Философская антропология писателя позитивистская, рассматривает человека как природное существо, возникновение и эволюция которого детерминированы естественными законами. Генетически связанный с природой, он, обладая разумом, выделяется из естественной среды и создает собственный, надорганический мир, но утрачивает при этом гармонию естественного существования, свойственную другим живым видам. То, что в процессе эволюции человек становится мощной геологической силой, распространяя свое воздействие в глобальных масштабах и подвергая угрозе баланс мироздания в целом, заставляет С. Залыгина формировать свою программу этической коррекции человеческого существования. Концепцию писателя характеризует дуалистическое противопоставление в человеке доброкачественных и злокачественных начал: с одной стороны, человек добродетелен и устремлен осуществлению блага; с другой – отдален от этой цели, проявляя агрессию и саморазрушение. Согласно С. Залыгину, человеческая деструктивность является врожденной склонностью людей, естественной составляющей нашей противоречиво-целостной природы. По-аристотелевски рассуждая о человеке как об общественном животном, обладающем разумом, писатель утверждает примат интеллекта над чувствами и эмоциями. Разум осмысливается как нравственное сознание, которое не только ставит под контроль агрессивную-деструктивную энергию че-

ловека, но и служит его саморазвитию – нравственному совершенствованию, обретению внутренней цельности и гармонии с миром. Человек в философской рефлексии С. Залыгина, способный к эмоциональному переживанию гармонии в мире, но не воплощая ее сам, способен усилием разума приобщиться к бытию и распространить его разумную организованность на социальные отношения, гармонизировав их, в чем заключается утопический проект писателя.

Помимо опыта художественного воображения, содержание философских представлений С. Залыгина о природе человека определяет то, что И. А. Дедков назвал «интенсивным писательским самообдумыванием»: «Художественное самоопределение для Залыгина едва ли не предварялось самоопределением умственным, социальным, философическим», – пишет известный критик [22. С. 123]. Источники этой рефлексии – и «нелитературная биография» С. Залыгина, и «литературные влияния», которые он испытывает. С одной стороны, на С. Залыгина влияют крупнейшие русские ученые, работавшие в сфере его научных интересов, – В.В. Докучаев⁴, А.И. Воейков⁵ и В.И. Вернадский⁶: естественно-научные воззрения этих мыслителей играют определяющую роль в становлении натурфилософии писателя [11]. С другой стороны, через акад. В.И. Вернадского, с которым дружил его учитель, бывший профессор ОмСХИ и поэт П.Л. Драверт, С. Залыгин приобщается к традиции русского космизма с его идеями внутреннего единства космоса и человека, ответственности человечества перед Вселенной и преодоления человеком своего несовершенства: «Человек для активно-эволюционных мыслителей – существо еще промежуточное, находящееся в процессе роста, далеко не совершенное, но вместе с тем сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу» [23. С. 4]. Таким образом, философская антропология С. Залыгина не только актуализирует ноосферные идеи В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена, Н.Ф. Федорова и П.А. Флоренского, но и по-своему развивает их в социально-историческом, социально-экологическом и литературном контексте России второй половины XX в.

Примечания

¹ «В русском селенье...», «Искусству много дела на земле» (1963), «Просторы и границы. О поэзии Павла Васильева» (1966), «Вода и земля Земли» (1968), «Черты документальности» (1970), «Писатель и традиция», «Две орбиты» (1971), «Свое слово. О повестях Виктора Астафьева» (1971–1976), «Йозеф Дарваш и его герои» (1972–1974), «Первые среди вторых» (1975), «Литература создает жизнь», «Читая Гоголя» (1976), «Сложность простоты» (1977), «Литература и природа» (1980), «От человека – к человечеству» (1982), «О нашем наследии» (1983), «Вода подвижная, вода неподвижная» (1984), «Культура и личность», «Перезвоны. Впечатления после концерта», «И еще несколько слов о Чехове» (1985), «Интеллект и литература», «Ювенильное море А. Платонова» (1986), «Разумный союз с природой», «Народность писателя», «О творчестве Николая Николаевича Златовратского» (1987), «Литература и природа» (1991), «Моя демократия» (1996) и т.д.

² «Дальнейшие потребности в продуктах сельского хозяйства мы не удовлетворим только за счет повышения урожайности на старопашенных землях, а вынуждены будем и впредь осваивать новые земли» («Вода и земля Земли» [17. С. 295]).

³ «Современная техника – это мощь, для которой природные границы земледелия уже не запреты и не границы, она легко, иной раз не заметив, может перешагнуть их, вообще не заметив всех тех особенностей и условий региона, которые мы называем природными. Она может уничтожить леса и перевести их в пашню, может распахать пустыни, повернуть реки, использовать их воду до последней капли, может осушить самый крупный в мире болотный массив, самое большое озеро, оросить любую Сахару» («Писатель и Сибирь» [17. С. 286]).

⁴ Докучаев Василий Васильевич (1846–1903), геолог и почвовед, основатель русской школы почвоведения и географии почв.

⁵ Воейков Александр Иванович (1842–1916), метеоролог и климатолог, создатель сельскохозяйственной метеорологии.

⁶ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), создатель биогеохимии, представитель русского космизма. Ученик В.В. Докучаева.

Список источников

1. Львов А.А. Антропологический характер историко-философской аналитики мировоззрения // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23, № 4 (112). С. 106–115.
2. Сафронова Е.А. Творчество С. Залыгина. Путь к мастерству : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1966. 13 с.

3. Лапченко А.Ф. Русская советская социально-философская проза 70-х годов: [«Человек и земля» в творчестве В. Астафьева, В. Распутина, С. Залыгина] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 16 с.
4. Гончаров П.А. Стилиевые искания современной социально-этической прозы (В. Астафьев, С. Залыгин, В. Шукшин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 23 с.
5. Филиппова С.В. Утопический вектор натурфилософской прозы С. Залыгина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 22 с.
6. Шаталова А.В. Женский мир прозы С.П. Залыгина: поэтико-аксиологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 23 с.
7. Рудзевич И. Человек и природа в творчестве Сергея Залыгина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2003. 55 с.
8. Бондаренко Е.Н. Натурфилософская проза второй половины XX века: концепция личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2010. 23 с.
9. Плеханова И.И. Философские проблемы литературоведения: Теория витальности в связи с философией и теорией литературного творчества. Психотип и творческая индивидуальность поэта. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 270 с.
10. Петушкова Е.В. Экологические проблемы в отечественной публицистике второй половины XX века (С. Залыгин, В. Астафьев, В. Распутин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 22 с.
11. Каминский П.П. Философия природы в публицистике Сергея Залыгина 1960-х – 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 119–130.
12. Perkiömäki M. The Anthropocene on Planet Water. Competing Views on Rivers and Geography in Sergei Zalygin's *Ekologicheskii roman* // *Slavonica*. 2020. Vol. 25 (1). P. 1–24.
13. Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 322 с.
14. Каминский П.П. Поэтика очерка в раннем творчестве Сергея Залыгина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 111–121.
15. Залыгин С.П. В пределах искусства: Размышления и факты. М. : Сов. писатель, 1988. 448 с.
16. Залыгин С.П. Позиция. М. : Сов. Россия, 1988. 288 с.
17. Залыгин С.П. Критика, публицистика. М. : Современник, 1987. 383 с. (Б-ка «О времени и о себе»).
18. Залыгин С.П. Собрание сочинений : В 6 т. Т. 6: Рассказы 1981–1989; Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит., 1991. 590 с.
19. Залыгин С. Литература и природа // Новый мир. 1991. № 1. С. 10–17.
20. Залыгин С. Моя демократия // Новый мир. 1996. № 12. С. 130–169.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : АСТ : Астрель, 2010. 621 с.
22. Дедков И.А. Сергей Залыгин. Страницы жизни, страницы творчества. М. : Современник, 1985. 431 с.
23. Семенова С.Г. Русский космизм: [Вступительная статья] // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.

References

1. L'vov, A.A. (2021) Antropologicheskii kharakter istoriko-filosofskoy analitiki mirovozzreniya [The Anthropological Character of the Historical-Philosophical Analytics of Worldview]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 23 (4) (112). pp. 106–115.
2. Safronova, E.A. (1966) *Tvorchestvo S. Zalygina. Put' k masterstvu* [The Work of S. Zalygin. The Path to Mastery]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Lapchenko, A.F. (1984) *Russkaya sovetskaya sotsial'no-filosofskaya proza 70-kh godov: ["Chelovek i zemlya" v tvorchestve V. Astaf'eva, V. Rasputina, S. Zalygina]* [Russian Soviet Social-Philosophical Prose of the 70s: ["Man and the Land" in the Works of V. Astafiev, V. Rasputin, S. Zalygin]]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
4. Goncharov, P.A. (1987) *Stilevyie iskaniya sovremennoy sotsial'no-eticheskoy prozy (V. Astaf'ev, S. Zalygin, V. Shukshin)* [Stylistic Searches of Modern Social-Ethical Prose (V. Astafiev, S. Zalygin, V. Shukshin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Filippova, S.V. (2007) *Utopisticheskii vektor naturfilosofskoy prozy S. Zalygina* [The Utopian Vector of S. Zalygin's Naturphilosophical Prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
6. Shatalova, A.V. (2008) *Zhenskii mir prozy S.P. Zalygina: poetiko-aksiologicheskii aspekt* [The Female World in the Prose of S.P. Zalygin: A Poetic-Axiological Aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
7. Rudzevich, I. (2003) *Chelovek i priroda v tvorchestve Sergeya Zalygina* [Man and Nature in the Work of Sergei Zalygin]. Abstract of Philology Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Bondarenko, E.N. (2010) *Naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka: kontseptsiya lichnosti* [Natural Philosophy Prose of the Second Half of the 20th Century: The Concept of Personality]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
9. Plekhanova, I.I. (2014) *Filosofskie problemy literaturovedeniya: Teoriya vital'nosti v svyazi s filosofiei i teoriey literaturnogo tvorchestva. Psikhotip i tvorcheskaya individual'nost' poeta* [Philosophical Problems of Literary Studies: The Theory of Vitality in Connection with the Philosophy and Theory of Literary Creativity. Psychotype and Creative Individuality of the Poet]. Irkutsk: ISU.
10. Petushkova, E.V. (2004) *Ekologicheskie problemy v otechestvennoy publitsistike vtoroy poloviny XX veka (S. Zalygin, V. Astaf'ev, V. Rasputin)* [Ecological Problems in Russian Journalism of the Second Half of the 20th Century (S. Zalygin, V. Astafiev, V. Rasputin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
11. Kaminskiy, P.P. (2013) *Filosofiya prirody v publitsistike Sergeya Zalygina 1960-kh – 1990-kh gg.* [The Philosophy of Nature in the Journalism of Sergei Zalygin from the 1960s–1990s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 119–130.
12. Perkiömäki, M. (2020) The Anthropocene on Planet Water. Competing Views on Rivers and Geography in Sergei Zalygin's *Ekologicheskii roman*. *Slavonica*. 25 (1). pp. 1–24.
13. Sukhanov, V.A. (2001) *Romany Yu.V. Trifonova kak khudozhestvennoe edinstvo* [The Novels of Yu.V. Trifonov as an Artistic Unity]. Tomsk: TSU.
14. Kaminskiy, P.P. (2012) *Poetika ocherka v rannem tvorchestve Sergeya Zalygina* [The Poetics of the Essay in the Early Works of Sergei Zalygin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (19). pp. 111–121.
15. Zalygin, S.P. (1988) *V predelakh iskusstva: Razmyshleniya i fakty* [Within the Limits of Art: Reflections and Facts]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
16. Zalygin, S.P. (1988) *Pozitsiya* [Position]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
17. Zalygin, S.P. (1987) *Kritika, publitsistika* [Criticism, Journalism]. Moscow: Sovremennik.
18. Zalygin, S.P. (1991) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: In 6 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Zalygin, S.P. (1991) *Literatura i priroda* [Literature and Nature]. *Novyy mir*. 1. pp. 10–17.
20. Zalygin, S. (1996) *Moya demokratiya* [My Democracy]. *Novyy mir*. 12. pp. 130–169.
21. Fromm, E. (2010) *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Translated from German by E. Telyatnikova. Moscow: AST; Astrel'.
22. Dedkov, I.A. (1985) *Sergey Zalygin. Stranitsy zhizni, stranitsy tvorchestva* [Sergei Zalygin. Pages of Life, Pages of Creativity]. Moscow: Sovremennik.

23. Semenova, S.G. (1993) Russkiy kosmizm: [Vstupitel'naya stat'ya] [Russian Cosmism: [Introductory Article]]. In: Semenova, S.G. & Gacheva, A.G. (eds) *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought]. Moscow: Pedagogika-Press. pp. 3–33.

Информация об авторе:

Каминский П.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kelagast@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.P. Kaminskiy, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kelagast@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 05.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 05.03.2025;
approved after reviewing 05.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 82.0
doi: 10.17223/15617793/514/6

Аверинцев и Гоголь: исследование истоков антиномизма русского модерна

Александр Викторович Марков^{1, 2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

² Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
^{1, 2} markovius@gmail.com

Аннотация. Размышления Аверинцева о Гоголе даны в форме разрозненных замечаний, но парадигматичны для философского литературоведения. Проведенная реконструкция интеллектуально-биографического контекста замечаний показывает, что Аверинцев видел в Гоголе ключевую фигуру трансфера от антиномий романтизма к коллизиям русского Серебряного века. По Аверинцеву, у Гоголя антиномия серьезного и смешного подчинена антиномии ученой и народной культуры, что определило парадоксы жизнестроительства в Серебряном веке.

Ключевые слова: антиномии, история литературоведения, русский модерн, философское литературоведение, Гоголь, Аверинцев

Источник финансирования: исследование выполнено в ИМЛИ имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект No 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248>).

Для цитирования: Марков А.В. Аверинцев и Гоголь: исследование истоков антиномизма русского модерна // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 56–64. doi: 10.17223/15617793/514/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/6

Averintsev and Gogol: Exploring the origins of modern-style Russian literature antinomies

Aleksandr V. Markov^{1, 2}

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
^{1, 2} markovius@gmail.com

Abstract. The article addresses the problem of how a distinct philosophical literary study is possible, of which S.S. Averintsev was the most prominent representative in Russia. Averintsev interpreted a vast number of works from various literatures, from the ancient Orient to the works of his contemporary poets, yet his position cannot be reduced to a hermeneutics or close reading of these works. All these methods play a subordinate role in comparison with the historical-cultural schema, which itself determines the understanding of the basic meaning of both individual works and the historical-genetic connections within literature. Although the general framework for Averintsev's study of literature is the conflict between polytheism and monotheism, and the general canvas is the development of affective principles of the attitude to the word, both oral and written, in his interpretation of 20th-century Russian literature, Averintsev reconstructs a productive, simultaneous opposition to both traditionalism and avant-gardism as extremes. This opposition cannot be explained by value preferences alone but has a structural justification. Contextualizing Averintsev's work with issues of 20th-century Russian literature reveals that the primary structural justification was the understanding of Russian literature as reflective. Russian modernism (the Silver Age) turned to Gogol as a writer who thematized the antinomy between Romanticism and Realism, while subsequent Russian literature and theoretical thought turned to the Silver Age as a period that thematized the antinomy between life-creation and professional literary work. Both of these thematizations were linked to the biblical-monotheistic implications of creativity and redemption. By also employing a theological framework, Averintsev demonstrated that the matter was more complex. In his interpretation of Gogol, Averintsev was close to I.B. Rodnyanskaya and V.V. Bibikhin, but diverged from them on one point. He understood Gogol not as a creator of ideals or idealizing schemes of representation, but as a writer capable of realizing the ideals of previous eras. Therefore, a romantic mood does not dominate in Gogol; on the contrary, according to Averintsev, Gogol considers this mood merely as one of the potentialities of the spoken or written word. Averintsev critically discusses both the Symbolist interpretation of Gogol as a grotesque writer and Vyacheslav Ivanov's comparison of Gogol's experience with that of ancient civic experience. All these concepts from the Silver Age are sufficient to demonstrate the complexity of Gogol's antinomies. However, the primary antinomy turns out to be the antinomy of small and large time (terms by M.M. Bakhtin). Averintsev thematizes this antinomy not as belonging to the life of genres, but as belonging to the practices of self-knowledge. In that case, contemporary Russian literature realizes not so much Gogol's techniques, but rather Gogol's form of self-knowledge. It is this realization that allows Averintsev to provide non-contradictory interpretations of Russian poetry.

Keywords: antinomies, history of literary studies, Russian modernism, philosophical literary studies, Gogol, Averintsev

Financial support: The work was done at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation (Project No. 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>).

For citation: Markov, A.V. (2025) Averintsev and Gogol: Exploring the origins of Modern-Style Russian Literature antinomies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 56–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/6

Введение

В наследии ведущего отечественного филолога, философа и культуролога С.С. Аверинцева (1937–2004) размышления о русской литературе всегда занимали важное место. Они были ключевыми для самосознания ученого, но получили достаточную экспликацию в поздний период его деятельности, в 1990-е гг., когда этому благоприятствовали как институциональные обстоятельства, а именно чтение в Венском университете курсов по русской поэзии (список курсов см. [1. С. 300–305]), так и интеллектуальная ситуация 1990-х. О.А. Седакова в тексте, одобренным самим ученым, описала это мировое положение как турбулентное: отсутствие мировых моральных авторитетов вело к постоянному смещению в науке и отражающей ее публицистике высокого и низкого, фундаментальных тем размышлений и прикладных психолого-социологических подходов к предметности, а в России эта ситуация усугублялась ускоренным трансфером западных текстов при отсутствии должных рефлексивных навыков, рефлексивной самодисциплины [2]. Методологически, по утверждению Седаковой, это привело к двойному давлению «предельно жесткого позитивизма – или же эссеизма, переводящего культурологическую мысль предшественников в форму поп-науки» [2]. Исследования русской литературы Аверинцева тогда должны были противостоять такому двойному давлению, показывая возможность не совпасть ни с той, ни с другой мощной тенденцией [3]. Как сам Аверинцев заявил в статье «Так почему же всё-таки Мандельштам?» (1998) «Поэзия у него круто противоположна и классицизму и авангардизму, находясь в чрезвычайной близости и к тому, и к другому» [1. С. 125]. Это общая формула для многих явлений русской литературы, которые изучает Аверинцев: умение проходить между двумя разнонаправленными тенденциями, которые, казалось бы, полностью определяют эпоху. Следовательно, изучение русской поэзии XX в., которым Аверинцев занимался согласно штатным обязанностям в Венском университете, было полемически заострено против сразу двух тенденций, археологической и адаптирующей, и в литературе XIX в. нужно было найти сами основания возможности такого полемического заострения.

В Гоголе для Аверинцева важнее всего принципиальное несовпадение с эпохой, существующий с самого начала зазор между Гоголем и романтизмом, и реализмом. Но это несовпадение осуществлялось через географические перемещения, переезды, паломничества, а не через особую работу над собой, как у тех поэтов XX в., которым Аверинцев уделял наибольшее

внимание. Для Мандельштама переезд – обстоятельство жизни, тогда как для Гоголя – выстраивание своего места в культуре. В одном из устных разговоров венского периода Аверинцев упомянул свои размышления, что Гоголь мог бы направиться в другую столицу, не в Петербург, а в Вену, оказавшись в контексте не русского реализма, а австро-венгерского бидермейера. Гоголь тогда оказывается меркой состоятельности Вены как культурного проекта для всех, туда приходящих, как раз мостом между паломничеством и выстраиванием себя. Гоголевское настроение сопровождало Аверинцева в венский период, хотя и не нашло прямого отражения в исследованиях – но, например, склонность к шуточным экспромтам у него была вполне гоголевская, что мы тоже рассмотрим.

В Вене, как было уже сказано, Аверинцев читал курсы по русской литературе в университете и проходил лечение. «Спасибо ласковой Вене, она продлила дни Сергея Сергеевича» [4. С. 95]. Н.В. Брагинская назвала город ласковым не просто в благодарность за лечение ученого, но и имея в виду важную характеристику бидермейера, венского артистически-бытового стиля постромантического времени, которую раскрыл друг Аверинцева А.В. Михайлов. Михайлов трактовал бидермейер как особую религию домашних вещей, умение превратить любую жесткость материи и духа в ласковость открытия истины здесь и сейчас: «Это – Bildungsreligion¹, религия культуры, которая свой атеизм, свою веру во всемогущество, иногда фатальное, вещей освящает знаком метафизической истины, предельно просто, незамысловато соединяя реальное и идеальное» [5. С. 138]. Мысленный эксперимент, помещающий Гоголя в Вену, имеет в виду не какую-то необязательную игру по комбинированию элементов и прослеживанию эффектов, но напротив, превращающий всё написанное Гоголем в *уже-написанность*, – не в принадлежащее какой-то эпохе как инкрустация, но *определяющее эпоху*.

Материалы и методы

Специальной работы о Гоголе у Аверинцева нет, и основные замечания о Гоголе содержатся в его работе о Вячеславе Иванове и русской литературной традиции [6. С. 320–341], где он ставит вопрос о причинах интереса русских символистов к Гоголю, и об особенностях вчитывания Ивановым Гоголя в историю мировой культуры. Для Аверинцева Иванов предвосхищает метод М.М. Бахтина, изучения мениппейных, комических, карнавальных подтекстов культуры как конструктивных; но содержание этого предвосхищения требует близкого чтения и контекстуализации этих замечаний.

Методологически для нашего исследования исключительно важен доклад Ю.В. Балакшиной, впервые указавшей, что Гоголь для Аверинцева – один из первых, если не первый библейский мыслитель в России, вполне почувствовавший всё противоречие между Афинами и Иерусалимом, которое может довести до личной катастрофы. Балакшина сослалась на работу Аверинцева о Бахтине и русском отношении к смеху, где ученый утверждает, что конфликт «между комическим гением и православной совестью» «буквально загнал в гроб Гоголя». Из этого исследовательница делает вывод о возможности влияния опыта Гоголя на самую стержневую культурологическую идею ученого: о соединении в развитии христианской культуры двух творческих принципов – античной «литературы» и ближневосточной библейской «словесности» [7. С. 219]. Аверинцев, «выявляя доходящую до противоположности разность двух творческих принципов», при этом указывает на общее – что в основе и античного жанрового идеализма, и библейского ревностного монотеизма лежит выговаривание в слове базовых принципов культуры, в отличие, например, от жреческих ритуалов древних цивилизаций.

Как подытоживает свои выводы Балакшина «усилие борьбы с разрушением слова для того и другого связаны с верой в Слово, бывшее в начале у Бога, и творческой жизнью слова человеческого, проявляющего себя и в художественных поисках Гоголя, и в филологических штудиях Аверинцева» [7. С. 219]. Тем самым можно утверждать, что Гоголь косвенно определил как особую культурную программу монотеистических убеждений Аверинцева, требующую рассматривать время творения как сакральное и только частично присутствующее в мире, так и особое понимание творчества как постоянных исканий, каждое из которых притязает на гениальность: на подчинение реальности какому-то амбициозному жанрово-стилистическому принципу. Аверинцев во многих работах, вошедших в книгу [8], показывал, как творчество в таком смысле до романтизма смягчалось риторикой. Риторика своими обобщениями укрощала притязания на творчество без берегов, а давая апофатическое описание всего уникального и индивидуального как чудесного и сингулярного, риторика позволяла не противоречить переживанию непостижимого времени творения в авраамических религиях. Тогда как Гоголь принадлежит романтической эпохе, и комический гений уже не сдерживается риторикой, а православная совесть требует признания своеобразной ревности божественного творчества к человеческому.

Такой конфликт личной восторженности и подчинения общему плану божественного творения Аверинцев видел не только в Гоголе, но и в тех мыслителях, которые соединяли юмор с амбициями переописания творчества. По свидетельству Гаспарова, такого соединения Аверинцев не находил, например, в Бердяеве, у которого одно начало во всякий момент подавляло другое: «Равномерная перенапряженность и отсутствие чувства юмора вот чем тяжел Бердяев» [9. С. 168], но находил в творчестве Шпета: «Шпет –

слишком немец, чтобы писать несвязно, слишком русский, чтобы писать неэмоционально; достаточно немец, чтобы смотреть на русский материал со стороны, достаточно русский, чтобы...» [9. С. 168]. Связность общего плана не противоречит личной эмоциональности. В этом смысле Шпет напоминает такую межеумочность Гоголя, который внутри теоретического эксперимента мог принадлежать как русскому, так и немецкому языковому миру, и который тоже соединяет патетику и сверхкритичность, остраивающий взгляд на русскую действительность и проникновенный взгляд по отношению к любой действительности.

Иначе говоря, Гоголь точно если не продиктовал Аверинцеву идею противопоставления Афин и Иерусалима, как считает Балакшина, то указал на антиномию патетичности и сверхкритичности как продуктивную для развития всей культуры. Насколько эта антиномия была устойчивой и насколько она работала в объяснении Аверинцевым как Гоголя, так и путей русской культуры, мы и будем разбираться. Это необходимо для того, чтобы объяснить специфику философского литературоведения Аверинцева как способного проследить не только судьбу и изменчивость тех или иных смыслов в литературной культуре, но и судьбу и метаморфозы антиномий в литературной культуре с ее прагматическим (жизнестроительным) измерением.

Результаты

В.В. Бибихин приводит в своих воспоминаниях об Аверинцеве замечательный разговор 21 декабря 1986 г. его с И.Б. Роднянской:

«Он не терпит растерянного молчания, “я болтлив”, но не любит и раздрганного разговора, и когда Ира, изголодавшаяся по общению с ним, начала с того, что ей предложили писать о Гоголе, он сказал, что ему предложили писать о Гоголе, “но я его не знаю”. “Я всю жизнь писал только о том, чего я не знаю”, вставил я в своей *daring and carefree manner*², но он этого тона конечно не признает, молчит и удивляется, недоумевая, как люди умеют самих себя сажать, как они будут выбираться. Он питается вниманием Иры, рассказывает об англиканине, который обязательно *sig* и никак не иначе, о присланном ему из Германии *Gute Nachricht*³ – Евангелии с газетными полосами на суперобложке, а он хотел было рассердиться, но увидел, что перевод хорош. Он зачаровывает, и когда заговорила Ира, по сравнению с ним сразу стало скучно. Он добился, хотя намеками, чтобы первые же мы и рассказали ему этот *rip* (хотя он сам по себе его знал), как в конце первой мировой войны пруссак, покручивая ус, говорил австрийцу в венском кафе: “*Die Lage ist ernst, aber nicht hoffnungslos*”⁴, на что австриец, т.е. сам Аверинцев, отвечал мудро и насмешливо: “*Nein, die Lage ist hoffnungslos, aber nicht ernst*”⁵. И сейчас, говорил он, если бы с нами случилось что угодно, и может случиться, и “бунт” для описания того, что произойдет, еще слишком структурированное понятие, – всё равно, серьезным мы это назвать “уже не можем”» [10. С. 341].

Это, вероятно, не первый случай, когда Аверинцев задумался о Гоголе и германском мире, равно как и о невозможности бунта в современном мире, карнавальность которого стала тотальной – о чём он писал в статье «Моя ностальгия» 2000 г. [6. С. 398–407]. Но здесь замечательно, что Гоголь оказывается такой универсальной переменной письма о неведомом, общей формулой филологического подхода Аверинцева, для которого понять текст отдаленной эпохи – это понять, что текст построен по совсем другим правилам, которые могут быть до конца не эксплицированы. Поэтому он и не поддержал неосторожную и как бы заигрывающую шутку Библихина, который сказал, что всегда пишет о том, чего не знает – да, так можно сказать о чём угодно, но не о Гоголе, который как раз для Аверинцева и раскрывает собственные принципы, который как раз полностью эксплицирован, и которого надо знать, чтобы писать. Гоголь вполне эксплицирует и свой восторг, и своё отчаяние, и юмор, и смирение.

Опыт понимания неэксплицированного и выглядят все статьи, сведенные далее автором в том о риторической природе европейской литературной эволюции [8]. Основная мысль этих статей, написанных по разным поводам и для разных проектов, состоит в том, что норма литературного творчества диктуется правилами, сама экспликация которых, в пособиях по поэтике или риторике, не подчинена никаким заранее данным правилам. Поэтому эти правила, даже если они подробно обозначены, несут в себе возможную энергию импровизации, энергию неведомого, и формализация литературных техник никак не препятствует им нести в себе неожиданное содержание.

Некоторые корреляции между новациями литературных техник и новациями мировоззренческих содержаний Аверинцев назвал в труде «Поэтика ранневизантийской литературы» [11]: например, появление парной рифмы и реализация принципа парресии (дерзновения) в почитании Богородицы в Византии или развитие хиастических переключек в тексте и победа экзегетических правил золотого века византийской патристики. Но в статьях книги «Риторика и истоки европейской литературной традиции». Аверинцев показывает, что эти достижения византийской литературной эстетики, по сути, популярной теологии (без отрицательных импликаций слова «популярный»), которые он и рассмотрел на репрезентативных примерах в книге о византийской поэтике, локальны, принадлежат некоторому мировоззренческому стилю [12], но не общим, гораздо более парадоксальным принципам развития мировой литературы. То, как Аверинцев понимал парадоксальность этих принципов, требует привлечения ближайшего контекста приведенного Библихиным разговора.

В 1985 г. в юбилейном сборнике «Гоголь: история и современность» было опубликовано статья В.В. Библихина, Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской «Литературная мысль Запада перед ‘загадкой Гоголя’» [13]. Здесь как раз Библихин написал о Гоголе так же, как написал бы о другом, как он писал практически все свои работы на литературные темы – не с позиций вы-

явления глубинных принципов поэтики, как Аверинцев, но с позиций выяснения эффектов языка и речи для правильной интерпретации дела писателя, а не только отдельных его утверждений. Выражение «загадка Гоголя» было намеренно взято в кавычки: подразумевалось, что эта загадка – эффект русского языка, в котором «загадка», в отличие от немецкого или английского, имеет два смысла «интеллектуальная задача, подразумевающая нахождение решений» и «задача как нечто озадачивающее, чему нельзя найти решения». Только частично эта разошедшаяся семантика покрывается такими общенаучными терминами, как *тема* и *проблема*.

В этой статье авторы прямо говорят, что Гоголь остался недоступен западным исследователям, которые применяют к нему готовые ключи, например, психоанализа или гендерных исследований, и поэтому не могут понять идеализирующий юмор Гоголя: «Гоголь-художник, принципиально полагающийся на читателя, уязвим для равнодушных к его идеалам интерпретаторов и легко поддается зачислению по чужому ведомству» [13. С. 433]. Поручить читателю самому вытянуть интерпретацию – это и есть юмор, то есть правильный настрой, который предпочтет самую очевидную интерпретацию, без дополнительных дисциплинарных ключей. А вот не служить никакому чужому ведомству, а воссоздать идеалы Гоголя, понять, как его конфликты были не мотивированы чем-то, но составляли антиномическую структуру всей его литературной деятельности – это самому быть готовым к такому антиномизму идеального и реального, который нельзя свести ни к какому ведомству.

По сути, Библихин и его соавторы (и собеседники) сообщают, что как раз находят в Гоголе полную неведомость и необъяснимость, но полностью развернутую к читателям. Именно поэтому о Гоголе и можно писать, «не зная»: он уже сказал читателю обо всех противоречиях собственной души, более того, подыскал ресурсы, от средневекового аллегоризма до реалистической репрезентативности, для высказывания этих противоречий. В таком развороте к читателю и возникают идеалы, то есть то, что уже влечет читателя к неведомому, например, к героическому пафосу, к соизмерению себя со всей страной и миром. Гоголь хотел именно такого переворота в читателях, который бы соответствовал величайшему нравственному перевороту, произведенному христианством. Так обстоит дело для Библихина и его соавторов. Для Аверинцева всё это существенно, но с одной оговоркой – само это желание не есть просто воля писателя, а определенный результат структурных моментов.

Сам Библихин в позднейшей работе [14] указывал на то, что Гоголь сопоставим как проповедник с Кьеркегором. Оба писателя XIX в. были убеждены, что могут стать зеркалами, в которых отражается распад века. Ответ на всемирный барочный театр гротескных характеров – встроенность смерти в сюжет жизни и деятельности обоих писателей: смерть не просто ставит точку, но подчёркивает сказанное ими в совсем нететральной разметке их идей. Если излагать мысль этой

статьи кратко, то согласно Биbihину, оба христианских писателя зафиксировали распад человека в XIX в., разложение его на разные слои самоидеализации. Люди живут неподлинной жизнью, надевают маску не только в разговоре с другими, но и разговоре с собой. Более того, они надевают эту же маску на собственную мысль, и потому не замечают, насколько они лгут, насколько они ложны, насколько они распались. Стратегии Кьеркегора, который подписывает свои сочинения псевдонимами, часто, заметим, с аскетическими импликациями (Йоханнес Климакус, т.е. Иоанн Лествичник), соответствует стратегия Гоголя, который выстраивает программу новой аскетики через изображение пороков. При этом это изображение пороков нельзя свести ни к аллегории, ни, вопреки позднему объяснению Гоголя, к душевной самотерапии, к экстериоризации темных сторон души. Скорее, это особая *парадигма зеркальности*, когда писатель, полностью видя себя в зеркале собственных пороков, может обернуться *зеркалом идеала*.

Итак, Биbihин говорит о Гоголе как первом писателе, который сообщает о распаде не столько социальной, сколько личной ткани. Человек не может собрать эту ткань сам и превращается в безвольную куклу. Слова Гоголя «дрянь и тряпка стал всяк человек», которые для Белинского в его знаменитом *Письме* были доказательством стилистического падения Гоголя, вероятно, из-за совмещения бранчивого обращения с проповедническим «всяк», для Биbihина как раз служат лучшей феноменологической формулой такой куклы, выходящей из собственной темноты. Белинский не учитывал театрального подтекста: «дрянь» как реквизит, «тряпка» как занавес и декорации. В конце концов, Биbihин опирается на теснейшую связку зеркала, маски и куклы, обоснованную недавно в работе [15]. Кьеркегор и Гоголь, согласно Биbihину, видят и других людей как кукол, и себя как кукол, и полагают отличие себя от других людей только в этой зеркальности, что они могут как ясные зеркала увидеть в других людях кукол. А это видение, переходя из зрения в письмо, и становится срыванием масок, которое осуществляется отдельными нарочито инструментализированными литературными стратегиями, которые сами эти писатели могут воспринимать как фатальные для них самих.

Таким образом, Биbihин всегда, говоря о Гоголе, настаивал на простом обороте, на простой функции зеркала, от отражения ситуации катастрофической театрализации мира к предписыванию этим же зеркалом особой искренности. Благодаря этому читатель и может увидеть грех не только в отдельных поступках, но и в самой собственной неискренности, и тем самым приобщиться самому перевороту, произведенному христианством — христианство поставило человечество лицом к лицу со Всевышним, напрямую, тем самым не допуская никакого притворства. При этом риск театрализации был у позднего Гоголя, нарочитости его проповеди, о чём Биbihин пишет в книге «Узнай себя» [16. С. 32], где как раз отдаёт предпочтение грубости Белинского, а не прециозной самоидеализации Гоголя, — но это относится уже к биографическим обстоятельствам жизни Гоголя и обстоятельствам русской культуры.

Отличие Аверинцева от Биbihина в том, что он действительно не берется писать о Гоголе, потому что не знает его, но берется писать о возможности Гоголя как определенной возможности жанрового развития, которое могло бы обернуться (и обернулось в реальности русской литературы) реализмом, а могло бы обернуться бидермейером. Гоголь появляется у Аверинцева в связи с Пушкиным. Аверинцев указывает, что только Пушкин в русской литературе мог использовать не только жанр иронически, но и жанровую уместность иронически, в статье «Пушкин — другой», написанной к юбилею 1999 г. [6. С. 285–291]. Пушкин не просто нестандартно комбинировал или гибридизировал жанры, создавая эффекты иронического отстранения прежней жанровой идентичности, но иронически обыгрывал саму уместность жанров, жанров речевого или бытового поведения. На этом, согласно Аверинцеву, и построена поэтика романа в стихах «Евгений Онегин»: Пушкин не просто обыгрывает романский жанр и стихи с их жанровыми формами, но превращает «привычки милой старины», т.е. устойчивый жанр жизни, в предмет одновременно иронического и доверчивого отношения к его уместности. Гоголь уже выяснял, возможна или невозможна идиллия, т.е. он ставил под вопрос жанр, исходя из его уместности, соединимости с реализмом — но не саму жанровую уместность. «Идиллия отлично уживается с пародией, и, если уж совсем серьезно, какая же идиллия без смеха? <...> Но ни с сатирой, ни с идеологическим конструированием собственной идиллической сути идиллия ни секунды прожить не может» [6. С. 287]. Тогда Гоголь оказывается сатириком в тот момент, когда он отражает действительность, и ни один жанр здесь уже не уместен. Но он же оказывается идеологическим создателем идиллии в тот момент, когда пытается сообщить всем читателям моральный урок и изменить человечество. Антиномичность онтической структуры действительности (в религиозном понимании или в «реалистическом» понимании) и свободного творческого вдохновения оказывается разрешена исключительно моментальностью Гоголя, что его желания моментально сбываются, что в его руках всё превращается сразу в золото, и золото сразу превращается в черепки (если вспоминать его дебютную повесть) — становятся частью внутреннего опыта, который и попытался переписать Биbihин, сравнивая Кьеркегора и Гоголя.

Тогда получается, что антиномии предшествующего развития литературы, такие как антиномия репрезентации и поучения, или антиномия жанровых условностей и жанровой прагматики, которые разрешались внутри уместного творческого акта, оказываются не столько сняты, сколько интериоризированы Гоголем, отражены в зеркале его опыта. Тогда как Пушкин умеет соединять несоединимое: условности жанра идиллии, направленные на предмет и его изображение, уравновешиваются условностями светской иронии, направленной уже на слово, поэтому он и достигает эффекта, который Гоголю был недоступен. Гоголь — первый писатель, для которого жанровая уместность была вытеснена жанровой сутью, способностью жанра приоткрыть свою страшную изнанку. Здесь Аверинцев еще мыслит так же, как Биbihин.

Но когда Аверинцев говорит о рецепции Гоголя у Вячеслава Иванова («Вячеслав Иванов и русская литературная традиция» [6. С. 320–342], то он как раз говорит о другом [6. С. 337–338], что антиномии Гоголя, такие как антиномия серьезного и смешного, жанровой условности и реалистической репрезентации, стали более сложными антиномиями русского символизма. Здесь Гоголь уже оборачивается не *зеркалом читательской воли*, но своеобразным *теоретиком*, указывающим самим своим письмом на качественно различные явления мировой культуры, которые нельзя свести к чему-то одному. Все эти антиномии в конце концов сводятся к антиномии гражданского смеха и бытового смеха.

Эта антиномия вбирает в себя другие антиномии. Гражданский смех серьезный, всенародный, репрезентативный, прагматичный. Бытовой смех несерьезный, частный, условный, сосредоточенный в себе. То есть по отношению к этой антиномии прочие антиномии, вроде серьезного и несерьезного – частные эксцессы этого, преломление в каких-то частных социопсихологических условиях рецепции. Хотя оба смеха имеют социальную прагматику, но сами эффекты смеха примирить нельзя, даже если и тот и другой улучшают социальную жизнь в самом общем смысле.

Цитируя статью Иванова «Заветы символизма» (1909), Аверинцев видит в характеристиках русских поэтов, данных в этой статье, автопортретность. Жуковский, Пушкин, Гоголь, Боратынский, Лермонтов оказываются для Иванова создателями каких-то форм чувственности, вроде многогранного зрения Пушкина или «глухоторжественного» звука Боратынского. Культивируя необычность чувственности, каждый из поэтов создает подвижное равновесие жизни и творчества, Тютчев создает равновесие через мобилизацию всех пяти чувств, а Иванов – через их демобилизацию, отпущение на волю. У Гоголя как раз Иванов находит «трепет и восторг второго зрения», так что Гоголь был обречен «быть только испуганным соглядатаем жизни», скрывающей от вещего мифотворца «последний смысл своей символики» под «покрывалом причудливого мифа» [6. С. 335]. Явные отсылки к покрову Изиды в интерпретации Новалиса и к шопенгауэровской метафизике творчества здесь приоткрывают главное – Гоголь для Иванова – второе зрение, это означает как раз такое видение изнанки жизни в качестве символа, причем изнанки всякий раз бунтующей [17]. То есть Гоголь внушает, согласно Аверинцеву, самому Иванову необходимость создавать мифы независимо от степени развития чувственного восприятия. Для создания мифа достаточно, чтобы жизнь перестала создавать свои мифы, и прозорливость тем самым считывала настоящие символы.

Согласно Аверинцеву, Иванов наложил на Гоголя общую схему, противопоставления Аристофана и Менандра. Для Иванова Гоголь бы специфическим моралистом, а не реалистом: он создавал как Аристофан всенародную мораль, тот смех, который был гражданским. Аверинцев замечает, что спор Аристофана и Менандра, гражданского и бытового смеха, не мог быть разрешен в пределах символизма. Ведь гражданский

смех подразумевает «общества соучастия» [18] в условиях политической непредсказуемости, тогда как бытовой смех поддерживает уже состоявшиеся конфигурации соучастия, основанные на характерном и предсказуемом поведении. Внутри бытового смеха и возможно развитие специфической чувственности, тогда как для гражданского смеха достаточно видеть грубую изнанку событий.

Заметим, что реализацию гражданского смеха по Иванову спародировал Аркадий Аверченко в фельетоне про журнал «Аполлон» [19] – доверчивый читатель, узнав про иммерсивный театр активного соучастия зрителей, попытался на спектакле произносить монологи из зала, и разумеется, оказался в полиции. Иначе говоря, он попытался отнестись, пользуясь терминологией О.А. Штайн [18], к лицевой стороне спектакля как к изнаночной. Но при этом Иванов, конечно, признаёт, что и бытовой пафос Менандра у Гоголя был, но не как часть антиномии, а как эпизод, наподобие других эпизодов, вроде совершенно средневековой попытки морально-аллегорически толковать собственные произведения.

Аверинцев при этом использует различие малого и большого времени Бахтина, утверждая, что и Бахтин спорил с революционно-демократическим пониманием Гоголя как основателя критического реализма. В малом времени Иванов, согласно Аверинцеву, спорил с Чернышевским, его концепцией «гоголевского периода русской литературы» как утверждения основных ценностей социального реализма. Но заметим, что как бы с Чернышевским спорит и Бахтин – то есть только нереалистическое понимание Гоголя выведет его за пределы антиномий, которые принадлежат порядку литературного производства, и которые в конце концов и породили эстетику Чернышевского. Ведь если мыслить в обозначенных нами координатах, эстетика Чернышевского не снимает никаких антиномий, вроде антиномии репрезентации и поучения или антиномии жанровой условности и прагматики социально значимого высказывания, а разрубает гордиев узел: репрезентация уже поучительна, жанровая условность уже прагматична!

Но в большом времени это как раз вписывание Гоголя в этот двойственный античный смех, в котором гражданское оказывается скорбным не в смысле эмоциональной реакции на происходящее, но в смысле большого сожаления о самой непредсказуемости человеческого удела; а бытовой юмор оказывается реалистичным, но тоже не в смысле репрезентации социальных типов, но в смысле следования морали за характером, а не наложения морали на характерные ситуации. Здесь антиномии уже оказываются непреодолимыми, гордиев узел не разрубишь, нельзя сказать, что из непредсказуемости человеческого удела, например, следует прогрессизм. Сравнивая позицию Вячеслава Иванова и других символистов, которые слишком пристрастно относились к Гоголю, и поэтому впадали в игру, в азарт, Аверинцев говорит, что Иванов «использует историческую дистанцию как фактор бесстрастия» [6. С. 337], иначе говоря, рассматривает антиномии жанров, включая жанры поведения, как уже реализовавшие все свои возможности для создания дискурсивных форм.

«Гоголь-художник прав против Гоголя-моралиста, как Аттика времен Аристофана несводима к средневековому суду над ней. Но Гоголь-моралист приходит на смену Гоголю-художнику с той же непреложностью, с которой средневековые пришли на смену античности, и непреложность эта скорее удовлетворяет логическую потребность ума, чем подает повод к субъективному приятию или неприятию» [6. С. 339]. Выражение «логическая потребность ума» само по себе довольно ироническое – вряд ли изучение литературы можно сводить к потребности ума. Но Аверинцев очередной раз оспаривает роковые вопросы и поспешные их решения в духе Чернышевского, утверждая, что просто в какой-то момент поспешные решения становятся неинтересными. Тогда гоголевские жанровые антиномии оказываются уже частью большой антиномии между малым временем и большим временем. Между текущим опытом и тем большим опытом, который можно приобрести только творческими усилиями или смиренным признанием высшего Творчества. Так терминология М.М. Бахтина оказывается способом интерпретировать мучительные искания Гоголя не как попытку решить противоречия его времени, например, между романтической установкой и реалистическими требованиями эпохи, но как страдальческое изживание этих противоречий ради той антиномии, которая только и позволяет говорить о мировой культуре с определенной дистанции. Такая дистанция и есть отличие филологического литературоведения от других видов литературоведения.

Обсуждение

Отличное переописание Серебряного века в гоголевском духе содержится в экспромте, который приводит Витторио Страда [20. С. 117] и который, судя по всему, является последним завершённым письменным текстом, созданным Аверинцевым в Риме, за два дня до комы, от которой ученый не оправился.

Серебряный век

Когда прав, когда не прав,
Всегда Вячеслав есть Вячеслав;
Но вечно Бугаев Боря
С Андреем Белым в ссоре,
И Александр Блок
С двойниками совладать не смог,
И Тетерников Федя
Стервенел вроде медведя,
И немел среди безумств Азии
Директор царскосельской гимназии,
И ученик его Коля
Уж больно тужился в роли...
Однако при царе и при республике
Милы они чистой публике!
А вот Лене и Леше
Хлопала публика поплоче.
Срывал немытых курсисток рев
Тучный и томный Лотарёв,
Вызывали восторги в каждом уроде
Эти самые, которые «вроде Володи»,

И соборные действа по эстетной воле
На площадях учинял нарком Анатолий:
Тут из всех щелей поползли шулера,
И сама собой накрылась игра.

В этом стихотворении ключевые деятели эпохи русского модерна изображены вполне в духе гоголевской сатиры, но именно так, как Гоголя переоткрыл русский модерн, в работах Дм. Мережковского «Гоголь и черт», В. Брюсова «Испепеленный», статьях Андрея Белого, замечаниях В.В. Розанова. Все эти авторы, расходясь по многим вопросам, одинаково описывали Гоголя как первого дегуманизирующего людей русского писателя: гипертрофирующего черты людей, превращающего людей в гротескные, искусственные, аллегорические фигуры, тем самым приоткрывающего бездны, стоящие за любым частным человеческим опытом. Аверинцев в этом же ключе изобразил самих деятелей Серебряного века: двойничество, обезчеловечивающие аффекты, немота ужаса и другие составляющие гротескного образа оказались базовыми характеристиками тех, кто создавал культуру в то время. Переописание Серебряного века как постоянно снижающего уровень общения, от Вячеслава Иванова как вершины до профанаций от Гумилева до Северянина и Маяковского, позволяет ввести гоголевскую тему игры, «Игроков» [21] как фальшивого и самоуничтожающего действия.

Аверинцев пишет, что у Вячеслава Иванова исчезает «некрасовский мужичок, который, раскаявшись в своей несознательности, Белинского и Гоголя с базара понесет», и Гоголь оказывается в большом времени, а не в малом времени революционно-демократической культуры «через одно то, что непосредственно соотнесен с памятью аттической комедии» [6. С. 338]. Если понимать эти слова слишком буквально, то захочется спросить, чем аттический мужичок лучше некрасовского? Зрители комедии как раз народ, который наблюдает за нравами, а не идеями. Это могут быть просто нравы предков или богов, в некрасовской перспективе отсутствующих – заметим, как Некрасов полностью вычитает род, нигде крестьяне из «Кому на Руси жить хорошо» не упоминают предков, не идут к ним на могилу, нет кладбищ, нет генетических связей между деревнями, они не знают, что такое генеалогическое древо, о котором им пытается толковать помещик. Но Аверинцев имеет в виду другое, что некрасовский мужичок – это фигура речи Некрасова, в которой преломились биографические парадоксы Гоголя, например, между пафосным доверием власти и скептическим отношением к любым порядкам, между барочным театром персонажей и внутренней сценой личного покаяния. Мужичок кается, как любил каяться Гоголь, и должен обрести Гоголя как непосредственно переходящего от внутреннего аффекта к действию, от раскаяния к изменению действительности. Тогда как зрители Аристофана, читатели Вячеслава Иванова и М.М. Бахтина, постигают через картину нравов общую антиномию несоответствия идеала и реальности. Аристофан просто пытается ее смягчить через противопоставление идеальных форм гражданской жизни и текущих

политических обстоятельств, Иванов понимает эту антиномию как вызов для самосознания художника, который чтобы стать творцом и подчиняться Творцу, должен принять полностью и переработать содержание целой эпохи. Бахтин понимает такую антиномию в терминах «боль-

шого времени» и «малого времени», а Аверинцев объединяет Иванова и Бахтина, требуя понимать Гоголя как учредителя того литературного порядка, по отношению к которому последующие конфликты внутри отечественного литературного процесса будут частными.

Примечания

- ¹ Религия образованных (нем.).
- ² Дерзкой и бездумной манере (англ.).
- ³ Благая весть (нем.).
- ⁴ Положение серьезно, но не безнадежно (нем.).
- ⁵ Положение безнадежно, но не серьезно (нем.).

Список источников

1. Аверинцев и Мандельштам / сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М.: РГГУ, 2011. 311 с.
2. Седакова О.А. С.С. Аверинцев: труды и дни. URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/1802> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Седакова О.А. Сергей Аверинцев, чтец. Чтение Клеменса Брентано. URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/298> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Брагинская Н.В. Заменить его некем // In memoriam: Сергей Аверинцев. М.: ИНИОН, 2005. С. 95–96.
5. Михайлов А.В. Культура комического и столкновение эпох // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 91–144.
6. Аверинцев С.С. Связь времен. Киев: Дух и литера, 2005. 448 с.
7. Балакшина Ю.В. Диалог церкви и светской культуры: «модель» Гоголя в рецепции С.С. Аверинцева // Гоголь и русская духовная культура. Девятнадцатые Гоголевские чтения. Москва; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2020. С. 214–220.
8. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
9. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 418 с.
10. Библихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.
11. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 480 с.
12. Аверинцев С.С. «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 15–22.
13. Библихин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Литературная мысль Запада перед «загадкой Гоголя» // Гоголь: история и современность. М.: Советская Россия, 1985. С. 392–445.
14. Библихин В.В. Кьеркегор и Гоголь // Мир Кьеркегора (русские и датские интерпретации творчества Серена Кьеркегора). М.: Ад Маргинем, 1994. С. 82–90.
15. Марков А.В., Штайн О.А. Кукла и философия. М.: АСТ, 2025.
16. Библихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
17. Самутина Н.В. Практики эмоционального чтения и любительская литература (фанфикшн) // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 246–269.
18. Штайн О.А. По ту сторону лицевой и изнаночной // Вестник РГХА. 2011. Т. 12, вып. 3. С. 254–259.
19. Аверченко А. Аполлон // Аверченко А. Веселые устрицы. СПб.: Сатириконт, 1910. С. 94–98.
20. Аверинцев С.С., Страда В. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям // Новый мир. 2004. № 6. С. 116–123.
21. Парфенов А.Т. Гоголь и барокко: «Игроки» // Мировое древо = Arbor mundi. 1996. № 4. С. 142–159.

References

1. Nerler, P. & Mamedova, D. (2011) *Averintsev i Mandel'shtam* [Averintsev and Mandelstam]. Moscow: RSUH.
2. Sedakova, O.A. (2025) *S.S. Averintsev: trudy i dni* [S.S. Averintsev: Works and Days]. [Online] Available from: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/1802> (Accessed: 20.01.2025).
3. Sedakova, O.A. (2025) *Sergey Averintsev, chlets. Chtenie Klemensa Brentano* [Sergei Averintsev, Reader. A Reading of Clemens Brentano]. [Online] Available from: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/298> (Accessed: 20.01.2025).
4. Braginskaya, N.V. (2005) *Zamenit' ego nekem* [He Is Irreplaceable]. In: *In memoriam: Sergey Averintsev*. Moscow: INION. pp. 95–96.
5. Mikhaylov, A.V. (2000) *Kul'tura komicheskogo i stolknovenie epokh* [The Culture of the Comic and the Clash of Epochs]. In: Mikhaylov, A.V. *Obratnyy perevod* [Reverse Translation]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 91–144.
6. Averintsev, S.S. (2005) *Svyaz' vremen* [The Connection of Times]. Kyiv: Dukh i literatura.
7. Balakshina, Yu.V. (2020) *Dialog tserkvi i svetskoy kul'tury: "model'" Gogolya v retseptsii S.S. Averintseva* [Dialogue Between the Church and Secular Culture: The "Model" of Gogol in the Reception of S.S. Averintsev]. In: *Gogol i russkaya dukhovnaya kul'tura. Devyatnadsatye Gogolevskie chteniya* [Gogol and Russian Spiritual Culture. The Nineteenth Gogol Readings]. Moscow; Novosibirsk: Novosibirskiy izdatel'skiy dom. pp. 214–220.
8. Averintsev, S.S. (1996) *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Gasparov, M.L. (2001) *Zapisi i vypiski* [Notes and Excerpts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Bibikhin, V.V. (2006) *Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev* [Aleksii Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
11. Averintsev, S.S. (1977) *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow: Nauka.
12. Averintsev, S.S. (1993) "Mirovozzrencheskiy stil": podstupy k yavleniyu Loseva ["Worldview Style": Approaches to the Phenomenon of Losev]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 15–22.
13. Bibikhin, V.V., Gal'tseva, R.A. & Rodnyanskaya, I.B. (1985) *Literaturnaya mysl' Zapada pered "zagadkoy Gogolya"* [Western Literary Thought Facing the "Riddle of Gogol"]. In: *Gogol: istoriya i sovremennost'* [Gogol: History and Modernity]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 392–445.
14. Bibikhin, V.V. (1994) *K'erkegor i Gogol* [Kierkegaard and Gogol]. In: *Mir K'erkegora (russkie i datskie interpretatsii tvorchestva Serena K'erkegora)* [The World of Kierkegaard (Russian and Danish Interpretations of the Work of Søren Kierkegaard)]. Moscow: Ad Marginem. pp. 82–90.
15. Markov, A.V. & Shteyn, O.A. (2025) *Kukla i filosofiya* [The Doll and Philosophy]. Moscow: AST.

16. ibikhin, V.V. (1998) *Uznay sebya* [Know Thyself]. Saint Petersburg: Nauka.
17. Samutina, N.V. (2017) Praktiki emotsional'nogo chteniya i lyubitel'skaya literatura (fanfikshn) [Practices of Emotional Reading and Amateur Literature (Fanfiction)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1 (143). pp. 246–269.
18. Shteyn, O.A. (2011) Po tu storonu litsevoy i iznanochnoy [On the Other Side of the Right and Wrong Side]. *Vestnik RGGU*. 12 (3). pp. 254–259.
19. Averchenko, A. (1910) Apollon [Apollo]. In: Averchenko, A. *Veselye ustritsy* [Merry Oysters]. Saint Petersburg: Satirikon. pp. 94–98.
20. Averintsev, S.S. & Strada, V. (2004) Opyt peterburgskoy intelligentsii v sovetskie gody – po lichnym vpechatleniyam [The Experience of the Petersburg Intelligentsia in the Soviet Years – Based on Personal Impressions]. *Novyy mir*. 6. pp. 116–123.
21. Parfenov, A.T. (1996) Gogol' i barokko: "Igroki" [Gogol and the Baroque: "The Gamblers"]. *Mirovye drevo = Arbor mundi*. 4. pp. 142–159.

Информация об авторе:

Марков А.В. — д-р филол. наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: markovius@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6874-1073

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Markov, Dr. Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: markovius@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6874-1073

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 24.01.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/15617793/514/7

Трансформация дантовских образов и сюжета в романе Н. Оцупа «Беатриче в аду»

Иван Иванович Назаренко¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Nazarenko42@yandex.ru

Аннотация. Исследуется трансформация образов и сюжета «Божественной комедии» Данте (частично и «Новой жизни») в романе Н. Оцупа «Беатриче в аду» (1939). Показано, что в своём дантовском мифе Оцуп соединяет символистский и акмеистский мифы о Данте и его творчестве. Выявлены трансформация дантовской модели мироустройства в романе Оцупа и инверсированность сюжета «Божественной комедии». Образ Беатриче у Оцупа оказывается акмеистски демифологизирован, а образ Данте расщепляется в мужских персонажах романа (Бобров, Борецкий, Ртищев).

Ключевые слова: Н. Оцуп, проза младоэмигрантов, «Беатриче в аду», Данте, «Божественная комедия», интертекст

Источник финансирования: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект No FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Назаренко И.И. Трансформация дантовских образов и сюжета в романе Н. Оцупа «Беатриче в аду» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 65–71. doi: 10.17223/15617793/514/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/7

Transformation of Dante's images and plot in Nikolai Otsup's novel *Beatrice in Hell*

Ivan I. Nazarenko¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Nazarenko42@yandex.ru

Abstract. The article explores the transformation of the images and plot of Dante's *Divine Comedy* (and, partially, of *La Vita Nuova*) in Nikolai Otsup's novel *Beatrice in Hell* (1939). The aim of the article is to identify the concept of man and the world, which in Otsup's novel is built in a dialogue-polemic with Dante. It is shown that in his Dante myth Otsup combines the Symbolist and Acmeist myths about Dante and his fiction (reception of reception). The transformation of Dante's model of the world order in Otsup's novel is revealed: the earthly reality, embodied in the image of the "worldwide Montparnasse", as hell and theater; purgatory as self-reflection and internal lynching, the unattainability of metaphysical paradise. The source of the novel's plot is specified: not only N. Gumilyov's *Beatrice* cycle, but also C. Baudelaire's poem "La Béatrice". The plot of Dante's *Divine Comedy* is inverted in Otsup's novel: it is not Dante who ascends through the circles of Hell and Purgatory to paradise, but the modern Beatrice who is in hell, trying to lead a Russian émigré artist (Rtishchev) to a "new life". Otsup's image of Beatrice is Acmeistically demythologized: Jenny Leslie is an earthly woman living in reality, not an embodiment, but "reflection" of the Eternal Feminine. She is unable to save the characters from the Montparnasse "hell" and shirks her role as Beatrice. The image of Dante is split in the male characters of the novel. Bobrov is more of a Virgil, Beatrice's assistant, deprived of internal development. The artist Rtishchev in the novel goes from Don Juan to a new Dante, who remains faithful to high feelings and approaches Christian consciousness, but his suicide, despite Jenny's love and sacrifice, shows that this is rather a false Dante. Boretsky is brought closer to the Italian poet by writing a novel *Montparnasse* about modern hell and his desire to correct the world, although he is not a bearer of a message, like Dante, but a seeker of knowledge in "hell", at the "bottom" of life. Boretsky's story is interpreted as the new Beatrice's failure to recognize the true Dante. In the author's opinion, he is saved only physically, not spiritually, but Otsup leaves him involved in the Montparnasse "hell" and failing to finish the novel. In general, *Beatrice in Hell* is interpreted as a compilation of Dante's myths of the Silver Age: Otsup's contribution lies in the transformation of the plot of the *Comedy* in narrative prose, in the allusive imposition of Dante's symbolic images on the collisions of the existence of Russian emigrants in the 1930s.

Keywords: Nikolai Otsup, prose of young emigrants, "Beatrice in Hell", Dante, "The Divine Comedy", intertext

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2025-0016.

For citation: Nazarenko, I.I. (2025) Transformation of Dante's images and plot in Nikolai Otsup's novel *Beatrice in Hell*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 65–71. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/7

Для писателей русской эмиграции первой волны Данте стал прообразом изгнанника-эмигранта, носителем близкого экзистенциального опыта и духовным ориентиром в эпоху исторических катаклизмов (см. об этом: [1]). Конец 1930-х – начало 1940-х, преддверие Второй мировой войны и её разгар, усиливавшие апокалиптическое мироощущение, в литературе русского зарубежья отмечены активизацией рецепции Данте: в 1939 г. Дмитрий Мережковский публикует историко-биографическую книгу «Данте», а Николай Оцуп – роман «Беатриче в аду», в 1941–1942-м гг. Б. Зайцев заканчивает перевод дантовского «Ада» ритмизованной прозой.

Н. Оцуп (1894–1958) – поэт-акмеист, вошедший в культуру Серебряного века на её излете. В эмиграции его творчество 1920–1930-х гг. вписывается в контекст литературы младоэмигрантов «монпарнасской» линии, особенно единственный роман «Беатриче в аду». К.В. Ратников считает, что «с середины 1930-х годов образы и мотивы Данте являлись ключевыми элементами духовного мира Оцуа» [2. С. 42]. Элементы дантовского художественного мира входят, помимо поэзии и романа, в итоговую поэму Оцуа «Дневник в стихах» (1950), в которой, как замечает Е.А. Сафонова, «путь Данте является отражением собственного пути по запутанным кругам ада российской и эмигрантской жизни XX века» [3. С. 111]. В статье «Персонализм как явление литературы» (1956) Оцуп называет Данте, наряду с Пушкиным, своим учителем, образцом художника-персоналиста, лично ответственного за нравственное содержание своего искусства и своей жизни.

«Беатриче в аду» – это попытка создать модернистский неомифологический роман. Современники Оцуа [4. С. 441–442] и современные литературоведы (М.В. Михайлова и Е.Г. Геронимус [5], Т.В. Левицкая [6], М. Рубинс [7. С. 63]) сходятся в оценке романа, признавая его художественное несовершенство. Тем не менее роман значим не только как выражение тенденций литературы младоэмигрантов, но и как оцуповский синтез рецепции дантовского мифа поэтов Серебряного века (*рецепция рецепции*).

В статье-послесловии Е.Г. Геронимус и М.В. Михайловой к переизданию «Беатриче в аду» [5] дан целостный анализ романа Оцуа в историко-литературном контексте, но выявляются лишь отдельные дантовские аллюзии (образ Джинни Лесли как новой Беатриче, спустившейся в «ад», семантика Монпарнаса как земного «ада»). В данной статье мы попытаемся уточнить семантику дантовских образов-символов, введенных Оцупом, проследить трансформацию сюжета «Божественной комедии» в романе (спуск в ад и движение к раю и Беатриче) и ответить на вопрос, кто из мужских персонажей романа по сюжетной роли близок Данте, а кто – Вергилию.

Дантовский интертекст (прежде всего «Божественной комедии», частично – «Новой жизни») организует все ключевые уровни поэтики романа: паратекст, систему персонажей, художественное пространство, сюжет, композицию. Дантовский миф – главный элемент оцуповского романного мифа о мире – оригинален лишь отчасти, воспринят через символистский и акмеистский мифы о Данте. Как известно, дантовский

культ метафизической любви к Беатриче повлиял на формирование ключевой мифологемы В. Соловьева – Софии, Премудрости Божьей, и младосимволисты воспринимали Данте во многом через софиологию В. Соловьева (см., например: [8. С. 72]). Обобщим наиболее значимые векторы рецепции Оцупом Данте через символистскую рецепцию философии и художественного мира итальянского поэта: 1) сакрализация метафизической любви и вечно-женственный культ Беатриче, земного воплощения Софии (младосимволисты); 2) введение дантовского кода – дантовских образов-символов (чистилище, ад, круг, Беатриче) и создание образа самого Данте как мистика, визионера, изгнанника (старшие и младшие символисты); 3) мифологизация и реальности, и современного искусства как дантовского «ада» (А. Блок) [8; 9. С. 129–181; 10–12]. В творчестве акмеистов (О. Мандельштам, Н. Гумилев, А. Ахматова) дантовские образы и сюжеты демифологизированы, очищены от мистики, для акмеистов важнее психологизм, универсальность судьбы Данте и его поэтическое мастерство [10. С. 209–441; 13].

Е.Г. Геронимус и М.В. Михайлова считают, что к дантовским образам и сюжетам Оцуп обращается «в поисках опоры», «современной Беатриче», «Вечной Женственности» [5. С. 192]. Добавим, что обращение Оцуа к Данте, на наш взгляд, это диалог с Данте и художественное исследование: возможен ли в современности высокий женский образ и может ли женщина если не преобразить мир, то хотя бы спасти из земного ада *другого*.

Трехчастная «Божественная комедия» Данте «в форме аллегорического видения загробной жизни» [14. С. 39] изображает мироустройство, опирающееся на средневековые представления: как пишет М.В. Ватсон, «цель поэмы – освободить живущих на земле от состояния греховности и привести на путь к блаженству» [14. С. 39]. Вместе с тем в «Комедии» Данте приблизился к созданию новой, возрожденческой, антропоцентрической картины мира, где человек способен приблизиться к Богу. По И. Н. Голенищеву-Кутузову, «“Комедия” – поэма <...> о человеке, который, нисходя и восходя по ступеням вселенной, очищается и приобретает совершенное познание» [15. С. 251]. В романе Оцуа сюжет «Божественной комедии» Данте инверсирован: не Данте поднимается по кругам Ада и Чистилища к раю, Беатриче и Богу, чтобы потом вернуться к человечеству с посланием, а современная Беатриче – актриса русского происхождения Джинни Лесли – пребывает в аду, толкает к духовной работе и «новой жизни» русского художника-эмигранта – Ртищева, который потерял себя, «земную жизнь пройдя до половины» [16. С. 9].

Эпиграф к роману – слова Беатриче к Данте в эпизоде их первой встречи в земном раю, в поэме Данте это «транзитное пространство» [17] между чистилищем и раем: «И мне она: от низости и страха, / Я так хочу, освободись отныне» (Чистилище, XXXIII) [18. С. 5]. Эпиграф задаёт сюжетную перспективу: движение героев Оцуа из ада к чистилищу и земному раю – и одновременно предел движения героев: единственный возможный рай для героев – на земле, спасение и

блаженство в метафизическом раю им недоступны. Сюжет романа, однако, показывает и невозможность создания одухотворенного пространства любви («рая») в земной реальности, и ненаправленность движения героев (блуждания), и бессилие новой Беатриче спасти другого без его собственных усилий.

Заглавный пространственный образ романа – ад (с древнегреческого *ᾗδης* – «невидимое»). У Оцуа это не послесмертное пространство, а скрытая сущность земной реальности и человеческого существования в ней (здесь можно увидеть рецепцию «Песни Ада» А. Блока). Основной локус романа – современный ад, по оценке автора, – это «всемирный Монпарнас», конкретный парижский район, сосредоточивающий мультинациональную эмигрантскую богему (русскую, немецкую, итальянскую) среды 1930-х гг., и одновременно символ всего мира, обьятого злом: «видение Монпарнаса как чудовища, далеко перераставшего пространство нескольких кафе. Во всех углах земли он видел его глаза и щупальца» [18. С. 60].

Внешний «ад» у Оцуа детерминирован адом внутри человека, природа которого низменна и неизменна: «Если это не бесы, то что же заставляет нас радоваться чужому несчастью, желать смерти и не только врагам, но иногда людям близким, даже любимым. И все это поднимается оттуда, из плоти, из нутра злого животного, которое в нас сидит» [18. С. 9]. Ад в романе не разделен на круги, в чём проявляется авторская концепция неупорядоченности бытия и сложности современного человека, который является носителем множества пороков. По Оцуа, основной порок монпарнасцев, мнящих себя гениями и сверхлюдьми, отказывающихся от заботы о другом и реальности ради признания в искусстве, заменившем религию, это тщеславие – «самый незаметный, самый уважаемый и поэтому страшный из всех пороков» [18. С. 107]. Даже искренность в творчестве (авторский намек на «человеческий документ» младоэмигрантов) служит не самоочищению и саморазвитию, а самоутверждению: «...вспомни хотя бы N.N. Ведь он уже семь или восемь лет публично любит свои слабости, и это стало его профессией. Поглядите, какой я подлец, но всё-таки я выше вас, потому что ничего не скрываю...» [18. С. 104–105]. Оцуа критически оценивает искусство монпарнасцев, не направленное к миру и его познанию, а рождающееся из погружения творца в «ад» сознания.

По Данте, у человека есть свобода выбора в земной жизни, что возлагает на него ответственность за существование. После смерти человек не может изменить свою судьбу, и главное наказание в аду – вечность мук и вечность без Бога. Оцуа продолжает чеховскую линию «изображения зла» «в обыденной действительности с ее “незначительными” и вполне привычными пороками» [5. С. 200], его монпарнасский ад более близок Лимбу, где у Данте в «бездольной скорби» [16. С. 22] томились нехристиане, поэты древности, в том числе Вергилий. Устойчивое состояние персонажей романа, большинство из которых причастны искусству, – «скука», которая возводится в масштаб мировой как тоска, потерянности, отчуждение. Отличие человека XX в., утратившего Бога и ориентиры в хаотическом бытии, заключается в том, что

ему более недоступны спасение, рай, как в эпоху Данте, только Чистилище – «воспоминание ада» как «казнь воспоминания» [18. С. 10], прежнего себя. Чистилище как очищение от грехов, по Оцуа, это процесс саморефлексии, самопознания и самосуда, в отсутствие высшей инстанции не обеспеченные надеждой на искупление.

Поскольку его персонажи пребывают в «земном», а не загробном аду, Оцуа даёт им выбор существования. Можно выделить три варианта. Выбор Козловского, талантливый, но развращенный писатель – вседозволенность, безответственное наслаждение жизнью и искусством при понимании невозможности и ненужности переделки мира и самого себя. Выбор Боброва, авторского резонера, – ответственность за своё искусство и за каждый миг своей жизни, самоограничение, борьба с собой ради самосовершенствования при существовании внешнего нравственного ориентира (Дженни Лесли). Но самоосуждение без ориентира при понимании невозможности измениться может привести к отказу от жизни – таков выбор самоубийцы Хвоцего.

Композиция романа Оцуа, состоящего из двух неравных частей – «Оборотень» и «Монпарнас», – спроецирована на композицию трехчастной «Комедии» Данте: несмотря на то, что действие в обоих разворачивается в монпарнасском аду, меняется духовное состояние Ртищева, во второй части он пребывает в собственном «чистилище». Структура романа отражает разрушение дантовской модели мироустройства: метафизическая реальность «рая» существует, но Оцуа акмеистски фиксирует её недостижимость, давая персонажам приблизиться к ней лишь в редкие мгновения.

Другая важная метафора земного существования в романе – театр: «...жизнь нас ставит в положения, сходные в самом главном, и заставляет выбирать роль из репертуара очень ограниченного. Великие драматурги знали, как мало драматических положений. В жизни их так же мало, как и на сцене» (слова Боброва [18. С. 108]). Неслучайно заглавный персонаж – актриса, но в романе не изображается её сценическая работа, поскольку пространство её (и других персонажей, примеряющих разных культурных роли) игры – сама жизнь. Метафора «театра», с одной стороны, прочитывается как иллюзорность и лицемерность жизни монпарнасцев, а с другой – как сочиненность «комедии» жизни высшими силами, Богом («автором» и её «режиссером»), наличие в ней недоступного человеческому пониманию замысла. «Метафизическая роль» человека в романе – это данное свыше предназначение, от которого человек, наделенный свободой воли, может уклониться, исказив божий замысел.

Обратимся теперь к системе персонажей «Беатриче в аду». Образ Данте расщепляется в мужских персонажах романа, отдельными его чертами наделяются не творцы, а пишущие в поисках своего индивидуального голоса: художник Валентин Ртищев, центральный персонаж, и писатели Вадим Бобров и Павел Борецкий, самый молодой из них (в начале романа ему 26). Персонажи Оцуа вписываются в ряд пишущих героев романов писателей-младоэмигрантов (Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен и др.). Современной Беатриче в романе Оцуа выступает актриса русского происхождения Дженни Лесли (настоящее имя – Евгения Платоновна).

Героев объединяют внутренние коллизии – кризис самоидентичности, поиск полноты бытия и творческой самореализации.

Их троих мужских персонажей внешне более всего близок Данте Бобров: во-первых, он пережил духовное перерождение в Риме при контакте с метафизикой классического искусства Италии и Данте, он «дантист» [18. С. 76], последователь великого поэта. Во-вторых, он влюблен в Джинни созерцательной любовью, верен ей, не стремясь ей обладать, готовый уступить её другому, способному обеспечить её счастье, – богатому английскому меценату Рональду. Как и Данте, Бобров познакомился с возлюбленной ещё в детстве, в России, когда та была девочкой. Бобров – успешный по монпарнасским меркам писатель, совмещающий творчество со службой страховым агентом, он воспринимает эту работу не как средство заработка, а как возможность изучать реальных людей. Для Боброва, в отличие от других монпарнасцев, искусство – исследование и духовной, и земной реальности, а не только погружение в «ад» сознания. Бобров близок авторскому идеалу художника и нравственного человека, понимающего непревосходство искусства перед жизнью, необходимость жить в эмпирической реальности, но и не ограниченного ею, а прорывающегося к метафизике культуры. Однако безгрешное существование в реальности, по Оцу, невозможно: даже Бобров, моралист в искусстве и реальной жизни, несовершенен, имеет собственный грех («однажды чуть не погубил четырнадцатилетнюю девочку» [18. С. 108]).

Однако Бобров близок Вергилию. Бобров – русский еврей, носитель христианского нравственного сознания, но он не крещен и допускает, что Иисус был не богом, а еврейским пророком. Его невхождение в христианскую веру объясняется и усилением его еврейского национального сознания в годы гонений на евреев, и осознанием близости еврейской нации Христу. У Боброва в романе нет духовного развития, он изначально дан не как спасенный, но как спасающийся, пребывающий в своём «чистилище». Творчество Боброва (в роман введены фрагменты его дневников) – это напряженный процесс познания себя, своих национальных корней и своей Беатриче, а не только её воспевание. Персонаж выступает в функции Вергилия, помощника и посланника Беатриче, направляя Борецкого, помогая Джинни спасти его от совершения преступления.

Беатриче в «Новой жизни» дана «как реальная женщина и как объект поэтического обожания» [19. С. 178], её ранняя смерть в 24 года Данте воспринимается как вознесение на небеса. В «Божественной комедии» Беатриче становится ангельским существом, воплощением Божественной любви, посланницей Вергилия и проводницей Данте по Раю; поэт обожествляет её, вознося почти до Христа и Девы Марии. Устойчивые черты образа Беатриче в мировой литературе: «ангелизация, надмирность, призрачность» [13. С. 20].

Стихотворный цикл Н. Гумилева «Беатриче» (книга стихов «Жемчуга», 1910) называют «источником сюжета романа» [5. С. 207] на основании того, что в нём переосмыслен образ Беатриче («Бросила рай Беатриче» [20. С. 100]). Не совсем согласимся: у Оцу

образ новой Беатриче и сюжет любви к ней интерпретированы акмеистски (покажем это далее), а у раннего Гумилева, опирающегося на символистскую образность (роза, музыка, «золотые острова»), лишь в первом стихотворении происходит снижение образа возлюбленной Данте, помещение её в земной мир, тогда как уже второе стихотворение «возвращает Беатриче на небо» [13. С. 96] и в целом сюжет цикла движется как «переход от любви земной к любви божественной» [13. С. 97]. Обретение лирическим героем Гумилева смирения в любви перед лицом смерти близко изменениям Ртищева, однако, и смерть в цикле Гумилева иная – это не борьба с собой и самоубийство, а уход «к островам совершенного счастья» [20. С. 226]. Возможным источником заглавного образа «Беатриче в аду», на наш взгляд, может быть стихотворение Ш. Бодлера «La Béatrice» (цикл Гумилева во многом восходит к нему), в котором героиня, оставившая лирического героя, двойника Данте, предстаёт как соблазненная демонами ада (как соблазнена «демонами» Монпарнаса, Ртищевым Джинни): «Над мукою моей она, как все, смеялась / И ласкам демонов распутно предавалась» [21. С. 194]. Стихотворение Бодлера объединяют с романом мотивы актерства, толпы и одиночества, предательства и самоубийства.

Как и Беатриче, Джинни – это персонаж, отсутствующий большую часть повествования, существующий в воспоминаниях и размышлениях героев, однако она сюжетный центр, связывающий истории всех персонажей. Для Ртищева она роковая возлюбленная, для Боброва – его Прекрасная Дама и платоническая любовь, для Борецкого – спасительница от преступления [5. С. 194].

Как и в Беатриче, в Джинни духовное совершенство соединяется с физической красотой, хотя в романе она почти бестелесна, не дан её портрет, подчеркнута лишь особая редкая улыбка, «словно нет на земле ни смерти, ни горя» [18. С. 14], близкая улыбке Беатриче, с которой она ждала Данте в раю. Характер Джинни не детерминирован внешними условиями и неизменен с детства, несмотря на обретение славы: она честна, одинока, жертвенна, ответственна, зорка к людям, наделена творческим даром, нетерпима к неискренности, подлости, предательству, тщеславию. Сострадательность и понимание Джинни соединяется с требовательностью к другим внутренней работы, что заставляет окружающих тянуться к ней.

Джинни не эмигрантка, поскольку оторвалась от России ещё в 14 лет, до революции, подавленная российской системой воспитания; известность ей дала Европа, но она существует в том же «всемирном Монпарнасе», что и другие персонажи, хотя и более успешно устроилась, ассимилировалась. «Беатриче у Данте – идеальный, неземной образ», несовместимый с адом, а Джинни – одна из жительниц монпарнасского «ада», «а потому тоже грешна» [5. С. 193] (в юности не уберегла от самоубийства одного из поклонников). Потерянность Джинни проявляется в последних главах романа, когда, несмотря на внешнее благополучие, она поёт «Травиату» Дж. Верди (с итальянского *La traviata* – «падшая», «заблудшая»). Как творческая личность она, однако, противоположна монпарнасцам: искусство жизненно необходимо ей, но она не считает его

высшей действительностью, для неё важнее самоотдача, а не признание, важнее спасение реального человека.

Оцун акмеистски демифологизирует современную Беатриче: Дженни – женщина, живущая в реальности, не воплощение, а «отблеск» Вечной Женственности. Тепло, которое, как кажется влюбленным персонажам, она распространяет в пространстве, земной, а не метафизической природы. Ангелизация и обожествление Дженни влюбленными в неё персонажами корректируются введением голоса самой героини (у Данте в «Новой жизни» Беатриче была бессловесна, а в «Комедии» лишь поучала героя, как приобщенная к божественной истине): «Никакой я не ангел, а бедная, несчастная, слабая женщина. Если останусь без работы, умру» [18. С. 127]. Новая Беатриче слаба и сама нуждается в мужской опоре, которую ей не могут дать социально нестроенные эмигранты. Дженни – творческий псевдоним героини – распространенное английское имя, поэтому пересочинение героиней самой себя можно трактовать как отказ от русской идентичности ради европейской успешности. Более того, это отказ от судьбы русской Беатриче, поскольку исконное имя Евгении этимологически связано с семантикой благородства [22. С. 98], а «Благороднейшая» – главный эпитет, данный Данте Беатриче в «Новой жизни».

Чтение до встречи с Ртищевым русской классики в оригинале и открытие её духовно-нравственного, евангельского ядра – движение Дженни к русской культуре. Её чувство к Ртищеву можно истолковать как подчинение стереотипу русской литературы – любовь-жалость к нравственно ущербному человеку, сохранившему в глубине себя духовное. Любовьную коллизию Дженни – выбор между «любовью для себя» к идеальному Рональду, который может обеспечить её жизнь в искусстве, и любовью-жалостью к Ртищеву, требующей самоотречения, – трактуют символистски как выбор между западной и русской культурами [5. С. 209], и выбор Дженни поначалу склоняется к искусству и западу. Как замечает Бобров, «по каким-то необъяснимым законам своей таинственной роли, она всё забывала, чтобы её довести до конца» [18. С. 79]. Несмотря на помощь Дженни разным персонажам, в романе она никого по-настоящему не преображает, лишь подталкивая персонажей к самопознанию и покидая, но без её жертвы они бессильны измениться. Она не перестает быть актрисой, играющей роли, и главная и любимая ей роль Беатриче в жизни будто остаётся сыгранной не до конца, она уклоняется от неё ради роли Дженни Лесли, успешной актрисы. Иррациональный выбор Дженни Ртищева после ухода от него к Рональду, к законам западного искусства, где господствуют коммерческие отношения и художников «покупают» и «перепродают», – это выбор иррациональной русской культуры, окончательное принятие роли русской Беатриче и принесение себя и своего искусства в жертву ради другого.

Ртищев – монпарнасец, главная цель которого – стать большим художником; другие люди для него лишь импульсы для творчества и элементы художественной композиции. Образ Ртищева восходит к гумилевскому варианту Данте, в котором соединяются и

Данте Россети (поэт и живописец), и автомиф Гумилева: «Жил беспокойный художник. / В мире лукавых обличей – / Грешник, развратник, безбожник, / Но он любил Беатриче» [20. С. 100]. В начале романа Ртищев не столько новый Данте, сколько Дон-Жуан, преступник и обольститель (убийство оскорбившего его солдата, обман любивших его женщин). Фамилия персонажа наделена семантикой поедания («ртище»), и как метафорическое «поглощение» витальных сил Дженни можно трактовать его первоначальное отношение к Дженни. С другой стороны, Ртищев – Оборотень, человек с раздвоенной душой, что он сам представляет как борьбу земного (демонического) и небесного в себе. В первой части романа Дженни, понимая обреченность их отношений, невозможность полюбить Ртищева по-западному, как равного ей, решает доволотить, воспитать его по своему образу, чему служат 10 правил Дженни (не универсальные 10 заповедей, а приложимые только к жизни Ртищева).

Духовная работа Ртищева, суд над самим собой совершаются преимущественно в одиночестве, в страдании от разлук и разрывов с Дженни. Это возвращение к утраченному в себе в хаотической социальной истории: движение от Дон-Жуана к новому Данте, хранящему верность высокому чувству, к христианскому сознанию, пониманию любви верующих к Богу через любовь к женщине, ставшей для него идеалом и образцом. Отличие чувства Ртищева к Дженни от чувства Боброва, другого Данте, в том, что второй любит её платонически, а первому необходимо обладать и душой, и телом Дженни. Отказ Ртищева от живописи и становление начальником строительной артели (в этом попытка приблизиться к деловому человеку, к Рональду, способному обеспечить (Дженни) связаны с невозможностью выразить в картинах своё новое состояние и пониманием, что реальная жизнь сложнее искусства. С другой стороны, это поиск новых, религиозных ориентиров в искусстве (А. Рублёв, А. Иванов [5. С. 200]), чтобы вернуться к нему или при осознании невозможности дойти до них окончательно его бросить.

Самоубийство Ртищева, с одной стороны, это его возвышение над собой, окончательное преодоление эгоцентризма и понимание, что актриса в Дженни неотделима от женщины и ей необходимо её искусство, невозможное с ним, это суд над собой как мучителем Дженни и её освобождение. С другой стороны, это проявление слабости Ртищева, непонимание и непринятие жертвы Дженни, подчинение внутреннему демону и поражение Дженни в борьбе за его душу. Как говорил Бобров, «право на рай нужно выстрадать» [18. С. 103], а Ртищев жертву Дженни воспринимает как ошибку, торопление судьбы.

Наконец, третий, в авторской оценке, истинный, но не узнаваемый Беатриче новый Данте в романе Оцуна – Борецкий, которого сближает с итальянским поэтом писание романа о современном аде «Монпарнас». К замыслу романа персонажа подвигло вхождение в писательскую среду и открытие тайной зависти и ненависти монпарнасцев друг к другу. Подчеркивается высокая требовательность Борецкого к себе как художнику (бросил музыку, посчитав, что не обладает абсолютным слухом) и его творческий потенциал, признаваемый Ртищевым, считающим его талантливей себя, Бобровым и, что самое главное, Дженни: «Я и ваши вещи читала. Вы настоящий...» [18. С. 122].

Историю Борецкого определяет ситуация ошибки, неузнавания новой Беатриче того, кто, возможно, действительно был достоин любви и спасения. Показателен эпизод их первой встречи, после которой Дженни уезжает с Бобровым и Ртищевым: «И вид этого восхищенного человека, плохо и бедно одетого, и то, что он сгорал от смущения и холодной влажной рукой слишком долго удерживал её руку, ещё больше ранило Дженни» [18. С. 16]. Об «ошибке» Дженни размышляет и Ртищев: «Что было бы с Борецким, если бы ему, а не мне была дана любовь Дженни? До какой высоты он бы поднялся?» [18. С. 124].

Борецкий стремится к пониманию скрытой сущности реальности, к Богу, однако он не поднявшийся к раю носитель божественного послания, как Данте, напротив, он питает иллюзию, что высшее знание можно обрести на «дне» жизни. В дискуссии Боброва и Борецкого об искусстве Данте же становится образцом художника с противоположной позицией: необходимо отстранение от «ада», внутренняя борьба с ним, а не только его созерцание.

В романе «Монпарнас» Борецкий пытается выразить экзистенциальное пробуждение современного человека: отсутствие вектора движения, обреченность на «одиночество и свободу» в земном «аду», на бесцельные бегство и подчинение стихии зла. Судя по названию, в романе дано и критическое изображение монпарнасской богемы: персонаж возвышается над ней, приближаясь к позиции Данте в «смутном желании» «что-то в мире исправить» [18. С. 60]. Осуждение объекта изображения при отсутствии сострадания, понимания, по Оцупу, неплототворно для писателя, и Борецкий оказывается в творческом тупике. В реальности Борецкий соблазнен воплощениями монпарнасского ада (Козловский, соблазнительная Ада, Неверов, втягивающий его в готовящееся ограбление и убийство русского мецената). Персонаж оказывается в пограничной ситуации: он «куплен» за 200 франков, потратив которые, не может отказаться от помощи вора, однако и не способен самостоятельно совершить экзистенциальный выбор – спасти мецената или отказаться от жизни, чтобы не совершать зло.

Творческая и экзистенциальная коллизии Борецкого разрешаются под влиянием Дженни Лесли. В отличие от Боброва и Ртищева, она проявляет к нему внимание и сочувствие, только ей он открывает готовящееся преступление, и она «выкупает» Борецкого, давая ему деньги начать новую жизнь. Другой значимый эпизод – самоубийство Хвошего, временно объединив-

шее и примирившее монпарнасцев, благодаря чему Борецкий обретает новое отношение к монпарнасцам – сочувствие и уважение: их поглощенность искусством, несмотря на бедственное социальное положение, видится ему подвижничеством.

Намерение Борецкого включить в свой роман идеальный образ Дженни Лесли, чтобы показать, что в жизни есть и прекрасное, будто указывает на перспективу его становления новым Данте, способным изобразить не только «ад». Однако, в отличие М.В. Михайловой и Е.Г. Геронимус, мы считаем, что Борецкий спасен Дженни лишь физически, а не духовно, её энергия потрачена на Ртищева, которого уже невозможно спасти. Роман Борецкого не написан, и, несмотря на предчувствие им «новой жизни», автор оставляет Борецкого причастным монпарнасскому аду: последний раз герой появляется в сцене бала студентов-художников и натурщиц, который изображается как Вальпургиева ночь – время разгула темных сил, хаоса.

В финале романа частные истории персонажей выводятся к авторскому размышлению о судьбе человечества. Если в финале «Божественной комедии» происходит встреча Данте с Создателем, то Оцуп, напротив, фиксирует богооставленность современного человека. Христос назван нарратором «великим эмигрантом человечества», «которому, быть может, некуда будет вернуться даже тогда, когда его товарищи по изгнанию снова увидят родину» [18. С. 187], т.е. подвергается сомнению возможность принятия Христа и во время Второго пришествия человечеством, погруженным в сон.

Таким образом, обретения гармонии в романе «Беатриче в аду» не происходит, мир без Бога сползает в хаос, в котором новая Беатриче неспособна «узнать» и спасти истинного нового Данте. В целом Оцуп (как и Мережковский, в оценке В.В. Полонского) может быть назван компилятором, законсервировавшим «в одном произведении компендиум общих мест отечественной дантеаны “серебряного века”» [11. С. 125]. Вклад Оцупа в «русскую дантеану» заключается в попытке трансформировать сюжет «Комедии» в повествовательной прозе и аллегорично наложить дантовские образы-символы на коллизии существования русских эмигрантов 30-х гг. XX в., чтобы выявить изменения современного человека. Неудача Оцупа в попытке опереться в романе на дантовский миф в выстраивании собственного спасительного мифа о мире определяет его обращение к иной, более близкой «Комедии» жанровой форме, воплотившейся в поэме «Дневник в стихах».

Список источников

1. Николокин А.Н. Данте и русская эмиграция // Данте Алигьери: pro et contra, антология. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 415–425.
2. Ратников К.В. Дантовские мотивы в поэзии Н.А. Оцупа // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2021. № 2. С. 41–56.
3. Сафонова Е.А. Духовный путь лирического героя в поэме Н. Оцупа «Дневник в стихах» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 109–112.
4. Домогацкая Е.Г. Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3: Книги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 438–447.
5. Геронимус Е.Г., Михайлова М.В. «Путь свободы начался и длиться будет годы» // Оцуп Н.А. Беатриче в аду. М.: Водолей, 2022. С. 190–215.
6. Левицкая Т.В. Роман Н. А. Оцупа «Беатриче в аду»: люди тридцатых годов на фоне дантовского ада // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность. Будапешт, 2020. С. 379–386.
7. Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: НЛЮ, 2017. 222 с.
8. Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. 320 p.
9. Асоян А.А. «Почтите высочайшего поэта...» Судьба «Божественной Комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990. 214 с.
10. Панова Л.Г. Итальянцы, русские: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: РГГУ, 2019. 672 с.
11. Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 111–130.

12. Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 162–205.
13. Рослый А.С. Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов : На материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 210 с.
14. Ватсон М.В. Данте. Его жизнь и литературная деятельность: биогр. очерк. СПб. : Тип. газ. «Новости», 1891. 90 с.
15. Голенищев-Кутузов И.Н. «Божественная комедия» // Голенищев-Кутузов И.Н. Данте и мировая культура. М. : Наука, 1971. С. 248–284.
16. Данте А. Божественная комедия. М. : Наука, 1967. 627 с.
17. Седакова О.А. Земной рай в «Божественной Комедии» Данте. О природе поэзии. URL: <https://www.olgasedakova.com/poetica/2545> (дата обращения: 09.02.2025).
18. Оцуп Н.А. Беатриче в аду. М. : Водолей, 2022. 216 с.
19. Дживелегов А.К. Данте Алигиери. Жизнь и творчество // Дживелегов А.К. Творцы итальянского Возрождения : В 2 кн. Кн. 1. М. : ТЕРРА–Книжный клуб ; Республика, 1998. С. 134–342.
20. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М. : Воскресенье, 1998–2013.
21. Бодлер Ш. Цветы Зла / Пер. В. Шершеневича. М. : Водолей, 2017. 344 с.
22. Суперанская А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005. 384 с.

References

1. Nikol'yukin, A.N. (2016) Dante i russkaya emigratsiya [Dante and the Russian Emigration]. In: *Dante Alighieri: pro et contra, antologiya* [Dante Alighieri: Pro et contra, Anthology]. Volume 2. Saint Petersburg: RCHA. pp. 415–425.
2. Ratnikov, K.V. (2021) Dantovskie motivy v poezii N.A. Otsupa [Dantesque Motifs in the Poetry of N.A. Otsup]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region*. 2. pp. 41–56.
3. Safonova, E.A. (2017) Dukhovnyy put' liricheskogo geroya v poeme N. Otsupa "Dnevnik v stikhakh" [The Spiritual Path of the Lyrical Hero in N. Otsup's Poem "Diary in Verse"]. *Filologicheskii klass*. 3 (49). pp. 109–112.
4. Domogatskaya, E.G. (2002) Otsup Nikolay Avdeevich (1894–1958). In: *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya. 1918–1940* [Literary Encyclopedia of the Russian Abroad. 1918–1940]. Volume 3. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). pp. 438–447.
5. Geronimus, E.G. & Mikhaylova, M.V. (2022) "Put' svobody nachalsya i dli't'sya budet gody" ["The Path of Freedom Has Begun and Will Last for Years"]. In: Otsup, N.A. *Beatrice v adu* [Beatrice in Hell]. Moscow: Vodokey. pp. 190–215.
6. Levitskaya, T.V. (2020) Roman N. A. Otsupa "Beatrice v adu": lyudi tridsatykh godov na fone dantovskogo ada [N. A. Otsup's Novel "Beatrice in Hell": People of the Thirties Against the Backdrop of Dante's Inferno]. In: *Emigratsiya kak tekst kul'tury: istoricheskoe nasledie i sovremennost'* [Emigration as a Cultural Text: Historical Heritage and Modernity]. Budapest. pp. 379–386.
7. Rubins, M. (2017) *Russkiy Montparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse. Parisian Prose of the 1920s–1930s in the Context of Transnational Modernism]. Moscow: NLO.
8. Davidson, P. (1989) *The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Asoyan, A.A. (1990) "Pochtite vysshayshogo poeta..." Sud'ba "Bozhestvennoy Komedii" Dante v Rossii ["Honour the Supreme Poet...": The Fate of Dante's "Divine Comedy" in Russia]. Moscow: Kniga.
10. Panova, L.G. (2019) *Ital'yanyas', ruseya: Dante i Petrarka v khudozhestvennom diskurse Serebryanogo veka ot simvolistov do Mandel'shtama* [Becoming Italian, Remaining Russian: Dante and Petrarch in the Artistic Discourse of the Silver Age from the Symbolists to Mandelstam]. Moscow: RSUH.
11. Polonskiy, V.V. (2015) Russkiy Dante kontsa XIX – pervoy poloviny XX v.: opyty retseptsii i interpretatsii klassiki do i posle revolyutsionnogo poroga [The Russian Dante of the Late 19th – First Half of the 20th Century: Experiences of Reception and Interpretation of Classics Before and After the Revolutionary Threshold]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 37. pp. 111–130.
12. Silard, L. (2002) Dantov kod russkogo simbolizma [The Dantean Code of Russian Symbolism]. In: Silard, L. *Germetizm i germenевтика* [Hermeticism and Hermeneutics]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. pp. 162–205.
13. Roslyy, A.S. (2006) *Dante v estetike i poezii akmeizma: sistema kontseptov: Na materiale tvorchestva A. Akhmatovoy, N. Gumileva, O. Mandel'shtama* [Dante in the Aesthetics and Poetry of Acmeism: A System of Concepts: Based on the Works of A. Akhmatova, N. Gumilev, O. Mandelstam]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
14. Watson, M.V. (1891) *Dante. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost': biogr. ocherk* [Dante. His Life and Literary Activity: A Biographical Sketch]. Saint Petersburg: Tip. gaz. "Novosti".
15. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1971) "Bozhestvennaya komediya" [The Divine Comedy]. In: Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Dante i mirovaya kul'tura* [Dante and World Culture]. Moscow: Nauka. pp. 248–284.
16. Dante, A. (1967) *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow: Nauka.
17. Sedakova, O.A. (2025) *Zemnoy ray v "Bozhestvennoy Komedii" Dante. O prirode poezii* [Earthly Paradise in Dante's "Divine Comedy". On the Nature of Poetry]. [Online] Available from: <https://www.olgasedakova.com/poetica/2545> (Accessed: 09.02.2025).
18. Otsup, N.A. (2022) *Beatrice v adu* [Beatrice in Hell]. Moscow: Vodokey.
19. Dzhivelegov, A.K. (1998) Dante Alighieri. Zhizn' i tvorchestvo [Dante Alighieri. Life and Work]. In: Dzhivelegov, A.K. *Tvortsy ital'yanskogo Vozrozhdeniya: V 2 kn.* [Creators of the Italian Renaissance: In 2 Books]. Book 1. Moscow: TERRA–Knizhnyy klub; Respublika. pp. 134–342.
20. Gumilev, N.S. (1998–2013) *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t.* [Complete Collected Works in 10 Volumes]. Volume 1. Moscow: Voskresen'e.
21. Baudelaire, C. (2017) *Tsvety Zla* [The Flowers of Evil]. Translated by V. Shershenevich. Moscow: Vodokey.
22. Superanskaya, A.V. (2005) *Sovremennyy slovar' lichnykh imyon: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow: Ayris-press.

Информация об авторе:

Назаренко И.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.I. Nazarenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 13.02.2025;
approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/15617793/514/8

«Голос самой жизни»: уральские делегаты на всероссийских общественных съездах начала XX столетия (социокультурный аспект)

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова¹

¹ *Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, Apkarimova@mail.ru*

Аннотация. Анализируется участие уральских делегатов во всероссийских общественных съездах начала XX в., посвященных актуальным социокультурным вопросам действительности. В фокусе авторского внимания – педагогические съезды, съезды земцев по народному образованию, а также профессиональные съезды. Институциональный исследовательский подход, доминирующий в статье, дополняется изучением роли личностного фактора в истории. Рассматривается состав участников, повестку вопросов, поднимаемых уральскими делегатами. Подчеркивается важное значение участия уральцев в работе съездов для их последующей культурно-просветительской деятельности.

Ключевые слова: уральские делегаты, всероссийские общественные съезды, педагогика, народное просвещение, профессионалы, гражданская культура, культурно-просветительская деятельность

Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е.Ю. «Голос самой жизни»: уральские делегаты на всероссийских общественных съездах начала XX столетия (социокультурный аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 72–79. doi: 10.17223/15617793/514/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/8

"The voice of life itself": Ural delegates at the all-Russian public congresses of the early 20th century (a sociocultural aspect)

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova¹

¹ *Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg,
Russian Federation, Apkarimova@mail.ru*

Abstract. The relevance of the topic of the formation of civic culture and democratic traditions in imperial Russia is beyond doubt. It seems important to study the issue of the participation of provincials in the all-Russian public congresses of the early 20th century, dedicated to pressing socio-cultural issues of reality. The aim of the study is to show how noticeable and significant the voice of the provincials was using the example of Ural delegates' participation in the all-Russian public congresses of the early 20th century. The author finds out who the regional representatives were, what issues worried the Ural delegates, what significance this social experience had for the continuation of the cultural and educational activities of these public figures in the Russian province. The analysis of the historiography showed that such a study is being conducted for the first time. The article is prepared on a broad source base with the involvement of various types of historical documents (primarily the proceedings of the all-Russian public congresses of the early 20th century, as well as periodicals and personal sources). The author established that well-known public figures with experience in cultural and educational work (members of public organizations, representatives of city and zemstvo self-government) and professionals predominated among the delegates to the congresses. Ural representatives actively participated in the work of the congresses, delivering reports themselves or participating in the discussion of other reports. It can be seen that they were primarily interested in issues of practical life; they truly were the "voice of life itself". The delegates often put new socio-cultural issues on the agenda, conditioned by the regional characteristics of the Urals. The representatives absorbed new ideas voiced at the congresses and sought to implement them locally. The author emphasizes that the participation of Ural representatives in the all-Russian public congresses of the early 20th century contributed to the development of their civic consciousness and the formation of professional identity.

Keywords: Ural delegates, all-Russian public congresses, pedagogy, public education, professionals, civic culture, cultural and educational activities

For citation: Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2025) "The voice of life itself": Ural delegates at the all-Russian public congresses of the early 20th century (a sociocultural aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 72–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/8

Формирование гражданской культуры и демократических традиций в позднимперской России является, безусловно, актуальным направлением в современной историографии. Исследование вопроса об участии делегатов из провинции во всероссийских общественных съездах в начале XX в., посвященных тем или иным социо-культурным вопросам российской действительности, представляет значительный научный интерес сквозь призму социальной истории, в частности, с точки зрения взаимодействия столицы и провинции в общественно-политическом и социокультурном отношениях, эволюции публичной сферы и проявления общественного активизма, формирования профессиональной идентичности. Представляется важным на примере участия уральских делегатов на всероссийских общественных съездах начала XX в. показать, насколько заметным и значимым был голос провинциалов на них, кем являлись эти участники, какие вопросы волновали провинциалов, какое значение имел данный социальный опыт для продолжения культурно-просветительской деятельности этих общественных деятелей в российской провинции.

Обращаясь к истории профессиональных съездов начала XX в., исследователи справедливо указали на историографический пробел. Данная лакуна частично восполнена на примере исследования процесса политизации участников профессиональных форумов в начале XX в. Историки пришли к заключению, что профессиональные съезды стали местом знакомства и единения специалистов-профессионалов с земскими служащими, что расширяло социальную базу российского либерализма: «Съезды начала прошлого века символизировали развитие в канун 1905 г. публичной сферы и общественного мнения, а также радикализацию освободительного движения» [1. С. 325–340]. История общественных съездов показала, что требования представителей мирных профессий трансформировались в «идеологию конституционных реформ и в манифестации недоверия самодержавию», способствовали идейной подготовке Первой русской революции [1. С. 340]. Н.А. Зиневич подчеркнула, что с начала XX в. съезды учителей и деятелей народного образования приобрели политическую значимость в контексте нарастания революционного движения в стране. Так, всероссийские съезды представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания подчеркнули тяжелое положение народных учителей, привлекая внимание к их нуждам, способствуя консолидации учительства [2].

Что касается состава общественных съездов конца XIX – начала XX в., исследователем обращено внимание на тот факт, что с конца XIX в. съезды народных учителей имели важное общественно-педагогическое значение, особенно для учителей из отдаленных районов в плане практической помощи и возможности обмена мнениями [2]. Н.Ю. Стояхина и Е.Н. Башук указали на демократичность Первого съезда по педагогической психологии в России, где наряду с известными

лидерами выступали и делились своими взглядами преподаватели из провинции [3. С. 87].

Примером социокультурного подхода к исследованию истории педагогических съездов первой трети XX в. являются труды М.В. Демчишина, осуществляемые в контексте изучения феномена внешкольного образования в России и истории педагогических идей [4]. Некоторые аспекты истории профессиональных съездов в России начала XX столетия анализируются в трудах искусствоведческой направленности. Так, в статье Е.П. Алексеева рассматривается деятельность отдела художественной промышленности и кустарного дела на Всероссийском съезде художников (1911–1912 гг., Санкт-Петербург) [5. С. 198]. Однако в плане анализа участия уральцев в этом съезде автор лишь ограничился замечанием о прибытии нескольких екатеринбуржцев.

Участие уральцев в профессиональных съездах начала XX в.

В действительности представительство уральцев на Всероссийском съезде художников было значительно заметнее, на нем присутствовали 32 делегата (3% от общего состава участников, достигавшего 918 человек). География участников съезда была представлена не только крупными губернскими городами Урала. Так, от Екатеринбургской художественно-промышленной школы в работе съезда участвовали В.А. Алмазов, Н.А. Вьюнов, Л.П. Жуков, Е.К. Маркевич и В.Ф. Ульянов, от Екатеринбургской уездной земской управы – А.Н. Шапочкин, от Пермской уездной земской управы – М.В. Модестов, из Вятки на съезд прибыли З.Н. Алафузова, Л.П. Бабушкина, Н.В. Машковцев и И.Ф. Федоров. На нем также присутствовали П.Г. Мельников из Ижевского заводского поселения и П.П. Беркутов из Сарапула (Вятская губерния). Губернская Пермь была представлена значительной делегацией в составе И.Н. Александрова, Л.В. Морковникова, Д.Ф. Николаева, А.А. Седова. Из малых городов Пермской губернии на съезд прибыли: А.В. Борисов из Шадринска, В.И. Иванов из Красноуфимска, А.Ф. Когульский из Кунгура, а также И.Ф. Лукашевич из Шадринска. Еще 11 делегатов представляли города Южного Урала: из Оренбурга – Е.В. Алфимов и Н.М. Кормильцев, из Уральска – Н.П. Андреев и П.И. Первунин, из Мензелинска – Н.П. Колпакова, из Златоуста – П.Ю. Кревс, П.К. Люченко и С.В. Орлинков – из Челябинска, а также А.Е. Литвиненко – из Уфы, Н.А. Нуждин – из Бирска (Уфимская губерния) и В.М. Стемпневский – из Белебея (Уфимская губерния) [6. С. 149–156].

Очевидно, что многие идеи Всероссийского съезда художников падали на благодатную почву, его провинциальные делегаты, разделяя формулу съезда о том, что «элементы художественного образования необходимы для полноты развития личности», а также

взгляды о том, что для художественного просвещения народных масс нужны народные аудитории (об этом, например, был доклад графини С.В. Паниной), убеждения о необходимости устройства художественных музеев в провинции (доклад В.Я. Курбатова), старались воплощать их в жизнь. Справедливости ради следует указать, что на съезде звучали и голоса делегатов из российской глубинки. Так, художник, один из организаторов и активный член Вятского художественного кружка И.Ф. Федоров сделал доклад на тему: «К вопросу о сохранении памятников народного творчества в России» [6. С. 148]. Вопросы, поднятые на съезде, были близки его земляку Н.В. Машковцеву, также представлявшему Вятский художественный кружок [6. С. 149]. Вятский художественный кружок, созданный в 1909 г., немало потрудился в деле открытия Вятского художественно-исторического музея имени В.М. и А.М. Васнецовых. Н.В. Машковцев, например, принимал непосредственное участие в формировании его музейной коллекции. Благодаря его трудам уже в советское время музей стал одним из лучших провинциальных музеев страны, а сам Н.В. Машковцев – известным искусствоведом, музейным работником и педагогом.

Общественность Урала проявила заинтересованность к работе Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, призванного способствовать объединению библиотекарей для обмена опытом и знаниями, решению назревших вопросов теории и практики библиотечного дела, что, безусловно, свидетельствовало о росте профессионального самосознания библиотекарей. В Положении о съезде формулировалась цель его созыва – обсуждение нужд и интересов библиотечного дела в России. Желавшие участвовать в нем подавали заявления и вносили членский взнос в размере 3 руб. В работе съезда приняли участие сотрудники самых различных типов библиотек, библиографы и архивоведы.

В числе 346 человек, внесших взнос за участие, были известные на поприще библиотечного дела общественные деятели Урала, включая земских деятелей по линии внешкольного образования, заведующих и библиотекарей городских общественных библиотек, а также заведующих и сотрудников библиотек общественных организаций. Численный состав уральцев на съезде был весьма внушительным – 15 человек (4% от общего состава делегатов): З.А. Александрова (заведующая библиотекой Общественного собрания в Перми), Л.А. Будрин (заведующий внешкольным образованием в Шадринске Пермской губернии), И.В. Васильев (заведующий Пермской городской общественной библиотекой), М.И. Глинский (заведующий внешкольным образованием в Екатеринбургском земстве), А.И. Залого (бывшая заведующая библиотекой имени Д.Д. Смышляева в Перми), Л.А. Киснемская (библиотекарь городской бесплатной народной библиотеки-читальни в Уфе), Е.М. Кремлева (член-учредитель и заведующая Публичной общественной библиотекой имени В.Г. Белинского в Екатеринбурге Пермской губернии), А.П. Машкин (председатель Кукарского общества образования в Кукарке Вятской губернии), О.В. Ожарко (заведующая Оханской земской

библиотекой Пермской губернии), Т.К. Пепеляева (заведующая библиотекой для служащих Пермского уездного земства), М.М. Пинто (бывший член Правления Харьковской общественной библиотеки из Авзяно-Петровского завода Оренбургской губернии), Н.П. Смолин (заведующий отделом по народному образованию Пермского уездного земства), М.И. Топорнина (библиотекарь Уфимской городской общественной библиотеки имени С.Т. Аксакова), В.В. Южаков (член библиотечной комиссии Пермского общества «Народный дом»), а также П.А. Унде-Попов (библиограф из Бирска, Уфимской губернии), прочитавший доклад «О системе каталога и о библиографических приложениях-карточках при вновь выходящих книгах» на секции государственных, академических и специальных библиотек» [7. С. 191–206].

Уральские делегаты на Первом Всероссийском съезде геологов, созванном по инициативе Общества горных инженеров для обсуждения вопросов практики и теории разведочного дела, были немногочисленными, однако активными. В составе участников съезда были: представитель Златоустовского горного округа в лице горного инженера Л.А. Садовского, почетные члены Уральского общества любителей естествознания – А.П. Карпинский и Н. Чернышев [8. С. XXI], представитель Оренбургского казачьего войска горный инженер В.Е. Коробов [8. С. XXIV], а также А.К. Денисов из Екатеринбурга [7. С. XXIII], В.В. Саканцев из Белорецкого завода Оренбургской губернии [8. С. XXVI].

Уральская тематика обсуждалась благодаря несколькими докладам: А. Кованько «Об организации практических опытных станций для исследования золотоносных жильных пород и об устраиваемой ныне такого типа опытной фабрике Средне-Уральским Золотопромышленным Обществом близ г. Челябинска» [8. С. 371–374], Н.Я. Нестеровского «О разведках месторождений алмазов на Урале» [8. С. 425–426], а также А. Денисова-Уральского «О некоторых препятствиях к развитию добычи драгоценных камней на Урале» [8. С. 533–534].

Уральские делегаты на педагогических съездах и съездах земцев по народному образованию в начале XX столетия

А. Денисов на заседании юридической секции 13 февраля 1903 г. предложил обсуждению собрания некоторые вопросы, вызванные обстоятельствами личной практики на Урале при разведочном деле на цветные камни в Сысертской горно-заводской посессионной даче. Напомнил о посессионном праве пользования заводоладельцами казенными землями. В 1896 г. Государственный совет Российской империи своим постановлением давал право на разработку недр, содержащих цветные камни и другие минералы на площади 250 кв. саж. не только на казенных землях, а и на посессионных, не одним горнозаводским крестьянам, как прежде, а без различия звания. Денисов на этом основании сделал заявку на разработку аметистов в Сысертском посессионном горном округе в Полевской даче, близ деревни Полдневой. Заводоуправление же

чинило препятствия. Денисов указывал на подобные трудности разработки цветных камней в уральских посессионных горно-заводских дачах для частных лиц, что противоречило стремлению министра земледелия и государственных имуществ «прийти на помощь мелкой горной промышленности». По его убеждению, данная отрасль горной промышленности могла бы способствовать экономическому благосостоянию края и оказать некоторую «услугу науке». Денисов делился результатами своих геологических изысканий, ссылаясь на организованную им в Санкт-Петербурге выставку своих картин и ископаемых богатств Урала в форме геологических разрезов залежей аметистов, аметистов-кристаллов со всеми окружающими их горными породами и гранеными аметистов [8. С. 533–534].

В конце XIX – начале XX в. под эгидой Русского технического общества прошли три Всероссийских съезда по техническому и профессиональному образованию, где обсуждались вопросы о введении всеобщего начального обучения, расширении объема профессионально-технических знаний в начальной школе, а также внедрении ручного труда в школе и внешкольной деятельности. Показательно, что голоса провинциалов вторили друг другу в плане практического подхода к педагогической деятельности, необходимости приблизить школу к жизни. Так, на II съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1895 г. на XIII секции активно выступали делегаты из уральской глубинки: инспектор четырехклассного городского училища в Белебее (Уфимской губернии) С.А. Дворжецкий и учитель-инспектор Соликамского городского четырехклассного училища и заведующий ремесленными классами Пермской губернии А.Я. Яковлев. Последний подчеркивал, что в провинциальных городах и селах родителям важна практическая польза от занятий детей ручным трудом с точки зрения приложения знаний и навыков в домашнем быту. А.Я. Яковлев настаивал на необходимости придавать занятиям утилитарное значение, соблюдая методичность в освоении предмета [9. С. 126]. Что касается программы преподавания ручного труда, то современник полагал, что программа должна соотноситься с требованиями повседневной жизни, исходя из особенностей сельских и заводских поселений [9. С. 131]. Настаивая на необходимости учета локальных особенностей, педагог указывал на потребность выработки программы ручного труда специально для некоторых одноклассных сельских школ, а также других программ для фабричных местностей, где возможно создание мастерских ручного труда [9. С. 168].

С.А. Дворжецкий доказывал, что желательно уменьшение платы за учение в городских училищах (ученики городских училищ являлись преимущественно детьми бедных родителей), понимая вместе с тем, что введение ручного труда в учебный процесс невозможно без расходов. Современник полагал, что было бы хорошо, если бы их взяли на себя городские или земские органы самоуправления или казна. При невозможности это осуществить ничего не оставалось, как повысить плату за учение [9. С. 103–104]. Участник

съезда убеждал слушателей в необходимости выработки подробных программ по преподаванию черчения в городских училищах, столь важного для преподавания ручного труда [9. С. 107–108]. Волновал делегата вопрос и о правовом статусе учителя ручного труда. По его мнению, преподаватели ручного труда должны были пользоваться служебными правами учителей в зависимости от типа учебного заведения [9. С. 121].

Важное историческое значение для российской провинции имел 1-й Общеземский съезд по народному образованию 16–30 августа 1911 г. в Москве в составе 423 участников. Делегаты высказались за введение всеобщего обязательного обучения, общеобразовательный характер школы, право преподавания на родном языке в поселениях с полиэтническим составом населения. На нем обсуждались вопросы методики преподавания отдельных предметов, а также вопросы подготовки учителей и их материального положения. В.И. Чарнолуский отмечал отсутствие на съезде «вождей» и «генералов», его массовый, «серый» (при незначительности крестьянства) характер, что, по его убеждению, придавало решениям съезда «особенно большой общественный вес» [10. С. 139].

Один из современников отзывался о его работе: «Оно несомненно немаловажно. Съезд свел в систему взгляды, которые сложились на вопросы народного образования в земской среде. Он поставил ряд задач для практической деятельности земств. Он положил начало для согласной деятельности земств в столь важной отрасли, как дело народного образования. Формулируя мнения земской среды, людей опыта и практического дела, съезд дал ценный материал и для законодательных учреждений. От них будет зависеть прислушаться к голосу общественного мнения и использовать его в дальнейших своих работах и начинаниях. И надо думать, что работы земского съезда в этом отношении не останутся непродуктивными. Работы эти только начаты. Положено лишь начало. Но надо надеяться, что съезды будут пользоваться для выяснения нужд и потребностей страны» [11. С. 3].

Важно подчеркнуть, что все уральские земства командировали своих делегатов для участия в Пером Общеземском съезде по народному образованию. При этом на съезде присутствовали и решали вопросы как земские «хозяева», так и земские «служащие». При этом уральские земцы не во всем разделяли резолюции съезда. Так, съезд склонялся к положению о том, что народная школа (начальная и повышенного типа) должна «преследовать свои самостоятельные учебно-воспитательные задачи», «не должна изменять своим целям ради приспособления к курсу средне-учебных заведений». Речь шла о разнообразии народных общеобразовательных школ и самостоятельности их программ, трудности согласовать их со средней школой. Съезд высказался за желательность при ожидаемой реформе средней школы предусмотреть такую программу ее младших классов, чтобы облегчить возможность поступления в них выпускников из народных школ повышенного типа. Данное компромиссное решение устроило не всех делегатов съезда. В частности,

в периодических изданиях «делегаты Пермской крестьянской губернии» протестовали против такой резолюции, заявляя, что «вместо категорического признания права крестьянского населения на согласованную с низшей средней школу и требования условий, обеспечивающих свободный доступ детям крестьян в эту школу», съездом принята «довольно расплывчатая и неопределенная формула, закрепляющая существующее положение» [10. С. 58–59].

Представители Уфимского губернского земства предлагали обсудить вопрос о разграничении полномочий губернского и уездного земства в деле народного просвещения (аналогичный вопрос поднимался в докладе Харьковской земской управы). Уфимская губернская управа предлагала съезду «признать особенно необходимым, чтобы все дела и учреждения по внешкольному образованию были переданы в ведение губернских земств». Данная точка зрения встретила противоречивые отклики, хотя сам поднятый вопрос об упорядочении отношений губернских и уездных земств и их работе по «строгому плану» был признан весьма актуальным. На глубокое обсуждение этого вопроса у съезда не хватило времени, поэтому съезд ограничился самой общей формулировкой, приняв резолюцию: «...губернское земство, путем взаимодействия с уездными в тех отраслях, где это по местным условиям необходимо, содействует более успешному и планомерному развитию дела во всей губернии», а также и самостоятельно проводит в жизнь те мероприятия общегубернского значения, не стесняя самостоятельности уездных земств. Съезд признал также желательной организацию постоянных губернских комиссий по народному образованию и особых отделов по народному образованию в составе губернских уездных управ [10. С. 76–77].

Важно обратить внимание, что уральские делегаты представили доклад для обсуждения на съезде по «кардинальному для многоплеменной России вопросу о родном языке в школе», в частности об «инородческой» школе на востоке Европейской России. Уфимское земство предлагало обучение на двух языках. Что касается школы мусульманской, то уфимские земцы настаивали, что «языком обучения должен быть родной язык; объем преподавания русского языка определяется тем, что оканчивающий курс начальной мусульманской школы должен уметь читать по-русски, пересказать устно легкие прочитанные статьи, писать без грубого искажения слов и объясняться по-русски». В итоге съезд признал «нужным, чтобы в школьных районах с преобладающим иноязычным населением было допущено преподавание в первый период обучения на родном языке учащихся и чтобы школа черпала свой материал из быта и литературы местного населения, предоставив местным учреждениям, ведающим делом народного образования, устанавливать срок перехода к преподаванию на русском языке, с тем неперемным условием, чтобы изучение русской речи начиналось с первого года обучения и чтобы окончившие курс народной школы умели говорить по-русски и писать без искажений слов». Съезд счел нужным принять еще одно дополнение о возможности создания иноязычных

школ в районах со смешанной этноконфессиональной средой [10. С. 107–108].

Инициатива Уфимского губернского земства проявилась также в обсуждении вопроса о совместном издании земствами учебников для начальных школ. Съезд признал необходимым организовать для обеспечения населения книгами и учебной литературой товарищество для книгоиздательской деятельности и продажи книг из представителей губернских и уездных земств, поручив Уфимскому губернскому земству заняться воплощением в жизнь данной идеи [10. С. 132–133].

Уральских представителей на общеземском съезде также волновали практические аспекты педагогической деятельности. Особенно важным был такой подход для участников съезда, когда дело касалось просвещения деревни. Крестьянин Ирбитского уезда Н.А. Пономарев в своем докладе взывал о необходимости приблизить народное просвещение к повседневным нуждам крестьян: «Живя в селе я, интересуясь народным образованием около 40 лет, я пришел к убеждению, что детей учат чему-то отвлеченному, не имеющему ничего общего с местными условиями жизни сельского населения. ...Крестьяне ждут от школы такой грамоты, которая бы не отрывала детей от земли и своей семьи...» [11. С. 4].

Когда В.И. Чарнолуский писал об историческом значении Первого Общеземского съезда по народному образованию 16–30 августа 1911 г., то высказывал общественное мнение современников о важности как самих постановлений съезда, так и «общей их совокупности», общей, созданной им атмосферы, не сомневаясь в том, что съезд поднимет интерес к вопросам народного просвещения и вызовет их обсуждение в российских регионах (в земствах, других общественных институтах, на страницах периодической печати). Не сомневался современник и в практическом значении земского съезда [10. С. 144–145]. История показала, что многим ожиданиям этого общественного деятеля суждено было воплотиться в жизнь.

Аналогичный общественный резонанс вызвал также 1-й Всероссийский съезд по вопросам народного образования, проходивший в Санкт-Петербурге с 22 декабря 1913 г. по 3 января 1914 г. Созванный Санкт-Петербургским обществом грамотности съезд отличался широким представительством. На нем присутствовало свыше 6 тысяч участников, преимущественно учителей различных начальных училищ. Звучали демократические требования участников съезда о передаче дел народного просвещения в руки органов общественного самоуправления, уменьшении контроля правительственных органов за деятельностью учителей и училищных советов, правовом статусе учителей [2].

Вопросы народного просвещения и события, связанные с проведением общественных съездов горячо обсуждались в региональной периодической печати. Так, на страницах пермской периодики один из авторов писал: «Деятельность земства по народному, школьному и внешкольному образованию приобретает с каждым годом все более и более широкое к себе внимание со стороны всех культурных общественных деятелей». Отмечалось появление новых периодических

изданий: в начале нового года в Петербурге при содействии книгоиздательства «Земская Школа» выпущено в свет два новых журнала «Земство и народное образование» и «Внешкольное образование». Призыв со страниц этих журналов о широком просвещении народных масс находил горячий отклик в российской глубинке, что «признал» Общеземский съезд по народному образованию 1911 г. «Прошло почти три года, — сообщал современник, — и вновь пришлось повторить то же самое Первому Всероссийскому Съезду по вопросам народного образования в наши дни». Далее автор статьи писал о положениях, принятых на съезде по вопросам внешкольного образования: «...необходима сеть связанных между собою учреждений внешкольного обучения; обучение должно быть бесплатным в учреждениях городского и земского самоуправления; сеть должна быть построена на принципе широкой самостоятельности и на начале коллегиальности управления учреждениями внешкольного образования при участии лиц, пользующихся этими учреждениями; для полного осуществления всех мероприятий внешкольного образования необходима реформа земств на началах демократизации (широкого народного представительства в земстве) и оздоровления земских и городских финансов» [12. С. 3].

В заключении своей статьи современник указывал на значение общественных съездов для подготовки квалифицированных кадров для работы на ниве просвещения, в частности, на осознанную Пермской губернской земской управой необходимость объединения всех деятелей по народному образованию и созыва периодических всероссийских и местных съездов по вопросам внешкольного образования. Первый съезд по народному образованию, заслушав все эти предложения, постановил: «1. Планомерное содействие внешкольному образованию вообще и проведение в жизнь намеченных уже некоторыми земствами просветительных мероприятий может развиваться вширь и вглубь лишь при наличии специально подготовленных деятелей. 2. Заботы о подготовке необходимого персонала должны взять на себя уездные и, главным образом, губернские земства, как учреждения, обратившие уже серьезное внимание на необходимость и значение внешкольного образования. 3. Формы этой подготовки сводятся в настоящее время: а) к устройству летних курсов по внешкольному образованию или, в крайнем случае, к включению вопросов внешкольного образования в программу летних педагогических курсов для лиц, уже работающих в области внешкольного просвещения; б) к введению курса внешкольного образования в программу учительских семинарий и институтов; в) к созданию специального учебного заведения с 4–5-годичным курсом для лиц, предполагающих занять места заведывающих наиболее крупными (районными) учреждениями по внешкольному образованию. 4. В целях усовершенствования лиц, получивших соответствующую подготовку по внешкольному образованию, необходимы: учреждение широко организованного общества, созыв периодических и местных съездов по вопросам внешкольного образования и издание журнала, посвященного этим вопросам» [12. С. 6–7].

На Первом Всероссийском съезде по семейному воспитанию, проходившему с 31 декабря 1912 г. по 6 января 1913 г., обсуждались вопросы дошкольного воспитания, устройства детских садов и клубов, всеобщего начального обучения, совместного обучения в школе, соотношения семейного и общественного воспитания, сплочения семьи, школы и общества в деле воспитания. В резолюциях и пожеланиях съезда по семейному воспитанию съезд предлагал городским и земским самоуправлениям озаботиться устройством детских площадок для всего детского населения городов и пригородов. По поводу народных детских садов звучало пожелание, чтобы их идея получила широкое распространение в обществе. По убеждению участников съезда, «учреждение народных детских садов должно быть предоставлено широкой общественной инициативе и городским и земским самоуправлениям при материальной поддержке из государственных средств». Участники съезда разделяли мнение о необходимости доступности народных детских садов для всех без исключения классов населения, их бесплатности [13].

Видный деятель дошкольного воспитания на Урале, народный учитель Олимпиада Максимовна Варфоломеева вспоминала об этом съезде: «Общественное дошкольное воспитание тогда только нарождалось и не считалось обязательным, а потому оно не имело ни гражданственности, ни государственности, развивалось очень медленно где-либо по частному почину, на скудные средства. В 1913 г. на Съезде по семейному воспитанию, под руководством профессора Каптерева (П.Ф. — Е.К.) организовалась “Первая выставка” экспонатов по дошкольному воспитанию, “стянутых со всех концов, где-либо существовавших тогда детских площадок и детских садов”. После Съезда стали появляться статьи по дошкольному воспитанию: о детских площадках и детских садах» [14. С. 198–199].

Еще в 1912 г. в Перми под руководством О.М. Варфоломеевой стало функционировать общество «Светлая Юность», предполагавшее наряду с другими задачами открыть детский сад в Перми. Детский сад был открыт 1 октября 1912 г. О.М. Варфоломеева писала, что, когда в начале 1913 г. в Петрограде открылся Первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию, общество «Светлая Юность» командировало ее с докладом, который был затем помещен в «Трудах съезда». В нем формулировались тезисы по дошкольному воспитанию такого содержания: «1) репутация и популярность детского сада зависит от хорошо подготовленного института садовниц; 2) каждый первый детский сад должен служить зерном или ячейкой развития дошкольного воспитания для того места, где он основан; 3) народному детскому саду, несомненно, предстоит сыграть большую роль в деле общественного воспитания; 4) всероссийскому съезду следовало бы взять инициативу указать общественным и земским учреждениям на необходимость организации детских садов на общественные средства; 5) в интересах наибольшей продуктивности и осведомленности деятельности детских садов следовало бы организовать

Всероссийский съезд всех садовниц; 6) следует упорядочить подбор кинематографических картин, имеющих широкое воспитательное значение для учащихся в провинции» [14. С. 198–199].

Участница съезда делилась своими впечатлениями о съезде, акцентируя внимание на плодотворном влиянии съезда для своей дальнейшей деятельности: «Пробывши на съезде целый месяц, многому научилась в Петрограде: 1) прослушала ряд докладов, лекций, рефератов по дошкольному воспитанию, поработала сама в секции; 2) познакомилась с выставкой детских садов, д. площадок, бывших в России кое-где; 3) познакомилась с Фребелевскими Петроградскими курсами и с частными дошкольными курсами Миславской; 4) с детскими садами Петрограда, с детскими домами, со школой нянь. Такое обилие сразу новых и ценных знаний дало мне широкий размах в начатом деле. Снова сама начала искать фребеличек для Перми, но никто не пожелал выехать из Петрограда. И после долгих поисков согласилась поехать одна практикантка детского сада Корнилова, знающая хорошо ручной труд детского сада, чего у нас не хватало в Перми. Запаслись материалами для этого предмета и пособиями. Затем послушала лектора Владимирского и пригласила его в Пермь прочесть 3 лекции по семейному воспитанию. Он дал согласие и прочитал лекции в Перми. После Петрограда поехала в Москву, осмотрела там “Секлемент”, о котором так много разговаривали на съезде, и детские сады» [14. С. 198–199].

Полученные на съезде знания О.М. Варфоломеева транслировали в жизнь провинции: «Нагруженная всеми новостями по всем воспитательным вопросам, возвратилась в Пермь – сделала подробный доклад в Обществе “Светлая Юность”. С большим подъемом начала продолжать работу, начатую по дошкольному воспитанию. Кроме этого Общества “Светлая Юность”, я принимала участие в жизни приютов, где состояла попечительницей вновь организованного при моем участии на углу Б.-Ямской и Оханской ул. в д. Флягина – для беспризорных детей на 50 чел. Там устроена была столовая для “приходящих”, обслуживалась самими детьми, на полученные средства от столовой и существовал этот приют. В приюте была группа детского сада, была и площадка. Тут организовалась выставка рукодельных работ, которые даже продавались. Поэтому я интересовалась постановкой и столичных приютов, детских домов в Москве, Петрограде и поделилась новыми сведениями по этому вопросу с пермскими приютами. Начала занятия по новой программе, привезенной мною со съезда по “Семейному воспитанию”. По физическому воспитанию приглашен был врач в детский сад – Н.К. Ильинская, которая осматривала детей в неделю раз. Для пения с детьми и для аккомпанимента на рояли была приглашена специалистка – Зиль» [14. С. 198–199].

О.М. Варфоломеева свидетельствовала, что детский сад завоевал к себе внимание пермяков, наплыв детей был сверхштатный – нужно было думать об открытии другого сада – бесплатного. Однако далеко не сразу воплощались в жизнь ее начинания: «В Петрограде мне удалось выхлопотать субсидию из Министерства Народного Просвещения в 1000 руб. на дошкольное воспитание, рассчитывая на эту сумму открыть

народный детский сад, если земство или город дадут нам бесплатную квартиру для второго сада. Кирилло-Мефодиевское здание внизу оказалось свободным, его и просило правление “Светлая Юность” для народного детского сада, но получить не удалось, другого здания, тоже бесплатного, не нашлось» [14. С. 198–199].

В 1914 г. (в конце учебного года) при детском саде устроили выставку «Детский труд и отдых учащихся» для пропаганды дошкольного воспитания. На выставку стягивались экспонаты со школ всех уездов Пермской губернии. «Дело это прошло очень вяло, – сетовала Варфоломеева. – Из уездов никто экспонатов не прислал и главное место заняли работы детского сада: 1) Также заняла целую комнату выставка пособий, сформированных по системе Фребеля; 2) По системе Монтессори, где посетители наглядно знакомились с этими корифеями дошкольного воспитания и со всеми их приемами и пособиями; 3) С посетителями велись подробные собеседования при обозрении выставки. Выставка имел много посетителей; кроме Перми, Мотовилихи, приезжали много из уездов (заинтересованные дошкольным воспитанием, педагоги и родители). Выставка была организована весной» [14. С. 200]. В 1917 г. по инициативе Варфоломеевой в Перми были организованы курсы по подготовке дошкольных работников. Пример этой энтузиастки вновь свидетельствует о значении личностного фактора в истории. Именно такие активные уральские общественные деятели в первую очередь становились делегатами на общественных съездах в России начала XX столетия.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что уральская общественность в начале XX в. проявляла значительный интерес к всероссийским общественным съездам, посвященным актуальным социокультурным вопросам современности (особенно делу народного просвещения), направляя для участия в них своих представителей. Как правило, среди уральских делегатов на этих съездах преобладали известные общественные деятели, имевшие опыт культурно-просветительской работы (члены общественных организаций, представители городского и земского самоуправления), профессионалы. Тон на этих съездах, безусловно, задавали столичные лидеры, однако, можно видеть, что многие уральцы активно участвовали в работе съездов, сами выступая с сообщениями или участвуя в обсуждении других докладов. При этом в первую очередь их интересовали вопросы практической жизни, это действительно был «голос самой жизни». Делегаты из провинции часто ставили на повестку дня новые социокультурные вопросы, обусловленные региональными особенностями Урала (полиэтническим и поликонфессиональным составом населения, экономической спецификой края). С другой стороны, уральцы впитывали новые идеи, звучавшие на съездах, стремились в дальнейшем воплотить их на местах. Следует подчеркнуть, что для многих общественных работников из российской провинции участие во всероссийских общественных съездах становилось школой гражданского участия, что свидетельствует об их важном общественно-политическом значении.

Список источников

1. Туманова А.С., Сафонов А.А. Политика в неполитическом: идеология конституционных реформ в программатике профессиональных съездов начала XX века // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 1. С. 325–340. doi: 10.15826/qr.2021.1.582
2. Зиневич Н.А. Съезды педагогические и по народному образованию в дореволюционной России и в СССР. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s02/e0002361/index.shtml>
3. Стоюхина Н.Ю., Башук Е.Н. Первый съезд по педагогической психологии в России: жажда реформ // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 6. С. 87–100.
4. Демчишин М.В. Педагогические съезды первой трети XX века и их значение в контексте становления и развития теории и практики внешкольной педагогики России // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2011. № 4. С. 167–171.
5. Алексеев Е.П. Художественная промышленность в материалах съезда художников // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2024. Т. 26, № 3. С. 195–208.
6. Труды Всероссийского съезда художников: Дек. 1911 – янв. 1912. Т. 1. [Т. 3]. Петроград, 1914, 1915. 190 с.
7. Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу 1–7 июня 1911 г.: избранные материалы. СПб., 2011. 216 с.
8. Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по практической геологии и разведочному делу, состоявшегося с 8-го по 16-е февраля 1903 года в С.-Петербурге. СПб., 1908. 588 с.
9. II съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1895–1896. XIII секция. СПб., 1896. С. 103–104.
10. Чарнолуцкий В.И. Вопросы народного образования на Первом общеземском съезде. СПб.: Знание, 1912. 180 с.
11. Первый Общеземский съезд по народному образованию в Москве 16–30 августа: (Из впечатлений участника Съезда) / [свящ. Алексей Кулясов]. Казань, 1911. 32 с.
12. Внешкольное образование и народный учитель // *Пермская земская неделя*. 1914. 23 января. № 4. С. 3–7.
13. Резолюции и пожелания I Всероссийского съезда по семейному воспитанию. СПб., 1913. 11 с.
14. Варфоломеева О.М. История дошкольного воспитания в г. Перми и Урало-Камском крае (1910–1922) // *Пермский краеведческий сборник*. № 4. Пермь, 1928. С. 198–200.

References

1. Tumanova, A.S. & Safonov, A.A. (2021) Politika v nepoliticheskom: ideologiya konstitutsionnykh reform v programmatike professional'nykh s'ezdov nachala XX veka [Politics in the Non-Political: The Ideology of Constitutional Reforms in the Programmatic of Professional Congresses of the Early 20th Century]. *Quaestio Rossica*. 9 (1). pp. 325–340. doi: 10.15826/qr.2021.1.582
2. Zinevich, N.A. (2024) *S'ezdy pedagogicheskie i po narodnomu obrazovaniyu v dorevolutsionnoy Rossii i v SSSR* [Pedagogical Congresses and Congresses on Public Education in Pre-Revolutionary Russia and the USSR]. [Online] Available from: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s02/e0002361/index.shtml> (Accessed: 04.06.2024).
3. Stoyukhina, N.Yu. & Bashuk, E.N. (2019) Pervyy s'ezd po pedagogicheskoy psikhologii v Rossii: zhazhda reform [The First Congress on Pedagogical Psychology in Russia: A Thirst for Reforms]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 6. pp. 87–100.
4. Demchishin, M.V. (2011) Pedagogicheskie s'ezdy pervoy trety XX veka i ikh znachenie v kontekste stanovleniya i razvitiya teorii i praktiki vneshkol'noy pedagogiki Rossii [Pedagogical Congresses of the First Third of the 20th Century and Their Significance in the Context of the Formation and Development of the Theory and Practice of Out-of-School Pedagogy in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4. pp. 167–171.
5. Alekseev, E.P. (2024) Khudozhestvennaya promyshlennost' v materialakh s'ezda khudozhnikov [The Art Industry in the Materials of the Congress of Artists]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 26 (3). pp. 195–208.
6. Anon. (1914, 1915) *Trudy Vserossiyskogo s'ezda khudozhnikov: Dek. 1911 – yanv. 1912* [Proceedings of the All-Russian Congress of Artists: Dec. 1911 – Jan. 1912]. Volume 1. [Volume 3]. Petrograd.
7. Anon. (2011) *Trudy Pervogo vserossiyskogo s'ezda po biblioteknomu delu 1–7 iyunya 1911 g.: izbrannye materialy* [Proceedings of the First All-Russian Congress on Librarianship, June 1–7, 1911: Selected Materials]. Saint Petersburg.
8. Anon. (1908) *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda devateley po prakticheskoy geologii i razvedochnomu delu, sostoyavshegosya s 8-go po 16-e fevralya 1903 goda v S.-Peterburge* [Proceedings of the First All-Russian Congress of Figures in Practical Geology and Prospecting, Held from February 8 to 16, 1903 in St. Petersburg]. Saint Petersburg.
9. Anon. (1896) *II s'ezd russkikh devateley po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu v Rossii. 1895–1896. XIII sektiya* [The 2nd Congress of Russian Figures on Technical and Professional Education in Russia. 1895–1896. Section XIII]. Saint Petersburg. pp. 103–104.
10. Charnoluskiy, V.I. (1912) *Voprosy narodnogo obrazovaniya na Pervom obshchezemskom s'ezde* [Issues of Public Education at the First All-Zemstvo Congress]. Saint Petersburg: Znanie.
11. Anon. (1911) *Pervyy Obshchezemskiy s'ezd po narodnomu obrazovaniyu v Moskve 16–30 avgusta: (Iz vpechatleniy uchastnika S'ezda)* [The First All-Zemstvo Congress on Public Education in Moscow, August 16–30: (From the Impressions of a Congress Participant)]. [Priest Alexey Kulyasov]. Kazan.
12. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1914) Vneshkol'noe obrazovanie i narodnyy uchitel' [Out-of-School Education and the People's Teacher]. January 23. 4. pp. 3–7.
13. Anon. (1913) *Rezolyutsii i pozhelaniya I Vserossiyskogo s'ezda po semeynomu vospitaniyu* [Resolutions and Wishes of the 1st All-Russian Congress on Family Education]. Saint Petersburg.
14. Varfolomeeva, O.M. (1928) *Istoriya doskol'nogo vospitaniya v g. Permi i Uralo-Kamskom krae (1910–1922)* [History of Preschool Education in the City of Perm and the Ural-Kama Region (1910–1922)]. In: *Permskiy kraevedcheskiy sbornik* [Perm Local History Collection]. 4. Perm. pp. 198–200.

Информация об авторе:

Казакова-Апкаримова Е.Ю. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: Apkarimova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Yu. Kazakova-Apkarimova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Apkarimova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024;
одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 25.12.2024;
approved after reviewing 11.02.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 903.5
doi: 10.17223/15617793/514/9

Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 (одна из версий историко-культурной реконструкции)*

Кирилл Юрьевич Кирюшин¹, Вадим Борисович Бородаев², Ирина Васильевна Толпеко³

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, kirill-kirushin@mail.ru

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, borodaev_vb@altspu.ru

³ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, itolpeko@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5, относящееся к одному из восьми известных «вертикальных» захоронений мезолита – неолита Северной Евразии. Оно самое позднее, единственное принадлежало ребенку и выделяется среди детских могил синхронных памятников «взрослым» сопроводительным инвентарем. Специфика захоронения позволяет предположить, что соплеменники рассматривали этого ребенка с особенностями физиологии как «будущего стража», который «по мере взросления в ином мире» будет охранять свою родовую территорию.

Ключевые слова: неолит, Северная Азия, грунтовый могильник, «вертикальное» захоронение, погребение ребенка

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-01030 «Погребальные комплексы неолита-энеолита Барнаульского Приобья в кругу синхронных памятников Южной Сибири и сопредельных территорий».

Для цитирования: Кирюшин К.Ю., Бородаев В.Б., Толпеко И.В. Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 (одна из версий историко-культурной реконструкции) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 80–87. doi: 10.17223/15617793/514/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/9

Neolithic burial of a child at the Ust-Aleyka-5 burial ground (a version of the historico-cultural reconstruction)

Kirill Yu. Kiryushin¹, Vadim B. Borodaev², Irina V. Tolpeko³

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, kirill-kirushin@mail.ru

² Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, borodaev_vb@altspu.ru

³ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, itolpeko@yandex.ru

Abstract. The Ust-Aleyka-5 monument was discovered in 1981 in the village of Ust-Aleyka, Kalmansky District, Altai Krai. A pit with a diameter of about 0.3 m and a depth of 0.6–0.7 m in the continent contained a vertically located skeleton of a young child (two years $\pm$ 8 months) accompanied by a rich and varied inventory. The unclosed anterior fontanelle on the skull, the very large size of the braincase for this age with normal sizes of the facial region allow us to assume macrocephaly caused by hydrocephalus. Two AMS dates were obtained for teardrop-shaped pendants made of bone or antler: 5,550 $\pm$ 25 BP (IGAN-5829) and 5,219 $\pm$ 86 BP (NSKA-01941). The burial of a child from the Ust-Aleyka-5 burial ground belongs to an extremely rare type of "vertical" burials in Northern Eurasia. V.A. Zakh suggests that such buried people played the role of "guardians" protecting their deceased relatives in the necropolises. The burial site stands out against the background of synchronous monuments of Northern Eurasia by its "adult" component of the accompanying inventory (arrowheads, an axe, etc.). Among the peoples of Siberia, child burials were carried out according to a simplified burial rite. Exceptions are associated with children who were to become shamans or were born with congenital deformities. Four lower jaws of a marmot, 23 bones of a marsh harrier and the crown of a sable tooth were found in the grave. The burial inventory of burial 2 of the Ust-Aleyka-5 ground burial ground embodies the idea of three worlds: upper (heavenly), middle (real), and lower (underground). Four lower jaws of a marmot, pendants made of Unio shells, and an ornament made of the Tritia nitida shell are markers of the "lower" world, the bones of a marsh harrier are the upper world, and pendants made of maral teeth are the middle world. The behavioral features of

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

the marsh harrier are a strong attachment to a specific place and its protection from penetration from the outside. Marmots are very cautious. The marmot "sentinel" usually stands guard on a hill and, in case of danger, warns his relatives (and other animals) with a loud whistle. The child was also placed in the grave vertically. Sable lives in a small area, which it guards and protects. The listed animals are united by territorial conservatism – attachment to a permanent habitat, protective (marsh harrier and sable) or warning (marmot) behavior. The vertical arrangement and the nature of the accompanying inventory allow us to consider the child from the burial of the Ust-Aleika-5 burial ground from the position of his fellow tribesmen as a "future guard", a defender of the ancestral territory. The presence in the grave of the bones of a marsh harrier, marmots and a sable tooth can be interpreted as his accompaniment by assistants – "guards" from the animal world, who were supposed to help the future defender protect the territory entrusted to him.

Keywords: Neolithic, Northern Asia, ground burial ground, "vertical" burial, burial of a child

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01030

For citation: Kiryushin, K.Yu., Borodaev, V.B. & Tolpeko, I.V. (2025) Neolithic burial of a child at the Ust-Aleyka-5 burial ground (one of the versions of the historical and cultural reconstruction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 80–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/9

Введение

Памятник Усть-Алейка-5 обнаружен в 1981 г. в с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края. Могильник располагался на небольшом мысу, образованном левым бортом долины Алея в его устьевой зоне, где старое русло реки выходит в пойму Оби. Исследованиями 1982 г. было выявлено неолитическое погребение № 2. В небольшой яме диаметром около 0,3 м и глубиной в материке 0,6–0,7 м вертикально располагался скелет ребенка в сопровождении богатого и разнообразного инвентаря.

В ходе проведенных антропологических исследований удалось восстановить форму черепа ребенка, уточнить пол (мальчик) и возраст его смерти – два года $\pm$ 8 месяцев (ранний детский возраст). Незакрытый передний родничок на черепе и его значительная площадь, очень большие для этого возраста размеры мозговой коробки при нормальных размерах лицевого отдела позволяют предполагать макроцефалию, обусловленную гидроцефалией (водянка головного мозга) [1. С. 14, 24. Рис. 1]. Таким образом, причиной экстраординарности набора сопроводительного инвентаря и в целом погребального обряда мог быть патологический статус погребенного. Вероятно, еще при жизни в силу особенностей этого ребенка (интенсивный рост головы, опережающий рост тела, особенности поведения, которые могут проявляться у больных гидроцефалией – беспокойство, судороги, спазмы конечностей и их произвольные движения, закатывание глаз и др.) у сородичей сформировалось к нему особое отношение.

Краниометрические и одонтологические параметры позволяют отнести индивида к антропологическому пласту автохтонного населения центральных регионов Евразии, который на современном этапе для неолита-энеолита представлен краниологическими сериями из могильников Среднего Прииртышья, Верхнего Приобья, Барабинской лесостепи, а также Приаралья [1. С. 24].

В погребении ребенка обнаружено более 250 украшений четырех видов: 129 подвесок каплевидной формы из кости (рога?) [2. С. 50. Рис. 3, 1–3], более 100 подвесок из раковин *Unio aff. tumidus* (их подсчет проведен по сохранившимся экземплярам) [2. С. 51–52. Рис. 4–7], 25 подвесок из резцов марала с отверстиями для подвешивания [2. С. 50. Рис. 3, 4–6] и одна раковина морского брюхоногого моллюска *Tritia nitida* в

верхней части заполнения могилы. На некоторых каплевидных подвесках и зубах марала хорошо прослеживаются следы крепления – желобчатые структуры с мягкими сглаженными краями, что свидетельствует об их длительном использовании.

Наибольший интерес вызывают украшения из раковин. Брюхоногий моллюск *Tritia nitida* – представитель морской фауны, который и в настоящее время широко распространен на атлантическом побережье Европы, в Средиземном, Чёрном и Азовском морях. Находка этой раковины свидетельствует о протяженных контактах / мобильности населения степного пояса Евразии в эпоху неолита [3. С. 11–12].

Не менее интересны подвески из створок раковин *Unio aff. tumidus* – продолговатой перловицы. В настоящее время она не обитает в Приобье. В качестве сырья использовались ископаемые плейстоценовые раковины *Unio* из обнажения Калистратиха I на левом берегу Оби в 18 км к северу от могильника Усть-Алейка-5 [2. С. 55]. Таким образом, головной убор/одежда/накидка? маленького ребенка имел более чем 250 эффектных украшений, что демонстрирует высокий статус погребенного.

В могиле были обнаружены 49 изделий из камня, в том числе топор с подшлифовкой и бифасы [2. С. 50. Рис. 3, 7; 8], скребок, абразив с желобком, отщепы с ретушью, наконечники стрел и др., а также роговое острие. В верхней части заполнения могильной ямы найдена небольшая плитка подтреугольной формы из зеленоватого камня. В ходе микроскопического исследования установлено, что один из ее острых углов имеет следы износа, характерные для резца и следы охры на рабочей части. В этой связи в составе сопроводительного инвентаря вызывает интерес небольшой кусочек гематита с многочисленными царапинами от соскабливания. Следы охры прослежены и на украшениях.

В могиле были обнаружены четыре нижние челюсти сурка (определение Н.Д. Оводова), 23 кости болотного луны (все от одной особи, определение Н.В. Мартынович) [3. С. 51] (рис. 1, 2) и коронка зуба соболя (определение П.А. Косинцева).

По каплевидным подвескам из кости или рога получены две AMS даты, выполненные в разных лабораториях 5550 ± 25 л.н. (IGAN-5829) и 5219 ± 86 л.н. (NSKA-01941). Для определения календарного возраста проводилась калибровка дат в компьютерной программе OxCal версии 3.10.

Для первой даты получены значения 4445–4415, 4400–4380, 4375–4350 лет до н.э. по 1σ и 4450–4340 лет до н.э. по 2σ и для второй 4230–4190, 41770–4090, 4080–3950 лет до н.э. по 1σ и 4350–3800 лет до н.э. по 2σ.

Калибровка в программе 14 дала несколько иные результаты.

Для IGAN-5829 получен интервал 4446–4346 с вероятностью 95,4%, для NSKA-01941 4318–4296 (1,5%), 4256–3906 (85,9%) и 3879–3802 (8%).

Вадим Борисович!

Приехал из Красноярска орнитолог,
сделал определение собранных Вами
костей. (Цит. на обороте листа)
Затем засунул лапцу в погребение
луны, сам бог их объяснит. Хорошо,
если бы эти косточки, такие как и
остатки сурков остались в нашей
коллекции. Во всяком случае с
ними полезно будет сравнивать новые
находки.

Наши в своих письмах адрес
того мушкетера, что привез кусок горшка
с Ульмени: Погураров Юрий Владимирович
Горно-Алтайск, Коммунистический, 154, д. 3.

Молодчик помнит тот горшок и
обещал разыскать.

Всех благ.
С наступающим Новым Годом!

12. XII. 1987. Н. Овдов.

Рис. 1. Письмо Н.Д. Овдова о костях болотного луны и сурков в детском погребении из могильника Усть-Алейка-5

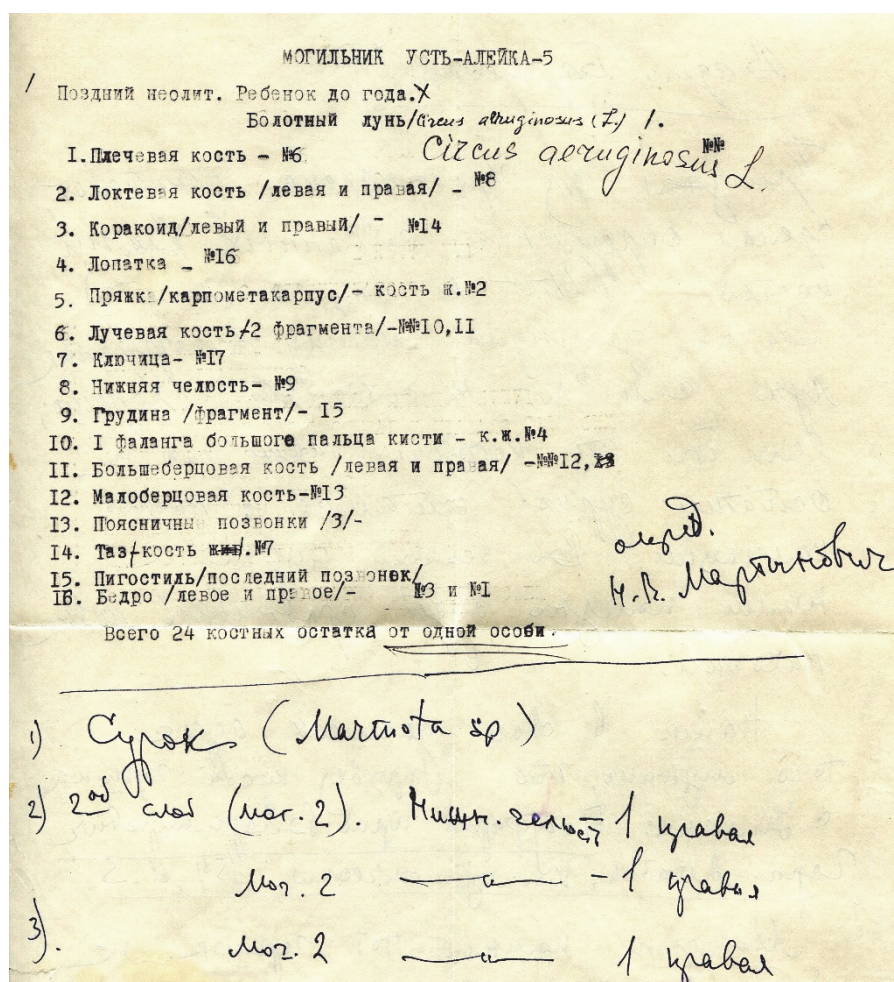

Рис. 2. Перечень костей болотного луня из детского погребения могильника Усть-Алейка-5 (определение Н.В. Мартынович) из письма Н.Д. Оводова

Работы по определению абсолютного возраста погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 планируются продолжить, используя в качестве образцов для датирования позвонков ребенка и подвеску из зуба марала.

Обсуждение результатов исследования

Погребение ребенка из могильника Усть-Алейка-5 относится к крайне редкому типу «вертикальных» захоронений мезолита – неолита на территории Северной Евразии. Кроме него к настоящему времени известно семь могил с вертикальным расположением умершего: в Верхнем Приобье у с. Заречного на р. Инге, в Притоболье у д. Пеган, в 80 км севернее Берлина (Германия), четыре погребения исследованы в Оленеостровском могильнике на Онежском озере [4. С. 82]. Как отмечает В.А. Зах, «в пределах этого способа захоронения имеются определенные варианты: в Оленеостровском могильнике – наклонные погребения, в Гросс Фреденвальде – наполовину открытое захоронение [4. С. 83].

По мнению исследователя, анализ имеющихся вертикальных захоронений показывает отсутствие взаимосвязи между погребальным обрядом, половой принадлежностью умерших и инвентарем. Он выдвинул предположение, что «такие погребенные в силу их индивидуальных особенностей выполняли роль своего

рода «стражей», охраняющих своих умерших сородичей на территории некрополей» [4. С. 90].

На первый взгляд, применимость данной гипотезы по отношению к погребению ребенка возрастного интервала от 1 до 3 лет из могильника Усть-Алейка-5 вызывает обоснованные сомнения. Роль индивида столь раннего возраста в качестве «стража» может представляться проблематичной.

Известны отдельные, очень редкие погребения маленьких детей с богатым сопроводительным инвентарем. Большим количеством украшений отличается могила годовалого ребенка в верхнем течении Дуная на сербской стороне из Власаца (захоронение H297 (Объект 28)), которую исследователи датируют 6700–6500 гг. до н. э. [5. Р. 3454].

Отмечено, что в нем найдено больше украшений, чем в могиле взрослой женщины (H2) этого же могильника. Исследователи задаются вопросом, является ли это отражением принадлежности ребенка к социальной группе с высоким статусом в наследственной системе рангов, а также высказывают предположение, что большее количество украшений в детском погребении может быть связано с символическими/защитными качествами украшений [5. Р. 3463]. Подобные наблюдения и предположения о том, что большее количество инвентаря и украшений в погребениях детей

по сравнению с погребениями взрослых связано с необходимостью обеспечить дополнительную защиту ребенка в потустороннем мире отмечаются археологами и этнографами в разных местах земного шара [6. Р. 158]. Однако такие захоронения нельзя назвать типичными. Может следует поискать другое объяснение как выделению (стремлению защитить через украшения-обереги?) некоторых детей именно таким образом, так и тому факту, что для рассматриваемого периода обилие взрослого инвентаря в могиле ребенка тоже не является обычным явлением.

В этнографической литературе встречаются упоминания о том, что способ захоронения мог зависеть от личного пожелания умирающего. Однако дети раннего детского возраста не могли выразить свою волю, сформулировать свои пожелания и предпочтения. Они не умели изготавливать украшения и не могли длительное время носить их до получения выраженных следов износа, так же как и пользоваться помещенными в погребения орудиями при жизни. Детские захоронения всегда и везде – это не проявления личностного через костюм и украшения, а отражение базовых мифологических и ценностных установок в обществе, обобщенный, стандартизированный стереотип.

Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 выделяется на фоне синхронных памятников Северной Евразии своей «взрослой» составляющей сопроводительного инвентаря (наконечники стрел, бифасы, топор и др.). Угнанасан погребения детей проводились по упрощенному погребальному обряду. Исключения «связаны, как правило, с детьми, для которых “на роду написано” было стать шаманами или они родились с врожденными уродствами» [7. С. 88]. Г.Н. Грачёва приводит в пример погребение полугодовалого мальчика под Усть-Авамом: «Умершему были специально сделаны большие нарты, убит олень в праздничной упряжи и оставлено все, чем мальчик мог пользоваться, если бы продолжал расти, начиная от соски и ковшика с остатками манной каши и кончая обувью с ноги взрослого, свитером большого размера, спичками, папиросами, бутылкой питьевого спирта и мелкокалиберной винтовкой с автоматической перезарядкой. Такое отношение к этому мальчику можно объяснить принадлежностью его к семье, некогда славившейся сильными шаманами» [7. С. 88, 90]. Сопроводительный инвентарь явно указывает на то, что предполагалось дальнейшее взросление этого ребенка и его существование в другом мире уже в зрелом состоянии.

В ритуале захоронения ребенка могильника Усть-Алейка-5 особая роль, несомненно, была отведена болотному луню (встречено более 20 костей от одной особи) и сурку (четыре нижние челюсти от разных особей). Болотный, или камышовый, лунь (*Circus aeruginosus*) из отряда соколообразных, семейства ястребиных – самый крупный и ширококрылый из луней (с размахом крыльев от 1,1 до 1,42 м), обитатель берегов рек, озер, болот, покрытых зарослями тростника и рогоза [8. С. 113–115. Табл. 20]. Характерной особенностью болотного луня является территориальность и стремление удерживать за собой гнездовой участок.

Известны случаи гнездования пар луней на одних и тех же местах в течение 15–20 лет [9. С. 1353]. Такие поведенческие особенности болотного луня, как сильная привязанность к конкретному месту и охрана его от проникновений извне наверняка обращали на себя внимание древнего населения, проживавшего в местах обитания этих птиц. Не удивительно, что такой «страж» в птичьем воплощении стал спутником «будущего стража» в человеческом облики.

О различных проявлениях культа хищной птицы у сибирского населения писал Л.Я. Штернберг [10. С. 732–734]. Так, он приводит целый ряд примеров о связи хищных птиц с шаманизмом: о том, что орел/беркут (семейство ястребиные, к которым относятся и луни) был родоначальником шаманов / научил человека шаманить, являлся хранителем, покровителем, спутником и помощником шамана. Изображения орла и части тела орла (кости, перья, когти) украшали шаманский костюм. Само шаманское одеяние являлось изображением птицы, а длинная бахрома символизировала перья и крылья. Культ хищных птиц в целом является одним из универсальных и широко распространенных в рамках первобытной культуры. Однако на территории Северной Евразии в верхнем палеолите, неолите, энеолите широкое распространение получили образы водоплавающей, реже – боровой птицы. Свидетельства существования у сибирского населения представлений, связанных с хищными птицами, для эпох камня и бронзы единичны. Наличие в захоронениях отдельных целых или расколотых костей птиц или животных в ряде случаев можно интерпретировать как сопровождение умершего пищей или орудиями из костей / заготовками для их изготовления. Однако наличие в могиле ребенка из Усть-Алейки-5 костей целой особи хищной птицы – болотного луня – позволяет говорить о существовании именно культовой нагрузки, связанной с хищными птицами, отражающей мировоззрение местного населения.

Не менее интересно присутствие в могиле ребенка из Усть-Алейки-5 четырех нижних челюстей сурка – представителя отряда грызунов (*Rodentia*) семейства беличьи (*Sciuridae*). Виды сурков довольно разнообразны, но их поведенческие стратегии имеют много общего [11. С. 12–14]. Живут они небольшими колониями. Возможно, поэтому ребенка сопровождали четыре челюсти от разных особей как эквивалент группы животных. Сурки очень осторожны, и у них сильно развита зрительная и звуковая коммуникация. Как и болотные луни, они имеют очень хорошее зрение, позволяющее им издалека заметить опасность. Эта возможность усиливается расположением нор на участках, обеспечивающих наблюдение за местностью. Сурок-«часовой» обычно стоит на страже в высокой стойке и в случае опасности предупреждает своих сородичей (и других животных) громким свистом. Также вертикально в могиле расположили и ребенка. Его поза – тоже поза «стража».

Третье животное – соболь (*Martes zibellina*), представлено в захоронении только коронкой зуба. Однако некоторые черты его образа жизни в контексте рассматриваемого вопроса тоже весьма интересны. Это небольшое млекопитающее рода куниц, всеядное (но предпочитающее мясную пищу), активное в любое

время суток. Соболь ловкий и быстрый, уверенно чувствует себя на земле и на деревьях, умеет плавать. Живет он оседло, на небольшом участке (1,5–2 км²), который охраняет и оберегает от сородичей. На этой территории у него есть несколько постоянных и временных убежищ (в корнях, дуплах, валежнике, скалах) [12. С. 71–73].

Кости болотного луня, сурка и соболя – редкое сочетание в сопровождении умершего. Среди других находок они обнаружены в составе инвентаря могилы № 11 Фофановского могильника. Большинство захоронений некрополя одиночные, кроме № 11 (мужчина, женщина с искривлением позвоночника – горб, и ребенок) и № 12 (мужчина и подросток), и с малочисленным сопроводительным инвентарем или безинвентарные [13. С. 65]. Коллективное погребение № 1 сильно выделяется составом сопроводительного инвентаря – изображение головы лося, вкладышевое оружие, костяные «нож» и проколка, коготь медведя, коготь орла, украшения – кольца из кальцита у мужчины, подвески из зубов благородного оленя, более тысячи мелких бусин у детского костяка, клыки кабана, кости косули (?), сурка, соболя и др. [13. С. 237]. В «подголовной сумке» мужчины помимо прочего находилось большое количество заготовок (?) – расколотых трубчатых костей животных и птиц. Радиоуглеродная дата по костям – 6600 ± 100 л. н. [13. С. 59]. Всего в погребении № 11 определены 19 костей различных птиц: лебедь, кряква, черноголовый хохотун, орел, болотный лунь. Из них кости болотного луня (преимущественно фрагменты локтевых и лучевых) от разных особей – 12 экз. [13. С. 243, прил. 4]. С рассматриваемой могилы из Усть-Алейки-5 это захоронение сближает ряд признаков – использование охры, большое количество украшений у детей, подвески из зубов оленя, наличие индивидуумов с патологией, когтевая фаланга хищной птицы, кости болотного луня, сурка и соболя. Нахождение ряда из них в «подголовной сумке» в расколотом виде не исключает культовую нагрузку, учитывая избирательность использования костей определенного вида, в частности – преобладание среди костей птиц болотного луня.

К «атипичным» погребениям с признаками экстраординарной погребальной практики юга Западной Сибири кроме рассматриваемой могилы ребенка исследователи относят захоронение в Нижнетыткескенской пещере-1 (НТП-1) (Горный Алтай) и женское погребение могильника Заречное 1 (Восточное Присалаирье) [14. С. 22]. Черты сходства между погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и захоронением в Нижнетыткескенской пещере-1 (НТП-1) (Горный Алтай) уже отмечались в научной литературе [14. С. 22; 15. С. 27]. В контексте данной работы имеет смысл вновь обратиться к сравнительному анализу этих погребений, первоначально отметив, что погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и погребение в НТП-1 очень близки по времени или даже синхронны. В первой половине 1990-х гг. по костям человека из НТП-1 было получено пять радиоуглеродных дат: 5170 ± 40 лет (СОАН-2925), 5440 ± 105 л.н. (СОАН-2926), 5050 ± 45 лет (СОАН-2927), 5380 ± 175 л.н.

(СОАН-2928) и 5075 ± 35 л.н. (СОАН-2929) [16. С. 42]. В научной литературе уже отмечалось, что «при проведении анализов в лабораториях Санкт-Петербурга (Le) и Новосибирска (SOAN) не вносилась поправка на изотопное фракционирование. В современных AMS лабораториях эта поправка делается обязательно, и она обычно приводит к удревнению даты, что и наблюдается на материалах афанасьевской культуры Алтая» [17. С. 185]. Аналогичная ситуация прослеживается на материалах погребения в НТП-1. Прямая ускорительная масс-спектрометрия (AMS) 14C по зубам человека из НТП-1 выполнена в радиоуглеродной лаборатории в Центре археометрии Курта-Энгельхорна в Манхейме, Германия – 5528 ± 28 л.н. (MAMS-50153). Возраст 14C откалиброван с использованием набора данных IntCal2019 и программного обеспечения OxCal v4.4 и SwissCal 1.0 (L.Wacker, ETH Zürich) – 4445–4337 кал. до н. э. [18. Р. 1–11].

Стоит отметить, что при датировании погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 использовались образцы кости (каплевидные подвески), а погребение в НТП-1 датировано по костям человека. Как показывает практика, в подобных случаях реальный возраст погребений может расходиться с радиоуглеродным на несколько сотен лет. На данном этапе исследования можно констатировать, что погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и погребение в НТП-1 очень близки по времени или даже синхронны.

Анализ сопроводительного инвентаря в НТП-1 позволил исследователям сделать вывод о погребении шамана, который имел доступ и в верхний, и в нижний миры [16. С. 53]. В данном случае маркерами нижнего мира выступают нижние челюсти сусликов [16. С. 36] и рыболовные крючки [16. С. 53]; верхнего мира – обломки мелких трубчатых косточек птиц со следами обработки и скопление костяных основ когтей мелких хищных птиц – 23 экз. Жезл из метаподии задней конечности лося может выступать маркером среднего мира [16. С. 36].

Вполне вероятно, что в составе сопроводительного инвентаря погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 также реализована идея о трех мирах: верхнем (небесном), среднем (реальном) и нижнем (подземном). К нижнему – подземному – миру относят животных, которые делают норы под землей (сурки). К нему же относят все, что связано с водой (изделия из раковин). Птицы и все, что связано с ними, – это символы верхнего мира. Олени, которые по представлениям народов Сибири на рогах несут солнце – персонажи, которые могут относиться и к верхнему миру, и к среднему. Таким образом, четыре нижние челюсти сурка, подвески из раковин *Unio*, украшение из раковины морского моллюска *Tritia nitida* можно рассматривать как маркеры нижнего мира, кости болотного луня – верхнего, подвески из зубов марала – среднего.

Вместе с тем необходимо отметить, что предложенная интерпретация встреченных в могиле ребенка челюстей сурков не находит этнографических параллелей и пока является лишь предположением, возможны и другие объяснения предназначения этих находок. В погребальном инвентаре взрослых захоронений

неолитического времени кости сурков обычно представлены нижними челюстями или зубами [13. С. 56, 59, 65, 80, 237, 238, 240]. Такая же выборка наблюдается в детском погребении из Усть-Алейки-5, где встречены четыре нижние челюсти от разных сурков (три правые, четвертая не определена). На двух из них был отломан венечный отросток, по-видимому, преднамеренно. В совокупности эти характеристики позволяют сделать вывод, что челюсти сурков собирались и применялись не только в погребальном обряде. В жизни неолитического социума они могли иметь какое-то иное предназначение, например, использоваться как орудия труда или нести культовую нагрузку, не связанную с погребальной практикой. Для того, чтобы аргументированно предполагать, каким образом использовали челюсти сурков в неолитическое время, необходимы трасологические исследования.

Заключение

Как показывает анализ этнографической литературы [19. С. 413], у многих народов Сибири шаман рассматривался как «страж», который охраняет свою родовую территорию даже после смерти. В рамках данного исследования мы не будем вдаваться в полемику

о генезисе сибирского шаманизма, время появления которого в зависимости от привлекаемой доказательной базы у разных исследователей варьирует на сегодняшний день преимущественно в пределах периода неолита – бронзы [20. С. 89]. Остановимся на утверждении, что в неолитическую эпоху уже существовала категория людей, в силу некоторых особых качеств, занимавшихся ритуальной деятельностью в рамках представлений и верований отдельных групп населения, в том числе в качестве проводников, посредников и защитников [20. С. 91–92]. Присутствие в могиле ребенка из Усть-Алейки-5 костей болотного луня, сурков и зуба соболя можно интерпретировать как сопровождение его помощниками – «дозорными» и «стражами» из животного мира, которые должны были помогать будущему защитнику оберегать вверенную ему территорию. Всех перечисленных объединяет территориальный консерватизм – привязанность к постоянному месту обитания, защитное (болотный лунь и соболя) или предупредительное поведение (сурок). Вертикальное расположение и характер инвентаря позволяют рассматривать ребенка из погребения могильника Усть-Алейка-5 с позиции его соплеменников как будущего защитника – «стража», который по «мере взросления» в потустороннем мире будет охранять свою родовую территорию.

Список источников

1. Солодовников К.Н., Алексеева Е.А., Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Куфтерин В.В., Рыкун М.П., Слепцова А.В. Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 7–31. doi: 10.14258/nreug(2024)3–01
2. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Солодовников К.Н. Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 1. С. 48–56. doi: 10.17746/1563-0102.2022.50.1.048-056
3. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Толпеко И.В. Раковина азово-черноморского моллюска *Trytia nitida* в неолитическом погребении ребенка могильника Усть-Алейка 5 (Барнаульское Приобье) // От Подонья до Памира: вопросы изучения неолита. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 11–12.
4. Зах В.А. Вертикальные захоронения Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 82–92. doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-82-92
5. Cristiani E., Borić D. 8500-year-old Late Mesolithic garment embroidery from Vlasac (Serbia): Technological, use-wear and residue analyses // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. P. 3450–3468.
6. Laporte L., Dupont C. Personal Adornments and Objects of Ornamentation: Two Case Studies From Hunter-Gatherer Burials in France (La Vergne) and Argentina (Arroyo Seco II) // PaleoAnthropology. 2019. P. 156–176.
7. Грачёва Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX века). Л. : Наука, 1983. 173 с.
8. Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири : справочник-определитель. 3-е изд. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. 634 с.
9. Спиридонов С.Н. Болотный лунь *Circus aeruginosus* на антропогенных водоемах Мордовии // Русский орнитологический журнал. 2018. Т. 27. Экспресс-выпуск. № 1583. С. 1350–1354.
10. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР. Т. 5, вып. 2. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1925. С. 717–740.
11. Бибииков Д. Повадки сурков // Охота и охотничье хозяйство. 1985. № 1. С. 12–14.
12. Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1988. 160 с.
13. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.
14. Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации). Кемерово, 2014. 33 с.
15. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 294 с.
16. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. 150 с.
17. Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.
18. Wang K., Yu H., Radzевичute R., Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Frolov Y.V., Stepanova N.F., Kiryushin K.Yu., Kungurov A.L., Shnaider S.V., Tur S.S., Tiunov M.P., Zubova A.V., Pevzner M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong Ch., Krause J., Posth C. Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pools throughout North Asia // Current Biology. 2023. No. 33. P. 1–11. doi: 10.1016/j.cub.2022.11.062
19. Якутские мифы / сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск : Наука, 2004. 451 с.
20. Кубарев В.Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. 2001. № 6. С. 89–107.

References

1. Solodovnikov, K.N., Alekseeva, E.A., Borodaev, V.B., Kiryushin, K.Yu., Kufterin, V.V., Rykun, M.P. & Sleptsova, A.V. (2024) Kompleksnyy paleoantropologicheskiy analiz skeleta rebenka iz neoliticheskogo pogrebeniya Ust'-Aleyka-5 v Barnaul'skom Priob'e [Comprehensive Paleanthropological Analysis of a Child's Skeleton from the Neolithic Burial Ust'-Aleyka-5 in the Barnaul Ob Region]. *Narody i religii Evrazii*. 29 (3). pp. 7–31. doi: 10.14258/nreur(2024)3–01
2. Borodaev, V.B., Kiryushin, K.Yu., Kuzmenkin, D.V. & Solodovnikov, K.N. (2022) Ukrasheniya iz rakovin molyuskov roda Unio v neoliticheskom pogrebenii mogil'nika Ust'-Aleyka-5 (Barnaul'skoe Priob'e) [Ornaments Made from Shells of the Mollusk Genus Unio from the Neolithic Burial of the Ust'-Aleyka-5 Cemetery (Barnaul Ob Region)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 50 (1). pp. 48–56. doi: 10.17746/1563-0102.2022.50.1.048-056
3. Borodaev, V.B., Kiryushin, K.Yu., Kuzmenkin, D.V. & Tolpeko, I.V. (2023) Rakovina azovo-chernomorskogo molyuska Trytia nitida v neoliticheskom pogrebenii mogil'nika Ust'-Aleyka 5 (Barnaul'skoe Priob'e) [A Shell of the Azov-Black Sea Mollusk Tritia nitida in the Neolithic Child Burial of the Ust'-Aleyka-5 Cemetery (Barnaul Ob Region)]. In: *Ot Podon'ya do Pamira: voprosy izucheniya neolita* [From the Don Region to the Pamirs: Issues in Neolithic Studies]. Novosibirsk: IAE SB RAS. pp. 11–12.
4. Zakh, V.A. (2023) Vertikal'nye zakhoroneniya Severnoy Evrazii [Vertical Burials of Northern Eurasia]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (80). pp. 82–92. doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-82-92
5. Cristiani, E. & Borić, D. (2012) 8500-year-old Late Mesolithic garment embroidery from Vlasac (Serbia): Technological, use-wear and residue analyses. *Journal of Archaeological Science*. 39. pp. 3450–3468.
6. Laporte, L. & Dupont, C. (2019) Personal Adornments and Objects of Ornamentation: Two Case Studies From Hunter-Gatherer Burials in France (La Vergne) and Argentina (Arroyo Seco II). *PaleoAnthropology*. pp. 156–176.
7. Gracheva, G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taimyra (na materialakh nganasan XIX – nachala XX veka)* [The Traditional Worldview of the Taimyr Hunters (Based on 19th – Early 20th Century Nganasan Materials)]. Leningrad: Nauka.
8. Ryabtsev, V.K. (2008) *Ptitsy Urala, Priural'ya i Zapadnoy Sibiri: spravochnik-opredelitel'* [Birds of the Urals, the Urals Region and Western Siberia: A Reference Guide]. 3rd edition. Yekaterinburg: Ural University.
9. Spiridonov, S.N. (2018) Bolotnyy lun' Circus aeruginosus na antropogennykh vodoemakh Mordovii [Western Marsh Harrier Circus aeruginosus at Artificial Water Bodies in Mordovia]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal*. 27. Express Issue 1583. pp. 1350–1354.
10. Shternberg, L.Ya. (1925) Kul't orla u sibirskikh narodov (Etyud po sravnitel'nomu fol'kloru) [The Eagle Cult Among Siberian Peoples (An Essay in Comparative Folklore)]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo pri AN SSSR* [Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography at the USSR Academy of Sciences]. 5 (2). Leningrad: USSR AS. pp. 717–740.
11. Bibikov, D. (1985) Povadki surkov [Habits of Marmots]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 1. pp. 12–14.
12. Sobanskiy, G.G. (1988) *Promyslovye zveri Gornogo Altaya* [Game Animals of the Altai Mountains]. Novosibirsk: Nauka.
13. Lbova, L.V., Zhambaltarova, E.D. & Konev, V.P. (2008) *Pogrebal'nye komplekсы neolita – rannego bronzovogo veka Zabaykal'ya (formirovaniye arkhetyпов pervobytnoy kul'tury)* [Burial Complexes of the Neolithic – Early Bronze Age in Transbaikalia (Formation of Archetypes of Primitive Culture)]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
14. Marochkin, A.G. (2014) *Pogrebal'naya praktika naseleniya Verkhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (Istoriya izucheniya, strukturnyy analiz i tipologiya, problemy kul'turno-khronologicheskoy interpretatsii)* [Burial Practice of the Population of the Upper Ob Region in the Neolithic and Eneolithic Periods (History of Study, Structural Analysis and Typology, Problems of Cultural-Chronological Interpretation)]. Kemerovo.
15. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [The Eneolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
16. Kiryushin, Yu.F., Kungurov, A.L. & Stepanova, N.F. (1995) *Arkheologiya Nizhnetyteskenskoy peshchery I* [Archaeology of the Nizhnetytesken Cave I]. Barnaul: Altai State University.
17. Polyakov, A.V., Svyatko, S.V. & Stepanova, N.F. (2019) Problema radiouglerodnoy khronologii afanas'evskoy kul'tury i novye dannye [The Problem of the Radiocarbon Chronology of the Afanasievo Culture and New Data]. In: *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of Early Bronze Age Cultures in the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eurasia: Pathways of Cultural Interaction in the 5th–3rd Millennia BC]. Orenburg: OGPU. pp. 181–187.
18. Wang, K. et al. (2023) Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pools throughout North Asia. *Current Biology*. 33. pp. 1–11. doi: 10.1016/j.cub.2022.11.062
19. Alekseev, N.A. (2004) *Yakutskie mify* [Yakut Myths]. Novosibirsk: Nauka.
20. Kubarev, V.D. (2001) Shamanistskie syuzhety v petroglifakh i pogrebal'nykh rospisyakh Altaya [Shamanic Plots in the Petroglyphs and Burial Paintings of Altai]. *Drevnosti Altaya*. 6. pp. 89–107.

Информация об авторах:

Кирюшин К.Ю. – канд. ист. наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Бородаев В.Б. – ведущий специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: borodaev_vb@altspu.ru

Толпеко И.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: itolpeko@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.Yu. Kiryushin, Cand. Sci. (History), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

V.B. Borodaev, leading expert, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: borodaev_vb@altspu.ru

I.V. Tolpeko, Cand. Sci. (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: itolpeko@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024;
одобрена после рецензирования 07.12.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 08.10.2024;
approved after reviewing 07.12.2024; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 902:378.4 (571.16)
doi: 10.17223/15617793/514/10

Истоки и этапы формирования научной археологической школы в Томске*

Людмила Юрьевна Китова¹, Владимир Юрьевич Ганенко²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ lyudmila.kitova@mail.ru

² vova.ganenok.96@mail.ru

Аннотация. Освещена история становления и развития научной археологической школы в ТГУ. Выявлено, что в Томске дважды, в начале 1920-х и в конце 1940-х гг., складывались благоприятные для ее формирования условия, но внешние обстоятельства помешали этому процессу. Установлено, что только в период деятельности В.И. Матющенко все факторы создания научной школы сложились, а он стал ее лидером. Расцвет этой школы приходится на первую половину 1970-х гг. Определено, что научная школа Л.А. Чиндиной сохранила традиции предшествующей, развивалась с 1976 г. до конца 2000-х гг. В современный период идет становление новой археологической школы во главе с М.П. Чёрной.

Ключевые слова: археология, научная школа, Томский университет, В.И. Матющенко, Л.А. Чиндина, М.П. Чёрная

Для цитирования: Китова Л.Ю., Ганенко В.Ю. Истоки и этапы формирования научной археологической школы в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 88–94. doi: 10.17223/15617793/514/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/10

Origins and stages of the formation of a scientific archaeological school in Tomsk

Lyudmila Yu. Kitova¹, Vladimir Yu. Ganenok²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ lyudmila.kitova@mail.ru

² vova.ganenok.96@mail.ru

Abstract. The article deals with the history of the formation and development of a scientific archaeological school at Tomsk State University (TSU). The authors identify the origins and stages of its preparatory period. It was found that the first stage has a chronological framework of 1882–1922; the second one covers the period of 1940–1968. The study revealed that favorable conditions for the formation of a scientific school in archaeology in Tomsk were formed twice, in the early 1920s and late 1940s, but external circumstances hindered this process. It was not until V.I. Matyushchenko graduated from TSU in 1953 when conditions for the creation of a scientific archaeological school emerged again. Matyushchenko became the head of the university's museum of archaeology and ethnography, resumed the activities of the archaeological club, organized field archaeological research, defended his PhD thesis in archaeology, and developed a broad research program to uncover the ancient history of the forest and forest-steppe Ob region. Matyushchenko rallied young researchers around himself acting as the leader of the archaeological team. He was one of the initiators of the creation of the Problem Research Laboratory of History, Archaeology and Ethnography of Siberia (PRL IAES), and suggested holding the West Siberian Archaeological Conferences (WSAC). The heyday of this school fell on the first half of the 1970s. Nevertheless, Matyushchenko was not satisfied with his position and the work of the PRL IAES, and when he was offered to head the Department of Prehistoric Culture at the newly opened university in Omsk, he moved there in 1976. Matyushchenko's student L.A. Chindina was the successor of his ideas in the research on all periods of the ancient unwritten history of the Ob region's population. In 1976, she headed the Archaeology and Ethnography sector of the PRL IAES and proposed her own research programme. In 1986, she defended her doctoral dissertation and headed the student research laboratory (SRL) "Archaeologist". Under the challenging socio-economic conditions of the 1990s, the establishment of the Department of Archaeology and Local History at TSU in 1991 provided the scaffolding for the scientific archaeological school under Chindina. This school, which was developing from 1976 to the late 2000s, adopted the main feature of the previous one as it was based on broad interdisciplinary research. Currently, a new archaeological school is being formed under M.P. Chernaya.

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Keywords: archaeology, scientific school, Tomsk University, V.I. Matyushchenko, L.A. Chindina, M.P. Chernaya

For citation: Kitova, L.Yu. & Ganenok, V.Yu. (2025) Origins and stages of the formation of a scientific archaeological school in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 88–94. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/10

Введение

Одна из магистральных задач современной отечественной науки – достижение передовых рубежей мировых знаний. По представлению руководства страны, да и научного сообщества создание научных школ считается перспективным для решения подобных задач. Государство старается поддерживать научные школы грантами, национальными проектами. Однако история любой науки показывает, что научные школы создавались и до поддержки их государством, содействие последнего не является необходимым фактором формирования научной школы.

Теоретическая база исследования

В теории археологии существует уже целая серия публикаций, определяющих критерии создания научных школ, среди которых особое значение имеют работы О.М. Мельниковой [1, 2]. Авторы статьи также внесли вклад в разработку теоретических проблем сибирских археологических школ [3–5 и др.]. На наш взгляд, «основой для их формирования были следующие факторы: появления лидера, который вокруг себя объединял учеников, разработка исследовательской программы, над которой трудились разные поколения ученых, сплоченных этим лидером, воспитание и подготовка кадров участниками этого научного коллектива. Безусловно, для развития научной школы необходима поддержка государства, но это было далеко не всегда. Тем не менее история науки показывает, что в XIX–XX вв. важна была научно-образовательная ситуация, на фоне которой будет формироваться научная школа. И Томск этому яркий пример» [6].

Результаты исследования

Благодаря принятию правительством Российской империи решения об основании университета в Томске в 1878 г. в городе стараниями попечителя Западно-Сибирского учебного округа, профессора Казанского университета В.М. Флоринского появился университетский музей археологии и этнографии в 1882 г., который на долгие годы объединил археологов Томска, а иногда и всей Западной Сибири. Музей не стал исключительно хранилищем археологических артефактов, но и служил пространством, где общались преподаватели и студенты, проходили занятия по археологии и этнографии, собрания археологического кружка, что давало возможность привить молодому поколению интерес к археологии.

В докладе на Западносибирской археолого-этнографической конференции (2024) нами было отмечено, что «в Томске был длительный период формирования предпосылок для создания археологической школы,

несколько раз складывались благоприятные образованию научного коллектива условия, которые, к сожалению, устранялись извне» [6]. Нами определен «первый период – 1882–1968 гг. как предтеча возникновения научной археологической школы. В этом периоде можно выделить два этапа: 1) 1882–1922-е гг. и 2) 1940–1968 гг.» [6].

Первый этап характеризуется накоплением археологических источников и становлением музея археологии и этнографии Томского университета. Томские исследователи не просто проводили археологические разведки и раскопки, но и предлагали новые методы изучения древних памятников. Так, библиотекарь университета С.К. Кузнецов при раскопках Томского могильника впервые использовал более совершенный метод исследования могильных ям: «снимать землю тончайшими слоями горизонтально...», затем каждый слой земли просеивать изобретенным им решето из кровельного железного листа. На другой сезон железный лист им был заменен на телячью сыромятную кожу, которая натягивалась на обруч [7. Л. 20, 22–23]. А.В. Адрианов систематизировал ряд археологических коллекций университетского музея и составил описи артефактов. Современные исследователи особо отмечают его качественную работу по изготовлению эстампажей наскальных изображений, обнаруженных им по берегам Енисея и его притоков, затопленных ныне Красноярским водохранилищем. Профессором-зоологом университета Н.Ф. Кашенко в 1896 г. при изучении Томской палеолитической стоянки была применена новая методика планиграфических раскопок поселения.

С открытием историко-филологического факультета (ИФФ) в Томском университете в 1917 г. и эвакуацией преподавателей из Казанского и Пермского университетов в годы Гражданской войны формируется профессионально-образовательное пространство, необходимое для функционирования научной школы [6]. Впервые в ТГУ работают профессиональные археологи, и опять складываются предпосылки для создания научной школы [8. С. 31–51]. Долговременными задачами отличается научная программа С.А. Теплоухова по разработке классификации культур Минусинского края, который совершил первые археологические открытия, работая в ТГУ, и привлек к исследовательскому процессу студентов [9. Л. 61–65]. Однако на роль лидера С.А. Теплоухов не годился, лидером по своим организаторским способностям был С.И. Руденко, но он недолго руководил кафедрой географии, а затем физико-математическим факультетом ТГУ, в конце 1921 г. исследователь был приглашен в Петроградский университет и покинул Томск. Отсутствие средств в государстве и желание подчинить высшее образование в стране марксистской идеологии привели к ликвидации исторического образования. Повсеместно, в том числе и в ТГУ, открываются факультеты

общественных наук (ФОН). Но средств на образование опять не хватало, и в 1922 г. ФОН в ТГУ были закрыты, а археологи уехали в Петроград и Казань. Соответственно и научная археологическая школа за непродолжительное время не сложилась.

Второй этап подготовительного периода начинается в 1940 г. «В 1940-е гг. образовались благоприятные условия для создания археологической школы в Томске: в 1940 г. был открыт исторический факультет в ТГУ; в Томск были переведены спецпереселенцы археолог-антиковед К.Э. Гриневич в 1940 г. и лингвист А.П. Дульзон в 1941 г.; К.Э. Гриневичем была налажена деятельность студенческого археологического кружка, работа аспирантуры по археологии; К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон начали с 1944 г. планомерные археологические исследования в регионе. Однако очередная попытка создать долговременный, работоспособный коллектив не увенчалась успехом. Лидер коллектива К.Э. Гриневич был уволен в 1948 г. из ТГУ и уехал из Томска» [6].

После отъезда Гриневича Е.М. Пеняев руководил работой археологического кружка, старостой которого был В.И. Матющенко. Именно последний после окончания в 1953 г. ТГУ стал заведовать музеем истории материальной культуры (МИМК, бывший музей археологии и этнографии), возродил деятельность кружка, руководил археологическими изысканиями в регионе, пробуждал интерес студентов к археологии не только на лекциях и семинарах, но и в археологических экспедициях. В 1960 г. В.И. Матющенко первым среди сибиряков защитил кандидатскую диссертацию по археологии «Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи». Он воспитал целую плеяду талантливых учеников, связавших свою жизнь с наукой [4. С. 7–19], поставил задачу изучить памятники Среднего и Верхнего Приобья от эпохи камня до Средневековья включительно и создать древнюю историю региона на основе вещественных источников. Томское и Нарымское Приобье отличалось слабой изученностью в отличие от Минусинской котловины и Забайкалья. В. И. Матющенко и его ученики восполнили этот пробел. Л.А. Чиндина и Л.М. Плетнёва окончили ТГУ (в 1959 и 1960 г. соответственно) и вскоре начали работать в МИМК ТГУ; появились следующие ученики. Именно научная, педагогическая и организационная деятельность В.И. Матющенко способствовала созданию научной археологической школы. Однако наряду с тем, что в Томске на протяжении 1880–1960-х гг. было создано научно-образовательное пространство, благоприятное для формирования школы, и даже появился лидер в лице В.И. Матющенко, объединяющий вокруг себя учеников, наличие широкого круга авторитетных ученых-историков ТГУ, на наш взгляд, размывало возможность усиления позиции лидера-археолога и укрепления его положения официально.

В противоположность Томску в Кемерово в эти же годы не было университета и не было музея археологии, но там работал молодой ученый А.И. Мартынов, а поддержка его идей ректоратом местного пединститута обеспечила открытие в 1963 г. при кафедре истории лаборатории археологических исследований и

дала дополнительные ставки для занятия археологией. Правда, попытка превращения этой маленькой лаборатории в 1965–1968 гг. в проблемную научно-исследовательскую не была поддержана Министерством просвещения РСФСР. Вроде бы министр А.И. Данилов сначала не отказывал в ее организации, но потом эта хорошая идея была реализована в Томске [5. С. 204–205]. Возможно, что министр помог своим бывшим коллегам по ТГУ создать проблемную лабораторию, так как создание кафедры археологии в ТГУ не увенчалось успехом.

В 1962 г. под руководством З.Я. Бояршиновой в ТГУ была образована кафедра археологии, этнографии и истории Сибири, но в 1965 г. она была закрыта. Тем не менее в этот период на ИФФ ТГУ появились специализации по археологии и этнографии, была открыта аспирантура по археологии [4. С. 12].

Верхняя граница второго этапа подготовительного периода создания научной археологической школы в ТГУ – 1968 г. Дата обусловлена открытием Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) при Томском университете и ростом археологических исследований, предпринятых В.И. Матющенко и его учениками в Западной Сибири. Владимир Иванович приобрел значительный вес в научных кругах, сплотил вокруг себя молодых сотрудников и студентов. Именно им было предложено создание Проблемной лаборатории по археологии, но инициативу перехватили историки, и В.И. Матющенко вспоминал, «с большим трудом удалось сохранить в структуре лаборатории археологическое и этнографическое направление» [10. С. 27]. Он возглавил сектор археологии и этнографии ПНИЛ ИАЭС. С открытием лаборатории «появилась возможность для целенаправленного, многопланового интенсивного развития научных археологических исследований Сибири» [11. С. 17].

Необходимо отметить, что широкое использование данных этнографии, антропологии, лингвистики, а в последующем при Л.А. Чиндиной и естественных наук – это особенность научной археологической школы в Томске. Эта специфика формируется не случайно. Еще С.И. Руденко и С.А. Теплоухов, будучи в Томске, считали необходимым вести палеоэтнологические исследования, которые бы объединяли археологию, этнологию, антропологию. Затем А.П. Дульзон использовал данные лингвистики и этнографии для осмысления археологических артефактов. И В.И. Матющенко хорошо понимал ценность такого тандема и поддерживал идеи предшественников. Тем не менее возглавил ПНИЛ ИАЭС не археолог В.И. Матющенко, а историк А.П. Бородавкин. Возможно, сыграли злую шутку прямолинейность и эмоциональность Владимира Ивановича.

В конце 1960-х гг. связали свою судьбу с археологией молодые исследователи В.А. Посредников, В.Д. Славнин, Ю.Ф. Кирюшин, М.В. Аникович и др. В первой половине 1970-х гг. прошла целая серия защит диссертаций, хронологически охватывающая период от неолита до раннего Средневековья включительно: кандидатские диссертации «Нарымско-Томское Приобье в середине I тыс. н. э.» Л.А. Чиндиной в

1971 г., «История еловского населения Среднего и Верхнего Приобья (эпоха поздней бронзы)» В.А. Посредникова в 1973 г., «Томское Приобье в эпоху раннего железа» Л.М. Плетнёвой в 1974 г.; в докторской диссертации «Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)» (1974) В.И. Матющенко обобщил материалы 20 лет исследования региона.

Одним из существенных факторов создания научной археологической школы при ТГУ стало проведение Западносибирских археологических совещаний (ЗСАС), которые были направлены на разработку вопросов методологии и методики археологии, координацию археологических исследований в регионе и обсуждение их результатов [12].

Таким образом, в первой половине 1970-х гг. при ТГУ была создана научная археологическая школа во главе с В.И. Матющенко. Формировалась она примерно 20 лет, и пик ее развития пришелся на первую половину 1970-х гг. Кроме того, для складывания научной школы в ТГУ большое значение имела деятельность предшественников конца XIX – первой половины XX в., организация музея археологии и собрание археологических коллекций. Тем не менее лидер научной школы В.И. Матющенко был недоволен нестабильной ситуацией в ПНИЛ ИАЭС, не верил в возможности комплексных исследований в ней, о чем указывал в письме к М.В. Аниковичу [4. С. 14–15]. В Омске открывался университет, и в 1976 г. лидер археологической школы уехал туда в надежде на новые возможности. Выпускников ТГУ активно приглашали в вузы Западной Сибири. В.А. Посредников, В.Д. Славнин, Ю.Ф. Кирюшин уедут в Барнаул в открытый там университет. М.В. Аникович после окончания аспирантуры останется в Ленинграде. В 1975 г. В.И. Матющенко попросит А.И. Мартынова взять на только что открытую кафедру археологии Кемеровского университета своего выпускника Н.М. Зинякова.

Любая научная школа переживает отдельные фазы своего развития. Она как живой организм сначала набирает силу, потом достигает пика своего развития, а затем процесс идет на спад. Видимо, нужны новые люди, новые идеи и новый лидер. Кроме того, в научной школе трудно ужиться нескольким лидерам даже с одной исследовательской программой. Ученики начинают расти, развиваться в научном плане и могут не соглашаться с лидером. Так, не все ученики В.И. Матющенко поддерживали взгляды своего учителя. Е.А. Васильев на ЗСАЭК-2024 предложил в дискуссии обсудить вопрос о том, можно ли считать научной школой сообщество исследователей, если не все ученики следуют идеям учителя. На наш взгляд, роль отдельных, «несогласных» учеников может не носить стремительного разрушительного характера для школы, но «оппозиционеры» могут повлиять на срок существования школы, на ее преемственность.

После отъезда В.И. Матющенко в Омск Л.А. Чиндина возглавила сектор археологии и этнографии ПНИЛ ИАЭС ТГУ, она – истинный последователь своего учителя и в идеях, и в организации Западно-Сибирских археологических совещаний (ЗСАС), которые

при ней в 1978 г. приобрели статус и этнографических (ЗСАЭС).

Одним из первых под руководством Л.А. Чиндиной защитил кандидатскую диссертацию «Бронзовый век Васюганья» Ю.Ф. Кирюшин в 1977 г.

Л.А. Чиндина, как и В.И. Матющенко, стала не только лидером, который обладает знаниями, опытом, организаторскими способностями, достаточными для скоординированной деятельности своих последователей, но она и серьезнейший кабинетный ученый, и неутомимый археолог-полевик. На протяжении 50 лет она руководила Нарымской археологической экспедицией ТГУ. Одним из блестящих археологических комплексов, который Л.А. Чиндина исследовала в течение 20 лет, был Малгет в Колпашевском районе Томской области. Благодаря изысканиям на этом многослойном памятнике она воссоздала историю народов Среднего Приобья на протяжении 5 тысяч лет: с эпохи неолита – III тыс. до н. э., до развитого железного века – XVII в. н. э.

Научные работы Л.А. Чиндиной по кулайской и рёлкинской культурам считаются базисом сибирской археологии [13–15 и др.]. Она рассмотрела вопросы происхождения, историко-культурные связи кулайцев и рёлкинцев, миграционные процессы в Сибири и их последствия. На основе анализа вещественных источников ею были реконструированы социально-экономические отношения в V в. до н. э. – IX в. н. э., религиозные верования рёлкинцев и определена их этническая принадлежность.

По сути, Л.А. Чиндина является продолжателем идей В.И. Матющенко о том, что археолог – это историк, изучающий бесписьменные народы, и он обязан воссоздавать по вещественным данным древнюю историю. Если Владимир Иванович в первую очередь изучал проблемы неолита и бронзового века Среднего Приобья, то Людмила Александровна – культурно-исторические процессы, происходившие в раннем железном веке и Средневековье. Такую задачу ставил перед своими учениками В.И. Матющенко: восстановить разные периоды древней истории региона. В 1986 г. Л.А. Чиндина защитила докторскую диссертацию на тему «История Среднего Приобья в V в. до н. э. – IX в. н. э.» [16].

Историко-культурная концепция Л.А. Чиндиной стала определенной исследовательской программой для ее учеников и послужила фундаментом для неформального возникновения и сплочения научного коллектива. На это ясно указывает тематика докторских и кандидатских диссертаций, защищенных под ее руководством [17], а также долговременное руководство ею студенческой научно-исследовательской лабораторией (СНИЛ) «Археолог», созданной в 1986 г.

Тем не менее необходимо отметить, что коллеги-археологи ТГУ занимались разработкой научных проблем, не связанных с исследованиями лидера школы. В круг интересов Е.А. Васильева в первую очередь входили каменный и бронзовый века северотаежного Приобья. В 1989 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья» под руководством М. Ф. Косарева [18]. М.П. Чёрная начала заниматься изучением

сибирского русского города, в первую очередь Томского кремля и в 1999 г. также защитила кандидатскую диссертацию «Томский кремль середины XVII–XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации» [19].

В 1991 г. в ТГУ открывается кафедра археологии и исторического краеведения под руководством профессора А.Т. Топчия, который исследовал историю сибирского крестьянства и казачества в пореформенный период XIX в. Из археологов на кафедре работают три человека на 2,5 ставки (Л.А. Чиндина, Е.А. Васильев, М.П. Черная). Конечно, открытие специализированной кафедры поддержало существование научной школы под руководством Л.А. Чиндиной в 1990-е гг. Она вместе со своими учениками и единомышленниками активно участвовала в крупных федеральных целевых программах и в грантах. Несмотря на трудности экономического порядка, в ТГУ начали развиваться новые направления исследований [20. С. 218–222].

Одной из особенностей развития археологии в университете стало то, что из-за наличия ПНИЛ ИАЭС на специализированной кафедре никогда не работало большое количество преподавателей-археологов. Этим принципиально кафедра ТГУ отличается от кафедр археологии КемГУ и подобной кафедры АлтГУ. Кроме кафедры археологии и исторического краеведения, Проблемной лаборатории и музея археологии и этнографии ТГУ археологи в Томске трудятся и в Томском педагогическом университете, и в областном краеведческом музее. В целом в Томске существует большое, разностороннее по научным интересам сообщество исследователей-археологов, но кафедра археологии и исторического краеведения ТГУ как организационная структура для развития научной археологической школы уступает по численности своим «собратьям» по Сибири. Оптимизация преподавательского состава не поощадила археологов из ТГУ, на сегодняшний день на кафедре осталось 1,5 ставки преподавателей-археологов. Тем не менее какие бы перипетии не происходили, преподаватели-археологи кафедры активно участвуют в полевых исследованиях, публикуют новые материалы, не прекращают находить междисциплинарные интересные темы для проведения традиционных Западно-сибирских археолого-этнографических конференций. Более того, кафедрой археологии и исторического краеведения ТГУ впервые стали заведовать археологи: с 2009 по 2018 г. (с небольшим перерывом) – Е.А. Васильев, с декабря 2018 г. по настоящее время – М.П. Чёрная. Под руководством Марии Петровны успешно развивается новое направление исследований в ТГУ – археология русского города Сибири [21–23 и др.]. Как преемник школ В.И. Матющенко и Л.А. Чиндиной она справедливо считает, что русская

археология Сибири, «раскрывая историческую подоплеку событий и процессов, скрытую в овеществленных остатках прошлого... обнажает свою историческую сущность» [24. С. 18]. Работоспособность и инициатива М.П. Чёрной выводят ее на позиции лидера археологической школы ТГУ. Она получила поддержку и от Института археологии и этнографии СО РАН в организации лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири ТГУ – ИАЭТ СО РАН, которой заведует с 2016 г. В 2019 г. М.П. Чёрная была назначена директором НОЦ «Институт археологии, этнографии и физической археологии» ТГУ.

В современном науковедении в представлении о научных школах отходят от обозначения их городами или научными учреждениями. В первую очередь их создает ученый – харизматическая личность, лидер по своим качествам, предлагающий исследовательскую программу, которая должна объединить коллег и привлечь учеников. В развитии научной археологической школы в ТГУ был некий перерыв на рубеже 2000–2010-х гг., который, на наш взгляд, завершается созданием новой школы под руководством профессора М.П. Чёрной. Активный лидер есть, исследовательская программа по изучению русского города предложена, структурные подразделения, в рамках которых уже осуществляется эта программа самой М.П. Чёрной, ее аспирантами и студентами, созданы. Нужны защиты кандидатских диссертаций по заявленной исследовательской программе и поддержка администрации ТГУ.

Заключение

Томск, имея университет, а в нем музей археологии и этнографии, в конце XIX – первой половине XX в. обладал преференциями в развитии археологии перед другими городами Сибири. Определенный вклад в будущее создание школы внесли С.И. Руденко и С.А. Теплоухов, К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон. Однако только при В.И. Матющенко будет создана научная археологическая школа, расцвет которой придется на первую половину 1970-х гг. После отъезда В.И. Матющенко традиции археологической школы в ТГУ поддерживала Л.А. Чиндина. Научная школа с новой исследовательской программой развивалась под её руководством с 1976 г. до конца 2000-х гг. Затем в силу объективных обстоятельств Л.А. Чиндина отошла от руководства школой. В настоящий момент идет создание школы под руководством М.П. Чёрной.

Томский государственный университет – один из флагманов высшего образования в Сибири, и мы надеемся, что новая археологическая школа будет длительно и плодотворно развиваться.

Список источников

1. Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск : УдГУ, 2003. 194 с.
2. Мельникова О.М. Научные школы в археологии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск : УдГУ, 2004. 56 с.
3. Китова Л.Ю., Исмаиловой Э.Р. Критерии определения научной школы (на примере кемеровской археологической школы) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 24–26.
4. Ганенко В.Ю., Китова Л.Ю. Томская научная археологическая школа. Период формирования // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 7–19.

5. Китова Л.Ю., Ганенок В.Ю., Исмайллова Э.Р. Научная археологическая школа А.И. Мартынова: начало формирования // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 197–212.
6. Китова Л.Ю., Ганенок В.Ю. Истоки и этапы формирования научной археологической школы в Томске // Краткие материалы XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий» (2024 г., Томск, Россия). URL: <http://zsack.tsu.ru/sites/default/files/>
7. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 132. Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках С.К. Кузнецова на курганном кладбище на р. Яя. 66 л.
8. Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007.
9. Государственный архив Томской области. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Отчет географо-антропологической экспедиции в Енисейскую губернию преподавателя С.А. Теплоухова. Л. 61–65.
10. Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. Т. II. 173 с.
11. Чиндина Л.А. Тридцатилетний этап археологии Томского университета // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 17–24.
12. Китова Л.Ю., Ганенок В.Ю., Исмайллова Э.Р. Археологические конференции как эффективная форма научной коммуникации (сравнительный анализ двух периодических форумов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 5–14. doi: 10.17223/19988613/68/1
13. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
14. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
15. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
16. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в V в. до н. э. – IX в. н. э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1985. 38 с.
17. Диссертации, написанные под руководством Л.А. Чиндиной // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: Сборник, посвященный юбилею Л.А. Чиндиной. Томск : Изд-во Аграф-Пресс, 2009. С. 33.
18. Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и североазиатского Приобья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.
19. Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1999. 20 с.
20. Чиндина Л.А. Археологическое направление исторического факультета ТГУ // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология». 2004. № 281. С. 218–223.
21. Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в. Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
22. Черная М.П. Русский город Сибири конца XVI – XVIII в. в археолого-исторической ретроспективе : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2007. 42 с.
23. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Издательский дом «Д-Принт», 2015. 276 с.
24. Черная М.П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 5–26.

References

1. Mel'nikova, O.M. (2003) *Sverdlovskaya nauchnaya arkheologicheskaya shkola V.F. Geninga (1960–1974 gg.)* [The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V.F. Gening (1960–1974)]. Izhevsk: Udmurt State University.
2. Mel'nikova, O.M. (2004) *Nauchnye shkoly v arkheologii* [Scientific Schools in Archaeology]. Abstract of History Dr. Diss. Izhevsk: Udmurt State University.
3. Kitova, L.Yu. & Ismaylyova, E.R. (2013) Kriterii opredeleniya nauchnoy shkoly (na primere kemerovskoy arkheologicheskoy shkoly) [Criteria for Defining a Scientific School (Using the Example of the Kemerovo Archaeological School)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii: sb. nauch. st.* [Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology: Collection of Scientific Articles]. Barnaul: Altai State University. pp. 24–26.
4. Ganenok, V.Yu. & Kitova, L.Yu. (2020) Tomskaya nauchnaya arkheologicheskaya shkola. Period formirovaniya [The Tomsk Scientific Archaeological School. The Period of Formation]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 4 (32). pp. 7–19.
5. Kitova, L.Yu., Ganenok, V.Yu. & Ismaylyova, E.R. (2023) Nauchnaya arkheologicheskaya shkola A.I. Martynova: nachalo formirovaniya [The A.I. Martynov Scientific Archaeological School: The Beginning of Its Formation]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 35 (1). pp. 197–212.
6. Kitova, L.Yu. & Ganenok, V.Yu. (2024) Istoki i etapy formirovaniya nauchnoy arkheologicheskoy shkoly v Tomske [The Origins and Stages of Formation of the Scientific Archaeological School in Tomsk]. In: *Kratkie materialy XIX Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii: "Istoricheskiy opyt etnokul'turnogo osvoeniya prostranstv Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy"* [Brief Materials of the 19th International West Siberian Archaeological and Ethnographical Conference: "Historical Experience of Ethnocultural Development of the Spaces of Northern Eurasia and Adjacent Territories"]. Tomsk. [Online] Available from: <http://zsack.tsu.ru/sites/default/files/> (Accessed: 04.06.2024).
7. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. 1892. File 132. *Delo Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii o raskopkakh S.K. Kuznetsova na kurgannom kladbishche na r. Yaya. 66 l.* [Case of the Imperial Archaeological Commission on the Excavations of S.K. Kuznetsov at the Kurgan Cemetery on the Yaya River. 66 Pages].
8. Kitova, L.Yu. (2007) *Istoriya sibirskoy arkheologii (1920–1930-e gody): izuchenie pamyatnikov epokhi metalla* [History of Siberian Archaeology (1920s–1930s): Study of Metal Age Sites]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
9. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-815. List 1. File 89. *Otchet geografo-antropologicheskoy ekspeditsii v Eniseyskuyu guberniyu prepodavatelya S.A. Teploukhova. L. 61–65* [Report of the Geographical-Anthropological Expedition to Yenisei Province by Instructor S.A. Teploukhov. Pages 61–65].
10. Matyushchenko, V.I. (2001) *Trista let istorii sibirskoy arkheologii* [Three Hundred Years of Siberian Archaeology History]. Volume II. Omsk: Omsk State University.
11. Chindina, L.A. (1998) Tridsatiletniy etap arkheologii Tomskogo universiteta [The Thirty-Year Period of Archaeology at Tomsk University]. In: *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the History of Siberia. On the 30th Anniversary of the Laboratory]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–24.
12. Kitova, L.Yu., Ganenok, V.Yu. & Ismaylyova, E.R. (2020) Arkheologicheskie konferentsii kak effektivnaya forma nauchnoy kommunikatsii (sravnitel'nyy analiz dvukh periodicheskikh forumov) [Archaeological Conferences as an Effective Form of Scientific Communication (A Comparative Analysis of Two Periodic Forums)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 68. pp. 5–14. doi: 10.17223/19988613/68/1
13. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Ryolka na Sredney Obi* [The Ryolka Burial Ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza: Kulayskaya kul'tura* [The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age: The Kulay Culture]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego Srednevekov'ya (ryolkinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages (The Ryolka Culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Chindina, L.A. (1985) *Istoriya Srednego Priob'ya v V v. do n. e. – IX v. n. e.* [History of the Middle Ob Region from the 5th Century BCE to the 9th Century CE]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
17. Anon. (2009) *Dissertatsii, napisannye pod rukovodstvom L.A. Chindinoy* [Dissertations Written Under the Supervision of L.A. Chindina]. In: *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii: Sbornik, posvyashchennyy yubileyu L.A. Chindinoy* [Problems of Archaeology and History of Northern Eurasia: Collection Dedicated to the Anniversary of L.A. Chindina]. Tomsk: Izdatel'stvo Agraf-Press. p. 33.
18. Vasil'ev, E.A. (1989) *Eneolit i ranniy bronzovyy vek sredne- i severnotaezhnogo Priob'ya* [The Eneolithic and Early Bronze Age of the Middle and Northern Taiga Ob Region]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
19. Chernaya, M.P. (1999) *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v.: problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [The Tomsk Kremlin of the Mid-17th–18th Centuries: Problems of Reconstruction and Historical Interpretation]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
20. Chindina, L.A. (2004) *Arkheologicheskoe napravlenie istoricheskogo fakul'teta TGU* [The Archaeological Direction of the History Faculty of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 281. pp. 218–223.
21. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v. Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [The Tomsk Kremlin of the Mid-17th–18th Centuries. Problems of Reconstruction and Historical Interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Chernaya, M.P. (2007) *Russkiy gorod Sibiri kontsa XVI – XVIII v. v arkheologo-istoricheskoy retrospektive* [The Russian Town in Siberia from the Late 16th to the 18th Century in Archaeological-Historical Retrospect]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
23. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Voivode's Estate in Tomsk. The 1660s–1760s: A Historical-Archaeological Reconstruction]. Tomsk: Izdatel'skiy dom "D-Print".
24. Chernaya, M.P. (2008) *Russkaya arkheologiya Sibiri: kontseptsii, rezul'taty, perspektivy* [Russian Archaeology of Siberia: Concepts, Results, Prospects]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 5–26.

Информация об авторах:

Китова Л.Ю. – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: lyudmila.kitova@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4769-9819

Ганенок В.Ю. – старший преподаватель кафедры археологии Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: vova.ganenok.96@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1760-1593

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.Yu. Kitova, Dr. Sci. (History), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lyudmila.kitova@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4769-9819

V.Yu. Ganenok, senior lecturer, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vova.ganenok.96@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1760-1593

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 16.09.2024;
approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 94(47).083+94(480)
doi: 10.17223/15617793/514/11

Память о войнах и национальное строительство Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в.

Анна Сергеевна Лизогуб¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, LizogubAS@omsu.ru

Аннотация. Анализируются особенности использования памяти о войнах в национальном строительстве Российской империи на территории Великого княжества Финляндского. На основе делопроизводственной документации Главного штаба и материалов периодики проанализирована специфика коммеморативной деятельности, приуроченной к 100-летию присоединения Финляндии и 200-летию взятия Выборга. Автор пришел к выводу, что торжества носили локальный характер и были ориентированы на русскоязычное население.

Ключевые слова: историческая память, 100-летие присоединения Финляндии, 200-летие взятия Выборга, Великое княжество Финляндское, национальная идентичность

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 23-78-01190.

Для цитирования: Лизогуб А.С. Память о войнах и национальное строительство Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 95–103. doi: 10.17223/15617793/514/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/11

The memory of wars and national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the 20th century

Anna S. Lizogub¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, LizogubAS@omsu.ru

Abstract. The present study discusses the problem of using the memory of wars in the national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland in the early 20th century. The source base consisted of both published and unpublished materials. Of particular importance was the appeal to the office documentation of the General Staff. By analysing reports, memoranda and petitions from military officials and the Governor-General of Finland, the study reconstructs the unique approaches to the implementation of commemorative projects in the Grand Duchy and highlights the difficulties and controversial issues in the relationship between imperial and local authorities. Additional information was obtained from Nicholas II's diaries, P.A. Stolypin's correspondence and periodicals. The methodological tools are based on the achievements of the interdisciplinary paradigm of memory studies. Of great importance was the use of the historical-comparative method, which made it possible to compare the forms and extent of the participation of the local population in Finland and other territories in the celebrations dedicated to the victories of the Russian army. The use of the historical-genetic method allowed tracing the escalation of the land dispute in Vyborg, as well as characterizing the ways of resolving conflict situations in commemoration between representatives of the imperial and local authorities. The author concluded that in the early 20th century the state authorities actively used military-historical stories as one of the instruments for legitimizing their political course on the outskirts and the cultural integration of the peoples of the Russian Empire. At the same time, the imperial policy of memory, aimed at perpetuating military victories, faced the need to consider regional peculiarities. Using the example of the analysis of the 100th anniversary of Finland's annexation and the 200th anniversary of the capture of Vyborg, it was established that the infrastructure of Russian memorial sites was not created in the Grand Duchy of Finland. The country's leadership also did not fully use the symbolic potential of the anniversaries to bring the outskirts and the centre closer together. The narrative of the military annexation of the territory of Finland acted as a destabilizing factor and allowed only the Russian-speaking population to unite. A distinctive feature was the local nature of the festive events, which was explained by the insignificant role of the Russo-Swedish wars in the national myth-making of the Russian Empire. On the eve of the First World War, attempts were made to improve the policy of remembrance in the territory of the Grand Duchy of Finland, but the conflict that began in 1914 and the Revolution of 1917 did not allow the plans to be realised.

Keywords: historical memory, 100th anniversary of annexation of Finland, 200th anniversary of capture of Vyborg, Grand Duchy of Finland, national identity

Financial support: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01190.

For citation: Lizogub, A.S. (2025) The memory of wars and national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 95–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/11

Введение

Россия на протяжении всей своей истории являлась многонациональным государством. От эффективности национальной политики во многом зависело не только стабильное развитие, но и само существование страны. К концу XIX – началу XX в. было завершено формирование государственных границ, но проблема инкорпорации присоединенных земель в общеимперское общественно-политическое и культурное пространство оставалась достаточно острой. Обширность территорий, языковые и бытовые различия в совокупности с отсутствием единой модели управления окраинами предопределили использование самодержавным правительством различных инструментов для интеграции населения. Политика памяти, основанная на коммеморации в пространстве империи военных побед русской армии, рассматривалась в качестве одного из методов культурного сближения народов.

Разработка единого канона увековечения памяти о героическом прошлом сталкивалась с трудностями, обусловленными разновременным вхождением в состав Российской империи и отличиями в социально-экономическом и культурном развитии отдельных территорий. В связи с этим особенно выделялась линия государства по отношению к Великому княжеству Финляндскому, присоединенному по итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг. Самостоятельность Финляндии в вопросах внутренней политики привела к противостоянию в различных сферах с имперской властью при попытке проведения административной унификации в начале XX в.

Проблемы, связанные с изучением национальной политики Российской империи, всегда пользовались повышенным вниманием со стороны историков. В настоящее время утвердилось представление об империях как о полиэтничных государственных образованиях с обширным пространством, «имеющим сложную политико-административную, экономическую, социокультурную и ментальную конфигурацию» [1. С. 6]. Длительное время политика русского самодержавия по отношению к окраинам рассматривалась в качестве поэтапного сокращения полномочий местной администрации и планомерной русификации на протяжении XIX столетия. Важнейшим достижением современного этапа изучения нациостроительства на территории Великого княжества Финляндского стал вывод о неприемлемости [2. С. 235] или ограниченности использования термина «русификация» [3]. Значительное число научных трудов посвящено характеристике особенностей управления и правового статуса княжества в составе империи [4–6]. Некоторые аспекты положения русскоязычного населения в Финляндии рассматривались Н.Г. Карнишиной и В.Ю. Карнишиным [7], а также Е.Ю. Дубровской [8]. Культурное измерение взаимоотношений между империей и княжеством проанализировано А.С. Жирновой и А.В. Мельновым

на примере изучения формирования памятных мест русскоязычного населения в городском пространстве Выборга [9. С. 161]. Таким образом, в настоящее время в исследовательской литературе доминирует представление о том, что в начале XX в. политический курс Российской империи по отношению к Финляндии был направлен на укрепление единства государства путем унификации административного аппарата и законодательства. В центре внимания научного сообщества находились преимущественно сюжеты, связанные с положением Великого княжества в составе империи. Для понимания особенностей русско-финляндских взаимоотношений, специфики национального строительства в начале XX столетия на окраинах необходимо обращение к выявлению особенностей и проблем формирования идентичности русскоязычного населения на территории Финляндии.

Цель настоящей статьи заключается в воссоздании особенностей использования памяти о войнах в национальном строительстве Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в. Источниковую базу исследования составила делопроизводственная документация Главного штаба. Особое значение имело обращение к рапортам, докладным запискам, ходатайствам военных чиновников и Финляндского генерал-губернатора, сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Привлечение данных материалов позволило воссоздать специфику и трудности при реализации коммеморативных проектов на территории Великого княжества. Дополнительные сведения, приоткрывающие замыслы и личное отношение руководства империи к символической политике в Финляндии, были получены на основе анализа дневника Николая II и переписки председателя Совета министров П.А. Столыпина. Охарактеризовать отношение российского общества к юбилейным торжествам в честь 100-летия Фридрихсгамского договора и 200-летия взятия Выборга удалось на основе анализа статей и заметок, опубликованных в «Русском инвалиде» и «Финляндской газете».

Методологический инструментарий определен в соответствии со спецификой исследования, которое осуществлялось в рамках междисциплинарной парадигмы «memory studies». Для выявления особенностей использования викториальной тематики на территории Великого княжества Финляндского использовался историко-сравнительный метод. Его применение позволило определить специфику героического нарратива, сопоставить формы и масштабы участия местного населения в Финляндии и на других территориях в торжествах, приуроченных к победам русской армии. На основе историко-генетического метода удалось проследить ход эскалации земельного спора в Выборге, а также охарактеризовать способы решения конфликтных ситуаций в области коммеморации между представителями имперской и местной власти.

100-летний юбилей присоединения Финляндии к Российской империи

Кризис самодержавного строя, наивысшей точкой которого стала первая русская революция 1905–1907 гг., предопределил поиск новых методов сближения центра и окраин. В связи с тем что выступления против действующей власти прокатились по всей империи, руководству страны предстояло не только привести к единому знаменателю управление и законодательную базу, но и укрепить культурные связи, насколько это было возможно. По мнению М.Н. Крота, «даже в периоды максимального усиления административного давления на Финляндию <...> правительственные меры были направлены лишь на то, чтобы обозначить имперское присутствие в крае посредством ряда символических маркеров (почта и пр.), утвердить верховенство императорской власти над местными органами управления и продемонстрировать тот факт, что финляндцы являются в первую очередь имперскими подданными, на которых распространяются наиболее важные общеимперские обязанности» [2. С. 235]. Значимым поводом для сближения и усиления символической связи между центром и финляндской территорией являлось приближение памятных годовщин военной истории – 100-летие присоединения Финляндии и 200-летие взятия крепости Выборг в ходе Северной войны.

Организация указанных торжеств имела значение и для укрепления идентичности русского населения, проживавшего на территории Финляндии. По данным 1897 г., русское население, подлежащее переписи в Финляндии, составляло 13 276 чел., из которых русских насчитывалось 10 224 чел. [10. С. 9]. Центрами притяжения русских являлись столица Великого княжества – Гельсингфорс и Выборгская губерния, которая из состава Российской империи была передана Финляндии в 1811 г. [11. С. 41]. Город Выборг в начале XX в. представлял собой быстро развивающийся экономический центр, а также один из важнейших стратегических пунктов. Общая численность населения города в 1900 г. составляла 22 650 чел., из которых военнослужащих с семьями, являющих российскими подданными, – 2 781 чел. [12. С. 171]. Таким образом, русские представляли собой незначительную часть населения княжества, в том числе и в административных центрах имперской власти.

В контексте обсуждения порядка издания законов, касающихся Финляндии и постановлений общегосударственного значения, празднование векового юбилея присоединения финляндской территории открывало возможность для обоснования имперским правительством своего политического курса. 16 февраля 1909 г. Николай II утвердил в качестве даты официальных торжеств 5 (18) сентября – день подписания Фридрихсгамского мирного договора. Позднее повеление монарха позволяет выдвинуть предположение о том, что потенциал рассматриваемой годовщины не был оценен в полной мере руководством страны. Данное событие воспринималось в качестве одного из целого ряда юбилеев начала XX в. Не стоит забывать, что летом 1909 г. предстояло отметить 200-летие победы под

Полтавой, которая наряду с Отечественной войной 1812 г. составляла основу национального нарратива.

Несмотря на второстепенное положение в иерархии памятных годовщин, Санкт-Петербург четко обозначил свою позицию по отношению к другим событиям, связанных с историей Финляндии. Так, председатель Совета министров П.А. Столыпин в послании Финляндскому генерал-губернатору В.А. Бекману указывал на необходимость «озаботиться, чтобы предстоящему в столетнюю годовщину созыва Боргоского сейма торжеству открытия памятника <...> Александру I, равно как и всем другим торжествам, которые могут быть приурочены к означенному дню, не было придано официального празднования столетия присоединения Финляндии» [13. Л. 10]. Такая предосторожность П.А. Столыпина обуславливалась усложнением отношений в начале XX в. с Великим княжеством, для которого Боргоский сейм выступал символом особого положения в составе Российской империи. В ответном сообщении Бекман указал, что открытие памятника Александру Павловичу состоится 16 (29) марта 1909 г., но подчеркивал, что на монументе отсутствовали какие-либо надписи. Однако в данной ситуации открытие памятника русскому императору имело неоднозначное символическое значение.

Ответ Финляндского генерал-губернатора не удовлетворил Санкт-Петербург, поскольку уже 13 марта 1909 г. В.А. Бекману снова было направлено обращение. Оно содержало требование пояснить, какие именно меры предполагалось принять для противодействия празднования векового юбилея присоединения Финляндии в день 100-летия созыва Боргоского сейма, а также уведомить о программе предстоящих торжеств в сентябре. Ввиду незначительного срока до указанной годовщины генерал-губернатор не представил в Совет министров информации по первому пункту. Только 31 июля (13 августа) 1909 г. из Гельсингфорса поступили его соображения относительно празднования юбилея заключения Фридрихсгамского договора. Помимо украшения города, торжественных богослужений и панихид он также предлагал учредить особый юбилейный нагрудный знак с присвоением права носить его всем лицам, состоявшим на государственной службе в Финляндии. По его мнению, следовало бы представить к внеочередным наградам всех лиц, посветивших себя объединению Великого княжества с российской державой, среди которых обязательно должны были присутствовать и русские, и представители местной власти [13. Л. 19]. При изложении своих взглядов В.А. Бекман обратил внимание и на приближение 100-летия Императорского Финляндского сената 20 сентября (2 октября) 1910 г.

Эти предложения были рассмотрены на заседании Совета министров 4 августа и отклонены. Финляндский генерал-губернатор предпринял повторную попытку обосновать свое прошение о награждении гражданских чинов за службу, подчеркивая, что «служба должностных лиц в Финляндии весьма тяжела в настоящее время, ввиду недоброжелательного к ним отношения влиятельных буржуазных кругов населения; что в отношении воспитания и образования своих детей

русские чиновники поставлены в весьма неблагоприятные условия, так как русские образовательные учреждения имеются только в Гельсингфорсе и Выборге, и что, наконец <...> в Финляндии <...> чинопроизводства за выслугу лет вовсе не существует» [13. Л. 26 об.–27]. Несмотря на достаточно пространную аргументацию, переубедить П.А. Столыпина не удалось.

Участие в праздничных мероприятиях, проходивших в Гельсингфорсе и Фридрихсгаме, принимали военные депутаты и войска, расположенные в Финляндии, а также учащиеся русских учебных заведений. В честь памятного события в Фридрихсгамской башне мира была установлена мраморная доска с перечнем всех частей, принимавших участие в Русско-шведской войне. Ремонт и изготовление памятной доски осуществлялись за счет денежных сборов в войсках и передачи капитала, предназначенного на сооружение в г. Экенесе памятника павшим русским воинам [14. Л. 11].

По первоначальному варианту программы предполагалось провести в Гельсингфорсе в императорском дворце обед от Высочайшего Императорского Величества [13. Л. 42–42 об.]. Но этот пункт был исключен ввиду того, что к предстоящей годовщине не был закончен ремонт императорского дворца. О локальном характере праздника свидетельствовало и отклонение ходатайств о командировании во Фридрихсгам полков, расквартированных в пределах империи [15. Л. 52].

200-летие взятия Выборга

В 1910 г. страна готовилась отметить сразу несколько юбилеев, связанных Северной войной – 200-летие взятия Выборга, Риги и Ревеля. По мнению генерала от инфантерии В.Г. Глазова, «все эти события не только связаны с исторической жизнью армии, но имеют также весьма важное значение и в политической жизни государства, как знаменовавшие собой или начало новой исторической эры, или же коренное изменение нашего политического положения на окраинах» [16. Л. 30 об.].

В честь предстоящего двухвекового юбилея взятия крепости Выборг, входившей в начале XX столетия в состав Великого княжества Финляндского, планировалось установить памятник Петру I и осуществить закладку православного собора на 1 тыс. человек. Впервые идея о сооружении храма была озвучена в июне 1901 г. генерал-губернатору Н.И. Бобрикову комендантом Выборгской крепости генерал-майором Н.Н. Кайгородовым. Данную инициативу также поддержал и Николай II, выделив из собственных средств 5 тыс. руб. В конце сентября 1901 г. комендант крепости представил на рассмотрение командующему войсками округа предполагаемый проект с эскизным планом и сметой расходов, которые определялись суммой в 250 тыс. руб. [16. Л. 4]. Из-за отсутствия денежных средств финансирование началось только в 1904 г. Но Русско-японская война и первая русская революция не позволили использовать денежные средства по назначению, и кредит был закрыт.

Празднование двухвекового юбилея победы русской армии в битве при д. Лесной актуализировало другие памятные годовщины Петровской эпохи. 11 ноября 1908 г. комендант Выборгской крепости генерал-

лейтенант Е.П. Вишняков вновь возбудил ходатайство перед начальником штаба войск Гвардии и Петроградского военного округа бароном А.Ф. фон ден Бринкеном о необходимости «подготовиться к достойному чествованию важного события и желательно было бы ознаменовать 200-летнее существование крепости Выборг как русской твердыни на ближайшей к Петербургу окраине постановкой императору Петру Великому памятника и сооружением <...> православного храма на возвышенном утесе в Кронверке Святой Анны, откуда виден весь город» [16. Л. 3]. Выбор местоположения будущего памятника также связывался с бытующим преданием о том, что с этой скалы «царь Петр лично руководил действиями осады Выборгской крепости в 1710 г.» [17. Л. 2]. Современный исследователь А.В. Мельнов отмечал, что «инициатива установки монумента русскому царю была ответом на вызов местных шведских и финских элит в процессе формирования памятных мест важнейших городских культур» [18. С. 94]. Его предположение основывалось на том, что в 1908 г. в Выборге были установлены памятники М. Агриколе и Т. Кнутссону.

Е.П. Вишняков в своем ходатайстве также затронул финансовую сторону вопроса. Он указывал, что в Риге памятник в честь аналогичного юбилея сооружался на средства местного дворянства, а в городе Ревель – посредством всероссийской подписки. Комендант в случае отсутствия возможности построить храм за счет государства просил разрешения открыть всероссийскую подписку, поскольку «рассчитывать на поддержку местного общества в этом деле – не приходится» [16. Л. 5].

Разрешение денежных трудностей было не единственной проблемой на пути реализации данных проектов. Наиболее серьезным препятствием в сооружении храма и памятника являлось их местоположение. Территория Петровской горы в Кронверке Святой Анны находилась в числе спорных объектов между военным ведомством и городом. Конфликты по поводу владения земельными участками возникали неоднократно с 1842 г. Для урегулирования противоречий выборгское крепостное инженерное управление выступило с инициативой проведения межевания, которое было произведено в 1890–1895 гг. В результате проделанной работы Вице-землемером Ханникайненом Петровская гора закреплялась в качестве собственности города.

23 марта 1895 г. выборгское крепостное инженерное управление подало жалобу на неправильное и незаконное размежевание в выборгский ратгаузский суд, который отклонил ее только 9 июля 1896 г. по причине неподсудности. Однако, в январе 1897 г. выборгский гофгерихт подтвердил подсудность дела. На основании этого решения была направлена повторная жалоба в суд первой инстанции, который утвердил законность межевого производства, а также право собственности города на Петровскую гору. Выступая в качестве апелляционной инстанции, выборгский гофгерихт 13 мая 1899 г. удовлетворил требование по вопросу принадлежности спорной территории, но отклонил пункт о незаконности межевания. В надежде получить положительное решение по последнему вопросу выборгское крепостное инженерное управление в

конце июня 1899 г. подало прошение в финляндский сенат. Он не только отклонил вопрос о неправильности межевания, но и пересмотрел решения по остальным пунктам не в пользу военного ведомства. Сенат руководствовался тем, что «будто бы еще в 1846 г. императором Николаем I этот участок был передан в собственность города <...> хотя ни письменного документа, не межевого плана на право владения город не представил, заявив, что документы эти утеряны» [16. Л. 9 об.].

В 1901 г. Финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков предложил вернуть спорные земли путем отчуждения и провести новое межевание. Рассмотрение вопроса затягивалось, а в связи с началом первой русской революции разбирательство отложили до более благоприятного времени [16. Л. 10 об.].

Приближающийся 200-летний юбилей взятия Выборга вновь актуализировал обсуждение прав на владение Петровской горой. В конце 1908 г. городскому выборгскому управлению поступило предложение обменять спорный участок земли на другой принадлежащий инженерному ведомству. К рассмотрению сложившейся ситуации присоединился и новый Финляндский генерал-губернатор генерал-лейтенант Ф.А. Зейн, назначенный на должность в ноябре 1909 г. Он приказал собрать все имеющиеся документы и материалы по этому вопросу. Основываясь на данных журнала особого комитета по обороне берегов Балтийского моря, утвержденного 4 ноября 1859 г., он пришел к заключению, что в ведении военного ведомства оставалась вся территория укрепления Крона Святой Анны. В донесении военному министру В.А. Сухомлинову от 28 января 1910 г. Ф.А. Зейн указывал, что «петровская гора по справедливости является принадлежащей военному ведомству, но поскольку сенатом признано право собственности за городом, то вопрос о Петровской горе представляется чрезвычайно запутанным» [16. Л. 59 об.–60]. Генерал-лейтенант Зейн предложил обратиться к императору за соизволением об обратном отчуждении Петровской горы и о немедленной передаче участков земли в распоряжение военных властей «в целях обеспечения беспрепятственного празднования юбилея 200-летия взятия Выборга русскими войсками и ознаменования этого исторического, имеющего широкое государственное значение торжества, постановкою памятника Петру и закладкою собора» [16. Л. 61].

Опираясь на рекомендации Финляндского генерал-губернатора, военное министерство отказалось от обмена участков.

Совет министров, рассмотрев предложение В.А. Сухомлинова на заседании 22 февраля, поддержал отчуждение спорных участков с отнесением расходов на счет имперской казны [16. Л. 95 об.]. 7 апреля 1910 г. было обнародовано соответствующее высочайшее повеление, после чего Финляндский генерал-губернатор испросил соизволения на немедленную передачу этих участков для беспрепятственного выполнения работ по сооружению памятника Петру I [16. Л. 96 об.]. Таким образом, строительство культурных объектов потребовало привлечения всех административных ресурсов для разрешения противостояния между представителями имперской и местной власти.

Параллельно прорабатывался финансовый аспект сооружения памятника Петру I и закладки православного храма. Кроме 5 тыс. рублей, пожертвованных Николаем II еще в 1901 г., никаких денежных средств для реализации проектов не имелось. В связи с этим император 18 сентября 1909 г. поручил обсудить денежное обеспечение строительства храма в Совете министров, а памятник Петру Великому он брал на свое иждивение [17. Л. 2]. По предварительной смете на устройство монумента требовалось 13 тыс. руб. Впоследствии император на закладку храма разрешил потратить выделенные им 5 тыс. руб., а на строительные работы в будущем планировалось выделить специальный кредит.

Изготовить памятник Петру I до апреля 1910 г. поручалось известному скульптору Л.А. Бернштаму. Руководство по устройству постамента находилось в ведении полковника В.А. Щеглова, который по некоторым вопросам консультировался с академиком, автором проекта музея А.В. Суворову в Санкт-Петербурге А.И. фон Гогеном. Для непосредственного изготовления и установки памятника был заключен договор с Восточно-финляндским гранитным обществом, визитной карточкой которого являлся памятник павшим воинам в Полтаве [16. Л. 104 об.].

19 февраля 1910 г., т.е. до официального отчуждения участка, Финляндский генерал-губернатор Ф.А. Зейн и командир 22-го армейского корпуса генерал-лейтенант П.Д. Ольховский признали наиболее подходящим местом для монумента Петру Великому редут на Петровской горе, где располагалось к тому моменту деревянное здание бывшего городского ресторана. В марте 1910 г. обсуждался вопрос о необходимости сноса этого строения, которое длительное время не ремонтировалось и пребывало в ветхом состоянии. Соответствующее ходатайство было возбуждено перед Финляндским генерал-губернатором 9 апреля 1910 г. [16. Л. 94 об.]. По всей видимости, в силу нехватки времени здание осталось на месте, только было «задрапировано материями национальных цветов и украшено зеленью и множеством флагов» [19. С. 1].

7 мая 1910 г. императором был окончательно утвержден чертеж переднего фасада, перспективный вид памятника и надписи на нем [16. Л. 108 об.]. 20 мая в своем дневнике Николай II записал, что «около 3 час. пошел на станцию, где осмотрел памятник Петру Великому, предназначенный для Выборга в память 200-летия взятия его. Сделан он Бернштамом и очень удачно» [20. С. 476]. Статуя Петра на место установки была доставлена только 7 июня, но все приготовления к открытию были закончены вовремя.

Подготовку к 200-летию взятия Выборга необходимо рассматривать в общем контексте политики памяти Российской империи, в которой после 1907 г. прослеживалась линия на централизацию и упорядочивание. Особой комиссией по разработке порядка чествования юбилеев знаменательных исторических событий, учрежденной в феврале 1909 г., из перечня предстоящих памятных годовщин были выделены те, которые являлись «знаменательными в жизни России и в деятельности армии, и память о которых должна быть почтена всенародно или одной только армией, в

зависимости от исторической важности события» [21. Л. 59–59 об.]. В этом списке, составленном 7 апреля 1910 г., значилось и 200-летие взятия Выборга. Но уже в докладе комиссии по Главному штабу от 30 апреля рекомендовалось придать этому юбилею местный характер. В докладной записке содержалась информация об открытии памятника и закладке военного собора, однако подчеркивалось, что не имелось никаких сведений о степени и формах участия в торжествах городского управления и местных жителей.

Вопрос об участии в торжествах нерусского населения остается открытым. Одним из главных источников, позволяющих воссоздать социальный и национальный состав непосредственных свидетелей праздничных церемоний, являются материалы прессы. Однако, периодические издания достаточно часто либо не сообщали точное количество, либо значительно преувеличивали реальное число. Газета «Русский инвалид» сообщала, что у памятника павшим воинам, сооруженного вблизи фридрихсгамских ворот на средства офицеров гарнизона крепости, собрались вместе с начальствующими лицами и Финляндским генерал-губернатором Зейном депутаты от духовенства и местного населения. «Вся прилегающая к памятнику местность и ближайшие крепостные валы были заняты народом» [22. С. 3]. Вероятнее всего, главными участниками выборгских торжеств являлось русскоязычное население, о чем свидетельствовали другие публикации в прессе. В другом номере «Русского инвалида» подчеркивалось, что «выборгские торжества имеют глубокое значение в нашем русском деле на окраине. В них ясно выразилось единство русских людей без различий чинов, званий и положений...» [23. С. 3]. На страницах русскоязычной «Финляндской газеты» при описании порядка празднования прямо указывалось, что «войско и русское население ликуют» [24. С. 2]. М. Витухновская отмечала, что на торжества не приглашались представители местной выборгской или финской власти, а жители и финская пресса их игнорировали, поскольку «перед юбилеем состоялось историческое голосование по финскому вопросу в Государственной думе, в результате которого финляндское законодательство было подчинено общероссийскому» [25. С. 57].

Такое положение объяснялась не только современной политической ситуацией, но и традицией сложившихся взаимоотношений между различными частями выборгского общества. Военный министр Российской империи А.Ф. Редигер происходил из семьи потомственного дворянина Великого княжества Финляндского. Он оставил достаточно объемные воспоминания о своей жизни, в том числе и о детстве, проведенном в Выборге. Учитывая, что данный текст был написан в 1910-е гг., вероятнее всего, на детские воспоминания накладывался отпечаток имеющегося политического опыта. А.Ф. Редигер указывал, что «общество в Выборге делилось на три части: шведскую, немецкую и русскую. Центр шведского общества составлял местный гофгерихт (судебная палата) с его массой чиновников. Немецкое общество состояло главным образом из семейств немецких купцов, остав-

шихся в Выборге <...>. Наконец, русское общество состояло из семейств офицеров местного гарнизона. Немецкая и шведская части общества имели между собой известное общение, и некоторые семейства вращались как в том, так и в другом. Русское же общество стояло особняком, и я не помню, чтобы в немецком или шведском обществе видел русского офицера» [26]. Несмотря на то что этот фрагмент характеризовал общество Выборга конца 1850-х – начала 1860-х гг., обособленность разных народов сохранялась и в последующие десятилетия.

Детальный анализ праздничных мероприятий позволил прийти к выводу, что двухвековой юбилей взятия Выборга имел значение только для русскоязычного населения. Номинативная форма коммеморации в 1910 г., направленная на переименование и присвоение имен сподвижников Петра I, использовалась только к объектам военной инфраструктуры. Так, были переименованы замок Шлосс в Петровскую цитадель, центральное укрепление Восточного фронта – в укрепление генерал-адмирала графа Апраксина, батарея на Западном фронте – в батарею бригадира Чернышева [27. С. 1]. В замке Шлосс предполагалось открыть Петровский музей с экспонатами о покорении Выборгской губернии и Финляндии в целом [28. С. 4]. Через год музей распахнул двери для первых посетителей, в числе которых были офицерские чины гарнизона, представители учебно-минного отряда Балтийского флота, православного духовенства, русских учебных заведений и русское население города [29. С. 2].

Торжества в честь 200-летия взятия Выборга проходили с 12 по 15 июня 1910 г. По устоявшейся традиции состоялись беседы с нижними чинами и сообщения офицеров об осаде города. Для армии также был напечатан исторический очерк [30], представлявший собой краткую выжимку из трудов генерал-лейтенанта М.М. Бородинкина, считавшегося главным специалистом по истории Финляндии. 13 и 14 июня проходило открытие и освещение памятников павшим воинам, памятника Петру I и закладка православного храма. Венки возлагались только от войск, русских обществ и учебных заведений. 13 июня также в здании реального училища состоялось общее собрание Православного карельского братства [22. С. 3].

Особый интерес в программе представляла поездка на пароходах 15 июня в Транзунд [28. С. 4]. Маршрут морского путешествия повторял путь следования Петра I к Выборгу, что с точки зрения П. Нора можно рассматривать в качестве места «кристаллизации памяти» [31. С. 17]. По замечанию Н. Минар-Тёрманен, в путешествиях по Финляндии «русские искали следы своей собственной истории и черты их национальной принадлежности» [32]. По пути следования Петра Великого, воссозданного на основе военно-походного журнала 1710 г., отправились пароход генерал-губернатора Зейна, 6 военных крепостных пароходов и 8 эскадренных миноносцев. Корреспондент газеты «Русский инвалид» достаточно в ироничной форме сообщал о том, что «массы местных обывателей собрались на городском берегу, с любопытством и удивлением

взирая на невиданное доселе здесь шествие военных судов с исключительно русскою публикой» [23. С. 3].

Необходимо отметить, что в отечественной периодике активно освещались Выборгские юбилейные торжества. Публицистами помимо описания церемониала также затрагивалась проблема противостояния городских властей, их нежелания выделить необходимый участок земли под памятник и храм. В публикациях по этой тематике использовался тезис о трудностях на этапе подготовительных работ и их героическом преодолении инженерами крепости, несмотря на препятствия со стороны местной власти. Авторами неоднократно высказывалась мысль о запустении территории, ветхости зданий, расположенных на участке [28. С. 4]. В одной из публикаций «Русского инвалида» подчеркивалось сакральное значение Петровской горы, в связи с чем особенно болезненно воспринимался бойкот рабочих-финнов [22. С. 3].

Работа по благоустройству Петровской горы и прилегающей территории в действительности была проделана огромная. Чуть более чем за месяц был разбит Петровский сквер и обнесен новой оградой, построена лестница для удобного подъема, на вершине горы проложены дорожки, отремонтирована гарнизонная церковь и все государственные здания, украшены флагами, щитами, гирляндами зелени Петровская гора, Абосский мост, замок и крепость. Артиллерийский манеж был декорирован портретами, картинами эпохи взятия Выборга [19. С. 1]. В день торжеств флагами украшались русские учебные заведения, дома русских жителей и правительственных учреждений.

По мнению М. Витухновской, с 1860-х гг. на территории Великого княжества Финляндского со стороны местного населения предпринимались попытки переосмысления значения Русско-шведской войны 1808–1809 гг., что сопровождалось установкой памятников на местах побед шведов в столкновениях с русскими [25. С. 50]. Это беспокоило имперскую власть и общественные круги. Со стороны Императорского Русского военного исторического общества велась работа по поиску и публикации «Материалов по истории Финляндской войны 1808–1809 гг.» [33. С. 30]. С этой целью была организована экспедиция по сбору источников под руководством полковника П.А. Ниве. Но вряд ли эти действия могли коренным образом изменить ситуацию.

Стремление поставить под контроль символическую политику предопределило создание 1 декабря 1911 г. на территории княжества отдела ИРВИО [34. С. 20]. Совет общества при разработке инструкций в 1913 г. для местных ячеек особое внимание обращал на работу Финляндского отдела. В документе подчеркивалось, что «финляндцы имеют памятники почти на всех местах, где шведы имели хотя и сомнительный успех над нашими войсками в войну 1808–1809 гг. Пора и нам запечатлеть и наши бесспорные победы, которых были проявлены искусство наших начальников и доблесть наших войск и которые привели к отторжению от Швеции одной трети всех ее владений. Мы не имеем даже памятника, свидетельствующего о присоединении к империи силою оружия всей Финляндии» [35. Л. 16–17]. Только в 1914 г. финляндский

отдел выступил с инициативой создания описания военно-исторических памятников, а также поставил вопрос о необходимости устройства Русского военно-исторического музея и библиотеки при нем. Также в ближайшем будущем планировалось начать работу по сооружению в Гельсингфорсе памятника деятелям, сыгравшим роль в присоединении Финляндии [36. С. 118]. Реализации этих планов помешала начавшаяся Первая мировая война и революция 1917 г.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что государственная власть использовала военно-исторические сюжеты в качестве одного из инструментов легитимации своего политического курса на окраинах и культурной интеграции народов Российской империи. Обращение к героическому дискурсу обуславливалось тем, что вхождение многих территорий являлось прямым результатом победоносных войн XVIII – XIX вв. Это позволяло использовать военное прошлое в качестве основы для формирования национального мифа. Акцентированию внимания на коммеморацию в пространстве империи событий военной истории способствовало приближение ряда знаменательных годовщин: 100-летие присоединения Финляндии и Бессарабии, 50-летие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны и др. Однако общая линия имперской политики памяти, направленной на увековечение военных побед русской армии, сталкивалась с необходимостью учитывать региональные особенности. Более всего выделялась специфика Великого княжества Финляндского. За столетний период существования Финляндии в составе империи не была создана инфраструктура русских мест памяти. Роспуск финских стрелковых батальонов в 1901 г. и размещение частей 22-го армейского корпуса на территории княжества приводили к усилению дистанции между русским и нерусским населением.

Отдельные попытки коммеморации, предпринятые в контексте 100-летия Фридрихсгамского мирного договора, не могли компенсировать эффект упущенных возможностей. Незначительное внимание со стороны руководства в 1909 г. также не позволило использовать в полной мере символический потенциал юбилея для сближения окраины и центра. В связи с этим выстраивание нарратива о военном присоединении Финляндии в целом и Выборга в частности являлось дестабилизирующим фактором.

Такая стратегия обращения к прошлому, в которой ключевую позицию занимал тезис о покорении и военном завоевании, позволяла сплотить только русскоязычных жителей Великого княжества Финляндского, а также содействовала формированию их идентичности и чувству сопричастности к героическому прошлому. В то же время данная направленность политики памяти приводила к обособленности народов, проживающих в империи.

Еще одна особенность торжеств в честь 100-летия присоединения Финляндии и 200-летия взятия Выборга заключалась в локализации праздничных мероприятий. Увековечение памяти путем установки монументов, издания научно-популярных брошюр, организации смотров и парадов проводилось локально, не затрагивая центр.

Местный характер торжеств объяснялся также незначительной ролью русско-шведских войн в национальном мифотворчестве Российской империи, основу которого составляла память о победе в Полтавской битве и Отечественной войне 1812 г. Таким образом, достаточно унифицированные инструменты политики памяти самодержавного правительства в начале

XX столетия не имели успеха на территории Великого княжества Финляндского.

Только накануне Первой мировой войны наметилась тенденция совершенствования символической политики в Финляндии, но начавшийся конфликт в 1914 г. не позволил реализовать намеченные планы.

Список источников

1. Ремнев А.В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 6–13.
2. Крот М.Н. «Укрепить государственную связь между великим княжеством и империей...»: попытки инкорпорации Финляндии в российское имперское пространство в конце XIX – начале XX в. // Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 235–267.
3. Бахтурина А.Ю. Характер национальной политики самодержавия и ее оценка // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № S20. URL: <https://history.jes.su/S207987840004703-2-1> (дата обращения: 09.10.2024). doi: 10.18254/S207987840004703-2
4. Клинге М. Имперская Финляндия / пер. с фин. И. Соломеша и др. СПб. : Коло, 2005. 614 с.
5. Юссилла О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / пер. с фин. под ред. А.Ю. Румянцев. Хельсинки : Rusland Books Oy, 2009. 860 с.
6. Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 98–120.
7. Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия» // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48, № 4. С. 849–858. doi: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858
8. Дубровская Е.Ю. Русские в Финляндии в XIX – начале XX столетия: военные и гражданские // Скандинавские чтения 2014 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб. : МАЭ РАН, 2016. С. 351–366.
9. Жирнова А.С., Мельнов А.В. Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19 (№ 2). Тематический выпуск: «Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события истории. К столетию Великой революции в России и независимости в Финляндии». Материалы седьмых Барышниковских чтений (23 сентября 2017 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова, Ю.И. Мошник. Выборг : Выборгский объединенный музей-заповедник, 2018. С. 161–168.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 7: Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1905. 38 с.
11. Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 137 с.
12. Кашенко С.Г., Маркова М.А., Родионова О.В. Русские подданные на территории Великого княжества Финляндского (по данным статистики русского и финского населения конца XIX века) // Былые годы. 2017. № 43 (1). С. 169–178. doi: 10.13187/bg.2017.1.169
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 172.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3339.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305.
16. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3338.
17. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 229.
18. Мельнов А.В. Установка памятника Петру I в Выборге: по материалам периодической печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 93–100. doi: 10.15393/uchz.art.2021.661
19. Финляндская газета. 1910. 17 (30) июня.
20. Дневники императора Николая II (1894–1918) : в 2 т. Т. 2 : 1905–1918 : в 2 ч. Ч. 1 : 1905–1913 / отв. ред. С.В. Мироненко. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 824 с.
21. РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 113.
22. Выборгские юбилейные торжества // Русский инвалид. 1910. 18 июня.
23. Выборгские юбилейные торжества // Русский инвалид. 1910. 22 июня.
24. К празднованию 200-летия взятия Выборга // Финляндская газета. 1910. 15 (28) июня.
25. Витухновская М. «Битва монументов»: русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века): международный colloquium. Научные доклады (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007). СПб. : Европейский Дом, 2007. С. 48–58.
26. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. Т. 1. М. : Канон-пресс; Кучково поле, 1999. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/index.html> (дата обращения: 10.10.2024).
27. Русский инвалид. 1910. 4 июля.
28. Пушкарь. К 200-летию взятия Выборга императором I // Русский инвалид. 1910. 2 июня. С. 3–4.
29. Годовщина взятия крепости // Русский инвалид. 1911. 19 июня.
30. Бородин М.М. Двухсотлетие взятия Выборга: [Ист. очерк]. СПб. : Гос. тип., 1910. 28 с.
31. Нора П. Франция-память. / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 1999. 333 с.
32. Минар-Тёрманен Н. Финляндия как окраина Российской империи // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2020. № 6 (166). С. 460–473.
33. Известия общества // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. № 1. С. 26–33.
34. Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб. : Б.и., 1913. 66 с.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 63.
36. Местные отделы // Журнал ИРВЮ. 1914. № 2. С. 117–120.

References

1. Remnev, A.V. (2004) Regional'nyy narrativ v novoy imperskoy istorii Rossii [The Regional Narrative in the New Imperial History of Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 4. pp. 6–13.
2. Krot, M.N. (2020) "Ukrepit' gosudarstvennyy svyaz' mezhdu velikim knyazhestvom i imperiey...": popytki inkorporatsii Finlyandii v rossiyskoye imperskoye prostranstvo v kontse XIX – nachale XX v. ["To Strengthen the State Connection Between the Grand Duchy and the Empire...": Attempts to Incorporate Finland into the Russian Imperial Space in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Urushadze, A.T. (ed.) *Natsional'nye okrainy v politike Rossiyskoy imperii i russkoy obshchestvennoy mysli* [National Peripheries in the Policy of the Russian Empire and Russian Social Thought]. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 235–267.
3. Bakhturina, A.Yu. (2019) Kharakter natsional'noy politiki samoderzhaviya i ee otsenka [The Nature of the Autocracy's National Policy and Its Assessment]. *Istoriya*. S20. [Online] Available from: <https://history.jes.su/S207987840004703-2-1> (Accessed: 09.10.2024). doi: 10.18254/S207987840004703-2
4. Klinge, M. (2005) *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland]. Translated from Finnish by I. Solomeshch et al. Saint Petersburg: Kolo.
5. Yussila, O. (2009) *Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye 1809–1917* [The Grand Duchy of Finland 1809–1917]. Translated from Finnish. Helsinki: Rusland Books Oy.

6. Lapin, V.V. (2014) Finlyandiya v voennoy sisteme Rossiyskoy imperii [Finland in the Military System of the Russian Empire]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 98–120.
7. Karnishina, N.G. & Karnishin, V.Yu. (2021) Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v sostave Rossiyskoy imperii v nachale XX v.: po materialam zhurnala "Finlyandiya" [The Grand Duchy of Finland as Part of the Russian Empire in the Early 20th Century: Based on Materials from the Journal "Finland"]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 48 (4). pp. 849–858. doi: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858
8. Dubrovskaya, E.Yu. (2016) Russkie v Finlyandii v XIX – nachale XX stoletiya: voennye i grazhdanskie [Russians in Finland in the 19th – Early 20th Century: Military and Civilian]. In: *Skandinavskie chteniya 2014 goda. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings of 2014. Ethnographic and Cultural-Historical Aspects]. Saint Petersburg: MAE RAS. pp. 351–366.
9. Zhirnova, A.S. & Mel'nov, A.V. (2018) Petrovskaya gora v Vyborge kak pamyatnoe mesto russkoy istorii goroda: do i posle 1917 g. [Petrovskaya Mountain in Vyborg as a Memorial Site of the City's Russian History: Before and After 1917]. In: Baryshnikov, V.N., Krotov, P.A. & Moshnik, Yu.I. (eds) *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy*. 19 (№ 2). Tematicheskiy vypusk: "Rossiya, Finlyandiya i Skandinaviya: klyucheveye sobytiya istorii. K stoletiyu Velikoy revolyutsii v Rossii i nezavisimosti v Finlyandii". *Materialy sed'mykh Baryshnikovskikh chteniy (23 sentyabrya 2017 g.)* [St. Petersburg and the Countries of Northern Europe. Vol. 19 (No. 2). Thematic Issue: "Russia, Finland and Scandinavia: Key Historical Events. On the Centenary of the Great Revolution in Russia and Independence in Finland". Materials of the Seventh Baryshnikov Readings (September 23, 2017)]. Vyborg: Vyborgskiy ob"edinennyi muzey-zapovednik. pp. 161–168.
10. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. Issue 7. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del.
11. Suni, L.V. (2013) *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe (pervaya polovina XIX v.). Stanovlenie avtonomii* [The Grand Duchy of Finland (First Half of the 19th Century). The Formation of Autonomy]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
12. Kashchenko, S.G., Markova, M.A. & Rodionova, O.V. (2017) Russkie poddannye na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo (po dannym statistiki russkogo i finskogo naseleniya kontsa XIX veka) [Russian Subjects in the Territory of the Grand Duchy of Finland (Based on Statistics of the Russian and Finnish Population at the End of the 19th Century)]. *Bylye gody*. 43 (1). pp. 169–178. doi: 10.13187/bg.2017.1.169
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 18. File 172.
14. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 400. List 3. File 3339.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 400. List 3. File 3305.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 400. List 3. File 3338.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 18. File 229.
18. Mel'nov, A.V. (2021) Ustanovka pamyatnika Petru I v Vyborg: po materialam periodicheskoy pechati [The Installation of the Monument to Peter I in Vyborg: Based on Periodical Press Materials]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 43 (6). pp. 93–100. doi: 10.15393/uchz.art.2021.661
19. *Finlyandskaya gazeta*. (1910) June 17 (30).
20. Mironenko, S.V. (ed.) (2013) *Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t.* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918): In 2 Volumes]. Vol. 2: 1905–1918: In 2 Parts. Part 1: 1905–1913. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 922. List 1. File 113.
22. *Russkiy invalid*. (1910) Vyborgskie yubileynye torzhestva [Vyborg Anniversary Celebrations]. June 18.
23. *Russkiy invalid*. (1910) Vyborgskie yubileynye torzhestva [Vyborg Anniversary Celebrations]. June 22.
24. *Finlyandskaya gazeta*. (1910) K prazdnovaniyu 200-letiya vzyatiya Vyborga [On the Celebration of the 200th Anniversary of the Capture of Vyborg]. June 15 (28).
25. Vitukhnovskaya, M. (2007) ["The Battle of Monuments": The Russo-Swedish Wars in the National Memory of the Empire and the Grand Duchy]. *Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v rossiyskoy imperii i Sovetskom Soyuze (konets XIX – nachalo XX veka)* [Historical Memory and Society in the Russian Empire and the Soviet Union (Late 19th – Early 20th Century)]. Proceedings of the International Colloquium. St. Petersburg. 25–28 June 2007. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom. pp. 48–58. (In Russian).
26. Rediger, A.F. (1999) *Istoriya moyey zhizni. Vospominaniya voennogo ministra: v 2 t.* [The Story of My Life. Memoirs of the Minister of War: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole. [Online] Available from: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/index.html> (Accessed: 10.10.2024).
27. *Russkiy invalid*. (1910) July 4.
28. Pushkar'. (1910) K 200-letiyu vzyatiya Vyborga imperatorom I [To the 200th Anniversary of the Capture of Vyborg by Emperor Peter I]. *Russkiy invalid*. June 2. pp. 3–4.
29. *Russkiy invalid*. (1911) Godovshchina vzyatiya kreposti [Anniversary of the Capture of the Fortress]. June 19.
30. Borodkin, M.M. (1910) *Dvukhsotletie vzyatiya Vyborga: [Istoricheskiy ocherk]* [The Bicentennial of the Capture of Vyborg: [Historical Essay]]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
31. Nora, P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France–Memory]. Translated from French by D. Khapaeva. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
32. Minar-Tyormanen, N. (2020) Finlyandiya kak okraina Rossiyskoy imperii [Finland as a Periphery of the Russian Empire]. *Novoe literaturnoe obozrenie: teoriya i istoriya literatury, kritika i bibliografiya*. 6 (166). pp. 460–473.
33. *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*. (1910) Izvestiya obshchestva. 1. pp. 26–33.
34. Anon. (1913) *Pervye pyat' let deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. 1907–1912* [The First Five Years of the Activity of the Imperial Russian Military-Historical Society. 1907–1912]. Saint Petersburg: [s.n.].
35. Manuscript Department of the Russian National Library. Fund 152. List 3. File 63.
36. *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*. (1914) Mestnye otdely [Local Departments]. 2. pp. 117–120.

Информация об авторе:

Лизогуб А.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: LizogubAS@omsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Lizogub, Cand. Sci. (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: LizogubAS@omsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 25.10.2024;
approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/514/12

Законодательные нормы Соборного уложения 1649 г. в сфере регулирования мельничного дела в Московском государстве

Александр Николаевич Медведь¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, man1153@yandex.ru*

Аннотация. Представлена история становления первых юридических норм в деле регулирования мельничного дела в Московском государстве в середине XVII в. Первым законодательным актом, где рассматривались проблемы функционирования мельниц, стало Соборное уложение 1649 г. Сделан вывод о том, что статьи Уложения, связанные с данной тематикой, отчасти копировали более ранние юридические нормы, содержащиеся в статутах Великого княжества Литовского, однако имели некоторые отличия не только по форме изложения, но и по сути принимаемых мер. Рассмотрены примеры применения некоторых положений Соборного уложения.
Ключевые слова: водяные мельницы, Соборное уложение, Московское государство, статуты Великого княжества Литовского

Для цитирования: Медведь А.Н. Законодательные нормы Соборного Уложения 1649 г. в сфере регулирования мельничного дела в Московском государстве // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 104–110. doi: 10.17223/15617793/514/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/12

Legislative norms of the 1649 Sobornoye Ulozheniye in the regulation of the mill business in the Moscow State

Alexander N. Medved¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, man1153@yandex.ru*

Abstract. The article explores the history of the formation of the first legal norms in the regulation of the mill business in the Moscow state in the middle of the 17th century. The most common type of mills in this period were water-driven mills. They were used not only in the agrarian sector, but also in metallurgy and light industry. The technological scheme of Russian water mills in the 17th century was rather complex and archaic. It is emphasised that the mill business itself in the Moscow state developed in an extensive way, the number of mills increased, which sometimes worsened the ecological situation on the rivers, flooding of arable land and disturbances in the functioning of other mill complexes. All of this led to disputes, complicated social relations between the owners of mills and lands, and generally had a negative impact on the economic situation in the regions of the Moscow state. On the basis of act materials examples of conflict situations related to the use of mills in some regions of the Moscow state in the 17th century are given. The general state legal acts created in the late 15th and 16th centuries are considered. These acts do not mention the mill business as an object of law enforcement activity. Particular attention is paid to the Sobornoye Ulozheniye (law code) of 1649. It is argued that it was this document that became the first legislative act, where the problems of mill functioning were considered. A search was made for possible sources used in the creation of the norms of the Sobornoye Ulozheniye. It was concluded that its relevant articles partly copied earlier legal norms contained in the statutes of the Grand Duchy of Lithuania of the 16th century. The norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and the norms of the Sobornoye Ulozheniye of 1649 were compared. It is noted that the norms of the Sobornoye Ulozheniye devoted to mills had some differences from the norms of statutes not only in the form of statement, but also in the essence of the measures taken - the norms of the Ulozheniye were largely aimed at curbing the very possibility of technological accidents through the introduction of a ban on the construction of mills on dangerous sections of rivers. But the question of punishment of those responsible for these accidents was secondary. Examples of application in the realities of the Moscow state of the 2nd half of the 17-early 18 centuries of some provisions of the Sobornoye Ulozheniye of 1649 are considered. Some provisions of the Sobornoye Ulozheniye of 1649 are considered, and it is concluded that the norms and the practice of their application set out in the Ulozheniye could not radically affect the situation with the use of mills. It is hypothesised that some decrease in the number of conflict situations related to the use of mills in the 18th century was due to the spread of more advanced technological objects - windmills.

Keywords: water mills, Sobornoye Ulozheniye, Moscow State, Statutes of Grand Duchy of Lithuania

For citation: Medved, A.N. (2025) Legislative norms of the Sobornoye Ulozhenie 1649 in the sphere of regulation of the mill business in the Moscow State. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 104–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/12

История развития водяных мельниц является важной частью истории сельского хозяйства и истории техники. Юридические нормы, регулирующие использование технических средств в Московском государстве, появляются довольно поздно. При этом необходимость в разработке таких норм стала ощущаться еще в начале XVII в., после Смутного времени. Это был сложный период упорядочивания земельных отношений, социальных и экономических связей, значительно изменившихся в период смутного лихолетья.

Исследований, где тема эволюции технических объектов и связанных с ними юридических норм была бы раскрыта максимально подробно, до сих пор крайне мало. Общим вопросам истории развития мельничного дела посвящены разделы в монографиях, посвященных истории российской техники – это и работа В.В. Данилевского [1], и книги Н.И. Фальковского [2, 3]. Есть отдельные статьи, посвященные истории отдельных мельниц в регионах России и Украины. Однако в этих работах исследовались лишь особенности конструкций различных мельниц и проблемы распространения и содержания мельничных хозяйств.

С другой стороны, исследования происхождения и содержания Соборного уложения начались еще в XIX в., но ни в одной работе, посвященной этому важному юридическому документу тематика законодательных норм функционирования мельниц не рассматривалась.

В 1980–2020 гг. сформировался целый корпус исследований, посвященных отдельным ситуациям, описанным в Уложении. Они затрагивают различные аспекты, связанные с самовольным строительством, вопросы кадастра и регулирования имущественных отношений. Однако юридические проблемы, связанные с мельницами, рассматривались редко. Можно упомянуть несколько работ, где подобная тематика затрагивалась в контексте изучения истории дорожной сети России. Прежде всего, это исследования А.Н. Закатова [4] и Ю.И. Петрова [5, 6]. Однако основное внимание в этих работах было уделено формированию налоговой системы Русского государства в контексте развития дорожной инфраструктуры Московского государства. Проблемы, связанные с функционированием мельничного хозяйства в этих работах не рассматривались. А между тем эта тема важна, так как впервые в общерусском юридическом документе рассматривалось влияние сложных технических объектов (каковыми являлись мельницы) на общество и природу.

Развитие мельничного дела тесно связано с развитием экономики и аграрного сектора Московского государства XVII в. Этот период вообще является очень важным временем для истории техники, ведь именно тогда техника, ее объекты, воспринимаются как один из факторов экономического развития Московского государства.

В свою очередь мельницы были одним из наиболее важных элементов рождавшейся новой экономики. Речь, конечно же, идет о водяных мельницах, так как

ветряные мельницы и мельницы иных типов стали появляться в Московском государстве ближе к концу XVII века.

Заметим, что увеличение количества мельниц было связано не только с проблемой обмолота зерна. В XVII в. в Московском государстве распространяются универсальные мельницы, способные производить разные виды работ. Кроме того, начинается активное внедрение железоделательных мельниц, что повлияло на развитие металлургической промышленности и оружейного дела.

Так, известно, что в 1632 г. голландский предприниматель А. Винниус с компаньонами получил монопольное право на создание заводов по выработке железа. В царской грамоте, фиксировавшей права компании А. Винниуса, говорилось о нескольких мельницах, которые должны были быть построены в рамках создания железоделательных заводов. Такие заводы были построены на р. Тулице. Но все-таки в основном водяные мельницы были частью аграрного сектора экономики Московского государства.

Следует отметить, что развитие мельничного дела к середине XVII в. привело к ситуации, когда был достигнут предел в совершенствовании технологий выработки энергии с помощью воды. Поэтому мельничное дело в Московском государстве развивалось в XVII в. скорее экстенсивным путем, через увеличение количества мельниц, но не через совершенствование конструкции таких мельниц.

В свою очередь, это становилось причиной того, что мельницам становилось «тесно» на небольших реках России, что приводило к разного рода спорным ситуациям и часто конфликтам.

Об одной из таких ситуаций говорит царская грамота 1647 г., посланная из Москвы воеводе Прокофию Елизарову в Соль Камскую.

В 1646 г. торговый человек и владелец мельницы Алексей Онуфриев обратился к царю Алексею Михайловичу с тем, что игумен Вознесенского монастыря Сергей с братией 22 года владеют двухколесной мельницей на р. Усолке, при этом не платя оброк. Также Вознесенский монастырь владел «присадной землей» подле реки Камы. Под «присадной землей» в данном случае следует понимать, видимо, землю, образовавшуюся в результате речных наносов. За эту землю монастырь платил в казну оброк – 2 рубля в год. Онуфриев предлагал передать ему и мельницу, и землю. Причем он выдвинул, как ему казалось, выгодные условия – он пообещал платить в течение 5 лет оброк с мельницы (по 5 рублей в год), с земли (по 3 рубля в год). Московские чиновники согласились с таким предложением, правда, с двумя условиями – увеличить оброк с мельницы до 5 рублей 13 алтын 2 деньги и провести проверку мельницы.

Проверка была поручена соликамскому воеводе Ивану Львову. В это же время игумен Сергей написал встречное обращение к царю, где указал, что Онуфриев,

оказывается, «насилством», без всяких царских грамот и указов построил свою мельницу «под их монастырскую мельницу вновь и ту их старинную мельницу своей мельницей заводной водой потопил» [7. С. 80].

В ходе разбирательства выяснилось, что монастырская мельница была поставлена в соответствии с царской грамотой, выданной в 1629 г. А вот мельница Онуфриева, построенная в 1645 г., действительно создавалась без каких-либо разрешительных документов. Чиновниками и посадскими людьми был проведен осмотр места, который подтвердил, что монастырская мельница не мелет в полную силу, так как запруда, устроенная Онуфриевым ниже по течению, не дает возможности воде течь быстро. Уровень воды стал выше, и мельничное колесо монастырской мельницы оказалось почти полностью в воде.

В царской грамоте, заверенной дьяком Никифором Демидовым, содержалось решение, согласно которому монастырская мельница оставалась в ведении монастыря, но в течение 5 лет с нее (как и с «присадной» земли) должен был взиматься оброк в размере 11 руб. ежегодно без права передачи оплаты оброка кому-либо другому. А вот мельницу Онуфриева было предписано разобрать [7. С. 83].

Здесь следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, в XVII в. строительство мельниц должно было всегда производиться на основании решений государственных чиновников. При этом было возможно создание мельниц без всяких разрешений – их существование зависело лишь от случая.

Во-вторых, мельницы могли использоваться безоборочно, т.е. фактически не облагались налогом, принося их владельцу чистый доход, но не принося такого дохода государству. Но это тоже могло продолжаться до определенного момента – очевидно, что в случае с монастырской мельницей местные органы власти просто забыли о взимании оброка с мельницы, которая существовала несколько десятилетий. Как только информация о ней поступила в Москву, центральная власть тут же распорядилась брать с нее оброк.

В-третьих, местная власть инициировала полноценное обследование обеих мельниц с привлечением жителей, которые одновременно выступили как свидетели и, возможно, как эксперты.

Но нельзя не обратить внимание и на самое главное – если бы не попытка Онуфриева провести присвоение монастырской мельницы, то вся эта история могла и не получить никакого развития. Одной из главных причин было отсутствие законодательных норм в отношении мельниц, а решение по этому делу звучало несколько странно: «мельнице Онуфриева не быть, потому что по досмотру посадских людей, той мельнице быть нельзя».

Именно стремление урегулировать такие ситуации, снятие социальной напряженности в среде русских обывателей и являлось главной причиной создания законодательных норм использования мельниц.

Описанный выше случай и, очевидно, многие другие похожие случаи сигнализировали центральной власти о том, что проблема функционирования мельниц как важной части микроэкономики различных регионов Московского государства требует законодательного оформления.

Попытки урегулировать создание и использование мельниц предпринимались еще в начале 1620-х гг. Однако первым законодательным документом Московского государства, где уделялось внимание различным аспектам мельничного дела, стало Соборное уложение 1649 г.

В более ранних общегосударственных законодательных актах (например, судебныхниках конца XV и XVI вв.) эта тема регулирования мельничного дела не затрагивалась, что, вероятно, было связано с относительно небольшим количеством таких мельниц.

Вопросы, касавшиеся мельниц, содержатся только в главе 9 Уложения «О мытах, перевозах и мостах». Соответственно, и мельницы в этом законодательном документе рассматриваются в их связи с путями сообщения и служат скорее дополнительным элементом. Однако само появление мельниц как объекта права очень показательно и свидетельствует о возросшем значении этих технических объектов в жизни Московского государства.

Нельзя не отметить, что законодательные нормы, сформулированные в Соборном уложении, показывают всю сложность ситуации с мельничным делом в Московском государстве середины XVII в. и касаются нескольких важных аспектов мельничного дела:

1. Безопасное размещение мельниц на реках;
2. Обеспечение свободного судоходства и содержания иных путей сообщения;
3. Сбор налогов в казну за мельницу.

В Соборном уложении наибольшее внимание уделялось строительству новых мельниц. Очевидно, что мельницы, построенные до принятия этого важнейшего юридического документа, не подпадали под ряд его статей. Подразумевалось, видимо, что само существование этих мельниц служит подтверждением их правильного и безопасного размещения. Такой подход являлся свидетельством обычного права, которое все еще сохранялось в законодательстве Московского государства.

Чуть подробнее остановимся на каждом аспекте регулирования мельничного дела в Уложении.

Безопасное размещение мельниц на реках. Новые мельницы можно было сооружать в том случае, если владелец мельницы был одновременно и владельцем земли на обоих берегах реки, на которой она располагалась, а уже существующие мельницы других владельцев располагались выше по течению. Но и здесь имелось дополнительное условие – новая мельница не должна была располагаться вблизи пашенных земель и земель, использовавшихся под сennie покосы: «238. А будет кто помещик, или вотчинник похочет у себя в поместье или в вотчине на реке плотину зделать, и мельницу устроить вновь, а береги оба тое реки будут его, а выше тое плотины у иных помещиков и у вотчинников на той же реке старых мельниц и пашенных земель и сennie покосов блиско берегов тое мельницы не будет, или и будет, да от тое новья запрудные воды тем верхним мельницам и пашням и сennie покосом никакия порухи не будет, и ему та мельница вновь строить вольно» [8. С. 148].

Обеспечение свободного судоходства и содержание иных путей сообщения. Уложение устанавливало приоритет движения судов по рекам перед строительством мельниц: «А которыми реками суды ходят, и на тех реках прудов новых и плотин и мелниц не делати, чтобы по тем рекам новыми прудами и плотинами судового ходу не переняти» [8. С. 94]. Подразумевалось, что старые мельничные комплексы не мешают судоходству, поэтому их существование не подвергалось ревизии, тогда как новые мельницы могли привести к проблемам в передвижении судов.

Еще одна статья регулировала строительство мельниц вблизи перевозов, мостов и мытных пунктов: «А которые люди всяких чинов, не бив челом государю, самовольством на своих на вотчинных и на поместных водах по дорогам завели мыты и перевозки и мостовщины, и перевоз и мыт емлют самовольством внов, в которых местех наперед сего не бывало, а иные внов поставили мелницы, и тем воду подняли, а прежде сего в тех местех бывали дороги и броды, и они теми запрудами дороги и броды отняли, и со всяких чинов с людей емлют перевоз и мостовщину и мыт, и тем перевозом и мостом и мытом впредь не быти, и те мелницы и мосты и перевозки свести» [8. С. 95]. Здесь установка мельниц связывалась с возможностью беспрепятственного и бесплатного функционирования транспортных артерий – дорог, бродов, перевозов или мостов.

Отдельно разбиралась ситуация, когда мельница строилась на месте старой дороги или перевоза без официального разрешения. Соборное уложение позволяло оставлять такие мельницы, но с условием организации на месте их расположения мостов и перевозов через реки и обязательной легитимизации мельниц через запрос в административные органы и получение разрешения. При этом проезд через перевоз, организованный владельцем мельницы, должен был осуществляться абсолютно бесплатно. Если владелец не информировал власти о построенной мельнице и не организовывал перевоз либо пытался брать за пользование перевозом день, то мельница должна была быть снесена.

Сбор налогов в казну за мельницу. Вопросы сбора налогов с мельничных комплексов решались в каждом конкретном случае индивидуально. Например, за продажу мельницы или «прудового строения» взималась пошлина, размер которой не утверждался, но говорилось о том, что пошлина определялась «смотря по строению и по оценке сторонних людей» (т.е. неких независимых экспертов) [8. С. 206]. На наш взгляд, это очень примечательный момент, который свидетельствовал о том, что в центральных государственных органах отсутствовали представления о возможных средних пошлинах на продаваемые мельницы. С другой стороны, государство подошло к вопросу начисления таких пошлин достаточно либерально, фактически дав возможность местным землевладельцам и специалистам-мельникам принимать решение самостоятельно.

Впрочем, такой подход мог привести к сговору продавца, покупателя и «сторонних людей», производивших оценку с целью занижения стоимости мельницы

относительно ее справедливой цены. В этом случае в документах на куплю-продажу могли фигурировать одни суммы, а при реальном расчете – другие. Это могло делаться для занижения налоговых выплат.

Еще один вопрос касался использования мельниц не только их хозяевами, но и другими лицами, которым эти мельницы отдавались в откуп владельцами. Соборное уложение регламентировало порядок оплаты откупа: «...которым откупщиком даны будут в откуп внов городские бани, или мельницы для заводу, года на два, и на три, и болши, и учнут те откупщики бити челом государю, что они те откупы на только лет взяли для банного и мельничного заводу, и с тех бы откупов печатные пошлины взяти у них, для новых заводов, на один год, и с таких откупов печатные пошлины имати на один год» [8. С. 149].

Из этого текста следует, что правительство было заинтересовано в сооружении новых городских бань и мельниц и предоставляло определенные налоговые льготы для новых объектов.

При этом сооружение новых мельниц подпадало под определенные ограничения. На наш взгляд, здесь нет противоречия, так как правительство, с одной стороны, предлагало налоговые льготы для новых мельниц, а с другой – вводя эти же мельницы в некие рамки, пыталось расширить географию мест строительства мельниц, включив в экономику новые территории и, соответственно, новых людей.

Что же касается наказаний, содержащихся в Соборном уложении, то их было несколько. Прежде всего, необходимо было спустить воду в собственной мельнице до безопасного уровня. Далее – финансовая компенсация за подтопление других мельниц, сенокосов и пашен. Если же человек сделал новую мельницу и подвел плотину к берегу, принадлежащему другому владельцу, то требовалось разрушить эту плотину и впредь ничего подобного не строить на этом месте.

Собственно, на этом статьи, посвященные мельничному делу, заканчиваются. Уместен вопрос: являлись ли эти статьи результатом творчества московских чиновников либо они имели иное происхождение и были лишь переработаны и адаптированы для реалий Московского государства?

Многие исследователи обращали внимание на то, что часть статей Соборного уложения являются либо значительно переработанными статьями статута Великого княжества Литовского, либо прямыми копиями таких статей.

Действительно, мы видим достаточно много пересечений между Соборным уложением и литовскими статутами XVI в.

Здесь следует напомнить, что в 1-й половине XIX в. предпринимались попытки представить Литовский статут как произведение московских законодателей. Например, такой точки зрения придерживался В.М. Строев [9]. Он полагал, что один из литовских статутах (Статут 1588 г.) создавался в Москве (!), причем на русском языке, и поэтому его положения можно считать относящимися к русскому законодательству. Конечно же, это утверждение (а точнее, вывод из него) в корне неверно, так как в действительности Литовский статут 1588 г. был написан на западнорусском

языке (далеком от московского варианта русского языка), но главное – Статут отражал реалии Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но никак не Московского государства. Влияние Литовских статутах на Соборное уложение изучается достаточно давно, и, очевидно, это влияние можно считать вполне доказанным [10].

Очевидно, что и другие, более ранние статуты, также повлияли на главный юридический документ Московского государства. И статьи Соборного уложения 1649 г., связанные с мельницами, лишь подтверждают это влияние.

Здесь следует напомнить, что в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. мельничное дело было весьма развито, существовало довольно большое количество мельниц. Так, украинские исследователи Ю.Г. Тютюнник и А.Д. Лаврик отмечали, что только на Волыни к 1569 г. насчитывалось 767 мельниц [11]. Данных о ситуации в Московском царстве XVI в. у нас нет, но, очевидно, здесь количество мельниц было гораздо меньше. Поэтому неудивительно, что законодательство Великого княжества Литовского уделяло внимание мельничному делу еще в 1-й половине XVI в.

Влияние Литовских статутах на Соборное Уложение очевидно, однако в деталях мы можем наблюдать некоторую разницу.

Например, и в Статуте 1529 г., и в Статуте 1566 г. рассматривалась ситуация, когда владелец обоих берегов реки поставил свою мельницу и плотиной затопил другую мельницу, располагавшуюся выше по течению. В них же рассматривалась проблема затопления сенокосных лугов и т.д. В статутах предусматривались наказания для нарушителей, из-за которых затапливались сенокосы или мельницы соседей [12. С. 97].

Соборное уложение рассматривало ту же проблему подтопления, но подход к этому решению был немного иным. Если Литовские статуты основное внимание уделяли наказанию виновного в подтоплении, то Уложение стремилось снять саму проблему, сначала вводя запрет на строительство мельниц на потенциально опасных участках и лишь потом говоря о наказании виновных в подтоплении. В Литовских статутах такой запрет, очевидно, подразумевался, но явно не декларировался.

Кстати, наказание, изложенное в Соборном уложении, повторяет наказание, содержащееся в Литовских статутах, – покрытие убытков и снос плотины, подведенной к чужому берегу. При определенных условиях снос плотины мог привести к прекращению работы мельницы.

С большой долей уверенности можно утверждать, что в Соборном уложении 1649 г. были воплощены нормы, актуальные для Великого княжества Литовского в начале XVI в. Возможно, это означает не только то, что законодательство Московского государства в принципе оформилось позднее, чем законодательство Литвы.

Эта ситуация является свидетельством того, что решение проблем использования мельниц в Московском государстве стало гораздо более насущным ввиду увеличения количества данных технических устройств.

И этот процесс активизировался именно в XVII в. – до этого периода проблема функционирования мельниц не была столь очевидной.

Завершая этот краткий обзор отметим, что статьи Соборного уложения являются первым примером упорядочивания использования технических объектов в Московском государстве.

Использовалась ли эта законодательная норма? Нам известен как минимум один такой случай, описанный в работе А.В. Сиренова [13].

В 1686 г. приказчик домового вотчины патриарха Иван Потапов построил на берегу р. Нерль новую мельницу. Однако это сооружение вызвало протесты монахов соседнего Рождественского монастыря во Владимире, которые обратились к патриарху Иоакиму с обращением об остановке мельницы.

Челобитчики перечислили несколько причин, по которым мельница Потапова должна была прекратить существование. Прежде всего это желание приказчика обогатиться («хотя получить большого жалования»). Второй причиной стало опасное соседство новой мельницы с мельницей Рождественского монастыря. В челобитной указывалось, что перед постройкой новой мельницы по просьбе архимандрита Рождественского монастыря была проведена экспертиза относительно безопасности мельницы Потапова для мельницы обители. Любопытно, что для экспертизы были привлечены 17 (!) местных мельников. Это довольно большое количество для относительно небольшого района, что может свидетельствовать о развитости мельничного дела на Нерли и близких к ней реках. Мельники выступили против постройки новой мельницы, так как в этом случае ее запруда могла подтопить мельницу Рождественского монастыря.

Результаты экспертизы были зафиксированы на бумаге, однако из-за действий Ивана Потапова они не были приняты в расчет патриархом, и решение о постройке мельницы осталось в силе. Новая мельница действительно подтопила старую, что заставило архимандрита Рождественского монастыря вновь пожаловаться патриарху. Однако о приезде проверяющих Ивану Потапову стало известно заранее, и он приказал спустить воду на новой мельнице до приемлемого уровня. Эта и дальнейшие проверки ни к чему не привели – даже если проверяющие и фиксировали опасный уровень воды в новой запруде, даже если выходил патриарший указ об этом, все оставалось по-прежнему. Просто указы не соблюдались, хотя и передавалась информация о том, что они выполнены. Окончательный результат этой тяжбы нам неизвестен, хотя последние документы, связанные с ней, относятся к 1691 г., т.е. спорная ситуация была далека от разрешения как минимум пять лет. Также следует отметить, что нормы Соборного уложения в данном случае удалось обойти без особых трудностей.

Похожие конфликты происходили и позже – известен такой спор, произошедший в 1704 г. между владельцами двух порошодельных мельниц на р. Яуза – Р. Мэером и Ф. Аникеевым [14. С. 332]. На мельнице Меэера, располагавшейся выше мельницы Аникеева, плотиной была перекрыта часть реки, из-за чего сила течения воды ослабла и не давала возможности работать мельнице Аникеева в полную мощность.

Примечательно, что эта проблема упоминалась даже в сенатском указе от 19 июня 1711 г., где содержалось распоряжение Р. Мэру, «чтоб он мельницею своею воды не запирает». Однако и в 1716 г. проблема не была решена, и весной этого года произошла авария, во время которой вода с открытой плотины Р. Мэра разломала плотину Ф. Аникеева и разрушила часть пороходельной мельницы. Этот случай очень хорошо иллюстрирует ситуацию с правовыми основами использования мельниц в начале XVIII в. – предыдущие законодательные нормы, изложенные в Соборном уложении, полностью игнорировались владельцами мельниц.

Самым распространенным типом мельниц в Московском государстве XVII в. был тип водяной мельницы. Конструкция мельниц такого типа при всех положительных сторонах (главной из которых являлась простота конструкции) имела свои недостатки. Водяные мельницы располагались на реках достаточно скученно, что приводило к серьезным последствиям для аграрного сектора и для сектора транспорта. Встречались планы местностей XVII в., где на небольших территориях часто было изображено более 20 водяных мельниц [15. С. 141]. Эта скученность могла приводить к серьезным изменениям природных условий микрорегионов. Такими изменениями могли быть как обмеление рек ниже по течению из-за перекрытия плотин, так и наоборот – подтопление территорий из-за открытия или прорыва этих плотин. Также водяные мельницы (а точнее, плотины) могли мешать проходу судов по рекам, а разлив рек из-за работы мельницы мог повредить и дороги. Неупорядоченное сооружение мельниц происходило из-за отсутствия каких-либо юридических и технических норм.

В середине XVII в. правительство Московского государства пыталось внедрить новые законодательные нормы, чтобы хотя бы частично решить проблемы,

связанные с функционированием мельниц. Эти нормы во многом повторяли нормы, изложенные в Литовских статутах XVI в. Как показала практика правоприменения этих норм, нарушители довольно быстро находили пути их обхода либо затягивали процессы экспертизы и окончательного принятия решений. Хотя, безусловно, Соборное уложение сыграло и положительную роль – например, благодаря ему отчасти была решена проблема самовольного возведения водяных мельниц. Также более упорядоченным стал процесс взимания с мельниц налогов.

Существовал и второй, «технический» путь решения проблемы водяных мельниц. Он включал в себя постепенное внедрение ветряных мельниц. Ветряной тип привода не зависел от течения воды и водоемов и позволял размещать мельницы практически на любом открытом месте. Ветряные мельницы полностью исключали какие-либо отрицательные последствия для посевов и земли в целом. Также их работа не приводила к социальным конфликтам, поскольку для их функционирования не требовались большие территории, а в случае аварии не страдали участки земли соседей. В первой половине XVII в. мельницы с ветряным приводом, вероятнее всего, отсутствовали в Московском государстве, либо их были считанные единицы. Постепенное распространение ветряных мельниц относится уже ко второй половине XVII в., а стремительное увеличение их количества наблюдается в XVIII в., когда в Российскую империю приезжают носители европейских технических знаний, да и сами русские мастера начинают осваивать ранее малоизвестные технологии обмолота зерна и обработки других материалов. Впрочем, полностью заменить водяные мельницы не удалось даже в более поздние периоды.

Список источников

1. Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1949. 548 с.
2. Фальковский Н.И. История водоснабжения в России. М.; Л., 1947. 307 с.
3. Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. 528 с.
4. Закатов А.Н. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича и его «дорожная» составляющая // Дороги России XXI в. 2008. № 5. С. 72–73.
5. Петров Ю.И. Правовое обеспечение сохранности и благоустройства транспортных путей по Соборному уложению 1649 года // Транспортное право и безопасность. 2017. № 1 (13). С. 65–71.
6. Петров Ю.И. Роль проезжих таможенных пошлин в обустройстве мостов и дорог в Московском государстве и императорской России // Вестник Юридического института МИИТ. 2020. № 3. С. 69–77.
7. Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период с 1645–1676 гг. / сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко. Пермь, 1884. 1168 с.
8. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. 444 с.
9. Строев В.М. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. 158 с.
10. Сатолин В.Н., Рапян Ю.Х. Статут Великого Княжества Литовского 1588 Года и Соборное уложение 1649 года: сравнительно-правовой анализ // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-гэарэтычныя асэнсаванне: матэрыялы міжнар. навук.-практ. круглага стала, прысвеч. юбілею гісторыка права, д-ра юрыд. навук, праф. Т.І. Доўнар, Мінск, 11 кастр. 2019 г. / рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2019. С. 310–321.
11. Тютюнник Ю.Г., Лаврик А.Д. Водяные мельницы в междуречье и на водосборах Днепра и Южного Буга: опыт полевого исследования // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 4. С. 174–189.
12. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонского. Минск, 1960. 253 с.
13. Сиренов А.В. Патриарший ризохранилище Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 244–250.
14. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. 571 с.
15. Медведь А.Н. Русские картографические материалы XVII – первой четверти XVIII в. как источники по истории техники // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. № 1. С. 129–142.

References

1. Danilevskiy, V.V. (1949) *Russkaya tekhnika* [Russian Technology]. Leningrad.
2. Falkovskiy, N.I. (1947) *Istoriya vodosnabzheniya v Rossii* [History of Water Supply in Russia]. Moscow; Leningrad.

3. Falkovskiy, N.I. (1950) *Moskva v istorii tekhniki* [Moscow in the History of Technology]. Moscow.
4. Zakatov, A.N. (2008) Sobornoe Ulozhenie tsarya Aleksey Mikhailovicha i ego "dorozhnaya" sostavlyayushchaya [The Sobornoye Ulozheniye of Tsar Alexei Mikhailovich and Its "Road" Component]. *Dorogi Rossii XXI* v. 5. pp. 72–73.
5. Petrov, Yu.I. (2017) Pravovoe obespechenie sokhrannosti i blagoustroystva transportnykh putey po Sobornomu ulozheniyu 1649 goda [Legal Support for the Preservation and Improvement of Transport Routes According to the Sobornoye Ulozheniye of 1649]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'* [Transport Law and Security]. 1 (13). pp. 65–71.
6. Petrov, Yu.I. (2020) Rol' proezhnykh tamozhennykh poslin v obustroystve mostov i dorog v Moskovskom gosudarstve i imperskoi Rossii [The Role of Transit Customs Duties in the Construction of Bridges and Roads in the Muscovite State and Imperial Russia]. *Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT*. 3. pp. 69–77.
7. Shishonko, V. (1884) *Permskaya letopis' s 1263–1881 g. Tretiy period s 1645–1676 gg.* [Perm Chronicle from 1263–1881. Third Period from 1645–1676]. Perm.
8. Anon. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Sobornoye Ulozheniye of 1649]. Moscow.
9. Stroev, V.M. (1833) *Istoriko-yuridicheskoe issledovanie Ulozheniya, izdannogo tsarem Aleksem Mikhailovichem v 1649 godu* [Historical-Legal Study of the Ulozheniye Issued by Tsar Alexei Mikhailovich in 1649]. Saint Petersburg.
10. Satolin, V.N. & Rapyan, Yu.Kh. (2019) [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588 and the Sobornoye Ulozheniye of 1649: A Comparative Legal Analysis]. *Statut Vyalikaga Knyastva Litovskaga 1529 goda i yago gistoryka-tearetychnae asensavanne* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and its Historical-Theoretical Comprehension]. Proceedings of the International Round Table Dedicated to the Anniversary of the Historian of Law, Doctor of Juridical Sciences, Professor T.I. Dounar, Minsk. 11 October 2019. Minsk. pp. 310–321. (In Russian).
11. Tyutyunnik, Yu.G. & Lavrik, A.D. (2011) Vodyanye mel'nitsy v mezhdurech'e i na vodosborakh Dnepra i Yuzhnogo Buga: opyt polevogo issledovaniya [Water Mills in the Interfluvium and Catchments of the Dnieper and Southern Bug: Field Research Experience]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 4. pp. 174–189.
12. Yablonskis, K.I. (ed.) (1960) *Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 goda* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529]. Minsk.
13. Sirenov, A.V. (2003) Patriarshii rizokhranitel' Bogolep i dva pamyatnika monastyrskoi knizhnosti kontsa XVII v. [The Patriarchal Sacristan Bogolep and Two Monuments of Monastic Book Culture from the End of the 17th Century]. In: *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Issue 7. Moscow: Editorial URSS. pp. 244–250.
14. Brandenburg, N.E. (1876) *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1701–1720)* [Materials for the History of Artillery Administration in Russia. The Artillery Prikaz (1701–1720)]. Saint Petersburg.
15. Medved', A.N. (2019) Russkie kartograficheskie materialy XVII – pervoi chetverti XVIII v. kak istochniki po istorii tekhniki [Russian Cartographic Materials of the 17th – First Quarter of the 18th Century as Sources on the History of Technology]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 129–142.

Информация об авторе:

Медведь А.Н. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: man1153@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Medved, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: man1153@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 94(469).071 “1917/1918”
doi: 10.17223/15617793/514/13

Деятельность лидера Первой Португальской республики Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г. в еженедельных отчетах Форин-офиса Великобритании

Сергей Алексеевич Миронюк¹

¹ Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия, privetsergey95@mail.ru

Аннотация. На основе еженедельных отчетов Форин-офиса Соединенного Королевства рассматривается первый этап деятельности майора артиллерии Сидониу Паиша в качестве лидера Первой Португальской республики (декабрь 1917 – май 1918 г.). В этом контексте анализируются обстоятельства его прихода к власти и решение им вопросов сохранения, усиления и закрепления единоличного управления Португалией. Сделаны выводы об отличительных чертах и результатах первого этапа деятельности Сидониу Паиша.

Ключевые слова: Первая Португальская республика, Первая мировая война, Декабрьский переворот 1917 г., Сидониу Паиш, Новая республика, Национальная республиканская партия, Афонсу да Кошта, Бернардину Машаду, Демократическая партия, Форин-офис Великобритании

Для цитирования: Миронюк С.А. Деятельность лидера Первой Португальской республики Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г. в еженедельных отчетах Форин-офиса Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 111–120. doi: 10.17223/15617793/514/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/13

Activities of Sidónio Pais, the leader of the First Portuguese Republic, in December 1917 – May 1918 in the weekly reports of the British Foreign Office

Sergei A. Mironiuk¹

¹ Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, Russian Federation, privetsergey95@mail.ru

Abstract. This article examines the activities of the leader of the First Portuguese Republic Sidónio Pais in December 1917 – May 1918. The study aims to identify the specifics and analyse the results of his activity on the basis of the weekly reports of the British Foreign Office, which are being introduced into scientific discourse for the first time in the domestic historiography. The article mainly used retrospective, systemic and narrative research methods. The retrospective method allowed considering the activities of Sidónio Pais in December 1917 – May 1918 in its dynamics and logic, highlighting the main events of this period and its cause-and-effect relationships. When using the systemic method, these activities was shown and characterized as a system of actions aimed mainly at preserving, strengthening and securing the sole control of Portugal. The narrative method was used to describe the content and reflect the nature of these historical sources. This method also made it possible to select and review the most significant documents of this complex and the information contained therein for the purpose of this work. In December 1917 Sidónio Pais, who came to power as a result of the December coup d'état of 1917, was first the head of the short-lived Revolutionary Junta, then unconstitutionally took the posts of Prime Minister, Minister of War, Minister of Foreign Affairs, and President. The main direction of his activity as the leader of the First Portuguese Republic in December 1917 – May 1918 was to solve the problem of preserving, strengthening and securing the sole control of Portugal. Its solution was found in the holding of the general presidential and parliamentary elections on April 28, 1918. To achieve victorious results, the suffrage and public administration were reformed, in particular, the right to vote was granted to the illiterate; certain representatives of political, social and economic groups appeared in the Portuguese Parliament – the Congress; the president was given the right to appoint and dismiss government members; the upper and lower houses of the Congress were given the right to introduce constitutional amendments. Despite the acute socio-economic and political problems, Sidónio Pais, like the National Republican Party he created, won the elections. This victory solved for him the problem of preserving, strengthening and securing sole control. He was officially recognized as President inside and outside Portugal. However, the conduct and results of the presidential election attracted criticism due to the participation of only one candidate and a small number of voters. The weekly reports of the Foreign Office reflected the most important, from the Office's perspective, aspects of Sidónio Pais' activities in December 1917 – May 1918. These sources also showed the main events and directions Sidónio Pais' activities and important historical details on this topic.

Keywords: First Portuguese Republic, First World War, December 1917 coup d'état, Sidónio Pais, República Nova, National Republican Party, Afonso da Costa, Bernardino Machado, Democratic Party, British Foreign Office

For citation: Mironiuk, S.A. (2025) Activities of Sidónio Pais, the leader of the First Portuguese Republic in December 1917 – May 1918 in the weekly reports of the British Foreign Office. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 111–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/13

Когда страна переживает кризисный этап развития вследствие нерешенных проблем, которые при неблагоприятной ситуации обостряются, а также появления новых вызовов, которые не способны решить действующие власти, внутри такой страны формируются предпосылки и условия для возникновения поворотных событий, способных изменить систему государственного управления и привести к жестокому противостоянию между разными социально-политическими силами. В таких условиях первостепенное значение приобретает личность лидера страны. От него зависит контроль над текущей внутривластной ситуацией, определение управленческих приоритетов и проведение необходимых реформ для обеспечения гражданского мира, экономической стабильности и совершенствования системы государственной власти, что способствует формированию успешного курса развития страны и определяет характер ее взаимоотношений с различными странами мира. Деятельность и роль таких лидеров, появляющихся в кризисные периоды истории разных стран, являются актуальным направлением исследований для профессионального сообщества, а также представляют интерес для широкой общественности.

В этом контексте представляет интерес история Португалии XX в., когда произошли события, изменившие характер развития этой страны: Португальская революция (3–5 октября 1910 г.), государственный переворот Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.), военный переворот Мануэла Гомеша да Кошты (28 мая 1926 г.), установление специфического государственного строя «Новое государство» (19 марта 1933 г.) и Революция гвоздик (25 апреля 1974 г.). В этих событиях роль лидера страны, а также других видных политических и военных деятелей была существенной, а в некоторых из них – решающей.

Ввиду этого особое внимание заслуживает майор артиллерии Сидониу Паиш, который во время участия Португалии в Первой мировой войне совершил Декабрьский государственный переворот 1917 г. и, став лидером Первой Португальской республики с обширным объемом властных полномочий в декабре 1917 – декабре 1918 г., прославился попыткой стабилизировать внутреннюю обстановку и провести необходимые реформы. Но его государственная деятельность и жизнь завершились трагически – смертельным выстрелом на вокзале Росиу в Лиссабоне 14 декабря 1918 г.

В отечественной и зарубежной историографии деятельность Сидониу Паиша как лидера Первой Португальской республики изучена в разной степени. В отечественной историографии, несмотря на значимость этой фигуры, анализ его деятельности не находился в числе основных приоритетов, как и в целом португальская история, за некоторыми исключениями. Причинами этого были географическая отдаленность Португалии, ее незначительный вес в мировой политике и экономике, а также внимание исследователей к истории более влиятельных стран Европы. Единственной

работой, где рассматривалась деятельность Сидониу Паиша как лидера республики, была статья А.Г. Нестерова «Сидониу Паиш и “Новая Республика” в Португалии (1917–1918): первый опыт европейской диктатуры “нового типа”» [1]. В других работах деятельность Сидониу Паиша в декабре 1917 – декабре 1918 г. затрагивалась в контексте более широких тем [2, 3].

В большей степени исследовательское внимание привлекли аспекты, связанные с внутренней и внешней политикой Португалии во времена премьер-министров Антониу де Оливейры Салазара (июль 1932 – сентябрь 1968 г.) и Марселу Каэтану (сентябрь 1968 – апрель 1974 г.). Зарубежная историография в отношении деятельности Сидониу Паиша отличалась большей информативностью. Работы зарубежных авторов касались либо непосредственно изучения этой личности [4, 5], либо более широкого круга вопросов в контексте крупных тем [6, 7].

В целом в отечественных и зарубежных работах деятельность Сидониу Паиша как лидера Первой Португальской республики оценивалась неоднозначно, особенно мотивы его прихода к власти, внутренняя политика, а также роль в истории Португалии. Вместе с тем существует общее понимание периода правления этого государственного лидера в декабре 1917 – декабре 1918 г. как рубежной вехи, которая сформировала основы и атмосферу дальнейшего развития Первой Португальской республики до ее падения в мае 1926 г. Его правление разделяется на два этапа, каждый из которых для Сидониу Паиша характеризуется решением важнейших на то время проблем: декабрь 1917 – май 1918 г. и май–декабрь 1918 г. Первый был временем от прихода к власти 8 декабря 1917 г. до официального провозглашения президентом 9 мая 1918 г., когда основной проблемой для этого государственного деятеля было сохранение, усиление и закрепление единоличной власти; второй – временем попыток стабилизировать внутривластную ситуацию с 9 мая по 14 декабря 1918 г.

Ситуация с изучением деятельности Сидониу Паиша как лидера Первой Португальской республики в отечественной историографии обусловлена малочисленной источниковой базой. Ввиду этого возникла потребность во введении в научный оборот доступных архивных источников, чей информационный потенциал значим для проведения исследований как деятельности этого лидера в целом, так и ее каждого этапа. К их числу относятся хранящиеся в Национальном архиве Соединенного Королевства материалы Военного Кабинета Великобритании и подведомственных ему учреждений, включая еженедельные отчеты Форин-офиса, где приводилась и анализировалась информация о внутренней и внешней политике каждой страны мира, которая находилась в центре внимания Британии. В число этих стран входила и Португалия как союзница Великобритании по Антанте.

Объектом настоящего исследования является личность Сидониу Паиша как одной из центральных фигур в истории Первой Португальской республики, а предметом – первый этап его деятельности в качестве лидера государства (декабрь 1917 – май 1918 г.). Цель исследования – выявить специфику и проанализировать результаты его деятельности в обозначенный период на основе введенных впервые в научный оборот в российской историографии еженедельных отчетов Форин-офиса Великобритании.

Выбранная тема в российской историографии практически не исследована. Настоящее исследование содержит значительные элементы научной новизны как с точки зрения темы, так и привлеченных источников. В дальнейшем его результаты будут представлять основу для исследования второго этапа деятельности этой фигуры (май–декабрь 1918 г.) и некоторых других аспектов истории Первой Португальской республики.

В настоящей статье в основном были использованы ретроспективный, системный и нарративный исследовательские методы. Первый позволил рассмотреть деятельность Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г. в ее динамике и логике с выделением основных событий этого периода и их причинно-следственных связей. С помощью второго была показана и охарактеризована эта деятельность как система действий, направленных в основном на сохранение, усиление и закрепление единоличного управления Португалией, включая изменение системы избирательного права, а также формирование правительства и Конгресса. Применение третьего исследовательского метода позволило описать содержание и отразить характер ранее не введенных в отечественной историографии в научный оборот еженедельных отчетов Форин-офиса Великобритании, отобрав и рассмотрев одновременно наиболее существенные для цели данной работы документы этого комплекса и содержащуюся в них информацию.

Приход майора артиллерии Сидониу Паиша к власти в Первой Португальской республике был результатом устроенного им государственного переворота 5–8 декабря 1917 г. против состоявшего полностью из представителей Демократической партии правительства во главе с премьер-министром и лидером этой партии Афонсу да Коштой, а также входившего в эту же партию президента Бернардину Машаду. Этому событию предшествовали резкий упадок экономики и уровня жизни, а также рост забастовок и их жесткое подавление властями республики [8. С. 126–127]. Согласно еженедельному отчету Форин-офиса от 12 декабря 1917 г., переворот начался 5 декабря 1917 г. с восстания части армии в Лиссабоне и выступления сторонников восставших в Порту и других местах севера Португалии. Он сопровождался ожесточенным боевым противостоянием, особенно в столице. Вооруженная борьба между силами Сидониу Паиша и силами Афонсу да Кошты завершилась 8 декабря 1917 г. Ее результатами являлись уход в отставку правительства демократов, арест Афонсу да Кошты и Бернардину Машаду, а также прекращение работы Конгресса – двухпалатного парламента Первой Португальской респуб-

лики, состоявшего из Сената (верхней палаты) и палаты депутатов (нижней палаты). Наряду с этим высшая государственная власть до формирования нового состава правительства перешла революционной жунте под руководством Сидониу Паиша, которая уведомила старшину дипломатического корпуса о взятии власти и роспуске Конгресса, а новым президентом республики, по сообщению Рейтер, стал некий Бракамп. Сам Сидониу Паиш имел опыт государственной службы, включая дипломатическую: был министром общественных работ в правительстве Жуана Пиньейру Шагаша (сентябрь–ноябрь 1911 г.) и министром финансов в правительстве Аугушту де Васконселуша (ноябрь 1911 – июнь 1912 г.), а также полномочным министром Португалии в Германии (август 1912 – март 1916 г.) [8. С. 127–128; 9. Р. 218–219].

В тексте еженедельного отчета Форин-офиса от 23 января 1918 г. упоминалась депеша британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лиссабоне Ланселота Карнеги от 17 декабря 1917 г. Он писал, что произошедшее в Португалии, судя по отношению к нему провинций, было «одобрено всеми, кроме Демократической партии и ее сторонников. Монархисты, по-видимому, озадачены относительно того, какого курса им придерживаться, но несомненно обрадованы свержению правительства Кошты. Нет сомнений, что страна очень устала от этого правительства и его лидера. Суровая и нелогичная цензура над прессой и радикальные методы в отношении жалоб духовенства, учебных заведений и почтовых сотрудников наряду с постоянными слухами о вопиющей коррупции – все это увеличивало количество его врагов» [8. С. 128; 10. Р. 21].

Вскоре было образовано новое португальское правительство. В еженедельном отчете Форин-офиса от 19 декабря 1917 г. было отмечено сообщение прессы от 12 декабря 1917 г. о его составе. В него вошли Сидониу Паиш как премьер-министр, министр обороны и министр иностранных дел; вице-адмирал Машаду душ Сантуш – министр внутренних дел; капитан Фелисиану Кошта – министр труда; Винсенте Феррейра – канцлер Казначейства; Мора Пинту – министр юстиции; Шавьер Эштевеш – министр торговли; Таманьини Барбоза – министр по делам колоний; Эрешта Бранку – военно-морской министр; Альфреду Магальяйнш – министр образования. Первые трое представляли революционную жунту, а остальные – юнионистов и центристов [11. Р. 227].

Позже, 27 декабря 1917 г., Сидониу Паиш, помимо полномочий премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел, собственным постановлением занял пост президента, пока будущий Конгресс не изберет нового президента [4. Р. 130]. Занятие таких постов нарушало несколько статей Конституции Португалии 1911 г.: согласно ст. 26 п. 19, президент избирался Конгрессом; согласно ст. 50, министры не могут занимать должности в какой-либо другой сфере деятельности или на государственной службе и быть избранными на должность президента, если они не прекратили занимать свои должности за шесть месяцев до даты выборов; согласно ст. 53, президент назначал на

пост премьер-министра одного из министров правительства [12. Р. 507, 510].

В вышеупомянутом отчете от 19 декабря 1917 г. были отмечены поручение Форин-офиса чрезвычайному посланнику и полномочному министру Л. Карнеги вести дела с «Временным правительством Португалии» и признание правительством Испании нового португальского правительства. В разговоре с Л. Карнеги министр иностранных дел Португалии, т.е. тот же Сидониу Паиш, настаивал на том, что «новое правительство не является “Временным” и автоматически имеет право на признание. Он выразил уверенность в солидарности с Великобританией в отношении к войне. Он сказал, что засуха повлияла на проблему с продовольствием, и выразил надежду, что правительство Его Величества вернет часть бывших немецких кораблей, поскольку для снабжения необходимо по меньшей мере 60 000 тонн» [11. Р. 227].

В депеше британского чрезвычайного посланника и полномочного министра от 17 декабря 1917 г., изложение которого дан в еженедельном отчете Форин-офиса от 16 января 1918 г., была охарактеризована новая внутривнутриполитическая ситуация в Португалии. Л. Карнеги обратил внимание на состав правительства. Оно «почти полностью состоит из юнионистов и союзных элементов Консервативного центра» [13. Р. 12]. Он заметил, что впервые за несколько лет Порту широко представлен в правительстве, что вызовет большое удовлетворение на португальском Севере; большинство министров были хорошо известны и имели хорошую репутацию. Особо, но кратко охарактеризовал министра внутренних дел Машаду Сантуша: он, «хотя и не обвиняется в антисоюзнических настроениях, считается противником активного участия Португалии в войне, и его послужной список подтверждает это предположение» [13. Р. 12].

В этом же отчете были описаны позиции двух португальских политических партий – Республиканской эволюционистской и Республиканской юнионистской. Эволюционисты опубликовали заявление об их неучастии в движении сторонников переворота. Республиканская эволюционистская партия «не возьмет на себя никакой ответственности за него» [13. Р. 12]. Лидер юнионистов Бриту Камашу держался в тени. Вероятное объяснение этому было связано с его сомнением в прочности нынешней власти и ожиданием появления возможности формирования более стабильного правительства.

На этом фоне усиливалась социально-экономическая и политическая нестабильность в Португалии. По еженедельному отчету Форин-офиса Великобритании от 27 декабря 1917 г., страна испытывала нехватку угля, которая оказывала «очень серьезное влияние на железные дороги, заводы и освещение» [14. Р. 237]. В другом еженедельном отчете от 9 января 1918 г. приводилась информация от Л. Карнеги о бунте части Военно-морского флота в ночь на 7 января, а также о беспорядочной стрельбе на улицах, «но теперь этот порядок восстановлен» [15. Р. 3].

В вышеприведенном отчете от 16 января 1918 г. было отмечено, что португальский министр иностранных дел Сидониу Паиш обратился к правительству Великобритании «с просьбой о доставке угля в Лиссабон,

поскольку из-за угрозы отключения электрического освещения и электроэнергии около 50 000 человек останутся без работы» [13. Р. 12]. Наряду с этим на Мадейре, по данным еженедельного отчета от 30 января 1918 г., ощущалась огромная нехватка угля для сахарной промышленности. Ввиду этого Министерство иностранных дел Португалии через Л. Карнеги попросило правительство Великобритании разрешить британским угольным фирмам продать 1300 тонн угля для сахарных заводов острова [16. Р. 30]. Впоследствии в еженедельном отчете от 6 февраля 1918 г. были констатированы транспортировка Великобританией груза угля для целей газоснабжения и электроснабжения Лиссабона, а также поручение Форин-офиса британскому консулу на Мадейре принять меры по решению проблемы с нехваткой угля для сахарной промышленности на этом острове [17. Р. 43].

В такой обстановке положение Сидониу Паиша и его правительства было непрочным и могло привести к новому открытому боевому противостоянию в Португалии. Согласно ранее упомянутому отчету от 30 января 1918 г., в депеше британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лиссабоне Л. Карнеги от 4 января 1918 г. португальский лидер приводил аргументы в пользу признания правительства, указав на примеры генерала Жуакима Пимента де Каштру и сменившего его правительства (произошли в январе и мае 1915 г.). В ответ чрезвычайный посланник и полномочный министр указал ему, что «в обоих этих случаях президент, хотя и действовал по принуждению во втором случае, назначил правительство, так что конституция таким образом внешне соблюдалась» [16. Р. 30]. По тексту этого же документа Л. Карнеги было поручено передать сожаление Форин-Офиса в невозможности британским правительством немедленно дать официальное признание, поскольку «такой курс противоречил бы установленному порядку» [16. Р. 30]. Вместе с тем оно было «преисполнено полной благосклонностью к Временному правительству и желает оказывать дальнейшую поддержку Португалии и избегать любых действий, которые могли бы причинить вред сеньору Паишу и его правительству или поставить их в неловкое положение» [16. Р. 30]. По информации из еженедельного отчета от 13 февраля 1918 г., Л. Карнеги сообщил президенту Португалии Сидониу Паишу об одобрении назначения Васконселуша (имелся в виду бывший премьер-министр Аугушту де Васконселуш) как посланника «в Лондоне при понимании того, что он не должен вручать верительные грамоты королю до тех пор, пока новое правительство не получит официального признания» [18. Р. 52].

В этой связи главной проблемой для Сидониу Паиша являлся поиск надежного способа сохранения, усиления и закрепления единоличной власти, который привел бы к официальному признанию его как лидера Первой Португальской республики своими гражданами и некоторыми странами, в первую очередь Великобританией и Испанией.

По вышеупомянутому отчету от 6 февраля 1918 г. прессой Португалии было заявлено о намерении президента Сидониу Паиша узаконить свое положение через плебисцит. Также Министерство иностранных дел

Португалии ожидало официальное признание Испанией президента и его правительства [17. Р. 42–43].

Уже в марте 1918 г. внутривластная динамика в Португалии перешла в другую стадию. Согласно еженедельному отчету Форин-офиса от 6 марта 1918 г., существовала вероятность досрочных выборов – каких не уточнялись. Их возможный результат оценить было невозможно. Одновременно еще один переворот «рассматривается как вполне вероятный» [19. Р. 78].

В еженедельном отчете от 13 марта 1918 г. сообщалось об отставке правительства вследствие разногласий относительно системы выборов президента и парламента и образовании нового. В новый правительственный состав не входили юнионисты; Сидониу Паиш продолжал исполнять обязанности министра обороны и министра иностранных дел. Министр внутренних дел Машаду Сантуш подал в отставку. На фигуру последнего вновь было обращено внимание. Во время его работы в Министерстве назначенные им «некоторые чиновники опасны ввиду своих прогерманских симпатий» [20. Р. 87]. Испанская пресса в отношении Машаду Сантуша сообщала, что под его управление перешло Министерство продовольствия.

По оценке, приведенной в предисловии к еженедельному отчету от 3 апреля 1918 г., в Португалии «Внутренняя ситуация остается нестабильной, а также распространяются забастовки» [21. Р. 115]. Далее непосредственно в тексте этого документа приводилась информация от британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лиссабоне Л. Карнеги. Он своими депешами от 8 и 9 марта 1918 г. представил состав правительства с указанием полных имен почти каждого министра. Сидониу Паиш занял посты премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел; Жозе Альфреду Мендеш де Магальяйнш – министра образования; Жозе Фелисиану да Кошта-младший – министра труда. В состав правительства вошли также Энрике Форбеш де Бесса – министр внутренних дел; Мартинью Нобре де Мелу – министр юстиции; Франсишку Шавьер Эштевеш – министр финансов; Жозе Карлуш да Мая – военно-морской министр; Мануэл Жозе Пинту Озориу – министр торговли; Жуан Таманьини де Соуза Барбоза – министр по делам колоний; Эдуарду Фернандеш де Оливейра – министр сельского хозяйства. Относительно Машаду Сантуша было констатируемо его назначение в качестве министра продовольствия [21. Р. 117]. Далее подробно и поочередно описывались причины кризиса, законодательные нововведения, а также политика и программа действий монархистов.

Министры-юнионисты – их имена не названы – отказались одобрить предложение Сидониу Паиша о проведении всеобщих президентских и ограниченных парламентских выборов. Отказ этих министров и привел к кризису в правительстве. В этой ситуации Сидониу Паиш согласился на проведение тех и других выборов путем всеобщего голосования. Португальская пресса сообщала о дате этих выборов – 28 апреля 1918 г. В Португалии такая обстановка происходила в условиях серьезных опасений из-за синдикалистской и анархистской пропаганды как среди рабочих, так и

среди солдат. «Если президент не может рассчитывать на поддержку армии, его положение должно стать шатким, поскольку у него нет партии, на которую он мог бы положиться», – отмечалось в еженедельном отчете [21. Р. 117]. Монархические печатные издания опасались анархии и убеждали Сидониу Паиша сформировать чисто военное правительство; некоторые монархисты даже выступили за возвращение во власть Афонсу да Кошты, «с которым, по их мнению, они могли бы прийти к рабочему соглашению» [21. Р. 117]. Одновременно с этим прошел ряд забастовок, затронувший «многочисленные отрасли и различные городские предприятия; сейчас неприятности угрожают работникам государственных железных дорог, почтовых отделений и телеграфов» [21. Р. 117].

Законодательные нововведения приводились в депеше Л. Карнеги от 13 марта 1918 г. Было обращено внимание на декрет о новом законе о выборах, согласно которому вводилось теперь всеобщее избирательное право. Это означало полноценное участие неграмотных в выборах, т.е. 70% населения страны. Право голоса на политических и административных выборах предоставлялось «всем гражданам мужского пола в возрасте от 21 года, которые в полной мере обладают своими политическими и гражданскими правами и проживают в стране более шести месяцев» [21. Р. 117].

Солдаты и матросы, получающие жалованье, не могли голосовать, как и сумасшедшие, люди с неподтвержденным банкротством, лица, находящиеся под судом или лишенные своих прав в силу законного приговора, а также те, кто был осужден как бродяга в течение пяти лет с даты вынесения приговора. Далее была дана характеристика крестьянам. Они, особенно на Севере, отличались монархическими симпатиями. Но, как было отмечено в отчете, следовало помнить, что, с одной стороны, демократы с 1910 г. распоряжались существовавшим избирательным аппаратом, а с другой – партия власти (имелась в виду Демократическая партия) в течение многих прошедших лет была в состоянии «организовать» выборы. Также было сделано предположение о намерении Сидониу Паиша пойти на то, чтобы выборы были свободными.

Далее ходили слухи о разработке новым министром юстиции законопроекта о полном изменении закона об отделении церкви от государства: недавно этот закон был значительно изменен декретом (каким – не уточнялось). Со ссылкой на неназванную газету предлагалось освободить религиозное образование в частных учебных заведениях от всякого государственного контроля. Наряду с этим признавались религиозная иерархия и право на внутреннюю дисциплину в католической церкви, возвращалась церковная собственность ее законным владельцам, возобновлялось португальское дипломатическое представительство в Ватикане и восстанавливались дружеские отношения между правительством Португалии и Святым престолом.

В этой же депеше Л. Карнеги сообщал о встрече представителей монархических партий в Лиссабоне 10 марта 1918 г. Повестка дня включала отношение

монархистов к Сидониу Паишу, а также президентским и парламентским выборам. Между ними было решено, приняв во внимание «королевские инструкции», воздерживаться во время войны от выдвижения своих требований; не показывая собственной приверженности строю, частью которого они не могли быть, с ним следовало сотрудничать в выполнении международных обязательств Португалии; оказывать помощь властям в поддержании порядка и решении социальных и экономических проблем; предоставить монархистам полную свободу действий на президентских выборах; поддержать на выборах в законодательные органы большинство, чтобы поддерживать «правительство порядка», сохранив за собой определенное представительство, достойное их престижа. Руководство всей предвыборной работой было передано Айрешу де Орнелашу [21. Р. 117–118].

Как видно из подробного еженедельного отчета Форин-офиса от 13 апреля 1918 г., Сидониу Паиш как лидер Первой Португальской республики пережил сильный кризис своей власти, связанный с проведением грядущих президентских и парламентских выборов, и принял меры по его разрешению. Наряду с этим показаны положение монархистов как одной из важных политических сил португальского общества, их лояльное отношение к Сидониу Паишу в целом и решение оказать поддержку лидеру Португалии, который учитывал фактор монархистов во внутренней политике. Однако Сидониу Паишу вместе с правительством пришлось выдерживать удары оппозиции перед президентскими и парламентскими выборами 28 апреля 1918 г.

В еженедельном отчете Форин-офиса Великобритании от 17 апреля 1918 г. были зафиксированы обвинения лидера Португалии и его правительства. Согласно этому документу, британский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Лиссабоне Л. Карнеги в депеше от 29 марта 1918 г. сообщил о публикации в Лиссабоне парижской телеграммы. В ней сообщалось об обнаружении документа, который, как утверждалось, был подготовлен экс-посланником в Париже, демократом Жуаном Шагашем – бывшим премьер-министром – для распространения среди членов правительства Франции. Суть его содержания заключалась в контроле Германии над Португалией и обвинении Сидониу Паиша как лидера германофильского и монархического заговора. Португальский лидер обманывал союзников и сокращал численность экспедиционных сил во Франции; правительственные учреждения были полны германофилами; посольство Германии в Мадриде выделило в распоряжение правительства Португалии 2 млн марок. Также без подробностей было обращено особое внимание на деятельность Жуана Гимарайнша и Антониу Телеша де Васконселуша. Первый был бывшим главой кабинета у Машаду Сантуша, второй – редактором германофильской газеты «Liberal». Вскоре в одной из газет в Порту было напечатано письмо находившегося в Париже Алешандре Брага (бывшего министра юстиции и по делам религии в свергнутом правительстве Афонсу да Кошты) с подтверждениями обвинений Жуану Гимарайншу и Антониу Телешу Васконселушу [22. Р. 137].

Далее 29 марта 1918 г. португальские газеты опубликовали полуофициальное коммюнике президента Сидониу Паиша. В нем отмечалось, что «правительство намерено принять меры (предположительно, в Париже за клевету) против своих клеветников, “таким образом вынуждая их доказать свои обвинения”» [22. Р. 137]. Также подчеркивалось, что правительству, полностью сформированному из республиканцев, не было необходимости защищаться ни внутри страны, ни за рубежом от этой клеветы. Все правительственные действия без каких-либо исключений были совершены «в полном, лояльном и преисполненном преданностью сотрудничестве с союзниками и против общего врага» [22. Р. 137]. Португальское правительство торжественно подтверждало перед всем миром свое намерение продолжать эту политику. Л. Карнеги отметил, что документ Жуана Шагаша и письмо Алешандре Брага были представлены демократами с целью очернить действующее правительство Португалии в глазах союзников. Относительно Жуана Гимарайнша и Антониу Телеша де Васконселуша признавалось, что их репутация была предметом неблагоприятных комментариев.

В том же отчете от 17 апреля 1918 г. был затронут вопрос с законом о выборах. Опубликовав данный закон 29 марта 1918 г., в этом же коммюнике подчеркивалось начало избирательной кампании. В этой связи правительство Португалии желало всем гражданам предоставить полную свободу вести законную пропаганду и право свободного голосования. По этой причине освобождались из заключения все лица, которые находились там более восьми дней без предъявления им каких-либо обвинений: Афонсу да Кошта и многие другие политические заключенные извлекли из этого выгоду. Далее открывались вновь политические клубы, и разрешалось издание всех газет, но «будут приняты меры для энергичного подавления любых движений, направленных против общественного порядка...» [22. Р. 137]. В Сенате будут представлены социальные группы, провинции и рабочие. В парламенте должны иметь свое представительство наиболее важные сельскохозяйственные, коммерческие и промышленные ассоциации, государственные органы и свободные профессии. Рабочие будут представлены через ассоциации и синдикаты.

Относительно президентских выборов они должны быть прямыми и подразумевать участие одного кандидата. Срок президентских полномочий будет составлять минимум четыре года: их точная продолжительность будет установлена новыми составами палат Конгресса, которые также будут иметь право вносить конституционные поправки. Президент должен был быть главнокомандующим армией и флотом и обладать полномочиями назначать и увольнять своих министров и государственных секретарей. До этого другие президенты Португалии не обладали ни одним из таких полномочий. Палата депутатов будет состоять из 115 человек (однако численность в дальнейшем увеличилась до 155 депутатов), а Сенат – из 77. Как было отмечено в еженедельном отчете Форин-офиса, с момента установления республики в этих палатах до сих пор насчитывалось 166 и 75 человек соответственно [22. Р. 137–138].

В конце апреля – мае 1918 г. произошли важные события – победа Сидониу Паиша на президентских и созданной им Национальной республиканской партии на парламентских выборах 28 апреля 1918 г., официальное признание этого государственного деятеля как президента со стороны Антанты и образование нового правительства. Все эти события были описаны и дана характеристика внутривнутриполитической ситуации в еженедельных отчетах Форин-офиса Великобритании от 1, 8, 15, 22 и 29 мая 1918 г.

В еженедельном отчете от 1 мая 1918 г. Л. Карнеги сообщил об избрании Сидониу Паиша президентом республики – другого кандидата не было, и количество голосов было невелико. Наряду с этим был опубликован указ, согласно которому с 1 мая 1918 г. устанавливалась доля таможенных пошлин, подлежащих уплате в золоте по курсу на Лондонской бирже [23. Р. 159].

Согласно еженедельному отчету от 8 мая 1918 г., Форин-офис разрешил Л. Карнеги передать поздравления британского правительства Сидониу Паишу в связи с его избранием на пост президента. Как было отмечено, «после официального уведомления о его вступлении в должность правительство Его Величества предпримет шаги, чтобы заявить о своем признании президента» [24. Р. 168]. Также были охарактеризованы подробно политическая ситуация и монархические группировки, а также описано кратко введение импортных пошлин на предметы роскоши.

С точки зрения Министерства внутренних дел Португалии достаточное количество депутатов и сенаторов для обеспечения большинства, выгодного правительству, было избрано. «Избиратели выразили таким образом свое одобрение Декабрьскому перевороту», – отмечалось в отчете [24. Р. 168]. Демократическая, Республиканская эволюционистская и Республиканская юнионистская партии были настроены явно против правительства и, выразив симпатию к общему сопротивлению, друг к другу относились доброжелательно. Из партии юнионистов, несомненно, ушло много членов из-за ее оппозиции правительству. Наряду с этим Машаду Сантуш сказал интервьюеру, «что существует некоторая вероятность контрреволюции, но что ее легко подавить. Далее он заявил, что страна находится в состоянии полной политической и экономической анархии» [24. Р. 168].

Сидониу Паиш обозначил Форин-офису собственную точку зрения о монархистах. Существовали три монархические группировки. В первую группировку входили сторонники последнего, свергнутого короля Португалии Мануэла II: их приверженность союзникам была несомненной. Следующая группировка состояла из интегралистов во главе с графом Алберту де Монсарашем. Они не являлись германофилами, выступали за восстановление монархии в ее средневековом виде и не имели какого-либо кандидата на королевский престол. Существовала и третья группировка, так называемая неопределенная. Она «вполне могла быть в сговоре с немцами и получать от них деньги»: в нее входил и упоминавшийся Антониу Телеш де Васконселуш [24. Р. 168]. Первые две группировки, как отметил Сидониу Паиш, «в настоящее время не склонны активизировать какое-либо революционное движение,

которое не принесет им никакой пользы и может привести к власти демократов – их особым врагам. Вполне возможно, что третья может попытаться способствовать беспорядкам» [24. Р. 168]. Таким образом, Сидониу Паишем подчеркивалось немаловажное влияние монархических группировок на внутреннюю и внешнюю политику Португалии.

В конце еженедельного отчета Форин-офиса приводилось краткое сообщение Л. Карнеги о введении с 16 мая 1918 г. дополнительных пошлин на импортируемые предметы роскоши.

Согласно еженедельному отчету от 15 мая 1918 г., Сидониу Паиш, по сообщению прессы, был провозглашен публично президентом 10 мая 1918 г. (в действительности это произошло 9 мая) и выступил в ратуше. Он заявил, что «обвинение в том, что его сторонники были настроены против союзников, было клеветой. Страна была более чем когда-либо вовлечена в дело союзников против общего врага» [25. Р. 181]. Далее правительство передало президенту заявление об отставке и началось формирование нового. Форин-офис уполномочил Л. Карнеги официально признать президента Сидониу Паиша, как только другие союзные посланники получат аналогичные инструкции. Одновременно наблюдался рост антисоюзнической пропаганды, проводимой некоторыми монархическими газетами, в частности «Dia». Как отмечалось в отчете, «сообщается, что немецкие агенты тратят крупные суммы, чтобы подорвать верность армии президенту» [25. Р. 181]. Также было обращено внимание на остроту продовольственной ситуации и рост стоимости жизни с июля 1914 г. в 157% [25. Р. 181].

Как следует из еженедельного отчета от 22 мая 1918 г., лидер Португалии в итоге был официально признан президентом союзниками по Антанте: союзные посланники сообщили об официальном со стороны их правительств признании Сидониу Паиша президентом «Португальской республики» [26. Р. 189, 193]. Далее приводилась от британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лиссабоне Л. Карнеги информация о новом составе правительства. Он отличался отсутствием должности премьер-министра и переименованием должностей разных министров в должности государственных секретарей соответствующих департаментов. Государственным секретарем по иностранным делам был назначен Эшпириту Санту Лима.

В этом же отчете приводилось сообщение одной газеты относительно состава правительства. Газета «“Seculo” (15 мая) объявляет, что президент распределил портфели в новом кабинете» [26. Р. 193]. Указывались должности министров, а не государственных секретарей. Министром юстиции был назначен Озориу де Каштру, министром внутренних дел – Таманьини Барбоза, министром иностранных дел – Эшпириту Санту Лима, министром финансов – Шавьер Эштевеш, министром торговли – капитан Жоаки́м Мендеш Амарал, министром обороны – Амилька́р Мота, военно-морским министром – Жозе Карлуш да Мая, министром по делам колоний – Васконселуш (это был Алешандре Жозе Ботелью де Васконселуш-и-Са), министром образования – Альфреду Магальяйнш, министром

труда – Энрике Форбеш Бесса, министром продовольствия и транспорта – Машаду Сантуш, министром сельского хозяйства – Эдуарду Фернандеш Оливейра.

После формирования правительства были важны и результаты парламентских выборов. Как отмечалось в еженедельном отчете от 29 мая 1918 г., по данным газеты «*Seculo*» (19 мая), окончательная проверка результатов выборов в Португалии показывает следующие результаты: в Палате депутатов – 108 республиканцев, 39 монархистов, 8 католиков, а в Сенате: 67 республиканцев, 7 монархистов, 3 католика. [Упомянутые здесь республиканцы – это партия нового правительства – национальные республиканцы.]» [27. Р. 204].

Вследствие событий апреля–мая 1918 г. ключевая проблема для Сидониу Паиша как лидера Первой Португальской республики в период декабря 1917 – мая 1918 г. было разрешено: сохранение, усиление и закрепление единоличного управления Португалией. В дальнейшем это позволило ему сосредоточиться на внутренних проблемах и продвигать собственную идею развития страны – «некую неопределенную Новую Республику (*República Nova*), главным содержанием которой было противопоставление коррумпированной и бесчестной Старой Республике 1910–1917 гг.» [3]. Также он продолжал принимать на себя «роль харизматичного лидера, хранителя традиционных португальских ценностей, способного вывести страну из кризиса» [2. С. 98].

Таким образом, на базе еженедельных отчетов Форин-офиса Соединенного Королевства можно выявить специфику и проанализировать результаты деятельности лидера Первой Португальской республики Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г.

До его прихода к власти Португалия в условиях участия в Первой мировой войне переживала сильный кризис государственного управления, вызванный неспособностью власти справиться с резким экономическим упадком, а также нарастающим падением уровня жизни, ростом недовольства населения и подавлением протестов жителей страны. Авторитет правительства премьер-министра Афонсу да Кошты, как и Демократической партии, был серьезно подорван. В этой связи у части оппозиции возникла идея свержения правительства и президента Бернардину Машаду для разрешения государственного кризиса. Организатором и лидером этого свержения и стал майор артиллерии Сидониу Паиш.

5–8 декабря 1917 г. случился государственный переворот Сидониу Паиша, после которого он, одержав победу над Афонсу да Коштой и Бернардину Машаду, стал сначала руководителем недолго просуществовавшей революционной жунты, затем после формирования нового правительства сконцентрировал в нем полномочия премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел, а также самовольно занял президентский пост в нарушение Конституции 1911 г. Такая концентрация полномочий привела к возникновению единоличной власти и одновременно конституционному кризису, но являлась способом усилить контроль над тяжелой внутривнутриполитической ситуацией. Она наряду с этим породила проблему устойчивости

этой власти и антипарламентскую оппозицию, что было отражено в еженедельных отчетах Форин-офиса Великобритании вместе с характеристикой внутренней политики новой власти и других португальских проблем.

Судя по этим документам, у Сидониу Паиша как лидера Первой Португальской республики были два основных направления деятельности – сохранение, усиление и закрепление единоличного управления и принятие мер по политической и социально-экономической стабилизации в Португалии. Его внимание главным образом было сосредоточено на первом направлении в качестве первоочередной проблемы в декабре 1917 – мае 1918 г. Относительно второго направления специфика его осуществления заключалась в принятии тех мер, которые бы способствовали решению вопроса об единоличном управлении республикой.

Сознавая шаткость своей власти и отсутствие официального признания как государственного лидера внутри и за пределами Португалии, Сидониу Паиш в условиях экономического упадка, проблем с углем и продовольствием, падения уровня жизни первоначально планировал провести всеобщие президентские и ограниченные парламентские выборы. Однако предложенная мера вызвала раскол в правительстве и привела к формированию его нового состава, в котором он сохранил старые должности. В этой ситуации Сидониу Паиш решил на проведение всеобщих выборов и президента, и обеих палат Конгресса.

Для успешности результатов этих выборов и их последующего закрепления были проведены две важные реформы. Первая реформа относилась к сфере избирательного права: ее главная сущность заключалась в предоставлении права голосовать неграмотной части населения Португалии на выборах, т.е. 70% жителей страны. Таким способом не только была привлечена эта категория населения к голосованию, но и решена одна из актуальных проблем в республике – введение всеобщего избирательного права. До этого выборы ограничивались парламентскими, где участвовала незначительная часть населения страны. После них Конгресс решал вопрос о назначении на должность президента, который формировал правительство страны. Вторая реформа затрагивала государственное управление: президент становился главнокомандующим вооруженными силами и имел право назначать и увольнять членов правительства; министры становились государственными секретарями; появлялись представительства определенных политических, социальных и экономических групп в парламенте; обе палаты Конгресса наделялись правом внесения конституционных поправок. Все эти нововведения были успешно приняты и привели к тому, что президент страны больше не занимал никаких постов в правительстве, а должность премьер-министра была упразднена.

В перспективе намечалась церковная реформа с целью налаживания сотрудничества правительства с католической церковью, которая имела значительное влияние на сельское население и жителей Севера Португалии, путем предоставления ей утерянных прав и возможностей после Португальской революции 1910 г.

Немаловажное значение для Сидониу Паиша имели монархисты как одна из ведущих политических сил португальского общества. Они были настроены лояльно к лидеру Первой Португальской республики и являлись для него важным элементом политической стабильности в Португалии. Поэтому монархистам не было запрещено участвовать в парламентских выборах и получать по их итогам места в палатах Конгресса.

Победа Сидониу Паиша и созданной им Национальной республиканской партии на всеобщих президентских и парламентских выборах 28 апреля 1918 г. и ее последствия в мае 1918 г. в виде утверждения итогов этих выборов, публичного провозглашения президентом и официального признания иностранными государствами, в первую очередь Великобританией, в этой должности позволили ему решить проблему сохранения, усиления и закрепления единоличного управления в декабре 1917 – мае 1918 г. Вместе с тем проведение и результаты президентских выборов вызвали критику, поскольку участвовал всего один кандидат, а

число проголосовавших составило приблизительно 500 тыс. [1. С. 95; 4. Р. 207–212; 5. Р. 23; 7. Р. 145]. В целом итоги первого этапа деятельности Сидониу Паиша можно считать успешными. На втором этапе решались другие актуальные проблемы: в мае–декабре 1918 г. Сидониу Паиш принимал меры для стабилизации внутреннего положения в Португалии [6. Р. 327; 7. Р. 146–153].

Что касается еженедельных отчетов Форин-офиса Великобритании относительно Португалии, то они отражали деятельность Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г. не полностью, а только важнейшие с точки зрения ведомства ее аспекты, однако позволяют выделить основные события и направления этой деятельности и узнать важные исторические детали.

Эти документы представляются значимыми для отечественных исследователей в изучении личности Сидониу Паиша как крупного и неоднозначного деятеля в истории не только Первой Португальской республики, но и Португалии XX в.

Список источников

1. Нестеров А.Г. Сидониу Паиш и «Новая Республика» в Португалии (1917–1918): первый опыт европейской диктатуры «нового типа» // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке: сб. материалов Зимней школы, Екатеринбург, 14–15 января 2000. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 90–97.
2. Кутырев Г.И. Политические партии в период существования Первой Португальской республики (1910–1926 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (31). С. 96–101.
3. Черных А.П. Республиканцы и монархисты в Португальской революции (1910–1926 гг.): визуализация противостояния // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022654-8-1/> (дата обращения: 16.08.2024). doi: 10.18254/S207987840022654-8
4. Rodríguez Gaytan de Ayala A. Orden en Portugal. La República Nova de Sidonio Pais (1917–1919). Mérida: Junta de Extremadura, Consejería de Cultura, 2006. 454 p.
5. Neto M.J. Sidónio Pais. O retrato do País no tempo da Grande Guerra. Lisboa: Caleidoscópio, 2018. 152 p.
6. Livermore H.V. A New History of Portugal. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. IX, 408 p.
7. Wheeler D.L. Republican Portugal: A Political History, 1910–1926. Madison: University of Wisconsin Press, 1978. XII, 340 p.
8. Миронюк С.А. Причины, ход и результаты государственного переворота Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного кабинета Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 123–131. doi: 10.17223/15617793/499/13
9. Western and General Report No. 46. 12 December 1917 // TNA. CAB 24/147/21. P. 214–222.
10. Western and General Report No. 52. 23 January 1918 // TNA. CAB 24/148/3. P. 19–27.
11. Western and General Report No. 47. 19 December 1917 // TNA. CAB 24/147/22. P. 223–230.
12. The Constitutions of the States at War, 1914–1918 / ed. by H.F. Wright. Washington: Government Printing Office, 1919. 679 p.
13. Western and General Report No. 51. 16 January 1918 // TNA. CAB 24/148/2. P. 10–18.
14. Western and General Report No. 48. 27 December 1917 // TNA. CAB 24/147/23. P. 231–242.
15. Western and General Report No. 50. 9 January 1918 // TNA. CAB 24/148/1. P. 1–9.
16. Western and General Report No. 53. 30 January 1918 // TNA. CAB 24/148/4. P. 28–38.
17. Western and General Report No. 54. 6 February 1918 // TNA. CAB 24/148/5. P. 39–49.
18. Western and General Report No. 55. 13 February 1918 // TNA. CAB 24/148/6. P. 50–59.
19. Western and General Report No. 58. 6 March 1918 // TNA. CAB 24/148/9. P. 76–84.
20. Western and General Report No. 59. 13 March 1918 // TNA. CAB 24/148/10. P. 85–94.
21. Western and General Report No. 62. 3 April 1918 // TNA. CAB 24/148/13. P. 115–122.
22. Western and General Report No. 64. 17 April 1918 // TNA. CAB 24/148/15. P. 134–145.
23. Western and General Report No. 66. 1 May 1918 // TNA. CAB 24/148/17. P. 156–165.
24. Western and General Report No. 67. 8 May 1918 // TNA. CAB 24/148/18. P. 166–176.
25. Western and General Report No. 68. 15 May 1918 // TNA. CAB 24/148/19. P. 177–188.
26. Western and General Report No. 69. 22 May 1918 // TNA. CAB 24/148/20. P. 189–200.
27. Western and General Report No. 70. 29 May 1918 // TNA. CAB 24/148/21. P. 201–212.

References

1. Nesterov, A.G. (2000) [Sidónio Pais and the "New Republic" in Portugal (1917–1918): First Experience of "New Type's" European Dictatorship]. *Instituty pryamoi i predstavitel'noi demokratii: genezis politicheskikh rezhimov v XX veke* [Institutes of the Direct and Representative Democracy: the Genesis of Political Regimes in the XX century]. Proceedings of the Winter School. Yekaterinburg. 14–15 January 2000. Yekaterinburg: Ural University. pp. 90–97. (In Russian).
2. Kuttyrev, G.I. (2013) Politicheskie partii v period sushchestvovaniya Pervoi Portugal'skoi respublik (1910–1926) [Political Parties during the First Portuguese Republic (1910–1926)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskussvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5-2 (31). pp. 96–101.
3. Chernykh, A.P. (2022) Respublikantsy i Monarkhistsy v Portugal'skoi revolyutsii (1910–1926): vizualizatsiya protivostoyaniya [Republicans and Monarchists in the Portuguese Revolution (1910–1926): Visualizing Confrontation]. *Istoriya*. 13:8 (118). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840022654-8-1> (Accessed: 16.08.2024). doi: 10.18254/S207987840022654-8

4. Rodríguez Gaytan de Ayala, A. (2006) *Orden en Portugal. La República Nova de Sidonio Pais (1917–1919)*. Mérida: Junta de Extremadura, Consejería de Cultura.
5. Neto, M.J. (2018) *Sidónio Pais. O retrato do Pais no tempo da Grande Guerra*. Lisboa: Caleidoscópio.
6. Livermore, H.V. (1976) *A New History of Portugal*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Wheeler, D.L. (1978) *Republican Portugal: A Political History, 1910–1926*. Madison: University of Wisconsin Press.
8. Mironiuk, S.A. (2024) The causes, dynamics and results of the Sidónio Pais's coup d'état (5–8 December, 1917) in the First Portuguese Republic in the documents of the British War Cabinet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 123–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/13
9. *Western and General Report No. 46. 12 December 1917*. TNA. CAB 24/147/21. pp. 214–222.
10. *Western and General Report No. 52. 23 January 1918*. TNA. CAB 24/148/3. pp. 19–27.
11. *Western and General Report No. 47. 19 December 1917*. TNA. CAB 24/147/22. pp. 223–230.
12. Wright, H.F. (ed.) (1919) *The Constitutions of the States at War, 1914–1918*. Washington: Government Printing Office.
13. *Western and General Report No. 51. 16 January 1918*. TNA. CAB 24/148/2. pp. 10–18.
14. *Western and General Report No. 48. 27 December 1917*. TNA. CAB 24/147/23. pp. 231–242.
15. *Western and General Report No. 50. 9 January 1918*. TNA. CAB 24/148/1. pp. 1–9.
16. *Western and General Report No. 53. 30 January 1918*. TNA. CAB 24/148/4. pp. 28–38.
17. *Western and General Report No. 54. 6 February 1918*. TNA. CAB 24/148/5. pp. 39–49.
18. *Western and General Report No. 55. 13 February 1918*. TNA. CAB 24/148/6. pp. 50–59.
19. *Western and General Report No. 58. 6 March 1918*. TNA. CAB 24/148/9. pp. 76–84.
20. *Western and General Report No. 59. 13 March 1918*. TNA. CAB 24/148/10. pp. 85–94.
21. *Western and General Report No. 62. 3 April 1918*. TNA. CAB 24/148/13. pp. 115–122.
22. *Western and General Report No. 64. 17 April 1918*. TNA. CAB 24/148/15. pp. 134–145.
23. *Western and General Report No. 66. 1 May 1918*. TNA. CAB 24/148/17. pp. 156–165.
24. *Western and General Report No. 67. 8 May 1918*. TNA. CAB 24/148/18. pp. 166–176.
25. *Western and General Report No. 68. 15 May 1918*. TNA. CAB 24/148/19. pp. 177–188.
26. *Western and General Report No. 69. 22 May 1918*. TNA. CAB 24/148/20. pp. 189–200.
27. *Western and General Report No. 70. 29 May 1918*. TNA. CAB 24/148/21. pp. 201–212.

Информация об авторе:

Миронок С.А. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия). E-mail: privetsergey95@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Mironiuk, Cand. Sci. (History), teaching assistant, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: privetsergey95@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 04.09.2024;
approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 903-03
doi: 10.17223/15617793/514/14

Элементный состав бронз из курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I: завершение исследований металла из погребений сарагашенского этапа тагарской культуры (по материалам раскопок А.И. Мартынова 1969 г. в Ачинско-Мариинской лесостепи)*

Анна Сергеевна Савельева¹

¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия, antverpen@mail.ru

Аннотация. Приводятся результаты анализа состава металла 58 предметов из погребений курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I в Ачинско-Мариинской лесостепи, исследованного А.И. Мартыновым в 1969 г. Данные получены методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой и обобщаются с опубликованными ранее для могильника сведениями. Выводы строятся на учете рецептов сплавов на медной основе, из которых изготовлены предметы сопроводительного инвентаря в 14 сарагашенских могилах курганов с № 3 по № 9 (157 образцов).

Ключевые слова: тагарская культура, сарагашенский этап, Ачинско-Мариинская лесостепь, могильник Серебряково I, элементный состав, сплавы на медной основе, атомно-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания (Проект № 124041100079-5 Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг. № ГЗ рег. 2025 г. FWEZ-2024-0021).

Для цитирования: Савельева А.С. Элементный состав бронз из курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I: завершение исследований металла из погребений сарагашенского этапа тагарской культуры (по материалам раскопок А.И. Мартынова 1969 г. в Ачинско-Мариинской лесостепи) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 121–128. doi: 10.17223/15617793/514/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/14

Elemental composition of bronzes from kurgans 3, 4 and 5 of the Serebryakovo I burial ground: Completion of the study of metal from burials of the Saragashen stage of the Tagar culture (based on materials from the 1969 excavations by A.I. Martynov in the Achinsk-Mariinsk forest-steppe)

Anna S. Savelieva¹

¹ Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation, antverpen@mail.ru

Abstract. The continuation of research into the metallurgy of the Tagar culture, based on materials from the Serebryakovo I burial ground excavated by A.I. Martynov in the Achinsk-Mariinsk forest-steppe, aimed to analyze new data on the elemental composition of bronzes from kurgans 3, 4, and 5 and to synthesize all information on the non-ferrous metal from the Saragashen-stage burials at the site. The studied collection of bronze inventory from a burial in kurgan 3, two burials in kurgan 4, and two burials in kurgan 5 includes: five hemispherical plaques; a bead (No. 194); a diadem (No. 65); 17 disc-shaped mirrors; 23 knives; four chisels; six ingots; and an object of unknown purpose (No. 176). Data on the elemental composition of the metal from 58 items were obtained using inductively coupled plasma atomic emission spectrometry (ICP-AES). The obtained data on the quantitative content of 12 elements are interpreted in the context of their belonging to either alloying or geochemical components of the copper-based alloys. The following chemical-metallurgical groups of alloys were identified for the grave goods from kurgans 3, 4, and 5: "pure" copper (knife No. 159 from burial 2, kurgan 5); arsenical bronze (item No. 187 from burial 1, kurgan 5; item No. 173 from burial 2, kurgan 4); arsenical-tin bronze (knife No. 102 from burial 1, kurgan 3; mirror No. 154 from burial

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

2, kurgan 4); tin bronze (47 items); tin-lead bronze (6 items). The ratio of bronze recipes in individual burial complexes is characterized. The predominance of tin bronzes in the materials of the Saragashen stage of the Tagar culture has been previously demonstrated for both forest-steppe and steppe sites. The presence of a small proportion of items made from copper, arsenical bronzes, and alloys doped simultaneously with arsenic and tin or with tin and lead also corresponds with previously obtained results. Taking into account the presented and previously published data, the elemental composition of metal from 157 items from 14 burials in kurgans No. 3 to No. 9 at the Serebryakovo I burial ground has now been established. Based on the ratio of alloy types, the Saragashen burials are divided into two groups: Group 1 combines burials containing only tin and tin-lead bronzes; Group 2 includes burials where items made from arsenical alloys and copper are also present. The interpretation of these two groups as chronologically sequential is hindered by previously published expert data on the relative chronology of the Serebryakovo burials. Considering the items in whose bronze recipe the arsenical alloy predominates over the tin alloy (kurgan 3; burial 2, kurgan 8; burial 1, kurgan 9), as well as items made of tin-lead and leaded bronze (burial 1, kurgan 4; burial 1, kurgan 5; burial 1, kurgan 8), allows for the identification of burial complexes that show, based on these features, an interconnection between the metallurgical traditions of two regions of the Tagar culture: the northwestern forest-steppe and the Minusinsk steppe. This interconnection appears most pronounced in the materials from burials containing simultaneously arsenical-tin, leaded, and tin-lead bronzes (burial 2, kurgan 4; burial 1, kurgan 6).

Keywords: Tagar culture, Saragashen stage, Achinsk-Mariinsk forest-steppe, Serebryakovo I burial ground, elemental composition, copper-based alloys, inductively coupled plasma atomic emission spectroscopy (ICP AES)

Financial support: The work was carried out within the framework of the state assignment (Project No. 124041100079-5: Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia. 2024-2025. No. FWEZ-2024-0021).

For citation: Savelieva, A.S. (2025) Elemental composition of bronzes from kurgans 3, 4 and 5 of the Serebryakovo I burial ground: Completion of the study of metal from burials of the Saragashen stage of the Tagar culture (based on materials from the 1969 excavations by A.I. Martynov in the Achinsk-Mariinsk forest-steppe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 121–128. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/14

Введение

Курганный могильник Серебряково I (Серебряково, Серебряковский) расположен на высокой левобережной надпойменной террасе р. Урюп (левый приток р. Чулым) в Мариинско-Ачинской лесостепи (Тисульский муниципальный округ Кемеровской области – Кузбасса) и приурочен к северо-западному району распространения памятников тагарской культуры, датированных здесь VI в. до н.э. – II в. н.э. Могильник открыт в 1960 г., повторно обследовался в 1968 г., раскопки 16 курганов произведены экспедицией А.И. Мартынова в 1969 г. Материалы памятника опубликованы [1] и привлекались для характеристики тагарской лесостепной культуры [2], а также в качестве источника для построения типологии основных категорий тагарского инвентаря [3]. А.В. Субботиным могильник отнесен к числу монографически раскопанных, составляющих основу изучения хронологии и периодизации тагарской культуры [3. С. 31, 33, 34].

Авторами публикации материалов раскопок отмечено, что «большинство погребальных сооружений Серебряковского могильника возведено в сарагашенское время» [1. С. 116], в их числе и рассматриваемые в статье курганы 3, 4 и 5. То, что памятник относится к таким тагарским могильникам, большинство погребальных комплексов которых «укладывается в рамки существования сарагашенского этапа», позже доказано А.В. Субботиним [3. С. 37]. К сарагашенской же группе отнесены перечисленные объекты и по результатам предварительного комплексного анализа конструкций, инвентаря и специфики погребального обряда могильника Серебряково I [4. С. 115].

Состав металла многочисленных бронзовых находок из захоронений Серебряковского могильника ра-

нее анализировался в контексте металлургических традиций сарагашенского (курганы 6, 7, 8, 9; V–IV вв. до н.э.) [4] и лепешкинского (курганы 2, 12, 16; III–II вв. до н.э.) [5] этапов тагарской культуры. Предлагаемое продолжение исследований цветного металла ставило задачей введение в научный оборот ранее не публикованных данных об элементном составе бронз из курганов 3, 4, 5 и приобщение их к имеющимся сведениям о металле погребений сарагашенского этапа тагарской культуры из данного памятника.

Материалы

Изученная коллекция бронзового инвентаря из могилы кургана 3, двух могил кургана 4 и двух могил кургана 5 включает пронизку № 194; пять полусферических бляшек; диадему № 65; 17 дисковых зеркал; 23 ножа; 4 чекана; 6 втоков; предмет неизвестного назначения (ПНН) № 176. Материалы хранятся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ, ОФ-65/1-477, ВА 61).

В числе ножей преобладают орудия с овальным односторонним наконечником и дугообразной спинкой: № 181 (рис. 1, 1), № 81 (рис. 1, 2), № 175 (рис. 1, 3), № 159 (рис. 1, 4), № 223 (рис. 1, 5), № 91 (рис. 1, 6), № 94 (рис. 1, 7), № 195 (рис. 1, 8). Ножи с прямым или почти прямым наконечником односторонние, с дугообразной (№ 152 (рис. 1, 9)) или почти прямой спинкой: № 89 (рис. 1, 10), № 135 (рис. 1, 11), № 193 (рис. 1, 12). Нож № 134 (рис. 1, 13) с S-овидной спинкой. Трапециевидное двустороннее наконечник у ножа № 110 также с S-овидной спинкой (рис. 1, 14). Кольчатым наконечником и дугообразной слабо выгнутой спинкой оформлен нож № 102 (рис. 1, 15). К этому же типу относится нож № 125 (рис. 1, 16) с наконечником с утраченным кольцом – «рогатым» [1. С. 24].

Навершие ножа № 180 (рис. 1, 17) с фигуркой животного в кольце. Нож № 155 (рис. 1, 18) с утратами, с тремя вытянутыми по оси рукоятки подпрямоугольными отверстиями – «сетчатая» ручка [1. С. 28]. Утрачены навершия у ножей № 85, 86, 113 (рис. 1, 19), 121 и 158.

Чеканы с четырехгранными бойками с плоскими прямыми обушками – № 72 (рис. 1, 20) и № 108 (рис. 1, 22). Чекан № 136 (рис. 1 – 21) с плоским расширяющимся бойком в сечении, его обушок каннелированный, с овальным краем. У чекана № 119 обушок и боек четырехгранные (рис. 1, 23).

Все втоки с прямым верхом и по-разному оформленным основанием: трапециевидное с заovalенными углами – № 266 (рис. 1, 24); узкое трапециевидное – № 29 (рис. 1, 25); с клиновидным выступом – № 130 (рис. 1, 26); секировидное с плавным переходом от стенки – № 173 (рис. 1, 27); заступовидное плавное – № 187 (рис. 1, 28); заступовидное малое – № 179 (рис. 1, 29).

ПНН № 176 (рис. 1, 30) представляет собой согнутый в центральной части стержень с головками животных на концах и с петелькой в месте изгиба.

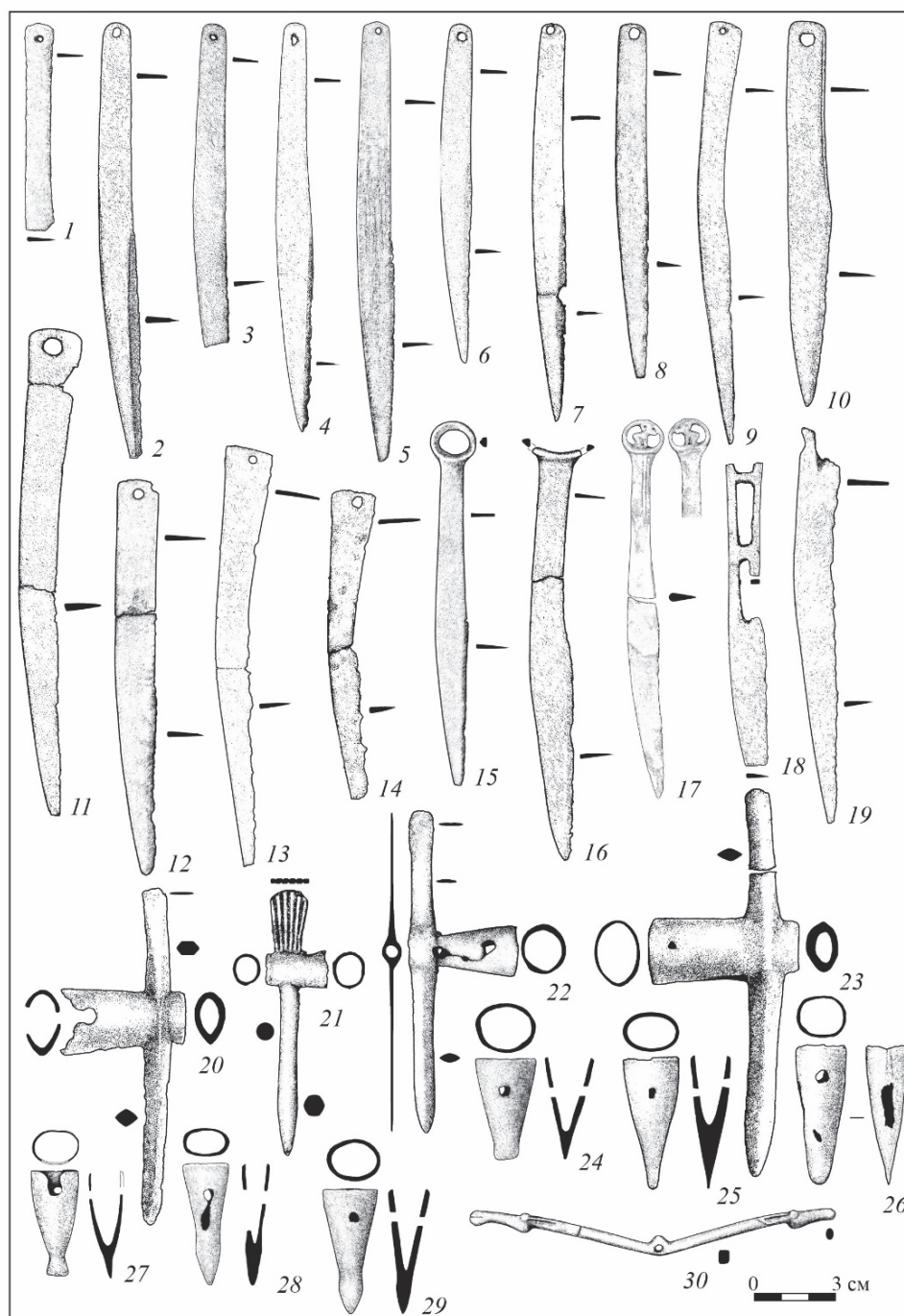

Рис. 1. Медно-бронзовый инвентарь из курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I: 1 – № 181; 2 – № 81; 3 – № 175; 4 – № 159; 5 – № 223; 6 – № 91; 7 – № 94; 8 – № 195; 9 – № 152; 10 – № 89; 11 – № 135; 12 – № 193; 13 – № 134; 14 – № 110; 15 – № 102; 16 – № 125; 17 – № 180; 18 – № 155; 19 – № 113; 20 – № 72; 21 – № 136; 22 – № 108; 23 – № 119; 24 – № 266; 25 – № 29; 26 – № 130; 27 – № 173; 28 – № 187; 29 – № 179; 30 – № 176 (рисунки выполнены С.Н. Леонтьевым)

Методы

Данные об элементном составе металла 58 предметов (таблица) получены методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. Анализ проведен в 2015, 2016 гг. на атомно-эмиссионном спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO в ЦКП ФИЦ УУХ СО РАН (аналитик – канд. хим. наук Р.П. Колмыков). В каждом случае анализу подвергалась порошкообразная проба, отобранная с участка поверхности изделия, очищенного обточкой. Пробы отбирались с помощью мини-дрели Hammer MD170A и представляли собой мелкодисперсную стружку характерного медного цвета с желтым металлическим блеском массой около 0,01 г. Полученные данные о количественном содержании 12 элементов интерпретируются в контексте принадлежности к легирующим или геохимическим компонентам сплавов на основе меди.

Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I, масс. %
(во всех случаях медь – основа)

Предмет	№	К.	М.	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
Нож	81	3	1	5,28	0,052	0,429	0,032	0,024	0,101	0,005	0,084	0,005	0,021	0,073
Чекан	72	3	1	3,93	0,039	0,781	0,031	0,051	0,042	0,011	0,112	0,007	0,004	0,049
Нож	89	3	1	4,69	0,124	1,018	0,028	0,045	0,088	0,027	0,088	0,008	0,003	0,046
Нож	91	3	1	5,03	0,044	0,466	0,021	0,006	0,096	0,013	0,102	0,005	0,003	0,036
Нож	94	3	1	8,86	0,151	0,159	0,044	0,009	0,108	0,018	0,057	0,007	0,003	0,02
Нож	102	3	1	1,04	0,186	6,497	0,123	0,185	0,093	0,009	0,109	0,006	0,002	0,082
Нож	195	3	1	5,55	0,101	0,536	0,026	0,011	0,128	0,25	0,074	0,009	0,003	0,031
Нож	85	3	1	4,22	0,034	0,617	0,03	0,014	0,079	0,004	0,098	0,006	0,003	0,066
Нож	86	3	1	7,32	0,078	0,462	0,044	0,026	0,055	0,004	0,127	0,008	0,005	0,057
Зеркало	103	3	1	5,45	0,03	0,489	0,023	0,013	0,074	0,008	0,065	0,005	0,003	0,036
Зеркало	105	3	1	1,98	0,023	0,594	0,023	0,016	0,086	0,01	0,088	0,005	0,002	0,04
Зеркало	77	3	1	2,13	0,05	0,891	0,026	0,032	0,049	0,032	0,085	0,005	0,018	0,043
Полусферка	78	3	1	5,01	0,057	0,306	0,016	0,028	0,134	0,002	0,056	0,005	0,006	0,021
Зеркало	80	3	1	5,76	0,024	0,454	0,029	0,037	0,365	0,037	0,086	0,009	0,003	0,049
Зеркало	82	3	1	5,88	0,037	0,351	0,022	0,013	0,078	0,02	0,078	0,005	0,004	0,034
Зеркало	83	3	1	6	0,098	0,32	0,028	0,017	0,181	0,037	0,175	0,022	0,003	0,04
Нож	113	4	1	8,8	0,416	0,652	0,041	0,011	0,204	0,006	0,11	0,012	0,003	0,077
Нож	121	4	1	10,05	0,347	0,388	0,036	0,018	0,101	0,106	0,082	0,007	0,003	0,056
Зеркало	123	4	1	9,13	0,297	0,301	0,032	0,011	0,622	0,013	0,106	0,051	0,008	0,037
Чекан	119	4	1	8,02	0,421	0,363	0,031	0,023	0,075	0,137	0,088	0,011	0,002	0,048
Нож	125	4	1	6,99	1,713	0,384	0,028	0,015	0,063	0,003	0,088	0,006	0,002	0,058
Нож	135	4	1	7,15	0,519	0,152	0,026	0,012	0,061	0,133	0,048	0,008	0,003	0,056
Нож	134	4	1	5,52	1,201	0,381	0,045	0,02	1,411	0,121	0,142	0,031	0,002	0,115
Чекан	136	4	1	4,86	1,459	0,312	0,034	0,009	1,059	0,103	0,115	0,023	0,002	0,121
Вток	130	4	1	7,43	0,197	0,252	0,018	0,011	0,256	0,21	0,06	0,011	0,002	0,044
Вток	266	4	1	4,53	0,745	0,235	0,026	0,018	0,038	0,005	0,042	0,012	0,003	0,062
Нож	110	4	1	12,72	0,397	0,403	0,037	0,01	0,161	0,002	0,077	0,011	0,002	0,049
Чекан	108	4	1	7,49	0,361	0,261	0,02	0,012	0,222	0,008	0,077	0,01	0,002	0,061
Зеркало	112	4	1	12,09	0,419	0,441	0,035	0,022	0,274	0,013	0,086	0,01	0,002	0,053
Полусферка	114	4	1	6,05	0,034	0,472	0,022	0,022	0,044	0,002	0,097	0,019	0,009	0,036
Зеркало	115	4	1	7,1	0,481	0,445	0,027	0,044	0,05	0,01	0,052	0,004	0,002	0,043
Полусферка	116	4	1	6,3	0,033	0,443	0,02	0,007	0,089	0,003	0,096	0,016	0,009	0,054
Зеркало	137	4	1	7,92	0,201	0,232	0,02	0,01	0,14	0,298	0,046	0,008	0,002	0,033
Полусферка	144	4	1	1,66	0,024	1,122	0,014	0,019	0,056	0,004	0,056	0,007	0,398	0,035
Нож	155	4	2	10,41	0,091	0,503	0,027	0,033	0,158	0,051	0,054	0,012	0,003	0,052
Нож	158	4	2	6,15	0,117	0,47	0,02	0,044	0,072	0,018	0,05	0,007	0,002	0,038
Нож	159	4	2	0,86	0,029	0,811	0,057	0,029	0,034	0,13	0,475	0,005	0,003	0,032
Нож	152	4	2	6,17	2,003	0,369	0,027	0,008	0,098	0,075	0,08	0,009	0,002	0,055
Вток	173	4	2	0,92	0,183	3,389	0,058	0,056	0,309	0,015	0,036	0,015	0,001	0,041
Нож	175	4	2	1,94	0,125	0,553	0,049	0,011	0,066	0,084	0,099	0,005	0,003	0,051
ПНН	176	4	2	6,13	0,211	0,438	0,023	0,017	0,086	0,106	0,069	0,006	0,002	0,033
Вток	29	4	2	8,51	0,326	0,209	0,032	0,008	0,219	0,033	0,074	0,01	0,002	0,044
Полусферка	148	4	2	5,76	0,12	0,405	0,027	0,008	0,082	0,002	0,071	0,006	0,015	0,048
Вток	179	4	2	5,24	0,392	0,218	0,02	0,018	0,032	0,042	0,073	0,005	0,004	0,055
Нож	180	4	2	5,62	0,294	1,357	0,046	0,015	0,592	0,071	0,071	0,023	0,002	0,095
Нож	181	4	2	9,22	0,314	0,21	0,02	0,006	0,265	0,017	0,075	0,011	0,002	0,044
Зеркало	154	4	2	2,62	0,214	3,114	0,059	0,029	0,298	0,008	0,064	0,014	0,001	0,037
Зеркало	166	4	2	5	1,641	0,306	0,036	0,012	0,061	0,176	0,085	0,012	0,003	0,06
Зеркало	68	4	2	4,36	0,09	0,311	0,019	0,017	0,051	0,007	0,074	0,006	0,003	0,038
Диадема	65	4	2	6,15	0,066	0,323	0,021	0,009	0,269	0,004	0,061	0,005	0,002	0,022
Вток	187	5	1	0,71	0,037	1,61	0,055	0,022	0,036	0,025	0,785	0,006	0,004	0,055
Нож	193	5	1	5,78	3,525	0,407	0,031	0,013	0,155	0,009	0,079	0,008	0,003	0,063
Бусина	194	5	1	1,07	0,025	0,55	0,045	0,016	0,169	0,115	0,302	0,007	0,003	0,032
Зеркало	186	5	1	2,11	0,046	0,187	0,021	0,004	0,119	0,07	0,075	0,01	0,004	0,02
Зеркало	198	5	1	4,32	0,126	0,538	0,027	0,017	0,069	0,015	0,061	0,006	0,002	0,049
Зеркало	199	5	1	4,61	0,097	0,067	0,008	0,008	0,051	0,103	0,054	0,007	0,001	0,013
Зеркало	211	5	2	1,27	0,269	0,588	0,045	0,019	0,038	0,146	0,069	0,004	0,005	0,058
Нож	223	5	2	2,04	0,64	0,304	0,026	0,013	0,054	0,053	0,101	0,004	0,002	0,039

Результаты

Для сопроводительного инвентаря из курганов 3, 4 и 5 выделены следующие химико-металлургические группы сплавов (рис. 2).

1. «Чистая» медь: нож № 159 (к. 4, м. 2).

2. Мышьяковистая бронза: вток № 187 (к. 5, м. 1) и вток № 173 (к. 4, м. 2).

3. Мышьяковисто-оловянистая бронза: нож № 102 (к. 3, м. 1) и зеркало № 154 (к. 4, м. 2).

4. Оловянистая бронза: 47 предметов, в том числе полусферическая бляшка № 144 (к. 4, м. 1), нож № 89 (к. 3, м. 1) и нож № 180 (к. 4, м. 2) на основе мышьяковой меди.

5. Оловянисто-свинцовистая бронза: нож № 125, чекан № 136 и нож № 134 (к. 4, м. 1); нож № 152, зеркало № 166 (к. 4, м. 2); нож № 193 (к. 5, м. 1), при этом чекан № 136 и нож № 134 – с повышенными концентрациями железа (1,059 и 1,411% соответственно). Характеристика соотношений рецептур бронз в отдельных погребениях (рис. 2) следующая.

Курган 3, могила 1 (проанализировано 16 образцов):

1. Оловянистая бронза: 15 предметов (концентрации олова от 1,98 до 8,86%). В том числе нож № 89 на основе мышьяковой меди (мышьяка 1,018%).

2. Мышьяковисто-оловянистая бронза: нож № 102 (мышьяка 6,497%, олова 1,04%).

Курган 4, могила 1 (18 образцов):

1. Оловянистая бронза: 15 предметов. Условно к этой группе отнесена полусферическая бляшка № 144

на основе мышьяковой меди (мышьяка 1,122%) и с самым низким для предметов этой могилы содержанием олова (1,66%). Остальные вещи в погребении содержат от 4,53 до 12,72% олова.

2. Оловянисто-свинцовистая бронза, 3 предмета: ножи № 125 и № 134, чекан № 136 (концентрации олова от 4,86 до 6,99%; концентрации свинца от 1,201 до 1,713%). При этом металл чекана № 136 и ножа № 134 отличаются повышенные концентрации железа (1,059 и 1,411% соответственно).

Курган 4, могила 2 (16 образцов):

1. «Чистая» медь: нож № 159.

2. Мышьяковистая бронза: вток № 173 (мышьяка 3,389%).

3. Мышьяковисто-оловянистая бронза: зеркало № 154 (мышьяка 3,114%; олова 2,62%).

4. Оловянистая бронза: 11 предметов, в том числе нож № 180 на основе мышьяковой меди (мышьяка 1,357%).

5. Оловянисто-свинцовистая бронза: нож № 152 (олова 6,17%; свинца 2,003%) и зеркало № 166 (олова 5%; свинца 1,641%).

Курган 5, могила 1 (6 образцов):

1. Мышьяковистая бронза: вток № 187 (мышьяка 1,61%).

2. Оловянистая бронза: зеркала № 199, 186 и 198, пронизка № 194 (олова от 1,07 до 4,61%).

3. Оловянисто-свинцовистая бронза: нож № 193 (олова 5,78%, свинца 3,525%).

Курган 5, могила 2 (2 образца):

Оловянистая бронза: зеркало № 211 и нож № 223 (1,272 и 2,044% олова соответственно).

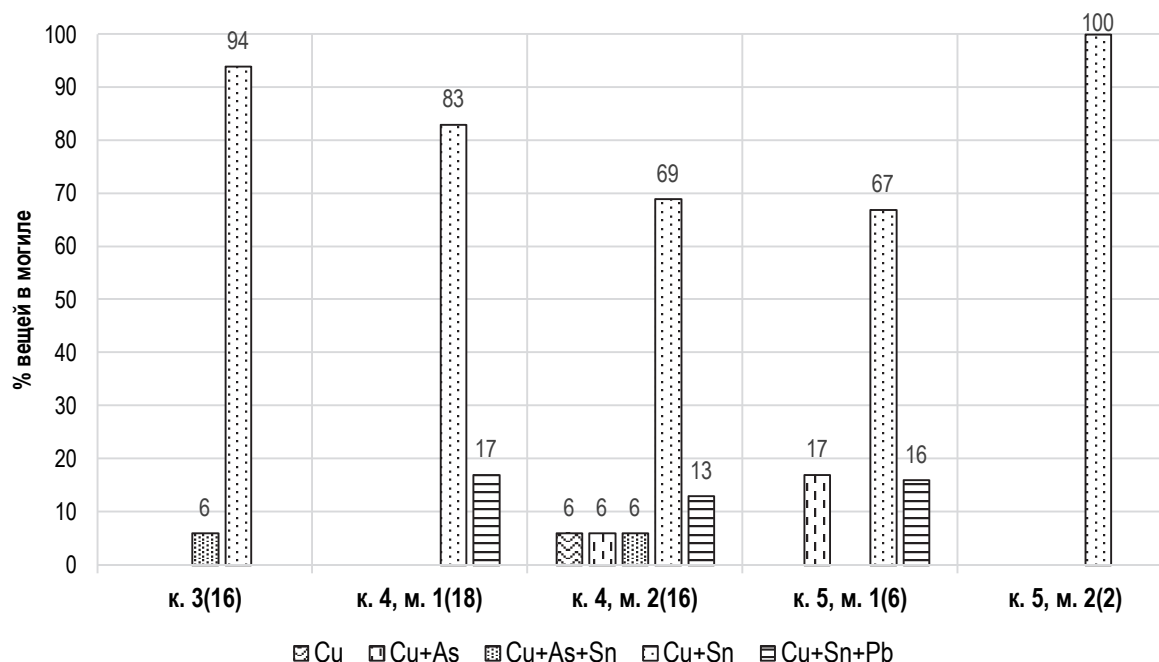

Рис. 2. Соотношение рецептур бронз из погребений курганов 3, 4 и 5 могильника Серебряково I

Преобладание оловянистых бронз в материалах сарагашенского этапа тагарской культуры показано ранее как для памятников северо-западной лесостепи [4, 6], так и для минусинских степей [7. С. 184, 186; 8. С. 97]. Соответствует полученным прежде результатам

и наличие в рассматриваемых погребальных комплексах небольшой доли вещей из меди, мышьяковистых бронз, а также сплавов, легированных одновременно мышьяком и оловом или оловом и свинцом [4. С. 120].

С учетом приведенных выше и опубликованных ранее [4] данных в общей сложности из 14 сарагашенских могил курганов с № 3 по № 9 могильника Серебряково I установлен элементный состав металла 157 предметов сопроводительного инвентаря. По соотношению типов сплавов погребального инвентаря все эти могилы распределяются на две группы. Группа 1 объединяет могилы с оловянистыми бронзами (м. 2, к. 5; м. 2, к. 6; м. 3, к. 6; м. 1, к. 7; м. 2, к. 7) и могилу 1 кургана 4 с оловянисто-свинцовистыми бронзами. Всего из могил группы 1 происходят 44 предмета, для металла которых установлен элементный состав. Группа 2 включает могилы, где, помимо оловянистых, оловянисто-свинцовистых и свинцовистых бронз, имеются вещи, изготовленные из меди и сплавов, легированных мышьяком, – оловянисто-мышьяковистых, мышьяковисто-оловянистых, мышьяковистых и мышьяковисто-свинцовисто-оловянистых бронз (к. 3; м. 1, к. 9; м. 1, к. 6; м. 2, к. 8; м. 2, к. 4; м. 4, к. 6; м. 1, к. 5; м. 1, к. 8). Из могил группы 2 проанализирован состав металла 113 предметов сопроводительного инвентаря. Предлагаемая группировка обусловлена выводами С.В. Хаврина о том, что именно наличие или отсутствие в сплаве олова является основным и единственно показательным параметром для бронз скифского времени Саяно-Алтая, что объясняется его неассоциированностью с медью [8. С. 96; 9. С. 70; 10. С. 211]. При нижеследующей трактовке металла инвентаря из могил первой и второй групп учитывается также мышьяковый компонент.

Металл группы 1 соответствует сарагашенским бронзолитейным традициям степных Минусинских котловин и северо-западного лесостепного района, для которых оловянистая бронза – ведущий тип сплава начиная с переходного биджинского (предсарагашенского) этапа (типа) [9. С. 70; 10. С. 211; 11. С. 117; 12. С. 89]. Примечательно, что доля бронз с высоким содержанием олова (от 10 до 20% [12. С. 89]) составляет в этой группе 23%.

Группа 2 представлена сплавами более разнообразных типов, включающих и мышьяковые рецептуры. Это сказывается на чуть более низкой здесь доле таких сплавов с оловом, которые вовсе не содержат мышьяк – они составляют 91% (в группе 1 этот показатель, соответственно, 100%). Доля разнообразных мышьяксодержащих сплавов в группе 2 – 22% (в группе 1 этот показатель, соответственно, 0). Доля бронз с высоким содержанием олова в группе 2 составляет 8%.

Таким образом, состав металла сопроводительного инвентаря в могилах групп 1 и 2 демонстрирует разное соотношение олово- и мышьяк-содержащих сплавов на медной основе, а также тенденцию к снижению доли высокооловянистых бронз.

В исследованиях тагарской цветной металлургии сложившиеся трактовки разных соотношений оловянистых и мышьяковистых бронз в погребальных (преимущественно) комплексах сводятся к неодинаковым хронологическим позициям последних. В связи с доказанным снижением доли оловянистых бронз на лепешкинском этапе тагарской культуры как по степным минусинским, так и по северо-западным лесостепным материалам металл выделенной выше группы 2 серебря-

ковских могил может отражать зарождение мышьяковой (медно-мышьяковой) металлургической традиции, позже проявившейся в материалах памятников III–II вв. до н.э. Однако интерпретации групп 1 и 2 серебряковских погребений как хронологически последовательных препятствуют датировки погребений могильника Серебряково I, полученные специалистами традиционными методами.

Так, распределение могил по двум группам, основанное на наличии/отсутствии мышьяксодержащих сплавов, не согласуется с зафиксированным в процессе раскопок стратиграфическим отношением могил в курганах друг к другу. Раскопками установлено, что в кургане 4 могила 2 была сооружена раньше, чем могила 1 [1. С. 21]. По соотношению же рецептур металла инвентаря могила 2, напротив, тяготеет к металлургической традиции с присутствием мышьяк-содержащих сплавов, в отличие от сарагашенской природы металла могилы 1 – с оловянистыми рецептурами. Стратиграфически могила 2 кургана 5 поздняя [1. С. 30], тогда как по соотношению типов сплавов традицию мышьяксодержащих сплавов, напротив, демонстрирует могила 1. Кроме того, классификация могил по особенностям набора рецептур медно-бронзовых сплавов не соответствует хронологии погребальных комплексов Серебряковского могильника, разработанной А.В. Субботиным [3. Табл. 63].

На этом фоне интерес привлекают предметы, в металле которых концентрации лигатуры мышьяка выше, чем лигатуры олова, а также содержатся лигатуры свинца. Предметы из мышьяковисто-оловянистой бронзы происходят из к. 3 – нож № 102 (мышьяка 6,497%, олова 1,04%); м. 2 к. 4 – зеркало № 154 (мышьяка 3,114%, олова 2,62%); м. 2 к. 8 – зеркало № 397 (мышьяка 1,75%, олова 0,98%); м. 1 к. 9 – зеркало № 387 (мышьяка 3,3%, олова 1,1%), зеркало № 353 (мышьяка 3%, олова 1,2%), вток № 432 (мышьяка 2,7%, олова 1,07%). С.С. Миняевым такая характеристика бронзы, как преобладание концентраций мышьяка над концентрациями олова, трактуется в качестве признака ее принадлежности к металлургическим очагам Минусинской котловины [13. С. 30].

Из м. 1 к. 4 происходят чекан № 136 и нож № 134 из оловянисто-свинцовой бронзы с повышенными концентрациями железа (1,259 и 1,411% соответственно). По данным Е.Н. Черных, железо не относится к числу диагностических примесей, так как оно из числа тех химических элементов, что проникают «в медь во время металлургических переделов и пребывания металла в почве» [14. С. 116]. По наблюдениям Ю.С. Гришина, напротив, железо в тагарских вещах содержалось «в качестве крупной естественной примеси в самой меди», как результат разработки «в какой-то мере смешанных медно-железных руд», имевшихся в «некоторых районах среднего Енисея» [15. С. 144]. Происхождение чекана № 136 и ножа № 134 из одного захоронения может быть свидетельством единства их рудного происхождения, территориально ассоциированного со Среднеенисейскими медрудными источниками.

На этот же вектор происхождения косвенно указывает и оловянисто-свинцовистая рецептура, установленная по составу металла пяти предметов из к. 4; ножа

№ 193 из м. 1 к. 5; ПНН № 365 из м. 1 к. 8. Распространение трехкомпонентных бронз в Минусинских котловинах объясняется С.В. Хавриным необходимостью улучшения литейных качеств сплава при изготовлении уменьшенных копий предметов и влиянием притока сюда олова на сарагашенском этапе [7. С. 187; 11. С. 121]. Однако для лесостепных памятников уже приходилось отмечать меньшую долю тагарских бронз, легированных свинцом, по сравнению с материалами памятников Минусинских котловин [16. С. 49]. Принимая во внимание, что бронзы с лигатурой свинца не встречены, например, в кургане 3, данный признак небезынтересен по меньшей мере в плане территориальных взаимосвязей, отразившихся в погребениях с бронзами, легированными свинцом или же без таковых.

Заключение

Таким образом, учет предметов из сарагашенских погребений могильника Серебряково I, в бронзовой

рецептуре которых лигатура мышьяка преобладает над лигатурой олова (к. 3; м. 2, к. 8; м. 1, к. 9), а также вещей из оловянисто-свинцовой и свинцовой бронз (м. 1, к. 4; м. 1, к. 5; м. 1, к. 8), позволяет наметить погребальные комплексы, в которых по этим признакам имеется взаимосвязь тагарских металлургических традиций северо-западного лесостепного района с металлургическими очагами минусинского степного района. Представляется, что наиболее выражена такая взаимосвязь в материалах могил, содержащих одновременно мышьяковисто-оловянистые, свинцовистые и оловянисто-свинцовистые бронзы (м. 2, к. 4; м. 1, к. 6).

Относительная хронология погребений Серебряково I, выстраиваемая по соотношению олово- и мышьяксодержащих рецептов в металле сопроводительного инвентаря, не соответствует хронологии серебряковских погребений, установленной ранее специалистами стратиграфическими и типологическими методами.

Список источников

1. Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 3. Кемерово, 1971. 251 с.
2. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.
3. Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб., 2014. 154 с.
4. Савельева А.С., Герман П.В. Сарагашенский комплекс бронз из могильника Серебряково I // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово, 2016. Вып. 27. С. 115–123.
5. Савельева А.С. Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 2 (86). С. 405–414.
6. Савельева А.С., Герман П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 108–118.
7. Хаврин С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура : сб. ст. к 60-летию М.Л. Подольского. СПб., 2000. С. 183–194.
8. Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия : сб. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН С.В. Киселева (г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г.). Красноярск, 2005. С. 96–97.
9. Хаврин С.В. Металлургия Саяно-Алтая скифского времени // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Организующие пути и связывающие центры. VI чтения памяти А.Д. Мачинской. 2002. С. 70–71.
10. Хаврин С.В. Приложение. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Семенов Вл.А. Суглут-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003. С. 211–213.
11. Хаврин С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123.
12. Хаврин С.В. Приложение. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа спектрального состава изделий из сплавов на основе меди могильника Ашпыл. Анализ май – июнь 2016 г. // Вадецкая Э.Б., Субботин А.В., Красниченко С.В. Ашпыл – некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб. : ИИМК РАН, 2018. С. 89–90.
13. Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. (Археология СССР. САИ. Вып. Д4-7). С. 29–34.
14. Черных Е.Н. О некоторых методах установления рудных источников для древнейшего металла // Известия Академии наук Армянской ССР. 1965. XVIII. № 3-4. С. 111–126.
15. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 90. С. 116–207.
16. Савельева А.С. Об элементном составе металла зеркал тагарской культуры // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 9. С. 40–52.

References

1. Martynov, A.I. & Bobrov, V.V. (1971) Serebryakovskiy mogil'nik [The Serebryakovo Burial Ground]. In: *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [News of the Laboratory of Archaeological Research]. Issue 3. Kemerovo.
2. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The Forest-Steppe Tagar Culture]. Novosibirsk: Nauka.
3. Subbotin, A.V. (2014) *Nelineynykh kharakter razvitiya tagarskoy kul'tury (po materialam monograficheskikh raskopannykh mogil'nikov)* [The Non-linear Nature of the Development of the Tagar Culture (Based on Materials from Monographically Excavated Burial Grounds)]. Saint Petersburg.
4. Savel'eva, A.S. & German, P.V. (2016) Saragashenskiy kompleks bronz iz mogil'nika Serebryakovo I [The Saragashen Bronze Complex from the Serebryakovo I Burial Ground]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. K 40-letiyu kafedry arkheologii KemGU* [Archaeology of Southern Siberia. On the 40th Anniversary of the Department of Archaeology of Kemerovo State University]. Issue 27. Kemerovo. pp. 115–123.
5. Savel'eva, A.S. (2021) Lepeshkinskiy kompleks bronz iz mogil'nika tagarskoy kul'tury Serebryakovo I v Mariinskoy lesostepi (po rezul'tatam analiza elementnogo sostava metalla) [The Lepeshkin Bronze Complex from the Tagar Culture Burial Ground Serebryakovo I in the Mariinsk Forest-Steppe (Based on the Results of Analysis of the Elemental Composition of the Metal)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (2) (86). pp. 405–414.

6. Savel'eva, A.S. & German, P.V. (2015) Bronzy iz kurgannogo mogil'nika tagarskoy kul'tury Nekrasovo II (po materialam raskopok 1970 g.) [Bronzes from the Nekrasovo II Kurgan Burial Ground of the Tagar Culture (Based on Excavation Materials from 1970)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of History*. 6 (38). pp. 108–118.
7. Khavrin, S.V. (2000) Tagarskie bronzy [Tagar Bronzes]. In: *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura: sb. st. k 60-letiyu M.L. Podol'skogo* [Worldview. Archaeology. Ritual. Culture: Collection of Articles for the 60th Birthday of M.L. Podolsky]. Saint Petersburg. pp. 183–194.
8. Khavrin, S.V. (2005) [Spectral Analysis of Bronze Artifacts from the Scythian Period of the Sayan-Altai and Problems of the Tagar Culture Chronology]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: Idei, metody, otkrytiya* [Archaeology of Southern Siberia: Ideas, Methods, Discoveries]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Corresponding Member of the RAS S.V. Kiselev. Minusinsk. 20–26 June 2005. Krasnoyarsk. pp. 96–97. (In Russian).
9. Khavrin, S.V. (2002) Metallurgiya Sayano-Altaya skifskogo vremeni [Metallurgy of the Sayan-Altai in the Scythian Period]. In: *Ladoga i Severnaya Evraziya ot Baykala do La-Mansha. Organizuyushchie puti i svyazyvayushchie tsentry. VI chteniya pamyati A.D. Machinskoy* [Ladoga and Northern Eurasia from Baikal to the English Channel. Organizing Routes and Connecting Centers. VI Readings in Memory of A.D. Machinskaya]. S.I. pp. 70–71.
10. Khavrin, S.V. (2003) Prilozhenie. Metall nekotorykh pamyatnikov Tuvy v kontekste metallurgii Sayano-Altaya skifskogo vremeni [Appendix. Metal from Some Sites in Tuva in the Context of the Metallurgy of the Sayan-Altai in the Scythian Period]. In: *Semenov, V.I. A. Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-Tuvinskoy kotlovine* [Suglug-Khem and Khayyrakan – Scythian Period Burial Grounds in the Central Tuva Basin]. Saint Petersburg. pp. 211–213.
11. Khavrin, S.V. (2007) Tagarskie bronzy Shirinskogo rayona Khakasii [Tagar Bronzes of the Shirinsky District of Khakassia]. In: *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova* [Collection of Scientific Works in Honor of the 60th Birthday of A.V. Vinogradov]. Saint Petersburg: Kul't-Inform-Press. pp. 115–123.
12. Khavrin, S.V. (2018) Prilozhenie. Rezultaty rentgeno-flyuorescentnogo analiza spektral'nogo sostava izdeliy iz splavov na osnove medi mogil'nika Ashpyl. Analiz may – iyun' 2016 g. [Appendix. Results of X-ray Fluorescence Analysis of the Spectral Composition of Artifacts Made from Copper-Based Alloys from the Ashpyl Burial Ground. Analysis of May–June 2016]. In: *Vadetskaya, E.B., Subbotin, A.V. & Krasnienko, S.V. Ashpyl – nekropol' drevnego naseleniya severa Minusinskoy kotloviny* [Ashpyl – A Necropolis of the Ancient Population of the Northern Minusinsk Basin]. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. pp. 89–90.
13. Minyaev, S.S. (1980) Proizvodstvo i rasprostraneniye pojasnykh plastin s zoomorfnyimi izobrazheniyami (Po dannym spektral'nogo analiza) [Production and Distribution of Belt Plates with Zoomorphic Images (Based on Spectral Analysis Data)]. In: *Devlet, M.A. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [Siberian Openwork Belt Plates of the 2nd Century BCE – 1st Century CE]. Moscow: Nauka. pp. 29–34.
14. Chernykh, E.N. (1965) O nekotorykh metodakh ustanovleniya rudnykh istochnikov dlya drevneyshego metalla [On Some Methods for Establishing Ore Sources for the Most Ancient Metal]. *Izvestiya Akademii nauk Armyanskoy SSR*. XVIII (3-4). pp. 111–126.
15. Grishin, Yu.S. (1960) Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Production in the Tagar Epoch]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]. Is. 90. Moscow. pp. 116–207.
16. Savel'eva, A.S. (2019) Ob elementnom sostave metalla zerkal tagarskoy kul'tury [On the Elemental Composition of the Metal of Tagar Culture Mirrors]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*. 9. pp. 40–52.

Информация об авторе:

Савельева А.С. – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: antverpen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Savelieva, Cand. Sci. (History), research fellow, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.10.2024;
одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 02.10.2024;
approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 348.01/930.253
doi: 10.17223/15617793/514/15

Расследование дел о покушениях на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Тверской, Ярославской и Тобольской губерний)

Александра Владимировна Спичак¹, Олеся Викторовна Ванюшина², Юлия Александровна Кривошеева³

¹ Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

² Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, Тверь, Россия, vanyushina_olesya@mail.ru

³ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Аннотация. На основе материалов судебных дел окружных судов Тобольской, Тверской и Ярославской губерний отражена правоприменительная практика по покушениям на жизнь супруга (супруги). Установлены причины преступлений, включая пьянство, ревность, сложные отношения с родителями, имущественные разногласия; выявлены особенности судебных процессов, в том числе гендерные; определены виды (способы) совершения преступлений. Уделено внимание работе судебных органов и присяжных заседателей.

Ключевые слова: супружеские конфликты, покушения на убийство, законодательство, судебные дела, судопроизводство, окружные суды, наказание, Тверская, Ярославская, Тобольская губернии

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10103, <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>

Для цитирования: Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А. Расследование дел о покушениях на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Тверской, Ярославской и Тобольской губерний) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 129–137. doi: 10.17223/15617793/514/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/15

Investigation of cases of attempted murder of a spouse in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Tver, Yaroslavl and Tobolsk provinces)

Aleksandra V. Spichak¹, Olesya V. Vanyushina², Yuliya A. Krivosheeva³

¹ Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, spichak-89@mail.ru

² Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver, Russian Federation, vanyushina_olesya@mail.ru

³ P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Abstract. The article, based on the materials of court cases of the district courts of the Tobolsk, Tver and Yaroslavl provinces, reflects the law enforcement practice on attempts on the life of a spouse. The study of the peculiarities of the causes and consequences of attempted murder of spouses in the second half of the 19th – early 20th century have not yet become the subject of a separate study. The sample of cases allows us to compare legal proceedings in the central part of the Russian Empire – in the Upper Volga region (in the Tver and Yaroslavl provinces) and on the periphery (in the Tobolsk province). The work examines how attempted murder was punished, what legal norms were applied and what methods existed to reduce sanctions. The article also pays attention to the work of judicial bodies and jurors. An analysis of archival cases shows that since the "Code of Punishments" did not contain a separate article with punishment for an attempt at murder, the article that was most suitable for the act that the accused failed to commit was selected. It was found that attempted murder was not always punished under the article corresponding to the severity of the crime. Thus, an attempt with a weapon that could easily take a person's life with one blow was punishable by a sanction related to beatings. The causes of the crimes were established: for women, it was no love for the husband (hatred, desire to get rid of him), cruel treatment by the spouse, conflicts with his parents; for men, it was drunkenness of the wife (as a reason), cruelty, jealousy, property disputes, dissatisfaction with the wife's parents. It was determined that drunkenness can be considered the main condition for committing a crime because most attempts were committed in a state of alcoholic intoxication. It was shown that mental disorders also became the reason for committing attempts in families, and in some cases the disorder was invented in order to mitigate the punishment. Archived court cases show that women, who suffered more from domestic violence than men, were at the same time subjected to more severe punishments, with the exception of those who had a confirmed mental disorder or when there was no evidence base. Men, as a rule, who committed a crime while intoxicated without prior preparation, were punished quite leniently, even

when attempting to murder not a wife, but a common-law wife. The study of this topic is especially relevant at the present time, when drunkenness and its consequences for families, as well as family conflicts ending in murder and attempted murder of a spouse, have not yet been eradicated.

Keywords: marital conflicts, attempted murder, legislation, court cases, legal proceedings, district courts, punishment, Tver, Yaroslavl, Tobolsk provinces

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10103, <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>

For citation: Spichak, A.V., Vanyushina, O.V. & Krivosheeva, Yu.A. (2025) Investigation of cases of attempted murder of a spouse in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Tver, Yaroslavl and Tobolsk provinces). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 129–137. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/15

Изучение особенностей причин и последствий покушений на убийство супругов во второй половине XIX – начале XX в. еще не становилось предметом отдельного исследования. В дореволюционной историографии данная тема рассматривалась обычно наряду с проблемами функционирования судебной системы и законодательства [1, 2]. В работах советского периода этот вопрос не освещался. Современные исследования, посвященные истории крестьянства, лишь косвенно затрагивают проблематику покушений на убийство супругов.

Бытовая преступность крестьян во второй половине XIX в. рассмотрена В.С. Сидоровой, которая привела данные «Свода статистических сведений по делам уголовным» за 1873–1897 гг. Так, женщины несколько чаще, чем мужчины совершали покушение на убийство – в 1,1 раза. При этом соотношение между мужчинами и женщинами, осужденными за убийство супругов, было примерно равным. Эти обстоятельства могут свидетельствовать о том, что, имея соответствующее намерение, при большой физической силе мужчины не останавливались только на покушении и чаще всего доводили дело до конца. Вероятно, немалая часть проходивших в судебных делах о покушениях мужей не имела мотива именно убийства супруги [3. С. 45].

А.В. Гаврилова, изучая состояние судебной системы Сибири, проанализировала дела Государственного архива в г. Тобольске за конец XVIII – начало XIX в., в том числе о расследовании преступлений, совершенных по отношению к супругу и супруге, выяснив, что убийства, покушения на них и избиения составили 90% среди преступлений против личности в рассматриваемый период [4. С. 141].

С течением времени вид наказания за покушение на убийство менялся. Как указывал М. Казаков, «наказание, как и преступление, есть понятие по преимуществу историческое. Взгляды на существо, значение и цели наказания постоянно меняются, как в соответствии с развитием права, так и вообще культуры. Многие виды наказания стали уже достоянием истории, и многие стоят на очереди, доживают, так сказать, свой век» [1. С. 99]. Соборное уложение 1649 г. устанавливало смертную казнь жены за убийство мужа и его отравление. Закапывание в землю в качестве наказания за мужеубийство было заменено указом от 19 марта 1689 г. отсечением головы, хотя на практике оно встречалась до 1740 г. [5. С. 108].

До рассматриваемого периода, во второй половине XVIII – первой половине XIX в., за покушение на мужа

жена подвергалась также наказанию кнутом. Со второй половины XIX в. телесные наказания перестали использоваться.

За покушение на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX в. полагалось наказание, указанное в различных статьях «Уложения о наказаниях» (далее – УоН) 1845, 1857, 1866 и 1885 гг. При первоначальном анализе судебных дел вызывает недоумение разнообразие в видах наказаний (относительно применяемых статей, видов и сроков санкций). Для того чтобы разобраться в данной ситуации, необходимо рассмотреть как само определение понятия «покушение», которое использовалось в рассматриваемый период, так и особенности применения законодательства, в чем нам помогли практические пособия, например работа М. Казакова, подготовленная на основе трактовки указанного кодифицированного нормативного акта [1].

М. Казаков, описывая внешнюю сторону преступления, разделил его совершение на четыре стадии: 1) обнаружение преступного умысла; 2) приготовление; 3) покушение; 4) совершение самого преступления. Как вследствие внешних причин, так и по желанию и воле самого виновника преступная деятельность могла быть приостановлена на одной из перечисленных стадий, поэтому отношение уголовного права к преступлению в зависимости от стадии его совершения различалось.

Обнаружение умысла было ненаказуемо, «ибо голый умысел не дает еще основания быть уверенным, что задуманное будет действительно осуществлено». Санкциям не подлежало и приготовление к преступлению, «ибо можно готовиться и к тому, что не решишься выполнить» [1. С. 95].

После приготовления виновный мог перейти к исполнению своего преступного деяния для достижения намеренной им конечной цели, т.е. к покушению. Покушением признавалась ситуация, когда виновный начал производить известный ряд действий, составляющих содержание того или иного преступления, не доведенный до конца вследствие различных обстоятельств. УоН считало покушением любое действие, которым начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение (ст. 9). Однако М. Казаков такое определение призывал считать безусловно неудачным, так как под него можно было подвести и приготовление, тем более что УоН давало слишком узкое определение приготовления к преступлению.

Уголовное уложение 1903 г. (УУ), дав более верное, по мнению М. Казакова, определение приготовления, давало и более правильное и точное определение покушения, а именно: «действие, коим начинается приведение в исполнение преступного деяния, учинения коего желал виновный, не довершенного по обстоятельству, от воли виновного не зависящему» (ст. 49 УУ). При этом автор в данном абзаце оба сборника назвал уголовным уложением, что могло запутать читателя [1. С. 96].

Для выбора наказания за преступление было важно определить степень осуществления намечаемого деяния. В одних случаях покушение совсем не было осуществлено, так как было остановлено (соседи не дали добить жену), а в других убийство почти было исполнено, помешал случай (пуля попала не в жизненно важный орган). Рассмотрим статьи УоН, посвященные этим двум вариантам. Согласно ст. 114 УоН, когда покушение останавливалось по независящим от обвиняемого обстоятельствам, наказание должно было определяться «по большей или меньшей близости покушения к совершению преступления». Однако если подсудимым было сделано все, что он считал нужным для приведения своего намерения в исполнение и преднамеренное им зло не совершилось только по особым, непредвиденным им обстоятельствам или вследствие безвредности употребленных средств (например, приготовленная отравка оказалась слабой для убийства), то его следовало подвергать санкции одной, двумя или тремя степенями ниже наказания, установленного за само совершение преступления (ст. 115 УоН). Если покушение было остановлено по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, то наказание за покушение на тяжкие преступления смягчалось на основаниях ст. 53 УоН, т.е. оно приравнивалось к обстоятельствам, уменьшающим вину [1. С. 96–97]. Таким образом, законодательство хотя и вносило некоторую определенность, но предоставляло окружным судам возможность выбора среди достаточно широкого спектра наказаний.

В комментарии № 1993 к ст. 1454 УоН 1866 г. дополнительно приводится еще одно содержание понятия «покушение на убийство» как нанесение раны с обдуманным заранее намерением лишить жизни [6. С. 549]. Однако покушаться на жизнь другого человека можно было различными способами, а не только нанесением ран, при этом в других статьях уголовного кодекса, посвященным различным видам убийств, подобные объяснения отсутствовали, но при этом включались в комментарии к ст. 9. Так, болезненные припадки в результате отравления потерпевшего кашей с мышьяком, приготовленной с целью лишить его жизни, считались оконченным покушением, «когда зло не совершилось по обстоятельствам, не зависевшим от воли подсудимого». Статьи с видами наказаний, которые следовало применить в данном случае, указаны не были, что вводило суд в затруднение.

Анализируя особенности рассмотрения дел в центральной России и на периферии, следует помнить, что в Сибири отсутствовал суд присяжных. А. Трайнин указывал, что «последний сильно влияет на процент

оправдательных приговоров. За 1897–1904 гг. средний процент оправданных при участии присяжных заседателей составлял 36,4, а без их участия – лишь 28,6. Таким образом процент осужденных по Европейской России несколько ниже процента осужденных в Сибири» [7. С. 4]. Однако Л.А. Полонский утверждал, что «оправдательные приговоры произносятся присяжными не чаще, чем судьями всех категорий» [8. С. 827]. В 1874 г. оправдания в судах всей империи составили 31,43%, при этом судебные палаты оправдали 39,59%, окружные суды с присяжными – 32,87%, окружные суды без участия присяжных – 24,81% [2. С. 390–391]. В силу низкой сохранности судебных дел о покушениях на супруга (супругу) в региональных архивах, а также отсутствия статистики по данному вопросу невозможно с уверенностью сказать, что в Тобольской губернии из-за отсутствия на суде присяжных заседателей виновных наказывали более строго, однако рассмотренные в данной статье дела Тверского и Ярославского окружных судов ярко демонстрируют их достаточно лояльное отношение к обвиняемым, особенно к мужьям.

Основной источниковой базой исследования послужили судебные дела о покушениях на убийство мужа (7 дел) или жены (5 дел), хранящиеся в архивах Ярославской, Тверской и Тюменской областей за 1862–1911 гг. По сословному признаку большинство обвиняемых являлись крестьянами, в ярославских делах также фигурировали мещанин и военный. Выборка дел позволяет сравнить судопроизводство в центральной части Российской империи – в Верхневолжье (в Тверской и Ярославской губерниях) и на периферии (в Тобольской губернии).

Дополнительно для сравнения были изучены следственные процессы по данному виду преступлений: 4 дела за конец XVIII – первую половину XIX в., а также среди несупружеских пар в изучаемый период (одно дело о покушении на жизнь сожительницы за 1906 г., второе – любовницы за 1914–1915 гг.).

Рассмотрим, каким образом наказывали за покушения на убийство. Поскольку УоН не содержало отдельную статью с наказанием о покушении именно на убийство, то выбиралась статья, наиболее подходившая под то деяние, которое не получилось осуществить у обвиняемого.

Непосредственно покушениям посвящена 115 ст.: «Когда, при покушении на преступление, подсудимым сделано все, что он считал нужным для приведения своего намерения в исполнение, и преднамеренное им зло не совершил только по особым, непредвиденным им обстоятельствам, или вследствие безвредности употребляемых средств, то он подвергается, смотря по обстоятельствам дела, наказанию одною, двумя или тремя степенями ниже против наказания, постановленного за самое совершение преступления» [9. С. 70–71].

Первые два вида покушения на жизнь (посредством ударов орудием и побоев) применялись в изученных делах исключительно мужчинами, что объясняется их большей физической силой.

Желание убить супруга (супругу), выразившееся в попытке лишить жизни, подлежало наказанию по двум

статьям УоН – ст. 1454 (умышленное спланированное убийство, 15–20 лет ссылки на каторжные работы с лишением всех прав состояния) и ст. 1455 (умышленное убийство без обдуманного заранее намерения [6. С. 549], 12–15 лет ссылки на каторжные работы с лишением всех прав состояния [9. С. 507]). При этом вместо указанной ст. 1454 могли указать и ст. 1451 об убийстве мужа (жены), что подлежало каре по ст. 1450 – лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу в рудниках без срока [6. С. 547]. При этом в таких делах указывалась и ст. 9 о покушении, благодаря которой снижался уровень наказания, предусмотренного по данным статьям.

Статьи 1451 и 9 были применены в деле в 1891–1892 гг. к старшему писарю запаса из мещан г. Нерехты, проживающему в Великосельской волости Ярославской губернии Николаю Арсентьеву Сенекину, который из ревности пытался зарезать жену хлебным ножом (уездный врач обнаружил 21 тяжелую рану – мужчина бил жену ножом до тех пор, пока тот не сломался) и полностью признал на допросе свою вину. Оказалось, что мужчина и раньше угрожал супруге, тиранил ее по причине своего пьянства, имел жестокий характер, что подтвердили 13 свидетелей. Виновный не дождался исполнения наказания [10. Л. 1–45 об.; 11. Л. 1–63]. Кроме указанной статьи, на предварительном следствии обвиняемому вменяли выплату судебных издержек, согласно примечанию 2 ст. 1496 УоН: «...сверх определенных в главе наказаний и взысканий за увечья, побои, истязания или иные мучения и за причинение важного во здоровье вреда, виновные, по требованию самих потерпевших от того <...> могут быть приговариваемы: к платежу за расходы, употребленные на их излечение и к вознаграждению за все причиненные им убытки и вред» [6. С. 574].

При заранее спланированной неудачной попытке *убить при помощи орудия, например из ружья*, при подтверждении умысла свидетелями («жалко, надо было убить до смерти») присяжные заседатели вынесли вердикт «Да, виновен», в результате чего крестьянин Жуковской волости Туринского уезда Тобольской губернии Никита Никандров Калугин (26 лет) в 1915 г. был осужден на основании ст. 9, п. 1 ч. 1 ст. 1455, 3 степ. ст. 19 (дублировала наказание 12–15 лет каторги), ст. 115, 6 степ. 19 ст. (уже уменьшенный вариант 6–8 лет каторги), п. 4 ст. 134, ст. 135 и ч. 1 ст. 31 УоН отдать в исправительные арестантские отделения сроком на пять лет с заменой этого наказания по ст. 77 УоН (заключение в тюрьме из-за дальнего расположения арестантских отделений [9. С. 57]) и с последствиями по ч. 1 ст. 58.1–2, исключив из означенного срока наказания, согласно ст. 152.1 УоН, восемь месяцев предварительного по сему делу заключения [12. Л. 1–82]. Вызывает вопрос о выборе статьи и ее части с формулировкой «без обдуманного заранее намерения», ведь ружье было взято с собой не случайно.

Статьи 134 и 135 применялись достаточно часто к представителям крестьянского сословия, уменьшая вину и наказание на 1 или 2 степени из-за «слабоумия»

или «невежества», обычно в делах указывался последний вариант [9. С. 80–81], в результате чего в рассмотренном деле с максимальных 15 лет за убийство виновный получил 5 лет за покушение на жизнь.

Если для предполагаемого убийства вместо ружья применялись другие *орудия побоев или кулаки*, то обвинение проходило по ст. 1489 УоН.

К примеру, крестьянин Терсукской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии Степан Степанов Козлов (25 лет) нанес жене минимум 15 ударов ножом или железной тростью (не помнил чем), объясняя это ревностью и подозрениями: «Будучи в кабаке слышал, как один человек “хвастался” его женой. Задумав проучить за это жену, подсудимый отправился к ней». Мужчина подвергся наказанию по ст. 1489 УоН, суд избрал 3 степ. ст. 31, считая «справедливым это нормальное наказание, в виду сознания подсудимого и крайнего его невежества, согласно п. 2 и 4 ст. 134 и 135 УоН понизить на 2 степени и перейти в окончательном выводе к 5 степ. ст. 31 УоН в низшей мере по лишении всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, отдать в исправительные арестантские отделения сроком на 1 год, с заменой места заключения по ст. 77 УоН, а после отбытия наказания отдать под особый надзор местной полиции на 4 года». Несмотря на то что жена в итоге скончалась, виновного судили именно за покушение, что указано на обложке дела [13. Л. 1–48].

Статья 1455 применялась также при попытке убийства *топором*, как в деле 1906 г. по обвинению крестьянина из ссыльных Иллариона Власова Владыко (43 лет) в нанесении своей сестры низкими руками и лицом тяжких ран. Благодаря низким потолкам в доме он не смог замахнуться в полной мере, и она «отделалась только тяжкими, не опасными для жизни ранами». По мнению врача-эксперта, свидетельствующего о травме женщины, «характер и количество нанесенных ей ран указывают на желание нападавшего лишить ее жизни». Так как «удары топором были направлены в голову потерпевшей и лишь по случайным обстоятельствам не достигли цели» (закрыла рукой, лавка оказалась изрублена в том месте, где под ней находилась ее голова), суд убедился, что имел место умысел лишить жизни [14. Л. 2, 67].

Судом была выбрана ч. 2 ст. 1455 УоН (в запальчивости или раздражении), согласно которой мужчине предстояло лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы от 8 до 12 лет или от 4 до 8 лет либо ссылка в Сибирь на поселение. Однако, согласно ст. 115 УоН, можно было уменьшить наказание на 1, 2 или 3 степени. «Избрав на основании 149 УоН... нормальное наказание, определенное 2 ч. 31 ст. УоН, понизив на 2 степени в силу 115 ст. суд перешел к наказанию, определенному 2 степ. 31 ст.», «но приняв на вид невежество подсудимого, полагает правильным и это последнее понизить еще на две степени на основании 4, 134 и 135 ст. УоН и назначить... 4 степ. 31 ст. УоН». Мужчину направили в исправительные арестантские отделения *на один год и 6 месяцев* с условиями, указанными в ст. 77 и 58.1–2 УоН [14. Л. 67 об.–68].

Нередко обнаруживалась *большая разница между показаниями виновного и потерпевшей*. Не признавая себя виновным, ответчик из вышерассмотренного дела так объяснил свой поступок: «8 числа он рубил дрова; Сулина, выйдя из чьей-то избы, стала смеяться над ним, что он все пропивает, а он в свою очередь потребовал от нее свои деньги; в ответ на это она, показывая на свои половые органы, сказала: “вот деньги”. Тогда он побежал за нею и что было дальше не помнит» [14. Л. 2]. В свою очередь его сожительница объявила, что он пришел к ее сестре с топором в руках и со словами «попалась одна» намеревался нанести удар по голове, но она закрыла свою голову левой рукой, что ее и спасло [14. Л. 66].

Топор стал орудием предполагаемого убийства и у крестьянина Зубцовского уезда Тверской губернии Дмитрия Евстигнеева Розанова (45 лет) в 1876 г. Однако решение Ржевского окружного суда было намного строже – подсудимый был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводы на семь лет. Несмотря на то что он обвинялся по той же ст. 1455 УоН, и вместо ст. 115 (преступление остановлено непредвиденными обстоятельствами) была применена ст. 114 (преступление остановлено независимыми от виновного обстоятельствами, в данном случае родственниками), которая снижала наказание не на 1–3, а на 2–4 степени. Такой выбор суда можно объяснить тем, что подсудимый не стал говорить о якобы пробелах в памяти, пытаясь сойти за умалишенного, как это делали другие. При этом он до последнего отрицал свою вину [15. Л. 1–146].

М. Казаков признавал, что применение уголовного закона к отдельным случаям правовой жизни представляло крайне сложную и ответственную задачу. Для толкования законов существовали особые правила, к примеру, при сомнении между двумя толкованиями закона предпочиталось то, которое мягче для подсудимого [1. С. 90]. Во многих судебных делах обнаруживается подтверждение данного правила. Однако снисхождения удаивались в рассмотренных случаях только мужчины, а женщин, напротив, наказывали по всей строгости закона. Вероятно, играл роль *вид преступления и наличие умысла*. Мужчины, как правило, совершали покушения в пьяном виде, не готовясь к нему заранее, тогда как женщины, выбирая в основном отравление, осуществляли его планирование и подготовку, что наказывалось строже. Приведем пример судебного разбирательства, в ходе которого выбор между статьями об убийстве и покушении был сделан в пользу последнего.

Топор выбирался подсудимыми мужчинами нередко, так как был «сподручен» и имелся в каждой крестьянской семье. Унтер-офицер запаса г. Романово-Борисоглебск Ярославской губернии Арсений Алексеев Поздняков в 1891 г. в трезвом виде (со слов свидетелей обычно пил минимум по бутылке в день, но выглядел трезвым), после ссоры с женой-кухаркой почтовой станции на почве ревности (Екатерина Андреева отказалась ехать за мужем к новому месту работы и осталась жить на почтовом дворе в одной избе с ямщиками и начальником станции) ночью вдруг нанес ей удар топором по лбу у правого глаза. Бросив топор, мужчина

сказал: «Очень жаль, что не совсем убил» (подтвердили свидетели), т.е. умысел был налицо. Рана представляла собой рассечение кожи на лбу, была задета наружная пластинка лобной кости (трещина), однако врачи отнесли рану к разряду средних, а затем – легких, экспертиза решила, что она не угрожала жизни. На предварительном следствии врач был опрошен на предмет того, можно ли таким топором (колун для дров) убить или изувечить. Судебный следователь усмотрел в деле признаки преступления по ст. 9 и ст. 1455 УоН. Однако в приговоре записали уже другие статьи УоН: 1482, 5 степ. 31, 149, 1492, 1451, 1 степ. ст. 38 в средней мере, согласно которым он был заключен в тюрьму на 1 год с возложением на его имущество судебных издержек, т.е. вместо покушения на убийство мужчине вменялись тяжелые побои. Сам виновный утверждал, что жену любил, но в ссоре, в состоянии запальчивости, не понимал, что делает, и умысла убивать не имел [16. Л. 1–53, 17. Л. 1–66]. Таким образом, вид (способ) предполагаемого убийства иногда не совпадал с выбором статьи, как в данном случае: покушение с помощью орудия, которое вполне могло лишить жизни одним ударом, наказывалось санкцией, отнесенной к побоям.

Часто подсудимых *проверяли на наличие умственных способностей* после их жалоб на проблемы с памятью. В представленном выше деле мужчина пожаловался, что «временами он ничего не помнит и в это время у него болит голова, такие припадки с малых лет “перевалами”, что подтвердили его сестра и соседи». При осмотре Козлова в особой комнате врач дал заключение, что он «представляет ясные признаки антропологического вырождения, выражающиеся в неправильном развитии ушных раковин, с довольно сильно развитой нижней челюстью и неправильным расположением лобных морщин. В сфере психической у подсудимого при тупом выражении лица замечается замедление течения представлений. Суд, выслушав заключение врача и принимая во внимание, что у суда возникли сомнения насчет состояния умственных способностей подсудимого Козлова: наблюдаются признаки антропологического вырождения – следы дегенерации, постановил: рассмотрение настоящего дела приостановить и таковое дело возратить прокурору суда для расследования умственных способностей подсудимого в порядке ст. 353–355 Уст. Угол. Суд., судебные же по сему делу издержки принять на счет казны». По итогам освидетельствования в Ялуторовске оказалось, что во время совершения преступления муж «находился в нормальном состоянии умственных способностей» [17. Л. 26 об., 29 об.–30 об.].

Проверку умственных способностей обязательно проходили также подсудимые, которые не могли объяснить мотивы и не помнили момент совершения преступления, в таком случае суд подозревал *душевное расстройство*, как в следующем деле. Крестьянка с. Юрьевское Тверского уезда Тверской губернии Аграфена Иванова, находившаяся на четвертом месяце беременности, в 1886 г. без причины (любила мужа и не имела обид на него) пыталась порезать ему горло во время сна.

Окружной суд определил признать совершившую преступление «в состоянии умоисступления и совершенного беспамьятства» (по результатам врачебной экспертизы), следственно руководствуясь п. 3 ст. 92 и 95 УоН «преследование прекратить». После выздоровления на основании приложения 4 к ст. 95 УоН женщину освободили из дома для душевно-больных и отдали на попечение родных с обязанностью тщательно наблюдать за нею и в случае малейших признаков возврата сумасшествия, «брать надлежащие меры предосторожности или же проводить ее в таковом случае в дом умалишенных» [18. Л. 19–22].

Подобное решение окружные суды выносили и в том случае, когда виновный раскрывал причину совершения преступления (например, ревность), повод (к примеру, намерение супруга уехать в другое место жительства), *не готовился заранее, но имел умысел лишить жизни*, при этом если врач-эксперт приходил к выводу, что он *страдает острым психическим расстройством в форме начинающегося слабоумия*. Срок заключения в таких делах не указывался, как правило, *больного выписывали после излечения*. Так, крестьянина Старицкого уезда дер. Чудово Тверской губернии Максима Григорьевича Смирнова несмотря на то, что он помнил произошедшее, действовал с намерением, обещал после освобождения завершить начатое – зарезать жену, ждала не тюрьма, а Бурашевская колония для душевнобольных [19. Л. 1–180].

Отдельно следует рассмотреть такой способ лишения жизни, как *отравление*, которое предпочитали жены (согласно основанному на «Своде статистических сведений по делам уголовным» выводе В.С. Сидоровой женщины отравляли супругов в 2 раза чаще [3. С. 45]). Для них убийство мужа было последним возможным вариантом выйти из-под его влияния и разойтись с ним. Как указывал Я.А. Канторович, 1 из 3 осужденных жен «прибегала к яду», а процент мужей-отравителей был намного ниже – 1 из 26 [20. С. 116]. В рассмотренных нами делах все виновные в делах об отравлениях – женщины, выбиравшие разные подручные способы отравить своего мужа, часто это был мышьяк, добавленный в еду и напитки, в том числе в кисель, пряник, лепешки и т.д.

М. Казаков на основе статистических данных определил, что отравления являлись сельским преступлением: «По расчету на 1 млн населения отправлений приходилось в столицах – 0,0, городах – 0,1, а в уездах в 3 раза больше – 0,3. Из общего числа отправлений за 1897–1904 гг. приходится на столицы 0,4%, города – 6,2%, а на уезды – 93,4%». Отравление являлось «обычным орудием смерти в руках более слабого... 65% всех отправлений за этот период совершены женщинами и лишь 35 – мужчинами. Это отношение станет особенно заметным, если вспомнить, что вообще преступность мужчин в 8 раз выше преступности женщин. Преобладание женщин и преобладание в деревне – не случайные признаки понятия отравления; между ними существует теснейшая зависимость: горькая доля русской женщины-крестьянки, всегда приниженной и забитой, рабски зависимой от мужа-тирана... порой наталкивает ее на это преступление» [1. С. 13–20].

Отравление по своей сути подразумевало обязательное планирование («обдуманное заранее намерение») и умысел, поэтому наказывалось особо строго. Например, 22-летнюю крестьянку Бежецкого уезда Алешинской волости, дер. Маркова Тверской губернии Марину Яковлеву в 1876 г. за две попытки отравления мужа лишили всех прав состояния, сослали в каторжные работы на заводах на 11 лет, а по истечении этого срока поселили в Сибири навсегда. Согласно ст. 1451 (умышленное убийство супруга) [6. С. 547] и п. 5 ст. 1453 УоН (отравление) [9. С. 548] суд должен был выбрать 1 степ. ст. 19 УоН – каторжные работы в рудниках без срока. Однако так как в настоящем случае было лишь покушение на отравление и принимая во внимание признание присяжными заседателями подсудимую заслуживающей снисхождения, окружной суд согласно ст. 828 «Устава уголовного судопроизводства» и ст. 115 УоН по обстоятельствам дела понизил наказание на 3 степени, назначив его по 4 степ. ст. 19 УоН. Интересно, что женщина не признала себя виновной, утверждая, что муж сам себе два раза подсыпал в пищу яд для того, чтобы ее обвинить в покушении на убийство в качестве мести за предполагаемую измену, так как подозревал ее в любовной связи с сельским священником (данную связь, как и в принципе наличие любовников, допрошенные односельчане отрицали) [21. Л. 1–91].

Однако дела об отравлении проходили не только по ст. 1453, но и по ст. 1454 УоН (предумышленное убийство без отягчающих обстоятельств, лишение всех прав состояния и ссылка на каторжную работу в рудниках на 15–20 лет), как в случае разбирательства с крестьянкой Ржевского уезда Тверской губернии Аграфеной Ермолаевой. Примечательно, что отягчающими обстоятельствами являлись как покушение на жизнь супруга (ст. 1451), так и отравление (ст. 1453), поэтому выбор данной статьи необоснован. Как и в рассмотренном деле, женщина отрицала свою вину, утверждая, что отравленный пряник был одним из подарков на свадьбу, однако, в отличие от Марии Яковлевой, виновную в 1877 г. оправдали присяжные заседатели [22. Л. 1–176].

Таким образом, участие присяжных заседателей существенно влияло на результаты судебного заседания, иногда в корне изменяя содержание приговора.

Еще одну жену, желавшую отравить супруга, от сурового наказания спасло то, что она обвинялась только в приготовлении, а не в самом покушении на убийство («чтобы не пострадали другие, она отраву дать не решилась»), т.е. в предшествующем покушению пункте. В случае приготовления к отравлению применили ст. 1457 УоН, подразумевающую примерных 2 вида наказания (не исчерпывала и другие виды): 1) при приготовлении оружия или отравы и недоказанности оставков преступления собственным побуждением и раскаянием – заключение в тюрьме от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев, 2) когда останавливали преступление внешние обстоятельства – лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь на поселение [6. С. 551]. Крестьянка дер. Селищи Осташковского уезда Тверской губернии Авдотья Яковлева в 1888 г. была осуждена

по первой части указанной статьи. Благодаря ее рассказу (134 и 135 ст. УоН) по 3 степ. ст. 38 (содержала минимальный срок заключения в тюрьме от 2 до 4 месяцев) УоН женщину приговорили к 3 месяцам заключения в тюрьме [23. Л. 1–62].

В 1888 г. крестьянка Ярославской губернии Елена Степанова Гобцева, работница Норской мануфактуры, подала мужу кусок колобка, после которого ему стало плохо. Мужчина увидел в откушенном куске зелень (порошок для отравы тараканов – ярь-медянка) и отдал соседям, которые передали отравленный кусок сот-скому. Елена во всем созналась: когда сторож сыпал отраву тараканам, она собрала ее и запекла в колобке, который положила так, чтобы возвратившийся с работы муж, взял его и начал есть. Елена показала, что по временам с ней делались припадки головокружения, особенно в церкви (говорили, что она кликуша), но к моменту допроса была здорова. Ни опрошенные соседи, ни мать обвиняемой не подтвердили «порченное» состояние Гобцевой, однако ее отец сообщил, что около пяти лет назад (когда Елене было около 12 лет) у нее случались припадки по большим праздникам и когда поднимали иконы – «делалась внезапная тоска и она начинала кричать как кликуша – как успокоят, прекращалось». Женщину ждало наказание по ст. 1455 УоН. При выявлении в ходе суда ошибок в постановке приговора, прокурор имел право подать кассационный протест, тогда дело направляли на пересмотр в Сенат. В данном случае 4 года каторги (несмотря на то, что ей вменялось преступление без заранее обдуманного намерения) были заменены императорским указом в пользу виновной на 2 года заключения в тюрьме по причине ее несовершеннолетия [24. Л. 1–76; 25. Л. 1–73].

Интересно, что в делах об отравлении, когда сохранялся остаток предположительно отравленного продукта, его для проверки давали съесть какому-то домашнему или сельскохозяйственному животному и по их реакции (рвота, смерть) устанавливали степень опасности вещества. Доказательство отравления могло быть косвенное, например, когда потерпевший резко почувствовал серьезное недомогание, тошноту.

Следует отметить, что в рассматриваемый период разрешалось венчать вторым браком без разрешения духовного и гражданского начальства вдовцов обоего пола, отбывших наказание за убийство первого супруга и возвращенных в свое общество [26. С. 252].

Введение в 1907 г. Святейшим Правительствующим Синодом такого повода для развода, как опасное для жизни и здоровья насилие в семье, вплоть до покушения на убийство [27. С. 129], должно было уменьшить количество покушений, совершенных мужем и женой.

Итак, не всегда покушение на убийство наказывалось по статье, соответствующей тяжести преступления. Так, покушение с помощью орудия, которое вполне могло лишить человека жизни одним ударом, наказывалось санкцией, относящейся к побоям. В ходе следствия дело могли рассматривать по ст. 1451 за убийство, а в итоге приговор выносили по ст. 1489 о тяжелых побоях.

Как свидетельствуют архивные дела, среди причин покушения на супруга у женщин отмечались нелюбовь

к мужу (ненависть, желание от него избавиться), жестокое обращение супруга, конфликты с его родителями; у мужчин – пьянство жены (как повод), жестокость, ревность, имущественные споры, недовольство родителями жены. Конечно, данный список можно дополнять индивидуальными мотивами в конкретных случаях.

Мнение Е.С. Лахтионовой о том, что представительницы прекрасного пола «несравненно реже мужчин покушались на убийства», идет вразрез с приведенной в данной статье статистикой. Кроме того, среди основных причин покушений на убийство указываются «ромanticеские побуждения»: ревность, желание скрыть любовный обман или измену. Нами же главной причиной признано побуждение избавиться от жестокого или в принципе нелюбимого мужа. Вероятно, автором сделаны выводы исключительно на основе обнаруженных документов Екатеринбургской духовной консистории, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург) [28. С. 23].

Главным условием совершения преступления можно считать пьянство, ведь большинство покушений было совершено в состоянии алкогольного опьянения. Причем пьянство можно рассматривать, во-первых, как косвенный повод к преступлению, например, когда супруга тратила на выпивку все средства и не являлась примерной женой из-за своего алкоголизма, и, во-вторых, как условие, которое «помогало» осуществить задуманное (накопившиеся злость и обида переходили в агрессию, обычно именно в пьяном виде, кроме того, некоторые фигуранты дел специально пили, чтобы набраться смелости). Не стоит забывать и того, что пьянство меняет характер человека, озлобляя и ужесточая его, вероятно, именно поэтому большинство супружеских преступлений, связанных с насилием, было совершено в состоянии алкогольного опьянения. Психические расстройства также становились причиной совершения покушений в семьях. В некоторых случаях расстройство придумывалось, дабы смягчить меру наказания.

Очевидно, женщины, больше страдающие от домашнего насилия, нежели мужчины, подвергались в то же время более суровым наказаниям, за исключением тех, у которых подтверждалось психическое расстройство либо когда отсутствовала доказательная база. Мужчины же, как правило, совершившие преступление в состоянии алкогольного опьянения без предварительной подготовки, наказывались достаточно лояльно, причем даже при покушении на убийство не жены, а сожительницы.

Анализ архивных документов показал, что исключительно женским видом преступления являлось покушение на отравление супруга. Учитывая умышленный характер данного вида преступления, отравление наказывалось особо строго – лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы на заводы в Сибирь с последующим поселением в Сибири навсегда. Между тем судом учитывались и обстоятельства дела, так, приготовление к отравлению своего мужа, остановленному по собственному раскаянию, строго не

наказывалось – за это полагалось заключение в тюрьму на относительно короткий срок.

В начале XX в. М. Казаков утверждал: «В настоящее время стало почти общепризнанной истиной, что с преступностью государство не должно, да и не может бороться только одним наказанием, оно должно озабочиться устранением тех социальных, общественных и экономических условий, которые толкают человеческую волю на преступный путь» [1. С. 99]. Борьба властей с почти повальным алкоголизмом населения, в ос-

новном сельского, улучшила страшную прежде картину семейного насилия в уездах. Кроме антиалкогольных компаний после 1917 г. появилась возможность разводиться с агрессивным или просто нелюбимым супругом. Однако пьянство до сих пор является движущей силой к преступному деянию.

Проблема девиантных союзов отчасти стала решаться уже после 1917 г. с расширением возможностей для страдающих от домашнего несогласия супругов получить развод.

Список источников

1. Казаков М. Адвокат: иск и защита: пособие для самостоятельного ведения гражданских дел и уголовных защит и для подготовки к экзамену на звание частного Поверенного. 2-е изд., перераб. и законч. М.: «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. 264 с.
2. Полонский Л.А. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Журнал истории и политики. Т. 3, кн. 5, май 1876, X. С. 388–408.
3. Сидорова В.С. Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 1. С. 39–47.
4. Гаврилова А.В. Уголовное судопроизводство в рамках екатерининской судебной системы в Тобольской губернии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2 (62). С. 140–143.
5. Гришко Н.А. Уголовная ответственность за преступления женщин в семейно-бытовой сфере // Юрист-Правовед. 2017. № 4 (83). С. 108–111.
6. Россия. Законы и постановления. Полный свод законов уголовных: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, со включением текста всех статей Свода законов, на которые указаны ссылки в Уложении о наказаниях, старого 1857 и нового 1866 г. издания / сост. Н. Хохловым. М.: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. 574+IX с.
7. Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. Ежемесячный литературно-политический журнал. 1909. Кн. 7. С. 1–27.
8. Полонский Л.А. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Журнал истории и политики. Т. 3, кн. 6, июнь 1876, X. С. 821–832.
9. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 346. Оп. 4. Д. 3952. Л. 1–45 об.
11. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3953. Л. 1–63.
12. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-158. Оп. 3. Д. 3473. Л. 1–82.
13. ГАТ. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 1286. Л. 1–48.
14. ГАТ. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 2028. Л. 2, 67.
15. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 659 Оп. 1-6. Д. 3081. Л. 1–146.
16. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3962. Л. 1–53.
17. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3963. Л. 1–66.
18. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-2. Д. 2581. Л. 1–22.
19. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-4. Д. 3885. Л. 1–180.
20. Канторович Я.А. (Орович Я.) Женщина в праве. С приложением всех постановлений законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1895. 317 с.
21. ГАТО. Ф. 661. Оп. 3. Д. 22. Л. 1–91.
22. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1-1. Д. 203. Л. 1–176.
23. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1-1. Д. 448. Л. 1–62.
24. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3921. Л. 1–76.
25. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3232. Л. 1–73.
26. Моховая Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 250–253.
27. Ткаченко А.В. Социальный институт брака в России // Система ценностей современного общества. 2009. № 5-2. С. 128–132.
28. Лахтионова Е.С. Мир женских грехов и преступлений в крестьянской среде на среднем Урале XIX – начала XX в. // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2 (7). С. 15–25.

References

1. Kazakov, M. (1912) *Advokat: isk i zashchita: posobie dlya samostoyatel'nogo vedeniya grazhdanskikh del i ugovolnykh zashchit i dlya podgotovki k ekzameni na zvanie chastnogo Poverennogo* [The Lawyer: Claim and Defense: A Manual for Independently Conducting Civil Cases and Criminal Defenses and for Preparing for the Examination for the Title of Private Attorney]. 2nd edition. Moscow: "Pravovedenie" I.K. Golubeva.
2. Polonskiy, L.A. (1876) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy. Zhurnal istorii i politiki*. 3 (5). pp. 388–408.
3. Sidorova, V.S. (2011) *Krest'yanskaya sem'ya i bytovaya prestupnost' v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [The Peasant Family and Domestic Crime in Russia in the Second Half of the 19th Century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. 4 (1). pp. 39–47.
4. Gavrilova, A.V. (2015) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v ramkakh ekaterininskoy sudebnoy sistemy v Tobol'skoy gubernii* [Criminal Proceedings Within the Framework of the Catherinean Judicial System in the Tobolsk Province]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (2) (62). pp. 140–143.
5. Grishko, N.A. (2017) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya zhenshchin v semeyno-bytovoy sfere* [Criminal Liability of Women for Crimes in the Family and Domestic Sphere]. *Yurist"-Pravoved*. 4 (83). pp. 108–111.
6. Khokhlov, N. (ed.) (1867) *Polnyy svod zakonov ugovolnykh: Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh, so vklucheniem teksta vseh statey Svoda zakonov, na kotorye ukazany ssylki v Ulozhenii o nakazaniyakh, starogo 1857 i novogo 1866 g. izdaniya* [Complete Code of Criminal Laws: Code on Criminal and Correctional Punishments, Including the Text of All Articles of the Code of Laws Referenced in the Code on Punishments, from the Old 1857 and New 1866 Editions]. Moscow: Tip. Shyuman i Glushkova.
7. Trainin, A. (1909) *Prestupnost' goroda i derevni v Rossii* [Urban and Rural Crime in Russia]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 1–27.
8. Polonskiy, L.A. (1876) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 3 (6). pp. 821–832.

9. Tagantsev, N.S. (1886) *Ulozheniye o nakazaniyakh ugovornykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Code on Criminal and Correctional Punishments of 1885]. 5th edition. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
10. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3952. Pages 1–45 rev.
11. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3953. Pages 1–63.
12. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-158. List 3. Delo 3473. Pages 1–82.
13. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-158. List 3. File 1286. Pages 1–48.
14. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-158. List 3. File 2028. Pages 2, 67.
15. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 659. List 1-6. Delo 3081. Pages 1–146.
16. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3962. Pages 1–53.
17. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3963. Pages 1–66.
18. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 660. List 3-2. File 2581. Pages 1–22.
19. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 660. List 3-4. File 3885. Pages 1–180.
20. Kantorovich, Ya.A. (Orovich, Ya.) (1895) *Zhenshchina v prave. S prilozheniem vsehkh postanovleniy zakonodatel'stva, otnosyashchikhsya do lits zhenskogo pola* [Woman in Law. With an Appendix of All Legislative Enactments Relating to Persons of the Female Sex]. Saint Petersburg: Izd. Ya. Kantorovicha.
21. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 661. List 3. File 22. Pages 1–91.
22. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 659. List 1-1. File 203. Pages 1–176.
23. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 659. List 1-1. File 448. Pages 1–62.
24. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3921. Pages 1–76.
25. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3232. Pages 1–73.
26. Mokhovaya, T.A. (2014) Stanovlenie i razvitie instituta braka v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii XIX veka [Formation and Development of the Institute of Marriage in the Legislation of the Russian Empire in the 19th Century]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 4. pp. 250–253.
27. Tkachenko, A.V. (2009) Sotsial'nyy institut braka v Rossii [The Social Institute of Marriage in Russia]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 5-2. pp. 128–132.
28. Lakhtionova, E.S. (2019) Mir zhenskikh grekhov i prestupleniy v krest'yanskoy srede na Srednem Urale XIX – nachala XX v. [The World of Female Sins and Crimes in the Peasant Milieu of the Middle Urals in the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 2 (7). pp. 15–25.

Информация об авторах:

Спичак А.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем, доцент кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета (Нижневартговск, Россия). E-mail: spichak-89@mail.ru

Ванюшина О.В. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России (Тверь, Россия). E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

Кривошеева Ю.А. – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Spichak, Cand. Sci. (History), senior research fellow, associate professor, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

O.V. Vanyushina, Cand. Sci. (History), leading research fellow, associate professor, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tver, Russian Federation). E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

Yu.A. Krivosheeva, senior lecturer, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 22.10.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 30.05.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 372.881.1+81'232
doi: 10.17223/15617793/514/16

Лингводидактические особенности применения технологий искусственного интеллекта в обучении и усвоении иностранного языка

Арега Михайловна Акопянц¹, Владимир Витальевич Елькин²

^{1, 2} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹ imadean@yandex.ru

² elkin@pgu.ru

Аннотация. Целью исследования является изучение лингводидактических особенностей применения технологий ИИ в обучении и усвоении иностранного языка. С использованием комплексной методики проанализированы и описаны с позиций лингводидактики ключевые технологии ИИ, применяемые в обучении и усвоении иностранного языка, дана оценка влияния, преимуществ и недостатков использования ИИ в обучении иностранному языку, рассмотрены перспективы, вызовы и риски дальнейшего развития и распространения данных технологий.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, усвоение иностранного языка, искусственный интеллект (ИИ), лингводидактические особенности и формы применения ИИ

Для цитирования: Акопянц А.М., Елькин В.В. Лингводидактические особенности применения технологий искусственного интеллекта в обучении и усвоении иностранного языка // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 138–150. doi: 10.17223/15617793/514/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/16

Linguodidactic peculiarities of using artificial intelligence technologies in teaching and learning a foreign language

Arega M. Akopyants¹, Vladimir V. Elkin²

^{1, 2} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

¹ imadean@yandex.ru

² elkin@pgu.ru

Abstract. Modern linguodidactics is meant to take into account the fact that artificial intelligence (AI) technologies have become an integral part of our lives, as well as the fact that the modern field of language learning is no longer limited to the traditional or formal educational environment. In this regard, the research aims to study and systematically analyze the linguodidactic features of using various AI technologies in teaching and learning a foreign language with the reliance on the advanced domestic and foreign theoretical and practical research of using modern AI technologies in foreign language classes. Using a comprehensive research methodology integrating the PRISMA (*Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses*) methodology, various relevant theoretical and empirical research methods the key modern AI technologies used in teaching and learning a foreign language were analyzed and described from the perspective of linguodidactics. These technologies include: personalized learning materials, machine translation tools, AI text assistants, chatbots, AI-based software platforms and applications for language learning, intelligent learning systems, adaptive and intelligent systems for collaborative learning support, intelligent virtual reality. Based on the analysis, an assessment of the impact, advantages and disadvantages of using AI in teaching a foreign language is given, as well as the prospects, challenges and risks of further development and distribution of these technologies. Upon the results of the study, the authors conclude that the integration of AI into the educational process provides a new quality of both foreign language acquisition and teaching. AI-based technologies and tools help to create a complex cognitive educational environment in which learning can be more personalized and teaching can become more flexible and adaptive. AI technologies can contribute to the formation and development of students' knowledge and skills that are necessary today in a modern technologically advanced society and, no doubt, will be in demand in the future. Teachers of foreign languages should contribute not only to the acquisition of students' knowledge of a foreign language. Due to the massive spread of AI technologies, they are meant to develop their students' natural intelligence and skills that are becoming particularly relevant in the 21st century, such as critical thinking, creativity, communication and collaboration. In order to qualitatively and effectively integrate the considered technologies into the daily educational process of learning foreign languages, modern teachers themselves need to form, timely update and constantly modernize their own knowledge, skills and mastery of AI technologies.

Keywords: teaching a foreign language, learning a foreign language, artificial intelligence (AI), linguodidactic peculiarities and forms of application of AI

For citation: Akopyants, A.M. & Elkin, V.V. (2025) Linguodidactic peculiarities of using artificial intelligence technologies in teaching and learning a foreign language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 138–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/16

Введение

В 2022 г. американская некоммерческая научно-исследовательская компания «OpenAI», специализация которой связана с исследованиями и внедрением технологий искусственного интеллекта, разработала и запустила в массовое использование предварительно обученный трансформатор для генерации чатов (ChatGPT – от англ. *Chat Generative Pre-Trained Transformer*), представляющий собой языковую модель на базе генеративного искусственного интеллекта (ИИ), обученную на огромном количестве текстовых данных из интернета и способную в диалоговом режиме генерировать человекоподобные текстовые реакции-ответы на промты, т.е. вводимые текстовые запросы пользователя, заданные на естественном языке. Такой чат-бот может отвечать на вопросы, вести беседы на самые разные темы на более чем 80 языках, генерировать творческие тексты, относящиеся к различным предметным областям.

Широкое распространение технологий искусственного интеллекта, а также неослабевающий интерес к ним общественности к привели к тому, что в 2023 г. авторитетный толковый словарь английского языка Collins English Dictionary назвал AI (ИИ) словом года [1].

Отметим также, что и другие авторитетные толковые словари английского языка не остались безучастными.

Так, Cambridge Dictionary в 2023 г. назвал словом года глагол *'hallucinate'* и обновил его определение с учетом нового дополнительного значения: «Когда искусственный интеллект... галлюцинирует, он выдает ложную информацию» [2].

Принимая во внимание вышесказанное, а именно то, что с развитием искусственного интеллекта и дипфейка (англ. *deepfake* от *deep learning* – «глубинное обучение» и *fake* – «подделка») как основанной на нем методики синтеза изображения или голоса, при которой с помощью алгоритмов генеративно-состязательной нейросети происходит генерация нового контента на основе заданного набора налагаемых на исходное изображение фрагментов контента, таким образом осуществляется подмена лица, мимики, жестов, голоса в видео- или звуковой дорожке, грань между «подлинным» и «поддельным» становится все более размытой. В этой связи словом года в 2023 г по версии толкового словаря английского языка Merriam-Webster на основе статистики поисковых запросов стало слово *'authentic'* [3].

А в рейтинге самых популярных слов по версии Oxford English Dictionary непосредственно связанное с технологиями ИИ слово *'prompt'* («команда, передаваемая алгоритму программы искусственного интеллекта и т.д., которая определяет или влияет на генерируемый ею контент») заняло второе место [4].

Сегодня мы являемся не только свидетелями, но также и участниками того, как цифровая эпоха и ее новые технологии, включая самые последние достижения в области ИИ и обработки больших данных, продолжают оказывать беспрецедентное влияние на образовательные процессы и педагогику, включая стратегии и подходы, связанные с преподаванием и усвоением иностранного языка.

В центре этих процессов находится поколение Z (зумеры), т.е. те представители молодежи, годы рождения которых пришлось на период с 2001 по 2010 г. Среди ключевых значимых характеристик поколения Z можно выделить следующие: технологическая грамотность, лёгкая адаптабельность и готовность к использованию новых цифровых технологий; быстрое освоение новых онлайн-платформ, активное использование социальных сетей, стриминговых сервисов, мессенджеров и других цифровых инструментов для общения, работы, развлечений и саморазвития, независимость и самостоятельность благодаря доступу к информации и возможности самостоятельного обучения через интернет, сконцентрированность на получение нового опыта. С другой стороны, зумерам присущи оторванность от реальности, интровертность и зависимость от гаджетов.

Современная лингводидактика призвана учитывать то, что технологии ИИ стали неотъемлемой частью нашей жизни, а также тот факт, что современная сфера изучения языка больше не ограничивается традиционной или формальной образовательной средой.

В связи с этим перед преподавателями иностранных языков встает сложная задача по внедрению различных видов технологий в академический процесс, чтобы удовлетворить потребности своих студентов. Чтобы не отставать от своих студентов, разбирающихся в цифровых технологиях, и вовлечь их в процесс обучения, при изучении иностранного языка необходимо использовать современные технологии ИИ. Именно конкретный педагог и академическое сообщество в целом должны определить, какие из этих технологий могут оказать положительное влияние на образовательный процесс, оценить их потенциал и воспользоваться всеми преимуществами, которые они предлагают. Кроме того, они должны оценить потенциальные риски и опасности, которые представляют эти технологии. Это непростая задача, поскольку исследования практического применения ИИ с определенными педагогическими целями пока довольно немногочисленны и не демонстрируют в полной степени убедительных результатов, что зачастую обусловлено объективными временными ограничениями, связанными с новизной и инновационностью применения данных технологий.

Не следует забывать и то что, преподаватели иностранных языков должны способствовать не только

приобретению студентами знаний по иностранному языку. В связи с массовым распространением технологий ИИ они призваны развивать у своих учащихся естественный интеллект и навыки, которые приобретают особую актуальность в XXI в., такие как критическое мышление, креативность, коммуникация и сотрудничество.

Кроме того, педагоги должны позитивно относиться к использованию этих технологий на занятиях по иностранному языку и обладать соответствующими предметными, технологическими и педагогическими знаниями, чтобы мотивировать учащихся использовать эти технологии для изучения иностранного языка.

По вышеуказанным причинам целью данного исследования является изучение и системный анализ лингводидактических особенностей применения различных технологий ИИ в обучении и усвоении иностранного языка с опорой на передовые отечественные и зарубежные теоретические и практические исследования использования современных технологий ИИ на занятиях по иностранному языку.

Материалы и методы исследования

В представленном исследовании используется комплексная исследовательская процедура, интегрирующая методологию PRISMA (англ. *Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses*), теоретические методы научного исследования (индукцию, дедукцию, анализ, синтез), эмпирические методы научного исследования, включая наблюдение, опросные методы (в частности, собеседование), методы контент-анализа и дефиниционного анализа при изучении словарных статей в лексикографических источниках.

PRISMA – это общепризнанная методология для проведения систематизированных обзоров в различных областях, включая образование и изучение языков. Она включает в себя системный и детализированный поэтапный процесс выявления, отбора и критической оценки соответствующих исследований по заданной теме.

В представленном исследовании используется тематическое ограничение на использование и анализ теоретических, описательных, наблюдательных, аналитико-статистических и экспериментальных научных публикаций последних лет, в центре внимания которых находится использование современных технологий ИИ в процессе обучения и усвоения языка с целью выявления теоретически обоснованных и эмпирически подтвержденных результатов, которые обладают потенциалом для развития лингводидактической теории и применения в практике преподавания иностранного языка.

В данном исследовании используется только научная литература на русском и английском языках, имеющаяся в открытом доступе. Чтобы найти и идентифицировать исключительно релевантные материалы, посвященные рассматриваемому вопросу, поиск в названиях, аннотациях и ключевых словах статей проводился с использованием специальных терминов и параметров для выявления исследований, которые соответствуют установленным критериям включения и исключения.

В поисковые системы Яндекс и Google были направлены следующие сформулированные на основе заявленной темы поисковые запросы: «искусственный интеллект в обучении и усвоении языка», «технологии искусственного интеллекта в обучении и усвоении иностранных языков», «artificial intelligence/AI technologies in teaching and learning foreign languages».

Выявленные материалы проверялись и отбирались на основе их соответствия цели исследования и критерию научной релевантности, т.е. публицистические, научно-популярные статьи, а также различного рода квазинаучные материалы были исключены. Выбранные исследования дополнительно изучались путем применения контент-анализа, классифицировались и обобщались для получения соответствующих данных и выводов.

Опросный метод путем собеседования применялся в отношении студентов-магистрантов 1-го года обучения Пятигорского государственного университета в рамках образовательного процесса по дисциплине «Лингвистическое консультирование в современной профессиональной коммуникации» (направление подготовки 45.04.02 – Лингвистика (магистерская образовательная программа: «Лингвистический консалтинг в сфере межкультурного и межкультурного взаимодействия»), после отработки с ними в качестве образовательной технологии коммуникации с англоязычными чат-ботами.

Обзор литературы

Анализ как зарубежной, так и отечественной научной литературы по рассматриваемой проблематике применения технологий искусственного интеллекта в обучении и усвоении иностранного языка, репрезентируемой теоретическими, описательными, наблюдательными, аналитико-статистическими и экспериментальными научными публикациями за последние годы, демонстрирует растущий интерес со стороны ученых и исследователей, увеличение числа опубликованных работ, посвященных использованию технологий ИИ в образовательном процессе, а также разносторонность и многополярность оценок и трактовок перспектив дальнейшего развития изучаемых явлений, что подтверждается единодушным мнением ряда ученых [5].

Сегодня взоры научной общественности фокусируются, по сути, на следующих ключевых аспектах:

- 1) теоретическом осмыслении роли и места цифровизации и технологий ИИ в жизнедеятельности человека в целом и в образовании как одной из ее сфер [6–9];
- 2) исследовании применения и влияния технологий ИИ при преподавании/изучении различных языков как иностранных [10–30];
- 3) изучении результатов внедрения отдельных технологий ИИ в образовательный процесс по обучению иностранным языкам [31–39];
- 4) оценке положительного и отрицательного влияния, преимуществ и недостатков, а также этических вопросов использования ИИ в образовательном процессе в целом и в обучении иностранному языку в частности

[40–49], а также дальнейших перспектив, возможностей, вызовов, рисков и опасностей развития, внедрения и распространения данных технологий [50–56].

Разносторонность и многополярность оценок и трактовок текущего влияния, преимуществ и недостатков, а также этических вопросов использования ИИ в образовательном процессе в целом и в обучении иностранному языку в частности, а также дальнейших перспектив, вызовов, возможностей, рисков и опасностей развития, внедрения и распространения данных технологий проявляется в том, что из-за опасений обмана, мошенничества и плагиата со стороны учащихся, а также неточностей в информации, полученной с помощью ИИ, некоторые образовательные учреждения США в 2023 г. заблокировали доступ к ChatGPT на своих компьютерах [57]. Данный факт обусловлен тем, что в отдельных случаях преподаватели иностранных языков склонны рассматривать использование технологий ИИ как нечестность со стороны учащихся, нарушение ими или даже подрыв академической дисциплины и научной этики [47, 58]. Более того, отдельные исследовательские работы были посвящены предотвращению использования технологий ИИ в образовательном процессе [59].

В то же время некоторые аналитики, напротив, утверждают, что полностью запретить его в учебных заведениях нереально, и вместо этого настаивают на том, что педагоги должны использовать его в качестве эффективного инструмента обучения [59].

Без сомнения, ИИ может быть полезным подспорьем в изучении языка. На сегодняшний день исследователями достоверно установлено, что запрет на использование данных технологий в образовательном процессе в значительной степени бесполезен и неэффективен [60]. В частности, К.Д. Уайт и Е. Хайдрик утверждают, что вместо запретительных мер и осуждения преподаватели иностранных языков должны сосредоточиться на том, каким образом они могли бы содействовать учащимся в эффективном использовании технологий ИИ [61]. В связи с этим в целях повышения эффективности образовательного процесса преподавателям иностранных языков следует быть осведомленными о возможностях и ограничениях ИИ и способными предоставить адекватные рекомендации своим студентам [62].

Тем не менее отметим тот факт, что большинство ученых сходятся во мнении, что на сегодняшний день ИИ является инструментом повышения качества образования, а значительный рост инвестиций в ИИ привел к созданию электронных приложений с большим образовательным потенциалом благодаря развитию, внедрению и широкому распространению таких технологий ИИ, как машинное обучение, нейронные сети, обработка естественного языка и продвинутая обработка изображений.

Результаты исследования

Значение обучения с использованием ИИ быстро растет во всех областях образовательного процесса, однако в рамках данной статьи основное внимание

уделяется исключительно применению ИИ в обучении и усвоении иностранного языка. Наряду с обучением иностранному языку с помощью мобильных устройств, компьютерно-опосредованной коммуникацией и веб-обучением применение инструментов на базе ИИ в изучении иностранных языков является частью общей лингводидактической концепции компьютерного обучения языку. Благодаря последним достижениям в области обработки естественного языка, прогрессу в глубоком и сетевом обучении, а также росту технологических возможностей обработки больших объемов данных, современный ИИ находит широкое применение в изучении языков в целом и иностранных языков в частности.

Переход от компьютерного обучения иностранному языку к обучению иностранному языку с применением компьютерных технологий ИИ был эволюционно неизбежен и привел к значимым изменениям качественных характеристик взаимодействия учащихся с компьютером и особенностей усвоения языка.

Ожидаемые преимущества такого обучения обусловлены тем, что ИИ способен сделать цифровое изучение и усвоение языка по-настоящему индивидуализированным для каждого учащегося, что, в свою очередь, может привести к экономии времени, затрат, уменьшению и даже полной элиминации разочарования и неудовлетворенности учащихся, возникающих при выполнении заданий без немедленной обратной связи со стороны преподавателя.

Все это становится возможным благодаря обработке больших объемов данных и применению алгоритмов машинного обучения, которые в режиме реального времени адаптируются к поведению учащихся, вычисляя сильные и слабые стороны каждого учащегося и создавая в полной мере персонализированный образовательный контент, состоящий из конкретного набора учебных материалов для каждого занятия и курса. Более того, и это является не менее важным, алгоритм способен обучаться как на индивидуальном, так и на коллективном поведении учащихся, что еще в большей степени увеличивает его прогностический потенциал.

К иным ожидаемым преимуществам обучения иностранному языку с применением компьютерных технологий ИИ могут быть отнесены следующие: самостоятельный темп и динамика обучения учащихся; мгновенная обратная связь как мощный мотивационный фактор; индивидуальное повторение тем и акцентирование внимания на тех видах деятельности, в которых учащиеся демонстрируют более низкие результаты; оперативная и объективная оценка прогресса учащихся; лучшее понимание предпочтений и стратегий обучения учащихся; прогнозирование успеваемости учащихся с высокой степенью вероятностной точности; быстрая и независимая оценка средств обучения (учебных текстов, лекций, заданий, тестов и т.д.).

Проведенный анализ позволил определить наиболее актуальные и востребованные в настоящее время **формы применения ИИ в обучении иностранному языку**. К ним относятся:

а) Создание персонализированных учебных материалов. Принимая во внимание и анализируя ответы

учащегося во время обучения, адаптивные образовательные системы формируют его индивидуальную образовательную траекторию с помощью специально подобранных учебных и дидактических материалов.

Отдельные инструменты, разработанные с использованием технологий ИИ, способны адаптировать учебные материалы для конкретного учащегося, конкретного курса или отдельно взятого образовательного учреждения и создавать, например, персонализированные учебники. Персонализированные учебные материалы выступают в качестве альтернативы общепринятым учебникам и учебным материалам в традиционном формате, репрезентирующим так называемый «универсальный» подход к обучению, при котором педагоги предоставляют всем учащимся в каждом классе, в каждой группе или на всем курсе только один тип учебных материалов.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся создания и эффективного применения персонализированных учебных материалов в образовательном процессе, можно указать следующее:

- используйте AI-конструкторы (Canva Magic Write, Education Copilot и т.д.) для быстрого создания рабочих листов;
- генерируйте индивидуальные упражнения (с помощью ChatGPT, DeepL Write и т.д.) на основе профессиональных интересов и персональных предпочтений учащихся (например, тексты и упражнения к ним по темам, связанным с информационно-коммуникационными технологиями, медициной, спортом, туризмом и т.п.);
- применяйте персонализированные списки изучаемой иностранной лексики (в частности, на основе ошибок учащихся), например, через Quizlet;
- дифференцируйте варианты и уровни сложности заданий через использование автоматизированных возможностей ИИ (например, тесты разного уровня сложности, адаптированные и оригинальные версии текстов и т.д.);
- анализируйте сведения об успеваемости учащихся (через Google Classroom + ИИ-аналитику) для корректировки образовательной программы и ее задач.

б) Использование средств машинного перевода. Машинный перевод (МП) представляет собой технологический процесс, при котором компьютерное программное обеспечение применяется в целях перевода письменного или устного текста с одного естественного языка на другой. Довольно продолжительное время использование инструментов МП для изучения языка было ограничено из-за сомнительного качества их результатов. Технологии ИИ, такие как нейронный МП, значительно улучшили качество машинного перевода, а веб-сервисы МП с бесплатным доступом привели к тому, что миллионы пользователей ежедневно используют такие сервисы, как *Яндекс Переводчик*, *Google Translator*, *Translator Online* для своей учебы или работы.

Кроме того, некоторые сервисы МП, в частности DeepL, как переводчики на основе нейросети способны

хорошо понимать контекст и выдавать высокий уровень перевода, сопоставимый с человеческим. Так, DeepL «знает» 33 языка и может использоваться в формате онлайн на сайте, через мобильное приложение, либо же путем установки программы в браузер на компьютере, таким образом он может интегрироваться, например, в Word и переводить текст прямо на странице.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся эффективного использования средств машинного перевода в образовательном процессе, можно указать следующее:

- позволяйте учащимся пользоваться машинным переводом в качестве вспомогательного средства на начальных этапах обучения иностранному языку, при этом постепенно уменьшая зависимость от него;
- обучите учащихся правильной и адекватной работе со средствами машинного перевода, демонстрируя, как корректно и адекватно формулировать запросы и верифицировать полученный результат;
- используйте в образовательном процессе билингвальные упражнения, основанные на сопоставлении языковых единиц оригинала и перевода;
- осуществляйте сравнительный анализ вариантов перевода одной и той же языковой единицы (конкретного слова, идиомы, фразеологизма, реалии, полного текста и т.д.), полученных при использовании различных средств машинного перевода;
- совместно анализируйте неточно или некорректно переведенные искусственным интеллектом слова, фразы или выражения, а также осуществляйте поиск причин сложившейся ситуации;
- проводите устный опрос (устный пересказ или перефразирование), при этом запрещая слепое копирование.

в) Использование помощников по написанию текстов с помощью ИИ. Помощники по написанию текстов с помощью ИИ оказывают помощь пользователям на различных этапах процесса обучения письму. С использованием систем ИИ и нейронных сетей они осуществляют проверку грамматики, орфографии, пунктуации, исправляют ошибки в письменном тексте, проводя постоянный анализ контента и структуры текста, высказывают рекомендации по дальнейшему улучшению стилистической оформленности текста и его тональности, а также предоставляют дополнительные ресурсы для изучения. На занятиях по иностранному языку данные системы помогают учащимся самостоятельно выполнять письменную работу, исправлять ошибки, продумывать и проектировать сам процесс написания текста. Использование ИИ подобным образом способствует усилению самоконтроля и формированию автономии учащихся.

Примерами помощников по написанию текстов с помощью ИИ являются такие электронные ресурсы, как: *Grammarly*, *Ginger*, *ProWriting Aid*, *Textio*, *AI Writer*, *Textly AI*, *Essaybot* и т.д.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся эффективного использования помощников по

написанию текстов с помощью ИИ в образовательном процессе, можно указать следующее:

- учите студентов редактировать полученные с помощью ИИ тексты с учетом дифференциации в их стилистической принадлежности, тональности, эмоциональности, экспрессивности (например, добавлять эмоции, исправлять клише);
- используйте флуктуацию в повествовании: а) в выборе роли повествователя (от 1-го или от 3-го лица); б) во временной отнесенности (настоящее или прошедшее время);
- применяйте практические задания по типу «Найди и объясни ошибку в созданном ИИ тексте»;
- используйте режим соавторства: учащийся пишет 50% текста, ИИ помогает с написанием оставшейся части;
- используйте ИИ для генерации тезисов в качестве идей для написания учащимися полного текста;
- создавайте структурированные шаблоны различных текстов (эссе, делового письма, резюме, заявления и т.д.);
- применяйте грамматическую корректуру написанных учащимися текстов с использованием средств ИИ (например, Grammarly, LanguageTool и т.д.), при этом не забывая объяснить ошибки.

г) Общение с чат-ботами. Роботы для общения (чат-боты) – это компьютерные программы в формате программного приложения или веб-интерфейса, предназначенные для имитации интеллектуальной и речевой интеракции на естественном языке. Диалоговое взаимодействие пользователя-человека и компьютера (робота) с использованием естественного языка реализуется в рамках неформального чата (в письменной или устной форме). Чат-боты зачастую широко используются в маркетинговых коммуникациях [63], однако они находят свое эффективное применение и на занятиях по изучению иностранных языков [31–34, 38, 53]. Учащиеся могут изучать и осваивать иностранный язык в процессе непосредственного общения с чат-ботом. Кроме того, чат-боты могут предоставлять индивидуальные ответы на сообщения учащихся, оценивать их успеваемость и давать советы о том, что учащимся необходимо улучшить. Исследование, проведенное Л. Фрайером и Р. Карпентером [31], показало, что большинству студентов нравится пользоваться чат-ботами, они, как правило, чувствуют себя более комфортно, общаясь с ботами, чем с партнером-студентом или преподавателем, что может показаться удивительным открытием.

Примерами чат-ботов с ИИ являются следующие: *Rosetta Stone* (31 язык), *Replika*, *Andy*, *Mondly*, *Memrise*, *P-Bot*, *Plotchy*, *Kuki*, *Eviebot* и др. В этом ряду особое место занимает чат-бот, разработанный в рамках *John Lennon Artificial Intelligence Project* и воссоздающий личность знаменитого британского рок-музыканта, певца, поэта, композитора, одного из основателей и участника группы «The Beatles» Джона Леннона. Данный чат-бот запрограммирован ИИ на использование собственных слов и мыслей Дж. Леннона. Данное достижение выводит область ИИ на совершенно новый уровень, делая возможным создание и использование

персонализированных роботов, наделенных уникальными качествами и репрезентирующих аутентичные человеческие личности, тем самым еще больше стирая хрупкую грань между человеком и машиной.

Результаты внедрения в Пятигорском государственном университете в рамках образовательного процесса по дисциплине «Лингвистическое консультирование в современной профессиональной коммуникации» (направление подготовки 45.04.02 – Лингвистика (магистерская образовательная программа: «Лингвистический консалтинг в сфере межкультурного взаимодействия») в качестве образовательной технологии коммуникации с англоязычными чат-ботами показали, что регулярные беседы с чат-ботами, а также лингвистический анализ используемых ими коммуникативных тактик и стратегий положительно влияют на языковую компетенцию, психологическую уверенность и технологическую подготовленность студентов, повышают их интерес и мотивированность к изучению иностранного языка как с практической, так и теоретической точек зрения. Как показал полученный опыт, чат-боты в большей степени подходят в качестве учебных пособий для развития разговорных навыков у изучающих иностранный язык на продвинутом уровне.

Напротив, опыт использования чат-ботов может оказаться малоэффективным для изучающих иностранный язык на начальном уровне. И проблема здесь в том, что большинство чат-ботов реагируют только на простые ключевые слова и конвенциональные фразы и выражения и не могут оценить, является ли вводимый текст грамматически или прагматически правильным. Кроме того, чат-боты по-прежнему функционируют в пределах только разговорного стиля, в четко определенных сценариях с предсказуемыми диалогами и соответствующими источниками ошибок. Пока что чат-боты не могут распознать более или менее серьезные ошибки в произношении, грамматические и орфографические ошибки, а также стилистические, гендерные, возрастные, диалектные и иные колебания и личностные девиации. Более того, принимая во внимание такие ключевые критерии, как спонтанность, креативность, способность к обмену знаниями и контролю их усвоения на сегодняшний день диалоговые системы с ИИ не могут заменить реального преподавателя иностранного языка.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся эффективного использования общения с чат-ботами в образовательном процессе, можно указать следующее:

- используйте преимущественно голосовые чат-боты (например, ChatGPT + Speechify);
- тренируйте диалогическое общение учащихся с чат-ботом как на заданные в рамках образовательной программы темы, так и на основе личных предпочтений и интересов учащихся;
- создавайте и применяйте на практике конкретные сценарии диалогового общения с чат-ботом (например: «узнай у чат-бота, как лучше всего добраться до городской библиотеки»);

- инсценируйте ролевые игры, в том числе и профессионально-ориентированные, когда чат-бот выступает в качестве работодателя, сотрудника, партнера по бизнесу, туриста и т.д.;

- проводите имитационные тренинги по сдаче экзаменов (например, подготовка к IELTS Speaking);

- совместно анализируйте коммуникативные ошибки и неточности в диалоговом общении с чат-ботом (например, неестественные реплики ИИ, неадекватные ответы на поставленные вопросы, использование не соответствующих коммуникативной ситуации стилей и регистров общения и т.п.).

д) Применение программного обеспечения на базе ИИ для изучения языков (платформы и приложения). Онлайн-платформы и мобильные приложения все больше и больше становятся общепринятой практикой в деле изучения иностранного языка. Облачные онлайн-платформы, интегрирующие обработку естественного языка, краудсорсинг, элементы геймификации, автоматическое распознавание речи, автоматическую генерацию речи и приложения-помощники по написанию текстов с использованием ИИ, относятся к наиболее популярным учебным пособиям, активно применяются молодыми пользователями.

Так, по данным авторитетной глобальной платформы для сбора данных и бизнес-аналитики «Statista» [64], ежемесячное количество активных пользователей приложения *Duolingo* по всему миру возросло с 37 млн в 2020 г. до 113 млн в 2024 г. Данное приложение предлагает курсы по 43 языкам, начиная от английского, французского и испанского до менее изучаемых языков, таких как валлийский, ирландский и навахо, и даже искусственных языков, таких как клингонский. Предлагаемый метод обучения включает геймификацию образовательного процесса, чтобы мотивировать пользователей баллами, наградами и интерактивными уроками с интервальным повторением. Как и в представленном выше случае, в данном приложении используются персонализированные роботы, обладающие определенным стилизованным национально-культурным внешним обликом, в интерактивном взаимодействии с которыми предлагается проводить короткие ежедневные уроки для последовательной поэтапной практики иностранного языка.

Среди других примеров подобного рода ресурсов можно назвать следующие: *Busuu*, *Speexx*, *Babbel*, *Memrise*, *Semantis*, *Lingodeer*, *Magicalingua* и многие другие.

Можно разграничить две основные технические концепции программного обеспечения для изучения языков: **обычный графический интерфейс пользователя с распознаванием речи и языковой интерфейс с функцией диалога.**

В обычном графическом интерфейсе пользователя, как и в традиционных учебниках, изучающие иностранный язык проходят серию цифровых упражнений (заполнение пробелов, упражнения на замену, упражнения на сопоставление и т.д.). Проблема здесь заключается в том, что учащиеся работают со строго заданным языком (закрытые задания), а многие приложения

основаны на устаревших концепциях (метод грамматического перевода, аудиозаписи и упражнения с шаблонами), потому что их легко моделировать. Учащимся не хватает места для спонтанности и творчества. Приложения, дополненные программным обеспечением для распознавания языка, должны уметь распознавать устную речь, однако они не могут взаимодействовать с пользователем в случае его неправильного произношения или произношения с акцентом.

Языковой интерфейс с функцией диалога был разработан в целях имитации естественной вербальной интеракции с виртуальным преподавателем. Данные диалоговые системы функционируют по принципу обычного чат-бота. Обучающиеся могут свободно вносить письменные или устные предложения, которые анализируются технологией на наличие предопределенных ключевых слов. В том случае, когда использовано правильное ключевое слово, выбирается и выводится соответствующий предварительно заданный ответ от искусственного преподавателя. Проблемы возникают, когда учащийся произносит фразу, которую разработчики программы не предусмотрели. В таком случае программа не может отреагировать должным образом.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся эффективного применения программного обеспечения на базе ИИ для изучения языков (платформ и различных приложений) в образовательном процессе, можно указать следующее:

- применяйте средства геймификации образовательного процесса, предлагаемые образовательными платформами и приложениями, для повышения аттрактивности занятий и мотивировки учащихся (в частности, через соревнования по количеству пройденных уроков и заданий);

- выбирайте и используйте в образовательном процессе преимущественно узкоспециализированные приложения (например, *Speechling* – для аудирования; *Semantis* – для формирования лексического запаса и т.п.);

- не заменяйте полностью и не подменяйте живое интерактивное общение с преподавателем и коллективную работу с другими учащимися только использованием образовательных платформ и приложений: они продемонстрируют большую эффективность именно в качестве дополнения к основным занятиям;

- задавайте мини-задания или мини-проекты для выполнения на образовательных платформах и в приложениях.

е) Интеллектуальные обучающие системы. Интеллектуальные обучающие системы – это компьютерные обучающие системы, которые предназначены для моделирования кастомизированного индивидуального обучения. Они включают четыре базовых компонента: модель предметной области, модель студента, модель обучения и модель интерфейса. «Основываясь на моделях обучения, алгоритмах и нейронных сетях, они могут принимать решения о траектории обучения отдельного учащегося и отборе контента, предоставлять когнитивные основы и помощь, вовлекать учащегося в

диалог. Интеллектуальные обучающие системы обладают огромным потенциалом, особенно в крупных учреждениях дистанционного обучения, в которых образовательный процесс ведется с тысячами студентов и где индивидуальное обучение невозможно» [9. Р. 5]. Благодаря интеграции обучающих систем на основе технологий обработки естественного языка (как загружаемого программного обеспечения, так и онлайн-систем), которые способны предоставлять корректирующую обратную связь и адаптировать учебные материалы, реактивные односторонние интеллектуальные обучающие системы были трансформированы в интерактивные системы машинного обучения. Примерами такого рода могут служить: *Word Bricks*, *CASTLE*, *I-ETER*, *Web Passive Voice Tutor*, *WUFUN* (для студентов китайских университетов, изучающих английский язык), *Your Verbal Zone* (для турецких студентов, изучающих английский словарь), *E-Tutor* (для изучения немецкого как второго языка), *TAGARELA* (для изучения португальского языка на университетском уровне) и т.д.

Адаптивные и интеллектуальные системы поддержки совместного обучения – это еще один тип образовательных инструментов на базе ИИ. Совместное обучение, которое сочетает в себе социальные и конструктивные элементы учебного процесса, происходит, когда учащиеся вырабатывают общее понимание проблемы посредством лингвокоммуникативного взаимодействия (например, диалога в аудитории или чата в онлайн-группе). Внедрение в этот процесс инструментов, основанных на ИИ, направлено на поддержку как социальных навыков, так и процессов накопления знаний.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся эффективного применения интеллектуальных обучающих систем в образовательном процессе, можно указать следующее:

- адаптируйте и сочетайте применение ИИ-систем с традиционными методами;
- проводите детальный анализ предложенных ИИ рекомендаций вместе с учащимися;
- используйте преимущества глубокой аналитики, когда интеллектуальная обучающая система подсказывает, какие темы необходимо повторить, на чем стоит более основательно остановиться и на чем сделать особый акцент;
- внимательно и объективно относитесь к автоматической корректировке программы под слабые места учащихся;
- используя в образовательном процессе адаптивные и интеллектуальные системы поддержки совместного обучения, активно применяйте интерактивные симуляции (например, виртуальные дискуссии).

ж) Интеллектуальная виртуальная реальность. Интеллектуальная виртуальная реальность – это сложная система, интегрирующая инструменты разговорного ИИ, технологии распознавания пространственного контекста, системы распознавания жестов и лицевых ориентиров, НЛП, технологии распознавания речи и понимания естественного языка. Учащиеся могут практиковаться в разговорной речи с помощью аватаров на базе ИИ, которые имитируют реалистичные разговоры с носителями языка, что позволяет учащимся

развить беглость речи и укрепить уверенность в себе благодаря персонализированной практике. Интеллектуальную виртуальную реальность используют для создания аутентичной виртуальной реальности и обучающих сред, основанных на играх.

Виртуальные агенты (аватары) могут выступать в роли учителей, фасилитаторов или сверстников учащихся. При использовании в обучении иностранным языкам системы интеллектуальной виртуальной реальности сталкиваются с теми же проблемами, что и чат-боты и онлайн-платформы/приложения. По сути, это объясняется тем, что взаимодействие с аватаром будет проходить гладко и непринужденно только в том случае, если учащиеся будут вводить вопросы и ответы, которые разработчики системы предусмотрели и изначально заложили в свой продукт. Вне рамок предписанных сценариев диалоговая интеракция с чат-ботами и агентными системами довольно хаотична, бессвязна и подвержена ошибкам. Их нельзя рассматривать в качестве модельного образца для подражания для изучающих иностранные языки.

В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей иностранных языков, касающихся эффективного применения интеллектуальной виртуальной реальности в образовательном процессе, можно указать следующее:

- используйте в образовательном процессе общедоступные бесплатные аналоги (например, Google Cardboard, Veer VR, VirtualSpeech и др.);
- начинайте с применения простых сценариев (заказ еды, знакомство, запрос сведений о маршруте и т.д.);
- посещайте различные 3D-экскурсии (например, Google Expeditions) с последующим рассказом о них или пояснением на иностранном языке;
- сочетайте VR с привычными для учащихся заданиями (например, описание виртуального опыта в письменной форме);
- мотивируйте учащихся и способствуйте их иноязычной практике в виртуальных мирах (Mondly VR, Immerse), а также в диалогическом общении на иностранном языке с различными ИИ-персонажами.

Заключение

Интеграция ИИ в образовательный процесс обеспечивает новое качество как усвоения иностранного языка, так и его преподавания. Технологии и инструменты, основанные на ИИ, помогают создать сложную когнитивную образовательную среду, в которой обучение может быть более персонализированным, а преподавание – более гибким и адаптивным. Технологии ИИ могут способствовать формированию и развитию у учащихся знаний и навыков, которые необходимы уже сегодня современному технологически продвинутому обществу и, без сомнения, будут востребованы в ближайшей перспективе.

Антиутопическая позиция, основанная на пессимистических прогнозах и оценках, предполагает, что ИИ возьмет на себя абсолютный контроль и станет наставником-тираном, диктующим учащимся, что, когда и

как они должны изучать, основываясь на персональных и коллективных данных, которые он постоянно собирает о своих пользователях.

Утопическое видение основывается на том, что учащиеся сами смогут управлять своими персональными инструментами ИИ, которые уже сегодня помогают им и их педагогам-наставникам лучше понимать достигнутые результаты, осознать ошибки и лакуны в знаниях, отслеживать прогресс, а также самостоятельно организовывать и контролировать свою образовательную деятельность.

Инструменты, основанные на технологиях ИИ, могут применяться многими способами; в данной работе были определены восемь из них: **персонализированные учебные материалы, средства машинного перевода, помощники по написанию текстов с помощью ИИ, чат-боты, программные платформы и приложения на основе ИИ для изучения языков, интеллектуальные системы обучения, адаптивные и интеллектуальные системы поддержки совместного обучения, интеллектуальная виртуальная реальность.**

Чтобы качественно и эффективно интегрировать рассмотренные технологии и инструменты в повсе-

дневный образовательный процесс по изучению иностранных языков, современным педагогам самим необходимо сформировать, своевременно актуализировать и постоянно модернизировать собственные знания, умения и навыки владения технологиями ИИ не только для того, чтобы просто идти в ногу со временем, избежать ненужной рабочей нагрузки и бесполезных повторяющихся рутинных заданий, или осуществлять поддерживающе-сопроводительную деятельность в отношении учащихся, но и, что более важно, для того, чтобы выполнять заложенную в самом названии этой профессии-призвания (др.-гр. Παιδαγωγός – ведущий ребёнка) функцию быть не ведомым, но ведущим. Только самосовершенствующийся педагог может полноценно и адекватно руководить, управлять и вести практическую деятельность по воспитанию, образованию и обучению детей и молодежи, воздействовать на них, транслировать знания, формировать их как личности, способные критически мыслить, принимать креативные решения, быть готовыми к сотрудничеству, уметь коммуницировать на родном и иностранных языках в различных ситуациях общения и коммуникативных средах.

Список источников

1. Definition of 'AI' // Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ai> (дата обращения: 12.12.2024).
2. Cambridge Dictionary names 'Hallucinate' Word of the Year 2023. URL: <https://www.cam.ac.uk/research/news/cambridge-dictionary-names-hallucinate-word-of-the-year-2023> (дата обращения: 12.12.2024).
3. Word of the Year 2023. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year-2023> (дата обращения: 12.12.2024).
4. Oxford Word of the Year 2023 // Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2023> (дата обращения: 12.12.2024).
5. Chen L., Chen P., Lin Z. Artificial intelligence in education: A review // IEEE Access. 2020. № 8. P. 75264–75278. doi: 10.1109/ACCESS.2020.2988510
6. Барышников П.Н. Человек и системы искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 214–218.
7. Барышников Н.В., Барышников П.Н. Искусственный интеллект в современном образовании: pro et contra // Антропоцентрические науки в образовании: вызовы, трансформации, ресурсы: сборник научных статей Международного форума профессионального образования. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. С. 9–13.
8. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: реалии и проблемы // Педагогическое образование в России. 2020. № 4. С. 16–26.
9. Zawacki-Richter O., Marin V.I., Bondand Franziska Gouverneur M. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education—where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2018. № 16 39(2019). doi: 10.1186/s41239-019-0171-0
10. Баюнов С. Влияние искусственного интеллекта на обучение иностранному языку // Вестник Педагогического университета. 2022. № 6-2 (101). С. 13–20.
11. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Мультикоммуникативные форматы обучения иноязычной речи в условиях междисциплинарности // Язык и культура : сборник статей XXXIII Международной научной конференции. Томск : Издательство ТГУ, 2024. С. 139–145.
12. Карпович Э.М. Применение искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: Методика преподавания языка и литературы. 2023. № 04 (21). URL: <https://scipress.ru/fam/articles/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchanii-inostrannym-yazykam.html> (дата обращения: 28.12.2024).
13. Ковальчук С.В., Тараненко И.А., Устинова М.Б. Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33000> (дата обращения: 21.12.2024).
14. Костюкович Е.Ю. Применение искусственного интеллекта в обучении английскому языку в вузе // Современное педагогическое образование: сборник статей. М. : Русайнс, 2023. № 1. С. 492–495.
15. Лютова Л.И., Гончар Л.В., Частухина Т.В. Возможности применения технологий искусственного интеллекта при изучении иностранного языка в вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). doi: 10.60797/IJ.2024.145.182
16. Соболева А.В., Обдалова О.А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 193–202. doi: 10.17223/15617793/497/20
17. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. 2024. Т. 22, № 2. С. 300–317. doi: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317
18. Edmett A., Ichaporia N., Crompton H., Crichton R. Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future. 2nd edition. London : British Council, 2024. 82 p. doi: 10.57884/78EA-3C69
19. Gigaauri A. The use of artificial intelligence (AI) while teaching/learning English as a foreign language at the university level // Language and Culture. 2024. № 9. P. 31–38. doi: 10.52340/lac.2024.09.07
20. Liang T., Duarte N., Yue G.X.-G. An evolutionary study of the impact of artificial intelligence technology on foreign language education // International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET). 2023. № 18 (19). P. 190–204. doi: 10.3991/ijet.v18i19.43821
21. Liu M.Y. Language Teaching: Challenges and Future Development // SHS Web of Conferences. 2023 Vol. 168. Art. № 03025. doi: 10.1051/shsconf/202316803025
22. Meurers D. Natural language processing and language learning // The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics. Chichester : Wiley, 2020. P. 817–831.
23. Nga P.T. Artificial Intelligence (A.I) Application in foreign language teaching and learning // European Journal of Applied Sciences. 2022. № 10(5). P. 89–93. doi: 10.14738/aivp.105.13061

24. Odinabekovna S.D. The role of artificial intelligence in teaching foreign languages // *European Journal of Innovation in Nonformal Education*. 2024. № 4(6). P. 249–251.
25. Ruzikulov F. Enhancing foreign language education through artificial intelligence integration // *Conference Proceedings: Fostering Your Research Spirit*. 2024. P. 6–8. doi: 10.2024/d9tr8p91
26. Schmidt T., Strasser Th. Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: A CALL for Intelligent Practice // *Anglistik: International Journal of English Studies*. 2022. № 33 (1). P. 165–184.
27. Sysoyev P.V., Filatov E.M. Artificial intelligence in teaching Russian as a foreign language // *Russian Language Studies*. 2024. Vol. 22, № 2. P. 300–317. doi: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317
28. Varsamidou A. Integration of artificial intelligence in foreign language teaching: exploring views and beliefs of greek foreign language teachers // *International Journal of Language and Literary Studies*. 2024. № 6 (3). P. 299–320.
29. Wang X., Pang H., Wallace M.P., Wang Q., Chen W. Learners' perceived AI presences in AI-supported language learning: a study of AI as a humanized agent from community of inquiry // *Computer Assisted Language Learning*. 2022. № 37(4). P. 814–840. doi: 10.1080/09588221.2022.2056203
30. Yanhua Z. The application of artificial intelligence in foreign language teaching // *International Conference on Artificial Intelligence and Education (ICAIE)*. Tianjin, China, 2020. P. 40–42. doi: 10.1109/ICAIE50891.2020.00017
31. Fryer L., Carpenter R. Emerging Technologies Bots as Language Learning Tools // *Language Learning & Technology*. 2006. № 10 (3). P. 8–14.
32. Godwin-Jones R. Emerging spaces for language learning: AI bots, ambient intelligence, and the metaverse // *Language Learning & Technology*. 2023. № 27 (2). P. 6–27.
33. Jeon J. Exploring AI chatbot affordances in the EFL classroom: young learners' experiences and perspectives // *Computer Assisted Language Learning*. 2022. № 37 (1–2). P. 1–26. doi: 10.1080/09588221.2021.2021241
34. Ji H., Han L., Park S. Teaching foreign language with conversational AI: Teacher-student-AI interaction // *Language Learning & Technology*. 2024. № 28 (2). P. 91–108.
35. Jia J. CSIEC (Computer Simulator in Educational Communication): a virtual context-adaptive chatting partner for foreign language learners // *Proceedings of ICALT04 (International Conference on Advanced Learning Technology)*. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2004. P. 690–692.
36. Jia J. The generation of textual entailment with NLML in an intelligent dialogue system for language learning CSIEC. // *Proceedings of the IEEE International Conference on Natural Language Processing and Knowledge Engineering 2008*. Piscataway, NJ: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2008. P. 194–201.
37. Jia J. The study of the application of a web-based chatbot system on the teaching of foreign languages // *Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education International Conference 2004*. Chesapeake, VA: Association for the Advancement of Computing in Education, 2004. P. 1201–1207.
38. Kerly A., Hall P., Bull S. Bringing chatbots into education: towards natural language negotiation of open learner models // *Knowledge-Based Systems*. 2007. № 20 (2). P. 177–185.
39. Liu F., Jiang Y., Lai C., Jin T. Teacher engagement with automated text simplification for differentiated instruction // *Language Learning & Technology*. 2024. № 28 (2). P. 163–182.
40. Иващенко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
41. Divekar R.R., Drozdal J., Chabot S., Zhou Y., Su H., Chen Y., Braasch J. Foreign language acquisition via artificial intelligence and extended reality: design and evaluation // *Computer Assisted Language Learning*. 2021. № 35 (9). P. 2332–2360. doi: 10.1080/09588221.2021.1879162
42. Gkountara D.N., Prasad R. A review of artificial intelligence in foreign language learning // *25th International Symposium on Wireless Personal Multimedia Communications (WPMC)*. Herning, Denmark, 2022. P. 134–139. doi: 10.1109/WPMC55625.2022.10014767
43. Gruzdeva M.L., Frolova N.K., Smirnova Z.V., Tsymbalov S.D., Garin A.P. The use of artificial intelligence in teaching foreign languages // *Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. Advances in Science, Technology & Innovation*. Springer, Cham, 2024. doi: 10.1007/978-3-031-49711-7_44
44. Khan S. The role of artificial intelligence in teaching foreign language // *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*. 2023. № 11(11). P. 582–584.
45. Kolegova I.A., Levina I.A. Using artificial intelligence as a digital tool in foreign language teaching // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2024. № 1. С. 102–110. doi: 10.14529/ped240110
46. Mohammed A.A-A. Using artificial intelligence in english as a foreign language classrooms: ethical concerns and future prospects // *Arab World English Journal. Special Issue on CALL*. 2024. № 10. P. 85–104 URL: <https://ssrn.com/abstract=4917987> (дата обращения: 05.01.2025).
47. Niño A. Evaluating the use of machine translation post-editing in the foreign language class // *Computer Assisted Language Learning*. 2008. № 21(1). P. 29–49. doi: 10.1080/09588220701865482
48. Rebolledo Font de la Vall R., Gonzalez Araya F. Exploring the benefits and challenges of AI-Language learning tools // *International Journal of Social Sciences and Humanities Invention*. 2023. № 10. P. 7569–7576.
49. Yeşilyurt Y.E. The role of artificial intelligence (AI) in transforming foreign language education: trends, applications, and ethical considerations // *Büyükkaracı K., Önal A. (Eds.) Current studies in foreign language education*. ISRES Publishing, 2023. P. 365–382.
50. Рольгайзер А.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в практике преподавания иностранного языка // *Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков : сборник научных статей. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет*, 2022. С. 243–248.
51. Рольгайзер А.А., Демиденко К.А., Кадникова О.В. Возможности применения информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранному языку в вузе // *Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии*. 2020. Т. 9, № 3. С. 49–57.
52. Baker T., Smith L. Educ-AI-tion rebooted? Exploring the future of artificial intelligence in schools and colleges. London : Nesta, 2019. 56 p.
53. Dargan J. Artificial Intelligence: The Angel of Death For Foreign Language Teachers // *Chatbots Life*. 2019. URL: <https://chatbotslife.com/artificial-intelligence-the-angel-of-death-forforeign-language-teachers-cbfff644a4967> (дата обращения: 23.12.2024).
54. Murodov U.U.u. Opportunities and Possible Risks of using AI (Artificial Intelligence) in the Education System // *European Journal of Innovation in Nonformal Education (EJINE)*. 2024. № 4 (10). P. 156–162.
55. Warschauer M., Xu Y. Generative AI for Language learning: Entering a new era // *Language Learning & Technology*. 2024. № 28(2). P. 1–4.
56. Yang A. Challenges and Opportunities for Foreign Language Teachers in the Era of Artificial Intelligence // *International Journal of Education and Humanities (IJEH)*. 2024. № 4 (1). P. 39–50.
57. Elsen-Rooney M. NYC education department blocks ChatGPT on school devices, networks // *Chalkbeat New York*. 2023. URL: <https://ny.chalkbeat.org/2023/1/3/23537987/nyc-schools-banchatgpt-writing-artificial-intelligence> (дата обращения: 22.12.2024).
58. Steding S. Machine translation in the German classroom: Detection, reaction, prevention // *Teaching German*. 2009. № 42 (2). P. 178–189. doi: 10.1111/j.1756-1221.2009.00052.x
59. Roose K. Don't ban ChatGPT in schools. Teach with it // *The New York Times*. 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/technology/chatgpt-schools-teachers.html> (Дата обращения: 17.12.2024).

60. Cook G. Translation in language teaching: An argument for reassessment. Oxford : Oxford University Press, 2010. 177 p.
61. White K.D., Heidrich E. Our policies, their text: German language students' strategies with and beliefs about web-based machine translation // Teaching German. 2013. № 46 (2). P. 230–250. doi: 10.1111/tger.10143
62. Williams L. Web-based machine translation as a tool for promoting electronic literacy and language awareness // Foreign Language Annals. 2006. № 39 (4). P. 565–578.
63. Elkin V., Akopyants A., Kiseleva A., Tishenko S. Linguocommunicative Strategies and Technologies of Conversational Commerce in English-Speaking Chatbots // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 172. Art. № 03015. doi: 10.1051/shsconf/202317203015
64. Number of monthly active Duolingo users worldwide from 3rd quarter 2020 to 3rd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1309610/duolingo-quarterly-mau> (дата обращения: 25.12.2024).

References

1. Collins English Dictionary. (2024) *Definition of 'AI'*. (n.d.). [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ai> (Accessed: 12.12.2024).
2. Cambridge Dictionary. (2024) *Cambridge Dictionary names 'Hallucinate' Word of the Year 2023*. [Online] Available from: <https://www.cam.ac.uk/research/news/cambridge-dictionary-names-hallucinate-word-of-the-year-2023> (Accessed: 12.12.2024).
3. Merriam-Webster. (2024) *Word of the Year 2023*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year-2023> (Accessed: 12.12.2024).
4. Oxford Languages. (2024) *Oxford Word of the Year 2023*. [Online] Available from: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2023> (Accessed: 12.12.2024).
5. Chen, L., Chen, P. & Lin, Z. (2020) Artificial intelligence in education: A review. *IEEE Access*. 8. pp. 75264–75278. doi: 10.1109/ACCESS.2020.2988510
6. Baryshnikov, P.N. (2023) Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta [Man and Artificial Intelligence Systems]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 214–218.
7. Baryshnikov, N.V. & Baryshnikov, P.N. (2024) [Artificial Intelligence in Modern Education: Pro et Contra]. In: *Antropotsentricheskie nauki v obrazovanii: vyzovy, transformatsii, resursy* [Anthropocentric Sciences in Education: Challenges, Transformations, Resources]. Proceedings of the International Forum of Professional Education. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr "Nauchnaya kniga". pp. 9–13. (In Russian).
8. Starichenko, B.E. (2020) Tsifrovizatsiya obrazovaniya: realii i problemy [Digitalization of Education: Realities and Problems]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 16–26.
9. Zawacki-Richter, O., Marin, V.I., Bond, M. & Gouverneur, F. (2019) Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education—where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 16 (39). doi: 10.1186/s41239-019-0171-0
10. Baoyun', S. (2022) Vliyanie iskusstvennogo intellekta na obuchenie inostrannomu yazyku [The Influence of Artificial Intelligence on Foreign Language Learning]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta*. 6-2 (101). pp. 13–20.
11. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2024) [Multi-communicative Formats of Teaching Foreign Language Speech in the Context of Interdisciplinarity]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the XXXIII International Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 139–145. (In Russian).
12. Karpovich, E.M. (2023) Primenenie iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam [The Application of Artificial Intelligence in Teaching Foreign Languages]. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskii zhurnal. Ser.: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury* 4 (21). [Online] Available from: <https://scipress.ru/fam/articles/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenii-inostrannym-yazykam.html> (Accessed: 28.12.2024).
13. Koval'chuk, S.V., Taranenko, I.A. & Ustinova, M.B. (2023) Primenenie iskusstvennogo intellekta dlya obucheniya inostrannomu yazyku v vuze [The Use of Artificial Intelligence for Foreign Language Teaching at University]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33000> (Accessed: 21.12.2024).
14. Kostyukovich, E.Yu. (2023) Primenenie iskusstvennogo intellekta v obuchenii angliyskomu yazyku v vuze [The Use of Artificial Intelligence in Teaching English at University]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie: sbornik statey* [Modern Pedagogical Education: Collection of Articles]. Vol. 1. Moscow: Rusayns. pp. 492–495.
15. Lyutova, L.I., Gonchar, L.V. & Chastukhina, T.V. (2024) Vozmozhnosti primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta pri izuchenii inostrannogo yazyka v vuze [Possibilities of Using Artificial Intelligence Technologies in Foreign Language Learning at University]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 7 (145). doi: 10.60797/IRJ.2024.145.182
16. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2023) A Model of Intercultural Speech Interaction in Digital Environment in Teaching Foreign Language Communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 193–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/20
17. Sysoev, P.V. & Filatov, E.M. (2024) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Artificial Intelligence Technologies in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Rusistika*. 22 (2). pp. 300–317. doi: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317
18. Edmett, A., Ichaporia, N., Crompton, H. & Crichton, R. (2024) *Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future*. 2nd edition. London: British Council. doi: 10.57884/78EA-3C69
19. Gigauri, A. (2024) The use of artificial intelligence (AI) while teaching/learning English as a foreign language at the university level. *Language and Culture*. 9. pp. 31–38. doi: 10.52340/lac.2024.09.07
20. Liang, T., Duarte, N. & Yue, G.X.-G. (2023) An evolutionary study of the impact of artificial intelligence technology on foreign language education. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 18 (19). pp. 190–204. doi: 10.3991/ijet.v18i19.43821
21. Liu, M.Y. (2023) Language Teaching: Challenges and Future Development. *SHS Web of Conferences*. 168. Art. № 03025. doi: 10.1051/shsconf/202316803025
22. Meurers, D. (2020) Natural language processing and language learning. In: *The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics*. Chichester: Wiley. pp. 817–831.
23. Nga, P.T. (2022) Artificial Intelligence (A.I) Application in foreign language teaching and learning. *European Journal of Applied Sciences*. 10 (5). pp. 89–93. doi: 10.14738/aijp.105.13061
24. Odinebekovna, S.D. (2024) The role of artificial intelligence in teaching foreign languages. *European Journal of Innovation in Nonformal Education*. 4 (6). pp. 249–251.
25. Ruzikulov, F. (2024) Enhancing foreign language education through artificial intelligence integration. In: *Conference Proceedings: Fostering Your Research Spirit*. pp. 6–8. doi: 10.2024/d9tr8p91
26. Schmidt, T. & Strasser, Th. (2022) Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: A CALL for Intelligent Practice. *Anglistik: International Journal of English Studies*. 33 (1). pp. 165–184.
27. Sysoev, P.V. & Filatov, E.M. (2024) Artificial intelligence in teaching Russian as a foreign language. *Russian Language Studies*. 22 (2). pp. 300–317. doi: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317
28. Varsamidou, A. (2024) Integration of artificial intelligence in foreign language teaching: exploring views and beliefs of greek foreign language teachers. *International Journal of Language and Literary Studies*. 6 (3). pp. 299–320.

29. Wang, X., Pang, H., Wallace, M.P., Wang, Q. & Chen, W. (2022) Learners' perceived AI presences in AI-supported language learning: a study of AI as a humanized agent from community of inquiry. *Computer Assisted Language Learning*. 37 (4). pp. 814–840. doi: 10.1080/09588221.2022.2056203
30. Yanhua, Z. (2020) The application of artificial intelligence in foreign language teaching. *International Conference on Artificial Intelligence and Education (ICAIE)*. Tianjin, China. pp. 40–42. doi: 10.1109/ICAIE50891.2020.00017
31. Fryer, L. & Carpenter, R. (2006) Emerging Technologies Bots as Language Learning Tools. *Language Learning & Technology*. 10 (3). pp. 8–14.
32. Godwin-Jones, R. (2023) Emerging spaces for language learning: AI bots, ambient intelligence, and the metaverse. *Language Learning & Technology*. 27 (2). pp. 6–27.
33. Jeon, J. (2022) Exploring AI chatbot affordances in the EFL classroom: young learners' experiences and perspectives. *Computer Assisted Language Learning*. 37 (1–2). pp. 1–26. doi: 10.1080/09588221.2021.2021241
34. Ji, H., Han, I. & Park, S. (2024) Teaching foreign language with conversational AI: Teacher-student-AI interaction. *Language Learning & Technology*. 28 (2). pp. 91–108.
35. Jia, J. (2004) CSIEC (Computer Simulator in Educational Communication): a virtual context-adaptive chatting partner for foreign language learners. *Proceedings of ICALT04 (International Conference on Advanced Learning Technology)*. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society. pp. 690–692.
36. Jia, J. (2008) The generation of textual entailment with NLML in an intelligent dialogue system for language learning CSIEC. *Proceedings of the IEEE International Conference on Natural Language Processing and Knowledge Engineering 2008*. Piscataway, NJ: Institute of Electrical and Electronics Engineers. pp. 194–201.
37. Jia, J. (2004) The study of the application of a web-based chatbot system on the teaching of foreign languages. *Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education International Conference 2004*. Chesapeake, VA: Association for the Advancement of Computing in Education. pp. 1201–1207.
38. Kerly, A., Hall, P. & Bull, S. (2007) Bringing chatbots into education: towards natural language negotiation of open learner models. *Knowledge-Based Systems*. 20 (2). pp. 177–185.
39. Liu, F., Jiang, Y., Lai, C. & Jin, T. (2024) Teacher engagement with automated text simplification for differentiated instruction. *Language Learning & Technology*. 28 (2). pp. 163–182.
40. Ivakhnenko, E.N. & Nikol'skiy, V.S. (2023) ChatGPT v vyshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? [ChatGPT in Higher Education and Science: A Threat or a Valuable Resource?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (4). pp. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
41. Divekar, R.R., Drozdal, J., Chabot, S., Zhou, Y., Su, H., Chen, Y. & Braasch, J. (2021) Foreign language acquisition via artificial intelligence and extended reality: design and evaluation. *Computer Assisted Language Learning*. 35 (9). pp. 2332–2360. doi: 10.1080/09588221.2021.1879162
42. Gkoutara, D.N. & Prasad, R. (2022) A review of artificial intelligence in foreign language learning. *25th International Symposium on Wireless Personal Multimedia Communications (WPMC)*. Herning, Denmark. pp. 134–139. doi: 10.1109/WPMC55625.2022.10014767
43. Gruzdeva, M.L., Frolova, N.K., Smirnova, Z.V., Tsybalov, S.D. & Garin, A.P. (2024) The use of artificial intelligence in teaching foreign languages. In: *Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. Advances in Science, Technology & Innovation*. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-031-49711-7_44
44. Khan, S. (2023) The role of artificial intelligence in teaching foreign language. *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*. 11 (11). pp. 582–584.
45. Kolegova, I.A. & Levina, I.A. (2024) Using artificial intelligence as a digital tool in foreign language teaching. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 102–110. doi: 10.14529/ped240110
46. Mohammed, A.A.-A. (2024) Using artificial intelligence in english as a foreign language classrooms: ethical concerns and future prospects. *Arab World English Journal*. Special Issue on CALL. 10. pp. 85–104. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=4917987> (Accessed: 05.01.2025).
47. Niño, A. (2008) Evaluating the use of machine translation post-editing in the foreign language class. *Computer Assisted Language Learning*. 21 (1). pp. 29–49. doi: 10.1080/09588220701865482
48. Rebolledo Font de la Vall, R. & Gonzalez Araya, F. (2023) Exploring the benefits and challenges of AI-Language learning tools. *International Journal of Social Sciences and Humanities Invention*. 10. pp. 7569–7576.
49. Yeşilyurt, Y.E. (2023) The role of artificial intelligence (AI) in transforming foreign language education: trends, applications, and ethical considerations. In: Büyükkarç, K. & Önal, A. (eds) *Current studies in foreign language education*. ISRES Publishing. pp. 365–382.
50. Rol'gayzer, A.A. (2022) Perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v praktike prepodavaniya inostrannogo yazyka [Prospects for Using Artificial Intelligence in Foreign Language Teaching Practice]. In: *Aktual'nye voprosy lingvodidaktiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: sbornik nauchnykh statey* [Current Issues in Linguodidactics and Methods of Teaching Foreign Languages: Collection of Scientific Articles]. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 243–248.
51. Rol'gayzer, A.A., Demidenko, K.A. & Kadnikova, O.V. (2020) Vozmozhnosti primeneniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuzе [Possibilities of Using Information and Communication Technologies in Foreign Language Teaching at University]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii*. 9 (3). pp. 49–57.
52. Baker, T. & Smith, L. (2019) *Educ-AI-tion rebooted? Exploring the future of artificial intelligence in schools and colleges*. London: Nesta.
53. Dargan, J. (2019) *Artificial Intelligence: The Angel of Death For Foreign Language Teachers*. Chatbots Life. [Online] Available from: <https://chatbotlife.com/artificial-intelligence-the-angel-of-death-for-foreign-language-teachers-cbfff644a4967> (Accessed: 23.12.2024).
54. Murodov, U.U. (2024) Opportunities and Possible Risks of using AI (Artificial Intelligence) in the Education System. *European Journal of Innovation in Nonformal Education (EJINE)*. 4 (10). pp. 156–162.
55. Warschauer, M. & Xu, Y. (2024) Generative AI for Language learning: Entering a new era. *Language Learning & Technology*. 28 (2). pp. 1–4.
56. Yang, A. (2024) Challenges and Opportunities for Foreign Language Teachers in the Era of Artificial Intelligence. *International Journal of Education and Humanities (IJEH)*. 4 (1). pp. 39–50.
57. Elsen-Rooney, M. (2023) *NYC education department blocks ChatGPT on school devices, networks*. Chalkbeat New York. [Online] Available from: <https://ny.chalkbeat.org/2023/1/3/23537987/nyc-schools-ban-chatgpt-writing-artificial-intelligence> (Accessed: 22.12.2024).
58. Steding, S. (2009) Machine translation in the German classroom: Detection, reaction, prevention. *Teaching German*. 42 (2). pp. 178–189. doi: 10.1111/j.1756-1221.2009.00052.x
59. Roose, K. (2023) Don't ban ChatGPT in schools. Teach with it. *The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/technology/chatgpt-schools-teachers.html> (Accessed: 17.12.2024).
60. Cook, G. (2010) *Translation in language teaching: An argument for reassessment*. Oxford: Oxford University Press.
61. White, K.D. & Heidrich, E. (2013) Our policies, their text: German language students' strategies with and beliefs about web-based machine translation. *Teaching German*. 46 (2). pp. 230–250. doi: 10.1111/tger.10143
62. Williams, L. (2006) Web-based machine translation as a tool for promoting electronic literacy and language awareness. *Foreign Language Annals*. 39 (4). pp. 565–578.
63. Elkin, V., Akopyants, A., Kiseleva, A. & Tishenko, S. (2023) Linguocommunicative Strategies and Technologies of Conversational Commerce in English-Speaking Chatbots. *SHS Web of Conferences*. 172. Art. 03015. doi: 10.1051/shsconf/202317203015

64. Statista. (2024) *Number of monthly active Duolingo users worldwide from 3rd quarter 2020 to 3rd quarter 2024*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/1309610/duolingo-quarterly-mau> (Accessed: 25.12.2024).

Информация об авторах:

Акопянц А.М. – д-р пед. наук, зав. кафедрой теоретической лингвистики и практики межкультурного общения Института иностранных языков и международного туризма, ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: imadean@yandex.ru

Елькин В.В. – канд. филол. наук, зав. кафедрой экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Института иностранных языков и международного туризма, ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: elkin@pgu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Arega M. Akopyants, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Theoretical Linguistics and Intercultural Communication Practice, leading research fellow, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: imadean@yandex.ru

Vladimir V. Elkin, Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, leading research fellow, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: elkin@pgu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2025;
одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 20.01.2025;
approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/514/17

Потенциал искусственного интеллекта в контексте педагогики совместной деятельности

Арина Сергеевна Иванова¹, Ульяна Анатольевна Савченко²,
Артем Викторович Феценко³, Антонина Николаевна Чечихина⁴

^{1, 2, 3, 4} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ivanova_as@ido.tsu.ru

² matushenko_ua@ido.tsu.ru

³ fav@ido.tsu.ru

⁴ chechikhina_an@ido.tsu.ru

Аннотация. Систематизированы практики применения искусственного интеллекта (ИИ) в образовании и соотнесены с видами совместной деятельности. Классификация ИИ-инструментов и сопоставление практик их применения с типами занятий в системе совместной деятельности выявили потенциальную применимость ИИ для всех типов совместных занятий (урок-задача, -проблема, -диалог), демонстрируя возможности применения ИИ в различных образовательных сценариях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, совместная деятельность, цифровая трансформация образования, цифровая дидактика

Для цитирования: Иванова А.С., Савченко У.А., Феценко А.В., Чечихина А.Н. Потенциал искусственного интеллекта в контексте педагогики совместной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 151–158. doi: 10.17223/15617793/514/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/17

The potential of artificial intelligence in the context of collaborative pedagogy

Arina S. Ivanova¹, Ulyana A. Savchenko², Artyom V. Feshchenko³, Antonina N. Chechikhina⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ivanova_as@ido.tsu.ru

² matushenko_ua@ido.tsu.ru

³ fav@ido.tsu.ru

⁴ chechikhina_an@ido.tsu.ru

Abstract. The article explores the potential of artificial intelligence (AI) in collaborative pedagogy, systematizing AI applications in higher education and aligning them with models of joint learning activities. The authors analyze AI tools through S.I. Pozdeeva's typology: task-based (authoritarian model), problem-based (leader-driven), and dialog-based (partnership) lessons. Based on a review of 94 scholarly sources and classification of 289 AI tools, 28 relevant solutions (e.g., YandexGPT, Duolingo Max) were selected. Results confirm AI's applicability to all collaborative activity types: task-based lessons: generating solution algorithms, personalizing assignments; problem-based lessons: designing solution stages, analyzing alternatives; dialog-based lessons: stimulating discussions, curating debate topics. Key AI functions include automation of routine tasks (grading, lesson planning), content generation, and personalized learning pathways. The practical contribution is a matrix integrating AI tools with pedagogical tasks and lesson typologies. Critical limitations involve risks of AI-generated inaccuracies, socioeconomic access disparities, and needed shifts in teaching methodologies. The study redefines AI's role: from an individualization tool to a facilitator of group communication and cooperation. Future research should explore AI as a conditional "subject" in educational processes.

Keywords: artificial intelligence, teaching, collaboration, higher education, generative AI, analytical AI

For citation: Ivanova, A.S., Savchenko, U.A., Feshchenko, A.V. & Chechikhina, A.N. (2025) The potential of artificial intelligence in the context of collaborative pedagogy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 151–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/17

Введение

В настоящее время системы искусственного интеллекта (ИИ), имитирующие когнитивные функции человека, активно внедряются в высшее образование для решения разнообразных задач.

В данной статье акцентируется внимание на исследовании ИИ через призму совместной деятельности, поскольку ИИ может помочь субъектам образования распределить деятельность, работая над смыслообразованием, ценностями в рамках единой цели. Кроме

того, такой фокус внимания в исследовании позволяет рассмотреть ИИ как средство коммуникации и командной работы, а не как инструмент индивидуализации.

Целью исследования является систематизация существующих практик применения ИИ в преподавательской деятельности в высшем образовании и их сопоставление с видами занятий в системе совместной деятельности. В результате анализа применения ИИ в образовании установлено, что данные технологии становятся все более востребованными в деятельности преподавателя и студентов [1]. В этой связи актуализируется потребность в методическом обосновании применения ИИ. Новизна исследования заключается в первичном соотнесении практик применения ИИ в образовании с моделями совместной деятельности, что позволяет рассматривать возможности ИИ в образовании как средства командного проектирования и коммуникации. Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации на основании литературного обзора практик применения ИИ в образовательных целях, методов и приемов применения ИИ в образовании в соотнесении с видами совместной деятельности. Практическая значимость исследования заключается в том, что соотнесение практик применения ИИ и видов совместной деятельности может послужить основой для построения занятий с применением ИИ в рамках видов совместной деятельности.

Проведение обзора практик, связанных с искусственным интеллектом в образовании, позволит выявить преимущества и ограничения данной технологии в различных типах занятий. Это позволит более эффективно использовать ИИ в преподавании, а также определить области, где требуется больше развития и адаптации. Оценка соотношения между ИИ и типами занятий в системе совместной деятельности поможет найти оптимальное сочетание технологий и традиционных методов обучения для достижения наилучших результатов.

Обзор литературы

Авторы, занимающиеся исследованием ИИ, выделяют два основных уровня использования ИИ в образовании: реальные и потенциальные. Реальные – уже существующие решения на основе ИИ, которые встроены в образовательные платформы, например, платформы LMS, платформы для проверки плагиата и др. К потенциальным уровням использования можно отнести нераскрытые возможности ИИ в образовании, находящиеся на стадии идеи или проработки. Примерами инструментов с такими возможностями могут служить некоторые решения, связанные со сбором и анализом образовательных данных, персонализированным обучением, оценкой качества знаний и др. [2]. Так, Е.Н. Ивахненко и В.С. Никольский в своей работе к потенциальному уровню использования искусственного интеллекта в образовании относят развитие решений, реализованных в виде виртуальных помощников (ассистентов), которые могут предоставлять помощь в поиске ответов на вопросы студентов, а также проводить обучение и оценивание знаний.

Однако, по мнению авторов, при создании таких помощников следует учесть эпистемологический аспект использования таких средств, например, степень надежности и точности их ответов, что актуализирует вопрос о применении инструментов, таких как ChatGPT [3].

Ряд исследователей, например Р.А. Амиров с соавт. [4], Е.Н. Ивахненко, И.О. Котлярова, отмечают такие возможности применения ИИ, как адаптивное и персонализированное обучение, автоматическое оценивание, обучение в игровой форме, смарт-кампус (разновидность чат-бота для ответа на типичные вопросы студентов), прокторинг, «промежуточное обучение» (отслеживание содержания изучаемого материала и прогнозирование дальнейшего использования), организация промежуточного оценивания с помощью технологий ИИ.

В настоящей работе рассмотрение ИИ в преподавании осуществляется через систему совместной деятельности, подразумевающую активность нескольких субъектов образовательного процесса для достижения единой цели. Образовательная среда в данном контексте представляет собой саморазвивающееся общество, в котором обучающиеся и преподаватели могут реализовать свои образовательные интересы и потребности. В рамках такого обучения участники способны проявлять свои смыслы, цели, ценности как полноценные субъекты процесса [5]. Выбор данного подхода обусловлен тем, что инструменты ИИ зачастую рассматриваются как ориентированные на работу с одним пользователем, однако важной составляющей образовательного процесса является совместная деятельность, предполагающая активное взаимодействие преподавателя и студентов, а также студентов между собой. Реализация системы совместной деятельности фокусирует применение ИИ на групповой работе или деятельности, способствующей организации преподавателем групповых форм обучения (например, решение рутинных задач). Это позволяет перенести акцент с применения и исследования ИИ как инструмента индивидуализации на средство коммуникации и командного проектирования, что представляет собой новый взгляд на применение ИИ в образовании. ИИ способен обеспечить гибкое адаптивное обучение, учитывающее индивидуальные потребности обучающихся, не упуская при этом командную работу студентов и преподавателя; кроме того, ИИ снимает значительную часть рутинных задач с преподавателя (таких как составление планов и проверка работ), что позволяет ему больше времени уделять межличностному взаимодействию со студентами.

В области педагогики совместной деятельности выделяются два значимых подхода к типологизации, представляющих собой ценный инструмент для анализа и проектирования образовательных ситуаций, а именно субъектно-ориентированная типология Г.Н. Прокументовой с соавт. и модельно-ориентированная типология уроков С.И. Поздеевой [5, 6]. Типологии совместной деятельности Г.Н. Прокументовой и С.И. Поздеевой предлагают взаимодополняющие концептуальные рамки для анализа и организации образовательного процесса. Типология Г.Н. Прокументовой акцентирует внимание на субъектности участников, рассматривая образовательный процесс как взаимодействие равноправных

субъектов с индивидуальными смыслами и целями, что позволяет проектировать образовательные стратегии, ориентированные на учет потребностей и интересов всех участников, а также создает благоприятные условия для самореализации. Типология уроков С.И. Поздеевой, классифицирующая уроки на авторитарный (урок-задача), лидерский (урок-проблематизация) и партнерский (урок-диалог), предоставляет структурированную основу для планирования уроков, направленных на активизацию взаимодействия и совместной творческой деятельности. Совместное применение данных типологий позволяет комплексно проектировать и анализировать образовательные ситуации, способствуя повышению эффективности педагогической деятельности. Хотя типология С.И. Поздеевой изначально разрабатывалась для школьного образования, анализ ее оснований позволяет применить ее и к высшему образованию, учитывая различные формы взаимодействия и акцент на самостоятельной работе, характерные для высшей школы. Типология совместной деятельности позволяет анализировать процессы обучения, решаемые задачи и выполняемые роли студентов.

Также проблема самостоятельной работы студентов поднималась в монографии под редакцией Г.Н. Прокументовой. В работе представлен опыт организации самостоятельной работы студентов в рамках курса «Педагогика», претерпевший эволюцию от семинарских занятий к дифференцированным формам сдачи экзамена (включая монографический и проблемный анализ, экспертно-аналитические обзоры) [7]. Отмечается повышение интереса студентов к предмету и развитие их аналитических способностей при переходе к самостоятельной работе, но и указывает на организационные трудности, связанные с проверкой работ и необходимостью индивидуальных консультаций. Подчеркивается важность реконструкции личного опыта студентов и применения исследовательских процедур, а также создания учебной среды, способствующей формированию их образовательной позиции. В заключение ставится вопрос о необходимости дальнейшей оптимизации организации самостоятельной работы с целью повышения эффективности обучения.

Таким образом, анализ существующей литературы позволяет заключить, что внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду является перспективным направлением, открывающим новые возможности для персонализации обучения, автоматизации рутинных задач и интенсификации взаимодействия между преподавателями и студентами.

Рассмотрение ИИ в контексте системы совместной деятельности, с учетом субъектно-ориентированного и модельно-ориентированного подходов к типологизации образовательных ситуаций, позволяет переосмыслить его роль не только как инструмента индивидуализации, но и как средства коммуникации и командного проектирования. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку и апробацию практических моделей применения ИИ, обеспечивающих баланс между индивидуальным обучением и развитием навыков совместной деятельности, а также на решение организационных и методологических вопросов, связанных с

внедрением инновационных технологий в образовательный процесс, учитывая опыт организации самостоятельной работы студентов и необходимость создания учебной среды, способствующей формированию их образовательной позиции.

Материалы и методы

Для решения поставленной задачи был произведен обзор отечественных и зарубежных исследований. Работа проводилась в августе – декабре 2023 г. Дизайн исследования включал в себя четыре этапа.

На первом этапе был использован метод научного поиска с помощью ключевых слов. Поисковый запрос включал перечисление на английском и русском языке следующих ключевых слов: искусственный интеллект в образовании, искусственный интеллект в вузе, применение искусственного интеллекта в образовании, инструменты искусственного интеллекта для преподавателей, совместная деятельность в вузе и искусственный интеллект, совместная деятельность, совместная работа и искусственный интеллект. Не было ни одного совпадения в сочетании искусственного интеллекта и совместного обучения, что свидетельствует о неразработанности данной темы. Найдено 153 статьи, из которых отобрано 94, представляющих связку педагогических практик и ИИ.

На втором этапе с помощью методов анализа и синтеза выделены исследования, в которых освещены конкретные инструменты ИИ, применяющиеся в педагогической практике. В итоговый обзор вошло 34 научных исследования, представляющих реальные практики применения отдельных инструментов ИИ в вузе.

На третьем этапе при помощи метода классификации была создана и проанализирована база данных, включающая 289 инструментов ИИ для образования [8]. Из 289 инструментов ИИ было выбрано 28, отвечающих критериям: доступность (нет ограничения доступа для преподавателя, бесплатность, язык – русский или английский), фокусировка на педагогических задачах.

На четвертом этапе использован метод компаративного анализа для сопоставления практик применения ИИ, инструментов ИИ и типов занятий в системе совместной деятельности.

Результаты исследования

Выделяются следующие модели совместной деятельности: авторитарная (задание), лидерская (проблема), партнерская (диалог). Исходя из моделей совместной деятельности, С.И. Поздеева предлагает типы занятий (табл. 1) [6].

Анализ литературы, посвященный применению ИИ в образовательных практиках, позволил классифицировать инструменты ИИ следующим образом:

1. По принципу работы:
 - генеративные (создание нового контента на основе интернет-поиска);
 - аналитические (анализ текущих данных и выдача информации в соответствии с ними);

– совмещающие оба принципа работы (платформы, включающие как аналитический, так и генеративный интеллект).

2. По доступности:

– локальные внутрикорпоративные инструменты, разработанные под конкретные педагогические задачи в вузах;

– открытые инструменты, доступные широкому кругу пользователей.

В рамках работы, посвященной инструментам с ИИ, применяемым преподавателями в системе совместной деятельности, акцент сделан на второй классификации, отличающейся практикоориентированностью для задач исследования.

Таблица 1

Типология занятий

Модель	Тип урока	Этап
Авторитарная	Задание	В начале занятия актуализируются имеющиеся знания и опыт обучающихся, повторно представляемые преподавателем. Формулируются цель, тема и план занятия, обеспечивающие понимание предстоящей работы. В процессе интерактивного взаимодействия используются различные методы, включая объяснение нового материала, применение ИКТ для наглядной демонстрации и анализ информационного текста. Для закрепления материала формируются опорные схемы. На этапе закрепления отрабатываются алгоритмы действий, при этом обучающиеся выполняют упражнения, обосновывают свои решения и получают консультации преподавателя. В заключение занятия осуществляется рефлексия, в ходе которой обучающиеся оценивают достигнутый прогресс и усвоенные знания, а также получают информацию о домашнем задании и перспективах дальнейшего обучения
Лидерская	Проблема	На этапе погружения в совместную деятельность создается проблемная ситуация, требующая интеллектуального решения. Анализ обстоятельств проблематизирует ситуацию, формируя осознание необходимости совместного поиска решения, которое становится общей целью. На этапе развертывания совместной деятельности разрабатывается план выхода из проблемной ситуации, включающий обсуждение альтернативных подходов и выбор оптимального решения, приводящего к формированию нового знания. Эффективность выбранного решения проверяется на практике при решении других задач. На этапе рефлексии анализируются результаты решения проблемы, выделяются наиболее значимые идеи и оценивается полученный опыт, как в предметной, так и в деятельностной плоскости. Проводится оценка групповой работы и обмен мнениями
Партнерская	Диалог	На начальном этапе создается благоприятная атмосфера и обеспечивается вовлечение всех обучающихся в дискуссию. В качестве объекта анализа может быть выбран предмет, текст, изображение или иной стимул. В процессе дальнейшей работы исследуются личные смыслы обучающихся, выражаемые в форме текста, рисунка или ассоциации. Учитываются мнения других участников, происходит поиск общего языка. Смысл углубляется и расширяется посредством соотнесения с культурным контекстом. Заклочительный этап предполагает рефлексия, в ходе которой обучающиеся обсуждают достигнутое понимание, открытия и факторы, способствовавшие их достижению. Урок-диалог, основанный на активном взаимодействии между преподавателем и обучающимися, формирует новый опыт сотрудничества, основанного на равноправном общении. Ключевыми элементами данного подхода являются личный смысл, вовлечение и совместное действие

Локальные внутрикорпоративные инструменты с ИИ под конкретные педагогические задачи

Исследования локальных инструментов ИИ, разработанных и применяемых в рамках конкретных вузов, представляют ценность для изучения форм и приемов работы с ИИ, потенциально применимых в более широком круге образовательных организаций.

В качестве примера, Чайтли Диван с соавт. [9] предлагает подход к повышению вовлеченности обучающихся, основанный на автоматической генерации вспомогательного учебного контента в форме интерактивных повествовательных фрагментов, интегрируемых в учебные маршруты.

Copyleaks AI Grading [10] и аналогичные инструменты обеспечивают быструю и качественную оценку письменных работ, снижая влияние человеческого фактора при проверке больших объемов эссе. Исследование Ребекки Р. Вульф и Андрея Б. Вульф [11] показало повышение самооэффективности и качества эссе у студентов магистратуры сестринского дела при использовании системы оценивания эссе IntelliMetric.

Перспективным направлением является разработка интеллектуальных обучающих систем [12], автоматизирующих работу преподавателя, например, посредством полуавтоматической сборки курса, создания рекомендательных систем и подбора мультимедийного контента. Также актуальны модели персонализированных рекомендательных систем, анализирующие проблемные области в обучении студентов и предлагающие адаптированные рекомендации [12].

Разработка и внедрение чат-бота JAICOB в Политехническом университете Мадрида [13] продемонстрировали потенциал персонализированной помощи студентам в области Data Science. Подобные системы, использующие алгоритмы машинного обучения, способны оптимизировать учебный процесс и предоставлять индивидуальные рекомендации [10]. Исследования адаптивного обучения подтверждают актуальность применения ИИ для отслеживания успеваемости и построения индивидуальных образовательных траекторий [14–17]. Нейронные сети с алгоритмами глубокого обучения предоставляют возможности персонализированной обратной связи [18]. В Национальном университете дистанционного образования разработан

чат-бот EconBot [19], а также активно используются чат-боты для помощи студентам в организационных вопросах и рекомендации образовательного контента [20, 21].

Отметим, что ИИ играет важную роль в персонализации и индивидуализации образования, однако недостаточно используются его возможности в системе совместной деятельности. Применение ИИ в образовании сопряжено с потребностью в реконструкции методов преподавания, ограниченностью функционала инструментов, разработанных под конкретные системы, и необходимостью более глобальных исследований.

ИИ инструменты с открытым доступом

Инструменты ИИ, включая ChatGPT, GigaChat, YandexGPT, Midjourney, Kandinsky и др., открывают новые перспективы для интеграции в образовательный процесс, расширяя возможности совместной деятельности преподавателей и студентов. ИИ может быть эффективно использован для стимулирования дискуссий за счет генерации разнообразных тем и проблемных вопросов, предназначенных для обсуждения в рамках учебного процесса. Кроме того, он позволяет оптимизировать планирование групповой работы, предоставляя средства для разработки заданий, проектов, кейсов и технологических карт занятий.

Использование ИИ способствует персонализации обучения, создавая индивидуальные учебные траектории и учебные материалы, адаптированные к потребностям и уровню знаний каждого студента. Инструменты ИИ также позволяют обогащать контент виртуальных сред, предназначенных для совместной работы, что способствует более глубокому погружению в предметную область. Важным аспектом является возможность использования ИИ для осмысления резуль-

татов, полученных при его применении. Это способствует развитию навыков анализа информации, критического мышления и формулирования обоснованных выводов.

Интеграция ИИ в совместную деятельность требует активного вовлечения студентов в процесс, позволяя преподавателям эффективно оценивать, планировать и проектировать групповую работу [22]. Экспериментальные данные подтверждают, что инструменты с генеративными текстовыми моделями способствуют развитию навыков анализа и оценки информации, а также формированию самостоятельных выводов [11, 23–25]. Необходимо учитывать потенциальные риски, связанные с социальным неравенством в доступе к технологиям, возможной недостоверностью информации, генерируемой ИИ, и необходимостью адаптации традиционных подходов к обучению. Использование ИИ в образовании требует внимательного и критического подхода, направленного на максимизацию преимуществ и минимизацию потенциальных негативных последствий.

На основе анализа базы инструментов с ИИ [8] отобраны и категоризированы инструменты, отвечающие критерию доступности для преподавателей, по практикам применения в образовательной деятельности (см. колонки 1, 2 в табл. 2).

В рамках анализа литературы идентифицированы и изучены образовательные возможности ИИ. В соответствии с этим предложены варианты применения ИИ в рамках типологии занятий в педагогике совместной деятельности (табл. 2). Результаты проведенного анализа и обсуждения систематизированы в табл. 2, включающей типы занятий в совместной деятельности (колонки 3–4) и соответствующие задачи этих типов, а также обнаруженные практики применения решений на основе ИИ (колонка 1). Колонки 3–5 сформированы на основе анализа статей из выборки.

Таблица 2

Варианты применения ИИ в педагогике совместной деятельности

1. Практика применения ИИ	2. Примеры инструментов с ИИ	3. Вариант применения в уроке-задании	4. Вариант применения в уроке-проблеме	5. Вариант применения в уроке-диалоге
1. Изучение иностранного языка	Duolingo Max, TalkPal, ChatGPT, Character AI, Kuki	Генерация задания и последовательных шагов к решению этого задания, включающих, например, перевод сгенерированного текста и составление вопросов к тексту	Генерация кейсов на иностранном языке, которые студенты могут переводить и предлагать решения на иностранном языке	Генерация тем для обсуждения
2. Персонализация обучения с помощью ИИ-помощников	Otter.ai, plaito.ai, glean	Предложение тех типов заданий и этапов решения, которые призваны восполнить недостаток академических знаний у конкретного студента	Подбор индивидуальных вопросов для каждого обучающегося	Подбор наиболее интересных и актуальных тем для индивидуального обсуждения
3. Анализ уже имеющихся текстов, например: переструктурирование информации (схемы, таблицы), написание отзывов и другое оценивание работ, пересказ материала	Developers.sber, copy-monkey, quillbot, feedback.gotlearning, pdf.ai, summarize	Составление плана текста, эссе, доклада и т.д., по которому обучающийся сможет написать работу	Предложение вариантов тем для написания текстовой работы	Дискуссия с ИИ, в ходе которой обучающийся должен доказать свою точку зрения в рамках обозначенной темы, а ИИ представляет противоположную позицию

1. Практика применения ИИ	2. Примеры инструментов с ИИ	3. Вариант применения в уроке-задании	4. Вариант применения в уроке-проблеме	5. Вариант применения в уроке-диалоге
4. Генерация образовательного контента (планы, занятия, задачи)	Teacherbot.io, questgen.ai, minicoursegenerator, lessonwiseai, formative, fobizz, hilink.co	Генерация плана занятия, задач, решений и этапов их решения	Просчитывание возможных предложений со стороны обучающихся и генерация различных вариантов решения одной проблемы	Помощь в составлении плана возможной дискуссии, просчитывание вариантов развития дискуссии
5. Поиск учебной информации	Teach-anything, hello-history.ai, socratic, heuristi.ca, perplexity.ai, paperbrain.study	Поиск информации для решения задачи	Поиск информации для решения проблемы и построения этапов ее решения	Построение теоретического обоснования выдвигаемых положений в диалоге

В таблице приведена часть возможностей применения ИИ в образовании, которые были выделены на основе проанализированных научных статей, описывающих реальный преподавательский опыт работы с ИИ; варианты реализации ИИ в рамках совместной деятельности также могут варьироваться в зависимости от конкретных задач, которые ставит перед собой преподаватель, и от предмета, дисциплины, где реализован ИИ.

Обсуждение

Теоретический анализ литературы выявил концентрацию современных исследований ИИ в образовании на формах и методах его использования при дефиците научного знания о применении ИИ в совместной деятельности преподавателя и студентов. Анализ демонстрирует потенциал инструментов ИИ, наряду с критическими вопросами их внедрения в педагогическую практику.

Потенциал ИИ в преподавании реализуется за счет автоматизации систем генерации контента, разработки индивидуализированных планов и обеспечения персонализированного обучения. При интеграции в преподавательскую практику, ИИ способствует построению совместной деятельности, направленной на достижение общих целей. Большинство инструментов ИИ ориентировано на индивидуальную работу, что требует пересмотра методов и форм их использования в совместной деятельности. Теоретический анализ подтверждает применимость ИИ в системе совместной деятельности, особенно в групповых формах работы и при подготовке преподавателя к занятиям. В совместной

деятельности ИИ применим для всех типов занятий. Можно обобщить применение ИИ в данной системе следующим образом:

1. Для урока-задачи: помощь преподавателю в постановке задачи и определении этапов ее решения.
2. Для урока-проблемы: проектирование этапов для решения проблемы обучающимся.
3. Для урока-диалога: генерация идей для построения диалога.

ИИ автоматизирует рутинные задачи, освобождая время преподавателя для совместной работы и коммуникации с учащимися. Индивидуальный подход, обеспечиваемый ИИ, позволяет адаптировать учебный материал и задания, учитывая уровень знаний и потребности каждого студента. Использование ИИ в совместной деятельности способствует выявлению проблемных областей обучения и применению мер для их преодоления.

Критические вопросы применения ИИ включают: возможную недостоверность информации, несовершенство систем, необходимость постоянного развития, эффективность только при высокой мотивированности обучающихся, угрозу социального неравенства и требование изменения педагогических подходов.

Данное исследование уточняет понимание подходов к обучению, выявляя потенциал ИИ в улучшении образовательного процесса в системе совместной деятельности и предлагая новые варианты применения технологии. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется рассмотрение феномена условной «субъектности» ИИ и его анализ как полноценного участника образовательного процесса.

Список источников

1. Буякова К.И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Фещенко А.В., Яковлева К.И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с генеративным искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 7. С. 160–193. doi: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193
2. Котлярова И.О. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 3. С. 69–82. doi: 10.14529/ped220307
3. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
4. Амиров Р.А., Билалова У.М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3 (135). С. 80–88. doi: 10.22394/1726-1139-2020-3-80-88
5. Прокументова Г.Н., Малкова И.Ю. Проблема субъекта совместной деятельности в образовательном проектировании // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 170–174.
6. Поздеева С.И. Типология уроков в концепции педагогики совместной деятельности // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2016. Вып. 3 (13). С. 36–41.
7. Переход к открытому образовательному пространству. Ч. 1. Феноменология образовательных инноваций : коллективная монография / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 484 с.
8. Инструменты с ИИ ИДО ТГУ // Институт дистанционного образования ТГУ. 2024. URL: <https://ido.tsu.ru/onlayn-obuchenie-v-tgu/prepodavatelayam/ii-tools/> (дата обращения: 15.11.2024).

9. Diwan C., Srinivasa S., Suri G., Agarwal S., Ram P. AI-based learning content generation and learning pathway augmentation to increase learner engagement // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 4. P. 100–110. doi: 10.1016/j.caeai.2022.100110
10. Токтарова В.И., Попова О.Г., Сагдуллина И.И., Белянин В.А. Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования // *Вестник Марийского государственного университета*. 2023. Т. 17, № 2 (50). С. 210–220. doi: 10.30914/2072-6783-2023-17-2-210-220
11. Wolf R.R., Wolf A.B. Using AI to Evaluate a Competency-Based Online Writing Course in Nursing // *Online Learning*. 2023. Vol. 27, Is. 3. P. 41–69. doi: 10.24059/olj.v27i3.3974
12. Другова Е.А., Журавлева И.И., Захарова У.С., Сотникова В.Е., Яковлева К.И. Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений // *Вопросы образования*. 2022. № 4. С. 107–153. doi: 10.17323/1814-9545-2022-4-107-153
13. Abdul-Kader S.A., Woods J.C. Survey on chatbot design techniques in speech conversation systems // *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2015. Vol. 6, Is. 7. P. 72–80. doi: 10.14569/IJACSA.2015.060712
14. Чертовских О.О. Перспективы использования цифровых образовательных ресурсов // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 184–187. doi: 10.26140/bgj3-2019-0804-0040
15. Соломяный Р.Н., Сосенушкин С.Е. Проблемы применения искусственного интеллекта в адаптивном обучении // *Наука. Информатизация. Технологии. Образование*. 2019. С. 680–687.
16. Катханова Ю.Ф., Си Ю., Коргин А.И. Искусственный интеллект в образовательном пространстве // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 3-1. С. 215–223. doi: 10.31862/2073-9613-2022-3-215-223
17. Ущико А.В. Искусственный интеллект в образовании. Применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования // *Вестник науки*. 2023. Т. 4, № 6 (63). С. 859–866.
18. Barakina E.Y., Popova A.V., Gorokhova S.S., Voskovskaya A.S. Digital Technologies and Artificial Intelligence Technologies in Education // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. Vol. 10, Is. 2. P. 285–296. doi: 10.13187/ejced.2021.2.285
19. Tamayo P.A., Herrero A., Martin J., Navarro C., Tranchez J.M. Design of a chatbot as a distance learning assistant // *Open Praxis*. 2020. Vol. 12, Is. 1. P. 145–153. doi: 10.5944/openpraxis.12.1.1063
20. Ranoliya B.R., Raghuvanshi N., Singh S. Chatbot for university related FAQs // *IEEE : 2017 International Conference on Advances in Computing, Communications and Informatics (ICACCI)*. 2017. P. 1525–1530. doi: 10.1109/ICACCI.2017.8126057
21. Smutny P., Schreiberova P. Chatbots for learning: A review of educational chatbots for the Facebook Messenger // *Computers & Education*. 2020. Vol. 151. Art. No. 103862. doi: 10.1016/j.compedu.2020.103862
22. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 6. С. 19–37. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
23. Alsadoon R. Chatting with AI Bot: Vocabulary learning assistant for Saudi EFL learners // *English Language Teaching*. 2021. Vol. 14, Is. 6. P. 135–157. doi: 10.5539/elt.v14n6p135
24. Yan D. How ChatGPT's automatic text generation impact on learners in a L2 writing practicum: an exploratory investigation // *HAL*. 2023. URL: <https://hal.science/hal-04037687v1>
25. Mollick E.R., Mollick L. Using AI to implement effective teaching strategies in classrooms: Five strategies, including prompts // *The Wharton School Research Paper*. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4391243

References

1. Buyakova, K.I., Dmitriev, Ya.A., Ivanova, A.S., Feshchenko, A.V. & Yakovleva, K.I. (2024) Otnoshenie studentov i prepodavateley k ispol'zovaniyu instrumentov s generativnym iskusstvennym intellektom v vuze [Attitude of Students and Teachers Towards the Use of Generative Artificial Intelligence Tools in University]. *Obrazovanie i nauka*. 26 (7). pp. 160–193. doi: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193
2. Kotlyarova, I.O. (2022) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obrazovanii [Artificial Intelligence Technologies in Education]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. 14 (3). pp. 69–82. doi: 10.14529/ped220307
3. Ivakhnenko, E.N. & Nikol'skiy, V.S. (2023) ChatGPT v vyshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? [ChatGPT in Higher Education and Science: A Threat or a Valuable Resource?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (4). pp. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
4. Amirov, R.A. & Bilalova, U.M. (2020) Perspektivy vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sfere vysshego obrazovaniya [Prospects for the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 3 (135). pp. 80–88. doi: 10.22394/1726-1139-2020-3-80-88
5. Prozumentova, G.N. & Malkova, I.Yu. (2007) Problema sub'ekta sovmestnoy deyatel'nosti v obrazovatel'nom proektirovanii [The Problem of the Subject of Joint Activity in Educational Design]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*. 26. pp. 170–174.
6. Pozdeeva, S.I. (2016) Tipologiya urokov v kontseptsii pedagogiki sovmestnoy deyatel'nosti [Typology of Lessons in the Concept of Pedagogy of Joint Activity]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review*. 3 (13). pp. 36–41.
7. Prozumentova, G.N. (2005) *Perekhod k otkrytomu obrazovatel'nomu prostranstvu. Ch. 1. Fenomenologiya obrazovatel'nykh innovatsiy* [Transition to an Open Educational Space. Part 1. Phenomenology of Educational Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Institute of Distance Education, Tomsk State University. (2024) *Instrumenty s II IDO TGU* [IDO TSU's AI Tools]. [Online] Available from: <https://ido.tsu.ru/onlayn-obucheniye-v-tgu/prepodavatelyam/ii-tools/> (Accessed: 15.11.2024).
9. Diwan, C., Srinivasa, S., Suri, G., Agarwal, S. & Ram, P. (2023) AI-based learning content generation and learning pathway augmentation to increase learner engagement. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 4. pp. 100–110. doi: 10.1016/j.caeai.2022.100110
10. Toktarova, V.I., Popova, O.G., Sagdullina, I.I. & Belyanin, V.A. (2023) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v praktike sovremennogo vysshego obrazovaniya [Artificial Intelligence Technologies in the Practice of Modern Higher Education]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 17 (2) (50). pp. 210–220. doi: 10.30914/2072-6783-2023-17-2-210-220
11. Wolf, R.R. & Wolf, A.B. (2023) Using AI to Evaluate a Competency-Based Online Writing Course in Nursing. *Online Learning*. 27 (3). pp. 41–69. doi: 10.24059/olj.v27i3.3974
12. Drugova, E.A., Zhuravleva, I.I., Zakharova, U.S., Sotnikova, V.E. & Yakovleva, K.I. (2022) Iskustvennyy intellekt dlya uchebnoy analitiki i etapy pedagogicheskogo proektirovaniya: obzor resheniy [Artificial Intelligence for Learning Analytics and Stages of Pedagogical Design: A Review of Solutions]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 107–153. doi: 10.17323/1814-9545-2022-4-107-153
13. Abdul-Kader, S.A. & Woods, J.C. (2015) Survey on chatbot design techniques in speech conversation systems. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 6 (7). pp. 72–80. doi: 10.14569/IJACSA.2015.060712
14. Chertovskikh, O.O. (2019) Perspektivy ispol'zovaniya tsifrovyykh obrazovatel'nykh resursov [Prospects for the Use of Digital Educational Resources]. *Baltiyskiy humanitarnyy zhurnal*. 8 (4) (29). pp. 184–187. doi: 10.26140/bgj3-2019-0804-0040
15. Solomyany, R.N. & Sosenushkin, S.E. (2019) Problemy primeneniya iskusstvennogo intellekta v adaptivnom obuchenii [Problems of Applying Artificial Intelligence in Adaptive Learning]. In: *Nauka. Informatizatsiya. Tekhnologii. Obrazovanie* [Science. Informatization. Technologies. Education]. pp. 680–687.
16. Kathanova, Yu.F., Si, Yu. & Korygin, A.I. (2022) Iskustvennyy intellekt v obrazovatel'nom prostranstve [Artificial Intelligence in the Educational Space]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century]. 3-1. pp. 215–223. doi: 10.31862/2073-9613-2022-3-215-223

17. Ushcheko, A.V. (2023) Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii. Primenenie iskusstvennogo intellekta dlya obespecheniya adaptivnosti obrazovaniya [Artificial Intelligence in Education. Application of Artificial Intelligence to Ensure Adaptability of Education]. *Vestnik nauki*. 4 (6) (63). pp. 859–866.
18. Barakina, E.Y., Popova, A.V., Gorokhova, S.S. & Voskovskaya, A.S. (2021) Digital Technologies and Artificial Intelligence Technologies in Education. *European Journal of Contemporary Education*. 10 (2). pp. 285–296. doi: 10.13187/ejced.2021.2.285
19. Tamayo, P.A., Herrero, A., Martin, J., Navarro, C. & Tranchez, J.M. (2020) Design of a chatbot as a distance learning assistant. *Open Praxis*. 12 (1). pp. 145–153. doi: 10.5944/openpraxis.12.1.1063
20. Ranoliya, B.R., Raghuwanshi, N. & Singh, S. (2017) Chatbot for university related FAQs. *IEEE: 2017 International Conference on Advances in Computing, Communications and Informatics (ICACCI)*. pp. 1525–1530. doi: 10.1109/ICACCI.2017.8126057
21. Smutny, P. & Schreiberova, P. (2020) Chatbots for learning: A review of educational chatbots for the Facebook Messenger. *Computers & Education*. 151. Art. No. 103862. doi: 10.1016/j.compedu.2020.103862
22. Rezaev, A.V. & Tregubova, N.D. (2023) ChatGPT i iskusstvennyy intellekt v universitetakh: kakoe budushchee nam ozhidat? [ChatGPT and Artificial Intelligence in Universities: What Future Should We Expect?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (6). pp. 19–37. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
23. Alsadoon, R. (2021) Chatting with AI Bot: Vocabulary learning assistant for Saudi EFL learners. *English Language Teaching*. 14 (6). pp. 135–157. doi: 10.5539/elt.v14n6p135
24. Yan, D. (2023) *How ChatGPT's automatic text generation impact on learners in a L2 writing practicum: an exploratory investigation*. HAL. [Online] Available from: <https://hal.science/hal-04037687v1> (Accessed: 04.06.2024).
25. Mollick, E.R. & Mollick, L. (2023) *Using AI to implement effective teaching strategies in classrooms: Five strategies, including prompts*. The Wharton School Research Paper. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4391243 (Accessed: 04.06.2024).

Информация об авторах:

Иванова А.С. – зав. учебно-научной лабораторией непрерывного образования центра технологического и исследовательского сопровождения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ivanova_as@ido.tsu.ru. ORCID: 0009-0006-1247-3608

Савченко У.А. – специалист отдела методического сопровождения электронного обучения центра технологического и исследовательского сопровождения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: matushenko_ua@ido.tsu.ru

Фещенко А.В. – директор центра технологического и исследовательского сопровождения, начальник отдела разработки и коммерциализации цифровых решений, старший преподаватель кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: fav@ido.tsu.ru. ORCID: 0000-0002-4323-9666. Scopus Author ID: 56893619300

Чечихина А.Н. – специалист учебно-научной лаборатории непрерывного образования центра технологического и исследовательского сопровождения, ассистент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chchihina_an@ido.tsu.ru. ORCID: 0009-0005-6414-6054

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Ivanova, head of the Continuous Education Laboratory, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ivanova_as@ido.tsu.ru. ORCID: 0009-0006-1247-3608

U.A. Savchenko, specialist, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atushenko_ua@ido.tsu.ru

A.V. Feshchenko, director of the Center for Technological and Research Support, head of the Digital Solutions Development and Commercialization Department, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fav@ido.tsu.ru. ORCID: 0000-0002-4323-9666. Scopus Author ID: 56893619300

A.N. Chechikhina, specialist, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chchihina_an@ido.tsu.ru. ORCID: 0009-0005-6414-6054

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.12.2024;
одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 30.12.2024;
approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 378.184+159.9.075
doi: 10.17223/15617793/514/18

Клубная система в высшей школе: образовательные возможности, организация, перспективы

Юлия Андреевна Власова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, yuliatrif@gmail.com*

Аннотация. Актуализирована проблема организации внеурочной деятельности в высшей школе. Представлена история зарождения и развития клубной системы, проведен анализ российского опыта клубной организации. Описаны этапы организации клуба гуманитарных исследований на факультете психологии. Предложены критерии оценки продуктивности клуба. Выделены этапы динамики групповых процессов клуба гуманитарных исследований.

Ключевые слова: клубная система, научный клуб, гуманитарные методы исследования, внеурочная деятельность, профессиональная рефлексия

Для цитирования: Власова Ю.А. Клубная система в высшей школе: образовательные возможности, организация, перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 159–165. doi: 10.17223/15617793/514/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/18

Club system in higher education: Educational opportunities, organization, prospects

Yuliya A. Vlasova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, yuliatrif@gmail.com*

Abstract. In the practice of universities there is a problem of developing modern and effective approaches to organizing a club system. These approaches should take into account the characteristics of the contingent of students at the university, modern educational technologies and the needs of the labor market. This study is aimed at forming the basic foundations of organizing a modern club system in higher education; developing scientific, methodological and diagnostic support for the Humanities Research Club at Tomsk State University's Faculty of Psychology. The Humanities Research Club as an extracurricular form of organizing the educational process for students of the Faculty of Psychology is presented as an organizational form that ensures the development of professional reflection. The research uses a historical and pedagogical analysis of the club system, an analysis of pedagogical and psychological literature, retrospective reconstruction, and psychological and pedagogical observation. The experimental base of the study is the Faculty of Psychology of the National Research Tomsk State University. The literature review showed that in the USSR a state system of extracurricular activities was formed, on the basis of which the approaches of modern Russia are built. The following features of a club organization are highlighted: informal communication, club theme, club style, age characteristics of participants, social space of the club, etc. The description of the empirical study outlines the stages of organizing the Humanities Research Club of the Faculty of Psychology: preparatory, main, and final. The preparatory stage included the formation of thematic blocks of classes, determination of scientific research methods. The main stage of organization describes the structure of the club class, the specifics of the club participants' application of the humanitarian research method, and the students' reflexive dynamics during the class. The final stage of organization is described as a process of summing up the work. The following criteria are proposed for assessing the productivity of the educational club: (a) involvement in the process of group discussion of participants' research, (b) conducting one's own research in the paradigm of the humanitarian approach, (c) publication of research results and/or their presentation at student scientific events. It is recorded that students begin to freely operate with semantic units in the analyzed materials and use phenomenological interpretations.

Keywords: club system, scientific club, humanitarian research methods, extracurricular activities, professional reflection

For citation: Vlasova, Yu.A. (2025) Club system in higher education: Educational opportunities, organization, prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 159–165. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/18

Введение

Одной из особенностей высшего образования, определившей современный образовательный про-

цесс, является его цифровая трансформация: образование осуществляется не только офлайн в аудиториях, но и посредством образовательных электронных сред, свое концептуальное обоснование получил «онлайн-

университет» [1, 2]. Вполне реальной является ситуация, когда на авторском онлайн-курсе преподавателя обучаются параллельно сотни тысяч студентов. Такая ситуация расширяет возможности презентации для вуза на рынке образовательных услуг, делает образование доступным для людей, находящихся в регионах с малой представленностью качественного образования, однако имеет и несомненную слабую сторону – коммуникация между преподавателем и студентом становится специфической, если не мнимой, точнее речь идет о ее опосредованности определенными заданиями. Разработчик онлайн-курса, ориентируясь на унифицированное обучение, в первую очередь уделяет внимание педагогическому дизайну (лаконичность, опора на кейсы, структура контента и т.д.), в то время как обучающийся с легкостью обходит задания с рефлексивным компонентом, прибегнув к формальному ответу.

Педагогическая и психологическая наука, исследуя возможности использования искусственного интеллекта (ИИ) в учебном процессе, начали проявлять к нему большой интерес [3]. Видится, что ИИ облегчает операционную составляющую учебных действий, также он может поддержать познавательную мотивацию обучающегося. Однако любой образовательный процесс направлен на перерождение внешней мотивации во внутреннюю. И, к сожалению, ни один образовательный инструмент не гарантирует этого перехода, так как он определяется субъектностью самого обучающегося, делающего осознанный инициативный выбор в образовательной ситуации.

Разнообразные современные организационные формы занятий зачастую требуют нерефлексивной включенности [4]. Активные методы обучения предполагают эмоциональный эффект, когда обучающийся получает позитивное подкрепление в виде положительных переживаний от взаимодействия с другими участниками, наглядных, но в то же время поверхностных визуализаций продуктов совместной деятельности в форме рисунков, схем и др. В такой технологии рефлексия может редуцироваться до самооценки настроения или оценки собственной эффективности на занятии. Однако смыслообразование, являющееся базисом нормальной профессионализации, осуществляется не только на учебном занятии, оснащенном всеми преимуществами современных образовательных технологий, оно также выходит за пределы аудитории, раскрывается в самой атмосфере высшего учебного заведения, в неформальном общении студентов друг с другом, с преподавателями, в объединенных студенческих сообществах и незадаанных «извне» инициативах [5, 6].

Ответ на вопрос о сбалансированности и адекватности современной организационной формы должен состоять во взаимодействии многообразных новейших разработок с традиционными образовательными практиками, в которых личность преподавателя и личность студента встречаются друг с другом в живом контакте без образовательных «амортизаторов».

Существующая в высшем образовании система внеурочной деятельности, несмотря на наличие различных форм, не в полной мере отвечает современным

требованиям обучающихся в самореализации, развитии коммуникативных навыков и формировании профессиональных компетенций. В практике вузов фиксируется проблема необходимости разработки современных и эффективных подходов к организации клубной системы, которые бы учитывали особенности контингента обучающихся в вузе, современные образовательные технологии и потребности рынка труда. Данное исследование направлено на выделение базовых основ организации современной клубной системы в высшем образовании, разработку научно-методического и диагностического сопровождения клуба гуманитарных исследований на факультете психологии НИ ТГУ, в части развития soft skills, формирования ценностей, расширения профессиональных горизонтов, повышения вовлеченности студентов.

Методы исследования

В качестве организационной формы, создающей пространство для актуализации профессиональной рефлексии, в данной публикации рассмотрим клуб гуманитарных исследований как внеурочную форму организации образовательного процесса для студентов факультета психологии. Методологической основой работы обозначим системный антропологический подход [7], трактующий образовательный процесс как процесс суверенизации человека, совпадающий со становлением его многомерного мира. В исследовании подлинное образовательное взаимодействие представляется результатом взаимопроникновения – в актах взаимодействия партнеры усматривают друг у друга такие ценностно-смысловые составляющие образ мира, которые до этого момента не являлись содержанием их собственного. В результате такого взаимодействия порождается особое многомерное пространство, в котором действует человек, понимая смысл и ценность собственных действий.

Организация опытно-экспериментальной деятельности основывалась на «принципе избирательности» (В.Е. Ключко), постулирующем избирательность во взаимодействии систем (в данном случае субъектов образовательной деятельности) по отношению друг к другу, основаниями которой являются созвучные смыслы и ценности участников.

В исследовании были реализованы историко-педагогический анализ клубной системы, анализ педагогической и психологической литературы, ретроспективная реконструкция, а также психолого-педагогическое наблюдение. Опытнo-экспериментальная база исследования – факультет психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Обзор литературы

Первые сообщества, которые были обозначены как «клуб», оформились в Англии в XVI в., в Италии – в конце XVII в. Известный английский клуб Буллингдон был основан в 1780 г. (сначала как спортивный клуб для любителей крикета и охоты). Из его известных

участников были премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, Борис Джонсон, принцы Эдуард VII и Эдуард VIII, телеведущий Дэвид Димблби и многие другие.

Английское «club» является производным от староанглийского «cleafan»: «разделять что-то с кем-либо» [8]. С. Джонсон (XVIII в.) описывал «клуб» как «собрание добрых друзей, объединившихся на известных условиях». Есть свидетельства о существовании в России XVII в. клуба «Великобританский монастырь», также учрежденного с целью досуга. Несколько последующих веков в Российской империи клубы являлись пространством для светской, аристократической жизни, например, функционировал «Английский клуб» [9].

Рассмотрим дальнейшую историю развития и трансформации клубов в России. Создание клубов с педагогическими целями произошло в конце XIX в. Энтузиасты И. Беневский, А.У. Зеленко, П.Ф. Лесгафт, С.Т. Шацкий и другие организовывали первые детские и подростковые сообщества вне школы для того, чтобы предупреждать негативное влияние улицы на детей незнатных сословий. Постулировались такие цели, как просвещение и создание пространства для личностного развития [8].

В царской России свое распространение получили спортивные клубы – сначала являющиеся аристократическими, затем буржуазно-демократическими. Появились такие молодежные объединения, как общество студентов-спортсменов («Кружок спортсменов Политехнического института», «Кружок студентов любителей гимнастического и атлетического спорта»). Революция 1905 г. отразилась в рождении многочисленных политических объединений молодежи. Советские источники отмечают «зарождение рабочего клуба в России». Клубы возникли как последующая ступень широких массовых выступлений, они ставили перед собой задачу разъяснения лозунгов рабочей партии [10].

После революции 1917 г. клубы стали популярными формами образовательной деятельности. Для советской идеологии было важно, что клубная самоорганизация раскрывает инициативу самих детей и молодежи, основывается на открытости, свободном посещении, принципах демократии. В то же время разрабатывались циркуляры, помогающие педагогам управлять процессами молодежных сообществ, «выверять» идеологию. В 1921 г. принята резолюция «О клубах РКСМ», где клубам отводилась роль инструмента «усиления влияния КСМ на широкие массы рабочей молодежи и придания работе с ними глубокого и систематического характера».

М.Р. Мирошкина, исследователь молодежных и детских движений, называет 6 типов клубов 1910–1930-х гг. Клубы, явившиеся структурами системы образования (внешкольные, разновозрастные; ученические общешкольные); школы-клубы для рабочих подростков; клубы-примитивы (переходная форма от эпизодической клубной работы к внешкольному или школьному клубу); организационные формы общественных объединений (пионерские клубы); юношеские клубы Коммунистического союза молодежи [11].

При этом в довоенный советский период были и моменты упадка клубной деятельности, и повторяющиеся этапы ее оживления. Целенаправленностью и последовательностью этот процесс не обладал. Успешные опыты клубной организации были связаны как со стимулированием «сверху», так и с индивидуальными инициативами и яркими успешными экспериментами отдельных талантливых людей.

А.С. Макаренко в условиях трудовой колонии им. М. Горького и трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского называл всю сферу секций, кружков и внешкольных организационных форм клубной деятельностью. Педагоги и активные колонисты вместе разделяли ответственность за функционирование данной системы, ее «оживление» и актуальность для подростков. С.Т. Шацкий разрабатывал идею преобразования школы в культурный комбинат, где помимо учебных занятий детскую жизнь сопровождали театр, кино, библиотека, клуб, мастерские и др. [12]. В исследованиях А.М. Арсеньева, Ф.Ф. Королева и других разрабатывались идеи замещения школы клубом. В системе Костромского ГОРОНО все школы второй ступени были преобразованы в клубы, происходило распределение учеников по кружкам, школьные дисциплины перестали считаться обязательными. Петроградский ГУБОНО разработал «Школьный план единой трудовой школы», по которому все самостоятельные клубы закрывались, учебные занятия продлевались на три часа с целью посещения секций и кружков. Этот опыт во многом способствовал в 1925 г. введению во всех школах клубного дня, свободного от уроков в пользу общественной и клубной деятельности [13].

Однако уже в 1930-х гг. общая тенденция, связанная с интегрированием клубной работы в пионерия и комсомол, охарактеризовалась доминированием лозунгов и показательных мероприятий над реальной инициативой, управление становилось авторитарным, цифры в отчетах не соответствовали действительности. В 1938 г. Всероссийское совещание утвердило, что «внешкольная работа стала отсталым, самым забытым и запущенным участком» [11]. Тем не менее разнообразные тематики в клубной системе продолжали умножаться. Увлечение пионеров историей Челюскина привело к появлению географических клубов, стали возникать туристические организации молодежи.

В 1940-е гг. массовое распространение получило движение тимуровцев, культивирующее альтруистическую социальную поддержку в месте проживания вовлеченных подростков. В военное время клубное развитие не останавливалось, появились так называемые передвижные клубы.

В 1960–1970-е гг. случилась вторая волна плодотворного развития клубной деятельности, что во многом связано с некоторыми демократическими преобразованиями государства (оттепель) и вдохновленностью общества научно-техническим прогрессом (в результате космических достижений). Появились внеурочные объединения технического профиля – клубы космонавтики, клубы моряков, полярников, военно-технические школы.

Также в это время вновь активно реализовалась концепция школьных клубов, объединивших всю внеурочную работу.

Одним из аутентичных примеров советского молодежного клуба во второй половине XX в. являлся «Форпост» им. А.С. Макаренко (1977 г., Петрозаводск). Его организация строилась на коммунарской методике, роль взрослых была значительной. Клуб свободно посещали люди в возрасте от 7 до 30 лет. За годы своего функционирования «Форпост» сформировал свои ритуалы, нравственные принципы и систему членства. Клуб был открыт вновь поступившим, однако порядок вхождения новых членов был подчинен некоторым правилам. Полагалось, что до официального вступления новенькие должны участвовать в мероприятиях и социально значимых делах. При этом атмосфера клуба считалась демократической, она способствовала творческому самовыражению и развитию личности.

В конце 1970-х гг. государственная система внеурочной работы приобрела оформленный вид и включала такие функции, как социальное и профессиональное самоопределение, создание условий для развития контактов обучающихся на уровнях от межшкольного до межрегионального и международного. 1980-е гг. привнесли новое понимание функций клубного движения. Среди них появляется «заслон безыдейности и низкопробной духовной продукции» [14]. Постепенная демократизация социально-политической обстановки в стране способствовала выработке соответствующих принципов организации внеурочной работы: добровольность в выборе форм и направлений занятий; их общественная направленность; опора на инициативу и самостоятельность и др.

Итак, можно говорить о том, что в советский период сформировалась государственная система внеурочной деятельности, на основе которой строятся и подходы современной России. Во многом претерпел трансформацию терминологический язык создаваемых программ, техническая оснащенность сопровождения, однако клубы по-прежнему рассматриваются как добровольное объединение людей на основе единства целей и интересов.

Клубная деятельность углубляет познание участников в той или иной области, формирует социальный контакт на принципах открытости, взаимного уважения и сотрудничества. Формат задает встречу людей на «взрослых основаниях», так как часто предполагает вольное посещение (организационный аспект) и включенность членов клуба в формирование содержания каждой встречи. Еще одной особенностью клубного взаимодействия является неформальная атмосфера, не регламентируемая обязательствами строгой дисциплины и стандартами поведения.

Среди «признаков» клубной самоорганизации М.Р. Мирошкина обозначает [11]:

- общение как основу клубной самоорганизации;
- наличие собственной темы клуба, отражающей цели и содержание деятельности клуба;

- степень открытости и доступности клуба для различных категорий граждан, определяемую специальными характеристиками института членства и зафиксированную в уставных документах клуба;

- стиль клуба (клубный стиль) как совокупность принятых образцов поведения членов клуба;

- возрастные характеристики членов клуба, определяющие его социальные функции;

- специфическое социальное пространство клуба.

Результаты исследования и их обсуждение

Клуб гуманитарного исследования на факультете психологии Томского государственного университета (функционирует с 2020 г. по настоящее время) позволил удовлетворить потребности студентов в живом контакте друг с другом и преподавателем в начале пандемийных ограничений (COVID-19), в период ослабления условий самоизоляции, сопровождавшийся переходом с дистанционного в смешанный формат обучения. Так как в данном случае присутствовала ориентация на студенческий запрос, в первый год функционирования клуба отклики студентов сообщали, что не важно, ЧТО конкретно станет предметным содержанием встреч, важно С КЕМ они будут проходить (должны присутствовать студенты и преподаватели факультета психологии) и КАК эти встречи будут осуществляться (важно неформальное, порой, внеаудиторное взаимодействие). Так или иначе, но направление клуба приобрело исследовательскую тематику, тем самым начал осуществляться «принцип избирательности» (в терминах В.Е. Ключко) в отношении членства клуба. Каждый студент нуждается в «неравнодушной» среде, лично заинтересованной в нем. Но не каждому студенту с его образом мира нужно погружение в науку, требующее концентрации на психологическом феномене, проведение дополнительного самостоятельного исследования, опубликование результатов, и это за пределами учебных дисциплин, т.е. за пределами требования ситуации. Данный аспект выделим отдельно: на сегодняшний день широко используется формулировка о том, что образовательные формы должны быть ориентированы на массовость и доступность, в то же время в этих понятиях частично подменяется смысл: достигаться универсальность образовательного процесса должна путем многовариантности предложений, а не за счет направления потока обучающихся в одну программу, форму, подходящую каждому. В этом основное отличие клубной системы от существующих студенческих научных обществ, где объединение должно следовать предложенным образовательной системой стандартам и выделенным параметрам эффективности.

На **подготовительном этапе** организации клуба гуманитарных исследований формировались тематические блоки занятий, определялись возможные к освоению студентами методы научного исследования, был изучен студенческий запрос на введение подобных организационных форм в образовательное пространство факультета психологии.

Основной этап организации реализовывался непосредственно во встречах клуба, проходящих на факультете психологии с периодичностью один раз в неделю.

Структура занятия в клубе гуманитарных исследований включает:

1. Приветствие (15–20 минут неформального общения о новостях факультета, университетской науке, личных учебных и научных достижениях участников и пр.).

2. Теоретический ввод (20–30 минут рассмотрения научной парадигмы изучаемого метода исследования – например: психосемантического анализа, феноменологического анализа; исследование оснований метода, его истории и т.д.).

3. Обсуждение результатов исследования участников.

Третий этап считается главным и занимает основное время встречи (варьирует от 1 часа до 2,5 часов). Сконцентрированность на исследовательском продукте студента понятна, однако может казаться необоснованным временной объем данной работы. Дело в том, что специфика гуманитарного метода исследования предполагает на выходе творческий продукт с авторскими формулировками смысловых структур исследуемых описаний людей. Данные формулировки, ухватывая суть феномена, полнее всего раскрываются в метафоре, т.е. зачастую художественными средствами. В индивидуальном исследовании формулировки полученных результатов шлифуются месяцами, так как практически не поддаются «высчитыванию», стандартизации. Таким образом, в клуб участники несут промежуточный результат, который в формате, близком к мозговому штурму, благодаря синергетическому эффекту приобретает заверченный вид за несколько встреч. Обсуждение в реальности предполагает не экспертное оценивание с выделением преимуществ и недостатков исследования, а совместное творчество. Обсуждаемый текст воспринимается членами клуба не как внешний по отношению к ним, а как часть внутренних процессов осмысления реальности и ее конструирования посредством речевых форм.

Клуб является одним из инструментов профессионализации студентов и (что подтверждается очевидными результатами) способствует становлению психолога-исследователя. К деятельности клуба можно отнести реализацию компетенций: «осуществление научного исследования в сфере профессиональной деятельности на основе современной методологии», «применение методов сбора, анализа и интерпретации эмпирических данных в соответствии с поставленной задачей, оценивание достоверности эмпирических данных и обоснованность выводов научных исследований».

В реальности, в силу специфики осваиваемых методов, участники встреч культивируют рефлексивную механику внутренней работы со смыслами. Необходимые формулировки лишь тогда получают аутентичное название, когда участнику удастся разглядеть в себе личное переживание, что приводит (1) к постоянной верификации собственных смыслов и ценностей,

(2) сопоставлению и «наложению» собственных смысловых образований на описание переживания в тексте, (3) работе со значением слов и с обозначиванием смысла, невозможной без определенного интереса к культуре речи, нетривиальным словесным конструкциям. Описываемая работа основана, главным образом, на рефлексивном ресурсе участников, развивает профессиональную рефлексивность, способствует созданию чуткости, «феноменологической чувствительности» к смысловому полю человека, являющейся основой профессионализма психолога-практика.

Заключительный этап организации клуба гуманитарных исследований знаменуется подведением итогов работы в конце учебного года. Маркерами, по которым можно оценивать продуктивность образовательного клуба для студента, предложим считать: (а) вовлеченность в процесс группового обсуждения исследований участников, (б) проведение собственного исследования в парадигме гуманитарного подхода и оформление его результатов, (в) опубликование результатов исследования и/или их представление на студенческих научных мероприятиях.

Примененный метод наблюдения фиксирует следующую динамику групповых процессов клуба:

1. «Формирование» (сентябрь, октябрь). С началом учебного года происходит новый виток развития, когда в клуб попадает много новых участников. «Ядро» клуба из участников прошлых лет знакомит новичков с традициями и методологией проводимых исследований. При этом наблюдается некоторая «вработываемость», скованность участников, в первые два месяца в обсуждениях постоянно циркулируют вопросы о технологии сбора эмпирических данных, о возможных тематиках исследования, однако наблюдаются некоторые психологические препятствия перехода к проведению собственных исследований.

2. «Нормализация» (ноябрь, декабрь). Во встречи клуба начинают встраиваться обсуждения первых научных опытов участников, атмосфера встреч становится неформальной и непринужденной. Студенты проявляют интерес к личности друг друга, начинают рассматривать себя как реальных исследователей.

3. «Творческая реализация» (январь – июнь). Встречи клуба приобретают новые ритуалы, участники клуба проявляют симпатию и доверие друг к другу, повышается самоуважение и уверенность в собственных действиях, обсуждения исследовательских продуктов сопровождаются максимальной творческой синергией, при этом научные обсуждения начинают приводить к ответвлениям на обсуждение личных интересов участников, юмор. В этот период через клуб проходит максимальное количество обсуждений студенческих исследований.

Со второго этапа фиксируется высокая степень вовлеченности студентов, посещающих клуб, все студенты активно участвуют в обсуждениях исследовательских продуктов, 2/3 участников выносят на обсуждение свои исследования (т.е. полностью реализуют в рамках клуба обозначенные исследовательские компетенции) и далее публикуют свои работы.

Заключение

Описываемая работа клуба гуманитарных исследований позволяет углублять профессионализацию студентов-психологов через развитие исследовательских компетенций, создает условия развития профессиональной рефлексии и формирования чувствительности к смысловому полю человека, т.е. является условием становления психолога-практика. В наблюдении было зафиксировано, что студенты начинают свободно оперировать смысловыми единицами текстов с нарративами респондентов, обобщать эти смысловые единицы в определенные категории переживания, использовать феноменологические интерпретации.

Отмечены базовые основы организации клуба гуманитарных исследований факультета психологии, которые заключаются в выделении подготовительного, основного и заключительного организационных эта-

пов; принципов отбора тематик для обсуждений; отбора аутентичных форм оценивания. Показано, что данные базовые основания организации клуба на факультете психологии позволяют систематизировать полученный опыт внеурочной деятельности и будут способствовать разработке научно-методического сопровождения профессиональной подготовки обучающихся факультета психологии.

Перспективы развития данной организационной формы видятся в развороте содержания клуба гуманитарного исследования, ориентированного на студентов-психологов, к сотрудничеству с другими факультетами, осуществлению междисциплинарных исследований, поскольку студенты по направлениям «иностранное языки», «социология», «философия», «культурология» и др., имеющие опыт смежных антропологических практик, испытывают интерес к психологии и заинтересованы обогащать профессиональное мышление.

Список источников

1. Савченко У.А., Прокопенко Н.И. Цифровые инструменты преподавателя: организация смешанного обучения в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 183–193. doi: 10.17223/15617793/499/20
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Развитие форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 143–150. doi: 10.17223/15617793/497/15
3. Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Технологии искусственного интеллекта и обучение иностранным языкам: преподаватели и студенты региональных вузов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 168–179. doi: 10.17223/15617793/507/19
4. Поздеева С.И., Смышляева Л.Г., Никитин А.А. Образовательные технологии: осознанная или навязанная необходимость? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 197–202. doi: 10.17223/15617793/500/21
5. Сошенко И.И., Червонный М.А., Абакумова Н.Н. Профессиональные инициативы студентов как фактор развития субъектности будущих педагогов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 169–180. doi: 10.17223/15617793/492/19
6. Камалеева А.Р., Фахрутдинова А.В., Кондратьева И.Г. Ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 162–171. doi: 10.17223/15617793/478/20
7. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Образовательное взаимодействие: системно-антропологический контекст. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 130 с.
8. Торшина А.В. Эволюция понятия «клубная деятельность» в историко-педагогическом процессе // Аспекты и тенденции педагогической науки : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). СПб. : Свое изд-во, 2017. 110 с.
9. Вознесенский И.С. Студенческий клуб: опыт организации клуба тайм-менеджмента // Этносоциум. 2017. № 11 (113). С. 184–192.
10. Прохоров А.М. Большая советская энциклопедия : в 33 т. М. : Советская энциклопедия, 1973. Т. 12. 624 с.
11. Мирошкина М.Р. Клубная деятельность в образовании и воспитании // Школьные технологии. 2013. № 6. С. 91–100.
12. Романов А.А. Проблема внешкольного воспитания детей в педагогическом опыте С.Т. Шацкого // Педагогика социально-культурной сферы: история, теория, практика : сб. науч. ст. / под науч. ред. Н.Н. Ярошенко, Е.В. Литовкина. Рязань : РЗИ МГУКИ, 2001. С. 31–41.
13. Каргина З.А. История становления системы дополнительного образования детей в России: два «Золотых периода» // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 89–103.
14. Коваль М.Б. Педагогика внешкольного учреждения. Оренбург : Южный Урал, 1993. 62 с.

References

1. Savchenko, U.A. & Prokopenko, N.I. (2024) Teacher's Digital Tools: Organizing Blended Learning in Higher Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 183–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/20
2. Vayndorf-Sysoeva, M.E., Subочева, M.L. & Shitova, V.A. (2023) Development of Forms of Organizing Distance Learning in the Era of Digitalization of Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 143–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/15
3. Abramova, I.E. & Shishmolina, E.P. (2024) Artificial Intelligence Technologies and Foreign Language Teaching: Teachers vs Students at Regional Universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 168–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/19
4. Pozdeeva, S.I., Smyshlyaeva, L.G. & Nikitin, A.A. (2024) Educational Technologies: A Conscious or Imposed Necessity?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 197–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/21
5. Soshenko, I.I., Chervonnyy, M.A. & Abakumova, N.N. (2023) Students' Professional Initiatives as a Factor in Future Teachers' Agency Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 169–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/19
6. Kamaleeva, A.R., Fakhrutdinova, A.V. & Kondrat'eva, I.G. (2022) Axiological Priorities of Subject-Subject Interaction in Higher Education From the Perspective of the Cognitive Paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 162–171. doi: 10.17223/15617793/478/20
7. Klochko, V.E., Krasnoryadtseva, O.M. & Shcheglova, E.A. (2016) *Obrazovatel'noe vzaimodeystvie: sistemno-antropologicheskii kontekst* [Educational Interaction: A Systemic-Anthropological Context]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Torshina, A.V. (2017) [Evolution of the Concept of "Club Activity" in the Historical-Pedagogical Process]. *Aspekty i tendentsii pedagogicheskoy nauki* [Aspects and Trends of Pedagogical Science]. Proceedings of the 2nd International Conference. St. Petersburg, July 2017. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (In Russian).
9. Voznesenskiy, I.S. (2017) *Studencheskiy klub: opyt organizatsii kluba taym-menedzhmenta* [Student Club: Experience in Organizing a Time Management Club]. *Emosotsium*. 11 (113). pp. 184–192.

10. Prokhorov, A.M. (ed.) (1973) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 33 t.* [Great Soviet Encyclopedia: In 33 Volumes]. Volume 12. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
11. Miroshkina, M.R. (2013) Klubnaya deyatel'nost' v obrazovanii i vospitanii [Club Activities in Education and Upbringing]. *Shkol'nye tekhnologii*. 6. pp. 91–100.
12. Romanov, A.A. (2001) Problema vneshkol'nogo vospitaniya detey v pedagogicheskom opyte S.T. Shatskogo [The Problem of Out-of-School Education of Children in the Pedagogical Experience of S.T. Shatsky]. In: Yaroshenko, N.N. & Litovkina, E.V. (eds) *Pedagogika sotsial'no-kul'turnoy sfery: istoriya, teoriya, praktika: sb. nauch. st.* [Pedagogy of the Socio-Cultural Sphere: History, Theory, Practice: Collection of Scientific Articles]. Ryazan': RZI MGUKI. pp. 31–41.
13. Kargina, Z.A. (2013) Istoriya stanovleniya sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya detey v Rossii: dva "Zolotykh perioda" [History of the Formation of the System of Children's Supplementary Education in Russia: Two "Golden Periods"]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 89–103.
14. Koval', M.B. (1993) *Pedagogika vneshkol'nogo uchrezhdeniya* [Pedagogy of Out-of-School Institutions]. Orenburg: Yuzhnyy Ural.

Информация об авторе:

Власова Ю.А. – канд. психол. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yuliatrif@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.A. Vlasova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yuliatrif@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/514/19

Время говорения студентов и преподавателя вуза на иностранном языке: сбалансированное соотношение при личностно-ориентированном подходе

Ольга Владимировна Козлова¹, Светлана Михайловна Герцен²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ ol.v.kozlova@utmn.ru

² s.m.gercen@utmn.ru

Аннотация. Процесс обучения иностранному языку в условиях реализуемого личностно-ориентированного подхода в высшем образовании предусматривает создание благоприятной атмосферы посредством сбалансированного соотношения времени говорения преподавателя и студентов. Представлены результаты исследования, охватившего 723 участника, которые являются студентами и преподавателями российского вуза. Разработаны рекомендации по созданию благоприятной атмосферы для увеличения говорения студентов вуза на иностранном языке.

Ключевые слова: время говорения студентов, время говорения преподавателя, сбалансированное соотношение, личностно-ориентированный подход, благоприятная атмосфера

Для цитирования: Козлова О.В., Герцен С.М. Время говорения студентов и преподавателя вуза на иностранном языке: сбалансированное соотношение при личностно-ориентированном подходе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 166–172. doi: 10.17223/15617793/514/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/19

Student and teacher talking time in a foreign language in a university: Balanced correlation in the learner-centered approach

Olga V. Kozlova¹, Svetlana M. Gertsen²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ ol.v.kozlova@utmn.ru

² s.m.gercen@utmn.ru

Abstract. The process of teaching a foreign language in the implemented learner-centered approach provides for the creation of a favorable atmosphere through a balanced correlation of teacher talking time (TTT) and student talking time (STT). The aim of the article is to develop recommendations in creating a favorable atmosphere of a foreign language class by balancing the correlation between student and teacher talking time in the university environment. The authors present the approach, which motivates students to speak more, show their individuality, and develop intercultural communication. Currently, the intensive adoption of digital technologies into the higher education emphasizes the importance of personal communication of the process participants and arises the issue of achieving this balance. The article presents the results of a pilot study involving 723 participants, in particular, 628 first-year students of non-linguistic majors and 41 teachers of foreign languages. According to the Common European Framework of Reference for Languages, the university students who participated in the study were divided into Basic (A1), Pre-Intermediate (A2), Intermediate (B1–B2), and Advanced (C1) levels, whereas the majority of the respondents were of A2 level that presented the target group for perspective research. This study determines the presence of the problem set in higher education and identifies the percentage of teacher-student talking time, which varies from less than 30 up to 70 in the surveyed groups. The reliability of the research is justified by a set of survey modeling and qualitative methods. The authors prove the urgency of the research, analyze the survey results and provide sequential steps to balance STT-TTT ratio to achieve the best desirable effect. The authors developed recommendations to create effective communicative conditions encouraging university students to speak a second language more freely and fluently. In the framework of the learner-centered approach the teachers are recommended to use various techniques to increase student talking time, to pay individual attention to each student, to monitor individual interaction, to work with the group of students as a community, to create a story of student's personal success with the help of a success interactive board, and to value each student's opinion modeling alternative points of view, maintaining multilateral discussions, and demonstrating sincere appreciation of student's talk. The practical significance of the study consists in the possibility to apply the recommendations developed into practice in higher education institutions.

Keywords: student talking time, teacher talking time, balanced correlation, learner-centered approach, favorable atmosphere

For citation: Kozlova, O.V. & Gertsen, S.M. (2025) Student and teacher talking time in a foreign language in a university: Balanced correlation in the learner-centered approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 166–172. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/19

Введение

Опыт дистанционного обучения во время пандемии показал, что качество языковой подготовки специалистов высшего образования напрямую зависит от времени личного общения преподавателя со студентом, в частности от времени, выделяемого на возможность активного говорения обучаемого, по сравнению с пассивным восприятием материала в процессе изучения английского языка как иностранного. В информационном обществе проблема стимулирования говорения студентов на иностранном языке свободно и независимо, в непринужденной обстановке, имитирующей повседневные ситуации, особенно обостряется, так как погружение студента в интерактивные технологии, с одной стороны, отдаляет его от личного общения, а, с другой – может использоваться для персонализации обучения, реализующегося посредством личностно-ориентированного подхода. Тезис об информационном обществе должен пониматься как тезис о смене «социотехнической системы» [1].

В последнее время наряду с интенсивным развитием цифровых технологий актуализируется проблема соотношения времени общения студентов (STT) с преподавателем вуза на занятии. Время говорения преподавателя (TTT) относится к объему времени, которое он тратит на общение со студентами в рамках практического занятия или в процессе открытых дискуссий. В частности, на занятиях по английскому языку студентам нужно уделять больше времени, чтобы они могли говорить более продолжительное время: изучение иностранного языка происходит быстрее, когда непосредственной практике ранее изученного уделяется больше времени. Некоторые исследователи утверждают, что обучающиеся должны говорить 70% времени на занятии, а преподаватели – 30% [2. Р. 15]. Несомненно, некоторые этапы обучения могут потребовать более продолжительных объяснений со стороны преподавателя, в то время как на другие виды деятельности требуется минимальное количество объяснений, а 90% времени и более может быть уделено разговорной деятельности. Но данное соотношение 70% на 30% целесообразно в большинстве учебных ситуаций. Зарубежные исследователи отмечают, что обучение студентов в азиатских странах, например в Китае, сфокусировано на пассивном восприятии материала [3], подобная тенденция наблюдается и в России. Важная роль в преодолении психологических барьеров эмоциональной сферы у студента, по мнению исследователей, отводится формированию навыков в управлении своими эмоциями и чувствами. Необходимо научить понимать свои эмоциональные состояния и причины, вызывающие их, способствовать формированию адекватной самооценки, которая позволит правильно соотносить свои силы при выполнении задач разной трудности [4].

Данное исследование направлено на изучение проблемы сбалансированного соотношения TTT и STT на занятиях по иностранному языку в вузе. Новизна заключается в том, что авторами предложены цифровые инструменты для реализации разработанных рекомендаций по созданию благоприятной атмосферы для увеличения времени говорения студентов и сокращения времени говорения преподавателя. Цель статьи – разработать рекомендации по использованию инструментов информационных технологий для реализации благоприятной атмосферы на занятии по иностранному языку при сбалансированном соотношении TTT и STT в условиях цифровизации высшего образования. В ходе исследования авторы предприняли попытку провести анализ данного соотношения на языковых занятиях в вузе, насколько оно оправдано и достижимо, а также насколько оно применимо в литературе и к лингвистическому контенту. В проведенном исследовании, в котором приняло участие 723 респондента, было выявлено, что создание благоприятной атмосферы играет первостепенную роль для говорения студента на занятии по иностранному языку.

Особенностью нашего исследования является использование личностно-ориентированного подхода к способам уменьшения времени говорения преподавателя в целях увеличения времени говорения студентов в высшей школе. Личностно-ориентированный подход воздействует на все компоненты системы образования и способствует созданию благоприятной обучающей и воспитывающей среды для обучающегося. Педагогический тезаурус 2016 г. предлагает трактовку данного понятия как теоретико-методологическую основу современной педагогики, предполагающую учет и раскрытие индивидуальных, творческих особенностей обучающегося. В основе лежит социально-педагогическая, предметно-дидактическая и психологическая модель личности. Проблема личностно-ориентированного обучения в последние годы была предметом специальных исследований И.С. Якиманской, В.В. Серикова, Е.В. Бондаревской, И.Э. Унт и др., что позволяет авторам рассматривать ее в контексте высшей школы. Целью технологий личностно-ориентированного подхода в высшем образовании, также как и в современном информационном обществе, является не формирование заданных, а развитие индивидуальных когнитивных способностей личности [5. С. 63].

Многие из предыдущих исследований показали, что количество запланированного преподавателями времени говорения до занятия значительно отличалось от проведенных замеров. Так, авторы Б. Констадиновска-Стойчевска и И. Поповик предложили приемы и подходы к обучению для ограничения превышения времени говорения учителя в средней школе, которые могут быть использованы в вузе с целью оптимизации баланса между временем говорения преподавателя и студента [6]. Данные приемы и подходы включают:

управление исправлением ошибок, управление ответами и выявление ошибок, работу учащихся в парах и группах, достаточное время ожидания после выявления ошибок и разъяснение инструкций.

Стоит отметить, что в большинстве работ зарубежных и отечественных исследователей отмечаются негативные последствия чрезмерного количества времени высказывания преподавателя по отношению ко времени говорения учащегося. Л. Биллингс и Т. Робертс считают, что преподаватели, которые уделяют чрезмерное количество времени на объяснение материала на занятии, в результате не являются эффективными. Они отмечают, что хороший преподаватель иностранного языка должен стараться стимулировать учащихся к продуктивной деятельности в рамках открытого общения [7. Р. 60]. Многие исследователи сходятся во мнении, что длительные лекции преподавателя во время занятий иностранному языку не способствуют улучшению навыков аудирования у студентов. Данные исследования доказывают, что количество времени говорения преподавателя может быть обратно пропорционально степени активной деятельности студентов, т.е. чем больше количество времени говорения преподавателя, тем меньше студенты получают возможность практиковать иностранный язык на занятии и, следовательно, тем меньше эффективность урока.

Здесь важно отметить, что хотя чрезмерное время говорения преподавателя на занятии подверглось критике со стороны многих исследователей, они обычно не выступают за минимизацию времени, поскольку цель образовательной системы ранее соотносилась с пассивным обучением [8]. Вместо этого в ряде исследований скорее подчеркивалось качество или эффективность времени говорения преподавателя, чем количество [9]. Время говорения преподавателя должно быть отнесено к взаимодействию между преподавателями и студентами. При этом высказывания первых должны быть явными и соответствовать уровню обучающихся в аудитории. При таких условиях студент может слышать естественный язык учителя, потенциально стимулирующий его на высказывание [10]. Выделяют различные переменные, которые могут повлиять на количество времени говорения преподавателя (например, уровень, опыт и количество обучаемых), также время может варьироваться среди разных классов одного и того же преподавателя. В то время как С. Сильверс утверждает, что индивидуальный подход должен стать доминирующим, позволяя преподавателю измерять и анализировать определенный класс, который, в свою очередь, сам способствует оценке эффективности выбранного подхода к обучению [11].

Однако применение стандартных методов не всегда позволяет увеличить время говорения студента на занятии. Для измерения времени говорения участников занятия в предыдущих исследованиях количественные методы наблюдения применяются реже, чем качественные методы. Многие исследования посвящены видам говорения учителя в средней школе, например типам вопросов, которые могут быть общими, альтернативными или специальными. Большой интерес для ряда

исследователей вызывает вопрос того, как распространяется преподавательская речь, т.е. чем она отличается по функциям. Пока одни исследователи стремятся узко изучить языковые и педагогические возможности, внимание обучаемым уделяется в первую очередь у других авторов, которые отмечают, что исследования в классах изучения языка показывают, что учителя, как правило, говорят больше учеников, в целом около 60% времени [12].

Методология исследования

Согласно научной школе А.А. Леонтьева процесс воспитания определяется как целенаправленное формирование личности человека в интересах социума и самого человека в единстве этих интересов. Процесс обучения – это, в свою очередь, процесс формирования инвариантного образа мира, образа, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира. Такой инвариантный образ призван служить ориентировочной основой для эффективной целенаправленной деятельности человека в мире [13]. В рамках теории речевой деятельности А.А. Леонтьева для решения исследовательских задач, связанных с развитием индивидуальных когнитивных способностей личности и условиями формирования коммуникативно-речевой компетенции обучающихся, авторы обратились к использованию цифровых инструментов для повышения времени говорения обучающегося на иностранном языке в высшей школе. Таким образом, основным стратегическим направлением данного исследования стало признание речевой деятельности как приоритетной на занятиях по иностранному языку в вузе.

По коммуникативной методике в группах предположительного уровня соотношение времени говорения преподавателя и студента должно быть приблизительно равно – 50 на 50, для порогового уровня – 30 на 70; и чем выше уровень, тем больше времени студенты должны говорить на занятии. В среднем соотношение должно быть 20 на 80 в пользу студента. Чем больше говорит преподаватель, тем меньше времени остается у студента на говорение, а само занятие становится однообразным и скучным. Когда преподаватель много говорит, студенты начинают отвлекаться и плохо воспринимают информацию, что приводит к неэффективности занятия.

В частности, в Тюменском государственном университете успешно реализуется инновационная программа индивидуальных образовательных траекторий, тесно связанная с цифровизацией образования в Российской Федерации. Самоопределение и конкурентоспособность студента в информационном обществе зависит от благоприятных условий образовательного процесса, которым способствуют такие принципы личностно-ориентированного подхода, как максимальное раскрытие индивидуальных способностей обучающегося и его внутреннего мира, т.е. увеличение времени высказывания для студента.

Таким образом, различия между общением с преподавателем и разговором в других ситуациях относительно;

эти различия заключаются в том, насколько часто используются определенные языковые формы или функции, а не в том, используются они или нет. Но принципиальных различий в грамматическом качестве языка, на котором говорят обучаемые, не обнаруживается.

В рамках исследования, проведенного в ТюмГУ с февраля по июнь 2023 г. и охватившего 723 респондента, были использованы количественные методы. При проведении исследования авторы использовали методы системного анализа литературы по проблеме исследования, методы социологического опроса, метод статистической обработки результатов исследования. В рамках социологического опроса проводилось раздельное анкетирование (преподаватели и студенты) на платформе Yandex Forms.

Целью проводимого опроса было выявление способов сокращения времени говорения преподавателя и увеличения времени говорения студента на занятиях по иностранному языку в вузе, в конечном итоге повышая результаты обучения учащихся. В данной ситуации правильное управление соотношением времени говорения преподавателя и студента имеет решающее значение для создания увлекательной и интерактивной среды изучения языка. В задачи проводимого исследования вошли подсчет реального соотношения времени говорения преподавателя и студента на занятиях по иностранному языку в вузе, поиск баланса соотношения и изучение условий создания благоприятной среды изучения иностранного языка с применением цифровых технологий обучения. Время говорения преподавателя в данном случае рассматривается как параметр эффективности его деятельности.

Для получения обобщенных сведений студентам были заданы вопросы об уровне обучения иностранного языка, о наличии исследуемой проблемы и количестве времени говорения студентов на занятии. Для выявления трудностей и причин, препятствующих увеличению времени говорения студентов на занятии, студенты отвечали на вопросы о необходимости увеличения времени говорения студентов, уровне активности студентов на занятии. Степень заинтересованности студентов в обеспечении преподавателем благоприятной атмосферы для общения определили ответы на вопросы, посвященные наличию благоприятной атмосферы для говорения студента на занятии. Что касается технологии составления анкеты, у студентов мы уточнили следующее: 1) уровень группы, в которой они проходят обучение иностранному языку согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком (CEFR) [14]; 2) вариант оценки времени их говорения на занятии в процентном соотношении; 3) наличие необходимости увеличения такого времени с целью более эффективного изучения языка; 4) уровень их активности на занятии (низкий, средний, высокий); 5) мнение о том, создает ли преподаватель необходимые условия на занятии для стимулирования их говорения.

В свою очередь, для получения обобщенных сведений в отдельной анкете преподавателям были заданы вопросы об уровне имеющихся групп иностранного языка, о наличии указанной проблемы, коммуникативном поведении студентов, времени говорения

преподавателя, времени говорения студента. Для выявления типа преподавателя, преобладающего среди опрашиваемых, была предложена таблица с классификацией типов преподавателей на выбор [15].

В исследовании приняли участие 682 студента неязыковых направлений (бакалавриат, специалитет, первый курс, очная форма обучения) и 41 преподаватель иностранных языков (английского – 29, немецкого – 7, французского – 3, китайского – 1, испанского – 1) из ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (табл. 1).

Таблица 1
Соотношение уровней обучения групп респондентов

Уровень группы (CEFR)	Кол-во ответов студентов	Кол-во ответов преподавателей
Базовый (A1)	38	12
Предпороговый (A2)	460	27
Пороговый (B1-B2)	156	14
Продвинутый (C1)	28	7
Всего	682	60

При обработке полученных ответов выяснилось, что 67% студентов обучается в группах предпорогового уровня, 23% – порогового уровня, 6% – базового, и только 4% является студентами продвинутого уровня. Такие результаты определили целевую аудиторию нашего исследования, в которую входят студенты предпорогового уровня (A2), представляющие большую часть респондентов.

В связи с тем, что некоторые преподаватели работают в группах разного уровня, они выбрали более одного ответа, следовательно, суммарное количество ответов в последней колонке составляет 60 вместо 41.

Результаты исследования

При проведении исследования респондентам были предложены два вида анкет, включающих перекрестные вопросы для студентов и преподавателей, позволяющие провести сравнение результатов и выявить причины, препятствующие созданию благоприятной атмосферы для говорения студента на занятии.

Отвечая на вопрос «сколько времени, на ваш взгляд, занимает время говорения студентов на занятии по английскому языку?», 15 студентов полагают, что они говорят на занятии менее 30%, 60 студентов выбрали 30%, 158 – 50%, 263 студента оценили STT в 70%, а 186 опрошенных считают, что количество такого времени составляет более 70% (рис. 1).

Казалось бы, большинство респондентов отдали свой голос за 70%, а третья часть – более 70%, что является превосходным соотношением в пользу говорения студентов, и, как следствие, никакой проблемы ТТТ и STT не существует. Однако данная группа составляет 65%, в то время как в соответствии с осуществленным литературным обзором и выявленными рекомендациями она должна охватывать всех студентов предпорогового, порогового и продвинутого уровней, что эквивалентно 94%. Более того, сравнительный анализ показал, что в отличие от студентов мнение преподавателей при ответе на вопрос «сколько времени, на ваш взгляд, занимает

время говорения преподавателя на вашем занятии?» разделилось между вариантами «менее 30, 30% и 50%», суммарно 32 человека, лишь 9 человек отметили опцию «70%», и никто из опрошенных не выбрал «более 70%» (рис. 2).

Ответы студенческого контингента, полученные на третий вопрос «считаете ли вы, что с целью более эф-

фективного изучения английского языка время говорения студентов на занятии должно быть увеличено?», подтвердили наше предположение и актуальность исследования, так как 283 студента уверены в необходимости увеличения STT, 203 – не уверены, а 196 считают, что такой необходимости нет (41, 30 и 29% соответственно).

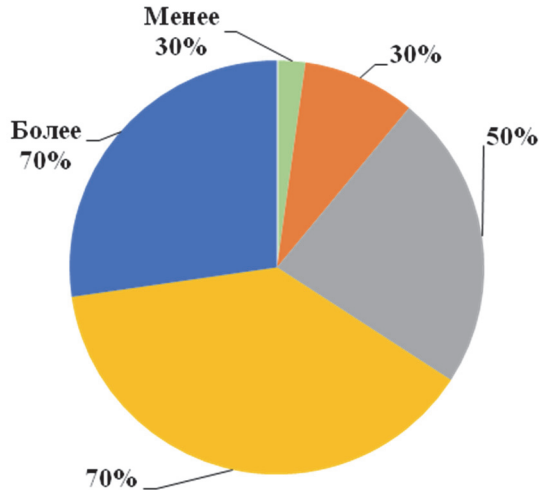

Рис. 1. Процентное соотношение STT

В результате корреляционного анализа было выявлено, что в отличие от мнения студентов большинство преподавателей считает, что проблема соотношения ТТТ и STT имеет место на занятиях. А именно 27 человек из 41 опрошенных преподавателей отметили наличие проблемы, и только 14 указали на ее отсутствие.

Далее, определяя свой уровень активности на занятии, 380 студентов выбрали высокий, 280 – средний, и 22 респондента охарактеризовали его как низкий. Абсолютное большинство (645 студентов или 94% опрошенных) считает, что преподаватель создает на занятии необходимые условия для стимулирования STT, лишь 26 – не уверены, а 11 респондентов (6% суммарно) полагают, что такие условия не создаются. Следовательно, мы получили наталкивающие на размышления результаты, так как, с одной стороны, они свидетельствуют о создании преподавателями требуемых условий и высоком уровне активности студентов, а с другой – о недостижении сбалансированного соотношения ТТТ и STT в объеме 94% по сравнению с 65% имеющимися для повышения эффективности иноязычной коммуникации в рамках личностно-ориентированного подхода.

При обработке последующих ответов, полученных от преподавателей, 27 человек работает в группах уровня А2, т.е. в целевых группах нашего исследования. Определяя процентное соотношение того времени, когда студенты не вовлечены в предлагаемые виды деятельности на занятии, большая часть преподавателей выбрала «менее 30, 30% и 50%» (39 из 41 опрошенных), что свидетельствует об осознании преподавателями проблематики увеличения времени STT и уменьшения ТТТ, но наряду с этим большинство студентов (283 из 682 опрошенных, что эквивалентно 41%) отдали свой голос за необходимость увеличения

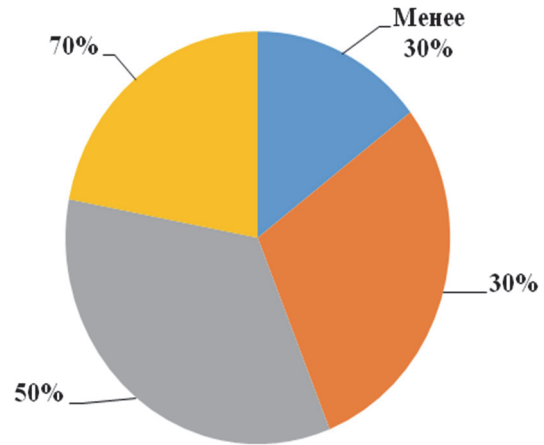

Рис. 2. Процентное соотношение ТТТ

времени их говорения на занятии. Из четырех типов преподавателей согласно классификации, предложенной Е.В. Гульман, О.В. Прудниковой, в частности «over-explainer», «pause-eater», «self-answerer», «echoer», 16 участников опроса отнесли себя к вышеуказанным типам, которые не способствуют созданию благоприятной коммуникативной среды на занятии, а 25 респондентов не выбрали ни один из предложенных вариантов (табл. 2).

Результаты опроса свидетельствуют, что по количеству студентов преобладают студенты предпорогового уровня владения иностранным языком, что представляет широкую возможность для реализации личностно-ориентированного подхода в рамках методики преподавания иностранных языков на неязыковых специальностях индивидуальных образовательных траекторий Тюменского государственного университета. Поэтому целесообразно использовать рекомендуемые методики повышения времени говорения для студентов данного уровня владения иностранным языком (А2).

Исследование показало, что признание речевой деятельности как приоритетной меняет стратегическое направление в высшем образовании. Применение личностно-ориентированный подхода в рамках теории речевой деятельности А.А. Леонтьева способствует повышению времени говорения студентов на иностранном языке, что особенно значимо для студентов базового и предпорогового уровней. Для получения уточненных результатов необходимо проведение дальнейшего исследования с опросом студентов и преподавателей, определяющим условия создания атмосферы, которая способствует свободному говорению студентов с применением предложенных авторами рекомендаций.

Таблица 2

Классификация типов преподавателей Е.В. Гульман, О.В. Прудниковой

Тип преподавателя	Характеристика
Over-explainer	Объясняет правило очень долго и в большом объеме, не позволяя студентам догадаться самим. Чтобы проверить понимание студентами материала, можно задать им проверочные вопросы
Pause-eater	Не дает студенту времени на обдумывание ответа и самостоятельно дополняет высказывание, заполняя тем самым паузы. Такое поведение преподавателя не дает шанса студенту понять вопрос, подобрать нужные слова и фразы для ответа и, как следствие, не научит грамматически правильно строить свое устное высказывание
Self-answerer	Не дает шанса студенту порассуждать над проблемой или вопросом, а самостоятельно отвечает на свои же вопросы. Если у студента возникает вопрос по пройденной теме, не стоит самому отвечать на него, а можно дать возможность остальным студентам в группе высказаться и применить полученные знания
Echoer	Частично или целиком повторяет ответ студента. Иногда это происходит непроизвольно, но все же лучше этого избегать путем уточняющих вопросов, которые будут вести ответ студента в нужном направлении

Заключение

При обработке результатов исследования было выявлено, что создание атмосферы, благоприятной для обучения, входит в обязанности преподавателя, который может применять личностно-ориентированный подход с целью сокращения времени своего говорения, что позволит студентам стать активными участниками занятия. Выявление ответов студентов и стимулирование их деятельности, которая способствует коммуникации на иностранном языке, позволяет студентам интегрировать иностранный язык со своей индивидуальностью и чувствовать себя в большей безопасности. Также студенты должны иметь возможность решить для себя, как выражать и передавать свои мысли. Таким образом, студентам предоставляется возможность

выбирать грамматическую форму, которую они будут использовать в зависимости от социального контекста, в котором находятся говорящие в конкретный момент.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что создание благоприятной атмосферы способствует увеличению времени говорения студентов на занятии иностранному языку при соблюдении следующих выработанных рекомендаций (табл. 3).

Реализация представленных рекомендаций осуществляется с помощью использования преподавателем разнообразных методов увеличения времени говорения студента на занятии на основе личностно-ориентированного подхода, таких как сетевые мессенджеры, социальные сети, Яндекс Мессенджер, Deepl.com, learningapps.org, mindmaster.com и др.

Таблица 3

Рекомендации по созданию благоприятной атмосферы для увеличения времени говорения студентов вуза

Рекомендация	Характеристика
Уделять индивидуальное внимание	Приветствия и беседы со студентами. Индивидуализация личного внимания для каждого обучающегося
Отслеживать индивидуальное взаимодействие	Персональное обсуждение на иностранном языке тем из личной жизни студента, опираясь на интересы и повседневные дела студента
Работать с группой как с комьюнити	Создание групп в социальных сетях для межличностного общения на иностранном языке. Создание клубов по интересам
Создать историю индивидуального успеха	Создание интерактивной доски успеха для визуализации результатов обучения
Ценить точку зрения каждого студента	Использование разных сторон проблемы и искренняя демонстрация того, что преподаватель видит ценность различных точек зрения, позволяет студенту приобрести уверенность в высказывании на иностранном языке

Данные интерактивные платформы были апробированы авторами в условиях современной цифровой среды и показали положительные результаты повышения времени говорения студента на иностранном языке. В частности, общение в Яндекс Мессенджере позволяет уделить индивидуальное внимание студенту, включающее в себя приветствия и беседы. Например, с помощью вышеуказанного механизма реализуется индивидуализация личного внимания для каждого обучающегося. Преподаватель может поинтересоваться о его личных делах или непринужденно пообщаться о предстоящем занятии на иностранном языке. Интерактивная платформа learningapps.org позволяет отслеживать индивидуальное взаимодействие. Преподаватель ставит галочку напротив фамилии студента, с которым лично обсуждал какие-либо темы, хотя бы раз в неделю. Группа как комьюнити развивается на платформе mindmaster.com, где участники совместно редактируют небольшие комментарии, тем самым способствуя сокращению дистанции между пре-

подавателем и студентом. Постоянная похвала и вознаграждение даже за незначительные успехи, например создание интерактивной доски успеха, создают положительную атмосферу взаимодействия.

Моделирование альтернативных точек зрения, использование разных сторон проблемы и искренняя демонстрация того, что преподаватель видит ценность различных точек зрения, побуждает студентов с разными взглядами к высказыванию.

В результате исследования было установлено, что сбалансированное соотношение STT и TTT в основном зависит от уровня, типа студентов, их смешанных способностей. Следует приложить все усилия, чтобы побудить их говорить как можно больше, но особенности и естественные тенденции должны учитываться с первоочередной важностью. Тем не менее любой разговор, организованный на занятии по иностранному языку, должен быть осмысленным, чтобы повысить его ценность и достичь языковой независимости студентов, увеличив их время говорения.

Список источников

1. Науменко Т.В. Технологический аспект парадигмы информационного общества // Информационное общество. 2023. № 3. С. 2–7.
2. Ellis N.C. Implicit and explicit learning of language // *Implicit and explicit learning of language* / ed. by P. Rebuschat. Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2015. P. 3–23.
3. Bradford A.C. Getting students to speak up: classroom atmosphere is key // *English teaching forum*. 2022. Vol. 60 (3). P. 24–29.
4. Логинова Е.А., Морквина Е.А. Проблемы при изучении иностранного языка на неязыковых направлениях в ТюмГУ: вызовы и стратегии преодоления // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 485. С. 155–163. doi: 10.17223/15617793/485/17.
5. Тютюкова И.А. Педагогический тезаурус. М., 2016.
6. Kostadinovska-Stojchevska B., Popovikj I. Teacher talking time vs. Student talking time: moving from teacher-centered classroom to learner-centered classroom // *The International Journal of Applied Language Studies and Culture*. 2019. Vol. 2 (2). P. 25–31.
7. Billings L., Roberts T. From Mindless to Meaningful // *Educational Leadership*. 2014. Vol. 72 (3). P. 60–65.
8. Горлова Н.А. Методика обучения иностранному языку : в 2 ч. Ч. 1 : учеб. пособие. М. : Academia, 2018. 96 с.
9. Языкова Н.В., Макеева С.Н. Сущность и структура методической компетенции учителя иностранного языка // *Иностранные языки в школе*. 2012. № 7. С. 2–9.
10. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие. 6-е изд., стер. М. : Академия, 2009. 200 с.
11. Silvers S.M. Enliven your class and engage your students with fun facts // *English teaching forum*. 2023. Vol. 61 (1). P. 24–31.
12. Swick E. Practice makes perfect: Complete English all-in-one for ESL learners. Clarivate, 2019.
13. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 1 (27). С. 296–299.
14. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Companion volume. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2020. 278 p.
15. Гульман Е.В., Прудникова О.В. Соотношение Teacher Talking Time и Student Talking Time при обучении иностранному языку // *Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации : материалы 77-й науч. сессии ВГМУ, 26–27 янв. 2022, г. Витебск*. Витебск : ВГМУ, 2022. С. 442–444.

References

1. Naumenko, T.V. (2023) Tekhnologicheskii aspekt paradigmy informatsionnogo obshchestva [The Technological Aspect of the Information Society Paradigm]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 3. pp. 2–7.
2. Ellis, N.C. (2015) Implicit and explicit learning of language. In: Rebuschat, P. (ed.) *Implicit and explicit learning of language*. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins. pp. 3–23.
3. Bradford, A.C. (2022) Getting students to speak up: classroom atmosphere is key. *English Teaching Forum*. 60 (3). pp. 24–29.
4. Loginova, E.A. & Morkvina, E.A. (2022) Problems in Foreign Language Learning in Non-Linguistic Fields at the University of Tyumen: Challenges and Strategies for Overcoming Them. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 155–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/17
5. Tyut'kova, I.A. (2016) *Pedagogicheskii tezaurus* [Pedagogical Thesaurus]. Moscow.
6. Kostadinovska-Stojchevska, B. & Popovikj, I. (2019) Teacher talking time vs. Student talking time: moving from teacher-centered classroom to learner-centered classroom. *The International Journal of Applied Language Studies and Culture*. 2 (2). pp. 25–31.
7. Billings, L. & Roberts, T. (2014) From Mindless to Meaningful. *Educational Leadership*. 72 (3). pp. 60–65.
8. Gorlova, N.A. (2018) *Metodika obucheniya inostrannomu yazyku: v 2 ch.* [Methods of Teaching a Foreign Language: In 2 Parts]. Part 1. Moscow: Academia.
9. Yazykov, N.V. & Makeeva, S.N. (2012) Sushchnost' i struktura metodicheskoy kompetentsii uchitelya inostrannogo yazyka [The Essence and Structure of the Methodological Competence of a Foreign Language Teacher]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 7. pp. 2–9.
10. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2009) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Foreign Language Teaching: Linguodidactics and Methodology]. 6th edition. Moscow: Akademiya.
11. Silvers, S.M. (2023) Enliven your class and engage your students with fun facts. *English Teaching Forum*. 61 (1). pp. 24–31.
12. Swick, E. (2019) *Practice makes perfect: Complete English all-in-one for ESL learners*. Clarivate.
13. Leont'ev, A.A. (2016) Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic Consciousness and the Image of the World]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1 (27). pp. 296–299.
14. Council of Europe. (2020) *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment*. Companion volume. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
15. Gul'man, E.V. & Prudnikova, O.V. (2022) Sootnoshenie Teacher Talking Time i Student Talking Time pri obuchenii inostrannomu yazyku [The Ratio of Teacher Talking Time and Student Talking Time in Foreign Language Teaching]. In: *Dostizheniya fundamental'noy, klinicheskoy meditsiny i farmatsii: materialy 77-y nauch. sessii VGMU, 26–27 yanv. 2022, g. Vitebsk* [Achievements of Fundamental, Clinical Medicine and Pharmacy: Materials of the 77th Scientific Session of VSMU, January 26–27, 2022, Vitebsk]. Vitebsk: VSMU. pp. 442–444.

Информация об авторах:

Козлова О.В. – канд. пед. наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: ol.v.kozlova@utmn.ru

Герцен С.М. – канд. социол. наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: s.m.gercen@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Kozlova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ol.v.kozlova@utmn.ru

S.M. Gertsen, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s.m.gercen@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 14.03.2025;
approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 378.147:881.111.1+ 004.853
doi: 10.17223/15617793/514/20

Эмпирическое исследование влияния инструментов искусственного интеллекта на преподавание и изучение английского языка

Борис Викторович Пеньков¹, Лидия Ивановна Агафонова²

¹ Университет «Синергия», Москва, Россия, penkovlinguistics@gmail.com

² Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, liagafonova@herzen.spb.ru

Аннотация. Эмпирическое исследование направлено на анализ применения инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в образовательном процессе при изучении английского языка в высших учебных заведениях Российской Федерации. Проведенный анализ подчеркивает необходимость внедрения передовых технологических решений на основе ИИ в образовательную деятельность с целью обеспечения повышения уровня подготовки студентов и развитие у них компетенций, которые соответствуют требованиям экономики.

Ключевые слова: инструменты ИИ, обучение иностранным языкам, онлайн-обучение, сетевое сообщество, смешанное обучение, цифровое обучение, чат-бот

Для цитирования: Пеньков Б.В., Агафонова Л.И. Эмпирическое исследование влияния инструментов искусственного интеллекта на преподавание и изучение английского языка // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 173–181. doi: 10.17223/15617793/514/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/20

Empirical study of the impact of AI tools on the teaching and learning of the English language

Boris V. Penkov¹, Lidia I. Agafonova²

¹ Synergy University, Moscow, Russian Federation, penkovlinguistics@gmail.com

² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, liagafonova@herzen.spb.ru

Abstract. The empirical study is focused on the analysis of AI application in teaching and learning English at universities in the Russian Federation. The study examines aspects related to the potential for the systemic development of AI technologies in teaching and learning English as a second language, as well as the methodological foundations for organizing independent learning activities of students. The difficulties that arise in the process of curriculum development based on AI technologies and Big Data are identified and analyzed, and promising areas for further development with the advent of a methodology for teaching modern languages, including speaking, listening, reading, and written aspects using AI tools are proposed. Given modern economic challenges and the rapid development of technologies, the authors emphasize the need for regular reviews of teaching standards and curricula. This applies to both universities, where teaching foreign languages is part of the professional training, and general education institutions, where basic language competencies are developed. From the point of view of pedagogical practice, special attention is paid to the statistical analysis of the effectiveness of AI tools, which allows for the development of scientifically based methodological recommendations for teachers and learners. Thus, the article looks into the innovative methodology based on the integration of AI as an advanced technology in the educational process, which ensures the improvement of the quality of education and the formation of competences among faculty and students that are necessary in the context of the digital transformation of our society and local communities of practice.

Keywords: AI, AI tools, foreign language learning, online learning, network community, blended learning, digital learning, chatbot, AI-mediated language instruction, self-regulated learning, EFL learners, mixed-methods approach

For citation: Penkov, B.V. & Agafonova, L.I. (2025) Empirical study of the impact of AI tools on the teaching and learning of the English language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 173–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/20

Введение

В Российской Федерации принят Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Россий-

ской Федерации» и утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [1], в феврале 2024 г. Указом Президента РФ внесены изменения в Указ «О развитии искусственного

интеллекта в Российской Федерации» и национальную стратегию [2].

Технологии ИИ помогают преодолеть разрыв между людьми разного уровня образования, достатка, социального статуса и способствуют мотивации участников образовательного процесса, преодолению информационного и коммуникативного барьеров. Актуальность проблемы применения технологий, основанных на ИИ, обусловлена ростом уровня цифровизации образования, доступности и продолжающегося развития устройств и приложений, которые используются в процессе обучения иностранным языкам. Кроме того, появление инновационных инструментов общения, программного обеспечения для сотрудничества с целью реализации проектной деятельности на рабочем месте, определяет новые ожидания работодателей от выпускников. Введение ИИ-инструментов и их апробация на раннем этапе, в рамках образовательного и воспитательного процесса [3. Р. 167–168] через тренировку новых навыков и развитие умений на основе мирового опыта межкультурной коммуникации, представляется одним из приоритетов преподавания английского языка на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Постоянное совершенствование, в частности, управленческого письма ставит задачи перед преподавателем и образованием в целом, включающие поиск приоритетных направлений в разработке дидактического материала для реализации учебной программы. ИИ-инструменты, в том числе новые платформы и приложения, основанные на применении больших данных, наряду с традиционными средствами общения, задают педагогическую повестку и требуют от преподавателя формирования способности адаптироваться и экспериментировать, чтобы нацелить студента на универсальность и возможность работать в профессиях, которые будут изменяться или окажутся новыми. Система образования претерпела значительные трансформации за последнее десятилетие: стремительно развиваются технологии общения; ситуация с Covid стимулировала улучшение методик использования ИИ-инструментов повсеместно, в том числе в области преподавания английского языка и других учебных дисциплин, связанных с изучением языка и преподаванием на английском языке.

Исследовательской базой служат Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена и Университет «Синергия». Выборка включает 156 респондентов – студенты (90%) и преподаватели вузов (10%). В качестве методологической основы выступает анкетирование с использованием онлайн-платформы Гугл-формы; вопросы затрагивают аспекты практического применения цифровых инструментов в преподавании языка. Данные опроса визуализированы и проанализированы с целью описания восприятия включения ИИ в образовательный процесс. Применяется качественная методология для обзора комплексных и междисциплинарных явлений в области педагогических и дидактических аспектов внедрения ИИ-инструментов в условиях межкультурной коммуникации [4. Р. 3]. Кроме того, используются количественные методы анализа. Метод контент-анализа представляется качественно-количественным способом рассмотрения содержания ответов респондентов

для сегментации и измерения фактов и тенденций, отраженных в образовательном дискурсе и текстах. Этот метод исследования подходит для анализа того, какое освещение, например, в методической литературе получает рассматриваемый дидактический материал. Вторичное исследование – анализ материалов, которые уже прочитал кто-то другой, например обзоры статей на выбранную тематику.

Задачи эмпирического описания заключаются в характеристике текущей практики преподавания английского языка (прежде всего, в контексте межкультурного общения на рабочем месте, в ситуации управленческого и делового общения) в российских вузах (в РГПУ им. А.А. Герцена и Университете «Синергия», который является частным университетом в городской агломерации с сетью глобальных кампусов), а также в дифференциации на основе анализа ИИ-инструментов, используемых в учебной аудитории и за ее пределами и мотивирующих студентов достигать академического успеха; в анализе способов поддержки преподавателей в контексте повышения квалификации и обучения на протяжении всей жизни.

Следует отметить, что преподаватели и студенты сталкиваются с рисками в ходе применения инструментов ИИ (например, в области академической этики). Применение ИИ-технологий формирует универсальность, которая способствует адаптации к меняющейся профессиональной среде, требующей владения коммуникативными навыками и умениями, связанными с решением профессиональных задач в межкультурной среде, в ходе реализации проектов и выполнения поставленных задач с применением ИИ, а также посредством постоянного профессионального роста, улучшения корпоративной культуры и мотивации, которые основаны на цифровом характере деятельности и инновационном организационном поведении с использованием больших данных и ИИ. Такие технические, социальные и культурные компетенции развиваются в рамках семинарских занятий по английскому языку в профессиональной деятельности, при этом педагогическая методология опирается и на сетевые учебные сообщества, действующие по принципу виртуальных миров.

Литературный обзор

В научно-методической литературе обсуждаются перспективы применения ИИ в гуманитарных науках [5. С. 22; 6. С. 212–213; 7. С. 16]. Проблематика ИИ является актуальной благодаря, например, упрощенности представлений о таких технологиях, которые поддерживаются массовой культурой и СМИ, запросу на инновационную деятельность в сферах жизни и необходимости обработки больших данных. Такие факторы мотивируют применение решений на основе ИИ. Подходы к использованию ИИ в обучении иностранным языкам учитывают возможность адаптивных систем, автоматической проверки заданий и виртуальных ассистентов [8. С. 21–24]. Общие тенденции в области ИИ и обучения языкам включают обращение к чат-ботам, уделяя внимание их роли в развитии коммуникативных навыков и мотивационной составляющей,

предлагая примеры внедрения ботов в учебный процесс, фокусируясь на конкретных приложениях ИИ [9. Р. 57–58; 10. Р. 46–47].

Разрабатывается матрица инструментов ИИ, применяемая в лингвометодической подготовке преподавателей иностранного языка [11. С. 564–565]. В рамках научных исследований в области педагогики и лингводидактики осуществляется разработка комплексной матрицы инструментов ИИ, направленной на оптимизацию процесса лингвометодической подготовки педагогов, специализирующихся на преподавании английского языка. Данная матрица представляет систематизированную совокупность технологических решений, которые интегрируются в образовательный процесс с целью повышения его эффективности и адаптации к индивидуальным потребностям обучающихся.

В работах на тему использования инструментов ИИ в преподавании представлен обзор приложений ИИ, включающих адаптивные системы обучения, автоматизированную оценку эссе и управляемых искусственным интеллектом разговорных агентов (ботов). Некоторые авторы подчеркивают потенциал ИИ для персонализации опыта обучения и улучшения результатов для изучающих английский язык, предлагая общий обзор ИИ, не фокусируясь на конкретных приложениях [12. Р. 2505–2506; 13. С. 245–246]. Методологическая основа таких исследований базируется на принципах научно обоснованного подхода, включающего анализ педагогических практик, а также внедрение инновационных технологий обучения. В рамках методического аспекта внимание уделяется разработке алгоритмов, которые позволяют использовать ИИ для моделирования лингвистических ситуаций, что способствует формированию навыков критического мышления и профессиональной рефлексии.

Другие исследователи изучают использование адаптивных систем обучения на базе ИИ для преподавания английского как второго языка (ESL), подчеркивая роль алгоритмов машинного обучения в адаптации контента к индивидуальным потребностям учащихся и улучшении вовлеченности. Рассматриваются перспективы развития технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) [14. Р. 2–3]. С точки зрения педагогической технологии включение инструментов ИИ предусматривает создание интерактивных платформ, которые обеспечивают возможность моделирования реальных ситуаций общения. Это позволяет педагогам не только осваивать теоретические знания, но и развивать практические умения, необходимые для успешной коммуникации в мультикультурной образовательной среде, а студенты отрабатывают навыки, востребованные на рынке труда, также формируя новый уровень профессиональной компетентности, которая соответствует выбранной специальности [15. С. 82–83; 16. С. 102–103]. Дизайн и эффективность адаптивных систем обучения позволяют с помощью средств проверки грамматики и инструментов языкового перевода улучшить изучение английского языка, предлагая объективные преимущества [17. Р. 79–80].

Автоматическая оценка письменных работ также привлекает внимание исследователей, которые рассматривают эти инструменты для оценивания письменных работ на английском языке. Обсуждается использование разговорного ИИ, перспективы интеграции чат-ботов в образовательный процесс, разрабатывается структура для создания персонализированной методологии обучения с элементами ИИ, основанной на уровне владения языком студента, стилях обучения и целях [18. Р. 2–3]. ИИ может значительно повысить эффективность обучения английскому языку благодаря адаптивным системам обучения: анализируются модели персонализации обучения, характеризуются принципы использования помощников по письму на базе ИИ, таких как платформы Grammarly и Quillbot, для помощи изучающим английский язык в совершенствовании умений письменной речи, обсуждаются преимущества мгновенной обратной связи и проблемы зависимости от инструментов ИИ.

В процессе анализа успешности применения инструментов ИИ для развития умений письменной речи и в оценке уровня владения английским языком в разных видах речевой деятельности, включая помощь в написании эссе и автоматизированной оценке сочинения [19. Р. 49–50], а также устное тестирование на владение языком, подчеркивается потенциал ИИ для снижения предвзятости и повышения надежности и объективности оценок. С преподавания английского языка (здесь подчеркивается ведущая роль преподавателя) и обучения иностранному языку (в данном случае акцент делается на ключевом участии студента) фокус смещается на оценивание, предлагая критический взгляд на то, как ИИ может преобразовать методы контроля [20. Р. 4]. Анализируются технологии ИИ для оценки устной речи на английском языке, включая системы автоматической оценки произношения и беглости речи. Авторы обсуждают преимущества и ограничения таких систем, предлагая углубленный анализ конкретного аспекта ИИ – автоматической оценки [21. С. 10].

Таким образом, в некоторых работах внимание уделяется практическим приложениям, в то время как в других рассматриваются существующие технологии, освещаются способы, которыми ИИ может улучшить преподавание, изучение и оценку английского языка, от персонализированных путей обучения до автоматизированной обратной связи и оценки. Исследователи, применяя чат-боты для обучения английскому языку, описывают, как разговорный ИИ имитирует реальные разговоры, обеспечивая мгновенную обратную связь и поддерживая языковую практику за пределами класса, предлагая практическую перспективу того, как боты интегрируются в преподавание. Всесторонний обзор приложений ИИ в преподавании английского языка рассматривает адаптивные системы обучения, автоматизированную оценку эссе и управляемые искусственным интеллектом разговорные агенты, подчеркивая потенциал ИИ для персонализации учебного процесса.

Анализ использования инструментов ИИ преподавателями и студентами в образовательном процессе в высших учебных заведениях

Английский язык изучается в рамках разных дисциплин и применяется в качестве языка межнационального общения и языка науки наряду с другими международными языками, при этом методика преподавания иностранных языков взаимодействует с методикой преподавания смежных дисциплин, но имеет и особенности. Обучение с использованием ИИ и ботов является инновационным направлением в области педагогики. Авторы статьи рассматривают результаты анализа собственного анкетирования, прежде всего применительно к использованию инструментов ИИ в области методики преподавания иностранных языков (английского языка) в высших учебных заведениях.

При составлении вопросов для анкетирования внимание уделялось постановке разного типа вопросов, чтобы у отвечающих была возможность выбрать ответ из множественного выбора, а также поделиться опытом использования технологий ИИ в преподавании и обучении в форме открытых вопросов (в связи с технической необходимостью при визуализации в диаграммах вопросы переформулированы и сокращены для удобства отображения, а в тексте статьи приводятся полные версии вопросов с нашими комментариями). Вопросы позволяют провести общий анализ применяемых и не используемых инструментов ИИ при обучении аспектам языка, включая преподавание общего и профессионального языка.

Результаты онлайн-опроса характеризуют предпочтения студентов и преподавателей в отношении методик преподавания и обучения на основе ИИ по сравнению с традиционными педагогическими подходами к освоению языка. Значительное количество респондентов (39,4 %) отдают предпочтение сочетанию традиционного подхода с инструментами ИИ; проверенные временем методики преподавания воспринимаются как более понятные, хотя персонализированный опыт обучения и адаптивные механизмы обратной связи, характерные для цифровых технологий, учитывают индивидуальные стили обучения. 27,9% опрошенных делают выбор в пользу традиционных методов, указывая на важность межличностного взаимодействия и структурированной динамики в классе. Заметна склонность к методикам использования инструментов ИИ и одобрение интеграции ИИ-технологий в обучение английскому языку, благодаря их потенциалу в области повышения вовлеченности и облегчения дифференцированного обучения. В свою очередь, приверженность традиционным педагогическим практикам подчеркивает ценность устоявшихся рамок, при этом проявляется и сбалансированная точка зрения, признающая достоинства как современных, так и традиционных подходов. Подчеркивается необходимость педагогических шаблонов, которые гармонизируют прорывные достижения ИИ с основополагающими стратегиями обучения для оптимизации изучения английского языка (рис. 1).

Анализируя аспекты предпочтения респондентами традиционных методов обучения и инновационной методологии на основе ИИ, можно детализировать категориальные данные и сравнить группы предпочтений применения инновационных технологий традиционным методам изучения английского языка. В контексте опроса таблица иллюстрирует процент респондентов, которые формулируют мотивы выбора ИИ-инструментов или традиционных методик изучения и преподавания языка. 39,4% респондентов сообщают о предпочтительном сочетании традиционных и новых методов, 27,9% выбирают исключительно традиционные методы изучения языка, личный контакт и общение с преподавателем и другими студентами.

Рис. 1. Применение искусственного интеллекта и традиционные методы

Равное количество респондентов (18,3%) предпочитает традиционные методы изучения языка, потому что они эффективны для практики говорения и общения на языке; одинаковая величина ответивших указывает на выбор традиционных методов изучения языка, такие как учебники и занятия с преподавателем, – это свидетельствует о значительном количестве участников образовательного процесса, которые не отказываются от традиционных подходов, возможно, данные подчеркивают консерватизм респондентов. Приблизительно столько же участников опроса (17,3%) предпочитают использовать инструменты ИИ и чат-боты, так как с их помощью студенты изучают английский язык в любое время и в разных локациях, работая с личными мобильными устройствами или компьютерами. Равное число респондентов выделяют применение ИИ, потому что они предоставляют студентам удобный доступ к значительным ресурсам для изучения языка, включая тексты, аудио- и видеоматериалы. И только 10,6% отвечающих обращаются к инструментам в связи с возможностью индивидуализированного подхода к обучению, адаптированного к уровню и потребностям каждого студента. Лишь 5,8% предпочитают использовать ИИ вместо традиционных методов изучения языка, потому что они могут быть более удобными и доступными. В целом столбчатая диаграмма обозначает различия в предпочтениях, подчеркивает значительное преимущество ИИ-инструментов, поддерживает педа-

гогические решения и распределение ресурсов, детализирует особенности выбора преподавателей и студентов в отношении ИИ. Высокий процент респондентов, голосующих за сочетание традиционных методов обучения и методов, основанных на технологиях ИИ, может указывать на эффективность старых и новых методов в стратегиях освоения языка, что не противоречит социолингвистическим теориям, которые описывают интерактивные среды обучения – физические и виртуальные.

Методологические последствия внедрения инструментов ИИ в преподавание языка отражают сдвиг в сторону цифровой грамотности и мультимодальной коммуникации.

Принимавшие участие в анкетировании отмечают, что при планировании обучения иностранным языкам преподавателям важно знать, какие средства, созданные на основе ИИ, известны студентам; какие удобные приложения, платформы, сайты доступны для личного использования повсеместно, а также в учебном заведении (в классе, в компьютерной лаборатории или в библиотеке) и дома. Необходимо разрабатывать учебные материалы и методические рекомендации для обучающихся, а также оказывать им техническую и образовательную поддержку в форме чатов и онлайн-групп, наставничества и тренингов, в том числе в рамках клубов, созданных по принципу сообществ практик, на официальных образовательных платформах учебного заведения и в социальных сетях, которые регулярно используют студенты для общения (необходимо перенаправить такие ресурсы в сторону получения образовательного опыта, новых знаний, отработки навыков, этического и эстетического воспитания) [22. С. 112; 23. С. 167–168]. Обучение с помощью инструментов ИИ является перспективным направлением методики преподавания иностранных языков, однако необходимо разрабатывать методические рекомендации по их использованию и для преподавателей, и для обучаемых.

Перейдем к описанию других результатов анкетирования. Данные, представленные в виде графика (рис. 2), показывают опыт студентов и преподавателей в работе с образовательными онлайн-платформами, с массовыми открытыми курсами, такими как Coursera и OpenLearning. 22,9% опрошенных сообщают о предпочтении платформы Coursera, указывая на разнообразие предложенных курсов и структурированные пути обучения как на ключевые факторы, влияющие на выбор. Напротив, несколько меньше, а именно 16%, отдают предпочтение сайту OpenLearning, который связывают с гибкостью и неформальной средой обучения. На третьем месте стоит образовательная система Skillshare: 8,3% участников анкетирования предпочитают эту платформу из-за практических, основанных на формировании навыков и умений курсов, которые хорошо согласуются с современными педагогическими методами, в то время как 7,3% респондентов выбирают сайт Lynda.com. При этом 18,8% респондентов указывают, что не использовали данные технологии. Эти тенденции свидетельствуют о том, что в то время, как рассматриваемые платформы предлагают структурированный и аккредитованный опыт обучения, преподаватели и

студенты отдают приоритет практическому применению знаний, навыков и умений, подчеркивая потенциальный разрыв между респондентами, которые пользуются рассматриваемыми образовательными возможностями и теми, кто еще не апробировал данные инструменты в области изучения английского языка. Результаты акцентируют необходимость дальнейшего описания стратегий и приемов удовлетворения потребностей студентов и преподавателей в условиях меняющегося ландшафта онлайн-образования, ориентированного на внедрение инструментов ИИ.

Рис. 2. Практика применения образовательных платформ

Студенты и преподаватели отмечают технические трудности, которые испытывают при обращении к платформам. С методической точки зрения одной из ключевых трудностей является недостаточная адаптация интерфейсов ИИ-инструментов под специфику образовательных задач, что влияет на эффективность педагогической деятельности и показатели учебных результатов. Преподаватели отмечают проблемы интеграции ИИ-платформ в существующие системы управления обучением (LMS), что требует дополнительных временных и технических ресурсов. Студенты, в свою очередь, испытывают сложности с настройкой и использованием этих инструментов из-за отсутствия четких инструкций или недостаточного уровня технической подготовки.

С педагогической и дидактической позиций технические трудности могут проявляться в ограниченной функциональности ИИ-инструментов, которые не всегда учитывают индивидуальные особенности обучающихся. Системы автоматической проверки заданий иногда некорректно оценивают творческие работы или ответы на кейсы, требующие нестандартных решений. Это приводит к снижению мотивации студентов и необходимости дополнительного вмешательства со стороны преподавателя. Некоторые бесплатные ресурсы перегружены рекламой или имеют ограничения доступа, вызванные различными факторами.

С методологической точки зрения технические трудности связаны с отсутствием единых стандартов использования ИИ в образовании, что создает барьеры для обмена опытом между педагогами и ограничивает

возможности масштабирования успешных практик. Несоответствия в технических требованиях к оборудованию или программному обеспечению затрудняют совместную работу студентов и преподавателей из разных учебных заведений, регионов и стран. Для преодоления трудностей необходимо разрабатывать комплексные подходы, включающие повышение цифровой грамотности, совершенствование технической инфраструктуры и создание адаптивных решений, основанных на использовании ИИ и учитывающих специфику образовательного процесса и преподавания английского языка.

В рамках исследования проведена количественная и качественная оценка степени использования инструментов ИИ в процессе изучения английского языка, что позволяет выявить ключевые тенденции и закономерности в образовательной практике. Для анализа полученных данных использовались статистические методы, включая описательную статистику, определяющую частоту использования ИИ-инструментов (рис. 3).

Рис. 3. Опыт применения ИИ в изучении и обучении английскому языку

Диаграмма отражает пропорциональное распределение отношения преподавателей и студентов к новым средствам обучения, основанным на ИИ. Чуть больше половины опрошенных (51,9%) отмечают, что не обращались к таким инструментами; это может указывать на скептическое или нейтральное отношение, а также об отсутствии понимания перспектив использования или низкого владения новыми технологиями; возможно, респонденты выражают обеспокоенность по поводу чрезмерной зависимости от ИИ и его влияния на критическое мышление, сюда можно отнести неопределившихся или безразличных, в то время как приблизительно половина участников опроса (40,4%) применяет ИИ-технологии, возможно, с большим энтузиазмом, и осознает практическую значимость таких инструментов, их эффективность и результативность для решения задач обучения. Круговая диаграмма подчеркивает почти равное разделение между энтузиазмом и скептицизмом, демонстрируя поляризованную реакцию принявших участие в опросе. Дихотомия отражает социологическую напряженность между технологическими инновациями и традиционными педагогическими ценностями. Такой большой отрицающий сегмент предполагает необходимость в достаточном количестве мероприятий для методической поддержки с целью демонстрации эффективности инструментов

ИИ в преподавании английского языка. Круговая диаграмма служит визуальным представлением пропорций и полезна для иллюстрации распределения отношения респондентов к интеграции ИИ в преподавание и обучение, свидетельствует об уровне комфорта преподавателей и обучающихся по отношению к цифровым инструментам, используемым для индивидуального и совместного обучения.

Рис. 4 показывает эффективность применения ИИ и чат-ботов с целью улучшения навыков и развития умений в английском языке.

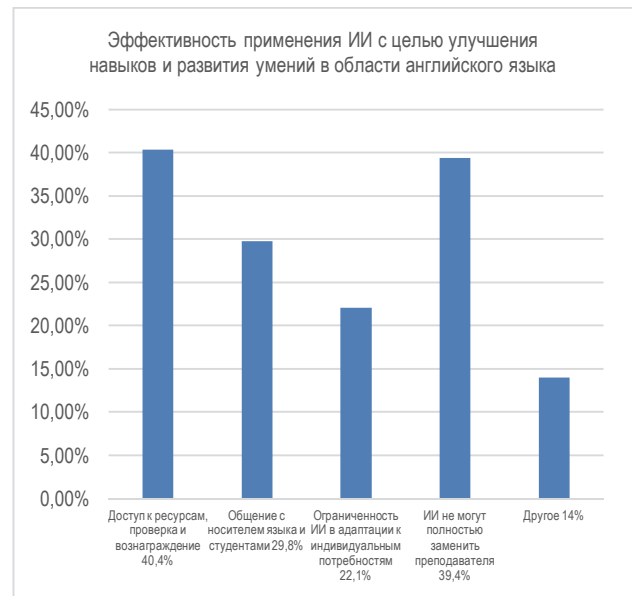

Рис. 4. Анализ результативности ИИ в обучении английскому языку

Столбчатая диаграмма позволяет провести сравнительный анализ продуктивности инструментов, основанных на ИИ, в процессе обучения иностранному языку. Визуальное представление частоты или процента использования ИИ-инструментов подтверждает эффективность, по мнению респондентов, применения ИИ и чат-ботов с целью улучшения навыков и развития умений в английском языке. 40,4% респондентов считают, что такие технологии предоставляют студентам доступ к массивам данных и генерируют контент для задействования в качестве материала для тренировки чтения, прослушивания, говорения и письма, а также предлагает возможности автоматической проверки на основе ИИ. При этом 39,4% участников опроса утверждают, что платформы для самостоятельного изучения языка, основанные на технологиях ИИ, не могут полностью заменить преподавателей и практику общения с носителем языка, что ставит в некотором смысле под сомнение применение чат-ботов на основе ИИ для разговорной практики. 29,8% опрошенных считают, чтобы улучшить иноязычные навыки и умения, необходимо практиковать общение на английском языке с носителем языка и другими студентами. 22,1% респондентов указывают на ограниченность возможностей ИИ и чат-ботов в сфере адаптации к индивидуальным потребностям каждого студента, в то время как преподаватели (в отличие от ботов) способны создавать персонализированные уроки и

задания, которые соответствуют уровню и потребностям каждого студента. Гистограмма показывает значительное различие в показателях полезности, причем наибольшее количество респондентов отмечают предоставление студентам доступа к обширному контенту. Примерно равное количество ответивших утверждает, что инструменты ИИ не могут полностью заменить преподавателей и практику с носителем языка. Эта точка зрения объясняется, с одной стороны, простотой интеграции цифровых технологий в действующие учебные планы и их немедленной полезностью для коррекции речевых навыков и умений, а с другой – опасениями по поводу целесообразности использования данных инноваций из-за оторванности от реальности. Просматривается тенденция к восприятию обсуждаемых параметров эффективности с позитивной точки зрения, т.е. более широкое внедрение может отражать действенность методик в области педагогики, ориентированной на точность, где преподаватели отдают приоритет языковой правильности над коммуникативной компетентностью. Более низкое внедрение чат-ботов на основе ИИ может быть связано с более высокими затратами на качественные и дорогие опции в приложениях или ограниченными бюджетами образовательных организаций, выделяемыми на инструменты ИИ.

Заключение

Проведенное исследование представляет эмпирический анализ внедрения инструментов ИИ в образовательную деятельность, направленную на изучение английского языка в высших учебных заведениях. Рассмотрены аспекты, связанные с системной интеграцией ИИ-технологий в методику преподавания английского языка, а также методологические принципы организации самостоятельной познавательной деятельности обучающихся. На основе статистического анализа данных выявлены основные трудности, возникающие при адаптации ИИ-инструментов в образовательный процесс, такие как недостаточная техническая оснащенность, низкий уровень цифровой грамотности среди преподавателей и студентов, а также необходимость пересмотра существующих педагогических подходов. Исследование подтверждает высокий потенциал ИИ-технологий для совершенствования методик формирования иноязычной компетентности. С учетом экономических вызовов и динамичного развития технологий, авторы акцентируют внимание на необходимости регулярного обновления образовательных стандартов и учебных программ по английскому языку. Это касается как высшей школы, где преподавание иностранных языков является элементом профессиональной подготовки, так и общеобразовательных учре-

ждений, где закладываются основы языковой грамотности. В контексте инновационного менеджмента в образовании значение приобретает разработка научно обоснованных методических рекомендаций, основанных на статистических данных об эффективности использования ИИ-инструментов, с целью оптимизации процесса обучения, повышения его результативности и формирования у студентов ключевых компетенций, соответствующих требованиям цифровой эпохи. Исследование подтверждает действенность методологического подхода к интеграции инновационных технологий в образовательный процесс, результаты работы демонстрируют, что системное внедрение ИИ-инструментов способствует не только повышению качества обучения английскому языку, но и тренировке у обучающихся навыков, необходимых для результативной адаптации в условиях цифровой трансформации общества.

Интеграция ИИ-технологий в процесс преподавания английского языка требует пересмотра существующих педагогических и методических подходов. Разработка научно обоснованных методических рекомендаций на основе эмпирических данных способствует оптимизации образовательного процесса. Системное внедрение ИИ-технологий в образовательную практику открывает новые перспективы для повышения качества обучения и формирования цифровых компетенций у преподавателей и студентов. Результаты исследования могут быть использованы в педагогической практике, а также при разработке стратегий инновационного развития образовательных систем. Хотя ИИ-технологии берут на себя многие функции преподавателей иностранных языков, на данный момент их можно использовать для повышения образовательных усилий, а не для полной замены преподавателей. С помощью высокотехнологичных чат-ботов допустимо разрабатывать дидактические единицы, создавать кейсы и практические задания на все виды речевой деятельности, проводить исследования ключевых слов, заголовков блогов, описания контента, написания электронных писем, сообщений в социальных сетях на английском языке. Тем не менее от преподавателей и студентов требуется проверять результаты выполнения таких дидактических заданий, поскольку искусственному интеллекту иногда не хватает понимания некоторых лингвистических особенностей, необходимых для создания текста и контента на высоком профессиональном уровне, отвечающем стандартам и рекомендациям, которые предъявляются к освоению программы обучения и к решению творческих заданий. ИИ – необходимый инструмент, который не заменяет работу эксперта, преподавателя и методиста, а лишь ограниченно берет на себя некоторые рутинные обязанности.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184 (дата обращения: 02.02.2025).
2. Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963 (дата обращения: 02.02.2025).
3. Lettieri M. Embracing Empathy: How AI Technologies Enhance the Pedagogy of Kindness in Education // Redefining Education with Pandemic Pedagogies. IGI Global, 2025. P. 167–186.

4. Annamalai N., Rashid R.A., Hashmi U.M., Mohamed M., Alqaryouti M.H., Sadeq A.E. Using Chatbots for English Language Learning in Higher Education // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 5. Art. No. 100153. doi: 10.1016/j.caeai.2023.100153
5. Дзялошинский И.М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022. № 21(6). С. 20–29. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29
6. Варданян Ю.В., Варданян Л.В., Рябова Н.В., Шукшина Т.И. Педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 508. С. 211–220. doi: 10.17223/15617793/508/23
7. Каплунович С.М., Каплунович И.Я. Педагог VS искусственный интеллект: современные реалии и перспективы // *Гуманитарные науки (г. Ялта)*. 2024. № 2 (66). С. 15–20.
8. Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. № 2. С. 18–37. doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2
9. Camp J.W., Johnson H. AI as Designated Designer: Training Public-Speaking Students to Use Beautiful.AI or their Slide Presentations // *Communication Teacher*. 2025. Vol. 39, Is. 1. P. 56–60.
10. Ali J.K.M., Shamsan M.A.A., Hezam T.A., Mohammed A.A.Q. Impact of ChatGPT on Learning Motivation: Teachers and Students' Voices // *Journal of English Studies in Arabia Felix*. 2023. Vol. 2 (1). P. 41–49. doi: 10.56540/jesaf.v2i1.51
11. Сысоев П.В., Филатов Е.М., Евстигнеев М.Н., Поляков О.Г., Евстигнеева И.А., Сорокин Д.О. Матрица инструментов искусственного интеллекта в лингвометодической подготовке будущих учителей иностранного языка // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 29, № 3. С. 559–588. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588
12. Crompton H., Edmett A., Ichaporia N., Burke D. AI and English Language Teaching: Affordances and Challenges // *British Journal of Educational Technology*. 2024. Vol. 55. P. 2503–2529. doi: 10.1111/bjet.13460
13. Рольгайзер А.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в практике преподавания иностранного языка // *Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. по материалам XXXII Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 21–22 апреля 2022 г. Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2022. С. 243–248.*
14. Supriyono, Wibawa A.P., Suyono, Kurniawan F. Advancements in natural language processing: Implications, challenges, and future directions // *Telematics and Informatics Reports*. 2024. Vol. 16. Art. No. 100173. doi: 10.1016/j.teler.2024.100173
15. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Иноязычная подготовка студентов инженерного профиля в контексте новых требований рынка труда // *Языковая политика и лингвистическая безопасность : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. интерактивного научно-образовательного форума, Нижний Новгород, 23–25 октября 2023 года. Н. Новгород : Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2024. С. 81–87.*
16. Пеньков Б.В., Агафонова Л.И., Виноградова Е.В. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации преподавания английского языка: теоретические и практические аспекты // *Философия образования*. 2025. Т. 25, № 1. С. 93–108. doi: 10.15372/PHE20250106
17. Isotalus P., Eklund M., Karppinen K. Artificial Intelligence as a Feedback Provider in Practicing Public Speaking // *Communication Teacher*. 2025. Vol. 39, Is. 1. P. 78–85.
18. Li B., Lowell V. L., Wang C., Li X. A Systematic Review of the First Year of Publications on ChatGPT and Language Education: Examining Research on ChatGPT's Use in Language Learning and Teaching // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Vol. 7. Art. No. 100266. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100266
19. Fitria T.N. Artificial Intelligence (AI) Technology in OpenAI ChatGPT Application: A Review of ChatGPT in Writing English Essay // *ELT Forum: Journal of English Language Teaching*. 2023. Vol. 12 (1). P. 44–58. doi: 10.15294/elt.v12i1.64069
20. Halkiopoulos C., Gkintoni E. Leveraging AI in E-Learning: Personalized Learning and Adaptive Assessment through Cognitive Neuropsychology – A Systematic Analysis // *Electronics*. 2024. Vol. 13 (18). Art. No. 3762. doi: 10.3390/electronics13183762
21. Молчанова Г.Г. Искусственный интеллект как вызов и как проблема (аналитический обзор) // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. № 2. С. 9–17.
22. Алферьева А.А. Искусственный интеллект в образовании: как адаптивное обучение и цифровые ассистенты меняют подход к обучению и воспитанию подростков // *Вестник науки*. 2025. Т. 1, № 1 (82). С. 111–119.
23. Агафонова Л.И., Пеньков Б.В., Смоленчук О.Ю. Искусственный интеллект в рамках смешанного обучения английскому языку // *Язык и культура : сб. ст. XXXIV Междунар. науч. конф. (15–17 октября 2024 г.) / отв. ред. С.К. Гураль. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. С. 167–171.*

References

1. ConsultantPlus. (2024) *Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, No. 490 (as amended on February 15, 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030")*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184 (Accessed: 02.02.2025). (In Russian).
2. ConsultantPlus. (2024) *Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024, No. 124 "On Amending the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, No. 490 'On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation' and the National Strategy Approved by this Decree"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963 (Accessed: 02.02.2025). (In Russian).
3. Lettieri, M. (2025) Embracing Empathy: How AI Technologies Enhance the Pedagogy of Kindness in Education. In: *Redefining Education with Pandemic Pedagogies*. IGI Global. pp. 167–186.
4. Annamalai, N., Rashid, R.A., Hashmi, U.M., Mohamed, M., Alqaryouti, M.H. & Sadeq, A.E. (2023) Using Chatbots for English Language Learning in Higher Education. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 5. Art. No. 100153. doi: 10.1016/j.caeai.2023.100153
5. Dzyaloshinskiy, I.M. (2022) *Iskusstvennyy intellekt: gumanitarnaya perspektiva* [Artificial Intelligence: A Humanitarian Perspective]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 21 (6). pp. 20–29. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29
6. Vardanyan, Yu.V., Vardanyan, L.V., Ryabova, N.V. & Shukshina, T.I. (2024) Pedagogical Approaches to Regulating the Admission of Artificial Intelligence in Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 211–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/23
7. Kaplunovich, S.M. & Kaplunovich, I.Ya. (2024) Pedagog VS iskusstvennyy intellekt: sovremennye realii i perspektivy [Teacher VS Artificial Intelligence: Modern Realities and Prospects]. *Gumanitarnye nauki* (Yalta). 2 (66). pp. 15–20.
8. Titova, S.V. (2024) *Tekhnologicheskie resheniya na baze iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam* [AI-Based Technological Solutions in Foreign Language Teaching]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 18–37. doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2
9. Camp, J.W. & Johnson, H. (2025) AI as Designated Designer: Training Public-Speaking Students to Use Beautiful.AI or their Slide Presentations. *Communication Teacher*. 39 (1). pp. 56–60.
10. Ali, J.K.M., Shamsan, M.A.A., Hezam, T.A. & Mohammed, A.A.Q. (2023) Impact of ChatGPT on Learning Motivation: Teachers and Students' Voices. *Journal of English Studies in Arabia Felix*. 2 (1). pp. 41–49. doi: 10.56540/jesaf.v2i1.51
11. Sysoev, P.V., Filatov, E.M., Evstigneev, M.N., Polyakov, O.G., Evstigneeva, I.A. & Sorokin, D.O. (2024) *Matritsa instrumentov iskusstvennogo intellekta v lingvometricheskoj podgotovke budushchikh uchiteley inostrannogo yazyka* [A Matrix of Artificial Intelligence Tools in the Linguo-

- Methodological Training of Future Foreign Language Teachers]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 29 (3). pp. 559–588. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588
12. Crompton, H., Edmett, A., Ichaporia, N. & Burke, D. (2024) AI and English Language Teaching: Affordances and Challenges. *British Journal of Educational Technology*. 55. pp. 2503–2529. doi: 10.1111/bjet.13460
13. Rol'gayzer, A.A. (2022) [Prospects for Using Artificial Intelligence in Foreign Language Teaching Practice]. *Aktual'nye voprosy lingvovodidaktiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current Issues in Linguodidactics and Methods of Teaching Foreign Languages]. Proceedings of the XXXII International Conference. Cheboksary. 21–22 April 2022. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 243–248. (In Russian).
14. Supriyono, Wibawa, A.P., Suyono & Kurniawan, F. (2024) Advancements in natural language processing: Implications, challenges, and future directions. *Telematics and Informatics Reports*. 16. Art. No. 100173. doi: 10.1016/j.teler.2024.100173
15. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2024) [Foreign Language Training of Engineering Students in the Context of New Labor Market Requirements]. In: *Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost'* [Language Policy and Linguistic Security]. Proceedings of the VII International Interactive Scientific and Educational Forum. Nizhny Novgorod. 23–25 October 2023. Nizhny Novgorod: Linguistic University of Nizhny Novgorod. pp. 81–87. (In Russian).
16. Pen'kov, B.V., Agafonova, L.I. & Vinogradova, E.V. (2025) *Iskusstvennyy intellekt kak instrument optimizatsii prepodavaniya angliyskogo yazyka: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Artificial Intelligence as a Tool for Optimizing English Language Teaching: Theoretical and Practical Aspects]. *Filosofiya obrazovaniya*. 25 (1). pp. 93–108. doi: 10.15372/PHE20250106
17. Isotalus, P., Eklund, M. & Karppinen, K. (2025) Artificial Intelligence as a Feedback Provider in Practicing Public Speaking. *Communication Teacher*. 39 (1). pp. 78–85.
18. Li, B., Lowell, V. L., Wang, C. & Li, X. (2024) A Systematic Review of the First Year of Publications on ChatGPT and Language Education: Examining Research on ChatgPT's Use in Language Learning and Teaching. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 7. Art. No. 100266. doi: 10.1016/j.caeai.2024.100266
19. Fitria, T.N. (2023) Artificial Intelligence (AI) Technology in OpenAI ChatGPT Application: A Review of ChatGPT in Writing English Essay. *ELT Forum: Journal of English Language Teaching*. 12 (1). pp. 44–58. doi: 10.15294/elt.v12i1.64069
20. Halkiopoulou, C. & Gkintoni, E. (2024) Leveraging AI in E-Learning: Personalized Learning and Adaptive Assessment through Cognitive Neuropsychology – A Systematic Analysis. *Electronics*. 13 (18). Art. No. 3762. doi: 10.3390/electronics13183762
21. Molchanova, G.G. (2024) *Iskusstvennyy intellekt kak vyzov i kak problema (analiticheskiy obzor)* [Artificial Intelligence as a Challenge and as a Problem (Analytical Review)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 9–17.
22. Alfer'eva, A.A. (2025) *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: kak adaptivnoe obuchenie i tsifrovye assistenty menyayut podkhod k obucheniyu i vospitaniyu podrostkov* [Artificial Intelligence in Education: How Adaptive Learning and Digital Assistants are Changing the Approach to Teaching and Upbringing Teenagers]. *Vestnik nauki*. 1 (1) (82). pp. 111–119.
23. Agafonova, L.I., Pen'kov, B.V. & Smolenchuk, O.Yu. (2024) [Artificial Intelligence Within Blended English Language Learning]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the XXXIV International Conference. 15–17 October 2024. Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–171. (In Russian).

Информация об авторах:

Пеньков Б.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Университета «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: penkovlinguistics@gmail.com

Агафонова Л.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liagafonova@ Herzen.spb.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

B.V. Penkov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Synergy University (Moscow, Russian Federation). E-mail: penkovlinguistics@gmail.com

L.I. Agafonova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: liagafonova@ Herzen.spb.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025;
одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 378.147:881.1
doi: 10.17223/15617793/514/21

Междисциплинарная интеграция как средство формирования иноязычных лексических навыков у студентов неязыкового вуза (направление подготовки «Ландшафтная архитектура»)

Наталья Николаевна Сергеева¹, Елена Владимировна Копылова²

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, snatalia2016@mail.ru

² Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия, l.kopylova079@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема преподавания иностранного языка с применением средств междисциплинарной интеграции. Выделены принципы реализации междисциплинарного подхода применительно к методике обучения иностранным языкам. Раскрыты понятия «визуализированный мыслеобраз», «междисциплинарное практико-ориентированное задание». Обозначены стратегии и тактики междисциплинарной интеграции при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Представлены результаты педагогического опыта по организации и реализации междисциплинарного занятия.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, междисциплинарная интеграция, средства визуализации, модель передачи информации, мыслеобраз, обучение иностранному языку, практико-ориентированное задание, профессиональные компетенции, иноязычные лексические навыки

Для цитирования: Сергеева Н.Н., Копылова Е.В. Междисциплинарная интеграция как средство формирования иноязычных лексических навыков у студентов неязыкового вуза (направление подготовки «Ландшафтная архитектура») // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 182–194. doi: 10.17223/15617793/514/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/21

Interdisciplinary integration as a means of developing foreign language lexical skills in students of a non-linguistic university (training program "Landscape Architecture")

Natal'ya N. Sergeeva¹, Elena V. Kopylova²

¹ Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation, snatalia2010@mail.ru

² Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation, l.kopylova@yandex.ru

Abstract. The interdisciplinary approach in a foreign language teaching to students of a non-linguistic university is substantiated. The object of the study is the process of a foreign language teaching in a non-linguistic university; the subject is interdisciplinary integration in a foreign language teaching within the disciplines "Foreign Language", "Architectural Graphics and Fundamentals of Composition". The principles of the interdisciplinary approach are highlighted: the principle of professional orientation, the principle of scientific and life orientation, the principle of personal orientation, the principle of reflection, the principle of independence, the principle of interactivity. The main task is to develop a method for creating a "visualized thoughtform" in the context of interdisciplinary integration and to present a consistent set of interdisciplinary practical tasks in order to form foreign language lexical skills among students. The concept of "visualized thoughtform" was introduced in relation to a foreign language teaching in the field of landscape architecture. The methodological foundations of the foreign language lexical skills formation were determined, foreign language lexical vocabulary was selected in the context of a specialized orientation, a consistent set of exercises was developed, methods of interdisciplinarity principles implementation were analyzed. According to the problems of research, an interdisciplinary practice-oriented task is a didactically organized foreign language students' activity aimed at developing foreign language skills, cognitive skills, and the ability to form and put into practice their knowledge in the professional field in a foreign language. The article describes the pedagogical experience in organizing interdisciplinary classes, the results of which allowed us to demonstrate the effectiveness of the integrated learning process and its impact on the activation of students' cognitive activity. Pedagogical experience has confirmed that the use of interdisciplinary practice-oriented creative tasks helps to make the educational process intellectually rich, exciting, and didactic, which also has a positive effect on the realization of students' personal potential, the formation of foreign language lexical skills, the expansion of vocabulary and its application in the professional sphere, which successfully affects the formation of transferable skills and professional competencies of students. The study highlights the importance of an interdisciplinary integration in the development of education and identifies opportunities for interaction between different fields of knowledge in the learning process. The interdisciplinary learning approach has a significant impact on the formation of basic knowledge, the development of professional skills, meets the requirements of the state standards and makes teaching the most effective.

Keywords: interdisciplinary approach, interdisciplinary integration, methods of visual representation, model of information transmission, thoughtform, foreign language teaching, practice-oriented task, transferable skills, professional competence, foreign language lexical skills

For citation: Sergeeva, N.N. & Kopylova, E.V. (2025) Interdisciplinary integration as a means of developing foreign language lexical skills in students of a non-linguistic university (training program "Landscape Architecture"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 182–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/21

Постановка проблемы

Технократическая и гуманистическая парадигмы являются основой современной системы образования, организуют единое целое через обеспечение усвоения знаний, умений, навыков и условий для развития познавательных способностей. В свою очередь, тенденции в развитии образования также определяются цифровой эпохой: интеграция гуманитарного и инженерного образования; переход с учебной деятельности на продуктивную учебно-познавательную; переход к методам, формам и технологиям обучения с элементами проблемности; активизация резервов самостоятельной работы, включающей самоанализ и самооценку; переход к предметной междисциплинарности, которая способствует развитию системного и критического мышления; переход к культуре непрерывного обучения. Системное мышление представляет собой синтез знаний, нацеленных на всестороннее познание предмета, целостность, а критическое мышление – умение всесторонне оценивать информацию. Для успешного трудоустройства будущих выпускников вузов важны знания и навыки, которые позволят им выходить за пределы узкой специализации [1. С. 66].

В настоящее время объективизация междисциплинарности связана с развитием цифровизации, распространением искусственного интеллекта, глобализацией и гуманизацией. Современное образование все больше придерживается междисциплинарного подхода, также известного как междисциплинарная интеграция. Этот подход является особенно важным как в подготовке специалистов в одной области знаний, так и в подготовке гибридных профессий, т.е. умение работать на пересечении профессий, областей знаний. Современные педагоги несут особую ответственность, потому что в цифровом мире им необходимо уметь находить комплексные и эффективные профессиональные решения, основанные на междисциплинарном синтезе знаний и межпрофессиональной коммуникации. Они должны формировать общеобразовательную культуру обучающихся и развивать у них различные виды мышления. При этом педагог сам должен обладать не только базовой предметной, но и профильной междисциплинарной подготовкой. В современных условиях от педагога профессионального образования требуются дополнительные навыки и виды деятельности: анализ информации и особенностей смежных областей; использование современных цифровых образовательных технологий; понимание основных принципов моделирования образовательного процесса с помощью информационных технологий; готовность руководить междисциплинарными учебными проектами [2. С. 13].

Формирование знаний, умений, навыков происходит на основе определенного состояния психических процессов, которые, в свою очередь, обладают длительностью и устойчивостью. Процесс формирования психических образований начинается с субъективного восприятия человеком объективной информации, поступающей из внешней среды. Необходимо найти качественные эффективные способы передачи информации воспринимающему субъекту, учитывая психические процессы, которые играют основную роль в регулировании поведения человека. Их можно разделить на три категории: познавательные (восприятие, обработка и хранение информации: ощущение, восприятие, память, воображение, мышление, внимание); эмоциональные (реакции на события и стимулы: радость, печаль, гнев, страх); волевые (процессы, контролирующие поведение и достижение целей: мотивация, принятие решений). Познавательные процессы особенно важны для обучающихся, так как они влияют на успешность обучения, и поэтому преподавателям необходимо знать, как активизировать и использовать их потенциал в образовательном процессе [3. С. 5].

Немецкий психолог Курт Левин в своих работах подчеркивает, что процесс запоминания тесно связан с протеканием выполняемой деятельности. Когда перед человеком не стоит конкретной задачи запомнить что-то, он запоминает в первую очередь то, что связано с его текущей деятельностью. Успешность непреднамеренного запоминания зависит не только от цели деятельности, но и от ее характера, сложности и активности. Чем сложнее интеллектуальная деятельность, тем лучше запоминается материал, с которым она связана. Интеллектуальная работа над материалом приводит к более прочному и полному запоминанию, чем механическое заучивание. Эмоционально окрашенные переживания усиливают запоминание, а положительные эмоции улучшают устойчивость памяти и повышают ее продуктивность [3. С. 15].

Кроме того, междисциплинарный подход предполагает, согласно А.В. Хуторскому, человекообразность образовательного процесса, т.е. создание стимулирующей и поддерживающей образовательной среды, где студенты могут активно участвовать в процессе обучения, задавать вопросы, исследовать и применять свои знания на практике [4]. Такой образовательный процесс ориентирован на потребности человека и способствует его полноценному развитию, удовлетворению интересов, развитию системного и критического мышления, самореализации.

Методы исследования

Занимаясь изысканиями по проблеме междисциплинарной интеграции, мы применили следующие методы: обобщение научной литературы по педагогике,

психологии и по методике формирования иноязычных лексических навыков и активизации потенциала познавательной деятельности студентов; теоретический анализ по проблематике исследования; анализ практических результатов формирования иноязычных лексических навыков обучающихся неязыкового вуза, а также навыков, умений и профессиональных знаний при решении комплексных задач; сравнение и систематизация положений и теорий, изученного опыта; экспериментальное обучение, педагогическое наблюдение.

Цель исследования состоит в том, чтобы представить заинтересованным читателям разработку метода создания «визуализированного мыслеобраза» в контексте междисциплинарной интеграции и последовательный комплекс междисциплинарных заданий практической направленности с целью формирования иноязычных лексических навыков у студентов неязыкового вуза.

Междисциплинарность в обучении иноязычному общению: основные понятия, принципы, методы реализации

Проблемы, связанные с междисциплинарностью, привлекают внимание ученых уже более полувека. Одним из первых ученых, который попытался описать и классифицировать междисциплинарные исследования, был немецкий социолог Рене Кёниг [5]. Впоследствии, в 1990-х гг., опыт междисциплинарных исследований развивали В.В. Краевский, В.М. Полонский и Г.П. Щедровицкий [6. С. 148]. Междисциплинарный подход (в широком смысле) представляет собой способ интегрированного изучения или исследования в науке. В узком смысле, в контексте организации учебного процесса, междисциплинарный подход используется для систематизации и организации знаний в различных областях знаний. Иностранный язык рассматривается как оптимальное средство для междисциплинарной интеграции с гуманитарными и естественными науками в высшем образовании.

Ведущие исследователи в области методики преподавания иностранных языков, такие как Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, И.А. Зимняя и др., затрагивали проблему междисциплинарности в обучении иноязычному общению. Теоретическое обоснование и практический опыт применения данного подхода в процессе преподавания иностранного языка представлены и в работах современных авторов (В.А. Лукова, Е.В. Матвиенко, Н.В. Попова, М.М. Степанова, Сысоев П.В. и др.). Современные исследователи акцентируют внимание на практической реализации междисциплинарного подхода в образовании и обучении, которая достигается через разработку междисциплинарных образовательных программ, внедрение междисциплинарных научно-образовательных проектов, формулировку критериев оценки междисциплинарных исследований и т.д. Междисциплинарные связи рассматриваются как ключевые условия для обеспечения преемственности в обучении [7–9].

Согласно исследованиям Л.А. Шестаковой, междисциплинарный подход к обучению является методо-

логической основой современного образования, нацеленного на обеспечение не только знаниевой, но и практико-ориентированной составляющей будущего специалиста [10. С. 268–271]. Р.З. Богудинова и И.М. Городецкая отмечают, что в контексте междисциплинарности осуществляется целостный подход к изучаемому предмету как к системе, состоящей из множества взаимосвязанных элементов, являющихся в свою очередь элементом более крупной метасистемы знаний о мире, и отдельных явлениях [11. С. 52–56]. О.А. Обдалова с соавт. обращает внимание на то, что междисциплинарный подход сопровождается обратным педагогическим дизайном образовательных программ, т.е. от результатов обучения к цели [12. С. 178], и предлагает новую технологию обучения иностранному языку на основе междисциплинарного ассемблирования [13. С. 162].

В зарубежной науке используется методика CLIL (Content and Language Integrated Learning) – интегрированное обучение, которое объединяет преподавание иностранного языка с другими учебными дисциплинами. Этот подход направлен на развитие общих учебных знаний и навыков путем развития лингвистических и коммуникативных компетенций у обучающихся на неродном языке. Основная цель CLIL – одновременное изучение предмета и иностранного языка. Исследователи выделяют несколько особенностей этой методики: занятия на иностранном языке должны быть организованы в коммуникативной форме, с активным взаимодействием между обучающимися в группах или парах; чтобы стимулировать общение, предусматривается знакомство с новой лексикой и терминами, в том числе с использованием визуальных средств для языковой поддержки [14. С. 42].

Следует провести черту между понятиями «междисциплинарный подход» и «метапредметный подход». Согласно А.В. Хуторскому, если сравнить модель образования с деревом, то метапредметные основы являются вертикальными и представляют собой корни. Междисциплинарность не обеспечивает метапредметность, но может являться ее обоснованием. Метапредметность имеет другие задачи – она связана с целями, смыслами и ценностями, представляя собой философскую основу дисциплин. Междисциплинарные связи являются горизонтальными и представляют собой связи между отдельными предметами. Методы и подходы также могут быть перенесены между предметами, и некоторые вопросы могут рассматриваться на стыке различных предметов [4].

Выделим основные принципы междисциплинарного подхода, основываясь на исследованиях академика В.И. Загвязинского: принцип профессиональной направленности, который заключается в отборе учебного материала и приемах обучения, формирующих профессионально значимые для будущего специалиста навыки и умения; принцип научности и жизненной ориентации, предусматривающий включение в содержание образования только актуальной, современной информации и раскрытие причинно-следственных связей между предметами, явлениями, процессами, собы-

тиями; принцип личностной направленности, предполагающий гармонизацию целей, интересов, мотивов, опыта и активизацию познавательной деятельности обучающихся; принцип рефлексии, заключающийся в осмыслении и анализе собственного опыта, который обеспечивает продвижение в развитии и выработку общечеловеческих качеств; принцип самостоятельности, т.е. осуществление деятельности в соответствии со своими намерениями, целями и опытом; принцип интерактивности, основанный на совместном решении задач, взаимопомощи, взаимообучении и взаимопонимании [15].

Выделенные нами принципы имеют отражение в ключевых элементах образовательного процесса, обозначенных американским профессором Ди Финк, которые приводят к значимому обучению, помогают обучающимся осознать его важность, а именно: базовые знания; применение приобретенных навыков на практике; объединение полученных знаний и навыков из разных областей; человеческий фактор, который предполагает осознание общественно значимых проблем; предупредительность, связанная с эмоциями, особенностью восприятия и личных интересов студентов в процессе обучения; освоение опыта предполагает обмен информацией и опытом в процессе обучения [16. Р. 3].

Основными методами реализации междисциплинарного подхода являются: проектное обучение, кейс-метод, интерактивные методы, визуализация, геймификация; сотрудничество и персонификация становятся основными элементами создания образовательной среды. Наглядность, образность, последовательность и эмоциональная насыщенность являются ключевыми составляющими при подаче учебного материала. Информация воспринимается человеком через различные органы чувств: вкус, слух, обоняние и осязание. Зрение является одним из основных способов восприятия информации, человек получает через зрительные каналы 90% всей информации. Российский психолог и педагог Андрей Александрович Вербицкий определяет визуализацию как процесс преобразования мыслительных содержаний в наглядные образы [17].

Сегодня существует множество различных инструментов визуализации, которые широко используются в образовательном процессе: таймлайн (помогает представить события в хронологическом порядке на прямой линии), скрайбинг (визуализирует информацию с помощью кратких тезисов и графических символов), интеллектуальные (ментальные) карты (представляют идеи и концепции в виде карты с ключевыми и вторичными темами), инфографика (сочетает графические и текстовые элементы). Эти разнообразные средства визуализации помогают студентам лучше понимать предмет, запоминать информацию и легче усваивать сложные взаимосвязи между различными предметами. Превосходство метода визуализации заключается в его лаконичном, сжатом, доступном представлении информации, а также в усвоении языковых и коммуникативных знаний и навыков благодаря зрительному восприятию информации [18]. Средства визуализации влияют на восприятие и понимание информации, а также помогают отразить связи между различными предметами.

Согласно Эрнесту Кассирер, человек является «символическим животным», т.е. его природа заключается в способности мыслить и передавать информацию в виде образов и символов. Символ представляет собой обобщенную форму информации об объекте и его свойствах, которая позволяет классифицировать его и достигать целей, заданных источником или приемником информации. Образ, в свою очередь, является формой представления информации об объекте или его свойстве с использованием качественных характеристик, упорядоченных в соответствии с целью передачи конкретного сообщения [19. С. 724].

Информация обладает важной особенностью: она не подчиняется законам сохранения вещества, энергии и движения, которые применимы к материальному миру. Информация представляет собой все, что изменяет наши знания о характеристиках объектов и процессов. В информационной системе присутствуют три основных компонента: 1) источник информации; 2) приемник информации; 3) канал связи. Реакция на получение информации зависит от различных аспектов ее восприятия: прагматического, семантического и синтаксического. Доктор психологических наук Н.В. Маслова предлагает модель передачи информации, основанную на трех уровнях. В этой модели ключевым условием успешной передачи информации от источника к приемнику и ее преобразования в мыслеобразы и знания является близость целей источника и приемника информации. По крайней мере, частичное совпадение целей обеспечивает минимизацию искажений при передаче информации [20. С. 8].

Рассмотрим уровни модели. Первый уровень в модели – знаковый, определяется количественными значениями характеристик объекта, который обсуждается. Этот уровень служит иллюстративной базой модели. Второй уровень – образный, определяется качественными оценками характеристик, которые участники информационной передачи дают объекту. Каждый обучающийся формирует частично свой мыслеобраз, который включает личное отношение к информации и саму информацию. Интерес и глубина восприятия материала возникают на основе образности. Третий уровень – символический, где простое и естественное запоминание материала достигается путем выделения главного символа. На этом уровне формируется целостное видение изучаемого материала, включая его смысловую, структурную и духовную стороны. Здесь происходит формирование мыслеобраза, т.е. мыслеформы, с ее смыслом и закрепление информации и сопровождающих ее эмоций. При частичном совпадении целей источника и приемника информации у последнего возникает желание продолжать обучение [20. С. 10]. Если основное условие передачи и приема информации соблюдается, то формирование мыслеобраза завершается на третьем уровне, что способствует принятию нового знания. Таким образом, информация, которую человек воспринимает и структурирует согласно своим целям и желаниям, способствует принятию новых знаний. Кроме того, человеческий мозг склонен к воплощению абстрактных идей в конкретно-образной форме. Большое преимущество образа также в том, что он предъявляет целостную картину явления [20. С. 92].

Исходя из принципов междисциплинарного подхода, трехуровневой модели передачи информации, особенностей восприятия и современных образовательных технологий, вводим понятие «визуализированный мыслеобраз» применительно к обучению иностранному языку и предметной области знаний студентов неязыкового вуза – дидактически формируемый единый целостный образ реальной действительности, последовательное формирование которого организовано через активизацию познавательной деятельности студента, понятийно-логических связей, переосмысление, запоминание информации сферы предметной области на иностранном языке и формирование иноязычных лексических навыков, позволяющих студенту участвовать в профессиональном иноязычном общении.

Рассмотрение проблемы применительно к организации междисциплинарного занятия в условиях неязыкового вуза направление подготовки «Ландшафтная архитектура»

Согласно примерной рабочей программе дисциплины «Иностранный язык» у обучающихся следует сформировать УК-4, которая трактуется так: «способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)». Компонентами данной универсальной компетенции являются идентификаторы ИД-2 (использует приемлемый стиль делового общения, вербальные и невербальные средства социального взаимодействия на иностранном(ых) языке(ах), ИД-3 (оформляет речевые высказывания в соответствии с грамматическими нормами устной речи и языковыми средствами выражения коммуникативно-речевых функций; извлекает информацию из устного или письменного профессионально ориентированного текста). Также в примерной рабочей программе дисциплины «Архитектурная графика и основы композиции» направления 35.03.10 «Ландшафтная архитектура» профиль «Садово-парковое и ландшафтное строительство» обозначены профессиональные и общепрофессиональные компетенции. В данном случае интересны профессиональные компетенции, а именно ПК-6 (способен осуществлять графическое и текстовое оформление проектных материалов, в том числе визуализацию решений с использованием ручной и компьютерной графики) и идентификаторы данной компетенции ИД-1 (определяет основные методы изображения, визуализации, моделирования и автоматизированного проектирования как способов

выражения ландшафтно-архитектурного замысла, включая графические, макетные, компьютерные, вербальные, видео); ИД-2 (использует основные программные комплексы проектирования, компьютерного моделирования, создания чертежей и моделей при реализации объектов ландшафтной архитектуры и садово-паркового строительства). Общепрофессиональная компетенция представлена ОПК-4, которая трактуется как «способен реализовывать современные технологии и обосновывать их применение в профессиональной деятельности», компонентами являются ИД-1 (обосновывает и реализует современные технологии ландшафтного анализа территорий, современные технологии поиска, обработки, хранения и использования профессионально значимой информации), ИД-2 (анализирует данные о социальных историко-культурных, архитектурных и градостроительных условиях района объекта ландшафтной архитектуры при помощи современных средств автоматизации деятельности в области ландшафтного проектирования) и ИД-3 (использует современные средства систем автоматизированного проектирования и информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности в области ландшафтной архитектуры).

Иностранный язык изучается один год только на первом курсе бакалавриата направления 35.03.10 «Ландшафтная архитектура», профиль «Садово-парковое и ландшафтное строительство». Примерная рабочая программа дисциплины «Иностранный язык» охватывает четыре сферы общения, а именно бытовую, учебно-познавательную, социально-культурную и профессиональную. Данные сферы общения нацелены на формирование УК-4 и рассчитаны на 75 аудиторных часов. Сфере профессионального общения отводится 25 аудиторных часов; она представлена тремя основными темами: профессия ландшафтного архитектора, принципы и элементы дизайна, современные концепции садово-паркового и ландшафтного строительства. Апробируемая практико-ориентированная программа рассчитана на обучающихся со средним уровнем (B1) владения английским языком для достаточного понимания и анализа узкоспециальных текстов. Представляем тематическую классификацию профессионального языка обучающихся по направлению 35.03.10 «Ландшафтная архитектура», профиль «Садово-парковое и ландшафтное строительство», перечень практико-ориентированных заданий по каждой теме и запланированный результат (продукт деятельности) по итогу пройденной профессионально ориентированной темы (табл. 1)

Таблица 1

Тематическое содержание практико-ориентированной программы

Тема	Содержание	Метод (практико-ориентированное задание) Результат/продукт деятельности обучающихся
Unit 1. Profession of a landscape architect (profession in practice)	Термины, описывающие классификацию и общие характеристики сфер деятельности ландшафтного инженера: <i>landscape architect</i> ; landscape construction, horticulture, environmental science, architectural design, features of a landscape, aesthetic and practical purposes, a working knowledge of architecture, recreation sites and facilities, streetscapes, green infrastructure, residential properties, green roofs; <i>landscape design</i> .	Метод проектов (круглый стол – дискуссия)

Тема	Содержание	Метод (практико-ориентированное задание) Результат/продукт деятельности обучающихся
	outdoor space, residential public spaces, selection of construction, irrigation; <i>site planning</i> : arrangement of natural elements, land parcel, residential community, aesthetic and ecologically sensitive integration, site's natural features; <i>urban/town planning</i> : zoning techniques and regulations, conceptual plans, land-use studies; <i>regional landscape planning</i> : environmental planning, natural resource surveys, preparation of environmental impact statements, visual analysis, landscape reclamation, coastal zone management; <i>park and recreation planning</i> : redesigning parks, recreational areas, land development planning, policy planning, individual development projects, real estate, development regulation processes, multi-disciplinary design team; <i>ecological planning and design</i> : analytical evaluations of the land, environmental laws; <i>historic preservation and reclamation</i> : waterfronts, wetlands, maintenance of a site in relatively static condition, renovation of a site; <i>social and behavioral aspects of landscape design</i> : special needs of the elderly or the disabled, social sciences, behavioral psychology, anthropology, environmental perceptions	Создать коллаж по основным направлениям профессиональных сфер ландшафтного архитектора. Проект выполняется в мини-группе. Защита своего продукта и обсуждение на английском языке
Unit 2. The elements and principles of design	Термины, описывающие классификацию и общие характеристики принципов и элементов дизайна: <i>point</i> : extension, a powerful relation, to kick in, precise, Gestalt, compulsively; <i>line</i> : to convey a specific kind of feeling, implied, vertical, horizontal, diagonal, contour lines, to create a sense of value, density or texture, symbolic language, to communicate emotion through lines character and direction, pattern, to carry certain kinds of information, a symbolic representation, a feeling of loftiness and spirituality, to indicate depth, curved lines, quality of the line, fundamental visual language, to convey, continuance, density; <i>form (shape)</i> : circle, rectangle, square, triangle, a dimensional element; <i>texture</i> : to create surface appearance, roughness or smoothness, a visual and a tactile phenomenon; <i>colour</i> : colour wheel, hue, value, saturation, colour harmonies, complementary relationship, analogous relationship, triadic relationship, subtractive colour space, primary colours, secondary colours, an additive colour space, colour meaning, a monochromatic colour scheme, properties of colour, cool colours; <i>balance</i> : symmetrical, asymmetrical, perspective, order; <i>proportion</i> : unity, visual weight within a composition, <i>rhythm</i> : regular, flowing, progressive, comparison of dimensions, distribution of forms, <i>dominance</i> : to varying degrees of emphasis in design, dominant, sub-dominant, subordinate, closure; <i>continuance</i> : similarity, proximity, alignment, contrast or opposition, rule of thirds, compositional tools, basic assumption, arrangements of objects, visual impact	Визуализация (выставка работ). Создать «визуализированный мисселеобраз». Работа выполняется индивидуально. Подготовка монологического высказывания на английском языке
Unit 3. Modern concepts of landscape construction	Термины, описывающие классификацию и общие характеристики современного садово-паркового и ландшафтного строительства: landscaping, hardscape and softscape, manipulation of terrain and the construction of structures, <i>types of landscaping plants</i> : ornamental, edible, native, terrain, grading, backfilling, mounding, terracing, constructing fences, patio covers, decks, built features, develop spaces, create forms, control movement, establish dominance, meandering lines, organic edges, <i>plant forms</i> : round, columnar, oval, pyramidal, vase shaped, and weeping; coarse, medium, or fine <i>texture of plants</i> , colour in plants and hardscape, colours in natural materials, visual weight, high visual weight, low visual weight, <i>proportion in plants</i> : to achieve dominance, to achieve rhythm through repetition of size, proportions in voids, a good psychological enclosure, to arrange elements around a central point, spatial organization concepts, a central axis, <i>landscape plans</i> : site analysis, bubble plan, plot plan, concept images, renderings, planting plan, <i>garden styles</i> : Japanese garden, French landscape design, colonial landscape design, Spanish landscape style; evergreen flowering shrub, water fountains, garden bridges, succulents and ornamental grasses, <i>a contemporary garden</i> : modern appearance, a unique combination of contemporary materials, traditional building materials, garden rooms, terraces/gazebos, meandering paths, herb gardens, self-sowed annuals, irrigation, drip system, soils, mulch, hand watering, sprinkler systems, concrete balustrade, cast iron seating, pea gravel, glazed pots, sculpture	Кейс-метод. Разработать проект по созданию загородного парка. Проект выполняется в группах. Архитектурный чертеж планировки объекта ландшафтной архитектуры. Монологическое высказывание и обсуждение проекта на английском языке

Педагоги в сфере высшего образования уделяют внимание не только знанию иностранного языка (грамматическая структура, лексический аппарат), но и готовности и способности обучающихся применять имеющиеся знания для решения коммуникативных задач в будущей профессиональной деятельности. Занятие по иностранному языку должно включать такие виды деятельности, которые будут способствовать формированию, последующему развитию и совершенствованию не только универсальных, но и профессиональных компетенций, необходимых для будущих профессиональных сфер жизни, и саморазвитию и становлению успешной личности [21]. Поэтому в контексте апробации практико-ориентированного проектного обучения были сформулированы междисциплинарные практико-ориентированные задания, которые организуют

иноязычную деятельность студентов, направлены на формирование иноязычных навыков, умений самостоятельно расширять свои знания и применять на практике в профессиональной сфере на иностранном языке. Занятия, организованные в контексте практико-ориентированного проектного обучения, имеют следующие преимущества:

- активизируют мыслительную деятельность студентов (поиск и анализ информации; обобщение и оценка имеющихся фактов; выявление взаимосвязи между изучаемыми явлениями и предметами профильных и базовых дисциплин);
- способствуют самостоятельному планированию деятельности и познавательной самостоятельности, которая развивает системное и критическое мышление, память, логику;

– повышают познавательный интерес за счет новых форм творческих заданий, где английский язык становится не самоцелью, а средством обучения;

– дают возможность расширения иноязычного словарного запаса и его применения в квазипрофессиональной сфере [22. С. 322].

Материалы для составления заданий должны быть актуальными, вызывать интерес, иметь междисциплинарную значимость, способствовать расширению иноязычного лексического запаса, включать специальные понятия и профильную терминологию.

Рассмотрим процесс обучения иностранному языку на основе отобранных профессионально ориентированных аутентичных текстов и представим классификацию базовых лексико-грамматических заданий, направленных на формирования иноязычных лексических навыков.

На предтекстовом этапе прогнозируется содержание текста и вводится соответствующая лексика. Текстовый этап является ключевым и характеризуется непосредственной работой с профильной лексикой, ее отработкой и закреплением. Послетекстовый этап нацелен на совершенствование умения действовать в коммуникативной ситуации (табл. 2).

Таблица 2

Классификация лексико-грамматических заданий

Предтекстовый этап	Текстовый этап	Послетекстовый этап
Use the dictionary and note all the words you don't know. Match the English words with their Russian equivalents. Read out the following words and memorize them. Give the three forms of the following verbs. These words can be used both as verbs and nouns. Make up your own sentences to show the difference in their usage. Skim the text. What type of text is it? Skim the title and decide which statement below best describes the main idea of the text. Scan through the text, try to understand what it is about	Read the text, match the paragraphs with the titles and answer the questions. Read the text again and number the main ideas in the order that they are mentioned. Match words and phrases to their definitions. Read the text and say whether the statements below are true, false or the text does not say. Match the two parts of the sentences. Make up your own sentence with the given words. Use as many words as you can in one sentence. Complete the text. Use the correct form of the verbs in brackets. Write the words in the correct order, make up sentences. Complete the sentences with suitable words	Work with a partner. Discuss the questions below. Complete the conversation with words.... Complete this dialogue with suitable words or phrases from the text. Work with a partner. Write a conversation based on the situation below. Discuss with the partner. What does this expression mean: Work with a partner. Discuss the questions below. Make a dialog. Work in groups. Discuss possible reasons for the statements below...

Применение таких заданий позволяет смоделировать деятельность обучающихся в контексте решения итоговой практико-ориентированной профессиональной задачи. Предтекстовые, текстовые и послетекстовые задания подводят к выполнению и защите на английском языке практико-ориентированного творческого задания по каждой теме: представление коллажа по основным направлениям профессиональных сфер ландшафтного архитектора; представление «визуализированного мышлеобраза»; художественное представление чертежа планировки объекта ландшафтной архитектуры.

Рассмотрим пример создания визуализированного мышлеобраза в рамках темы устной речи «Unit 2. The elements and principles of design». Отметим, что в примерной рабочей программе дисциплины «Архитектурная графика и основы композиции» направления представлены следующие разделы и темы: раздел «Графика» – тема «Колористика, цветовой круг»; раздел «Композиция» – темы «Базовые принципы композиции», «Фронтальная композиция», «Принципы формообразования», «Объемная композиция»

Обучающимся было сформулировано междисциплинарное задание в контексте темы «The elements and principles of design». Практико-ориентированное задание способствует формированию частичного совпадения целей источника и приемника информации. А именно преподаватель иностранного языка как источник информации ставит перед собой цель заинтересовать, увлечь и получить обратную связь в процессе обучения, где иностранный язык будет выступать как

цель и средство учебного процесса. Для приемника информации – обучающегося, предполагаемая цель – это демонстрация своих умений и навыков по профильным предметам средствами иностранного языка непринужденным способом в творческой форме через активизацию познавательного потенциала и формирования иноязычных лексических навыков.

Студентам предложено следующее индивидуальное практико-ориентированное творческое задание: создать абстрактную художественную композицию, учитывая правила построения, баланс композиционного и цветового решения. Студент должен раскрыть свои личностные особенности и показать свой внутренний мир при помощи цветowych пятен, линий и композиционного решения. При защите индивидуального мини-проекта необходимо аргументировать выбор того или иного цвета или линии, и как данный выбор характеризует обучающегося как личность. Данное задание исключает возможность использования средств искусственного интеллекта. Работа выполняется индивидуально от руки на бумажном носителе.

На протяжении трех занятий осуществляется работа над темой «The elements and principles of design», выполняются в определенной последовательности лексико-грамматические предтекстовые и послетекстовые задания, направленные на введение новых лексических единиц и закрепление пройденного лексико-грамматического материала.

В рамках данной темы изучается следующий материал с профильной направленностью: Point (multiple

points in space, closure); Line (expressive qualities of line, horizontal line, vertical lines, diagonal lines, curved lines, quality of the line, line direction); Form / Shape; Texture; Colour (hue, value, saturation); Colour harmonies (complementary, analogous, triadic); Colour spaces (subtractive, additive). В итоге у студента в тетради должен быть конспект в виде таблицы (табл. 3).

Таблица 3

The elements and principles of design

The elements of design		The principles of design	
Element	Features/means	Principle	Features/means
Line: – horizontal – vertical – diagonal – curved	A feeling of rest and repose; a feeling of loftiness, spirituality; a feeling of movement or direction; suggest comfort, safety, relaxation	Rhythm – regular – progressive – flowing	The intervals between the elements and the elements are similar in size or length; a sequence of forms through a progression of steps; a sense of movement, and is often more organic in nature
Shape (form)	...	Balance: symmetrical asymmetrical	...

На четвертом занятии обучающимся предлагается текст «Colour Meaning», который содержит описательную характеристику цветов (white, black, red, orange, green, blue, purple, yellow) и производных цветовых оттенков с точки зрения их значений, символики, психологического восприятия и воздействия. В процессе изучающего чтения, обучающимся предлагается заполнить табл. 4 существительными из текста, которые можно использовать при описании характера человека и образовать от этих существительных прилагательные:

Таблица 4

Colour Meaning

Colour	Colour Meaning	
	Nouns	Adjectives
Orange	happiness creativity success	happy creative successful
Red-orange	aggression passion	aggressive passionate

Далее обучающимся необходимо определиться с выбором цветовой гармонии, которая более точно отражала бы личностные качества и изобразить ее: Complementary (двуцветная), Analogous (аналоговая) и Triadic (контрастная триада). Данное задание предполагает самостоятельный самоанализ личности для того, чтобы определиться с цветовой композицией, которая должна отражать личностные качества обучающего. Например, студент выбрал двуцветную гармонию, где цвета должны находиться в оппозиции, если рассматривать цветовой круг. При описании своих личностных качеств необходимо использовать антонимичные прилагательные и существительные: energetic – lazy, creative – conservative. Студент характеризует себя как личность достаточно противоречивую и контрастную по чертам

характера. Выбирая аналоговую триаду, при выполнении практико-ориентированного задания студент нацеливается на лексические единицы одного синонимичного ряда (sensitive, careful, helpful), а если это контрастная триада, то спектр выбора лексических единиц для описания характера достаточно обширный (independent, changeable, generous) и характеризует разносторонне проявленную личность. Виды линий, их качество и направленность, геометрические формы и фигуры, структура и фактура должны соответствовать единому стилистическому решению, внутреннему содержанию и самовыражению студента, выполняющего это задание [23].

«Визуализированный мыслеобраз» рекомендовалось выполнить в разных художественных техниках с применением различных методов и приемов рисования (штриховка, лессировка, заливка, выполнение акрилом, акварелью, маслом, цветными карандашами) или аппликацией из текстурных компонентов (кусочки кожи или ткани, природные материалы, самостоятельно изготовленные текстурные компоненты). На занятиях студенты разрабатывают идею проекта и делают эскизы и наброски. Завершающий этап творческой работы обучающиеся доделывают в домашних условиях, где они располагают большим количеством инструментария для творчества. Ниже приведены примеры творческих работ студентов (рис. 1–3).

Для представления и защиты своего индивидуального мини-проекта обучающимся нужно подготовить монологическое высказывание на тему «The colours of my inner life». Для монологического высказывания рекомендовано использовать конструкции: For my part I'm...; At times I'm...; By the way I'm...; In fact I'm...; For all that I'm...; ... lines (form) suggest a feeling of ...; I choose ... colour because I'm...; I have used ... colour because it means (is associated) ...

Например: *For my part I'm very purposeful, energetic and enthusiastic people, that's why I have chosen vertical and diagonal lines for my complementary colour harmony. These lines suggest a feeling of movement, direction and vitality. Moreover, they form many triangles: big and small. A triangle means life, represents creativity and imagination, expression of self and positive thinking, wisdom and finding balance and harmony inside of yourself. I have used orange colour because it means creativity, determination, attraction and success. I'm very self-confident person and want to be at the top of my group. I already have my own creative project for the transformation of the local area...*

На пятом занятии студенты представляют свои проекты перед одноклассниками, которые, в свою очередь, берут на себя роль жюри и оценивают работы друг друга. Критерии оценивания следующие:

– соответствие формы представления мини-проекта всем требованиям, предъявляемым к оформлению данной работы;

– композиционное (стилевое) решение (т.е. эффективность линий и форм), где оценивается практическое применение навыков и умений, полученных на дисциплине «Архитектурная графика и основы композиции»;

– цветовая гармония (соблюдения пропорциональности цветовых пятен и их процентного соотношения),

где оценивается практическое применение навыков и умений, полученных при изучении дисциплины «Цветоведение»;

– самостоятельность мышления и творческий подход (оригинальность исполнения практико-ориентированного задания, привнесение своих идей в исполнение);

– соответствие «визуализированного мышлеобраза» устному компоненту задания (правильно аргументирован выбор форм, цвета, линий и т.д), уровень осмысления;

– качество устного доклада: объем, грамотная иноязычная речь (правильное грамматическое оформление речи, использование профильной лексики), логика и четкость изложения.

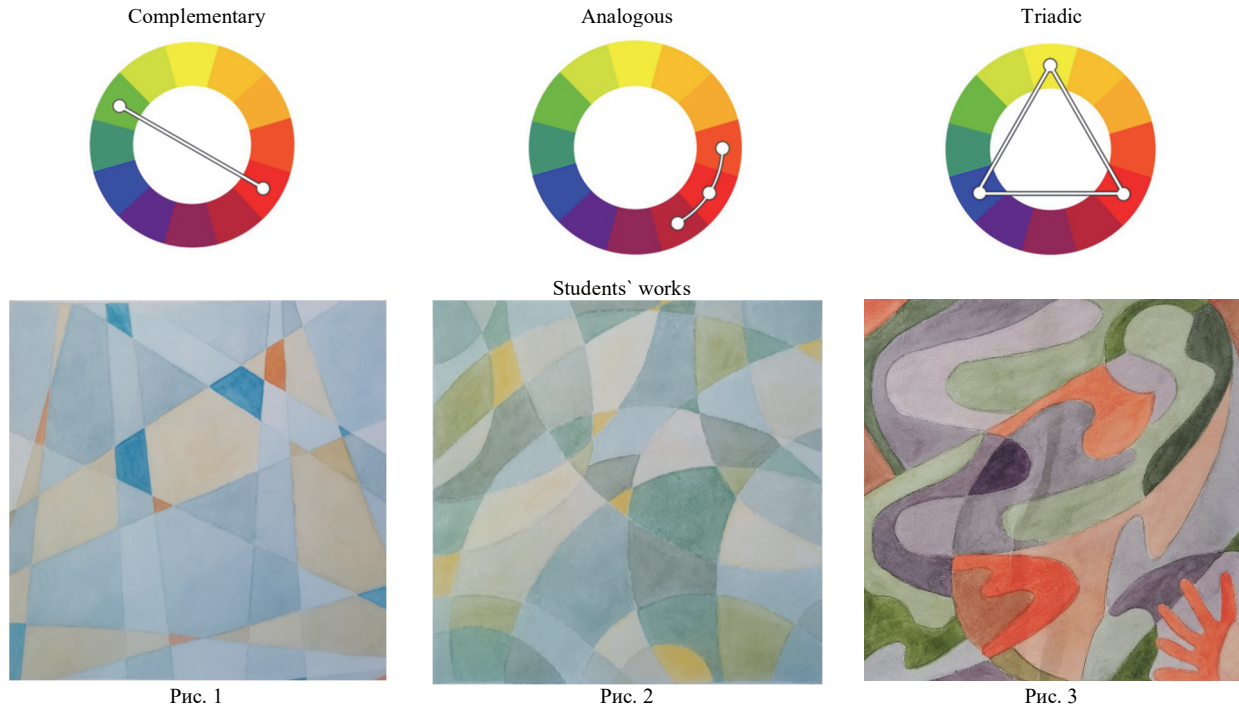

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

После защиты творческих мини-проектов обучающимся предлагается пройти психологический онлайн-тест «The Lüscher Colour Test» (<https://get-color.com/luscher/#test>), который позволяет измерить коммуникативные способности, активность, стрессоустойчивость, а также психофизиологическое состояние человека. Тест сформирован на английском языке, как и результаты тестирования. После прохождения теста организуется обсуждение: сравнение и анализ результатов тестирования со своим «визуализированным мышлеобразом».

Достоинствами данного междисциплинарного задания является проявление самостоятельности мышления и творческой оригинальности исполнения практико-ориентированного задания, т.е. привнесение своих идей в исполнение. Проанализируем работы, представленные ниже, с точки зрения художественного исполнения и композиции.

На рис. 4 видим лотос, символ жизни и счастья, чистоты, совершенства и красоты, обучающийся также изобразил две рыбки, аргументируя это тем, что его астрологический знак зодиака Рыба. Ранее тема «Introducing» затрагивала некоторые аспекты личности через характеристику знаков зодиака. Рис. 5 также косвенно отражает астрологический знак зодиака Лев. Студент, выполнивший эту работу, интересуется историей, культурой и архитектурой древнего Египта. Символ, изображенный на втором рисунке, означает

жизнь, счастье, благосостояние, гармонию с окружающим миром, мудрость. В третьей работе (рис. 6) проведен анализ собственных качеств через призму поведения представителей кошачьих видов в живой природе.

Выполнив данное междисциплинарное задание, обучающиеся активизируют лексику по теме «My person's character», знакомятся и закрепляют новую лексику по теме «The elements and principles of design», используют свои знания по предмету «Архитектурная графика и основы композиции» и «Цветоведение», находя им практическое применение при создании гармоничной цветовой композиции, которая в данном случае является также визуализированным мышлеобразом, помогающим при запоминании и активизации иноязычных лексических единиц.

При апробации практико-ориентированного проектного обучения, направленного на формирование универсальных, профессиональных и общепрофессиональных компетенций и развитие иноязычных лексических навыков через комплекс междисциплинарных заданий практической направленности, а именно создание «визуализированного мышлеобраза», учитывались следующие результаты (формируемые перечнем компетенций):

– оформление речевых высказываний в соответствии с грамматическими нормами и языковыми средствами выражения коммуникативно-речевых функций;

– извлечение полной информации из устного или письменного профессионально ориентированного текста;

– расширение лексического запаса, формирование иноязычных лексических навыков в профильной сфере, развитие монологической и диалогической речи, умение применять терминологию, связанную с профессиональной деятельностью, и в рамках ранее изученных тем;

– способность осуществить графическое и текстовое оформление проектных материалов, в том числе визуализацию решений;

– самостоятельность мышления и творческий подход, уровень осмысления и уровень развития интеллектуальной деятельности;

– способность анализировать достигнутый результат, конструировать цели и задачи последующего обучения.

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

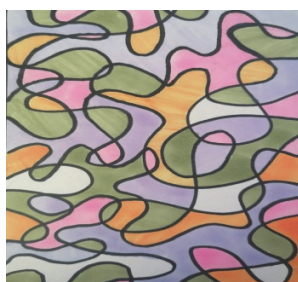

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Объектом оценивания уровня сформированности иноязычных лексических навыков в контексте формирования универсальных и профессиональных компетенций у студентов неязыкового вуза послужили умение осуществлять монологические и диалогические высказывания в соответствии с грамматическими нормами и языковыми средствами профильной сферы; умение анализировать, интерпретировать и использовать информацию из разных предметных областей; умение применять полученные знания на практике, а именно качество конструирования «визуализированного мислеобраза». Важную роль играет общий смысловой контекст в интерпретации результатов. Диагностика показала, что 75% обучающихся справились с поставленной задачей на высоком уровне и 9,5% – на низком. Следует отметить, что при реализации междисциплинарной интеграции иностранного языка с другими дисциплинами из-за ограниченных знаний студентов может возникнуть проблема непонимания при чтении оригинальной литературы в области профессиональной сферы. Если студент не обладает достаточной информацией по соответствующей дисциплине, то освоение этой информации на иностранном

языке становится чрезвычайно сложным. Возникают проблемы не только с устной частью задания, но и практическим применением профессиональных знаний и умений, что подтверждают следующие работы обучающихся, где не учтены основные принципы и не проработаны элементы композиции, т.е. нарушены правила построения и баланс композиционного и цветового решения (рис. 7–9).

Положительная динамика полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что целостное построение процесса обучения способствует объединению учебных дисциплин; учебный материал, упорядоченный и структурированный в более общие категории, позволяет студентам развивать самостоятельность, личную ответственность за результаты своей квазипрофессиональной деятельности, способность видеть свои ошибки и учиться у других; проектная технология в контексте междисциплинарности направлена на трансформацию профессионально ориентированного содержания обучения в индивидуальный опыт обучающихся. Междисциплинарность создает прозрачную образовательную среду, где методы одной дисциплины применяются для решения задач в других областях, работает на

пересечении наук и расширяется при возникновении сложных проблем, переходя в трансдисциплинарность.

Заключение

Междисциплинарные формы обучения являются более популярными в высшем образовании и играют важную роль в повышении качества образования. Междисциплинарное обучение представляет собой процесс, в котором студент развивает способность анализировать и синтезировать знания из различных дисциплин. Его цель заключается в рассмотрении проблемы в целом, выявлении и интеграции взаимосвязей между различными элементами. Системная структура интегрированного обучения, благодаря которой обучающиеся начинают понимать важность изучения всех дисциплин, стремится синтезировать и связать дисциплинарные знания.

При интеграции иностранного языка и профессиональных дисциплин возникает взаимодействие «цель–средство». С одной стороны, иностранный язык используется как средство для осуществления профессиональной коммуникации. С другой стороны, сам иностранный язык рассматривается как цель обучения. Роль иностранного языка наиболее полно проявляется в коммуникативной функции (культурно-бытовое общение и общение в профессиональной среде) [24. С. 77].

Профилизация иностранного языка за счет выделения профессионального метаязыка и некоторых аспектов специальных дисциплин способствует развитию всех четырех видов речевой деятельности, особенно умений чтения, реферирования, аннотирования текстов профессиональной сферы и коммуникативных иноязычных навыков, а именно умение вести диалог и составлять монологические высказывания по профессиональным темам.

Выделены принципы реализации междисциплинарного подхода: профессиональной направленности; научности и жизненной ориентации; личностной направленности; рефлексии; самостоятельности; интерактивности.

Введено понятие «визуализированный мыслеобраз» как дидактически формируемый единый целостный образ реальной действительности, последовательное формирование которого организовано через активизацию познавательной деятельности студента и понятийно-логических связей, переосмысление, запоминание информации сферы предметной области на иностранном языке и формирование иноязычных лексических навыков, позволяющих студенту участвовать в профессиональном иноязычном общении; предложен метод создания визуализированного мыслеобраза, предполагающий последовательное выполнение лексико-грамматических предтекстовых, текстовых и послетекстовых упражнений на иностранном языке, подводящих студента к выполнению практико-ориентированного творческого задания в контексте профильной направленности обучающихся.

Эффективное формирования иноязычных лексических навыков у студентов неязыкового вуза осуществляется в контексте междисциплинарной интеграции (иностранного языка, профильных дисциплин). Формирование искомых навыков осуществляется в ходе выполнения последовательного комплекса междисциплинарных заданий практической направленности. Одним из ведущих методов обучения иностранному языку применительно к направлению подготовки 35.03.10 «Ландшафтная архитектура», профиль «Садово-парковое и ландшафтное строительство», представляется создание «визуализированного мыслеобраза».

Список источников

1. Морозова А.Л. Синергетический подход в преподавании ESP в неязыковых вузах // Конференциум АСОУ : сб. науч. тр. и материалов научно-практических конференций. 2023. № 1. С. 64–78.
2. Перминов Е.А., Тестов В.А. Методология моделирования как основа реализации междисциплинарного подхода в подготовке студентов педагогических направлений // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 6. С. 9–30. doi: 10.17853/1994-5639-2020-6-9-30
3. Ларина Е.Н. Активизация познавательной деятельности студентов // Учебно-методическое пособие для педагогических работников. URL: <https://z-library.se/book/2661644/530fff/Активизация-познавательной-деятельности-студентов.html> (дата обращения: 02.02.2024).
4. Хуторской А.В. Метапредметный подход к проектированию образования // Инновации в образовании. 2017. № 12. С. 5–20.
5. König R. (Ed.) Aspekte der Entwicklungssoziologie. Wiesbaden, 1969. doi: 10.1007/978-3-663-02319-7
6. Жиронкина О.В., Рольгайзер А.А. Междисциплинарный подход при обучении иностранному языку в вузе // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. Т. 10, № 3. С. 148–163.
7. Working relationally in and across disciplinary and professional boundaries // Innovating Pedagogy 2023. Exploring new forms of teaching, learning and assessment, to guide educators and policy makers. Institute of Educational Technology, The Open University Walton Hall, Milton Keynes, MK7 6AA, United Kingdom. P. 45–47. URL: <https://www.open.ac.uk/innovating> (дата обращения: 15.02.2024).
8. Сергеева Н.Н., Сорокоумова С.Н. Профессионально ориентированный подход при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: сущность и принципы // Язык и культура. 2022. № 57. С. 223–239. doi: 10.17223/19996195/57/11
9. Сысоев В.П., Белоусов А.С. Разработка методики профориентационного обучения иностранному языку обучающихся гуманитарного профильного класса на основе интегрированного подхода // Перспективы науки и образования. 2022. № 5 (59). С. 247–263.
10. Шестакова Л.А. Теоретическое основание междисциплинарной интеграции в образовательном процессе вузов // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. 2013. № 1 (2). С. 268–271.
11. Богудинова Р.З., Городецкая И.М. Междисциплинарный подход в интерактивном самообразовании // Инженерное образование. 2016. № 20. С. 52–56.
12. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Модель интеграции коммуникативно-проектной технологии в обучение иноязычной публичной речи будущих инженеров // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 61. С. 175–190. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190
13. Обдалова О.А., Жарова Ю.В. Интегративно-развивающее обучение будущих инженеров иноязычной публичной речи на основе технологии междисциплинарного ассемблирования // Философия образования. 2023. Т. 23, № 2. С. 158–177. doi: 10.15372/PHE20230210
14. Беляева Т.В. Междисциплинарный подход в обучении: CLIL и ОУР. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/174595/1/42-43.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).

15. Загвязинский В.И., Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2005. 208 с.
16. Fink L. Dec. What is Significant Learning? URL: https://www.uvm.edu/ctl/wp-content/uploads/2022/03/Fink_SignificantLearning.pdf (дата обращения: 25.01.2024).
17. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход : метод. пособие. М. : Высшая школа, 1991. 207 с.
18. Сорока О.Г., Васильева И.Н. Визуализация учебной информации. URL: http://elibrary.bspu.by/bitstream/doc/10693/1/Soroka_PS_12_2015.pdf (дата обращения: 30.01.2024).
19. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики, 1998. 784 с.
20. Маслова Н.В., Юркевич Е.В. Голлографические мыслеобразы: рождение, управление, трансформация. М. : Традиция, 2017. 224 с.
21. Гураль С.К., Обдалова О.А. Синергетическая модель развития образовательного пространства // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 90–94.
22. Обдалова О.А. Роль тематически-обусловленной лексики в обучении студентов бакалавриата естественнонаучных направлений профессионально-ориентированному дискурсу // Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов. Томск, 2018. С. 321–349.
23. Устин В.Б. Композиция в дизайне. Методические основы композиционно-художественного формообразования в дизайнерском творчестве : учеб. пособие. 2-е изд. М. : АСТ Астрель, 2007. 352 с.
24. Матвиенко Е.В. Междисциплинарный подход к проектированию курса иностранного языка в неязыковом вузе. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/785/16.pdf> (дата обращения: 07.01.2024).

References

1. Morozova, A.L. (2023) Sinergeticheskiy podkhod v prepodavanii ESP v neyazykovykh vuzakh [Synergetic Approach in Teaching ESP in Non-Linguistic Universities]. *Konferentsium ASOU: sb. nauch. tr. i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy*. 1. pp. 64–78.
2. Perminov, E.A. & Testov, V.A. (2020) Metodologiya modelirovaniya kak osnova realizatsii mezhdistitsiplinarnogo podkhoda v podgotovke studentov pedagogicheskikh napravleniy [Modeling Methodology as a Basis for Implementing an Interdisciplinary Approach in the Training of Pedagogical Students]. *Obrazovanie i nauka*. 22 (6). pp. 9–30. doi: 10.17853/1994-5639-2020-6-9-30
3. Larina, E.N. *Aktivizatsiya poznavatel'noy deyatel'nosti studentov* [Activation of Students' Cognitive Activity]. [Online] Available from: https://z-library.se/book/2661644/530fff/Aktivizatsiya_poznavatel'noy_deyatelnosti_studentov.html (Accessed: 02.02.2024).
4. Khutorskoy, A.V. (2017) Metapredmetnyy podkhod k proektirovaniyu obrazovaniya [A Meta-Subject Approach to Educational Design]. *Innovatsii v obrazovanii*. 12. pp. 5–20.
5. König, R. (ed.) (1969) *Aspekte der Entwicklungssoziologie*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. doi: 10.1007/978-3-663-02319-7
6. Zhironkina, O.V. & Rol'gayzer, A.A. (2022) Mezhdistitsiplinarnyy podkhod pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze [Interdisciplinary Approach in Foreign Language Teaching at University]. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda*. 10 (3). pp. 148–163.
7. Institute of Educational Technology, The Open University. (2023) Working relationally in and across disciplinary and professional boundaries. In: *Innovating Pedagogy 2023. Exploring new forms of teaching, learning and assessment, to guide educators and policy makers*. pp. 45–47. [Online] Available from: <https://www.open.ac.uk/innovating> (Accessed: 15.02.2024).
8. Sergeeva, N.N. & Sorokoumova, S.N. (2022) Professional'no orientirovannyy podkhod pri obuchenii inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze: sushchnost' i printsipy [Professionally Oriented Approach in Foreign Language Teaching at a Non-Linguistic University: Essence and Principles]. *Yazyk i kul'tura*. 57. pp. 223–239. doi: 10.17223/19996195/57/11
9. Sysoev, V.P. & Belousov, A.S. (2022) Razrabotka metodiki proforientatsionnogo obucheniya inostrannomu yazyku obuchayushchikhsya humanitarnogo profil'nogo klassa na osnove integrirovannogo podkhoda [Developing a Methodology for Career-Oriented Foreign Language Teaching for Students of a Humanities Profile Class Based on an Integrated Approach]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5 (59). pp. 247–263.
10. Shestakova, L.A. (2013) Teoreticheskoe osnovanie mezhdistitsiplinarnoy integratsii v obrazovatel'nom protsesse vuzov [Theoretical Basis of Interdisciplinary Integration in the Educational Process of Universities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vite*. 1 (2). pp. 268–271.
11. Bogudinova, R.Z. & Gorodetskaya, I.M. (2016) Mezhdistitsiplinarnyy podkhod v interaktivnom samoobrazovanii [Interdisciplinary Approach in Interactive Self-Education]. *Inzhenernoe obrazovanie*. 20. pp. 52–56.
12. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) Model' integratsii kommunikativno-proektnoy tekhnologii v obuchenie inoyazychnoy publichnoy rechi budushchikh inzhenerov [A Model for Integrating Communicative-Project Technology into Teaching Future Engineers Foreign Public Speaking]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 61. pp. 175–190. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190
13. Obdalova, O.A. & Zharova, Yu.V. (2023) Integrativno-razvivayushchee obuchenie budushchikh inzhenerov inoyazychnoy publichnoy rechi na osnove tekhnologii mezhdistitsiplinarnogo assemblirovaniya [Integrative-Developmental Teaching of Future Engineers' Foreign Public Speaking Based on Interdisciplinary Assembling Technology]. *Filosofiya obrazovaniya*. 23 (2). pp. 158–177. doi: 10.15372/PHE20230210
14. Belyaeva, T.V. (2024) *Mezhdistitsiplinarnyy podkhod v obuchenii: CLIL i OUR* [Interdisciplinary Approach in Teaching: CLIL and ESD]. [Online] Available from: <https://elibrary.bspu.by/bitstream/123456789/174595/1/42-43.pdf> (Accessed: 30.01.2024).
15. Zagvyazinskiy, V.I. & Atakhanov, R. (2005) *Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskogo issledovaniya* [Methodology and Methods of Psychological-Pedagogical Research]. 2nd edition. Moscow: Akademiya.
16. Fink, L.D. (2022) *What is Significant Learning?* [Online] Available from: https://www.uvm.edu/ctl/wp-content/uploads/2022/03/Fink_SignificantLearning.pdf (Accessed: 25.01.2024).
17. Verbitskiy, A.A. (1991) *Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod* [Active Learning in Higher Education: A Contextual Approach]. Moscow: Vysshaya shkola.
18. Soroka, O.G. & Vasil'eva, I.N. (2015) *Vizualizatsiya uchebnoy informatsii* [Visualization of Educational Information]. [Online] Available from: http://elibrary.bspu.by/bitstream/doc/10693/1/Soroka_PS_12_2015.pdf (Accessed: 30.01.2024).
19. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. An Essay on Man]. Moscow: Gardarika.
20. Maslova, N.V. & Yurkevich, E.V. (2017) *Golograficheskie mysleobrazy: rozhdenie, upravlenie, transformatsiya* [Holographic Thought Images: Birth, Management, Transformation]. Moscow: Traditsiya.
21. Gural', S.K. & Obdalova, O.A. (2011) Sinergeticheskaya model' razvitiya obrazovatel'nogo prostranstva [Synergetic Model of Educational Space Development]. *Yazyk i kul'tura*. 4 (16). pp. 90–94.
22. Obdalova, O.A. (2018) Rol' tematicheski-obuslovennoy leksiki v obuchenii studentov bakalavriata estestvennonauchnykh napravleniy professional'no-orientirovannomu diskursu [The Role of Thematically Conditioned Vocabulary in Teaching Undergraduate Students of Natural Science Fields Professionally-Oriented Discourse]. In: *Integrirovannoe obuchenie inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov* [Integrated Teaching of Foreign Languages and Professional Disciplines. The Experience of Russian Universities]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Ustin, V.B. (2007) *Kompozitsiya v dizayne. Metodicheskie osnovy kompozitsionno-khudozhestvennogo formoobrazovaniya v dizaynerskom tvorchestve* [Composition in Design. Methodological Foundations of Compositional and Artistic Form-Making in Design Creativity]. 2nd edition. Moscow: AST Astrel'.

24. Matvienko, E.V. (2024) *Mezhdistsiplinarnyy podkhod k proektirovaniyu kursa inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze* [Interdisciplinary Approach to Designing a Foreign Language Course in a Non-Linguistic University]. [Online] Available from: <https://pglu.ru/upload/iblock/785/16.pdf> (Accessed: 07.01.2024).

Информация об авторах:

Сергеева Н.Н. – д-р пед. наук, зав. кафедрой профессионально-ориентированного профессионального образования Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: snatalia2016@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7367-0003

Копылова Е.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: l.kopylova079@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Sergeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Professionally-Oriented Vocational Education, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: snatalia2010@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7367-0003

E.V. Kopylova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: l.kopylova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 18.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.829
doi: 10.17223/15617793/514/22

Взаимодействие субъектов исполнительной пробации (часть 1)

Алла Липаритовна Агабекян¹, Владислав Сергеевич Исаков², Николай Владимирович Ольховик³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ Alla.Agabekyan@yandex.ru

² vladislav.isakov.97@mail.ru

³ lawtsu@rambler.ru

Аннотация. Определяются обоснованность, необходимость, правовые основы и направления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с другими субъектами исполнительной пробации. Уточнено понятие «трудная жизненная ситуация», определено содержание пяти критериев нуждаемости лица, обратившегося с заявлением о пробации, и сформулированы предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства о пробации и практики деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: пробация, исполнительная пробация, субъекты пробации, уголовно-исполнительные инспекции, критерии нуждаемости

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Агабекян А.Л., Исаков В.С., Ольховик Н.В. Взаимодействие субъектов исполнительной пробации (часть 1) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 195–204. doi: 10.17223/15617793/514/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/22

Interaction of subjects of executive probation (part 1)

Alla L. Agabekyan¹, Vladislav S. Isakov², Nikolay V. Olkhovik³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ Alla.Agabekyan@yandex.ru

² vladislav.isakov.97@mail.ru

³ lawtsu@rambler.ru

Abstract. The article defines the justification, necessity, legal foundations, and directions for the interaction of penal inspectorates with other subjects of executive probation. It outlines the content of five criteria indicating the needs of an individual applying for probation assistance: assistance in obtaining documents necessary for the realization of their rights; counseling on social and legal matters; access to psychological assistance; assistance with employment; assistance in obtaining general education, secondary vocational education, undergoing vocational training, advanced training, or retraining. The authors propose a new definition for the concept of a "difficult life situation" within Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation". They argue that the assistance provided by penal inspectorates in obtaining documents necessary for realizing one's rights should be limited solely to consulting on the procedures for obtaining the documents. They propose that regional legislation should provide for the possibility of subsidies from the budget of a constituent entity of the Russian Federation to cover state fees required for document processing, or that probation clients should be exempted from paying the state fee for issuing a Russian passport to replace a lost or damaged one, as stipulated in the Tax Code of the Russian Federation. The authors contend that penal inspectorates, within the sphere of probation, should facilitate counseling on social and legal issues, and propose a revised wording for Article 23 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation". The article justifies a model for providing psychological help within the framework of executive probation that excludes the participation of Criminal Enforcement Inspectorate staff. The authors substantiate the need to standardize the grounds for removing citizens from the register of the employment service and the grounds for terminating probation. They propose including in the individual program of a convicted person in need of employment measures for their initial registration as unemployed. Furthermore, they recommend imposing an obligation on employment service authorities to notify penal inspectorate staff about any assistance measures provided that were not included in the individual program for the resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of persons under executive probation. The article argues that to facilitate access to education, educational institutions should create a special individual educational program for probation "clients". This program would allow for their enrollment outside the standard deadlines and for their studies to commence based on the individual's specific circumstances.

Keywords: probation, executive probation, subjects of probation, penal inspections, criteria of neediness

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project. No 24-78-10043, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10043/>

For citation: Agabekyan, A.L., Isakov, V.S. & Olkhovik, N.V. (2025) Interaction of subjects of executive probation (part 1). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 195–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/22

Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) к субъектам пробации относит учреждения уголовно-исполнительной системы, государственные учреждения службы занятости населения, организации социального обслуживания (далее – специализированные субъекты исполнительной пробации) [1].

Обоснованность и необходимость взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с вышеперечисленными специализированными субъектами исполнительной пробации обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, это связано с тем, что перед уголовно-исполнительными инспекциями и другими специализированными субъектами исполнительной пробации стоят хотя и разнородные, но все-таки общие задачи, связанные с предупреждением преступлений и иных правонарушений. Во-вторых, обязанностью уголовно-исполнительных инспекций является только оказание содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, а реализовывать весь комплекс мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и ресоциализации осужденных, находящихся на исполнительной пробации, на наш взгляд, обязаны другие специализированные субъекты пробации в соответствии со своей компетенцией.

В соответствии со ст. 2 Закона о пробации правовую основу взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и других специализированных субъектов исполнительной пробации составляют: Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации (далее – РФ), Закон о пробации, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, нормативные правовые акты Правительства РФ, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере пробации [1]. Кроме того, имеются и правовые нормы, объединенные в соглашения, которые заключили уголовно-исполнительные инспекции с другими специализированными субъектами пробации.

Направления взаимодействия специализированных субъектов исполнительной пробации осуществляются по тем направлениям деятельности, которые нацелены на преодоление трудной жизненной ситуации теми лицами, в отношении которых применена пробация. Оценка трудной жизненной ситуации проводится по критериям, предусмотренным Приложением 4 к Приказу Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от

06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»» (далее – Приказ Минюста России о пробации), следовательно, направления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и других специализированных субъектов пробации зависят от критерия нуждаемости лица, обратившегося с заявлением о пробации [2].

Закон о пробации под индивидуальной нуждаемостью понимает «потребность лиц, в отношении которых применяется пробация, в поддержке, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации». В научной литературе сформулированы различные определения понятия «жизненная ситуация», «трудная жизненная ситуация» [3; 4. С. 5; 5. С. 8; 6. С. 6–7; 7. С. 75–77]. Вместе с тем под трудной жизненной ситуацией понимается «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно». Таким образом определял понятие «трудная жизненная ситуация» и ранее действовавший Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ) и указывал, что это ситуация, «которая либо объективно нарушает жизнедеятельность, либо субъективно воспринимается как сложная и не может быть преодолена самостоятельно» [8]. Отметим, что в ст. 1 действующего Федерального закона «О государственной социальной помощи» (далее – Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ) содержится аналогичное определение, отраженное в утратившем силу Федеральном законе от 10.12.1995 № 195-ФЗ.

Учитывая изложенное выше, предлагаем определение понятия «трудная жизненная ситуация» в п. 9 ч. 1 ст. 5 Закона о пробации заменить на то, которое ранее было предусмотрено в ст. 3 Федерального закона от 10.12.1995 № 195-ФЗ и в ст. 1 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ, с небольшими изменениями и сформулировать в следующей редакции: «трудная жизненная ситуация – ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина, которую он не может преодолеть самостоятельно». Такое определение представляется нам более лаконичным и структурированным, так как позволит определять трудную жизненную ситуацию исходя из объективных критериев, а не субъективных, что сократит случаи злоупотребления правом со стороны осужденных.

Приказ Минюста России о пробации закрепляет 14 критериев индивидуальной нуждаемости клиентов пробации [2].

Нуждаемость в содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав, испытывают 35% осужденных, обратившихся с заявлением о

пробации. Примечательно, что именно при оказании помощи в оформлении документов осужденному территориальный орган ФСИН России взаимодействует с наибольшим количеством субъектов пробации, а именно с органами внутренних дел, налоговыми органами, Социальным фондом, страховыми компаниями, ЗАГС, некоммерческими организациями и т.п.

Основанием оценки наличия данного критерия нуждаемости, как показало исследование, проведенное по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043 «Эффективная пробация – безопасное общество», является отсутствие у осужденного документа, удостоверяющего его личность, а также регистрации по месту жительства или месту пребывания, страхового медицинского полиса и его волеизъявление получить соответствующий документ. Однако возникает вопрос о том, способен ли осужденный самостоятельно решить проблему с получением необходимых ему документов? Очевидно, если у гражданина отсутствует паспорт, то это создает объективную потребность в его получении, так как при отсутствии документа, удостоверяющего личность, лицо лишается возможности в полной мере реализовывать свои права. Вместе с тем должны ли сотрудники уголовно-исполнительных инспекций заниматься помощью с оформлением документов для получения социальных или медицинских услуг (например, идентификационный номер налогоплательщика, страховой номер индивидуального лицевого счета, полис обязательного медицинского страхования)? Является ли потребность в получении идентификационного номера налогоплательщика трудной жизненной ситуацией? Отвечая на первый вопрос, отметим, что действия сотрудников в данном случае должны быть ограничены консультированием по вопросам получения, обращая внимание на существующие субъекты пробации, общественные организации, с которыми осужденный может самостоятельно взаимодействовать на основе как закона, так и заключенных соглашений. Исходя из этого, ответ на второй вопрос будет отрицательным. Об этом свидетельствует и изученная нами практика реализации исполнительной пробации. Например, осужденный И. нуждался в восстановлении паспорта, сотрудник уголовно-исполнительной инспекции проконсультировал и проинформировал осужденного о перечне необходимых документов для получения паспорта, графике работы отдела по вопросам миграции, выдал направление и проконтролировал факт получения паспорта. В другом примере сотрудник уголовно-исполнительной инспекции проконсультировал осужденного Б. по вопросам получения идентификационного номера налогоплательщика, направил запрос в Федеральную налоговую службу и проконтролировал факт получения идентификационного номера налогоплательщика.

Основная проблема, с которой сталкиваются осужденные при оформлении документов, – это обязанность оплатить госпошлину, средств на оплату которой у осужденного нет. Решается этот вопрос по-разному. В одних случаях пошлину оплачивают инспекторы из собственных средств, что считаем недопусти-

мым. В других – удается оплатить эту пошлину благодаря некоммерческим организациям, с которыми территориальные органы ФСИН России заключают соглашения. Так, в Москве осужденным помогает, например, Фонд Регины Юрьевой по поддержке содействию реализации приоритетных и социальных проектов [9], а в Томске – Автономная некоммерческая организация «Юридическая служба «Про Део (Для Бога)» [10]. Однако для решения этой проблемы необходим системный подход, который был бы универсальным для осужденных по всей стране.

Нами предлагаются два варианта решения выявленной проблемы. Первое – предусмотреть на региональном уровне возможность получения из средств бюджета субъекта РФ субсидии на оплату госпошлин, необходимых для оформления документов, либо непосредственно осужденным, либо организациям, к которым обращаются осужденные за такой помощью при содействии уголовно-исполнительной инспекции, как, например, в Алтайском крае [11], Кемеровской области [12], Республике Северная Осетия-Алания [13], Республике Мордовия [14]. Второе решение – внести в Налоговый кодекс РФ изменения, предусматривающие возможность освобождения от уплаты госпошлины за выдачу паспорта гражданина РФ взамен утраченного или пришедшего в негодность, как это было сделано для участников специальной военной операции с 29.05.2023 [15].

В консультировании по социальным и правовым вопросам нуждается 27% клиентов пробации. Изучение практики показывает, что потребность в консультации по социальным и правовым вопросам в большинстве случаев не рассматривается как отдельная мера, она включается в индивидуальную программу даже тогда, когда речь идет исключительно об информировании лица о необходимых для получения документов действиях. При этом в программе отображаются сразу два критерия нуждаемости вместо одного – нуждаемость в содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав.

Если осужденный нуждается в консультировании по правовым вопросам, то следует обратиться к ст. 7 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», которая предусматривает, что бесплатная юридическая помощь может оказываться физическими и юридическими лицами – участниками государственной и негосударственной системы бесплатной юридической помощи, а также иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи [16]. Однако следует учитывать, что для получения этой услуги одного желания осужденного недостаточно. Необходимо наличие у него трудной жизненной ситуации.

Изученная нами практика реализации исполнительной пробации показала, что при консультировании по социальным и правовым вопросам сотрудники отделов пробации в индивидуальных программах отмечали себя в качестве работника, проводившего данное мероприятие. Так, в одном из филиалов уголовно-исполнительной инспекции осужденный в целях прохождения

исполнительной пробации обратился с заявлением о разъяснении порядка восстановления паспорта.

Для оказания помощи осужденному инспектор пробации направил запрос в городской отдел полиции, откуда поступил ответ с подробным изложением процедуры восстановления утерянного документа. Несмотря на то, что источником информации являлись разъяснения начальника отдела по вопросам миграции городского отдела МВД России, в индивидуальной программе исполнителем мероприятия по консультированию осужденного указан инспектор пробации.

Полагаем, подобные ситуации происходят по причине возложения на уголовно-исполнительные инспекции, согласно ст. 23 и п. 9 ч. 1 ст. 28 Закона о пробации, обязанности самостоятельного консультирования осужденных по широкому кругу вопросов социального и правового характера, включая оказание помощи в подготовке различных документов. Следовательно, по смыслу закона инспектор пробации вправе ограничиться проведением беседы с осужденным вместо его направления за получением консультации к профильному специалисту. Данной позиции придерживается А.С. Скороходова, которая указывает на допустимость консультирования осужденных по социально-правовым вопросам сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, например, по перечню документов для регистрации по месту жительства или пребывания, порядку получения социальных услуг [17. С. 143].

Как представляется, инспектор пробации может проконсультировать осужденного по вопросам, которые не требуют обращения за разъяснениями в компетентные органы и детального анализа нормативно-правовых актов. Однако существует риск злоупотребления сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций своим полномочием по консультированию осужденных, что в дальнейшем приведет к искусственному завышению показателей о проведенных мероприятиях в рамках исполнительной пробации и искажению статистики по количеству реально оказанной помощи. Под вопросом и качество такой консультации, поскольку у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, как правило, нет опыта работы в органах социальной защиты населения и организациях, оказывающих услуги правового характера, а полученное ими юридическое образование имеет уголовно-правовую направленность. Кроме того, непосредственное выполнение мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой по исполнительной пробации, на основании пп. 3 п. 47 и п. 51 главы III Приложения № 1 к Приказу Минюста России о пробации является задачей органов власти и организаций, которые посещает осужденный по направлению сотрудника уголовно-исполнительной инспекции [2]. Следовательно, консультированием осужденных по социальным и правовым вопросам должны заниматься иные субъекты пробации и общественные организации, с которыми уголовно-исполнительные инспекции взаимодействуют в целях подготовки индивидуальной программы и контроля её выполнения.

Для обеспечения надлежащего взаимодействия при оказании консультативной помощи в рамках исполнительной пробации предлагается следующее. Прежде

всего, территориальным органам ФСИН России необходимо активизировать поиск сторонних организаций, специализирующихся на предоставлении социальных и (или) правовых услуг. Например, ГУФСИН России по Новосибирской области заключило соглашение с Новосибирским региональным отделением ООО «Ассоциация юристов России», которое оказывает осужденным квалифицированную юридическую помощь [18]. Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по Алтайскому краю в целях взаимодействия при осуществлении деятельности в сфере пробации заключила 77 соглашений с муниципальными управлениями социальной защиты населения и комплексными центрами социального обслуживания населения, где осужденные получают информацию по различным социальным вопросам. Заслуживает внимания и сотрудничество в рамках исполнительной пробации УФСИН России по Алтайскому краю с АРОО «Здоровая нация», которая, согласно заключенному соглашению обязуется консультировать лиц по социально-правовым вопросам на безвозмездной основе [19].

Следует освободить сотрудников уголовно-исполнительных инспекций от обязанности самостоятельного консультирования осужденных. В связи с этим в п. 9 ч. 1 ст. 28 Закона о пробации следует внести изменение, согласно которому «уголовно-исполнительные инспекции в сфере пробации обеспечивают *содействие* в консультировании по социальным и правовым вопросам». Также ст. 23 Закона о пробации необходимо изложить в новой редакции: «1. Консультирование по социальным и правовым вопросам осуществляется посредством предоставления в устном или письменном виде информации, необходимой лицу для преодоления трудной жизненной ситуации. 2. В целях оказания содействия в консультировании по социальным и правовым вопросам уголовно-исполнительные инспекции обязаны направлять лиц, в отношении которых применяется исполнительная и постпенитенциарная пробация, в организации социального обслуживания, органы службы занятости, федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и коммерческие и некоммерческие организации, оказывающие социальные и юридические услуги».

Необходимость получения психологической помощи. Право осужденных на получение психологической помощи предусмотрено ст. 12 УИК РФ, является одной из задач пробации (ст. 4 Закона о пробации), а также может быть закреплено региональным законодательством для всех лиц, проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации [20].

Для получения психологической помощи одного желания осужденного недостаточно, необходимо наличие у него трудной жизненной ситуации, обусловленной необходимостью получения психологической помощи.

При изучении в нескольких регионах личных дел осужденных, в отношении которых применялась исполнительная пробация, нами были выявлены две основные схемы порядка оказания психологической помощи. В первой схеме инспектор пробации обращается в отделение психологического обеспечения уголовно-исполнительной инспекции территориального

органа ФСИН России (далее – ОПО УИИ) для подтверждения у лица трудной жизненной ситуации, при установлении которой сотрудники ОПО УИИ проводят психологическую работу с осужденным. Во второй схеме по запросу инспектора пробации психолог ОПО УИИ проводит только оценку нуждаемости осужденного в психологической помощи, а оказывается она сторонними организациями, которые не являются структурными подразделениями ФСИН России. Например, в Алтайском крае осужденным, проживающим в г. Барнауле, психологическая помощь оказывается в КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» [21, 22], КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» [22, 23] или в АРОО «Здоровая нация» [19], а осужденным, проживающим за пределами краевой столицы, – в районных и городских Комплексных центрах социального обслуживания населения [24].

Разный подход к оказанию психологической помощи объясняется тем, что анализируемый вид помощи в рамках исполнительной пробации одновременно является деятельностью сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в процессе исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера. Так, согласно ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ, осужденные имеют право на оказание психологической помощи сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы, чем и занимаются психологи ОПО УИИ.

Следовательно, возникает вопрос о правомерности самостоятельного оказания уголовно-исполнительной инспекцией психологической помощи осужденным при реализации мероприятий по исполнительной пробации. В научной литературе нет единой точки зрения по данному вопросу. П.В. Тепляшин и А.С. Сергиенко полагают, что в практическом аспекте необходимо отделять психологическую помощь осужденным, оказываемую уголовно-исполнительной инспекцией на общих основаниях, от психологической помощи, являющейся мероприятием в рамках пробации [25. С. 100]. По мнению А.П. Скибы, поскольку психологическая помощь является одновременно направлением пробации и одним из основных прав осужденных, следует различать правовую природу и значение психологической помощи как средства исправления осужденных по уголовно-исполнительному законодательству и средства коррекции социального поведения осужденных в процессе пробации [26. С. 65, 72]. А.Я. Гришко допускает возможность оказания сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции психологической помощи как мероприятия по исполнительной пробации, но отмечает недостаточное урегулирование этого вопроса действующими нормативно-правовыми актами в сфере пробации [27. С. 44].

Порядок оказания психологической помощи сотрудниками ОПО УИИ без участия сторонних организаций характеризуется следующими недостатками. Во-первых, отсутствие взаимодействия уголовно-исполнительной инспекции как самостоятельного субъекта исполнительной пробации с иными учреждениями ставит под сомнение целесообразность нахождения психологической помощи в перечне мероприятий по ис-

полнительной пробации, поскольку уголовно-исполнительные инспекции фактически дублируют её оказание в порядке положений УИК РФ. Тем не менее, согласно исследованию А.С. Скороходовой, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций считают оказание психологической помощи одним из особо значимых мероприятий для достижения целей пробации [28. С. 40]. По этой причине содержание психологической помощи в рамках исполнительной пробации должно принципиально отличаться от сложившейся практики её оказания в уголовно-исполнительных инспекциях.

Во-вторых, на практике бытует мнение о том, что очень часто осужденные опасаются разглашения психологами ОПО УИИ личной информации другим сотрудникам ФСИН и использования ее в служебных целях. Указанные обстоятельства делают невозможным оказание им психологической помощи и, как следствие, отказ осужденного от реализации пробации.

В-третьих, отсутствуют и методические указания оказания психологической помощи клиентам пробации, поскольку осужденные, проходящие исполнительную пробацию, к группе повышенного риска, как правило, не относятся, поэтому психологическая помощь заключается в разовой консультации, что в определенных случаях недостаточно для оказания помощи в полном объеме.

Последний недостаток связан со сложностью подтверждения тяжелой жизненной ситуации лица, обратившего с заявлением о прохождении исполнительной пробации. На практике возникает вопрос о выборе метода, наиболее подходящего для проверки потребности лица в психологической помощи. В некоторых регионах используется аудиовизуальная диагностика, представляющая собой беседу, в ходе которой психолог путём изучения внешнего вида, поведения, мимики, жестов, речи осужденного делает вывод о его психоэмоциональном состоянии. Однако, по замечанию психолога ОПО УИИ, аудиовизуальная диагностика в основном предназначена для прогноза поведения осужденного на предмет рецидива преступления и выработки рекомендаций сотрудникам ФСИН по дальнейшему исполнению наказания. Следовательно, такой метод не позволяет дать объективную оценку нуждаемости лица в проведении с ним психологической работы.

Другая схема оказания психологической помощи, где главной задачей психолога ОПО УИИ является только проверка нуждаемости лица в данной помощи, на практике затрудняет взаимодействие субъектов исполнительной пробации. Заключение психолога ОПО УИИ по результатам такой проверки носит строго конфиденциальный характер, поэтому не может передаваться организации, которая в дальнейшем будет оказывать психологическую помощь. Из-за этого сторонняя организация испытывает трудности при подготовке ответа на запрос инспектора пробации о перечне предполагаемых мероприятий и сроках их проведения, поскольку не имеет каких-либо сведений о трудной жизненной ситуации осужденного. На практике психолог сторонней организации вынужден неофициально

обращаться в филиал уголовно-исполнительной инспекции для получения справочной информации о лице, но инспектор пробации не вправе её разглашать. Данное обстоятельство отрицательно влияет на качество подготовки индивидуальной программы по исполнению пробации. Одновременно снижается качество оказываемой психологической помощи, поскольку психолог сторонней организации связан доводами психолога ОПО УИИ о нуждаемости лица в прохождении пробации, но в процессе работы с осужденным он может прийти к противоположному мнению. При этом законодательство не предусматривает досрочное прекращение исполненной пробации по инициативе организации, ответственной за выполнение мероприятий по индивидуальной программе.

Наиболее оптимальной, на наш взгляд, является схема оказания психологической помощи в рамках исполненной пробации, где полностью исключено какое-либо участие сотрудников ОПО УИИ. Непосредственное взаимодействие инспекторов пробации со сторонними организациями с целью проведения психологической работы с осужденным обладает рядом преимуществ. За пределами учреждения уголовно-исполнительной системы осужденный, находясь совершенно в другой обстановке, сможет подробно и искренне рассказать психологу о своей трудной жизненной ситуации. Участие сторонней организацией в проверке нуждаемости лица в оказании психологической помощи позволит сэкономить время на подготовку индивидуальной программы, а также повысит эффективность её выполнения, поскольку программа будет составляться психологом на основе информации, полученной в ходе первичной беседы с осужденным. Лица, отбывающие наказание за пределами исправительных учреждений, будут иметь возможность получения психологической помощи не только от сотрудников ОПО УИИ в соответствии с ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ, но и от психологов других организаций, что усилит заинтересованность осужденных в прохождении исполненной пробации. Наконец, психологи сторонних организаций более свободны в выборе методов оказания психологической помощи, чем сотрудники ОПО УИИ, которые в своей работе обязаны следовать внутренним указаниям и методическим рекомендациям органов и учреждений ФСИН России.

Содействие в трудоустройстве необходимо каждому десятому клиенту пробации. Основания и порядок такого содействия предусмотрены законодательством о занятости населения [29, 30], а также принятыми на основании него ведомственными актами [31]. Для содействия осужденному в трудоустройстве необходимо не только его желание такое содействие получить, но и наличие предусмотренных законом оснований для регистрации в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы и (или) признания его безработным. Поэтому для определения и оценки индивидуальной нуждаемости лица в получении содействия в трудоустройстве, инспектору пробации необходимо установить: а) желание лица получить содействие в трудоустройстве; б) наличие предусмотренных

законом оснований для получения содействия в трудоустройстве; в) отсутствие факта обращения этого лица в органы службы занятости населения по аналогичному основанию; г) при наличии такого обращения – отсутствие уже состоявшегося отказа органов службы занятости населения в содействии либо д) при наличии отказа – возникновение обстоятельств, дающих право на получение содействия в трудоустройстве. Указанные обстоятельства, безусловно, должны подтверждаться соответствующими документами. Инспектору пробации следует очень тщательно проверить предоставленные лицом документы и только после этого направить запрос в органы службы занятости населения, в котором указать: основание запроса информации (заявление лица о содействии; его правовой статус; правовое основание запроса информации (п. 1 ч. 2 ст. 28 Закона о пробации); просьбу предоставить информацию: о наличии у лица, обратившегося с заявлением о содействии, предусмотренных законом оснований для содействия в трудоустройстве; наличии (отсутствии) факта обращения ранее данного лица по вопросам содействия ему в трудоустройстве, в случае получения отказа – по какому основанию и когда ему было отказано в получении такого содействия; приложение (копии заявления лица об оказании содействия и документов, предоставленных данным лицом).

Считаем, что инспектор пробации до направления запроса в органы службы занятости населения должен выяснить, не является ли заявитель самозанятым. Для этого инспектору необходимо направить запрос и в территориальный орган Федеральной налоговой службы. На наш взгляд, только на основании документов, представленных заявителем и полученных из Федеральной налоговой службы и органа службы занятости населения, инспектор пробации сможет определить индивидуальную нуждаемость заявителя в трудоустройстве.

Анализ законодательства показал, что основания для снятия граждан с регистрационного учета органов службы занятости населения и основания для прекращения пробации, предусмотренные Законом о пробации, существенно различаются. Снятие граждан с учета органа службы занятости населения происходит, если гражданин отказался от двух вариантов подходящей работы, а гражданин, впервые ищущий работу и не имеющий квалификации, два раза отказался от предложений прохождения профессионального обучения и (или) оплачиваемой работы, включая работу временного характера и оплачиваемые общественные работы. Наличие указанных обстоятельств не является основанием для прекращения пробации в соответствии с Законом о пробации и Приказом Минюста России о пробации, но делает невозможным содействие в трудоустройстве со стороны органа службы занятости населения [32. С. 92]. Как указывалось нами ранее, решить данный вопрос возможно, включив в индивидуальную программу нуждающегося в трудоустройстве осужденного мероприятия по первоначальной постановке его на учет безработным, а также обязав органы службы занятости населения уведомлять сотрудников уголовно-исполнительной инспекции о мероприятиях,

не включенных в индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых осуществляется исполнительная пробация [33. С. 90].

Необходимость содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации, прохождении обучения по программам профессиональной переподготовки должна определяться на основании Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [34] и Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [35].

Оказание заявителю рассматриваемого содействия возможно при наличии программ обучения по данным специальностям в пределах региона или в иных регионах, где готовы предоставлять условия проживания, а также при наличии у заявителя трудной жизненной ситуации.

Круг субъектов взаимодействия при оказании содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации значительно уже, как правило, это министерство или департамент образования субъекта РФ, реже – конкретные образовательные учреждения. Положительный опыт наблюдается в Алтайском крае, где с 13 учебными заведениями среднего профессионального образования заключены соглашения территориальными органами ФСИН. В г. Москве соглашения заключены с ГБОУ «Киноколледж № 40 «Московская международная киношкола», ГБОУ «Колледж современных технологий им. Героя СССР М.Ф. Панова», ГБОУ «Технологический колледж № 21» и даже с ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте». Показательным и образцовым примером оказания содействия в получении образования будет пробационное дело в одном из субъектов РФ, где сотрудник уголовно-исполнительной инспекции помогал лицу поступить в колледж: предоставил информацию, необходимую для поступления в учреждение; помогал в выполнении творческого задания,

требуемого для прохождения первичного отбора в образовательное учреждение; самостоятельно на протяжении всего периода пробации отслеживал результат отбора.

При реализации данного мероприятия возникает проблема, что, как правило, осужденные не проходят конкурс и не поступают в образовательное учреждение ни на бюджетную основу, ни на платную. Получается, что «клиенту» пробации оказано содействие сотрудником уголовно-исполнительной инспекции, но осужденный так и не получил образование, т.е. в итоге эта трудная жизненная ситуация не разрешена. Урегулирование данной проблемы видится в закреплении «квоты» (платной) для таких лиц в образовательных учреждениях, с которыми заключены соглашения.

С содействием в получении образования связана еще одна специфическая проблема – невозможность поступления в образовательное учреждение в период реализации исполнительной пробации ввиду ограниченности как срока применения таковой, так и периода зачисления в образовательное учреждение. Нередко складывается такая ситуация, что осужденный, у которого данный критерий нуждаемости подтвержден, не успевает в период реализации пробации поступить в образовательное учреждение и начать обучение, так как индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации может быть завершена до начала учебного года.

Решение сложившейся ситуации видится в необходимости создания образовательным учреждением для таких «клиентов» пробации специальной индивидуальной программы обучения, позволяющей зачислить их в иные сроки и начать обучение с учетом особенностей обучающегося.

Отметим, что в зарубежных странах этому критерию нуждаемости уделяют особое внимание. Так, в США на правительственном уровне внедряются курсы социального тренинга (образовательные, профессиональные и т.п.) [36. С. 37–38]. Многочисленные программы ресоциализации осужденных основываются на положениях пп. 10.1, 10.2, 22.1 Токийских правил и реализуются во многих европейских странах [37. С. 60], например, в Бельгии [38], Венгрии [39], на Кипре [40].

Список источников

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003> (дата обращения: 09.01.2025).
2. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения: 09.01.2025).
3. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб. : Речь, 2005. 400 с.
4. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18.
5. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2007. 288 с.
6. Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. 10 с. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/760/771> (дата обращения: 09.01.2025).
7. Мартынова Г.Ю. Особенности самоотношения субъектов трудной жизненной ситуации // Научный диалог. 2013. № 4 (16): Психология. Педагогика. С. 74–84.
8. Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8574/ (дата обращения: 09.01.2025).
9. В УФСИН России по г. Москве подписано соглашение о сотрудничестве с Фондом Регины Юрьевой по поддержке и содействию реализации приоритетных социальных проектов // Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52107703-v-ufsin-rossii-po-g>

- moskve-podpisano-soglasenie-o-sotrudnichestve-s-fondom-reginy-yurevoy-po-podderzhke-i-sodeystviyu-realizatsii-prioritetnyh-sotsialnyh-proektov/ (дата обращения: 11.01.2025).
10. Проекты // Конкурс по предоставлению субсидий СОНКО Томской области на реализацию социальных проектов. URL: <https://xn--j1adfnс.xn--80af5akm8с.xn--p1ai/public/application/item?id=31a0d512-7db4-4561-b04f-9db3a10faa5c> (дата обращения: 15.01.2025).
11. Закон Алтайского края от 04.12.2024 № 92-ЗС «О регулировании отдельных отношений в сфере пробации в Алтайском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2200202412060007?index=1> (дата обращения: 19.01.2025).
12. Закон Кемеровской области – Кузбасса от 21.12.2023 № 122-ОЗ «О регулировании некоторых вопросов в сфере пробации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202312250002> (дата обращения: 19.01.2025).
13. Закон Республики Северная Осетия – Алания от 28.12.2023 № 94-РЗ «О реализации на территории Республики Северная Осетия – Алания некоторых положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1500202312280012> (дата обращения: 19.01.2025).
14. Закон Республики Мордовия от 07.11.2024 № 87-З «Об отдельных вопросах реализации пробации на территории Республики Мордовия» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202411080008> (дата обращения: 19.01.2025).
15. Федеральный закон от 29.05.2023 № 187-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.35 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448073/ (дата обращения: 20.01.2025).
16. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12191964/> (дата обращения: 19.01.2025).
17. Скороходова А.С. Основные направления ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых осуществляется пробация // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности : материалы II Национальной (Всерос.) науч.-практ. конф. (Красноярск, 27 октября 2023 г.). Красноярск, 2024. С. 141–145.
18. Подписано соглашение между региональным ГУФСИН и Новосибирским реготделением АЮР // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/podpisano-soglasenie-mezhdu-regionalnym-gufsin-i-novosibirskim-regotdeleniem-ayur/> (дата обращения: 05.02.2025).
19. Что такое пробация? // Официальный сайт города Барнаул. URL: https://barnaul.org/committee_information/administratsiya-tsentralnogo-rayona/inaya-informatsiya/chto-takoe-probatsiya.html (дата обращения: 25.01.2025).
20. Закон г. Москвы от 07.10.2009 № 43 «О психологической помощи населению в городе Москве» // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57634964/> (дата обращения: 19.01.2025).
21. Вопросы пробации обсудили в Минсоцзащите // Официальный сайт – Министерство социальной защиты Алтайского края. URL: <https://www.aksp.ru/news/news/53165/> (дата обращения: 02.02.2025).
22. Сотрудники УФСИН России по Алтайскому краю посетили фестиваль-ярмарку инновационных социальных практик «В фокусе – семья» // Официальное сообщество УФСИН России по Алтайскому краю в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-131147455?z=probatsiya&w=wall-131147455_3920 (дата обращения: 01.03.2025).
23. Об услугах // КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин». URL: <http://www.criscentr.ru/service> (дата обращения: 15.01.2025).
24. В Краснощековском районе проводят социальную работу с женщинами, освободившимися из мест лишения свободы // Официальный сайт – Министерство социальной защиты Алтайского края. URL: <https://www.aksp.ru/news/news/55691/> (дата обращения: 02.02.2025).
25. Тепляшин П.В., Сергиенко А.С. Правовое регулирование оказания осужденным, отбывающим принудительные работы или лишение свободы, психологической помощи (в контексте реализации института пробации) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 1 (52). С. 97–104. doi: 10.34988/2226-2326.2024.79.43.012.
26. Скиба А.П. Принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: некоторые направления развития законодательства о противодействии преступности // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). С. 65–79.
27. Гришко А.Я. Пробация: от Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года к закону о пробации // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 2 (20). С. 38–46.
28. Скороходова А.С. Пробация в Российской Федерации: история и перспективы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 1. С. 36–42. doi: 10.51522/2307-0382-2024-260-1-36-42.
29. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (дата обращения: 19.01.2025).
30. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 19.01.2025).
31. Приказ Минтруда России от 27.10.2023 № 779н «Об утверждении типового соглашения о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости населения при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310310013> (дата обращения: 19.01.2025).
32. Уваров О.Н. Служба пробации в Российской Федерации и медиация // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 91–94. doi: 10.17223/23088451/18/16
33. Ольховик Н.В. Правовые проблемы применения исполнительной пробации // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 88–90. doi: 10.17223/23088451/23/14
34. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 19.01.2025).
35. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 19.01.2025).
36. Денисова А.В. Институт реабилитации в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 5 (73). С. 34–39.
37. Агабекян А.Л. Непенитенциарные системы Европы. М. : Юрлитинформ, 2023. 176 с.
38. Pre-trial Detention in Belgium. An Empirical Study of Explanatory Factors in the Use of the Arrest Warrant and its Duration // Open Edition journal. URL: <https://journals.openedition.org/champpenal/11099> (дата обращения: 20.01.2025).
39. The Hungarian correctional system on the path to modernization // Justice Trends Magazine. URL: <https://justice-trends.press/the-hungarian-correctional-system-on-the-path-to-modernisation/> (дата обращения: 20.01.2025).
40. Community Service Program in Cyprus. Alexis Pierides (Community Service Supervisor) // Euro-CIDES. URL: http://www.euro-cides.eu/esm2/upload/community_service_programme_in_cyprus.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. Oftsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003> (Accessed: 09.01.2025). (In Russian).

2. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Order of the Ministry of Justice of Russia No. 350 of November 29, 2023, "On the Resocialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in Accordance with the Federal Law of February 6, 2023, 'On Probation in the Russian Federation'"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (Accessed: 09.01.2025). (In Russian).
3. Isaev, D.N. (2005) *Emotsional'nyy stress, psikhosomaticheskie i somatopsikhicheskie rasstroystva u detey* [Emotional Stress, Psychosomatic and Somatopsychic Disorders in Children]. Saint Petersburg: Rech'.
4. Antsyferova, L.I. (1994) Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in Difficult Life Circumstances: Reappraisal, Transformation of Situations and Psychological Defense]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 15 (1). pp. 3–18.
5. Osukhova, N.G. (2007) *Psikhologicheskaya pomoshch' v trudnykh i ekstremal'nykh situatsiyakh* [Psychological Assistance in Difficult and Extreme Situations]. 2nd edition. Moscow: Akademiya.
6. Grishina, N.V. (2012) Situatsionnyy podkhod i ego empiricheskie prilozheniya [The Situational Approach and Its Empirical Applications]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 5 (24). [Online] Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/760/771> (Accessed: 09.01.2025).
7. Mart'yanova, G.Yu. (2013) Osobennosti samootnosheniya sub"ektov trudnoy zhiznennoy situatsii [Features of Self-Attitude of Subjects in a Difficult Life Situation]. *Nauchnyy dialog*. 4 (16): Psikhologiya. Pedagogika. pp. 74–84.
8. ConsultantPlus. (2025) *Federal Law No. 195-FZ of December 10, 1995, "On the Fundamentals of Social Services for the Population in the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8574/ (Accessed: 09.01.2025).
9. Rambler. (2025) *The Moscow Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia Signed a Cooperation Agreement with the Regina Yuryeva Foundation for Support and Assistance in the Implementation of Priority Social Projects*. [Online] Available from: <https://finance.rambler.ru/economics/52107703-v-ufsin-rossii-po-g-moskve-podpisano-soglasenie-o-sotrudnichestve-s-fondom-reginy-yurevoy-po-podderzhke-i-sodeystviyu-realizatsii-prioritetnyh-sotsialnyh-proektov/> (Accessed: 11.01.2025). (In Russian).
10. Konkurs po predostavleniyu subsidiy SONKO Tomskoy oblasti na realizatsiyu sotsial'nykh proektov [Competition for Granting Subsidies to SONPOs of Tomsk Oblast for the Implementation of Social Projects]. (2025) *Proekty* [Projects]. [Online] Available from: <https://xn--j1adfnx.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/application/item?id=31a0d512-7db4-4561-b04f-9db3a10faa5c> (Accessed: 15.01.2025).
11. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Law of Altai Krai No. 92-ZS of December 4, 2024, "On Regulating Certain Relations in the Sphere of Probation in the Altai Krai"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2200202412060007?index=1> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
12. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Law of Kemerovo Oblast – Kuzbass No. 122-OZ of December 21, 2023, "On Regulating Certain Issues in the Sphere of Probation"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202312250002> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
13. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Law of the Republic of North Ossetia – Alania No. 94-RZ of December 28, 2023, "On the Implementation on the Territory of the Republic of North Ossetia – Alania of Certain Provisions of the Federal Law 'On Probation in the Russian Federation'"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1500202312280012> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
14. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Law of the Republic of Mordovia No. 87-Z of November 7, 2024, "On Certain Issues of the Implementation of Probation on the Territory of the Republic of Mordovia"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202411080008> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
15. ConsultantPlus. (2025) *Federal Law No. 187-FZ of May 29, 2023, "On Amending Article 333.35 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448073/ (Accessed: 20.01.2025). (In Russian).
16. Garant. (2025) *Federal Law No. 324-FZ of November 21, 2011, "On Free Legal Aid in the Russian Federation"*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/12191964/> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
17. Skorokhodova, A.S. (2024) [Main Directions of Resocialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation]. *Teoreticheskie osnovy pravovoy politiki v sovremennoy Rossii. Uchastie obshchestvennosti* [Theoretical Foundations of Legal Policy in Modern Russia. Public Participation]. Proceedings of the 2nd National (All-Russian) Conference. Krasnoyarsk. 27 October 2023. Krasnoyarsk. pp. 141–145. (In Russian).
18. Association of Lawyers of Russia. (2025) *An Agreement Was Signed Between the Regional GUF SIN and the Novosibirsk Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia*. [Online] Available from: <https://alrf.ru/news/podpisano-soglasenie-mezhdu-regionalnym-gufsin-i-novosibirskim-regotdeleniem-ayur/> (Accessed: 05.02.2025). (In Russian).
19. Official Website of Barnaul. (2025) *What is Probation?* [Online] Available from: https://barnaul.org/committee_information/administratsiya-tsentralnogo-rayona/inaya-informatsiya/chto-takoe-probatsiya.html (Accessed: 25.01.2025). (In Russian).
20. Garant. (2025) *Law of Moscow No. 43 of October 7, 2009, "On Psychological Assistance to the Population in Moscow"*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/57634964/> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
21. Ministry of Social Protection of Altai Krai. (2025) *Probation Issues Discussed at the Ministry of Social Protection*. [Online] Available from: <https://www.aksp.ru/news/news/53165/> (Accessed: 02.02.2025). (In Russian).
22. Official Community of the Altai Krai Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia on the Social Network "VKontakte. (2025) *Employees of the Altai Krai Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia Visited the Festival-Fair of Innovative Social Practices "Focus on the Family"*. [Online] Available from: https://vk.com/wall-131147455?q=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&w=wall-131147455_3920 (Accessed: 01.03.2025). (In Russian).
23. KGBUSO "Kraevoy krizisnyy tsentr dlya muzhchin" [Krai State Budgetary Institution of Social Services "Krai Crisis Center for Men"]. (2025) *Ob uslugakh* [About Services]. [Online] Available from: <http://www.criscentr.ru/service> (Accessed: 15.01.2025).
24. Ministry of Social Protection of Altai Krai. (2025) *Social Work is Being Carried Out with Women Released from Prison in the Krasnoshchekovsky District*. [Online] Available from: <https://www.aksp.ru/news/news/55691/> (Accessed: 02.02.2025). (In Russian).
25. Teplyashin, P.V. & Sergienko, A.S. (2024) *Pravovoe regulirovanie okazaniya osuzhdenным, otbyvayushchim prinuditel'nye raboty ili lishenie svobody, psikhologicheskoy pomoshchi (v kontekste realizatsii instituta probatsii)* [Legal Regulation of Providing Psychological Assistance to Convicts Serving Forced Labor or Imprisonment (in the Context of Implementing the Probation Institution)]. *Vestnik Permskogo instituta Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy*. 1 (52). pp. 97–104. doi: 10.34988/2226-2326.2024.79.43.012
26. Skiba, A.P. (2024) *Prinyatie Federal'nogo zakona "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii": nekotorye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o protivodeystvii prestupnosti* [Adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation": Some Directions for the Development of Legislation on Combating Crime]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2 (59). pp. 65–79.
27. Grishko, A.Ya. (2024) *Probatsiya: ot Ispravitel'no-trudovogo kodeksa RSFSR 1924 goda k zakonu o probatsii* [Probation: From the 1924 Corrective Labor Code of the RSFSR to the Law on Probation]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 2 (20). pp. 38–46.
28. Skorokhodova, A.S. (2024) *Probatsiya v Rossiyskoy Federatsii: istoriya i perspektivy* [Probation in the Russian Federation: History and Prospects]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 1. pp. 36–42. doi: 10.51522/2307-0382-2024-260-1-36-42
29. ConsultantPlus. (2025) *Federal Law No. 565-FZ of December 12, 2023 "On Employment in the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).

30. ConsultantPlus. (2025) *Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of December 30, 2001*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
31. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Order of the Ministry of Labor of Russia No. 779n of October 27, 2023, "On Approval of the Model Agreement on Interaction Between Institutions Executing Punishments in the Form of Forced Labor or Imprisonment, and Criminal Executive Inspectorates with Employment Service Authorities When Carrying Out Activities in the Sphere of Post-Penitentiary Probation"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310310013> (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
32. Uvarov, O.N. (2021) Probation Service in the Russian Federation and Mediation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 18. pp. 91–94. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/18/16
33. Ol'khovik, N.V. (2024) Legal Issues of Applying Executive Probation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 88–90. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/14
34. ConsultantPlus. (2025) *Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010, "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
35. ConsultantPlus. (2025) *Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 19.01.2025). (In Russian).
36. Denisova, A.V. (2019) Institut reabilitatsii v ugolovnom, ugolovno-ispolnitel'nom i ugolovno-protsessual'nom prave Rossiyskoy Federatsii [The Institute of Rehabilitation in the Criminal, Penal and Criminal Procedural Law of the Russian Federation]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 5 (73). pp. 34–39.
37. Agabekyan, A.L. (2023) *Nepenitentsiarnye sistemy Evropy* [Non-Penitentiary Systems of Europe]. Moscow: Yurlitinform.
38. *Open Edition Journal*. . (2025) Pre-trial Detention in Belgium. An Empirical Study of Explanatory Factors in the Use of the Arrest Warrant and its Duration. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/champpenal/11099> (Accessed: 20.01.2025).
39. *Justice Trends Magazine*. (2025) The Hungarian correctional system on the path to modernization. [Online] Available from: <https://justice-trends.press/the-hungarian-correctional-system-on-the-path-to-modernisation/> (Accessed: 20.01.2025).
40. Euro-CIDES. (2025) *Community Service Program in Cyprus. Alexis Pierides (Community Service Supervisor)*. [Online] Available from: http://www.euro-cides.eu/esm2/upload/community_service_programme_in_cyprus.pdf (Accessed: 20.01.2025).

Информация об авторах:

Агабекян А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Исаков В.С. – младший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

Ольховик Н.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Agabekyan, Cand. Sci. (Law), associate professor, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

V.S. Isakov, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

N.V. Olkhovik, Cand. Sci. (Law), head of the Criminal Law Department, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 05.04.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.17223/15617793/514/23

Место в системе права и опыт структурного анализа нормативной основы правотворческих отношений

Владимир Викторович Булгаков¹, Дарья Владимировна Булгакова²

^{1, 2} Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

¹ bvv30081960@yandex.ru

² dv.bulgakova@mail.ru

Аннотация. Проанализирована существующая регламентация правотворческих отношений и такого правового феномена, как «правотворческое право», на федеральном уровне отражённого в «фрагментарном» формате, но при этом довольно развитого на региональном уровне и детализированного в актах, принимаемых на местном уровне. Предложен вариант по разработке единого нормативного правового акта, регламентирующего правотворческие отношения.

Ключевые слова: правотворчество, правотворческое право, правотворческие отношения, правотворческая инициатива

Для цитирования: Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Место в системе права и опыт структурного анализа нормативной основы правотворческих отношений // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 205–211. doi: 10.17223/15617793/514/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/23

The normative basis of law-making relations: Place in the legal system and experience of structural analysis

Vladimir V. Bulgakov¹, Darya V. Bulgakova²

^{1, 2} Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

¹ bvv30081960@yandex.ru

² dv.bulgakova@mail.ru

Abstract. Lawmaking is the process of creating, amending, or terminating legal norms based on decisions by legislative bodies or the will of the people. Moreover, the legislative branch and civil society—without whose existence and active involvement effective lawmaking is impossible—must engage in a constant, comprehensive, honest, and open dialogue. It is in this aspect that the category of lawmaking relations should be considered within the context of lawmaking as a whole, to define the range of subjects of lawmaking relations, and to attempt to understand their nature. Interest in lawmaking remains strong, as do debates regarding its recognition as a distinct branch of law. This is explained by the nature of lawmaking and its role in the life of the state as such, and of the state as a dynamic, constantly evolving structure of societal life that changes under the influence of external and internal factors, with its immediate goal being the protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens. Many domestic researchers have dedicated their work to the problems of lawmaking, notably A.B. Vengerov, V.V. Oksamytny, A.V. Melekhin, V.I. Chervonyuk, and N.M. Chistyakov. This research employs the following methods of scientific inquiry: analysis, synthesis, comparison, modeling, forecasting, and abstraction. The object of the research is social relations arising in the sphere of lawmaking with a focus on the normative basis of lawmaking relations. The main conclusions of the research are the following. 1. Lawmaking law exists at the intersection of two branches of Russian law: constitutional and administrative, with a clear inclination towards constitutional law, particularly concerning the definition of the range of subjects of lawmaking relations (Article 104 of the Constitution of the Russian Federation). 2. The range of subjects of lawmaking relations, as de facto defined in Article 104 of the Constitution of the Russian Federation, should be supplemented with a provision recognizing civil society as a full-fledged subject of lawmaking relations, based on the principle that the people are the sole source of power in the Russian Federation. 3. Currently, the courts are not vested with a direct obligation to participate in lawmaking relations; however, the example of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrates a clear influence of judicial lawmaking on the Russian legal system as a whole, particularly on the most acute and relevant issues. 4. Acts regulating the sphere of lawmaking at the local level are characterized by a specific degree of detail not found at the federal and regional levels. This detailed regulation is justified, as it prevents ambiguity in the decision-making process.

Keywords: lawmaking, lawmaking law, lawmaking relations, lawmaking initiative

For citation: Bulgakov, V.V. & Bulgakova, D.V. (2025) The normative basis of law-making relations: Place in the legal system and experience of structural analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 205–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/23

Введение

Эффективность правотворчества – гарант развития государства, особенно в русле становления правового и демократического базиса, на котором выстраиваются общественные отношения в большинстве государств современности.

Определений природы правотворчества в правовой доктрине существует множество.

А.Б. Венгеров считает, что «правотворчество – это организационно-оформленная, установленная процедурная деятельность государственных органов» [1. С. 477].

Для Т.Н. Радько «правотворчество – процесс, который “протекает в установленных процедурах и основывается на определенных принципах”» [2. С. 363].

Интерес к правотворчеству не ослабевает, как не утихают и дискуссии относительно выделения правотворчества в отдельную отрасль права. Это объяснимо, прежде всего, тем, что природа правотворчества, его роль в жизни государства как такового и государства как динамичной, постоянно развивающейся и меняющейся под воздействием внешних и внутренних факторов структуры жизни общества, имеющей своей непосредственной целью защиту прав, свобод, законных интересов граждан, а равно с этим создание оптимальных, наиболее комфортных условий для жизни, труда и всестороннего развития индивида, является во многом флагманом государственной политики. Этот, казалось бы, теоретический тезис на практике в полной мере доказывает тот факт, что в преамбуле Проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» указано следующее положение: «Обеспечение принципов правового государства неотделимо от высокой эффективности законодательного регулирования общественных отношений» [3]. Эти слова – буквально формула действия правотворчества. Придерживаясь этой формулы, считаем необходимым проанализировать имеющуюся на сегодняшний день регламентацию правотворческих отношений с целью выявить проблемы и предложить варианты их решения на основе уже имеющегося довольно богатого опыта преобразования регламентации правотворчества на региональном и местном уровнях власти.

Методика проведения исследования

В настоящем исследовании использованы такие методы научного познания, как анализ, синтез, сравнение, моделирование, прогноз, абстрагирование.

Результаты исследования

Правотворчество – процесс создания, изменения, либо прекращения существования правовых норм на основе решений органов законодательной власти либо волеизъявления граждан, более того – законодательная власть и гражданское общество, без существования и

активной деятельности которого эффективное правотворчество, о коем мы упомянули в начале наших рассуждений, невозможно, должны находиться в постоянном, всеобъемлющем, честном и открытом диалоге. И в этом аспекте, как нам представляется целесообразным и наиболее практикоориентированным, стоит рассмотреть категорию правотворческих отношений в контексте правотворчества в целом, определить круг субъектов правотворческих отношений и попытаться понять особенности правового регулирования правотворческих отношений, потому как любое общественное отношение (коим, несомненно, по своей природе является правотворческое отношение на всех уровнях) должно быть урегулировано нормами права.

Правотворческие отношения представляют собой специфические общественные отношения, направленные на создание, изменение либо прекращение действия норм права. Как видно, дефиниции правотворчества и правотворческих отношений в целом схожи – и то, и другое имеет своей целью положительно повлиять на правовую систему путём внедрения качественно новых, либо видоизменённых норм права, либо, напротив, путём отмены нормативного правового акта в целом либо в части, но, опять же, с целью положительного влияния на правовое регулирование общественной жизни. Но при этом существует и весомое различие, не дающее интегрировать два эти понятия: правотворчество является сложным процессом, имеющим либо в негативных ситуациях – не имеющим результата в виде принятия, изменения либо прекращения действия правовых норм, в то время как правотворческие отношения – это, прежде всего, общественные отношения с определённым кругом субъектов и с определённой регламентацией. В данном отношении правотворчество как внешнее выражение деятельности органов государственной власти является скорее последующей стадией правотворческих отношений, представляющих собой некий фундамент правотворческой деятельности, её исток.

Так, круг субъектов правотворческих отношений как общественных отношений довольно специфичен. Ошибочно полагать, что этот круг ограничивается лишь на органах государственной власти, наделённых полномочиями по принятию, изменению либо прекращению действия нормативных правовых актов, либо отдельных правовых норм – круг субъектов правотворческих отношений гораздо шире. Однако справедливым будет отметить, что здесь с нами не солидаризируется целый ряд отечественных учёных, как то: А.Б. Венгеров [1], В.В. Оксмытный [4], А.В. Мелехин [5], В.И. Червонюк [6], Н.М. Чистяков [7]. Точка зрения этих учёных также достойна внимания, но, по нашему мнению, не в полной мере отвечает сегодняшним правовым реалиям.

В целом, как мы считаем, можно выделить два субъекта правотворческих отношений, но они, в свою очередь, будут включать в себя сразу несколько составляющих. Первый субъект – специальный – те лица

либо органы, наделённые специальной (отсюда и идентификация субъекта как специального) компетенцией по созданию, изменению и прекращению действия правовых норм. К этому субъекту справедливо отнести, прежде всего, те органы, которые перечислены в ст. 104 Конституции Российской Федерации [8] (далее – Конституции РФ), как имеющие право законодательной инициативы.

Считаем рентабельным и даже необходимым в контексте рассмотрения природы специального субъекта правотворческих отношений отнести к этому виду субъекта и органы государственной власти субъекта Российской Федерации, и органы местного самоуправления, потому как правотворчество и правотворческие отношения существуют на всех уровнях государственной власти – более того, признавая, согласно принципам федеративного устройства государства, верховенство федерального уровня власти, необходимо учитывать и то, что правотворческие отношения на уровне субъекта или даже на местном уровне порою даже эффективнее, поскольку, как правило, прямо отвечают актуальным запросам граждан с учётом особенностей регионов их постоянного либо временного проживания.

Второй субъект – субсидиарный – это субъект, не наделённый прямой обязанностью по принятию, изменению либо прекращению действия правовых норм, но который при этом имеет весомое значение в правотворческих отношениях. Речь идёт о гражданском обществе как таковом и о каждом отдельно взятом гражданине со своими индивидуальными потребностями, в частности. Конституция РФ (в ст. 3) указывает на то, что власть в Российской Федерации исходит исключительно от многонационального народа. Сеем предположить, что подобное положение определяет многонациональный народ России как субъект правотворческих отношений, ибо без правотворческих отношений невозможно существование права как такового, а без устойчивой правовой системы нельзя говорить о легитимной власти.

Также стоит отметить, что без участия гражданского общества в правотворческих отношениях невозможен диалог граждан и субъектов, непосредственно наделённых обязанностью видоизменения правовых норм, потому как само по себе видоизменение правовых норм в правовом и демократическом государстве, каким является Российская Федерация, происходит исключительно на основе этого диалога, имеющего своей целью выявить реальные потребности общества, при этом не общества как некой структуры либо же института, а в идеализированной картине каждого индивида – члена этого общества с последующей максимальной защитой его прав и законных интересов. В современном развитом государстве, где интересы каждой отдельно взятой личности должны стоять в приоритете, индивид сам по себе – полноценный участник правотворческих отношений. Своим взаимодействием с другими индивидами и внешним миром в целом, каждый гражданин формирует правовую систему, но, при этом, во избежание хаоса, даже в правовом и демократическом государстве должна существовать строгая

регламентация участия субъектов правотворческих отношений и в самих правотворческих отношениях, и в правотворчестве как таковом. Более того, подобная регламентация как раз и является гарантом соблюдения прав и законных интересов всех субъектов правотворческих отношений.

Обсуждение результатов

В целом парадокс правотворческих отношений состоит в том, что они сами по себе являются источником создания норм права, но и не могут не регулироваться определёнными нормами права.

В настоящее время место правотворчества в системе права условно можно определить как стоящее на пересечении двух фундаментальных отраслей российского права: конституционного и административного, и хотя нет отдельной отрасли правотворческого права, регламентация сферы правотворчества и правотворческих отношений довольно обширна, что позволяет условно обозначить некую сферу правотворческого права в теории. При этом стоит сделать оговорку, что попытка принятия единого нормативного правового акта, всеобъемлюще регулирующего сферу правотворчества, уже предпринималась. Речь идёт о проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», уже упомянутого нами ранее.

Можно выделить следующие нормативно-правовые акты, регулирующие правотворческие отношения. Во-первых, это основной закон – Конституция РФ. Во-вторых, и это наиболее важно в контексте упоминания необходимости учитывать участие граждан в правотворческих отношениях, правотворческие отношения регулируются Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [9]. Природа референдума как правового явления отображена в ч. 3 ст. 3 Конституции РФ – «Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум» [8]. Однако, стоит отметить, что ст. 6 названного закона очерчивает круг вопросов, которые не могут решаться на референдуме гражданами, относя их непосредственно к деятельности компетентных органов, иными словами, те случаи, когда субъект правотворческих отношений лишь один специальный субъект. Интересно также и то, что институт референдума, как отмечается в научно-учебной литературе, должного распространения в России, как, впрочем, и во многих других странах, например в Японии, не получил. В числе объективных причин сложившегося положения отмечают недостаточно чёткое, всеобъемлющее и отвечающее современным запросам нормативно-правовое регулирование референдума [10. С. 88]. Так, например, в названном законе прописан прямой запрет на проведение референдума в последний год полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории РФ. Практически у граждан на довольно продолжительное время теряется возможность участия в правотворческом процессе посредством ре-

ферендума, что естественным образом несколько дисквалифицирует институт референдума. Это одно из многих обстоятельств, которые заставляют законодателя искать иные способы участия граждан в правотворческих отношениях в роли полноценного субъекта.

И такие способы, действительно, находятся. Так, например, существенным шагом в реализации права граждан на участие в правотворчестве и, что немаловажно, в регламентации правотворческих отношений стало принятие Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [11].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] содержит в себе прямое указание на участие в правотворческом процессе граждан. Положениями названного закона граждане наделяются в целом правом на непосредственное участие в правотворчестве, а органы местного самоуправления, наделённые правом правотворчества в силу специфики своей деятельности, наделяются, напротив, обязанностью вступления в правотворческие отношения с гражданами, выступившими с правотворческой инициативой. Эта конструкция интересна и в том отношении, что она подтверждает тот круг субъектов правотворческих отношений, который мы выделили для себя ранее, а также подчёркивает роль специального субъекта правотворческих отношений: если у субъекта субсидиарного имеется лишь право (но при этом право неотъемлемое) на участие в правотворческих отношениях и правотворчестве, то у субъекта специального имеется в данном аспекте прямая обязанность. Также стоит учитывать, что Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в целом и анализируемая нами ст. 26 в частности нацелены на регламентацию правотворческих отношений на местном уровне, что, в свою очередь, отражено в нормативных правовых актах органов местного самоуправления, о чём речь пойдёт несколько ниже.

В некотором аспекте примечательна правовая регламентация не непосредственного участия всех субъектов правотворческих отношений в процессе правотворчества, а регламентация отдельных процедур, осуществляемых субъектами в ходе правотворческих отношений. Так, например, проверка нормативных правовых актов со стороны граждан возможна, в частности, посредством проверки нормативных правовых актов Общественной палатой Российской Федерации, цель которой, как в целом субъекта правотворческих отношений и института гражданского общества как такового, заключается в обеспечении эффективного диалога граждан и общественных объединений с органами власти – специального субъекта правотворческих отношений. Это регламентируется ст. 18 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об общественной палате» [13] – «Общественная экспертиза». Но при этом относительно данной правовой нормы имеются некоторые нарекания: слишком сжат перечень вопросов, по которым Общественная палата имеет право проводить

экспертизу проектов законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов – всего две позиции при закрытом перечне. Полагается, что данный перечень необходимо если и не сделать открытым, то, по крайней мере, расширить.

Стоит отметить, что регламентация правотворчества и правотворческих отношений на уровне федеральных конституционных и федеральных законов носит фрагментарный характер, а отдельные положения дискуссионны и явно требуют доработки. Так, например, кажется целесообразным на уровне федерального закона каким-либо образом отразить участие граждан в правотворческих отношениях посредством отправления правосудия. Несмотря на то, что правовая система Российской Федерации относится к романо-германской правовой семье, где основной источник права – нормативный правовой акт, а не прецедент, Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ), а также Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) играют роль субъекта правотворческих отношений, но при этом выражая потребности сторон рассматриваемого спора.

Так, к примеру, резонансным стало дело, рассмотренное КС РФ по жалобе программиста Антона Мамичева [14]. Программист, переработав уже имеющиеся программы, создал из их элементов свою – eLearning Metadata Manager. Однако после нарушения его авторских прав суд отказал программисту в выплате компенсации, руководствуясь тем, что сам Мамичев использовал не свой авторский продукт, а результаты чужого интеллектуального труда, потому не может претендовать на защиту своего авторского права на созданную программу. Обращения в вышестоящие инстанции также не принесли для Мамичева положительного результата. Однако КС РФ решил взглянуть на возникшую проблему под иным углом. Им были сделаны два основных вывода. Первый вывод – отсутствие претензий к самому Мамичеву по поводу использования чужих программ не даёт права отказывать Мамичеву в защите его авторского права на том основании, что его программа – переработка чужого интеллектуального труда. Второй вывод – авторы переработанного материала, составных произведений также должны быть признаны авторами со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. В этой связи в ч. 4 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации была внесена поправка [15]. Таким образом, КС РФ выступил в роли субъекта правотворческих отношений с весомым «коэффициентом полезного действия», существенно изменив всю палитру общественных отношений в сфере авторского права, однако сделал это ввиду активной позиции в отстаивании своих прав гражданина – практически, соавтора видоизменённой правовой нормы. Это доказывает два факта. Первый – не стоит умалять роль судебной практики в правотворчестве, признавая в полной мере за судами субъектность правотворческих отношений. Второй вывод – всё же необходимо, в том числе на конституционном уровне, чётко определить роль граждан в

правотворческих правоотношениях, дополнив, к примеру, ст. 104 Конституции РФ подобным положением: «Право правотворческой инициативы принадлежит также гражданам РФ как единственному источнику власти в государстве». Это будет верно и с той точки зрения, что практически разрешит коллизию, существующую в регламентации правотворчества на сегодняшний день: упоминание возможности и неотъемлемого права участия в правотворческих отношениях граждан в федеральных конституционных и федеральных законах требует того же упоминания и в Конституции РФ, чего сейчас нет.

В целом и КС РФ, и ВС РФ (особенно в части разработки Постановлений Пленума ВС РФ) в полной мере выполняют функции субъектов правотворческих отношений, прямо ими как бы не являясь (они не обладают прямой обязанностью принимать, изменять или прекращать действие нормативных правовых актов, поэтому назвать их в полной мере специальным субъектом нельзя). Как отмечает Л.А. Морозова, «правотворческие функции не присущи судебной власти в России. В то же время необходимо признать, что судебная власть достаточно эффективно влияет на процессы правотворчества» [16. С. 291].

Регламентация правотворчества находит своё отражение и на уровне подзаконных нормативных правовых актов, где особую роль играют указы Президента Российской Федерации, среди наиболее актуальных и в полной мере отвечающих запросам современности стоит отметить Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”». Названный указ стал настоящим прорывом в анализе роли правотворческих отношений конкретно на сегодняшний день, облегчив саму процедуру осуществления правотворчества, но при этом регламентируя её в определённых, необходимых во избежание хаоса рамках.

На уровне субъектов РФ проблема регламентации правотворчества также рассматривается самым серьёзным образом. В частности, интересен опыт Чукотского автономного округа, где был принят полноценный Кодекс о нормативных правовых актах [17]. В полной мере стоит отметить возможность создания такого кодекса и на федеральном уровне: кодекс охватывает собой все этапы правотворчества – от планирования разработки нового нормативного правового акта вплоть до опубликования нормативных правовых актов, при этом кодекс отдельно рассматривает каждый субъект правотворческих отношений, регламентируя их действия в процессе правотворчества (ст. 6 названного кодекса – «Обеспечение интересов населения Чукотского автономного округа при подготовке, принятии и реализации нормативных правовых актов автономного округа»). Конечно, это не единственный нормативный правовой акт подобного толка, принятый на уровне субъекта (например, существуют Областной закон Ленинградской области от 16.02.2015 № 5-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов Ленинградской области и

экспертизы нормативных правовых актов Ленинградской области» [18], Закон Калининградской области от 22.09.2003 № 309 «О гражданской законодательной инициативе в Калининградской области» [19], Закон Вологодской области от 17.01.2001 № 647-ОЗ «Об областных нормативных правовых актах» [20] и т.д.), но справедливым будет отметить, что в Чукотском автономном округе категория правотворчества была выведена в другой, более высокий «ранг», даже название «кодекс» даёт право предполагать, что правотворчество наделяется признаками обособленной отрасли права. И ещё раз подчеркнём, что переложение регионального опыта на федеральный уровень вполне реально и кажется рентабельным современности.

Пожалуй, самая детальная регламентация правотворчества прослеживается на местном уровне, что подчёркивается и уже упомянутым нами Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – каждое муниципальное образование имеет хотя бы один акт, регулирующий правотворческую деятельность и правотворческие отношения.

В целом акты, принимаемые на местном уровне, солидаризируются с названным нами Федеральным законом. Так, анализируя Решение Тамбовской городской Думы от 28.12.2005 № 100 (ред. от 27.09.2023) «О порядке реализации правотворческой инициативы граждан городского округа – город Тамбов» [21] (далее – Решение), которое является очень важным актом в аспекте регламентации правотворческих отношений и участия в них граждан, можно выделить в нём следующие ключевые положения. Решение конкретизирует вопросы, касающиеся порядка сбора подписей для выдвижения правотворческой инициативы, форму подписного листа, проверку оформления подписного листа и так далее. Подобная детализация может показаться излишней, однако мы поддерживаем подобную регламентацию правотворческих отношений, потому как она в полной мере отвечает критериям правового и демократического государства, не допуская возможности злоупотребления своим правом того или иного субъекта правотворческих отношений. Не будет преувеличением сказать, что при возможном принятии единого нормативного правового акта, регламентирующего правотворчество на федеральном уровне, вполне рентабельным будет обращение к опыту муниципальных образований в аспекте конкретизации и детализации взаимодействия субъектов правотворческих отношений.

Выводы

Итак, проведя анализ регламентации правотворческих отношений, можно сделать следующие выводы:

1) правотворческое право находится на пересечении двух отраслей российского права: конституционного и административного, но с явным уходом в сторону конституционного права, что касается, в частности, определения круга субъектов правотворческих отношений (ст. 104 Конституции РФ);

2) круг субъектов правотворческих отношений, фактически определённый в ст. 104 Конституции РФ, должен быть дополнен положением о гражданском обществе как полноценном субъекте правотворческих отношений на основании того, что народ является единственным источником власти в Российской Федерации;

3) на данный момент суд не наделён прямой обязанностью участвовать в правотворческих отношениях, однако, на примере Конституционного Суда Российской Федерации мы видим явное влияние судебного правотворчества на правовую систему России в целом, при том по вопросам, наиболее острым и актуальным,

поэтому, принимая возможный нормативный правовой акт, регламентирующий правотворческие отношения, не стоит умалять роль суда в этом процессе;

4) акты, регулирующие сферу правотворчества на местном уровне, отличаются специфичной детализацией, которую нельзя увидеть на федеральном и региональном уровнях, однако, подобная детализация оправдана, поскольку не допускает разночтений в ходе принимаемых решений, делает саму процедуру правотворчества «прозрачной», и вызывает доверие у граждан как субъектов правотворческих отношений, что также может послужить примером при разработке нормативных правовых актов на федеральном уровне.

Список источников

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник. М. : Омега-Л., 2017. 607 с.
2. Радько Т.А. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2022. 752 с.
3. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».
4. Оксамытний В.В. Теория государства и права : учебник. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 591 с.
5. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Кнорус, 2021. 326 с.
6. Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник. М. : Инфра-М, 2009. 704 с.
7. Чистяков Н.М. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2022. 296 с.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
9. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
10. Шевченко В.Е. Референдум как институт прямого волеизъявления граждан: эффективность реализации в национальной и международной практике // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46). С. 84–88.
11. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
13. Федеральный закон от 04.04.2005 «Об общественной палате» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е.Мамичева от 16 июня 2022 года.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (часть четвертая) // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.
16. Морозова Л.А. К вопросу о судебном правотворчестве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 288–291.
17. Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24.02.2009.
18. Областной закон Ленинградской области от 16.02.2015 № 5-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов Ленинградской области и экспертизы нормативных правовых актов Ленинградской области»
19. Закон Калининградской области от 22.09.2003 № 309 «О гражданской законодательной инициативе в Калининградской области» // Российская газета (Региональный выпуск «Запад России»). 2003. № 200.
20. Закон Вологодской области «Об областных нормативных правовых актах» от 17.01.2001 г. № 647-03.
21. Решение Тамбовской городской Думы от 28.12.2005 № 100 (ред. от 27.09.2023) «О порядке реализации правотворческой инициативы граждан городского округа – город Тамбов» // Наш город Тамбов. 2006. № 4 (230).

References

1. Vengerov, A.B. (2017) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Omega-L.
2. Rad'ko, T.A. (2022) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
3. Anon. *Proekt federal'nogo zakona "O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii"* [Draft Federal Law "On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation"]. S.l.
4. Oksamytnyy, V.V. (2017) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: YUNITI-DANA.
5. Melekhin, A.V. (2021) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: KnoRus.
6. Chervonyuk, V.I. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Infra-M.
7. Chistyakov, N.M. (2022) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: KnoRus.
8. *Rossiyskaya gazeta*. (2020) The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ]. No. 144.
9. Russian Federation. (2004) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 28.06.2004 g. № 5-FKZ "O referendume Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of June 28, 2004, "On the Referendum of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 2710.
10. Shevchenko, V.E. (2020) Referendum kak institut pryamogo voleizyavleniya grazhdan: effektivnost' realizatsii v natsional'noy i mezhdunarodnoy praktike [Referendum as an Institution of Direct Expression of Citizens' Will: Effectiveness of Implementation in National and International Practice]. *Evraziyskaya advokatura*. 3 (46). pp. 84–88.
11. Russian Federation. (2006) *Federal'nyy zakon "O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii" ot 02.05.2006 № 59-FZ* [Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006, "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 19. Art. 2060.
12. Russian Federation. (2003) *Federal'nyy zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003, "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 40. Art. 3822.

13. Russian Federation. (2005) Federal'nyy zakon ot 04.04.2005 "Ob obshchestvennoy palate" [Federal Law of April 4, 2005, "On the Public Chamber"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 15. Art. 1277.
14. Constitutional Court of the Russian Federation. (2022) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2022, on the case concerning the review of constitutionality of Clause 3 of Article 1260 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Mamichev*. S.I. (In Russian).
15. Russian Federation. (2006) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (chast' chetvyortaya) [Civil Code of the Russian Federation No. 230-FZ of December 18, 2006 (Part Four)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (part I). Art. 5496.
16. Morozova, L.A. (2014) K voprosu o sudebnom pravotvorchestve [On the Issue of Judicial Lawmaking]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 8. pp. 288–291.
17. Chukotka Autonomous Okrug. (2009) *Code on Regulatory Legal Acts of the Chukotka Autonomous Okrug of February 24, 2009*. S.I. (In Russian).
18. Leningrad Oblast. (2015) *Regional Law of Leningrad Oblast No. 5-OZ of February 16, 2015, "On Conducting Regulatory Impact Assessment of Draft Regulatory Legal Acts of Leningrad Oblast and Expert Review of Regulatory Legal Acts of Leningrad Oblast"*. S.I. (In Russian).
19. *Rossiyskaya gazeta*. (2003) Zakon Kaliningradskoy oblasti ot 22.09.2003 № 309 "O grazhdanskoj zakonodatel'noy initsiative v Kaliningradskoy oblasti" [Law of Kaliningrad Oblast No. 309 of September 22, 2003, "On Civil Legislative Initiative in Kaliningrad Oblast"]. *Regional'nyy vypusk "Zapad Rossii"*. 200.
20. Vologda Oblast. (2001) *Law of Vologda Oblast No. 647-03 of January 17, 2001, "On Regional Regulatory Legal Acts"*. S.I. (In Russian).
21. *Nash gorod Tambov*. (2006) Reshenie Tambovskoy gorodskoy Dumy ot 28.12.2005 № 100 (red. ot 27.09.2023) "O poryadke realizatsii pravotvorcheskoj initsiativy grazhdan gorodskogo okruga – gorod Tambov" [Decision of the Tambov City Duma No. 100 of December 28, 2005 (as amended on September 27, 2023) "On the Procedure for Implementing the Law-Making Initiative of Citizens of the Urban Okrug – Tambov"]. 4 (230).

Информация об авторах:

Булгаков В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: bvv30081960@yandex.ru

Булгакова Д.В. – преподаватель кафедры правовых дисциплин среднего профессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Bulgakov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: bvv30081960@yandex.ru

D.V. Bulgakova, lecturer, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.03.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 20.03.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*

Научная статья
УДК 343.2
doi: 10.17223/15617793/514/24

Перспективы развития предмета уголовно-исполнительного права

Федор Владимирович Грушин¹

¹ Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
fedor062@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются существующие направления по расширению предмета уголовно-исполнительного права: правовое регулирование отношений по исполнению всех мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ; правовое регулирование отношений по исполнению мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ; правовое регулирование так называемых постпенальных (постпенитенциарных) мер, предусмотренных различными нормативными правовыми актами; правовое регулирование отношений по исполнению административных наказаний, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: предмет уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительные правоотношения, Уголовно-исполнительный кодекс РФ

Для цитирования: Грушин Ф.В. Перспективы развития предмета уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 212–218. doi: 10.17223/15617793/514/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/24

Prospects for the development of the subject of penal enforcement law

Fyodor V. Grushin¹

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
fedor062@yandex.ru

Abstract. The aim of this article was to analyze current relevant areas of expansion of the subject of penal enforcement law, taking into account the current development of public relations, current legislation, and the views of leading scholars in the field of penal enforcement law. Almost all the scholars, to one degree or another, advocate the expansion of the subject of penal enforcement law. As a result of the analysis, the following areas for expanding the subject were identified: (1) legal regulation of relations on the execution of all measures of a criminal-legal nature provided for by the Criminal Code of the Russian Federation; (2) legal regulation of relations on the execution of preventive measures and other measures of procedural coercion provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; (3) legal regulation of the so-called "post-penal" (post-penitentiary) measures provided for by various regulatory legal acts; (4) legal regulation of relations for the execution of administrative penalties provided for by the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Within the framework of each of the proposed directions, various scientific points of view and current legislation were analyzed. The author's vision of the possibility of expanding the subject of penal enforcement law was proposed: the procedure for the execution of all measures of a criminal law nature, regulated in the criminal law, should be regulated by penal enforcement law; the execution of all preventive measures and other measures of procedural coercion provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation may be the subject of an updated branch of penal enforcement law and legislation; the subject of penal enforcement law (on the regulation of "post-penal" measures) should include the legal regulation of relations related to the control of persons released prematurely and those who have served their sentences, as well as the relationship assistance to convicts in social adaptation during the period of serving their sentence; the legal regulation of relations related to the provision of social assistance to persons who have served their sentences should not be attributed to the subject of penal enforcement law; the idea of expanding the subject of penal enforcement law and legislation through legal regulation of the execution of administrative penalties is currently not widely supported by scholars.

Keywords: subject of penal enforcement law; penal enforcement relations, Penal Code of the Russian Federation

For citation: Grushin, F.V. (2025) Prospects for the development of the subject of penal enforcement law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 212–218. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/24

Вопрос о месте того и или иного нормативно-правового акта в системе законодательства, а также правового института в системе права неоднократно становился предметом рассмотрения различных ученых.

Как правило, подобные дискуссии разгораются среди ученых в области теории права. Однако среди отраслевых ученых они также весьма распространены. Ключевым элементом в данной дискуссии выступает

предмет той или иной отрасли права и применяемые методы правового регулирования. Также велико значение развития правоотношений в рассматриваемой сфере и принятые нормативные правовые акты.

В настоящее время складывается достаточно негативная ситуация, когда развитие законодательства опережает развитие системы права и не синхронизируется с ним, что может привести к определенной хаотичности, проблемам с правоприменением и в конечном итоге к недостижению целей, указанных в законодательстве.

С учетом бурно развивающихся правоотношений, выражающихся в принятии различных нормативных правовых актов, часто не относящихся напрямую к определенной отрасли права, а также принимая во внимание необходимость существования эффективной, логичной и понятной системы права, законодательства и правоприменительной практики, среди ученых, представляющих науку уголовно-исполнительного права, все чаще звучит идея о необходимости, в той или иной степени, расширения (изменения) предмета уголовно-исполнительного права. Кроме того, дискуссии вызывают вопросы об определении места того или иного нормативного правового акта в системе законодательства, что также приводит к выводам о необходимости пересмотра предмета рассматриваемой отрасли права.

Стоит отметить, что практически все ученые-пенитенциаристы в той или иной степени выступают за расширение предмета уголовно-исполнительного права. В настоящее время в ученом сообществе сформировались следующие предложения, направленные на расширение (изменение) предмета:

1) включение в сферу уголовно-исполнительного регулирования исполнения всех мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ;

2) включение в предмет уголовно-исполнительного права регулирование отношений, связанных с исполнением мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ;

3) включение в предмет уголовно-исполнительного права регулирование так называемых постпенальных (постпенитенциарных) мер, предусмотренных различными нормативными правовыми актами, в отношении лиц, отбывших наказание (освобожденных от отбывания наказания);

4) правовое регулирование отношений по исполнению административных наказаний, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

По первому пункту среди ученых-пенитенциаристов выработалась практически единая позиция о необходимости включения в предмет уголовно-исполнительного права отношений по исполнению всех мер уголовно-правового характера. В данном случае сохраняется два «классических» субъекта правоотношений – осужденный и учреждение, исполняющее наказание или иную меру уголовно-правового характера. В остальных случаях в качестве субъекта правоотношений выступает не осужденный, а иные субъекты:

- подозреваемый или обвиняемый;
- лицо, отбывшее наказание (освобожденное от отбывания наказания);
- лицо, привлеченное к административной ответственности.

В результате по пунктам 2–4 единая позиция на данный момент не выработана, так как такие предложения выходят за рамки классической теории уголовно-исполнительного права и вызывают дискуссии и критические замечания в научном сообществе.

Попробуем более подробно разобраться в каждом из рассматриваемых предложений, направленных на расширение (изменение) предмета уголовно-исполнительного права.

1. *Включение в сферу уголовно-исполнительного регулирования исполнения всех мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.* Как уже было сказано ранее, данное направление расширения предмета в той или иной степени поддерживается практически всеми учеными-пенитенциаристами.

Как справедливо отмечает В.И. Селиверстов, «основная проблема в определении предмета уголовно-исполнительного законодательства состоит в том, что в нормах УИК РФ исполнение иных мер уголовно-правового характера регламентировано лишь в общих чертах и не в полном объеме» [1. С. 84].

Соглашаясь с данной позицией в принципе, В.А. Уткин высказывается о том, что в УИК РФ не регулируется исполнение мер уголовно-правового характера, указанных в Разделе VI УК РФ (меры медицинского характера (Глава 15), конфискация имущества (Глава 15.1) и судебный штраф (Глава 15.2)) [2. С. 99].

В.Е. Южанин утверждает, что «все меры уголовно-правового характера, регламентированные в уголовном законе, должны регулироваться уголовно-исполнительным правом» [3. С. 117]. Схожей позиции придерживается и автор настоящей статьи [4. С. 82].

Отдельные ученые более осторожно высказываются по данному направлению расширения предмета. Так, конкретизирует рассматриваемое направление Ю.А. Головастова, которая к иным мерам уголовно-правового характера, требующим включения в расширенный предмет уголовно-исполнительного права, относит принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему осужденному, рассматриваемые в качестве отсрочки от отбывания наказания в виде лишения свободы [5. С. 140]. В то же время, по ее мнению, исполнение не всех мер уголовно-правового характера необходимо включать в расширенный предмет уголовно-исполнительного права – «юридическая природа мер уголовно-правового характера, не выступающих формами реализации уголовной ответственности, позволяет нам признать, что их исполнение не входит в предмет уголовно-исполнительного права» [5. С. 138]. Так, она не относит к предмету рассматриваемой отрасли права «отношения по применению принудительных мер воспитательного воздействия, назначаемых несовершеннолетнему, освобожденному от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 92 УК РФ)» [5. С. 139], а также отношения, связанные с исполнением судебного штрафа (гл. 15² УК РФ)

[6. С. 93]. Также не включает исполнение судебного штрафа в сферу уголовно-исполнительного регулирования и О.В. Демидова [7. С. 14].

Учитывая вышеизложенное, принимая во внимания специфику предметов и методов уголовного и уголовно-исполнительного права, а также складывающиеся в настоящее время правоотношения, полагаем возможным высказать предложение о разграничении предметов двух указанных отраслей права исходя из «ключевой точки», в качестве которой может выступить или вступление обвинительного приговора суда в законную силу, или момент принятия к исполнению наказания или иной меры уголовно-правового. В случае принятия данного предложения к уголовно-исполнительным правоотношениям необходимо будет отнести некоторые отношения, которые в настоящее время регулируются уголовным законом:

- отношения после начала исполнения наказаний (ч. 5 ст. 46; ч. 4 ст. 47; ч. 2 (частично), ч. 3 ст. 49; ч. 4 ст. 50; ч. 3–5 ст. 53; ч. 6 ст. 53.1; ч. 3 ст. 59; ч. 3 (частично), 6.2 ст. 88 УК РФ);
- отношения после начала исполнения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (ч. 4 ст. 90 УК РФ);
- отношения после начала исполнения условного осуждения (ч. 7 ст. 73; ст. 74 УК РФ);
- отношения, связанные с условно-досрочным освобождением (ст. 79, 93 УК РФ);
- отношения, связанные с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ);
- освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ);
- освобождение от наказания лица, отбывающего наказание в связи с болезнью (отдельные нормы ст. 81 УК РФ);
- отношения после начала исполнения отсрочки отбывания наказания (отдельные нормы ст. 82 УК РФ);
- отношения после начала исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (отдельные нормы ст. 82.1 УК РФ);
- отношения, связанные с амнистией (ст. 84 УК РФ);
- отношения, связанные с помилованием (ст. 85 УК РФ);
- отношения после начала исполнения принудительных мер медицинского характера (ст. 102–104 (частично) УК РФ);
- отношения после назначения конфискации имущества (ст. 104.1–104.3 (частично) УК РФ), судебного штрафа (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ).

Таким образом, в сферу уголовно-исполнительного регулирования необходимо включить исполнение всех мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, а также перенести часть норм, несвойственных уголовно-правовому регулированию, из Уголовного кодекса в новый Уголовно-исполнительный кодекс.

2. Включение в предмет уголовно-исполнительного права регулирования отношений, связанных с исполнением мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ. По рассматриваемому вопросу со-

временная дискуссия в научном сообществе развернулась с момента принятия Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и не закончилась до настоящего времени [4. С. 83–84]. Не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что к настоящему времени сформировались следующие точки зрения относительно места института содержания под стражей в системе российского права:

- институт относится к уголовно-процессуальному праву [8. С. 191–192; 9. С. 472];
- институт не относится к уголовно-исполнительному праву [10. С. 31–32; 11. С. 11–23; 12. С. 41–42];
- институт следует отнести к уголовно-исполнительному праву [4. С. 83–84; 13. С. 122; 14. С. 10];
- следует создать новую отрасль права [15, 16].

Полагаем, что регулирование отношений по исполнению мер пресечения, а также иных мер процессуального принуждения, предусмотренных УПК РФ, может составить предмет современной обновленной отрасли уголовно-исполнительного права.

В поддержку данного предложения следует сказать о том, что метод правового регулирования отношений по исполнению мер пресечения, а также иных мер процессуального принуждения совпадает с основным методом уголовно-исполнительного права – императивным (государственно-властным), так как в обоих случаях (и в отношении осужденных, и в отношении подозреваемых и обвиняемых) отношения преимущественно регулируются данным методом.

Также следует отметить, что деятельность практических органов и учреждений развивается в данном направлении. Так, в настоящее время учреждения уголовно-исполнительной системы исполняют уже четыре самые строгие меры пресечения, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством:

- следственные изоляторы – заключение под стражу;
- уголовно-исполнительные инспекции – запрет определенных действий, залог и домашний арест.

Исходя из вышеизложенного, можно высказать идею о том, что уголовно-процессуальные отношения в сфере мер пресечения, а также иных мер процессуального принуждения должны заканчиваться с момента вынесения постановления или определения об избрании меры пресечения или меры процессуального принуждения (или с момента начала исполнения меры пресечения или меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого или обвиняемого), после чего должны начинаться новые уголовно-исполнительные отношения, в том числе такие, которые в настоящее время регулируются УПК РФ – ст. 102–108, 110 (частично), ст. 112–118 (частично).

Кроме того, не совсем понятна причина нахождения в УПК РФ норм, несвойственных для уголовно-процессуальных отношений. Например, норм, устанавливающих основания, в том числе не предусмотренные уголовным законом, для применения отсрочки исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ). Полагаем, что нормы, устанавливающие основания предоставле-

ния отсрочки отбывания наказания, должны регулироваться или нормами уголовного права (в отношении подсудимых, которым назначается наказание), или нормами уголовно-исполнительного права (в отношении лиц, отбывающих наказание). Кроме того, нормы, регулирующие порядок контроля за лицами, которым предоставлена отсрочка исполнения приговора, также должны находиться в УИК РФ.

3. *Включение в предмет уголовно-исполнительного права регулирования так называемых постпенальных (постпенитенциарных) мер, предусмотренных различными нормативными правовыми актами, в отношении лиц, отбывших наказание (освобожденных от отбывания наказания).* В данном случае необходимо рассмотреть правоотношения по следующим действиям в отношении лиц, досрочно освобожденных, а также лиц, отбывших наказание:

- контроль за лицами, досрочно освобожденными;
- контроль за лицами, отбывшими наказание;
- помощь в социальной адаптации лицам, как отбывшим наказание, так и досрочно освободившимся.

В случае контроля за лицами, досрочно освобожденными от отбывания наказания, в первую очередь, речь идет об условно-досрочно освобожденных. В данном случае, с одной стороны, с позиций классического уголовно-исполнительного права отсутствует обязательный субъект уголовно-исполнительных правоотношений – осужденный, а с другой стороны, данные отношения регулируются различными отраслями права [17. С. 76]; контроль осуществляется учреждением, входящим в уголовно-исполнительную систему; лица, в отношении которых осуществляются контрольные мероприятия, являются бывшими осужденными; правоотношения строятся на императивном методе.

На основании изложенного полагаем, что отношения, связанные с контролем за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, должны быть включены в предмет уголовно-исполнительного права. По аналогии с этим в предмет уголовно-исполнительного права может быть включено правовое регулирование отношений по контролю за лицами, освобожденными в порядке п. «е» ст. 172 УИК РФ – вследствие тяжелой болезни или инвалидности. [18. С. 82]. Гипотетически, в данном контексте, можно предложить и идею об осуществлении функции по контролю за поведением помилованных лиц и лиц, освобожденных по амнистии, что также можно рассматривать (в случае реализации этой идеи на законодательном уровне) в качестве предмета нового уголовно-исполнительного права.

В рамках контроля за лицами, отбывшими наказание, возможно рассмотреть нормы Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В данном случае, так же как и при контроле за условно-досрочно освобожденными, отсутствует осужденный как субъект правоотношений. Кроме того, орган, осуществляющий полномочия по надзору (органы внутренних дел), не относится к уголовно-исполнительной системе, а рассматриваемый институт регулируется, в том числе, нормами административного законодательства, например, производство по административным делам

(глава 29 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Вместе с тем рассматриваемые отношения весьма схожи с отношениями по контролю за условно-досрочно освобожденными или условно осужденными, что делает возможным их отнесение к предмету уголовно-исполнительного права. Также следует отметить, что при правовом регулировании данных отношений используется императивный метод. Кроме того, заслуживает рассмотрения вопрос о передаче функций, связанных с контролем за лицами, в отношении которых установлен административный надзор, учреждениям уголовно-исполнительной системы.

Наиболее дискуссионным (спорным), в связи с принятием Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О пробации в Российской Федерации», в настоящее время видится направление развития предмета уголовно-исполнительного права в сфере помощи в социальной адаптации лицам, как отбывшим наказание, так и досрочно освободившимся. Еще до принятия № 10-ФЗ отдельные ученые высказывали идеи о необходимости отнесения оказания социальной помощи осужденным, отбывшим наказание к уголовно-исполнительному регулированию [19. С. 28; 20. С. 89; 21. С. 56]. В то же время Ю.А. Головастова обоснованно полагает, что в рамках классического представления об уголовно-исполнительном праве, отношения, возникающие после освобождения от отбывания наказания, к рассматриваемой отрасли права не относятся [10. С. 32–39].

С новой силой дискуссия о месте правоотношений о помощи в социальной адаптации освободившимся лицам в системе права разгорелась после принятия № 10-ФЗ. Так, П.В. Тепляшин изначально пробацию относил к «структурированному правовому институту – субинституту, который в силу своей юридической природы, внутренним элементам и предметно-правовой принадлежности имеет тесную связь с уголовно-исполнительным правом, а его юридическая природа во многом обладает межотраслевым характером» [22. С. 299]. Однако в дальнейшем им был поставлен весьма дискуссионный вопрос о формировании самостоятельной отечественной юридической отрасли – «пробационного права» [23. С. 96].

В этой дискуссии абсолютно обоснованной представляется позиция В.А. Уткина, который утверждает, что необходимо «регулировать отношения в сфере постпенитенциарной ресоциализации (социальной адаптации) освобожденных не уголовно-исполнительным, а “социальным” законодательством или законодательством о социальной помощи» [24. С. 79].

Полагаем, что с учетом «добровольности» пробационных отношений, в отношении лиц, отбывших наказание, ключевым моментом, препятствующим отнесению рассматриваемых отношений к уголовно-исполнительным, выступает отсутствие государственно-властных (принудительных) отношений между государственными учреждениями (органами) и освобожденными от отбывания наказания лицами.

Таким образом, к предмету уголовно-исполнительного права (по регулированию так называемых постпенальных мер) необходимо отнести правовое регулирование отношений, связанных:

- с контролем за лицами, досрочно освобожденными;
- контролем за лицами, отбывшими наказание;
- оказанием помощи осужденным в социальной адаптации в период отбывания наказания.

Не следует относить к предмету уголовно-исполнительного права правовое регулирование отношений, связанных с оказанием социальной помощи лицам, отбывшим наказание.

4. *Правовое регулирование отношений по исполнению административных наказаний, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.* Данные предложения высказывались В.Н. Орловым, который предлагал отнести к уголовно-исполнительному праву исполнение отдельных административных наказаний [25. С. 66–68]. В свое время Н.А. Стручков предлагал отнести нормы, устанавливающие порядок и условия исполнения отдельных мер административного воздействия, к исправительно-трудовому законодательству [26. С. 64].

Полагаем, что рассматриваемое предложение, в условиях современного развития общественных отношений, достаточно кардинально. В данном случае речь уже будет идти не об уголовно-исполнительном праве, а скорее всего об «административно-исполнительном праве» или, как высказывался В.А. Уткин, о новой мегаотрасли – «исполнительное право» [12. С. 40]. В то же время, соглашаясь с учеными в сфере административного права, возможно расширить предмет или действующего КоАП РФ через изменение его названия и содержания или принять новый кодекс, регулирующий в том числе вопросы исполнения административных наказаний [27, 28].

Подводя итоги анализа четырех возможных направлений расширения (изменения) предмета уголовно-исполнительного права, можно сказать о том, что в случае реализации данных предложений (за исключением четвертого) и учитывая позицию В.А. Уткина [12. С. 40], можно будет говорить о трех подотраслях уголовно-исполнительного права:

- «пенальное» право – современное «классическое» уголовно-исполнительное право;
- «допенальное» право – правовое регулирование отношений до момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу. В первую очередь это отношения, связанные с исполнением мер пресечения, а также иных мер процессуального принуждения, предусмотренных УПК РФ. Также в рамках данного направления расширения предмета уголовно-исполнительного права возможно было бы рассмотреть и «досудебную пробацию», которая была предусмотрена в изначальном проекте федерального закона «О пробации в Российской Федерации». Однако, к сожалению, в процессе обсуждения законопроекта «досудебная пробация» была исключена из окончательного варианта закона;
- «постпенальное» право – правовое регулирование отношений после отбытия наказания осужденным (правовое регулирование контрольных функций в отношении

лиц, досрочно освобожденных, а также в отношении отдельных лиц, полностью отбывших наказание).

Вместе с тем следует признать, что в УИК РФ есть нормы, не относящиеся к предмету уголовно-исполнительного права и которые, по нашему мнению, должны быть перенесены в другие нормативные правовые акты (например, в Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» или в новый необходимый Закон об уголовно-исполнительной системе [29, 30]). К данным нормам возможно отнести следующие:

- необходимость заключения соглашения между федеральным (территориальным) органом уголовно-исполнительной системы и религиозными организациями (ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ);
- особенности объявления лицам, находящимся на территориях учреждений, исполняющих наказания и прилегающих к ним территориях, официального предостережения (ст. 17.1 УИК РФ);
- посещение учреждений и органов, исполняющих наказания, различными должностными лицами (ст. 24 УИК РФ);
- порядок создания изолированных участков (участков) исправительных центров (ч. 3, 3.1 ст. 60.1 УИК РФ) и ряд других.

Говоря о предмете уголовно-исполнительного права и законодательства, также необходимо упомянуть и о возможных направлениях дальнейшей дискуссии. Так возникает вопрос о том, являются ли отношения (в период отбывания наказания) по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации уголовно-исполнительными? Возможно, их следует рассматривать в качестве отношений в сфере социального обеспечения с ограничениями, установленными уголовно-исполнительным законодательством, по аналогии с трудовыми отношениями осужденных (например, осужденных к лишению свободы или к исправительным работам).

В конечном итоге, в случае реализации предложенных в данной статье идей, направленных на расширение (изменение) предмета уголовно-исполнительного права, потребуются:

- принятие нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ [4];
- внесение изменений в самые различные законы (УК РФ, УПК РФ, Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»);
- отмена Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», так как содержащиеся в них нормы будут включены в новый УИК РФ;
- принятие нового Закона об уголовно-исполнительной системе [29, 30].

Список источников

1. Селиверстов В.И. Новый уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: содержание и перспективы принятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2014. № 15 (701). С. 69–86.
2. Уткин В.А. Пределы уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 97–100.

3. Южанин В.Е. Перспективы расширения предмета отрасли уголовно-исполнительного права // *Lex Russica*. 2019. № 10 (155). С. 114–122.
4. Грушин Ф.В. Новый уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: предмет правового регулирования и структура // *Уголовная юстиция*. 2019. № 14. С. 82–86. doi: 10.17223/23088451/14/17
5. Головастова Ю.А. К вопросу о структуре предмета уголовно-исполнительного права // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 3. С. 137–141.
6. Головастова Ю.А. Концептуальные вопросы понимания модернизации предмета уголовно-исполнительного права // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 11. С. 91–96.
7. Демидова О.В. Исполнение иных мер уголовно-правового характера: к вопросу о предмете уголовно-исполнительного права // *Вестник уголовно-исполнительной системы*. 2017. № 8 (183). С. 13–15.
8. Гельдибаев М.Х. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 332 с.
9. Баландюк О.В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу (постановка проблемы) // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. № 2 (34). С. 470–472.
10. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / под научной ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля наук РФ В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.
11. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
12. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // *Уголовно-исполнительное право*. 2016. № 2 (24). С. 39–43.
13. Орлов В.Н. Необходимо принять новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // *Рецидивная преступность и пути ее преодоления : материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и кримиологов» (Рязань, 15 апреля 2011 г.)*. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. С. 120–132.
14. Скиба А.П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // *Уголовно-исполнительное право*. 2015. № 2 (20). С. 9–13.
15. Андреев В.Н. Истоки формирования стражного права в России // *Публичное и частное право*. 2010. № 2 (6). С. 152–182.
16. Потапов А.М. Об особенностях развития уголовно-исполнительных правоотношений на современном этапе // *Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН России. Преступление. Наказание. Исправление*. 2008. № 3. С. 36–37.
17. Селиверстов В.И., Грушин Ф.В., Лядов Э.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 469. С. 76–84. doi: 10.17223/15617793/469/10
18. Елисеева Т.Н. Проблемные вопросы контроля за лицами, освобождаемыми от отбывания наказания по болезни // *Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Самара, 01–02 июня 2023 года*. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. С. 80–82.
19. Чорный В.Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // *От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли: матер. междунауч.-практ. семинара*. Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2006. С. 25–29.
20. Гришко А.Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4 (30). С. 88–93.
21. Горобцов В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия. Орел, 1995. 163 с.
22. Тепляшин П.В. Межотраслевая юридическая природа субинститута пробации // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 1 (65). С. 299–302.
23. Тепляшин П.В. Пробационное право как самостоятельная отечественная юридическая отрасль: теоретическая обусловленность и практическая перспектива // *Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса междунауч.-практ. конф. : в 2 т. Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 года*. СПб. : Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 95–99.
24. Уткин В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // *Уголовная юстиция*. 2014. № 1 (3). С. 75–80.
25. Орлов В.Н. Концепции профессора Н.А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2017. № 7. С. 62–68.
26. Стручков Н.А. Содержание советского исправительно-трудового законодательства и значение для его разработки кодификации уголовного законодательства // *Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957)*. М., 1957. С. 62–67.
27. Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2014. № 2. С. 56–63.
28. Стариков Ю.Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2020. № 2 (41). С. 14–41.
29. Головастова Ю.А., Грушин Ф.В. Закон об уголовно-исполнительной системе: перспективы предстоящих реформ // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*. 2022. № 4 (14). С. 22–29.
30. Кузьмин С.И., Уткин В.А. Закон об уголовно-исполнительной системе как средство ее реформирования // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2020. № 5. С. 17–19.

References

1. Seliverstov, V.I. (2014) Novyy ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: sodержanie i perspektivy prinyatiya [The New Penal Code of the Russian Federation: Content and Adoption Prospects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 15 (701). pp. 69–86.
2. Utkin, V.A. (2020) Predely ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [The Limits of Penal Legislation]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4 (45). pp. 97–100.
3. Yuzhanin, V.E. (2019) Perspektivy rasshireniya predmeta otrasli ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Prospects for Expanding the Subject of the Branch of Penal Law]. *Lex Russica*. 10 (155). pp. 114–122.
4. Grushin, F.V. (2019) New Penal Code of the Russian Federation: Subject of Legal Regulation and Structure. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 14. pp. 82–86. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/14/17
5. Golovastova, Yu.A. (2017) K voprosu o strukture predmeta ugolovno-ispolnitel'nogo prava [On the Issue of the Structure of the Subject of Penal Law]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 3. pp. 137–141.
6. Golovastova, Yu.A. (2016) Kontseptual'nye voprosy ponimaniya modernizatsii predmeta ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Conceptual Issues of Understanding the Modernization of the Subject of Penal Law]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 11. pp. 91–96.
7. Demidova, O.V. (2017) Ispolnenie innykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera: k voprosu o predmete ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Execution of Other Criminal-Law Measures: On the Issue of the Subject of Penal Law]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 8 (183). pp. 13–15.

8. Gel'dibaev, M.Kh. (2001) *Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sfere ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms in the Sphere of Criminal Procedural Coercion]. Law Dr. Diss. Saint Petersburg.
9. Balandyuk, O.V. (2016) Pravovaya priroda i otraslevaya prikladnost' deyatelnosti po ispolneniyu mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu (postanovka problemy) [The Legal Nature and Branch Affiliation of the Activity of Executing the Restraint Measure in the Form of Detention (Problem Statement)]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2 (34). pp. 470–472.
10. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal Law as a Branch of Russian Law: Subject, Method, Sources, System]. Edited by V.I. Seliverstov. Moscow: Yurisprudentsiya.
11. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General Part of the New Penal Code of the Russian Federation: Results and Justifications of Theoretical Modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.
12. Utkin, V.A. (2016) Ugolovno-ispolnitel'naya deyatelnost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Penal Activity and the Subject of Penal Law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (24). pp. 39–43.
13. Orlov, V.N. (2011) Neobkhodimo prinyat' novyy Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [It is Necessary to Adopt a New Penal Code of the Russian Federation]. In: *Retsidivnaya prestupnost' i puti ee preodoleniya: materialy vyezdnogo zasedaniya Regional'noy obshchestvennoy organizatsii "Soyuz kriminalistov i kriminologov" (Ryazan', 15 aprelya 2011 g.)* [Recidivist Crime and Ways to Overcome It: Materials of the Field Meeting of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists" (Ryazan, April 15, 2011)]. Ryazan: FSIN of Russia Academy. pp. 120–132.
14. Skiba, A.P. (2015) Nekotorye problemy razgranicheniya ugolovno-protsessual'nogo i ugolovno-ispolnitel'nogo regulirovaniya [Some Problems of Delimiting Criminal Procedural and Penal Regulation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (20). pp. 9–13.
15. Andreev, V.N. (2010) Istoki formirovaniya strazhnogo prava v Rossii [The Origins of the Formation of Custodial Law in Russia]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2 (6). pp. 152–182.
16. Potapov, A.M. (2008) Ob osobennostyakh razvitiya ugolovno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy na sovremennom etape [On the Features of the Development of Penal Legal Relations at the Present Stage]. *Vestnik instituta. Nauchno-prakticheskiy zhurnal Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN Rossii. Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie*. 3. pp. 36–37.
17. Seliverstov, V.I., Grushin, F.V. & Lyadov, E.V. (2021) Criminal Law and Penal Policy in Relation to Parole. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 469. pp. 76–84. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/469/10
18. Eliseeva, T.N. (2023) [Problematic Issues of Monitoring Persons Released from Serving a Sentence Due to Illness]. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsionalnye traditsii i zarubezhnyy opyt* [Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience]. Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation. Samara. 01–02 June 2023. Samara: Samara Law Institute. pp. 80–82. (In Russian).
19. Chornyy, V.N. (2006) Tendentsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava v sovremennykh usloviyakh [Trends in the Development of Penal Law in Modern Conditions]. In: *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugolovno-ispolnitel'noy otrasli: mater. mezhd. nauch.-prakt. seminarov* [From Corrective Labor Law to the Penal Branch: Materials of an International Scientific-Practical Seminar]. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 25–29.
20. Grishko, A.Ya. (2014) Ugolovno-ispolnitel'nyy zakon budushchego: napravleniya reformirovaniya [The Penal Law of the Future: Directions of Reform]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 4 (30). pp. 88–93.
21. Gorobtsov, V.I. (1995) *Teoreticheskie problemy realizatsii mer postpenitentsiarnogo vozdeystviya* [Theoretical Problems of Implementing Measures of Post-Penitentiary Impact]. Orel.
22. Teplyashin, P.V. (2024) Mezhotraslevaya yuridicheskaya priroda subinstituta probatsii [The Interbranch Legal Nature of the Sub-Institute of Probation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1 (65). pp. 299–302.
23. Teplyashin, P.V. (2024) [Probation Law as an Independent Domestic Legal Branch: Theoretical Basis and Practical Perspective]. *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii* [St. Petersburg Penitentiary Conferences]. Proceedings of a Complex of International Conferences: In 2 Volumes. St. Petersburg, Pushkin. 16–17 May 2024. Saint Petersburg: St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service. pp. 95–99. (In Russian).
24. Utkin, V.A. (2014) Resozializatsiya of Persons Released from Punishment: History and Modernity. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (3). pp. 75–80.
25. Orlov, V.N. (2017) Kontseptsii professora N.A. Struchkova i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava [The Concepts of Professor N.A. Struchkov and the Prospects for the Development of Penal Law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 7. pp. 62–68.
26. Struchkov, N.A. (1957) Soderzhanie sovetского ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva i znachenie dlya ego razrabotki kodifikatsii ugolovnogo zakonodatel'stva [The Content of Soviet Corrective Labor Legislation and the Significance of the Codification of Criminal Legislation for Its Development]. In: *Materialy teoreticheskoy konferentsii po voprosam sovetского ispravitel'no-trudovogo prava (may 1957)* [Proceedings of the Theoretical Conference on Issues of Soviet Corrective Labor Law (May 1957)]. Moscow. pp. 62–67.
27. Solovey, Yu.P. (2014) Rossiyskoe zakonodatel'stvo ob administrativnoy otvetstvennosti nuzhdaetsya v sovershenstvovanii [Russian Legislation on Administrative Liability Needs Improvement]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2. pp. 56–63.
28. Starilov, Yu.N. (2020) Kontseptsii novogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i "sud'ba" administrativno-deliktnogo prava: dva noveyshikh voprosa v sovremennoy pravovoy teorii [The Concept of the New Code of the Russian Federation on Administrative Offences and the "Fate" of Administrative Tort Law: Two Recent Questions in Modern Legal Theory]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*. 2 (41). pp. 14–41.
29. Golovastova, Yu.A. & Grushin, F.V. (2022) Zakon ob ugolovno-ispolnitel'noy sisteme: perspektivy predstoyashchikh reform [The Law on the Penal System: Prospects for Upcoming Reforms]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 4 (14). pp. 22–29.
30. Kuz'min, S.I. & Utkin, V.A. (2020) Zakon ob ugolovno-ispolnitel'noy sisteme kak sredstvo ee reformirovaniya [The Law on the Penal System as a Means of Its Reform]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 5. pp. 17–19.

Информация об авторе:

Грушин Ф.В. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: fedor062@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F.V. Grushin, Dr. Sci. (Law), chief research fellow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: fedor062@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 02.01.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 349.2
doi: 10.17223/15617793/514/25

Прогрессивная модель фабрично-заводского законодательства Сергея Васильевича Зубатова

Николай Вольтович Демидов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, fra_nickolas@list.ru*

Аннотация. Исследуются взгляды главы Московского охранного отделения С.В. Зубатова на законодательство о труде. Констатируется, что С.В. Зубатов поддерживал компромиссное фабричное право, требовал совместного противостояния власти и рабочих нанимателям, сформулировал принципы современной регламентации отношений по труду. Материалы работы подтверждают концепцию, по которой движущей силой закрепления трудовых прав в конце XIX в. являлось растущее правосознание политических элит.

Ключевые слова: Российская империя, фабрично-заводское законодательство, рабочее законодательство, Зубатов, история трудового права, рабочий вопрос, трудовое право, рабочее движение, Московское охранное отделение

Для цитирования: Демидов Н.В. Прогрессивная модель фабрично-заводского законодательства Сергея Васильевича Зубатова // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 219–223. doi: 10.17223/15617793/514/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/25

Progressive model of factory legislation by Sergei Vasilyevich Zubatov

Nikolay V. Demidov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, fra_nickolas@list.ru*

Abstract. The subject of the research is the views of Sergei Vasilyevich Zubatov, the head of the Moscow Security Department and later the head of the Special Department of the Imperial Police Department, on the state and development of factory (labor) legislation of the Russian Empire. The aim is to identify the content of Zubatov's views on the conditions and necessary directions for the development of legislation on hired subordinate labor at the turn of the 20th century. The research methodology includes historical-legal and formal-legal approaches, diachronic comparison, textual analysis, historical-contextual analysis. The study made a key conclusion that Zubatov was an example of an apologist for the social-compromise labor legislation of the late 19th century. He asserted the need for cooperation between the authorities and workers and their joint opposition to industrial circles as the true source of social conflict, known as the "labor question". In 1898, Zubatov formulated the principles of modern regulation of labor relations. He did this 15 years before the revolutionary developments of L.S. Tal, without having a legal school behind him, ahead of both the legislator and legal theorists. Such principles include: equality of the parties to an employment contract before the law, contractual definition of their rights and obligations, pre-trial resolution of labor disputes, protection of the interests of the employee as the weaker party in labor relations. For the purpose of public pacification, factory owners were offered to interact with workers through committees under the jurisdiction of the Security Department. In fact, a modern idea of a tripartite social partnership was proposed, enshrined in the Labor Code of the Russian Federation and embodied in the practice of civilized countries of the world. The obtained developments confirm the concept previously stated by the author, according to which the factory legislation of the Russian Empire arose not only due to the protest labor movement. The most important driving force for the consolidation of labor rights and guarantees in the 19th – early 20th centuries was the growing legal consciousness of the political elites. An example of such dynamics are the views of Zubatov as a representative of the highest circles of the executive power. Due to his own service experience, analytical abilities, knowledge of domestic life, Zubatov formed unambiguous views on factory (labor) legislation. In his opinion, it was called upon to ensure a social compromise between employers and workers, ensure the normal course of state administration, satisfy the objective and fair interests of workers, and limit the abuses of industrialists. He saw lawmaking in favor of workers as necessary, and not the class unity of the throne and the bourgeoisie in antagonism to the workers.

Keywords: Russian Empire, factory legislation, labor legislation, Zubatov, history of labor law, labor issue, labor law, labor movement, Moscow Security Department

For citation: Demidov, N.V. (2025) Progressive model of factory legislation by Sergei Vasilyevich Zubatov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 219–223. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/25

Эпоха интенсивной разработки и апробации фабричных законов Российской империи пришлась на 1880–1910-е гг. В это время в обществе шло активное обсуждение как самой целесообразности нормативного регулирования отношений по труду, так и путей его развития. Советская историография традиционно предлагала взгляд на государственный аппарат империи как на монолитную эксплуататорскую корпорацию, классово единую с промышленниками в противостоянии пролетариату. Детальное исследование имеющихся архивных материалов, периодики, мемуарной литературы показывает несостоятельность данной схемы. Во властных кругах были представлены все возможные течения мысли в области рабочего законодательства. Сторонники правого консервативного пути продолжали отстаивать особый путь развития России, исключая необходимость нормативного вмешательства в патриархальные отношения нанимателя и рабочего («Примеры самой отеческой заботливости хозяина и рабочих у нас явление обычное» [1. С. 3]). Апологеты общемирового процесса юридизации отношений по труду делились на поборников цивилистической теории «свободы договора» и приверженцев социально-компромиссного прорабочего законодательства. Движение в пользу последнего планомерно набирало обороты. На различных уровнях административного механизма Российской империи еще с начала XIX в. вызревало понимание необходимости юридического закрепления прав и гарантий для наемных рабочих. К рубежу XIX–XX вв. конструктивное правосознание все более массово овладевало умами чиновничества.

Виднейшим проводником интересов рабочих внутри государственного аппарата был глава Московского охранного отделения, а затем глава Особого отдела Департамента полиции С.В. Зубатов. Догма советской науки обличала в нем охранителя, царского провокатора и манипулятора рабочими массами [2–5]. Идеологический канон был задан еще в дореволюционный период публикациями в «Искре» и прокламациями [6. С. 5]. Последние три десятилетия отличает существенно более взвешенный подход к оценке роли С.В. Зубатова в разрешении коллизий рабочего вопроса и становлении отечественного трудового законодательства. Таковы прежде всего работы С.В. Медведева [7, 8], а также иных специалистов, включая зарубежних [9–11]. Однако и в настоящее время можно встретить утверждения о деятельности С.В. Зубатова, заключающие в его адрес: «речь отнюдь не шла о законодательном расширении прав рабочего» [12. С. 213]. Другой автор подытоживает с поражающей категоричностью, мало отвечающей действительности: «В отличие от Зубатова, у Гапона все-таки присутствовало желание помочь простому человеку» [13. С. 92].

Архивные материалы показывают картину, полностью противоположную последним цитатам. Следует отметить, что приводимые исторические источники не предназначались для опубликования, носили характер ведомственного документооборота и были обнародованы лишь после 1917 г. Таким образом, в них нельзя подозревать некую саморекламу автора, лицемерную

попытку представить себя «народным заступником». Исторические документы открывают в С.В. Зубатове высокий интеллект, способность к объективному анализу, равнодушие к судьбе страны и подлинное стремление обеспечить интересы промышленных рабочих. Его позиции заслуживают особого рассмотрения, поскольку полностью отвечают концепции, по которой фабричное законодательство было мотивировано отнюдь не исключительно протестом пролетариата, а развитием правосознания общества и особенно политических верхов.

Ключевым документом, отражающим взгляды С.В. Зубатова на фабрично-заводское законодательство, стал его доклад 1898 г. на имя генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича [14]. Доклад имел гриф «Совершенно секретно» и не обнародовался. Избегала его анализа и советская наука, поскольку в нем прослеживалось совершенно иное мировоззрение, нежели традиционно приписывалось «реакционеру» и «полковнику», который на деле никогда не имел полковничьего звания. В докладе автор прямо опровергал пресловутую «запуганность» властей рабочими беспорядками. По его мнению, фабричные законы принимались не потому, что правительство «чувствует себя терроризированным рабочей толпой, как то уверяют революционеры. Причина успеха кроется здесь в скоро выясняющейся при расследовании недостаточной попечительности, предусмотрительности и распорядительности со стороны надлежащих чинов и ведомств. Естественно, что при таких условиях, следуя элементарной справедливости, правительство не находит для себя отклонять домогательства рабочих» [14. Л. 3]. С.В. Зубатов вполне справедливо видел необходимость конкуренции престола с прорабочей деятельностью социалистов: «...не следует ли правительству как можно скорее вырвать это благодарное для революционера оружие из его руки и взять исполнение всей задачи на себя» [14. Л. 4].

С.В. Зубатовым давалась обоснованная оценка правосознанию сторон отношений трудового найма. Он усматривал необходимость противостояния государства не рабочим, а нанимателям: «...принцип законности легче прививается к рабочему, чем к работодателям, которые никак не могут помириться с мыслью о равноправности с договаривающейся стороной» [14. Л. 6]. Обратим внимание и на новаторскую терминологию, знаменующую разрыв с прежней гражданско-правовой категорией «наниматель». Понятие «работодатель» отсутствовало в официальном тезаурусе как законодателя, так и правоведов, и устоится лишь с окончательным оформлением трудового законодательства как самостоятельного корпуса норм. С.В. Зубатов опережал в этом даже юристов-теоретиков – так, Л.С. Таль еще в 1913 г. вел поиск понятийного аппарата и использовал конструкции «работополучатель», «хозяева» [15. С. 32, 335], и лишь в «Очерках промышленного рабочего права» 1918 г. определился с термином «работодатель» [16].

В докладе обнаруживаются мысли, выдающие внутреннюю убежденность С.В. Зубатова в пользу фабричного законодательства: «...в борьбе с происками революционеров правительство употребляет два

действительно полезных для своих целей средства». Первым из них он называет «введение принципа законности в сферу фабрично-заводских отношений» [14. Л. 5].

С.В. Зубатов подтверждал заявленное в настоящей работе противостояние правительства и предпринимателей. Он обвинял нанимателей в намеренных увольнениях неугодных рабочих, «пользуясь для этого совпадением момента недовольства с окончанием срока договора с рабочим». По его мысли, в дальнейшем это обуславливает в рабочем недовольство режимом в целом, «толкает на путь кулачного права», «отдает в жертву революционных происков» и создает сложности правительству [14. Л. 7]. Делался вполне передовой для своего времени вывод: «принцип законности требует устранения всякого своеволия и со стороны нанимателя» [14. Л. 7].

Недоразумением названа С.В. Зубатовым реализация властями в фабричной политике прежде всего охранительных начал, а не разрешение «величайшей проблемы нынешнего века — об отношениях труда и капитала». Описывалась не названная пока еще воспитательная функция государства в регламентации отношений по труду: в докладе приводится пример, когда незаконно уволивший рабочих заведующий фабрикой был вызван в Охранное отделение, наставлен в соблюдении правопорядка и дал согласие на восстановление рабочих.

Невозможно не признать актуальность даже для начала XXI в. идеи С.В. Зубатова, полагавшего «крайне полезным, чтобы власть и численный состав фабричной инспекции были расширены и увеличены, с предоставлением личному почину инспекции большей свободы действий» [14. Л. 7]. Представляется, что современная Федеральная инспекция труда по-прежнему требует расширения ее полномочий и кадрового состава.

С.В. Зубатов уже в 1898 г. единолично сформулировал принципы регламентации отношений по труду, уникальные для конца XIX в. и отвечающие системообразующим подходам трудового права XXI в. Он сделал это за полтора десятилетия до революционных наработок Л.С. Таля, не имея за плечами правоведческой школы, опережая и законодателя, и правоведов-теоретиков. «В основание фабричного законодательства положены принципы: во-первых — равноправие сторон перед законом и правительством, во-вторых — начало договора, в-третьих — начало третейского разбирательства и в-четвертых — стремление оградить слабейших от сильнейших» [14. Л. 5]. Из цитаты мы можем видеть, что отчисленный из 7-го класса гимназии служащий полиции, не имевший университетского образования или офицерской подготовки, С.В. Зубатов имел более зрелые, опережающие свое время воззрения на законодательство о труде, чем большая часть Государственного совета Российской империи и большинство членов монаршей фамилии, включая императора. Не напрасно издатель Б.П. Козьмин, человек социалистических позиций, утверждал о С.В. Зубатове, что «мысли доклада стали его непоколебимым убеждением, он говорил о них и развивал их везде, в особенности в высших сферах и в своем столичном по фабричным делам присутствии, а с ведомствами вел из-за них жестокую войну» [17. С. 71].

В 1902 г. С.В. Зубатов выступал с речью перед фабрикантами Москвы в трактире Тестова [18]. Даже этой аудитории он с большой прямоотой заявлял, что российское торгово-промышленное сословие приобрело ту репутацию, что «рабочий класс, интеллигенция и духовенство смотрят уже на представителей этого сословия, говоря вообще, как на мошенников» [18. Л. 2]. Промышленники сами виновны в том, что дали повод для подобных представлений, допуская «обиды, штрафы, обмеры, плохое харчевание и другие действия, известные под названием эксплуатации рабочего люда» [18. Л. 3]. Чтобы польстить присутствовавшим, С.В. Зубатов упомянул и о социальном попечении, которое фабриканты ведут, но не передают гласности. Подлинную же поддержку и защиту предприниматели могут найти «только в Охранном отделении, канцелярии г. Московского обер-полицмейстера». С целью общественного умиротворения фабрикантам предлагалось взаимодействовать с рабочими через комитеты, находящиеся в ведении Охранного отделения. Фактически предлагалась современная идея трехстороннего социального партнерства, закрепленная в Трудовом кодексе РФ и воплощенная в практике цивилизованных государств мира.

Отставной сослуживец сообщал С.В. Зубатову в личной переписке: «Горячо сочувствую фабричному законодательству, его развитию у нас и готов служить в этом деле, чем могу по мере моих сил» [19]. Трудно предположить, чтобы все эти действия и записи С.В. Зубатова велись лишь в двоедушном смысле, с целью ввести в заблуждение фабричных рабочих.

Покровителем и единомышленником С.В. Зубатова был обер-полицмейстер г. Москвы Д.Ф. Трепов, одно из первых лиц силового аппарата государства. Он также принимал сторону рабочих, пресекал злоупотребления фабрикантов и не боялся публично заявлять о своих модернистских убеждениях. Не вызывает сомнений, что без содействия Д.Ф. Трепова и во многом генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, прорабочая активность С.В. Зубатова в имевшемся виде была бы невозможна. Обер-полицмейстер не поднимался на высоту зубатовских обобщений, был далек от конструирования социально-юридических моделей, однако деятельно проводил в жизнь его и собственные воззрения. В 1901 г. Д.Ф. Трепов в ходе стачки на фабрике Товарищества шелковой мануфактуры в ответ на жалобу хозяев сообщил им, что он «очень недоволен Правлением» [20]. Чтобы заставить Правление идти на уступки рабочим, глава полиции без стеснения использовал рычаг угрозы надзорными проверками в случае, если владелец не пойдет на уступки рабочим. В частности, им открыто заявлялось, что «он со своей стороны тоже может давить на Правление и начнет преследовать его во всех вопросах санитарных самым строгим образом, причем предупреждает, что будет не штрафовать, а применять высшую меру наказания и сажать под арест» [20. Л. 4]. Правление фабрики немедленно капитулировало, сообщив, «что на фабрике все в порядке и что оно заранее заявляет готовность если на что будет указано г-м Обер-Полицмейстером, оно немедленно улучшит или поправит».

Впрочем, одновременно с этим ответом министру финансов была направлена тайная жалоба на действия Д.Ф. Трепова. В ней позиция полиции была охарактеризована как «внезапное и небывалое до сих пор вмешательство сих властей в фабричную жизнь, доверие, с которым оно относится к жалобам рабочих и полное игнорирование законных интересов и требований фабриканта» [20. Л. 5]. Была направлена жалоба нанимателя и заместителю министра финансов В.И. Ковалевскому: «Рабочие всех остальных ткацких фабрик в Москве ждут, чем кончится наше столкновение с Охранным отделением если бы мы согласились на повышение платы, то ткачи других фабрик предъявят тождественные требования повышения расценки на всех других фабриках» [20. Л. 18]. Промышленники увещевали даже великого князя Сергея Александровича обязать Охранное отделение разъяснить рабочим, что «вознаграждение уплачивается только за работу, а не за прогул, и что мы не живем под властью социализма» [20. Л. 18]. Специфичной иронией характеризуется ответ Д.Ф. Трепова на все описанные действия администрации фабрики: «На ответ Правления, что хуже настоящего положения дел ничего не может быть, т.к. фабрика не работает, Обер-Полицмейстер предупредил, что лично для членов Правления может еще значительно ухудшиться» [20. Л. 26]. Наконец, под давлением Д.Ф. Трепова владельцы шелкового производства сдались и уступили рабочим.

Участковый фабричный инспектор Синев сообщал 13 февраля 1902 г. своему руководству о стачке рабочих фабрики Кондрашевой. Будучи участником переговоров, инспектор описывал в донесении, как переговорщик от рабочего совета ткачей в диалоге с представителем фабрики многократно приводил слова обер-полицмейстера г. Москвы: «Его Превосходительство выразил непереносимое желание, чтобы никто не был уволен». Обер-полицмейстером Москвы в 1902 г. был Д.Ф. Трепов, представляемый советской историографией как царский сатрап, известный прежде всего фразой листовки: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». На деле обнаруживается иное. Будучи противником беспорядков, Д.Ф. Трепов тем не менее последовательно проводил в жизнь принципы компромиссного фабричного законодательства и ограничения злоупотреблений заводоуправлений. В письме издателю В.Л. Бурцеву С.В. Зубатов называл обер-полиц-

мейстера – «инициатор Государственной думы, автономии высших учебных заведений, рабочего законодательства» [17. С. 69].

С.В. Зубатов в частной переписке вспоминал о Д.Ф. Трепове: «...в официальных донесениях приставов по рабочим недоразумениям держался принципа “По совести и по справедливости”, накладывая нередко правильные, но резкие резолюции на бумагах в таком, напр., роде: “Опять хозяева виноваты!”» [17. С. 70].

Изложенное выше содержание архивных документов Министерства внутренних дел Российской империи показывает вполне однозначную картину. С.В. Зубатов, занимая должность «штатного охранителя», на деле был личностью гораздо более сложного порядка. Он в силу собственного служебного опыта, аналитических способностей, знания отечественной жизни сформировал однозначные взгляды на фабричное (рабочее) законодательство. По его мысли, оно призвано было обеспечить социальный компромисс между нанимателями и рабочими, обеспечить нормальное течение государственного управления, удовлетворить объективные и справедливые интересы трудящихся, ограничить злоупотребления промышленников. Необходимым виделось ему законотворчество в пользу рабочих, а не классовое единство престола и буржуазии в антагонизме к трудящимся. Реальная практика С.В. Зубатова, подтвержденная как современниками, так и учеными наших дней, показала обоснованность и эффективность заявленных подходов. В вопросах законодательства о труде он был талантливым мыслителем, а в рабочем вопросе – последовательным и конструктивным практиком. Фактически перед нами предстает нереализовавшийся «цивилизатор» российского общества и государства. Лишь его неготовность к аппаратной политической борьбе, смена веяний на вершинах власти, отсутствие союзников-«тяжеловесов», обструкция со стороны промышленников, попытка совместить охранительство и либерализм помешали ему воплотить собственные идеи. В итоге даже сторонники некоторых концепций С.В. Зубатова оказались в числе его критиков, – так, за излишнюю приверженность правам трудящихся главу Особого отдела упрекал С.Ю. Витте [21. С. 8]. Думается, что, с учетом изложенных воззрений С.В. Зубатова на законодательство о труде, он мог бы принести заметную пользу и в этой сфере.

Список источников

1. Московские ведомости. 1903. 21 февраля. С. 3.
2. Кавторин В.В. Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л. : Лениздат, 1992. 428 с.
3. Меньщиков Л.П. Охрана и революция : К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. 3. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан, 1932. 283 с.
4. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов : Издательство Львовского университета, 1964. 321 с.
5. Корелин А.П. Русский «полицейский социализм» (зубатовщина) // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 41–58.
6. Искра. 1902. 1 апреля. № 19. С. 3–5.
7. Медведев С.В. Департамент полиции и рабочий вопрос: 1901–1904 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 223 с.
8. Медведев С.В. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М. : Русский фонд образования и науки, 2018. 426 с.
9. Жмуровский А.С. С.В. Зубатов и вопросы реформирования политического сыска в России // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 1 (33). С. 177–181.
10. Пак О.А. Социальное государство как фактор снижения противоречий в правящей элите на примере России конца XIX – начала XX вв. // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. С. 236–244.
11. McDaniel T. Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. University of California Press, 1988. 500 p.
12. Чудакова М.С. С.В. Зубатов и зубатовщина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2 (18). С. 211–215.

13. Кононова О.А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 1. С. 81–93.
14. Докладная записка Зубатова Сергея Васильевича генерал-губернатору г. Москвы вел. кн. Сергею Александровичу о необходимости перемены политики по отношению к бастующим рабочим. 8 апреля 1898 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1696. Оп. 1. Д. 26.
15. Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Часть I: Общие учения. Ярославль: Типография губернского правления, 1913. XII, 422 с.
16. Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М.: Московское научное издательство, 1918. 224 с.
17. Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л.: Госиздат, 1928. 144 с.
18. Предположения о взаимоотношениях хозяев и рабочих. Речь Зубатова на встрече с фабрикантами московско-владимирского фабричного округа // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1832.
19. Письмо Петрова Зубатову Сергею Васильевичу // ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 8.
20. Отношение министра внутренних дел Сипягина Дмитрия Сергеевича генерал-губернатору г. Москвы вел. кн. Сергею Александровичу о деятельности «Совета рабочих механического производства» и «Союза ткачей г. Москвы» // ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 21.
21. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг.: В 2 т. Т. 2. М.: Terra, 1997. 399 с.

References

1. *Moskovskie vedomosti*. (1903) February 21. p. 3.
2. Kavtorin, V.V. (1992) *Pervyy shag k katastrofe: 9 yanvarya 1905 goda* [The First Step Towards Catastrophe: January 9, 1905]. Leningrad: Lenizdat.
3. Men'shchikov, L.P. (1932) *Okhrana i revolyutsiya: K istorii taynykh politicheskikh organizatsiy, sushchestvovavshikh vo vremena samoderzhaviya* [The Okhrana and the Revolution: Towards a History of Secret Political Organizations that Existed During the Time of the Autocracy]. Part 3. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan.
4. Vovchik, A.F. (1964) *Politika tsarizma po rabochemu voprosu v predrevolyutsionnyy period* [The Policy of Tsarism on the Labour Question in the Pre-Revolutionary Period]. Lviv: Lviv University.
5. Korelin, A.P. (1968) *Russkiy "politsiyskiy sotsializm" (zubatovshchina)* [Russian "Police Socialism" (Zubatovshchina)]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 41–58.
6. *Iskra*. (1902) April 1. No. 19. pp. 3–5.
7. Medvedev, S.V. (2010) *Departament polititsii i rabochiy vopros: 1901–1904 gg.* [The Police Department and the Labour Question: 1901–1904]. History Cand. Diss. Moscow.
8. Medvedev, S.V. (2018) *Eksperiment Zubatova. Legalizatsiya rabochego dvizheniya v pervye gody XX v.* [The Zubatov Experiment. Legalization of the Labour Movement in the Early Years of the 20th Century]. Moscow: Russkiy fond obrazovaniya i nauki.
9. Zhmurovskiy, A.S. (2017) S.V. Zubatov i voprosy reformirovaniya politicheskogo syska v Rossii [S.V. Zubatov and Issues of Reforming Political Investigation in Russia]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 1 (33). pp. 177–181.
10. Pak, O.A. (2024) Sotsial'noe gosudarstvo kak faktor snizheniya protivorechiy v pravuyashchey elite na primere Rossii kontsa XIX – nachala XX vv. [The Social State as a Factor in Reducing Contradictions within the Ruling Elite: The Case of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 24. pp. 236–244.
11. McDaniel, T. (1988) *Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia*. University of California Press.
12. Chudakova, M.S. (2012) S.V. Zubatov i zubatovshchina [S.V. Zubatov and Zubatovshchina]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4-2 (18). pp. 211–215.
13. Kononova, O.A. (2014) "Pod sen'yu tserkvi pravoslavnoy": religioznaya ritorika "politsiyskogo sotsializma" S.V. Zubatova ["Under the Auspices of the Orthodox Church": The Religious Rhetoric of S.V. Zubatov's "Police Socialism"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*. 1. pp. 81–93.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1696. List 1. File 26. *Dokladnaya zapiska Zubatova Sergeya Vasil'evicha general-gubernatoru g. Moskvy vel. kn. Sergeyu Aleksandrovichu o neobkhodimosti peremeny politiki po otnosheniyu k bastuyushchim rabochim. 8 aprelya 1898 g.* [Memorandum from Sergei Vasilyevich Zubatov to the Governor-General of Moscow, Grand Duke Sergei Alexandrovich, on the Need to Change Policy Towards Striking Workers. April 8, 1898].
15. Tal', L.S. (1913) *Trudovoy dogovor: tsivilisticheskoe issledovanie* [The Labour Contract: A Civil Law Study]. Part I. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
16. Tal', L.S. (1918) *Ocherki promyshlennogo rabochego prava* [Essays on Industrial Labour Law]. Moscow: Moskovskoe nauchnoe izdatel'stvo.
17. Koz'min, B.P. (1928) *S.V. Zubatov i ego korrespondenty. Sredi okhrannikov, zhendarmov i provokatorov* [S.V. Zubatov and His Correspondents. Among Okhrana Agents, Gendarmes and Provocateurs]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 730. List 1. File 1832. *Predpolozheniya o vzaimootnosheniyakh khozyaev i rabochikh. Rech' Zubatova na vstreche s fabrikantami moskovsko-vladimirskogo fabrichnogo okruga* [Proposals on the Relationship Between Owners and Workers. Zubatov's Speech at a Meeting with Factory Owners of the Moscow-Vladimir Factory District].
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1695. List 1. File 8. *Pis'mo Petrova Zubatovu Sergeyu Vasil'evichu* [Letter from Petrov to Sergei Vasilyevich Zubatov].
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1695. List 1. File 21. *Otnoshenie ministra vnutrennikh del Sipyagina Dmitriya Sergeevicha general-gubernatoru g. Moskvy vel. kn. Sergeyu Aleksandrovichu o deyatelnosti "Soveta rabochikh mekhanicheskogo proizvodstva" i "Soyuza tkachey g. Moskvy"* [Communication from Minister of Internal Affairs Dmitry Sergeyevich Sipyagin to the Governor-General of Moscow, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Regarding the Activities of the "Council of Workers of the Mechanical Industry" and the "Union of Weavers of Moscow"].
21. Vitte, S.Yu. (1997) *Izbrannye vospominaniya. 1849–1911 gg.: V 2 t.* [Selected Memoirs. 1849–1911: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Terra.

Информация об авторе:

Демидов Н.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и права социального обеспечения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: fra_nickolas@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Demidov, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Labor Law and Social Security Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fra_nickolas@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025;
одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 28.01.2025;
approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 342.731
doi: 10.17223/15617793/514/26

Тенденции конституционного развития в XXI в.: российский и зарубежный опыт

Анастасия Александровна Исаева¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tess@mail2000.ru*

Аннотация. Рассмотрены особенности конституционных преобразований стран в XXI в. Исследованы изменения, имеющие различную форму внешнего выражения и содержательное наполнение. Проанализированы направления в содержании конституционной реформы в России 2020 г., которые подвергнуты сопоставлению с зарубежным опытом. Сделан вывод о том, что конституционные преобразования в нашей стране соответствуют основным общемировым тенденциям и отражают переход российского общества на новый этап своего развития.

Ключевые слова: поправки в Конституцию, политическая власть, национальная идентичность, законодательство, конституционные реформы, конституционный процесс

Для цитирования: Исаева А.А. Тенденции конституционного развития в XXI в.: российский и зарубежный опыт // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 224–233. doi: 10.17223/15617793/514/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/26

Constitutional development trends in the 21st century: Russian and foreign experience

Anastasiya A. Isaeva¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tess@mail2000.ru*

Abstract. In this study, the author addresses the problem of defining the main trends in constitutional development in Russia and those foreign countries whose current constituent documents were adopted in the 21st century. It is noted that constitutional transformations can have different external forms of objectification, on the one hand, and substantive content, on the other. In the latter case, two development vectors can be distinguished: consolidation of new legal institutions or a change in the model of legal consolidation, the implementation of existing institutions. In foreign countries in the 21st century, constitutional transformations of both types took place. The aim of this article is to identify the extent to which the changes in legal reality occurring during the constitutional reform of 2020 correspond to global modern trends. The study is based on theoretical material from the works of foreign (L. Turner, T. Vermeulen, R. Acker) and domestic (S.A. Avakyan, I.A. Alebastrova, A.V. Nechkin, I.V. Ponkin, M.S. Salikov, T.Ya. Khabrieva, and others) scientists. The texts of constituent documents of more than 47 countries were also used. The methodological basis of the study was the dialectical, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the problems of the development of various legal institutions during the period of validity of their various constituent documents. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify the content of individual trends in the constitutional development of foreign countries and Russia, and compare them with each other. As a result, the author came to the conclusion that the trends in the constitutional development of foreign countries include: consolidation of the principles and goals of state building, which often include commitment to justice, values of law, etc.; an indication of the strengthening of national unity and identity; changes in approaches to regulating the rights and freedoms of man and citizen, and the emergence of new human rights; emphasis on socio-economic well-being; consolidation of measures to ensure territorial security and protect national interests. In Russia, constitutional development manifested, among other sources, in the text of the law on the amendment to the Constitution of 2020, is in the wake of global trends. The emphasis is on the new international and social context with the aim of consolidating society and legitimizing the political regime, which reflects the transition of society to a new stage of its development.

Keywords: constitutional amendments, political power, national identity, legislation, constitutional reforms, constitutional process

For citation: Isaeva, A.A. (2025) Constitutional development trends in the 21st century: Russian and foreign experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 224–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/26

Конституционные преобразования играют значимую роль в жизни любого государства. Они являются основой для формирования правовой системы, определения принципов государственной власти и защиты

прав граждан. Однако эти преобразования не происходят в одночасье; они являются постоянным процессом, который развивается с разной степенью интенсивности в зависимости от исторических, культурных и социологических факторов. Ход общественного развития определяет содержание конституционных преобразований и им же легитимизируется. Наша страна, как и весь мир, вступает в новую эпоху. Поднимаясь над крайностями модерна и постмодерна, назрела необходимость увидеть мир в единстве его многообразия. Сформировался новый подход к осмыслению культуры и права, которую современные исследователи называют по-разному: метамодерн, постпостмодерн.

Термин «метамодерн» получил распространение в России. Он был введен в научный оборот в 2010 г. философом Робин ван ден Аккером и норвежским теоретиком медиа Тимотеус Вермюленом в эссе «Заметки о метамодернизме» [1]. Учитывая, что конституционно-правовое регулирование может быть эффективным, если отражает в должной мере фактически складывающиеся общественные отношения, переход к новому этапу общественного развития должен найти свое отражение в конституционно-правовом регулировании.

Анализ опыта конституционных преобразований зарубежных стран в XXI в. позволяет выделить ряд общих тенденций, которые могут быть соотнесены с российской практикой конституционного строительства. В 2020 г. в нашей стране прошла крупная конституционная реформа, был принят Закон о поправке к Конституции [2], которым «из 67 статей, в которые можно вносить поправки, изменена была 41 статья (т.е. более половины)» [3]. С.А. Авакьян пишет о том, что в данном случае «есть основания говорить о принятии новой Конституции Российской Федерации» [4], в силу характера изменений, пополнивших ряд положений всех глав, кроме 1, 2 и 9, а также процедуры их принятия, предусматривающей общероссийское голосование. Эти изменения конституционного дизайна России вызвали серьезные дискуссии в научном сообществе [5–7]. Оценка их уникальности и соответствия общемировым тенденциям конституционного развития позволит определить вектор отечественного конституционного развития и открывает перспективы разработки «дорожной карты» пересмотра отдельных положений в ходе будущих конституционных преобразований. От глубины осмысления конституционно-правовой действительности зависит качество юридической практики. Учет опыта развития современных зарубежных стран представляет научный интерес, так как показывает, что строительство современной демократии в Российской Федерации возможно с учётом достижений мировой цивилизации и на основе собственного исторического опыта.

Конституционные преобразования, с одной стороны, могут иметь разную внешнюю форму объективации, что позволяет говорить о нескольких способах изменений конституционного правопорядка. Во-первых, это может быть принятие нового учредительного акта страны. Так, в XXI в. в мире было принято более 68 конституций в 46 странах.

В некоторых государствах в тот же период последовательно принималась одна конституция за другой, новая отменяла предыдущую. Поэтому часть учредительных актов, принятых в XXI в., в настоящий момент уже не действует. Например, в Алжире было принято три конституции: 2008 г., 2016 г. и 2020 г. Такое же количество учредительных актов было принято в Доминиканской Республике (конституции 2002 г., 2010 г., 2015 г.). Пять конституций было принято в Центральной Африканской Республике (2003 г., 2004 г., 2013 г., 2015 г., 2023 г.). По две конституции в XXI в. было принято в Бурунди, Киргизии, Кот-д'Ивуаре, Коморах, Республике Конго, Нигере, Тунисе и т.д. Во-вторых, конституционные преобразования могут происходить в порядке внесения изменений в уже действующие учредительные акты. Например, в XXI в. крупные конституционные реформы прошли в Великобритании, Вьетнаме, России, Франции, Германии, Туркменистане и т.д. В-третьих, конституционные преобразования могут протекать и без текстуальных изменений, при неизменности текста учредительного документа страны. Например, применительно к нашей стране Т.Я. Хабриева и Л.В. Андриченко отмечают, что «даже при относительной неизменности текста Конституции РФ модель конституционного развития Российской Федерации не раз подвергалась изменениям. Особенно заметным было изменение федеративного устройства, что связано с происходившим неоднократным реформированием, прежде всего, в системе разграничения полномочий между органами власти различных территориальных уровней. Значительной модификации подверглось и местное самоуправление, которое также меняло направления своего развития. Однако все это происходило на фоне конституционной стабильности указанных отношений, поскольку их общие конституционные принципы заложены в основах конституционного строя» [8. С. 275]. Тогда как «изменение конституции» не приводят к трансформации основ конституционного строя, фундаментальных принципов государства и общества.

С другой стороны, если исходить из содержания и масштабов конституционных преобразований, то можно согласиться с Т.Я. Хабриевой и Л.В. Андриченко, которые отмечают, что изменения конституционного текста имеют неодинаковую значимость и следует различать понятия «изменение конституции», «поправка к конституции», «реформа конституции», «пересмотр конституции» [8. С. 274]. При этом конституционная реформа понимается как целенаправленное и наиболее существенное изменение конституционно-правовой формации. Это «единовременный или продолжительный политико-правовой процесс по преобразованию конституционного текста, который характеризуется изменениями фундаментальных основ государства и общества, целеполаганием, достаточным ресурсным обеспечением и определенными юридическими и фактическими результатами» [8. С. 286].

При содержательном изменении конституционных текстов можно выделить два вектора развития: закрепление новых правовых институтов или смена модели

правового закрепления, реализация уже существующих институтов. В последнем случае речь ведется о тенденциях развития самого этого конституционного института, которое может быть очень конъюнктурно обусловленным. Так, на развитие формы правления влияние оказывают политические элиты, распределение власти в стране и т.д., на развитие государственно-церковных отношений – религиозная стратификация населения, позиция традиционных для этой страны конфессий и т.д. Кроме того, доктринально могут пересматриваться отдельные научные категории и классификации. Например, в последнее время предпринимаются попытки пересмотреть классификацию форм правления [9, 10] или моделей государственно-конфессиональных отношений. В последнем случае общепринятой классификации нет, как и типологии светских государств [11. С. 143–204].

В качестве факторов, обуславливающих проведение конституционных преобразований на современном этапе общественного развития, можно говорить о разного рода кризисах: ценностей в обществе, безопасности, общим лейтмотивом которых является укрепление суверенитета и верховенства власти в государствах. Но ситуация, когда конституционные нормы возникают как ответ на вызовы современного мира, таит в себе опасности, так как конституционные преобразования становятся лишь ответом на запрос сегодняшнего дня и не становятся продуктом общественного развития.

Анализируя практику конституционного строительства зарубежных стран, можно выделить некоторые содержательные тенденции конституционного развития. Так, в текстах учредительных актов усилена ценностная составляющая и более четко фиксируется, что в данном государстве признается в качестве конституционных ценностей. Под ними можно понимать «совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости» [13]. Вместе с тем в силу своего особого значения они «оказывают значительное влияние на право в целом, в том числе на право как самостоятельную ценность» [14].

Во многих конституциях зарубежных стран закрепляются общечеловеческие ценности, приверженность ценностям права и справедливости, достоинства человека. Так, верховенство права или закона провозглашены в Бутане, Сербии, Черногории, Египте, Зимбабве, Кении, Республике Косово, Мозамбике, Фиджи, Сирии, Таиланде. В статье 4 Конституции Коморских островов 2018 г. указано, что государство уважает законы и требует их уважения от других. Как государство основанное на уважении основных прав и свобод человека, себя позиционируют Мозамбик (ст. 3 Конституции 2004 г.), Зимбабве (ст. 3 Конституции 2013 г.), Кения (ст. 10 Конституции 2010 г.),

Кот-д'Ивуар (ст. 28 Конституции 2016 г.), Республика Косово (ч. 2 ст. 3, ст. 7 Конституции 2008 г.), Фиджи (ст. 1 Конституции 2013 г.). В статье 7 Конституции Ливии 2011 г. закреплено, что государство защищает основные права и свободы человека. На конституционном уровне гарантируют и защищают достоинство личности в Анголе (ст. 1 Конституции 2010 г.), Алжире (ст. 29 Конституции 2020 г.), Бутане (ст. 9 Конституции 2008 г.), Доминиканской республике (ст. 7 Конституции 2015 г.), Египте (ст. 51 Конституции 2014 г.), Кубе (ст. 13 Конституции 2019 г.), Тунисе (ст. 25 Конституции 2022 г.), Сирии (ст. 19 Конституции 2012 г.). Как государства, основанные на уважении человеческого достоинства, себя провозгласили Доминиканская республика (ст. 5 Конституции 2015 г.), Коморские острова (ст. 1 Конституции 2018 г.), Фиджи (ст. 1 Конституции 2013 г.), Судан (ст. 4 Конституционной хартии на переходный период 2019 г.¹).

О священном характере человеческой личности говорится в ст. 16 Конституции Демократической республики Конго 2006 г., ст. 8 Конституции Республики Конго 2015 г., ст. 11 Конституции Нигера 2010 г., ст. 7 Конституции Сенегала 2001 г., ст. 16 Конституции ЦАР 2023 г.; человека – в ст. 13 Конституции Руанды 2003 г. Согласно ст. 18 Конституции Катара 2003 г., общество основано на принципах справедливости, благотворительности, свободы, равенства и высокой морали.

В конституциях XXI в. часто содержатся статьи, определяющие цели, задачи или принципы государства. Например, список целей (или задач) определен в Конституциях Анголы, Восточного Тимора, Мозамбика, Кении, Коморских островов, Кубы, Мозамбика, Мьянмы, принципы – в Конституции Руанды. Цели государственных институций прописаны в Конституции Алжира 2020 г., в Конституции Зимбабве 2013 г. Нередко в таких списках отдельно оговариваются защита суверенитета, принципы международной политики, содействие развитию отдельных областей (экономики, научно-технического прогресса), утверждение принципов плюрализма, толерантности, мультикультурности. В качестве одного из положений можно встретить указание на укрепление национального единства и усиление национальной идентичности государств. Это проявляется в ссылках на историю государства, национальный язык, национальную культуру, национальные ценности, провозглашение единства нации.

Например, в качестве отдельных целей государства в Кубе оговаривается укрепление национального единства и защита исторического и культурного наследия нации (ст. 13 Конституции 2019 г.), в Мозамбике – укрепление национального единства и утверждение мозамбикской идентичности, ее традиций и других социальных и культурных ценностей (ст. 11 Конституции 2004 г.). В статье 9 Конституции Алжира 2020 г. закреплено, что народ должен создавать институты с целью сохранение и укрепление национальной идентичности и единства. Согласно ст. 20 Конституции Катара 2003 г., государство стремится укреплять дух национального единства, солидарности и братства среди всех граждан. О национальном единстве как ценности говорится и в Конституции Кении 2010 г. В статье 11 Конституции

Мозамбика 2004 г. одной из основных целей ставится утверждение мозамбикской идентичности, ее традиций и других социальных и культурных ценностей.

Нужно отметить, что в ряде стран обязанности, связанные с укреплением национального единства, переносятся с государства на человека, гражданина или народ. Так, в Ливии в ст. 9 Конституции 2019 г. на граждан возлагается обязанность защищать Родину, сохранять ее национальное единство. Согласно ст. 29 Конституции Чада 2021 г., уважение и защита национального наследия являются обязанностью каждого гражданина. В ст. 47 Конституции Сирии 2012 г. государство гарантирует защиту национального единства. В статье 4 Конституции Египта закреплено, что народ охраняет свое национальное единство.

В ряде конституций предусмотрен перечень принципов построения государства. О национальной солидарности как принципе построения государства говорится в ст. 3 Конституции Нигера 2010 г., ст. 2 Конституции ЦАР 2023 г.

Но нормы об обязанности государства усиливать национальную идентичность встречаются и в тех странах, где отдельно в конституциях не зафиксирован список целей, стоящих перед страной. В ст. D Конституции Венгрии 2011 г. прямо говорится о единстве венгерской нации и государстве, которое будет поддерживать усилия народа по сохранению своей венгерской идентичности. В статье 58 Конституции Республики Косово 2008 г. закреплено, что государство обеспечивает соответствующие условия, позволяющие общинам и их членам сохранять, защищать и развивать свою идентичность. А согласно ч. 3 ст. 57 этого же акта, все члены сообществ имеют право свободно выражать, поддерживать и развивать свою идентичность и общественные качества. Согласно ст. 5 Конституции Фиджи 2013 г., все фиджийцы имеют равный статус и идентичность. Согласно ст. 21 Конституции Эквадора 2008 г. люди имеют право создавать и поддерживать собственную культурную идентичность.

Термин «национальная идентичность» нередко используется в текстах преамбул учредительных документов как «вводного текста, имеющего, как правило, политическую направленность», необходимого для того, «чтобы осветить пройденный страной путь, дать характеристику общества на современном этапе его развития, изложить сущность и главные задачи государства, сказать о целях конституции и провозгласить ее принятие» [15. С. 531]. Например, он использован в преамбуле Конституции Коморских островов 2018 г., Конституции Марокко 2011 г., Конституции Сирии 2012 г.

Сохранение подлинной национальной идентичности невозможно без традиционно связанного с ней языка общения. «И, как правило, в прошлом немало народов исчезало вместе со своим языком (шумеры)» [16]. Установление государственного языка и детальное регулирование мер по поощрению и развитию всех языков страны есть в конституциях Афганистана, Бахрейна, Боливии, Бурунди, Кыргызстана, Кении. Кроме того, может предусматриваться создание специального органа, регулирующего вопросы, связанные с государственным языком.

В Конституции Алжира 2020 г. особо оговаривается статус государственного языка. В статьях 3–4 закрепляются национальный и официальный языки. В стране создается Высший совет по арабскому языку (ст. 3) и Алжирская академия языка тамазигхт (ст. 4). Согласно ст. 19 Конституции Анголы 2010 г., государство должно ценить и поощрять изучение, преподавание и использование других ангольских языков, помимо основных языков международного общения. В Марокко ст. 5 Конституции 2011 г. подробно регулирует вопросы реализации официального языка и его сохранения, а также на основании этой нормы создается Национальный совет по языкам и марокканской культур. В Непале, помимо общего регулирования вопросов связанных с государственным языком, конституция предусматривает, что вопросы, касающиеся языка, решаются правительством Непала по рекомендации Комиссии по языку (ст. 7 Конституции Непала 2015 г.).

В статье H Конституции Венгрии 2011 г. не только закрепляется государственный язык, но на государство возлагается обязанность по защите венгерского языка и отдельно оговаривается защита венгерского языка жестов как части венгерской культуры. Об обязанности государства поощрять и развивать язык жестов, создавать условия для его развития говорится в ст. 6 Конституции Зимбабве 2013 г. Кроме того, в этой стране на конституционном уровне на государство и все его институты и органы власти на всех уровнях возлагается обязанность обеспечить равное отношение ко всем официально признанным языкам; учитывать языковые предпочтения людей, затронутых правительственными мерами или коммуникациями.

Таким образом, сейчас нередко в учредительных документах государств отдельно фиксируются перечнем цели (задачи или принципы), стоящие перед государством и обществом и определяющие основные идеи национальной идентичности. Ее сохранение обеспечивается все возрастающей детализацией регулирования использования и поощрения развития национального языка, в том числе через создание и деятельность специальных государственных органов власти. В свою очередь обязанность по укреплению национального единства может возлагаться или на государство, или на человека.

В XXI в. в качестве еще одной тенденции конституционного развития можно выделить изменение в подходах регулирования правового положения личности и его принципов. Отмечается переход от традиционного закрепления принципа недискриминации и равенства прав и свобод человека и гражданина к принципу принятия каждого таким, какой он есть, со всем его особенностями. В статье 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закреплено, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Эта формулировка позже дублировалась в

иных международных источниках права (например, в ч. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и в ч. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.), в текстах национальных конституций, в том числе и в нашей стране в ч. 2 ст. 19. Сейчас подход меняется, что проявляется, например, в особенностях закрепления конституционной категории равноправия. В части 2 ст. 35 Конституции Алжира 2020 г. предусмотрено, что институты Республики стремятся обеспечить равенство прав и обязанностей всех граждан путем устранения препятствий, мешающих развитию человеческой личности и препятствующих эффективному участию всех в политической, экономической, социальной и культурной жизни.

В ряде конституций среди признаков, которые учитываются при определении фактов дискриминации, помимо «традиционных» для международного и конституционного права зарубежных стран пола, возраста, этнического происхождения, цвета кожи, религиозных убеждений и т.д., указаны также признаки сексуальной ориентации, гендерной идентичности, инвалидности (ст. 42 Конституции Кубы 2019 г.); умственной или физической неполноценности (ст. 17 Конституции Мальдив 2008 г.), физических или умственных недостатках (ст. 16 Конституции Руанды 2003 г.), клана, инвалидности (ст. 11 Конституции Сомали 2012 г.), инвалидности (ст. 4 Конституционной хартии на переходный период Судана 2019 г.), инвалидности, физическом состоянии или состоянии здоровья (раздел 27 Конституции Таиланда 2017 г.), инвалидности (ст. 14, 20 Конституции Эсвантини 2005 г.). В статье 4 Конституции Эквадора 2008 г., вероятно, самый большой перечень признаков возможной дискриминации, которая должна исключаться. Среди них, в том числе, пол, гендерная идентичность, культурная идентичность, гражданское состояние, миграционный статус, сексуальная ориентация, состояние здоровья, наличие ВИЧ-инфекции, инвалидность, физические различия и т.д.

Тенденция изменения подходов регулирования правового положения личности проявляется и в регулировании отдельных прав и свобод. Во-первых, расширяется круг их субъектов. Так, отдельно оговорен правовой статус детей в учредительных документах Сомали (ст. 29 Конституции 2012 г.), Южного Судана (ст. 17 Конституции 2011 г.), Кыргызстана (ст. 27 Конституции 2021 г.), Сербии (ст. 38, 64–66 Конституции 2006 г.). В Бурунди в Конституции 2018 г. закреплено, что каждый ребенок имеет право на особые меры, обеспечивающие или улучшающие необходимую заботу о его благополучии, здоровье, физической безопасности, а также на защиту от плохого обращения, вымогательства или эксплуатации (ст. 44). Ни один ребенок не может быть напрямую использован в вооруженном конфликте.

Защита детей обеспечивается в период вооруженного конфликта (ст. 45). Ни один ребенок не может быть задержан, за исключением случаев, когда это является крайней мерой; в этом случае задержание ребенка будет максимально коротким. Каждый ребенок

имеет право содержаться отдельно от заключенных старше 16 лет и подвергаться обращению и условиям содержания, соответствующим его возрасту (ст. 46).

В Черногории особо оговариваются права детей, матерей, беременных женщин и меры их защиты (ст. 72–73 Конституции 2007 г.). Правовой статус детей и лиц с ограниченными возможностями предусмотрен в Конституции Фиджи 2013 г. (ст. 41–42), в Конституции Эсвантини 2005 г. (ст. 29–30); в Кот-д'Ивуаре Конституция 2016 г. предусматривает особое регулирование в отношении лиц с ограниченными возможностями (ст. 33) и молодежи (ст. 34). Отдельное правовое регулирование конституционного правового статуса молодежи, детей, инвалидов, пожилых людей предусмотрено в Конституции Египта 2014 г. (ст. 80–83), в Конституции Нигера 2010 г. (ст. 22–26), в Конституции Туниса 2022 г. (ст. 13, 52–54). В Конституции Зимбабве 2013 г. помимо вышеуказанных групп, предусмотрено правовое регулирование для Ветеранов освободительной борьбы (ст. 19–23). В статье 31 Конституции Республики Конго 2015 г. указано, что престарелые и инвалиды имеют право на меры защиты, связанные с их физическими, моральными или иными потребностями, ввиду их полного развития в условиях, определяемых законом. Государство обязано содействовать участию лиц с ограниченными возможностями в национальных и местных учреждениях и административных.

Особая защита детей, молодежи, пожилых и обездоленных людей предусмотрена в ст. 35 Конституции Мальдив 2008 г. Отдельно о правовом статусе детей, молодежи и пожилых говорится и в Конституции Туниса 2022 г. В ст. 13 закреплено, что государство стремится создать условия, необходимые для развития способностей молодежи, и дать ей возможность использовать все средства для эффективного содействия всестороннему развитию страны. Правовой статус молодежи регулируется в ст. 29, а детей и подростков – в ст. 39–40 Конституции Республики Конго 2015 г. В Марокко ст. 32–33 регулируют правовой статус детей и молодежи. Только правовой статус детей отдельно урегулирован в ст. 47 Конституции Мозамбика 2004 г.

Таким образом, если раньше отдельно оговаривался принцип равноправия в отношении женщин и предусматривалось особое регулирование их правового статуса, защищающее от дискриминации, то сейчас перечень субъектов расширен за счет указания детей, молодежи, инвалидов и пр.

Во-вторых, появляются новые права и свободы. Например, в учредительных документах можно встретить право на личность, а в ст. 32 Конституции Анголы 2010 г. закреплено право на личную идентичность.

В-третьих, меняется содержание традиционно закрепляемых прав и свобод. Например, в отношении права на личную неприкосновенность. Сейчас все чаще уточняют, о какой именно неприкосновенности идет речь. О моральной говорится в конституциях Анголы, Коморских островов, Кубы, Марокко, Нигера, Чада; о физической и психологической – Боливии, Бурунди, Сербии, Косово, Руанды; об интеллектуальной – Анголы; о сексуальной – Боливии. В Доминиканской

Республике в ст. 42 установлено, что все люди имеют право на уважение их физической, психической, моральной целостности и права на жизнь без насилия.

С развитием современных технологий, в текстах учредительных документов свое осмысление находят и информационные права. Так, согласно ст. 38 Конституции Туниса 2022 г., государство стремится гарантировать право доступа к сетям связи.

Кроме того, расширяется перечень и содержание соматических прав человека, проявляется тенденция «новой витальности», желания человека раскрыть силы и возможности в соответствии с законами природы, раскрыть свой биологический потенциал [17]. Так, ст. 2 Конституции Венгрии 2011 г. охраняет жизнь плода с момента зачатия. Статья 3 Конституции Венгрии 2011 г. запрещает проводить медицинские и научные эксперименты над людьми без их осознанного и добровольного согласия. Запрещаются практики, направленные на евгенику, использование человеческого тела или его частей в целях получения финансовой выгоды, а также клонирование человека. Статья 24 Конституции Сербии 2006 г. запрещает клонирование человека.

В Черногории ст. 27 посвящена вопросам биомедицины. В ней гарантируются права личности и достоинства человека в отношении применения достижений биологии и медицины. Запрещается любое вмешательство, направленное на создание человека, генетически идентичного другому человеку, живому или мертвому. Запрещается проводить медицинские и иные эксперименты над людьми без их разрешения.

В статье 60 Конституции Египта 2014 г. гарантируется неприкосновенность тела человека. Торговля органами запрещается, и ни один медицинский или научный эксперимент не может проводиться без документально подтвержденного свободного согласия субъекта в соответствии с установленными принципами медицинской сферы, регулируемые законом. О донорстве тканей и органов человека как о даре жизни говорится в ст. 61 Конституции этой страны, что дает морально нравственную окраску нормы права. Закреплено, что каждый человек имеет право жертвовать органы своего тела при жизни или после смерти на основании задокументированного согласия или завещания. Государство обязуется создать механизм регулирования правил донорства и трансплантации органов в соответствии с законом.

Конституция Доминиканской Республики 2015 г. в ст. 37 предусматривает, что право на жизнь неприкосновенно от зачатия до смерти. Конституция Мадагаскара 2010 г. в ст. 8 запрещает подвергать человека без его свободного согласия медицинскому или научному эксперименту.

Признавая непреходящее значение удовлетворения витальных потребностей как базовых для развития человека, во многих конституциях сделан акцент на социально-экономическом благополучии населения. Например, об обязанности государства разрабатывать и реализовывать эффективные программы развития промышленности, расширения производства, а также защиты деятельности ремесленников в целях повышения уровня жизни народа указывается в ст. 13 Консти-

туции Афганистана 2004 г. Глава II Конституции Кыргызстана 2021 г. носит название «Социально-экономические основы конституционного строя» и регулирует разные формы собственности на имущество, в том числе на землю, бюджетные отношения, закрепляет правовой статус семьи как основы общества и т.д. В статье 21 Конституции Анголы 2010 г. среди целей государства установлено содействие государства в повышении благосостояния, социальной солидарности и улучшении качества жизни народа Анголы, особенно среди наиболее обездоленных слоев населения, содействовать искоренению нищеты. Тем самым конституционализируется термин «качество жизни», активно сейчас используемый в исследованиях соматических прав человека в целом, и вопроса допустимости эвтаназии в частности. В статье 8 Конституции Египта 2014 г. общество основано на социальной солидарности, а государство обязуется добиваться социальной справедливости. В статье 16 Конституции Туниса 2022 г. закреплено, что богатство нации принадлежит тунисскому народу, и государство должно работать над распределением своих доходов на основе справедливости и равноправия среди граждан во всех частях республики.

В качестве другой тенденции конституционного развития в XXI в. отмечается явление, которое можно условно назвать правовой полидискурсивностью. Если еще в 1990-е гг. при принятии Конституции РФ исходили не столько из принципа политической ангажированности и включения наибольшего количества правовых институтов, разработанных в науке и практике национального и зарубежного конституционного строительства, сколько исходя из научной обоснованности, учитывали необходимость соблюдения последовательности изложения норм конституционного права соотносить достижения доктрины, то сейчас ситуация меняется. Например, в ряде проектов конституции России, разрабатываемых в рамках Конституционной комиссии и Конституционного совещания (1990–1993 гг.), наша страна определялась как светская и социальная, наряду с прочими характеристиками: демократическая, правовая и т.д. Позже термины «светское» и «социальное» были выведены из формулировки ст. 1 проектов Конституции. Норма стала в основном характеризовать форму государства, т.е. организацию государственной власти на территории Российской Федерации, неразрывно связанную с его сущностью и социальным назначением. По этому вопросу высказывался член рабочей комиссии по доработке проекта Конституции на заседании 18 июня 1993 г. А.Я. Слива: «Мы руководствовались тем, что если сюда добавить “светское”, то возникает вопрос о социальном, и количество характеристик государства, переходящее в качество, сделает вообще неудобочитаемой эту часть. Поэтому мы ограничились только “суверенным демократическим федеративным правовым” – четырьмя элементами» [18. С. 13]. Впоследствии формулировку ст. 1 снова хотели расширить, но поправка не была принята, за что высказывались видные ученые Б.Н. Топорнин, Е.М. Ларионов и другие.

«Статья 1 – это основные признаки государства, подчеркивается – демократическое, правовое и федеративное. Три основных принципа государства. Поэтому еще “светское, социальное”... не надо добавлять» [19. С. 374]. В такой позиции прослеживается последовательная реализация научного системного подхода.

В свою очередь, в современных конституциях зарубежных стран наблюдается примечательное текстуальное «соседство» характеристик формы государства, например, с социальным, экологическим и т.д. Кроме того, в одних случаях в первой статье учредительных актов указываются характеристики государства (Афганистан, Боливия, Бурунди, Венгрия, Восточный Тимор, Кыргызстан), а в других – народа (Мадагаскар).

Еще одна тенденция развития учредительных документов в XXI в. проявляется в пересмотре подходов к обеспечению безопасности территории. Конституционное осмысление получают такие категории, как терроризм, права граждан в сфере безопасности, отдельное регулирование находят вопросы чрезвычайного положения, национальной обороны и безопасности. Например, мир может рассматриваться как цель государства или принцип государственной политики (ст. 30 Конституции Бахрейна 2002 г., ст. 10 Конституции Зимбабве 2013 г., ст. 7 Конституции Катар 2003 г., ч. 1 ст. 22 Конституции Мозамбик 2004 г.), как принцип основ конституционного строя (ч. 1 ст. 7 Конституции Республики Косово 2008 г.). Согласно ст. 5 Конституции Эквадора 2008 г., это государство является территорией мира. Миротворчивая внешняя политика, отказ от целей экспансии и агрессии провозглашены в конституциях Кыргызстана. Статья 10 Конституции Боливии 2009 г. прямо называет государство пацифистским. В статье 9 Конституции Бутана 2008 г. закреплена приверженность государства к миру и дружбе во всем мире.

Согласно ст. 28 Конституции Алжира 2020 г., государство несет ответственность за безопасность людей и имущества. В Анголе на конституционном уровне определены основные задачи государства (ст. 21), среди которых указана гарантия национальной независимости, территориальной целостности и национального суверенитета. Согласно ст. 19 Конституции Катар 2003 г., государство обеспечивает безопасность.

Согласно ст. 11 Конституции Анголы 2010 г., которая называется «Мир и национальная безопасность», перед Республикой ставится цель быть страной, преданной миру и прогрессу, и обязанностью государства. Установлено, что правом и ответственностью всех является обеспечение мира и национальной безопасности, соблюдение Конституции и закона, а также международных договоров. Национальная безопасность основывается на верховенстве права и законодательства, развитии системы национальной безопасности и укреплении национальной воли и гарантирует защиту государства, обеспечение стабильности и развития перед лицом любых угроз и рисков.

В целях создания и поддержания мира и безопасности, а также достижения устойчивого развития человечества государства берут на себя обязательства по сотрудничеству со всеми народами и странами мира. Это

закреплено в ст. Q Конституции Венгрии 2011 г. В качестве ответа на террористическую угрозу термин «терроризм» и его производные все шире стал использоваться непосредственно в тексте конституций. Согласно ст. 12 Конституции Анголы 2010 г., Республика устанавливает дружественные и партнерские отношения со всеми государствами и народами, отвергая и борясь с терроризмом, торговлей наркотиками, расизмом, коррупцией, торговлей людьми и человеческими органами. В Афганистане государство препятствует всем видам террористической деятельности (ст. 7 Конституции 2004 г.). В Ираке государство обязуется бороться с терроризмом во всех его формах и прилагать усилия для защиты своей территории от использования в качестве базы, пути или поля террористической деятельности (ст. 7 Конституции 2005 г.).

Актуализация международных проблем заставляет государства защищать национальные интересы в сфере экологической безопасности. В ряде стран в качестве цели (или задачи) государства ставится защита окружающей среды и сохранение природных ресурсов (п. f ст. 9 Конституции Восточного Тимора). Экологические права, например право жить в здоровой и незагрязненной окружающей среде, предусмотрены в конституциях Анголы, Венгрии, Сербии, Черногории, Египта, Кот-д'Ивуара, Республики Конго, Руанды, Сомали, Южного Судана. Согласно ст. 64 Конституции Алжира 2020 г., гарантируется право на получение безопасной питьевой воды. Государство обеспечивает рациональное использование и сохранение воды для будущих поколений. Согласно ст. 15 Конституции Афганистана 2004 г., государство обязано принимать необходимые меры по охране и улучшению лесов, а также среды обитания. В статье 20 Конституции Боливии 2009 г. закреплено, что каждый человек имеет право на всеобщий и равный доступ к основным услугам питьевого водоснабжения, канализации и т.д. Согласно ст. 47 Конституции Туниса 2022 г., государство гарантирует право на здоровую и сбалансированную окружающую среду и на содействие климатической безопасности. Государство должно предоставить средства для устранения загрязнения окружающей среды. Глава сорок восьмая. Государство должно обеспечивать всех питьевой водой на равных условиях и сохранять водные ресурсы для будущих поколений.

Конституция Доминиканской Республики 2015 г. содержит главу IV «О природных ресурсах», состоящую из четырех статей, где генетические ресурсы и биоразнообразие признаются национальным достоянием; закреплено, что вода является неотъемлемым, неотчуждаемым стратегическим национальным достоянием для использования общественностью; регулируется статус особо охраняемых природных территорий; установлены правила эксплуатации природных ресурсов и т.д. Согласно ст. 79 Конституции Египта 2014 г., каждый гражданин имеет право на здоровое, достаточное количество пищи и чистую воду. Государство должно предоставлять продовольственные ресурсы всем гражданам. В статье 43 Конституции Коморских островов 2018 г. предусматривается, что все граждане имеют право на здоровую и экологически стабильную

окружающую среду, а также обязаны ее защищать и сохранять.

Государство и общины должны принять политику обороны и защиты окружающей среды в сотрудничестве с группами по защите окружающей среды и следить за рациональным использованием всех природных ресурсов. В Республике Конго ряд статей посвящен экологическим вопросам. Статья 41 Конституции 2015 г. возлагает на государство обязанность заботиться об охране и сохранении окружающей среды. Статьи 42–43 регулируют условия обращения с токсичными отходами.

В Косово ч. 1 ст. 52 Конституции 2008 г. возлагает на каждого ответственность за природу и биоразнообразие, окружающую среду и национальное наследие. В Мальдивах, согласно ст. 22 Конституции 2008 г., как фундаментальная закреплена обязанность государства защищать и сохранять природную среду, биоразнообразие, ресурсы и красоту страны на благо нынешнего и будущих поколений.

В Фиджи, согласно ст. 1 Конституции 2013 г., каждый человек имеет право на чистую и здоровую окружающую среду, что включает право на охрану природы на благо нынешнего и будущих поколений посредством законодательных и иных мер. В той мере, в какой это необходимо, закон или административное действие, предпринятое в соответствии с законом, могут ограничивать или разрешать ограничение прав, изложенных в настоящем разделе.

Таким образом, можно отметить, что конституционное развитие зарубежных стран в XXI в. идет в фарватере изменений в обществе. В начале XXI в. на смену постмодерна с его двусмысленностью, деконструкцией, принципом деканонизации, гибридизацией, фетишизацией предметов потребления и другими проявлениями постиндустриального общества [20] приходит новый этап, который в литературе называется по-разному. Но в качестве общей черты исследователи отмечают колебательные движения между положениями с диаметрально противоположными идеями [21]. Нормы права, а тем более конституционного, являясь продуктом общественного развития, предопределяют его дальнейший ход, воспринимают и закрепляют изменения в общественном развитии. В.Д. Зорькин в своей публикации отмечает, что можно «порассуждать об актуальных правовых проблемах в контексте парадигмы метамодерна, которая, по-видимому, верно уловила какие-то новые тенденции в философском осмыслении социальных явлений» [22]. Конституционные преобразования должны учитывать подобные изменения, происходящие в обществе. Создавая новые нормы права, не должно происходить разрыва между ними и реально складывающимися общественными отношениями, что чревато кризисными проявлениями.

В России в 2020 г. была проведена конституционная реформа. Специалисты называют несколько основных направлений в ее содержании [3], три из которых отражают общемировые тенденции конституционного развития. Во-первых, осмысление глобализации и место национального конституционного права, что проявляется в протекционизме и защите национальной правовой иден-

тичности от внешних вызовов. Поправками пересмотрено соотношение национального и международного права. Они разграничивают ратифицированные международные договоры и их толкования, данные в решениях межгосударственных органов.

При этом последние, в случае противоречия Конституции РФ, могут не исполняться в России (ст. 79). Кроме того, у Конституционного Суда РФ появилось новое полномочие: решение вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного права порядка Российской Федерации (ст. 125).

Это полномочие, с одной стороны, ставит под сомнение возможность человека и гражданина обращаться в международные органы для защиты своих прав и свобод (ч. 3 ст. 46), а с другой стороны, выражает протекционистские тенденции в правовом развитии страны.

Во-вторых, в текст Конституции РФ включены новые идеологические понятия (принцип «экономической, политической и социальной солидарности», «вера в Бога», «память народа», институт «брака как союза мужчины и женщины» и т.д.), ставящих в приоритет государственный суверенитет, социальные права и национальную идентичность. В этом проявились изменения ценностей российского общества и переход от либеральных к более консервативным. Кроме того, как отмечает А.А. Кондрашев, эти поправки содержат определения, которые не несут понятной регулятивной нагрузки, являются декларативными [23]. В свою очередь, можно добавить, что подобные понятия обращаются к иррациональным категориям, основанным на эмоциональных переживаниях, трудно верифицируются, а их определения могут быть субъективно окрашены.

В-третьих, централизация, проявившаяся в закреплении принципа единства системы публичной власти. После внесения поправок значительно изменился статус местного самоуправления. Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ. Ее согласованное функционирование и взаимодействие органов обеспечивает Президент РФ (ч. 2 ст. 80).

В целом поправками 2020 г. в Конституции РФ был сделан акцент на новом международном и социальном контексте с целью консолидации общества и легитимации политического режима.

В заключение можно отметить, что основными тенденциями конституционного развития в мире стали: закрепление принципов и целей государственного строительства, среди которых часто фигурируют приверженность справедливости, ценностям права и т.д.; указание на укрепление национального единства и усиление национальной идентичности; изменения в подходах

к регулированию прав и свобод человека и гражданина и появление новых прав человека; акцент на социально-экономическом благополучии; закрепление мер по обеспечению безопасности территории и защите национальных интересов. В России в ходе проведения конституционной реформы 2020 г. эти тенденции также нашли

свое осмысление и отражение в учредительном документе страны. Можно констатировать, что при всех разрозненных оценках проведенных конституционных преобразований в нашей стране, они соответствуют основным общемировым тенденциям и отражают переход нашего общества на новый этап своего развития.

Примечание

¹ Временный акт, подписанный представителями Переходного военного совета и альянса «Силы свободы и перемен» 4 августа 2019 г. Хартия заменила Временную национальную конституцию Республики Судан 2005 г., принятую 6 июля 2005 г., действие которой было приостановлено 11 апреля 2019 г. генерал-лейтенантом Ахмедом Авадом ибн Ауфом в результате суданского государственного переворота 2019 г.

Список источников

1. Vermeulen T., Akker R. Notes on metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. Art. No. 5677. 10.3402/jac.v2i0.5677
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (дата обращения: 22.03.2025).
3. Кондрашов А.А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустрашимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 3. С. 18–29.
4. Авакьян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // *Вестник Московского областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33.
5. Черепанов В.А. О необходимости и целесообразности конституционных изменений // *Российская юстиция*. 2020. № 8. С. 35–38.
6. Румянцев О.Г. Конституционная реформа – 2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // *Конституционный вестник*. 2020. № 5 (23). С. 6–32.
7. Алебастрова И.А. У Конституции есть первородный грех, и наши власти решили согрешить еще [интервью с И.А. Алебастровой] // *Закон*. 2020. № 5. С. 17.
8. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. Вып. 37. С. 272–286.
9. Авдеев Д.А. Современная форма правления России // *Российское право: образование, практика, наука*. 2016. № 6. С. 25–27.
10. Курдюкова З.Н. Теоретические проблемы политической формы правления современного государства // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2009. № 4 (37). С. 59–62.
11. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003. 416 с.
12. Останин А.В. Светское государство и демократия // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 325. С. 104–107.
13. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.
14. Саликов М.С., Нечкин А.В. Конституционные ценности современного российского государства // *European and Asian Law Review*. 2020. № 1. С. 69–75.
15. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
16. Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность // *Омский научный вестник*. 2011. № 3. С. 102–104.
17. Виталистская социология культуры как отраслевая (специальная) теория социологического витализма начала XXI столетия / С.И. Григорьев, О.В. Даровских. М.: Магистр-Пресс, 2016. 51 с.
18. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы: в 21 т. Т. 12. М.: Юрид. лит., 1996. 468 с.
19. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы: в 21 т. Т. 18. М.: Юрид. лит., 1996. 440 с.
20. Семашко И.М. «Модерн»/«Постмодерн»: история контрверсы в работах Юргена Хабермаса и Жана-Франсуа Лиотара // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2010. Вып. 8, ч. 1. С. 56–63.
21. Turner L. Metamodernism/Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 20.03.2025).
22. Зорькин В.Д. Приверженность верной философии права позволяет творить добро // *Российская газета*. 16.05.2019. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 20.03.2025).
23. Конституция России после реформы 2020 года: проблемный комментарий / И.А. Алебастрова, Е.В. Гриценко, А.П. Евсеев [и др.]; отв. ред. А.Н. Медушевский. М.: Центр конституционных исследований, 2025. 432 с.

References

1. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (2010) Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2. Art. No. 5677. doi: 10.3402/jac.v2i0.5677
2. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (Accessed: 22.03.2025). (In Russian).
3. Kondrashov, A.A. (2021) Konstitutsionnye popravki – 2020: o kolliziyakh i defektakh, porozhdayushchikh neustranimye konflikty mezhdru "vechnymi glavami" i glavami 3–8 Konstitutsii Rossii [Constitutional Amendments – 2020: On Collisions and Defects Generating Irreconcilable Conflicts Between the "Eternal Chapters" and Chapters 3–8 of the Russian Constitution]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 3. pp. 18–29.
4. Avak'yan, S.A. (2020) Konstitutsionnaya reforma 2020 i rossiyskiy parlamentarizm: real'nost', resheniya, ozhidaniya [The 2020 Constitutional Reform and Russian Parliamentarism: Reality, Decisions, Expectations]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 3. pp. 7–33.
5. Cherepanov, V.A. (2020) O neobkhodimosti i telesoobraznosti konstitutsionnykh izmeneniy [On the Necessity and Expediency of Constitutional Changes]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 8. pp. 35–38.
6. Rummyantsev, O.G. (2020) Konstitutsionnaya reforma – 2020 v Rossiyskoy Federatsii: pristrastnaya otsenka [Constitutional Reform – 2020 in the Russian Federation: A Biased Assessment]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 5 (23). pp. 6–32.
7. Alebastrova, I.A. (2020) U Konstitutsii yest' pervorodnyy grekh, i nashi vlasti reshili sogreshit' eshche [The Constitution Has an Original Sin, and Our Authorities Decided to Sin Again]. *Zakon*. 5. p. 17.
8. Khabrieva, T.Ya. & Andrichenko, L.V. (2017) Konstitutsionnye reformy na postsovetском prostranstve: tendentsii razvitiya [Constitutional Reforms in the Post-Soviet Space: Development Trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 37. pp. 272–286.

9. Avdeev, D.A. (2016) *Sovremennaya forma pravleniya Rossii* [The Modern Form of Government in Russia]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 6. pp. 25–27.
10. Kurdyukova, Z.N. (2009) *Teoreticheskie problemy politicheskoy formy pravleniya sovremennogo gosudarstva* [Theoretical Problems of the Political Form of Government of the Modern State]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 4 (37). pp. 59–62.
11. Ponkin, I.V. (2003) *Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal Foundations of the Secular Nature of the State and Education]. Moscow: Pro-Press.
12. Ostanin, A.V. (2009) *Svetskoe gosudarstvo i demokratiya* [The Secular State and Democracy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 325. pp. 104–107.
13. Ereklintseva, E.V. (2010) *Suverenitet i demokratiya kak konstitutsionnye tsennosti sovremennoy Rossii* [Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Salikov, M.S. & Nechkin, A.V. (2020) *Konstitutsionnye tsennosti sovremennogo rossiyskogo gosudarstva* [Constitutional Values of the Modern Russian State]. *European and Asian Law Review*. 1. pp. 69–75.
15. Avak'yan, S.A. (2015) *Konstitutsionnyy leksikon: Gosudarstvenno-pravovoy terminologicheskoy slovar'* [Constitutional Lexicon: State-Legal Terminological Dictionary]. Moscow: Yustitsinform.
16. Kuznetsova, E.V. (2011) *Yazyk i natsional'naya identichnost'* [Language and National Identity]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 102–104.
17. Grigor'ev, S.I. & Darovskikh, O.V. (2016) *Vitalistskaya sotsiologiya kul'tury kak otraslevaya (spetsial'naya) teoriya sotsiologicheskogo vitalizma nachala XXI stoletiya* [Vitalist Sociology of Culture as a Branch (Special) Theory of Sociological Vitalism of the Early 21st Century]. Moscow: Magistr-Press.
18. Anon. (1996) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty: v 21 t.* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents: In 21 Volumes]. Vol. 12. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
19. Anon. (1996) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty: v 21 t.* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents: In 21 Volumes]. Vol. 18. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. Semashko, I.M. (2010) "Modern"/"Postmodern": istoriya kontroversy v rabotakh Yurgena Khabermasa i Zhana-Fransua Liotara ["Modern"/"Postmodern": The History of a Controversy in the Works of Jürgen Habermas and Jean-François Lyotard]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9: Issledovaniya molodykh uchenykh*. 8 (1). pp. 56–63.
21. Turner, L. (2025) *Metamodernism//Manifesto*. [Online] Available from: <http://www.metamodernism.org/> (Accessed: 20.03.2025).
22. Zor'kin, V.D. (2019) *Priverzhennost' vernoj filosofii prava pozvolyaet tvorit' dobro* [Commitment to the Right Philosophy of Law Allows One to Do Good]. *Rossiyskaya gazeta*. May 16. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (Accessed: 20.03.2025).
23. Medushevskiy, A.N. (ed.) (2025) *Konstitutsiya Rossii posle reformy 2020 goda: problemnyy kommentariy* [The Constitution of Russia After the 2020 Reform: A Problem-Oriented Commentary]. Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy.

Информация об авторе:

Исаева А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tess@mail2000.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Isaeva, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025;
одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 24.03.2025;
approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/514/27

Датацентризм как основа цифровой трансформации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений

Александр Борисович Смушкин¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, Skif32@yandex.ru

Аннотация. Предлагается новая концепция датацентризма как одного из основных факторов цифровой трансформации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Предполагается, что датацентризм должен включать: расширение круга используемой в расследовании информации, её источников, усложнение методов работы с информацией, увеличение скорости обработки информации, усиление надёжности и безопасности хранения и обработки информации электронного документооборота, а также уделение повышенного внимания аналитическим методам и расширение круга методов дистанционного сбора информации. Последовательно рассматриваются приведенные элементы и даются рекомендации по каждому из них.

Ключевые слова: датацентризм, цифровая трансформация расследования, распределенная информация, raid-массивы, сетевое профилирование, методы интеллектуальной разведки, интеллектуальный анализ данных, применение нейросетей, анализ больших данных

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Для цитирования: Смушкин А.Б. Датацентризм как основа цифровой трансформации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 234–241. doi: 10.17223/15617793/514/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/27

Datacentrism as the basis for the digital transformation of crime detection, investigation and prevention

Aleksandr B. Smushkin¹

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, skif32@ya.ru

Abstract. The author proposes a new concept of datacentrism as one of the most important aspects and drivers of the digital transformation of crime detection, investigation and prevention. The article is based on the use of materialistic dialectics as a universal method, as well as general scientific methods such as analysis, synthesis, modeling, extrapolation, and others. The author includes in datacentrism: expanding the range of information used in the investigation, its sources; increasing the complexity of methods of working with information; increasing the speed of information processing; increasing the reliability and security of storing and processing information in electronic document management; paying increased attention to analytical methods and expanding the range of methods for remote information collection. The author consistently examines these elements and makes recommendations for each of them. As part of the expansion of the range of information used in the investigation, new types and forms of information are considered, as well as the need to activate new methods of searching for orienting and evidentiary information: methods of intellectual intelligence. It is stated that the specifics of working with certain types of distributed information and services for working with it (for example, peer-to-peer networks, Raid arrays, blockchain, other distributed registries, etc.), remote work with information, splitting an information object into small parts and finding parts from different people or on different hard drives (in Raid arrays) and so on require the development of special recommendations. The author highlights the need for new forms of information retrieval and defines the specifics of network profiling, OSINT, data mining, Big Data analysis, automation of information collection and research using neuromorphic technologies. The main directions of the implementation of data-centric methods and tools are: (1) building and estimating the probability of versions using automated technologies; (2) determining the priorities of the investigation; (3) identification of potential witnesses; (4) crime prevention. The conclusions indicate that: the application of the ideas of datacentrism in investigative activities for the detection, investigation and prevention of crimes can significantly increase the effectiveness of the investigation. This information acquires evidentiary value being confirmed by the results of investigative actions; the use of a platform concept organized according to a block-modular principle with different levels (circles) of access will ensure effective access to data for both managers and specific researchers, as well as analysts, technical specialists and other involved persons, while maintaining the restrictions provided for by law; a cloud-based form of information storage is suggested as optimal.

Keywords: datacentrism, digital transformation of investigations, distributed information, raid arrays, network profiling, intelligent intelligence methods, data mining, application of neural networks, big data analysis

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>

For citation: Smushkin, A.B. (2025) Datacentrism as the basis for the digital transformation of crime detection, investigation and prevention. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 234–241. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/27

Четвёртая информационная революция, а также появление новых видов и форм информации приводят к насущной необходимости разработки методов, средств и технологий работы с информацией, а также, в некотором смысле, и парадигмы расследования – началу цифровой трансформации расследования.

Представляется, что в настоящее время основой цифровой трансформации раскрытия, расследования, предупреждения преступлений должен стать датацентризм, включающий расширение круга используемой в расследовании информации, её источников, усложнение методов работы с информацией, увеличение скорости обработки информации, усиление надёжности и безопасности хранения и обработки информации электронного документооборота, а также уделение повышенного внимания аналитическим методам и расширение круга методов дистанционного сбора информации.

Как отметили О.А. Зайцев и П.С. Пастухов, «технология аналитической работы следователя заключается в получении нового знания (выводной информации), обеспечивающего сложный процесс расследования, имеющий определенную логическую последовательность. Аналитический характер такого расследования состоит из взаимосвязанных рабочих операций, которые образуют технологический цикл отбора, группировки фактов о событиях, явлениях, процессах, где каждый факт обретает свое место и связан с предшествующими и последующими обстоятельствами в пространственно-временной и причинно-следственной зависимости причастных к преступлению лиц. Обобщение фактов, их научная обоснованная систематизация позволяют дать правильную оценку как всей совокупности фактов, так и каждого из них в отдельности» [1. С. 765].

С учётом расширившегося спектра электронной информации, сопровождающей жизнь каждого пользователя, можно говорить о том, что почти каждое действие человека оставляет следы в виртуальном киберпространстве.

О.Ю. Введенская в своей диссертации ввела достаточно интересную концепцию «криминалистическая ёмкость следа». Под криминалистической ёмкостью она понимает «способность объекта воспринимать, хранить и отражать объем информации о преступном деянии, в ходе совершения которого он был задействован, тем самым описывая совершенное преступление» [2. С. 127]. Как мы уже отмечали ранее, в рамках криминалистической деятельности эффективнее использовать категорию «криминалистическая информационная ёмкость объекта», которая отражает меру возможного нахождения потенциальной криминалистической значимой информации [3. С. 42].

Информационная ёмкость различных объектов и видов следов существенно отличается. Особенности максимально точного извлечения информации из материальных и идеальных следов достаточно подробно разработаны в криминалистике.

Виртуальным же (цифровым, электронным) следам особое внимание стало уделяться относительно недавно в масштабах развития науки криминалистики [4–8]. Криминалистическая информационная ёмкость виртуальных следов существенно выше традиционных. То есть и потенциальная возможность перевода криминалистической значимой потенциальной информации в актуальную доказательственную, по нашему мнению, выше иных видов.

Возможности использования в расследовании электронных устройств и информационных технологий приводят к актуализации разработок частных теорий, связанных с обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием виртуальных следов информационно-технологических устройств, а также использованием цифровых технологий в ходе расследования (цифровая криминалистика [9], электронно-цифровая криминалистика [10], киберкриминалистика [11], форензика [12] и т.д.).

В рамках данных частных теорий своё место получают также методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования новых видов и форм информации (распределённой информации, облачной информации, нейроморфных вычислений, дистанционных форм работы с информацией и т.д.).

Специфика направления работы с отдельными видами распределённой информации и сервисами работы с ней (например, пирринговыми сетями, Raid-массивами, блокчейном, иными распределёнными реестрами и т.д.), дистанционной, удаленной работы с информацией (т.е. фактически наличия «чистого», пустого компьютера-терминала, с которого производилась работа, при основном дистанционном сервере и возможность дистанционной модификации информации в новом месте), дробление информационного объекта на небольшие части и нахождение частей у разных людей либо на разных жёстких дисках (в Raid-массивах) и так далее требуют разработки особых рекомендаций, которыми должен руководствоваться следователь в ходе производства следственных действий. Во многом возникает необходимость использования и обработки новых источников информации и новых методов работы с ней. Этому будет способствовать реализация концепции датацентризма в расследовании. Современная криминалистика находится на пороге новых возможностей, открытых благодаря развитию технологий обработки данных и анализа информации.

В контексте цифровизации и глобализации феномен датацентризма становится неотъемлемой частью практик расследования и реальных кейсов уголовных дел, предоставляя возможность превращать массивы данных в ценную криминалистически значимую информацию. Это принципиально новый подход к организации процессов, в котором данные рассматриваются как первичный и наиболее ценный ресурс. Все оперативно-розыскные, следственные и экспертные мероприятия строятся вокруг сбора, стандартизации, интеграции, комплексного анализа и интерпретации данных из самых разнообразных источников. Датацентрическая криминалистика должна стремиться объединить всю полученную процессуальным и непроцессуальным путем информацию в единое информационное пространство, обогащая их данными из открытых и закрытых цифровых источников с целью установления в ходе анализа полученного информационного конструкта скрытых закономерностей, выявления неочевидных связей, построения предиктивных моделей поведения преступников и оптимизации процесса принятия решений.

Конечно, расширение спектра используемой информации в рамках парадигмы датацентризма не говорит о необходимости полного перехода на американские стандарты, в рамках которых в доказывании может использоваться любая информация, по которой может быть подтверждена «цепочка законных владений». Однако необходима активизация новых методов поиска ориентирующей и доказательственной информации: методов интеллектуальной разведки, таких как OSINT, Humint, Cybint, Geoint, Finint, Data mining и Data extracting, сетевое профилирование и т.д.

Использование методов сетевого профилирования в оперативно-розыскной и следственной практике в отдельных случаях имеет место уже сейчас. Так, достаточно часто профилируются педофилы, экстремисты и т.д. С точки зрения концепции датацентризма мы полагаем необходимым перманентный мониторинг сети Интернет для выявления специфических групп, каналов, объединяющих людей с характерными преступными наклонностями, с помощью нейросетевых технологий или разработанных алгоритмов (например, программного комплекса «Демон Лапласа», различных систем линейки Крибрум (Крибрум.Объекты, Крибрум. Публичный поиск и т.д.)). При этом мы настаиваем на необходимости производства мониторинга сети именно в доследственном режиме, поскольку именно в этот период злоумышленники могут проявлять меньшую осторожность и использование таких результатов максимально обеспечивает фактор внезапности. В случае выявления подобных лиц с помощью методов Osint и Cybint должна быть собрана информация о страницах в сети и иных информационных ресурсах, принадлежащих указанному пользователю и размещенных в открытом режиме. На основе активности лица в сети (частота публикаций, тематика сообщений, стиль общения, круг контактов, геолокация, используемые устройства) может быть сформирован цифровой профиль злоумышленника.

Значение будет иметь как общее исследование сетевых ресурсов, созданием или моделированием которых занимается объект, а также ресурсов, на которых он упоминается, так и его страницы в социальных сетях. При исследовании страницы социальной сети будут иметь значение фотографии (что изображено, фон, тип, цвет, тональность и т.д.); указание биографических данных; статус, выставленный пользователем; размещенные на странице видео и музыкальные произведения; лайки (новости, книги, видео и музыкальные ресурсы, заинтересовавшие и положительно отмеченные автором); круг друзей; группы; сообщества, в состав которых входит объект и т.д.

На точность сетевого профилирования могут влиять цель создания страницы, желание показаться более загадочным, более уверенным в себе человеком, приверженцем определенных взглядов либо сверстником круга, в который пытается войти человек, а также отражать идеальный образ, к которому стремится создающий страницу. Это может приводить к несоответствию сетевого профиля реальному человеку, дифференциации виртуальной и реальной личности человека.

Проводимые исследования возможны как в «живом» режиме специалистами-психологами, так и с помощью специально разработанных программ, в том числе и основанных на нейроморфных технологиях. В любом случае результат должен быть изучен, оценен и прокомментирован специалистом в заключении специалиста или в показаниях в ходе допроса специалиста. Полученные результаты должны обязательно учитываться при разработке тактических приемов последующих следственных и иных процессуальных действий. Конечно, данные сетевого профилирования не могут иметь прямого доказательственного значения, а могут лишь дополнять имеющуюся информацию, ориентировать следователя или оперативного сотрудника при выборе тактических приемов и комбинаций, а также последовательности, условий и времени проведения оперативных мероприятий и процессуальных действий. Однако их значение в современных условиях должно быть существенно повышено, становясь неотъемлемым элементом, сопровождающим расследование сложных, резонансных или многоэпизодных преступлений. Полученные данные могут также применяться для сужения круга подозреваемых, выявления новых эпизодов преступной деятельности, прогнозирования поведения и выбора тактики оперативно-розыскных мероприятий.

Сетевое профилирование – мощный инструмент, но его применение требует баланса между технологической эффективностью, законностью и этикой. Кроме того, результаты сетевого профилирования должны также сопоставляться с данными традиционного криминалистического профилирования. Для оценки качества сетевого профилирования также могут быть привлечены специалисты по анализу цифровых данных, лингвисты, психологи и IT-эксперты для комплексной оценки информации и повышения качества профилирования.

Методы интеллектуальной разведки, будучи изначально предназначенными для сбора информации невластными субъектами, в ходе расследования получают дополнительное развитие, обеспечиваясь правомочиями следователя и оперативного сотрудника. Так, методы Geoint могут реализовываться на базе соглашений следственного комитета РФ с Роскосмосом. Для получения снимков запрос направляется через Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации в государственную корпорацию Роскосмос. Возможно также использование приложений, находящихся в открытом доступе, например Google Eartch. Несмотря на ретроспективность данных методов познания, научно-технический прогресс, увеличение спутниковой группировки и разрешающей способности установленного оборудования, скорости передачи данных и других факторов, есть основание предполагать возможность появления уже в ближайшее время новых тактических приемов, связанных с использованием дистанционного зондирования Земли в режиме реального времени.

Проблемы применения Osint и Cybint в отечественных условиях связаны, прежде всего, с ограничением доступа ко многим сетевым ресурсам не только регистрацией на сайте, но и вхождением в определенный круг (друзей, единомышленников и т.д.). Следователь (оперативный сотрудник) вынужден использовать либо открытые источники с применением методов OSINT, или направление запроса модератору ресурса, либо получение судебного разрешения на производство определенных ОРМ и последующим взаимодействием с провайдером. Для указанных целей в европейском законодательстве (например, Королевства Испания или ФРГ) используется концепция «служебного вируса» – программ взлома закрытых аккаунтов. Мы полагаем, что ограниченное конкретными условиями, под жестким судебным контролем и допустимое к производству только оперативно-техническими подразделениями ФСБ, подобное действие могло бы иметь существенный эффект и в России.

Как отмечают специалисты, «при поиске информации в интернете в ходе OSINT используются следующие основные элементы: поисковые машины (веб-браузеры), основные запросы пользователей и ключевые слова, гиперссылки интернет-страниц, базы данных, платные и бесплатные онлайн-сервисы, соцсети, люди (пользователи сети). В ходе сбора информации могут использоваться как открытые, так и конфиденциальные источники» [13. С. 13]. В рамках данного вида интеллектуальной разведки деятельность специалистов включает в себя поиск информации, процессы ее очистки, валидации, накопления данных, анализа и обработки информации. Существенно повысить эффективность аналитической работы можно за счет использования и учета не только технических, но и психологических особенностей участников, составления поведенческих профилей.

Применение методов пассивной интеллектуальной разведки (без взаимодействия с целью или ее окруже-

нием) сохраняет в тайне интерес следствия или оперативно-розыскных органов к конкретному лицу, что позволит в дальнейшем, собрав определенный объем информации, максимально использовать фактор внезапности при производстве следственных действий и ОРМ. Пассивно методы, например OSINT, могут применяться с использованием таких программных инструментов, как АПК «Виток-OSINT», Moltego, Shodan, Recon-ng, телеграмм-ботов, и других. Однако необходимо отметить огромный объем «информационного шума», который может вызвать сложности фильтрации.

Результаты применения OSINT в криминалистических целях могут быть использованы, например, для поиска свидетелей, проверки показаний, установления и проверки алиби (в том числе цифрового алиби), выдвижения версий о мотивах содеянного обнаружения в сети следов мошенничества, экстремизма, киберпреступлений. Кроме того, технологии OSINT могут использоваться и в рамках следственного действия. Так, К.Ю. Яковлева указывает на возможность использования подобных технологий в рамках обыска в местах нахождения электронной информации (электронного обыска). Причем, поскольку использоваться будут только открытые источники, применение его не будет требовать судебного санкционирования. К.Ю. Яковлева отмечает, что «сущность данного обыска места нахождения электронной информации с помощью технологии OSINT заключается в следующем: применение элементов указанной технологии выражается в установлении связи данных одного лица, то есть персональных и другие данные, которое само же лицо разместило на разных страницах сети “Интернет”. Такая связь является дополнительной частью достаточных данных для производства обыска (поиска) на нескольких страницах сети “Интернет”» [14. С. 133].

Кроме того, А.А. Бессонов говорит о возможности применения указанных технологий в следующих целях:

- установление людей и связей между ними, включая скрытые и удаленные данные, социальные сети;
- поиск различных объектов и событий по географическим координатам;
- мониторинг закрытых преступных сообществ, форумов и маркетплейсов Даркнета;
- анализ контента социальных сетей и веб-страниц;
- анализ операций с криптовалютами [15. С. 44].

HUMINT как метод интеллектуальной разведки, традиционно полагаясь на интервью и информаторов, теперь интегрируется с большими данными посредством оцифрованных отчетов и анализа с помощью NLP. Кроме того, сам HUMINT начинает переходить в формат сетевого общения. Это может быть понимание «контекста» цифровых взаимодействий, анализ мотивов, скрытых за публичными сообщениями, верификация цифровых данных через нецифровые каналы, понимание групповой динамики в сетевых сообществах. Нужно уметь вызывать доверие, располагать к себе, задавать правильные вопросы. Иногда достаточно просто грамотно «разговорить» человека в онлайн-чате,

чтобы получить ценную информацию. Используя данные о людях и их поведении, аналитики могут глубже понять мотивацию преступников, что, в свою очередь, помогает в разработке стратегий по их задержанию. HUMINT позволяет не только собирать информацию, но и анализировать её с точки зрения человеческих факторов.

Результаты применения методов интеллектуальной разведки в уголовном деле могут отражаться справками, «выгруженными» из определенных открытых баз, заключениями специалистов, ответами на запросы следователя провайдером и модераторами о принадлежности сетевых ресурсов, справками специалиста о результатах применения определенных программ (например, по местонахождению устройства с определенным IP-адресом) и т.д. Эффективным будет использование результатов применения методов интеллектуальной разведки в дополнение к традиционным доказательствам, например для «триангуляции» данных.

Датамайнинг (data mining, DM), или интеллектуальный анализ данных, используется для выстраивания сложных корреляционных взаимосвязей в большом объеме информации. Зарубежные авторы подчеркивают эффективность интеллектуального анализа данных при расследовании преступлений [16–18]. Алгоритмы машинного обучения позволяют выявлять скрытые закономерности в поведении пользователей социальных сетей. Это может помочь в идентификации групп риска или потенциальных преступников.

Одной из самых распространенных систем анализа за рубежом является программное обеспечение «Palantir»¹ от компании Palantir Technologies, выполняющее функции сбора и анализа разнородных данных, генерации на их базе новых данных, прогнозов, оповещений, визуализации событийного ряда.

Как отметил П.С. Пастухов, «Data Mining в уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности – это просев информации, добыча данных, извлечение данных, а также интеллектуальный анализ данных, т.е. “обнаружение знаний в базах данных” криминалистически значимой доказательственной информации. Одно из важнейших назначений методов Data Mining состоит в наглядном представлении результатов вычислений (визуализация), особенно с использованием геоинформационных систем. Такая визуализация, например, местонахождения подозреваемого, позволяет использовать наглядное доказательство по уголовным делам» [19. С. 54]. Интеграция различных источников информации – от онлайн-ресурсов до результатов анализа больших данных – может создать более полную картину преступного события или профиль ее участника. Методы Data Mining могут использоваться для группировки преступлений по признакам, выявления типичных сценариев и построения прогнозов относительно будущих преступных действий или поведения подозреваемых, восстановления хронологии событий, визуализации связей между фигурантами, определения иерархии преступных групп и доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УПК РФ). Для максимальной

эффективности методов DM необходимо аккумулировать в одном цифровом информационном массиве всю стекающуюся органам следствия и дознания информацию, как доказательственного, так и ориентирующего, справочного и иного характера. Вся потенциально криминалистически значимая информация должна быть аппаратно структурирована, обработана с последующей валидацией и интерпретацией специалистами с выделением актуальной криминалистически значимой информации.

Анализ больших данных становится тем самым «двигателем», который перемалывает сырую информацию, выявляет неочевидные связи, подтверждает или опровергает гипотезы, выдвинутые на этапе профилирования. Это позволяет не просто реагировать на уже совершенные преступления, но и работать на упреждение, выявляя потенциальные угрозы и преступные сообщества на ранних стадиях их формирования. Однако следует учитывать, что анализ даже только тех данных, которые находятся в открытом доступе, может привести к установлению информации, которая может носить конфиденциальный характер в силу отнесения к тайне личной жизни, коммерческой тайне, медицинской тайне, информации об усыновлении и т.д. Поэтому особое значение приобретает этичность получения и использования указанной информации, а также обеспечение ее безопасности.

Важнейшими аспектами датацентризма можно назвать также автоматизацию сбора информации, расширения поиска (использование скрытых закономерностей и паттернов), анализ больших данных, использование нейросетей и искусственного интеллекта, активную визуализацию данных (построение социальных графов и т.д.), взаимную интеграцию технологий.

Автоматизация процесса сбора, систематизации и даже, частично, оценки информации, может способствовать повышению всесторонности и объективности исследования информации, снижению коррупциогенных и просто субъективных факторов, повышению скорости обработки информации, повышению глубины и качества извлекаемой криминалистически релевантной информации, одновременно используя различные источники, в том числе и несистематизированной разноплановой информации. Во многом подобная автоматизация поможет избежать ошибок субъективного характера.

Кроме того, можно отметить перспективы использования методов комплексного анализа, при котором повышение эффективности достигается за счёт использования сильных сторон каждого члена команды.

Датацентричные методы должны быть интегрированы в структуру частных криминалистических методик с адаптированными алгоритмами их применения для разных видов преступлений.

Представляется, что основными направлениями воплощения датацентричных методов и средств должны стать:

- 1) построение и оценка вероятности версий с использованием автоматизированных технологий;
- 2) определение приоритетов расследования;
- 3) выявление потенциальных свидетелей;
- 4) предотвращение преступлений.

Среди преимуществ внедрения датацентричных подходов можно отметить: повышение эффективности и оперативности расследования; снижение ошибок субъективного характера; возникновение новых источников информации; гибкость и адаптивность, позволяющие быстро приспособиться, адаптировать методы анализа к новым условиям.

Во многом данные, полученные с использованием датацентрического подхода, позволяют прогнозировать поведение тех же подозреваемых, например, с использованием предлагаемой нами концепции «цифровых двойников». Под цифровым двойником преступника мы понимаем цифровую виртуальную модель злоумышленника или преступной группы, отражающую его основные характеристики и дающие возможность на базе известной следствию информации предположить определенную, подлежащую установлению информацию, а также действия злоумышленников. Д.А. Свиридов указывает, что «на основании массива собранных цифровых следов современные алгоритмизированные системы имеют возможность, отсеивая информационный шум, создать так называемый пузырь фильтров – эксклюзивную версию виртуального пространства человека» [20. С. 262]. Фактически подобный пузырь фильтров может использоваться и при моделировании предлагаемого нами цифрового двойника преступника.

Применение датацентрического подхода может способствовать выявлению корреляционных связей между людьми, явлениями и событиями. При этом представляется, что новые методы и технологии только при комплексном применении могут дать синергетический эффект повышения эффективности расследования.

Конечно, датацентризм снижает классические тактические риски в следственных действиях, однако можно отметить наличие некоторых факторов риска самого датацентристского подхода. Кроме того, можно отметить и некоторые сложности и проблемы использования и датацентризма:

Во-первых, сложность и вопросы доступности технологий приводят к цифровому неравенству следственных органов регионов. Не секрет, что техническая оснащенность, например, Следственного комитета в Москве и на окраинах Саратовской области существенно отличается.

Во-вторых, получение и обработка больших массивов информации могут выявить ошибки алгоритмов, неверные паттерны получаемых данных.

В-третьих, безусловно, поднимаются вопросы о конфиденциальности информации, этичности её получения и обработки, так как можно отметить, что из информации, которую человек не имеет намерения скрывать, вполне могут быть сделаны выводы, которые человек не хотел бы делать публично известными и публично доступными. Тот же анализ больших данных часто характеризуется непрямой корреляцией исследуемой информации, выводов. Связаны между собой могут быть факторы, находящиеся полностью в разных плоскостях. Так, американский исследователь Сет Стивенс-Давидовиц обнаружил корреляцию запросов

в Google с увеличением уровня безработицы. Причем, как это ни странно, максимально увеличиваются запросы, связанные не с трудоустройством и биржами труда, а именно запросы на порносайты «в связи с увеличивающимся количеством свободного времени и снижением уровня усталости» [21. С. 97].

В-четвертых, непрозрачность алгоритмов работы нейросетей может увеличить риски ошибок машинного обучения или программных алгоритмов, а также отразить предубеждение программистов.

В-пятых, важной проблемой могут стать сложности с интерпретацией и интеграцией данных. Следователи не обладают достаточным опытом для интерпретации полученных данных и использования в расследовании. Следует также отметить сложность обучения и подготовки специалистов в данной сфере. К сожалению, сейчас учебные курсы подготовки, связанные с изучением указанных выше средств и методов, крайне редко имеют место или практически отсутствуют в программах не только гражданских, но и ведомственных вузов систем МВД и СКР, не говоря уже о гражданских вузах. Поэтому представляется крайне необходимым дополнение учебных программ специалитета или дополнительного профессионального образования данными курсами. До действующих следователей спектр возможностей рассматриваемого подхода может быть доведён в рамках периодического повышения квалификации.

Важнейшей проблемой могут стать и киберугрозы – использование сетевых электронных инструментов в рамках датацентризма повышает опасность кибератак, утечек информации. Это характеризует насущную необходимость принятия дополнительных мер по защите информации.

Таким образом, применение идей датацентризма в следственной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений может существенно повысить эффективность расследования путём максимизации перевода потенциальной криминалистической значимой информации в актуальную. Безусловно, эту информацию можно использовать прежде всего в ориентирующих целях. Однако она приобретает доказательное значение, будучи подтверждена результатами следственных действий, основанных на ней. Кроме того, заслуживает особого внимания предложение О.А. Зайцева о переходе с доказательств документов на доказательства данных [1. С. 766].

Важной задачей реализуемой в рамках датацентрической концепции расследования является обеспечение создания инфраструктуры, которая бы предусматривала эффективный доступ к данным как руководителей и конкретных исследователей, так и аналитиков, технических специалистов и иных задействованных лиц, при сохранении предусмотренных законом ограничений на распространение информации, связанной со следственной и иными видами тайны. Выходом из подобной ситуации видится использование платформенной концепции, организованной по блочно-модульному принципу с различными уровнями (кругами) доступа. Цифровые платформы фактически станут «нервной системой» датацентричной криминалистики.

Для обеспечения повышения безопасности и коллаборации различных правоохранительных структур в противодействии преступной деятельности можно определить облачную форму хранения информации. О необходимости перевода информации правоохранительных структур в облачную среду уже ранее поднимался вопрос на официальном уровне. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 01 ноября 2013 № 2036-р., в рамках приоритетных с точки зрения и информационной безопасности направлений исследований и разработок в области информационных технологий называет стимулирование циркуляции данных «облачных»

сервисов внутри страны². Применение облачных вычислительных платформ предусмотрено и Концепцией цифровой трансформации органов прокуратуры в виде перевода «информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры в создаваемую государственную единую облачную платформу с обеспечением хранения и обработки в ней всей создаваемой информации»³. Облачная платформа даст возможность одновременной работы нескольких пользователей с одной информацией. При этом повышение безопасности обеспечивается дроблением единого информационного объекта на множество частей и размещением их на различных серверах. При этом взлом одного сервера даст доступ только к одному элементу объекта, который изолированно даже не сможет быть прочитан.

Примечания

¹ Palantir. URL: <https://www.palantir.com/>

² Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 01 ноября 2013 № 2036-р. // Собрание законодательства РФ. 18.11.2013. № 46. Ст. 5954.

³ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/> (дата обращения 02.07.2024).

Список источников

1. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.
2. Введенская О.Ю. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 200 с.
3. Вехов В.Б., Смушкин А.Б. Об информационной емкости криминалистических объектов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2 (40). С. 39–48.
4. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.
5. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 208 с.
6. Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 202 с.
7. Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 201 с.
8. Агibalов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2010. 198 с.
9. Цифровая криминалистика : учеб. для вузов / В.Б. Вехов [и др.] ; под редакцией В.Б. Вехова, С.В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 490 с.
10. Смушкин А.Б. Концептуальные основы частной теории электронной цифровой криминалистики (частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) / под общ. ред. В.Б. Вехова. М. : РУСАЙНС, 2022. 222 с.
11. Островский О.А. Киберкриминалистика в цифровую эпоху: вызовы и перспективы развития // Юридическая гносеология. 2024. № 5. С. 106–114.
12. Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М., 2007. 360 с.
13. Агафонов Е.П. Особенности использования OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : сб. материалов конф., Воронеж, 28 мая 2023 г. Воронеж : Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 13–18.
14. Яковлева К.Ю. Использование технологии OSINT в ходе обыска места нахождения электронной информации // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2023. № 11. С. 131–136.
15. Бессонов А.А. Использование в раскрытии преступлений информации из открытых источников информации (OSINT) // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: Межведомственная научно-практическая конференция, 16 сентября 2022 г. : сб. науч. тр. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 40–45.
16. Keyvanpour M.R., Javideh M., Ebrahimi M.R. Detecting and investigating crime by means of data mining: a general crime matching framework // Procedia Computer Science. 2011. Vol. 3. P. 872–880.
17. Ozkan K. Managing data mining at digital crime investigation // Forensic Science International. 2004. Vol. 146, Supplement. P. S37–S38.
18. Deepa D. Shankar, Adresya Suresh Azhakath, Nesma Khalil, Sajeev J., Mahalakshmi T., Sheeba K. Data mining for cyber biosecurity risk management – A comprehensive review // Computers & Security. 2024. Vol. 137. Art. No. 103627.
19. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2018. 248 с.
20. Свиридов Д. А. Цифровой след и его значение в практике расследования преступлений // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев : Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2023. С. 260–263.
21. Стивенс-Давидовиц Сет. Все лгут. Поисковики, Big data и Интернет знают о вас все / [пер. с англ. Л.И. Степановой]. М. : Эксмо, 2020. 480 с.

References

1. Zaytsev, O.A. & Pastukhov, P.S. (2019) Formirovanie novoy strategii rassledovaniya prestupleniy v epokhu tsifrovoy transformatsii [Formation of a New Strategy for Crime Investigation in the Era of Digital Transformation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 46. pp. 752–777.
2. Vvedenskaya, O.Yu. (2022) *Osobennosti predvaritel'nogo i pervonachal'nogo etapov rassledovaniya nezakonnogo sbyta narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy* [Features of the Preliminary and Initial Stages of Investigating the Illegal Sale of Narcotic Drugs Using Information and Telecommunication Technologies]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
3. Vekhov, V.B. & Smushkin, A.B. (2023) Ob informatsionnoy emkosti kriminalisticheskikh ob'ektov [On the Information Capacity of Forensic Objects]. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 2 (40). pp. 39–48.
4. Meshcheryakov, V.A. (2001) *Osnovy metodiki rassledovaniya prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii* [Fundamentals of the Methodology for Investigating Crimes in the Sphere of Computer Information]. Law Dr. Diss. Voronezh.
5. Milashev, V.A. (2004) *Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuternoy informatsii v setyakh EVM* [Problems of Tactics for Searching, Fixing and Seizing Traces in Cases of Unauthorized Access to Computer Information in Computer Networks]. Law Cand. Diss. Moscow.
6. Krasnova, L.B. (2005) *Komp'yuternye ob'ekty v ugovolnom protsesse i kriminalistike* [Computer Objects in Criminal Procedure and Forensics]. Law Cand. Diss. Voronezh.
7. Lytkin, N.N. (2007) *Ispol'zovanie komp'yuterno-tekhnicheskikh sledov v rassledovanii prestupleniy protiv sobstvennosti* [The Use of Computer-Technical Traces in the Investigation of Crimes Against Property]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Agibalov, V.Yu. (2010) *Virtual'nye sledy v kriminalistike i ugovolnom protsesse* [Virtual Traces in Forensics and Criminal Procedure]. Law Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.
9. Vekhov, V.B. & Zuev, S.V. (eds) (2024) *Tsifrovaya kriminalistika* [Digital Forensics]. 2nd edition. Moscow: Yurayt.
10. Smushkin, A.B. (2022) *Kontseptual'nye osnovy chastnoy teorii elektronnoy tsifrovoy kriminalistiki (chastnoy teorii sobiraniya, issledovaniya i ispol'zovaniya elektronnoy tsifrovoy informatsii i informatsionno-tekhnologicheskikh ustroystv)* [Conceptual Foundations of the Private Theory of Electronic Digital Forensics (Private Theory of Collecting, Researching and Using Electronic Digital Information and Information Technology Devices)]. Moscow: Rusayns.
11. Ostrovskiy, O.A. (2024) Kiberkriminalistika v tsifrovuyu epokhu: vyzovy i perspektivy razvitiya [Cyber Forensics in the Digital Age: Challenges and Development Prospects]. *Yuridicheskaya gnoseologiya*. 5. pp. 106–114.
12. Fedotov, N.N. (2007) *Forensika – komp'yuternaya kriminalistika* [Forensics – Computer Crime Investigation]. Moscow.
13. Agafonov, E.P. (2023) [Features of Using OSINT in Crime Detection and Investigation]. *Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestupleniy* [Crime in the CIS: Problems of Crime Prevention and Detection]. Conference Proceedings. Voronezh. 28 May 2023. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 13–18. (In Russian).
14. Yakovleva, K.Yu. (2023) Ispol'zovanie tekhnologii OSINT v khode obyska mesta nakhozhdeniya elektronnoy informatsii [The Use of OSINT Technology During the Search of the Location of Electronic Information]. *Problemy pravovoy i tekhnicheskoy zashchity informatsii*. 11. pp. 131–136.
15. Bessonov, A.A. (2022) [The Use of Open Source Intelligence (OSINT) in Crime Detection]. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Current Issues in the Theory and Practice of Operational-Search Activity]. Proceedings of the Interdepartmental Conference. 16 September 2022. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 40–45. (In Russian).
16. Keyvanpour, M.R., Javideh, M. & Ebrahimi, M.R. (2011) Detecting and investigating crime by means of data mining: a general crime matching framework. *Procedia Computer Science*. 3. pp. 872–880.
17. Ozkan, K. (2004) Managing data mining at digital crime investigation. *Forensic Science International*. 146 (Supplement). pp. S37–S38.
18. Shankar, D.D. et al. (2024) Data mining for cyber biosecurity risk management – A comprehensive review. *Computers & Security*. 137. Art. No. 103627.
19. Zuev, S.V. (ed.) (2018) *Razvitie informatsionnykh tekhnologiy v ugovolnom sudoproizvodstve* [Development of Information Technologies in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
20. Sviridov, D.A. (2023) [The Digital Footprint and Its Significance in Crime Investigation Practice]. *Pravovaya kul'tura v sovremenom obshchestve* [Legal Culture in Modern Society]. Proceedings of the VI International Conference. Mogilev. 19 May 2023. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. pp. 260–263. (In Russian).
21. Stephens-Davidowitz, S. (2020) *Vse lgut. Poiskoviki, Big data i Internet znayut o vas vse* [Everybody Lies: Big Data, New Data, and What the Internet Can Tell Us About Who We Really Are]. Translated from English by L.I. Stepanova. Moscow: Eksmo.

Информация об авторе:

Смушкин А.Б. – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: Skif32@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), leading research fellow, associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.